ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1880 г.

стр.

I. ПРЕДАНІЯ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ: — 1. О татарахъ. — 2. О Грозномъ.—3. О Разинѣ.—4. О Пугачевѣ. **Н. Я. Аристова** 5

II. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: — 3. П. П. Гулакъ-Артемовскій. — 4. К. Д. Думитрашковъ.—5. В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко. (Окончаніе). **Н. И. Петрова** 25

III. Н. И. ПИРОГОВЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ. **Ѳ. И. Булгакова** . 58

IV. УСПѢХИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ ВЪ РОССІИ (1855—1880 г.) **В. Н. Майнова** 70

V. КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА А. ЗАМОЙСКАГО. **Н. В. Берга** . . 97

VI. ОТНОШЕНІЯ КИТАЯ КЪ РОССІИ. **Д. И. Завалишина** . . 110

VII. ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ: — 1. Тяжелая година въ жизни Тамбовскаго духовенства. — 2. Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка. **И. И. Дубасова** 120

VIII. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДРАМАТУРГОВЪ и БЕЛЛЕТРИСТОВЪ. **А. Г. Брикнера** 146

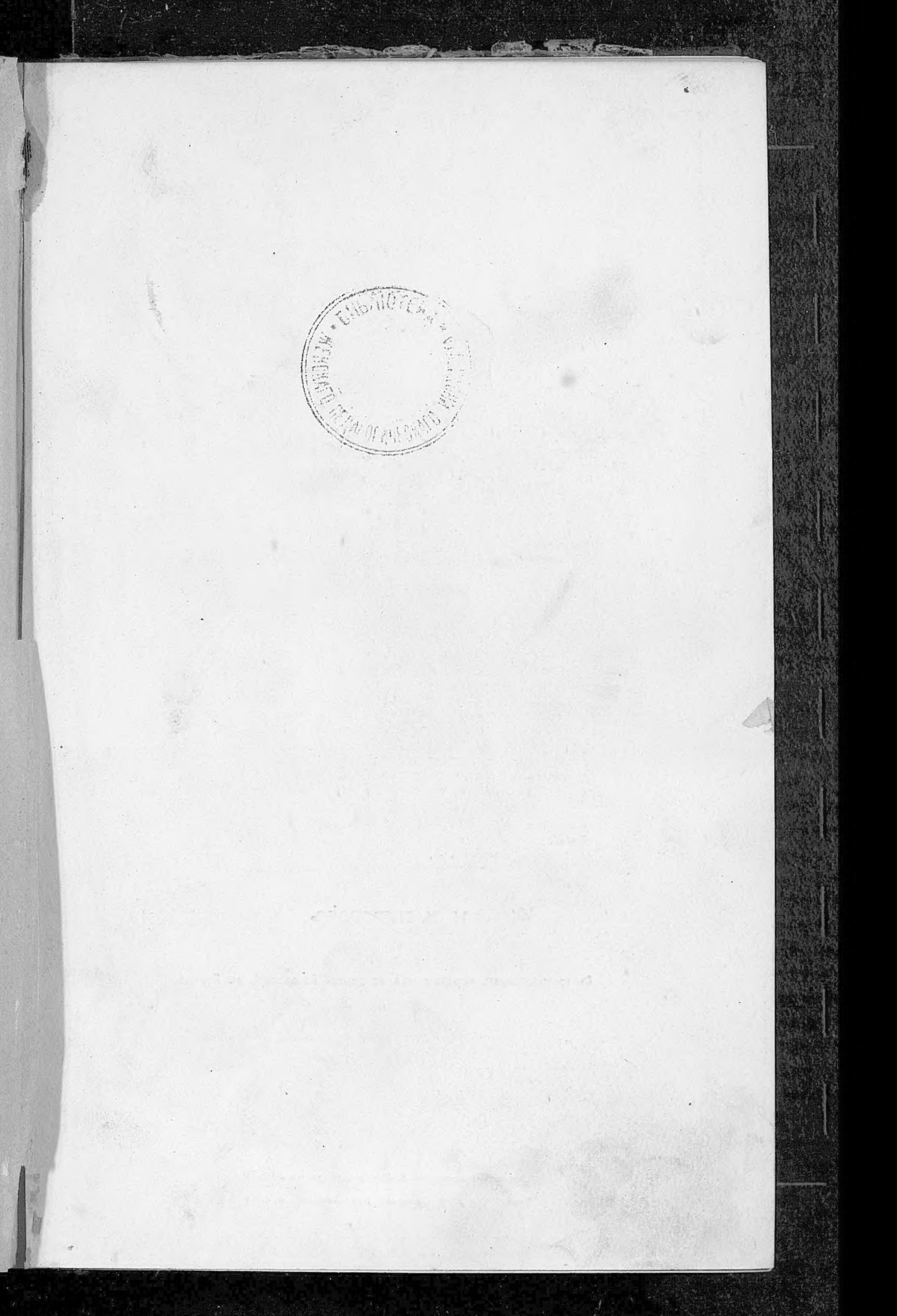
IX. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ. Франція.—Эпоха революціи. **Иф....ла** 159

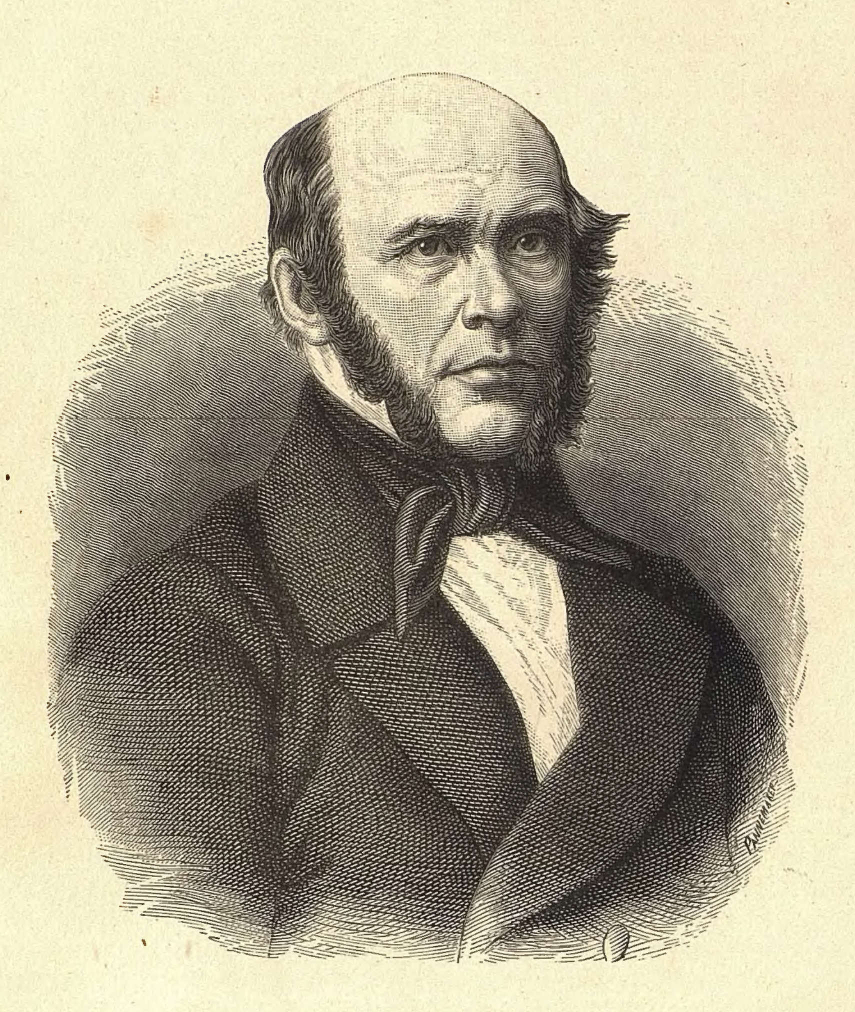
X. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1. Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ 2 томахъ. Съ рисунками. 1880. **Ѳ. Б.** — 2. Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Отчетъ главноуполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. I. 1880. **Ѳ. Б.**—3. Дѣятельность Археографической коммисіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880. Дѣятельность общества любителей древней письменности. Спб. 1880. **Ѳ. Б.**—4. Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880. **А. М.**—5. Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціею В. Ѳ. Корша. Спб. 1880. Выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480). **Ор. Миллера.**—6. Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. **Ор. Миллера.**—7. Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію. И. Бѣлоруссова. Воронежъ. 1880. **А. С—скаго.**—8. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Кіевъ. 1880. **А. С—скаго.**—9. В. И. Немировича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880. **Ѳ. Б.** 176

XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Письма графа Сегюра къ Потемкину. Сообщены **П. Я. Дашковымъ.** — Апокрифическое стихотвореніе. Сообщено **П. П. Каратыгинымъ.** 193

XII. СМѢСЬ: Китайскій Бисмаркъ. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Липецкихъ минеральныхъ водъ.—Языкъ и литература современныхъ болгаръ. — Армянская историческая литература.—Владимірская эпархіальная библіотека. — Изданіе словацкихъ народныхъ пѣсенъ.—Внутреннее убранство будущаго историческаго музея въ Москвѣ.—Преображенскій дворецъ. — Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи.—Новый опытъ евангельской хронологіи. — Оригинальная резолюція. — Столѣтіе Казанской губерніи 200

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. **К. Френцеля.** Окончаніе I части и часть II Главы I—II. 2) Портретъ **Н. И. Пирогова.**


БИБЛИОТЕКА



Н. И. ПИРОГОВЪ.

Съ гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Іюня 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III

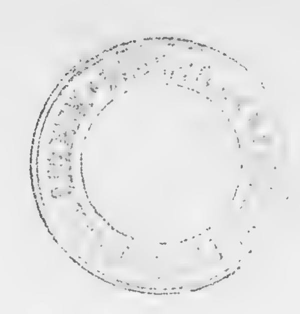
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

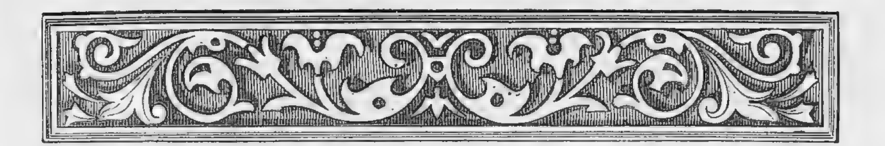
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ III

1880



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880



ПРЕДАНІЯ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ.

Много у насъ издано пѣсенъ, даже самыхъ ничтожныхъ и безсмысленныхъ, довольно также былинъ и духовныхъ стиховъ съ пустѣйшими варіантами и объясненіями; но нѣтъ ни одного сборника народныхъ преданій, которыя имѣютъ громадное значеніе для исторіи и этнографіи русской. Не разъ я выяснялъ силу и значеніе народныхъ преданій [1]) и давно напрасно ожидаю изданія сборника разсказовъ изъ разныхъ мѣстностей объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Въ настоящее время безъ всякихъ разглагольствій сообщаю нѣсколько историческихъ преданій, которыя мнѣ удалось записать лично, и сопоставляю ихъ съ другими разсказами, уже извѣстными, и съ данными историческими.

1) О татарахъ.

Какъ туча саранчи, по мѣткому выраженію лѣтописи, (яко прузи), налетѣла на Россію толпа татаръ въ 500 или болѣе тысячъ,— и всеобщій ужасъ охватилъ ея сыновъ, не видавшихъ такого страшнаго и многочисленнаго врага. Хотя и русскіе не отличались особенной жалостью въ войнахъ, но ихъ поразила безпощадная бойня азіатскихъ варваровъ, не разбиравшихъ ни пола, ни возраста, рубившихъ населеніе „отъ старца и до ссущаго младенца"; такой свирѣпости „не было ни отъ крещенья"; татары людей сѣкли, „аки траву". Лѣтописныя картины о нашествіи татаръ совпадаютъ съ изображе-

[1]) Преданія о разбойникахъ. Сѣверн. Сіяніе 1864 г. Преданія о кладахъ. Зап. Геогр. общ. 1871 г. Т. I. Преданія о мѣстныхъ святыняхъ, Древ. и Нов. Рос. 1875 г. Т. II.

ніями народныхъ былинъ и пѣсенъ; въ былинѣ о Калинѣ царѣ-который бралъ г. Кіевъ, видны тѣже черты лѣтописныя:

Когда подымался злой Калинъ царь
Ко стольному городу ко Кіеву
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за 7 верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на 100 верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ она не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенымъ живымъ быть.
(Древн. рос. стих. 242—3).

Въ южной лѣтописи изображается осада Кіева подобными же красками: „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ,—и небѣ слышати отъ гласа скрыпанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его, и ржанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля [1]) руская ратныхъ“. (Ипат. 177).

Татары при нашествіи на Россію забирали всюду пожитки и отправляли въ плѣнъ по выбору лучшее здоровое населеніе. Лѣтопись сообщаетъ постоянно одно и тоже: градъ и церкви святыя огневи предаша, и монастыри всѣ и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша... А что чернець уныхъ и черницъ и поповъ и попадій, и діаконы и жены ихъ и дчери и сыны ихъ, то все везоша въ станы своѣ, овы же ведуще босы и безъ покровенъ, издыхающа мразомъ. И бѣ видѣти страхъ и трепетъ, и колебанье и бѣда, яко на хрестьянскѣ родѣ распространися“. (Лавр. 196—198).

Въ колыбельныхъ пѣсняхъ, навѣрно сложившихся еще въ эпоху порабощенья Россіи, высказываются тѣже черты грабежа имущества и плѣна, которыми сопровождалось татарское нашествіе.

Спи—усни, мое дитятко!
Твоя матушка—полоняночка,
Твой батюшка—полоняночекъ.
Злы татары набѣгали,

---

[1]) Нагнано тутъ силы татарскія,
Что мать сыра земля колеблется,
Колеблется земля, погибается,
Померкло солнышко красное
Отъ того отъ пару отъ татарскаго.
(Пѣсни Рыбникова I, 103).

Домы—теремы сжигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили;
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой ли матушкой,
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего ли батюшку родимаго....

На горѣ, на горѣ да крутой
Огни горятъ да все свѣтлые;
На тѣхъ огняхъ на свѣтлыхъ
Котлы кипятъ да кипучіе,
Вокругъ огней да свѣтлыхъ
Сидятъ татары да все злые.
Сидятъ, дѣлятъ да все животы
Твоего отца да родимаго...
(Пѣсни Шейна 70—73).

При нашествіи татаръ у сильныхъ могучихъ богатырей русскихъ „сердце пріужахнулось", сами стихіи не въ состояніи были сладить съ азіатской ордой; а народъ русскій отъ страха пустился въ бѣгство: „Тогды бѣ пополохъ золъ по всей земли, и сами невѣдяху, игдѣ хто бѣжить" (Лавр. 201).

Грозное нашествіе татаръ на Россію оставило слѣды не въ однѣхъ сказаніяхъ историческихъ и въ пѣсняхъ, но и въ народныхъ преданіяхъ, которыя доселѣ сообщаются нерѣдко со всей свѣжестью эпической. Нѣтъ сомнѣнія, что эти преданія сложились и бродили въ русскомъ народѣ издавна, по крайней мѣрѣ указанія на нихъ существуютъ съ половины XIII стол. (Изв. Акад. X, 192—3). Не смотря на отдаленность времени, и теперь въ мѣстностяхъ, которыя испытали свирѣпую и безпощадную силу татарскую, съ горькимъ отчаяннымъ чувствомъ передаются разсказы отъ отца къ сыну объ ужасномъ наводненіи страны азіатскими варварами.

Не вода въ города понахлынула,
Злы татары понаѣхали;
Какъ меня молоду во полонъ берутъ.
Ахъ ты батюшка, выкупай меня!
(Чт. общ. Ист. 1877 г. III, 22).

Въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ, первыхъ подвергшихся натиску татаръ, разсказываютъ крестьяне, что когда-то давно прошелъ по русской землѣ страшный воитель Батей и на пути вырубилъ все православное населеніе; онъ никому не давалъ пощады, ни старику хилому, ни безпомощному малюткѣ, сжегъ по дорогѣ всякое жилье человѣческое, истребилъ всѣ лѣса и травы на сто верстъ въ ширину, а въ длину—на сквозь всей русской земли. Гдѣ шли его полчища многочисленныя, какъ муравьи, тамъ не осталось

ни одного звѣря, ни одной птицы да и рыба вся подохла въ рѣкахъ; одна лежала черная земля и та вся избита конскими копытами, а не заростала она сто годовъ. Съ той поры противъ этой широкой тропы земной, гдѣ шелъ Батей, и на небѣ выступило знаменіе въ видѣ бѣлой полосы, которую зовутъ Батевой дорогой, т. е. крестьяне считаютъ, что млечный путь образовался на небѣ со времени нашествія Батыя на Россію, въ память страшнаго бѣдствія, и лежитъ въ томъ же направленіи, въ какомъ двигался свирѣпый завоеватель въ нашей странѣ.

Сочувствіе природы къ бѣдствіямъ русскихъ людей, во время нападенія Батыя, изображается самыми поэтическими чертами и въ преданіяхъ народа и въ былинахъ. Чтобы не допустить татаръ къ г. Кіеву, рветъ мосты, перевозы и переправы быстрый Днѣпръ, но скоро выбился изъ силъ и помутился, видя гибель народа православнаго. Мать земля сырая хотѣла погнуться и поколебаться подъ силой татарской, но за грѣхи людскіе осталась спокойной, хотя тоже испытывала опустошеніе и бѣдствія. Какъ при пораженіи князя Игоря Сѣверскаго „уныша градомъ забралы, а веселіе пониче"; такъ и при взятіи Кіева Батыемъ мать стѣна городовая въ видѣ красной дѣвицы горько плакала,—„она вѣдала невзгодушку великую" (Пѣсни Рыбникова I, 174); тамъ отъ духу отъ татарскаго не можно было крещенымъ живымъ оставаться, а по сказанію Тамбовскому при нашествіи татаръ разбѣжались звѣри, разлетѣлись птицы, подохла рыба и земля лишилась на сто лѣтъ производительной силы.

О страшномъ опустошеніи земли Рязанской Батыемъ историческая повѣсть выражается согласно съ народнымъ преданіемъ. „Погибе градъ и земля Рязанская, измѣнися доброта ея, и не бѣ что въ ней благо видѣти, токмо дымъ и земля и пепелъ"... Встрѣтивъ отпоръ Рязанцевъ, Батый „нача воевати Рязанскую землю, веля бити и сѣчи безъ милости... Іереи и черноризца до останка изсѣкоша, и храмы божіи разориша и во святыхъ алтаряхъ много крови проліяша"... (Свѣд. о малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго, 89. Прилож. къ Запис. Акад. XI, № 2).

Въ письменныхъ памятникахъ рѣзко изображена картина страшнаго нашествія татарскаго на Рязанскую землю. „Господь отъ насъ силу отня, а недоумѣніе и грозу, и страхъ и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша. И поглощена бысть премудрость могущихъ строити ратныя дѣла и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася". Татары, завязывая назадъ руки, въ огонь бросали людей", и груди вырѣзываху, и жолчь вымаху, а съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти біяху. Всеволодъ Пронскій и многіе князи мѣстные и воеводы крѣпкія, и воинства удальцы и рѣзвецы—узорочье и воспитаніе рязанское—вси равно умроша, и едину чашу смертную испиша, ни единъ отъ нихъ возвратися вспять". (Тамъ же 78—9 84—6).

Когда Батый хозяйничалъ въ Рязанской области, по преданію, онъ дошолъ до такой дерзости, что „нача просити у князей дщерей и сестеръ ихъ себѣ на ложе“. Одинъ изъ лукавыхъ вельможъ сказалъ завоевателю о красавицѣ Евпраксіѣ, женѣ князя Ѳедора и онъ убилъ ея супруга, а тѣло его валялось на р. Воронежѣ, потомъ прибрано было вѣрнымъ человѣкомъ, который принесъ вѣсть княгинѣ о гибели ея мужа. Евпраксія въ это время стояла въ высокомъ теремѣ и на бѣлыхъ рукахъ держала любимаго своего сына Ивана, названнаго Постникомъ, потому что онъ по постнымъ днямъ не бралъ груди материнской. Она высматривала ласковаго и любимаго своего супруга, „да скоро видитъ его въ радости“. Вдругъ получаетъ вѣсть, что князь „любви ея ради и красоты отъ Батыя убіенъ бысть“; тогда она вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ высоты на землю и заразилась до смерти; по этому и городъ Зарайскъ получилъ свое названіе Заразскъ. И вотъ принесено было тѣло князя Ѳедора, погребено съ княгиней и сыномъ Иваномъ Постникомъ, и поставили надъ ними кресты каменные. (Ист. Гос. Рос. III, пр. 357. Опис. Рум. Муз. 325. О неизв. пам. Срезневскаго 80, 82, 90).

Пошелъ Батый отъ р. Воронежа далѣе къ Рязанской области, но тамъ на р. Окѣ святыня Господня обуздала его безпощадный нравъ: онъ приступилъ къ одному монастырю, и тотчасъ ослѣпъ, а когда поклонился св. иконѣ до земли и просилъ прощенія, снова прозрѣлъ.

Такіе разсказы я слышалъ въ дѣтствѣ отъ крестьянина Ивана Климова Волчинскаго въ с. Стеньшинѣ Липецкаго у. Тамбовской губ. верстахъ въ 10 отъ р. Воронежа. Эти преданія о Батыѣ издавна ходили и по Рязанской области и занесены въ письменные памятники. Амвросій, въ „Исторіи Россійской Іерархіи“ сообщаетъ преданіе, сохранившееся въ Богословскомъ монастырѣ, (недалеко отъ устья р. Прони, впадающей въ Оку, въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ Рязани, Пронскаго уѣзда), какъ Батый, во время опустошенія Россіи, пораженъ былъ ужасомъ около этого монастыря и, вмѣсто разоренія обители, снабдилъ ее своими сокровищами, и послѣ показывалъ уваженіе религіи христіанской. Особенно замѣчательно для знатоковъ старины русской, что это преданіе зашло, какъ несомнѣнное, въ официальные акты и служило опорой уваженія мѣстной святыни Богословскаго монастыря.

Разсказываютъ, что Батый подарилъ въ этотъ монастырь золотую печать, которую взялъ архіепископъ рязанскій Михаилъ въ 1653 году и положилъ въ городскомъ соборѣ, изъ боязни, какъ бы, мордовскіе разбойники не похитили старинной драгоцѣнности. Спустя нѣсколько лѣтъ, духовныя лица поступили такъ же, какъ сдѣлала бы мордва, именно: печать Батыя употребили на позолоту водосвятной части и другихъ утварей соборнаго храма (Ист. Гос. Рос. III, пр. 360). Что дѣйствительно есть въ преданіи основа историческая, объ этомъ

говоритъ документъ, составленный основательными лицами. Въ патріаршей грамотѣ 1692 г. находится прямое указаніе на народный разсказъ; въ ней говорится такимъ образомъ: „Бывъ оный Батый, христіанскаго рода несносный врагъ, въ предѣлахъ рязанскихъ, явленіемъ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, пріиде отъ дерзномышленнаго своего суровства въ пристрашіе, и прибѣгши въ обитель къ пречестному и св. образу, приложилъ гербъ и печать свою златую,—и тѣмъ его святымъ явленіемъ починися преславному жительству многонадежное и безбѣдное отъ нихъ враговъ защищеніе. О томъ чудномъ произшествіи, открывшемся заступленіемъ всехвальнаго наперстника Господня, и до нынѣ сіе во всемъ народѣ явлено извѣствуется". (Ист. рос. іер. III, 396—7).

Это преданіе сложилось позже нашествія Батыя на Рязанскую землю, можетъ быть, въ то время, когда ханы стали давать большія льготы монастырямъ и духовенству. Извѣстно по лѣтописнымъ даннымъ, что взятіе Пронска и Рязанской области татарами отличалось особенной жестокостью на первыхъ порахъ, чтобы внушить страхъ въ русскомъ населеніи, чего и достигли завоеватели.

Много характеристическихъ преданій, особенно въ Рязанской землѣ, сохранилось о нападеніе Батыя на этотъ край. Одинъ изъ рязанскихъ вельможъ, Евпатій Коловратъ, бывшій въ Черниговѣ во время нахожденія татаръ, пригналъ въ землю рязанскую съ малой дружиной и увидѣлъ грады разоренные, людей побитыхъ. Собралъ онъ тогда 1700 человѣкъ воиновъ, нагналъ Батыя въ землѣ Суздальской, напалъ неожиданно на станы его, сталъ рубить и колоть силу татарскую. Самъ Батый струсилъ и татары думали, что оживѣли мертвецы русскіе, которые побиты были раньше ими; но взятые въ плѣнъ 5 воиновъ разъяснили, что они отъ полка Евпатіева, пришли честно проводить сильнаго царя и воздать почести, только не успѣли наливать чары на великую силу—рать татарскую. Тавrулъ похвалился предъ Батыемъ взять живьемъ Коловрата, но тотъ наскочилъ на него и разсѣкъ его пополамъ; начали тутъ рубить татаръ, кого до плечь, а кого до сѣдла. И наконецъ самъ Евпатій съ своею малою дружиною легъ костьми на полѣ. Такъ богатыри рязанскіе, „чудища, а не людища", по выраженію лѣтописному, „крѣпкіе удальцы лежаша на землѣ пустѣ, на травѣ ковылѣ, снѣгомъ и ледомъ померзаша". (О малоизв. памятн. 86—88).

Въ лѣтописи читаемъ: „На зиму 1237 года придоша отъ восточные страны на Рязанскую землю лѣсомъ безбожніи татари, и почаша воевати, и плѣноваху и до Пронска. Поплѣнивше Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша, ихъ же емше (въ плѣнъ), овы растинахуть, другія же стрѣлами растрѣляху въ ня, а они опакы руцѣ связывахуть. Много же св. церквей огневи предаша, и монастырѣ и села пожгоша имѣнья не мало обою страну взяша"... Князя Юрья привели изъ Рязани нальсти къ г. Пронску, гдѣ

находилась его супруга; княгиню его тоже вывели изъ крѣпости лъстію (обманомъ), убили ихъ вмѣстѣ съ мужемъ „и всю землю избиша, и не пощадеша отрочатъ до ссущихъ млека". (Лавр. 196. Ипат. 175). При такихъ страшныхъ явленіяхъ, не могло зародиться благодушное преданіе въ Богословскомъ монастырѣ объ уваженіи Батыя къ русской святынѣ; очевидно, оно возникло въ другую пору и вотъ на какомъ историческомъ основаніи.

Татары до принятія ислама отличались рѣдкой вѣротерпимостью и уваженіемъ къ русскимъ духовнымъ лицамъ, какъ пишетъ ярлыкъ Узбека 1313 г. „тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. (Собр. гос. грам. II, № 7). Послѣ первопачальнаго звѣрскаго опустошенія Россіи и истребленія святынь, трудно было объяснить нашимъ предкамъ перемѣну въ характерѣ татаръ и снисходительное отношеніе ихъ къ православнымъ храмамъ и духовенству. Поэтому они съ своей точки зрѣнія всю смягчающую силу и благое вліяніе на азіатскихъ варваровъ приписали своимъ святынямъ, которыя чудодѣйствованнымъ образомъ укрощали сердце свирѣпыхъ завоевателей. Такому воззрѣнію обязаны своимъ происхожденіемъ многіе лѣтописные разсказы и устныя преданія, къ которымъ относится и Пронское.

Особенно поэтическимъ характеромъ и прихотливой изобрѣтательностью отличается Нижегородское сказаніе о нашествіи татаръ, которое изукрашено фантазіей раскольниковъ. Тамъ существуетъ преданіе о подземномъ городѣ Китежѣ, который будто бы скрылся въ землю при осадѣ его азіатами во время нашествія Батыя. Сказанія народныя сообщаютъ, что городъ Большой Китежъ построилъ князь Псковскій Георгій въ Макарьевскомъ у. на берегу озера Свѣтлояра и поселился въ немъ; а Малый Китежъ (Городецъ) былъ раньше устроенъ съ укрѣпленіемъ. Недолго жилъ князь Георгій въ Китежѣ и отправился въ свой родной городъ Псковъ; однако грозное татарское нашествіе вызвало его оттуда на защиту русской земли. Собравъ войско, онъ хотѣлъ остановить полчища Батыя на берегу Волги, но былъ разбитъ, убѣжалъ и заперся въ Маломъ Китежѣ. Когда же ясно стало, что Батыева сила, обложившая этотъ городокъ, скоро можетъ взять его, Георгій удалился съ горстью избраннаго войска въ Большой Китежъ; татары прислѣдовали его, и только подошли къ городу,—онъ скрылся подъ землей и сдѣлался невидимъ. Такъ и недостался въ руки невѣрныхъ благочестивый городъ! Этотъ чудный городъ до селѣ стоитъ невидимъ со всѣми церквами и монастырями, населеніе въ немъ живетъ старинной жизнью благочестивою; въ опредѣленные часы дня раздается звонъ колоколовъ, который слышатъ избранные, сидя на берегу озера. Прежніе жители города, умирая постепенно, пополняются приходящими благочестивыми людьми: кто желаетъ поселиться въ Китежѣ, тотъ долженъ оставить домъ свой, отца, мать и жену, братьевъ и сестеръ, родныхъ

и знакомыхъ и идти по Батыевой дорогѣ, неоглядываясь по сторонамъ. По дорогѣ будутъ представляться большія искушенія и страхи отъ нечистой силы, явятся злые звѣри и другіе знаменія, но православный долженъ творить молитву, не смущаться и продолжать путь въ чудный градъ Китежъ. Кто не смутится дьявольскимъ навожденіемъ, тотъ услышитъ звонъ колоколовъ, предъ нимъ откроется городъ и сдѣлается видимымъ; когда войдетъ благочестивый странникъ, его встрѣтятъ блаженные жители града и тамъ онъ будетъ наслаждаться предвкушеніемъ райской жизни.

Въ другихъ областяхъ и городахъ также сохранились преданія о нашествіи татаръ, напримѣръ, въ Смоленскѣ героемъ защитникомъ погибшимъ является св. Меркурій, въ Касимовѣ — Егорій и проч. (Очерки Буслаева II, 155. Легенды Афанасьева 132). Но этихъ общеизвѣстныхъ разсказовъ мы не будемъ касаться; а перейдемъ къ преданію, которое сообщается въ Курской губерніи и относится къ событіямъ конца XIII столѣтія, какъ татары раскололи образъ курской Богородицы и какъ онъ опять сросся. Это преданіе давно занесено въ лѣтопись Курскаго монастыря и читается такъ: „Страна курская, разореніемъ отъ татаръ пришедъ въ конечное запустѣніе, заросла лѣсами, изобильна бывъ птицами, для промыслу коихъ жители г. Рыльска почасту туда пріѣзжали—и одинъ изъ оныхъ ходя по лѣсу при рѣкѣ Тускарѣ, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ славная по своей ярмаркѣ Коренная пустыня существуетъ, обрѣлъ на корню образъ Знаменія Богоматери, лежащимъ ницъ къ землѣ. И при томъ самомъ случаѣ за первое чудо сочтено, что при поднятіи сего образа отъ земли, на томъ самомъ мѣстѣ произошелъ источникъ воды. Сіе случилось 1295 г. сентября 8 числа.

„Дошло оное происшествіе до свѣдѣнія г. Рыльска и до князя ихъ Шемяки, тамо пребывающаго, по желанію коего, посланными отъ него, образъ тотъ и принесенъ былъ въ г. Курскъ. Весь народъ благоговѣйно срѣтилъ, самъ же князь не былъ при томъ, за что и объятъ сталъ слѣпотою; по признаніи жъ своей погрѣшности и по принесеніи молебствія чудотворному образу сему, паки получилъ зрѣніе; въ знакъ же своего усердія соорудилъ въ г. Рыльскѣ церковь Рождества Богоматери, гдѣ и поставилъ сію чудотворную икону. Но произволеніемъ Божіимъ очутилась она опять въ пустынѣ, при найденномъ ея мѣстѣ; почему тамъ построена была часовня и при образѣ поставленъ священникъ г. Рыльска. Въ скоромъ потомъ времени нашествіемъ татаръ къ тѣмъ мѣстамъ, священникъ оной взятъ былъ въ полонъ, и образъ Знаменія Богоматери расколотъ на многія части; но по искупленіи сего священника, какъ обратился онъ къ своей пустынѣ, обрѣлъ части чудотворныя иконы невредимы; почему будучи сложены оныя вкупѣ, составился образъ, какъ и былъ, цѣлой. Рыльчане, увѣдавъ о чудѣ семъ, со всѣмъ духовенствомъ изъ города, при множествѣ мірскихъ людей, троекратно покушалися для перене-

нія образа въ городъ свой, въ церковь устроенную княземъ Шемякою; но святой образъ являлся всегда на мѣстѣ своемъ въ часовнѣ. Съ того времени, въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ съ небольшимъ, и пребылъ онъ тамъ неподвижно". (Ист. рос. іер. IV, 197 — 8. 641 — 2)".

Преданіе это сохранило воспоминаніе о свирѣпомъ нападеніи татаръ въ 1282 г. на курскую область, когда они страшно расправлялись съ боярами и другими жителями городовъ.

Баскакъ Ахматъ наклеветалъ хану Ногаю на князей рыльскаго—Олега и липецкаго—Святослава; Ногай велѣлъ занять войскомъ всю курскую область; князья скрылись отъ татаръ, которые пограбили и повоевали все княженіе; взяли 13 старѣйшихъ бояръ, заковали въ двое-желѣзы нѣмецкія и много людей забрали въ плѣнъ съ женами и дѣтьми; трупы убитыхъ бояръ вѣшали по деревьямъ, отсѣкали у нихъ руку правую и голову и бросали псамъ на съѣденье, а идя въ орду, на каждомъ станѣ убивали по человѣку. „Мнози же отъ мраза измраша людье излуплени и младенци". Зло это было въ Курскѣ и прочихъ городахъ княжества. „Тако наведе Богъ сего бесурменина зло, за неправду нашу, мню бо и князи ради, зане живяхуь въ которохъ межи собою... И бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣбъ во уста не идяше отъ страха". Съ этого времени, когда татары 20 дней грабили и опустошали курскую область, она совсѣмъ запустѣла.

Послѣ явленія иконы въ 1295 г. курская страна подверглась опустошенію въ 1310 г., когда татары разграбили г. Брянскъ; къ этому времени можно отнести плѣнъ священника, служившаго въ часовнѣ при иконѣ Знаменія Коренной. (П. Соб. Лѣт. VII, 176—7. 185. I, 206—207. IV, 43. V, 200).

Съ другой стороны, въ преданіи сохранился отголосокъ, когда изобиловала звѣрями и птицами курская страна; въ лѣтописи дѣйствительно Ахматъ совѣтуетъ послать туда сокольниковъ: „есть бо въ княженіи ловища лебединая" (Воскр. 177).

Русскіе усердно молились своимъ святымъ объ освобожденіи отъ татарскаго господства, составляли молитвы угодникамъ и просили Бога, чтобъ онъ сподобилъ невѣрныхъ познать благодать христіанства, какъ выражается лѣтописецъ:" Обрати, Господи, поганыя въ крестьянство, да и ти будутъ братья наша, пріемше святое крещенье и да будетъ едино стадо и единъ пастырь! [1])". Эти усердныя молитвы и надежды нашихъ предковъ рано стали оправдываться, потому что татары принимали христіанство. Петръ, царевичъ Ордынскій, бѣжалъ въ Россію, принялъ крещеніе около 1267 года и же-

---

[1]) П. Соб. Лѣт. IV, 98. Сохранились молитвы, обращенныя къ препод. Ѳеодосію Кіево-Печерскому, Авраамію и Меркурію Смоленскимъ. (Изв. Акад. X, 193—4. Ист. рус. церкви, Макарія, III, пр. 265. Очерки Буслаева, II, 179.

нился на дочери богатаго вельможи татарскаго, жившаго въ Ростовѣ, а этотъ князь „прежде бяше въ вѣру пришедъ“. (О житіяхъ святыхъ. Ключевскаго, 41). По преданію, въ г. Боровскъ (Калужской губ.) Батый опредѣлилъ баскака изъ татаръ для сбора даней, который обратился въ христіанскую вѣру, а отъ его сына родился знаменитый подвижникъ Пафнутій Боровскій (Ист. рос. іер. III, 396, 432).

На сѣверѣ Россіи сохранилось преданіе объ обращеіи въ христіанство Багуя, иначе — Буга богатыря, баскака или намѣстника Батыева въ Великомъ Устюгѣ, и о постройкѣ имъ монастыря Іоанна Предтечи. Сказаніе это занесено въ „Архангельскій лѣтописецъ“ и въ лѣтопись о Великомъ градѣ Устюгѣ и несомнѣнно имѣетъ историческое основаніе, какъ и „повѣсть о Петрѣ ордынскомъ царевичѣ“. Баскакъ Бугай, проживая въ Устюгѣ для сбора ханскихъ даней, устроилъ свой дворъ на горѣ Сокольничьей, гдѣ проводилъ время въ любимой имъ соколиной охотѣ; онъ отнялъ у одного изъ Устюжанъ дочь дѣвицу, по имени Марью, и держалъ ее у себя въ качествѣ наложницы, но она была весьма привязана къ нему. Въ 1262 г., когда татары производили поголовную перепись и устанавливали новую систему налоговъ — подушную, тогда по многимъ городамъ народное вѣче взволновалось, перебило численниковъ и баскаковъ. Такая же судьба ожидала и Устюжскаго баскака Багуя, тѣмъ болѣе, что тамъ распространилось извѣстіе о побѣдѣ русскихъ надъ татарами по всѣмъ городамъ и будто „пріиде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити“. Узнавъ о грозящей опасности жизни преданнаго человѣка, Марья сообщила Бугаю, что онъ можетъ спастись отъ смерти только принятіемъ христіанской вѣры, такъ какъ устюжане окончательно рѣшились убить его. При такомъ опасномъ положеніи, баскакъ послушался своей любовницы, заявилъ духовенству о своемъ желаніи креститься; тогда улеглось народное озлобленіе противъ него и забыты были его обиды и притѣсненія. Принявъ православіе, онъ названъ былъ именемъ Ивана и женился на Марьѣ, которая спасла его жизнь. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ отличался благотвореніями и набожностью и снискалъ любовь и уваженіе народа. На Сокольничьей горѣ, гдѣ онъ прежде забавлялся охотой, онъ обратилъ свой дворъ въ монастырь и устроилъ церковь во имя своего ангела—Іоанна Предтечи. Эта мѣстность и доселѣ слыветъ Сокольею горою. (Ист. рос. іер. IV, 315 — 316. Ист. рос. госуд. IV, 55. Годъ 1262).

Этотъ разсказъ имѣетъ сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ съ житіемъ царевича Петра Ордынскаго, который тоже любилъ, какъ и Багуй, соколиную охоту: „Бѣ выѣздяй при езерѣ Ростовстѣмъ, птицами ловя“. Точно также тотъ и другой, по принятіи христіанства, отличалась усердіемъ къ религіи и построили монастыри (Прав. Собес. 1859 г. I, кн. 3), Но большая разница заключается въ побужденіяхъ

къ принятію христіанства: Петръ крестился добровольно, сознавъ несостоятельность идолопоклонства; а Багуй обратился ко Христу, боясь смерти, во время волненія русскихъ противъ татаръ 1262 года, „егда людіе по градомъ на враги своя гнѣвахуся, и подвигошася на бесерменъ, и изгнаша я вонъ изъ градовъ, а иныхъ избиша на вѣчи“ (П. Соб. Лѣт. V, 190). Сюда надо добавить, что предокъ Годунова, мурза Четъ, обратившись въ христіанство, построилъ Ипатьевскій монастырь въ XIV столѣтіи.

2) О Грозномъ.

Въ дополненіе къ разсказамъ объ Иванѣ Грозномъ, сообщеннымъ мною Кіевскому археологическому съѣзду [1]), я присоединю еще преданіе, которое нашелъ въ своихъ замѣткахъ: оно давно было напечатано по разнымъ указаніямъ и русскими и иностранными писателями; но я сообщаю преданіе, представляющее нѣкоторыя особыя подробности, которыя могутъ оказаться нелишними для изслѣдователя стариннаго русскаго быта.

Въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., въ родномъ моемъ селѣ Стеньшинѣ, я слышалъ разсказъ о Грозномъ такаго рода: ходилъ почью по Москвѣ царь одинъ, развѣдывая о благосостояніи своихъ подданныхъ, заглядывалъ въ питейные дома и разныя подозрительныя мѣста, сходился съ лицами всѣхъ сортовъ общества и разспрашивалъ ихъ за панибрата. Вотъ познакомился онъ съ однимъ ловкимъ воромъ и мошенникомъ, узналъ о его ремеслѣ и сталъ подбивать его обокрасть казну государеву; воръ съ первыхъ словъ обругалъ царя за это предложеніе, прибавивъ, какъ онъ смѣетъ посягать на общественное достояніе, и не хотѣлъ съ нимъ идти на воровской промыслъ. „Вотъ другое дѣло, сказалъ онъ, пойдемъ къ тѣмъ, которые крадутъ казну государеву. Это будетъ лучше!“ Пошли они по улицамъ московскимъ и увидѣли свѣтъ во второмъ этажѣ палатъ близкаго къ царю боярина, у котораго было не мало народа. „Послушаемъ, шепнулъ воръ, о чемъ тамъ разговариваютъ“. Досталъ онъ изъ кармана кошки (желѣзные крючки, нашитые на пальцы кожанныхъ перчатокъ), навязалъ на руки ремнемъ и живо взобрался подъ окно втораго этажа, долго подслушивалъ разговоръ бояръ, спустился и сказалъ: „Плохо дѣло! Надо бы дать знать царю, что бояре сговорились завтра вечеромъ отравить его; этотъ близкій бояринъ пригласитъ его завтра къ себѣ въ гости и поднесетъ ему заздравную чарку съ ядомъ. Какъ бы ухитриться донести государю?“ Царь Грозный отвѣчалъ, что у него есть при дворѣ хорошій знакомый служитель и онъ чрезъ него сейчасъ же непремѣнно сообщитъ государю о заговорѣ на его жизнь.

[1]) Труды III-го археологическаго съѣзда, Кіевъ. 1878 г. Т. I. 337.

Тутъ они распростились и переодѣтый царь пригласилъ на другой день утромъ вора къ себѣ въ гости; онъ разъяснилъ ему, чтобы пришелъ къ воротамъ царскихъ палатъ, гдѣ живетъ его пріятель придворный и назвалъ его по имени. „На, вотъ тебѣ мою палку, позови служителя и покажи ему: эта палка ему знакома, онъ—пуститъ тебя къ себѣ и тамъ мы съ тобой покутимъ на радости, что царя спасли. Да чего добраго, дадутъ намъ и награжденіе за это. Смотри же приходи, какъ услышишь колоколъ къ поздней обѣднѣ; я тебя тамъ стану дожидаться". Отдалъ ему палку—и скрылся.

На другой день воръ пришелъ къ царскому дворцу, вызвалъ служителя, о которомъ ему говорилъ неузнанный имъ царь, показалъ ему палку и тотчасъ приглашенъ былъ по заказу къ самому царю, который велѣлъ его накормить, напоить и держать до вечера. Онъ хотѣлъ увѣриться, дѣйствительно ли воръ сказалъ правду, что любимый имъ бояринъ хотѣлъ известь его на смерть. Когда время клонилось къ вечеру, бояринъ этотъ прибылъ къ царю и сильно сталъ просить его пріѣхать въ гости; царь принялъ его чудесно, какъ будто ничего не подозрѣвалъ и обѣщался быть въ его домѣ черезъ часъ. Когда уѣхалъ бояринъ, Грозный велѣлъ поставить около его дома тайно отрядъ солдатъ, чтобы они по свисту его тотчасъ окружили и не выпускали никого оттуда; а вору заказалъ, при этомъ знакѣ, на кошкахъ прямо лѣзть въ окно второго этажа. Сдѣлавъ такія распоряженія, царь отправился на вечеръ къ боярину; началась пирушка, веселье общее и поднесли государю заздравную чару.

Тогда царь принялъ въ руки и сказалъ: „Любилъ я тебя, хозяинъ пуще всѣхъ бояръ и, въ знакъ этой любви, прими и пей чару государеву, а я выпью изъ твоей чарки". Ужасъ обнялъ всѣхъ гостей, злоумышлявшихъ на жизнь царя; а бояринъ сталъ отказываться выпить, какъ недостойный прикасаться къ питью государеву.

Свиснулъ тогда въ окно Грозный; солдаты окружили домъ боярина, а воръ влѣзъ на кошкахъ во второй этажъ въ окно и сталъ обличать всѣхъ и передавать, что онъ слышалъ наканунѣ вечеромъ отъ каждаго. Царь заставилъ выпить приготовленную ему чару съ ядомъ хозяину, который и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ очень скоро передъ глазами царскими; другихъ бояръ государь велѣлъ перевязать солдатамъ, а вору драть ихъ своими желѣзными кошками. Съ ними онъ расправился на другой день; а вора велѣлъ наградить за вѣрность къ царю и къ казенному имуществу, далъ ему средства богатыя и онъ сдѣлался потомъ хорошимъ человѣкомъ.

Подобный разсказъ, пріуроченный къ личности Грознаго, слышалъ и занесъ въ свои записки Коллинсъ, докторъ царя Алексѣя Михайловича, жившій въ Россіи 1659—1667 г. (Рус. Вѣст. 1841 г. №№ 8 и 9. Чт. Общ. Ист. 1846 г. 1, Очерки Буслаева I, 512 — 514. Преданія о Грозномъ. Веселовскаго. Древн. и Нов. Рос. 1876 г. № 1, стр. 316, 318 и др.).

3) О Разинѣ.

Въ октябрѣ 1670 г., напали на г. Цывильскъ (Казанской губ, казаки, бунтовавшіе подъ предводительствомъ Стеньки Разина; жители стали защищаться и видѣли съ ужасомъ, что мятежники скоро завладѣютъ городомъ. Въ ночь приступа, вдова Ульяна Васильева задремала и узрѣла видѣніе, какъ Богородица Тихвинская, образъ которой находился въ соборной церкви города, велѣла объявить жителямъ, чтобы осажденные крѣпко сидѣли и сопротивлялись воровскимъ казакамъ, которые по предстательству св. Дѣвы потерпятъ неудачу и не возьмутъ города. Когда же минуетъ гроза и опасность, удалятся мятежники,—граждане въ благодарность должны построить монастырь во имя пресвятой Богородицы между рѣками Большимъ и Малымъ Цывилями, между болотомъ и стрѣлецкимъ лугомъ. Дѣйствительно, предвѣщаніе вдовы сбылось: казаки ушли отъ города—и жители, движимые чувствомъ спасенія отъ убійствъ и разграбленія соорудили каменный мужской монастырь на указанномъ мѣстѣ. Они поручили снять копію съ иконы Богородицы, стоящей въ соборномъ храмѣ, и поставили въ монастырѣ. (Ист. Рос. Іер. VI, 651).

Въ этомъ преданіи основа заключается историческая, впрочемъ, разница есть во времени на одинъ годъ: въ октябрѣ 1671 года дѣйствительно весь Цывильскій уѣздъ наполненъ былъ казаками, приверженцами С. Разина, и городу Цывильску грозила опасность отъ мятежниковъ. Но послѣ 7-го ноября, князь Данилъ Барятинскій, слѣдуя съ войскомъ изъ Казани, разбивалъ скопища бунтовщиковъ и очистилъ до 14-го ноября уѣзды Свіяжскій, Цывильскій и Чебоксарскій. Отъ 7-го ноября писалъ изъ Васильсурска голова московскихъ стрѣльцовъ Юрій Лутохинъ, что изъ Казани пришелъ товарищъ полководца Долгорукаго, воевода Барятинскій, со многими ратными конными и пѣшими людьми къ 7 ноября, а дорогою отъ Казани ратные люди очистили Свіяжской уѣздъ, Цывильскъ съ уѣздомъ и Чебоксарскій уѣздъ. Эти побѣды надъ мятежниками въ донесеніяхъ Долгорукова произошли „милостію Господа Бога и чудодѣйствомъ св. его образа, помощію и заступленіемъ Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ“. (Матер. для ист. возмущенія С. Разина. 117—118. Въ текстѣ 101).

Въ приволжскомъ краѣ сохранилось много преданій о Разинѣ и всѣ онѣ дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ имѣютъ въ основѣ дѣйствительныя черты событій, какъ сказаніе объ освобожденіи г. Цывильска; другія отличаются фантастическимъ характеромъ, какъ Разинъ сидитъ, точно Змѣй Горынычъ или Кощей безсмертный, надъ грудами золота въ горныхъ пещерахъ. Предоставляя сближеніе преданій о Разинѣ фантастическаго склада съ миѳическими сказаніями изслѣ-

дователямъ русской литературы, я останусь въ границахъ повѣствованій, касающихся дѣйствительныхъ событій.

На этотъ разъ я слышалъ преданіе о Разинѣ, похожее на правду, отъ протопопа г. Симбирска П. Н. Охотина, который показывалъ мнѣ въ каѳедральномъ соборѣ серебряный крестъ, погнутый въ срединѣ и разсказалъ слѣдующее изъ исторіи осады самозванцемъ г. Симбирска.

Когда Стенька Разинъ ночью напалъ на Симбирскъ, страшно сталъ стрѣлять и старался зажечь городъ, тогдашній воевода послалъ просить духовенство выдти на Вѣнецъ (гора со стороны Волги, около собора). Вышелъ протоіерей со всѣмъ духовенствомъ подъ самые выстрѣлы; начался молебенъ о спасеніи града отъ враговъ и когда дьяконъ читалъ евангеліе, вдругъ ударила пуля въ самую средину серебрянаго креста, который держалъ въ рукахъ священникъ. Съ этого времени враги точно ошалѣли, струсили, бросились къ берегу Волги и стали садиться на суда. Такимъ образомъ Симбирскъ былъ спасенъ.

4) О Пугачевѣ.

Послѣ отступленія Пугачева отъ Казани и переправы черезъ Волгу, на правомъ ея берегу поднялось все инородческое и крѣпостное населеніе; съ особенной злобой оно мстило помѣщикамъ и духовенству. Прискакалъ гонецъ отъ самозванца въ с. Туваны и объявилъ отъ имени царя грамоту, въ которой говорилось о преслѣдованіи бояръ и поповъ и о будущихъ народныхъ льготахъ. Чуваши с. Туванъ и окрестныхъ селъ знали уже, что идетъ войско и во главѣ его царь, что оно вѣшаетъ поповъ и господъ; по обнародованіи манифеста, они поднялись, заволновались и сами принялись за дѣло: стали ловить укрывавшихся священниковъ и вѣшать. Уже болѣе десятка успѣли чуваши погубить духовныхъ лицъ; но въ это время правительство приняло мѣры и прислало въ с. Туваны 3 роты солдатъ для усмиренія бунта. Чуваши рѣшились лучше умереть, чѣмъ выдать зачинщиковъ мятежа въ ихъ селѣ, но хорошенько не могли опредѣлить, царское это войско или царицыно.

— Кто здѣсь бунтовалъ и вѣшалъ поповъ и господъ? спросилъ воинскій начальникъ.

— Здѣсь, бачка, все было тихо и смирно, никто никого не думалъ вѣшать. Мы занимались своими дѣлами и ничего даже не слыхали.

— Такъ кто же, не знаете ли, повѣшалъ поповъ здѣшнихъ, если вы не участвовали въ этомъ дѣлѣ?

— Знать не знаемъ! Видно, они сами повѣсились.

Видя явное соглашеніе и запирательство чувашъ, начальникъ отряда прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы развѣдать, кто были главные зачинщики волненія. Зная, что самая дорогая вещь для чувашъ соль, онъ имъ сказалъ:

— Ахъ, вы дураки. Что же вы скрываете отъ меня?! Вѣдь я нарочно присланъ царемъ похвалить васъ за усердіе и пожаловать. Молодцы, вы, ребята, что хорошо расправлялись съ попами и господами и стояли за государя Петра Ѳедоровича; онъ вамъ прислалъ большую награду за вѣрность: кто изъ васъ вѣшалъ поповъ, тому жертвуетъ царь возъ соли, ступайте въ гор. Чебоксары (уѣздный городъ Казанской губерніи, называемый чувашскою столицею), тамъ изъ казеннаго подвала отпустятъ вамъ по 20 пудовъ каждому; вотъ только я напишу и дамъ вамъ грамотку.

Вручилъ чувашамъ туванскимъ воинскій начальникъ письмо, распрощался съ ними ласково, скомандовалъ солдатамъ и ускакалъ съ отрядомъ. Тутъ чуваши — большіе охотники до соли — стали тотчасъ запрягать лошадей, поѣхали въ Чебоксары и виновные и частью невинные; а военный начальникъ съ солдатами поджидалъ ихъ около дороги въ лѣсу, недалеко отъ с. Туванъ. Каждаго проѣзжающаго чувашенина ловили солдаты и приводили къ своему командиру, а тотъ допрашивалъ ихъ:

— Ты куда ѣдешь?

— Въ Чебоксары за солью, царь пожаловалъ.

— Да ты вѣдь не бунтовалъ и поповъ не вѣшалъ, даромъ казну раззорять вздумалъ?

— Какъ не бунтовалъ? Вонъ и возжи мои были; на нихъ я повѣсилъ туванскаго попа съ другими товарищами.

Разумѣется, такихъ смѣльчаковъ солдаты брали и вязали имъ руки и ноги; иные сознавались, что поѣхали за солью даромъ, не участвовали въ бунтѣ, а только смотрѣли, какъ вѣшали поповъ другіе. Этихъ чувашъ прогоняли обратно въ село нагайками и тѣ скакали безъ оглядки, считая себя обманщиками царя.

Такимъ способомъ развѣдали, кто были главные зачинщики и кто пособники бунта. Привезли ихъ въ с. Туваны и передъ собраніемъ всѣхъ чувашъ, жестоко наказали батогами да въ добавокъ натерли имъ спины лакомой приправой ихъ кушанья — солью [1]).

Это преданіе имѣетъ большой историческій смыслъ, потому что сложилось на основаніи дѣйствительныхъ событій и явленій. 1) Въ с. Большихъ Туванахъ мятежники Пугачева взбунтовали чувашское населеніе, входили въ храмъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ шапкахъ, ограбили имущество церковное и выгнали укрывавшихся тамъ людей; все это поощрило инородцевъ храбро поступать противъ духовныхъ лицъ, которыхъ они ненавидѣли. (Ист. Пугачева бунта. Пушкина. I, въ прим. стр. 60). 2) Въ Пугачевскій бунтъ въ Курмышскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, побито духовныхъ лицъ: священниковъ умерщвлено 12 человѣкъ, (а въ Алатырскомъ только 7),

[1]) Этотъ разсказъ записанъ ученикомъ Симбирской семинаріи, уроженцемъ села Туванъ и сообщенъ мнѣ въ 1860 году.

дьяконовъ 10, причетниковъ 16. (Тамъ же, I, въ прим. 87—89). 3) Это явленіе неиначе можно объяснить, какъ излишнимъ усердіемъ инородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть противъ духовенства и злобу свою выразили практически. А. С. Пушкинъ пишетъ: „Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и предалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне—изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отвсюду приводила къ Пугачеву". (Тамъ же, I, 140). 4) Зная хорошо потребности инородцевъ и желанія народа, самозванецъ объявилъ общую вольность, что онъ будетъ всѣхъ жаловать лугами и морями, травами, рѣками и лѣсами; онъ обѣщался простить старыя повинности и безденежно раздать соль инородцамъ, а цѣну соли для всѣхъ установилъ 5 коп. за пудъ. (Тамъ же, I, 140, въ прим. стр. 59). При усмиреніи возставшихъ инородцевъ, воинскій начальникъ не могъ не знать о даровой раздачѣ имъ соли Пугачевымъ и воспользовался случаемъ, чтобы развѣдать о зачинщикахъ бунта.

О взятіи Пугачевымъ г. Курмыша и Алатыря народное преданіе разсказываетъ одинаково, хотя исторически это не точно. Народъ сообщаетъ, что самозванецъ взялъ г. Алатырь съ бою, окруживъ его со всѣхъ сторонъ казаками, которые полѣзли на стѣны крѣпости и скоро ворвались въ городъ, потому что многіе изъ жителей помогали имъ взбираться на укрѣпленія. Храбрымъ и главнымъ защитникомъ Алатыря былъ намѣстникъ его Бердо, который и поплатился за свою отвагу и смѣлость жизнью; а бояре, проживавшіе въ городѣ, зная о злобѣ противъ нихъ Пугачева, оставили Бердо одного съ гарнизономъ и разбѣжались по отдаленнымъ своимъ деревнямъ.

Взявъ г. Алатырь, самозванецъ торжественно въѣхалъ въ городъ на бѣломъ конѣ, съ вострой саблей въ правой рукѣ, богато наряженный и окруженный разукрашенной многочисленной свитой. Духовенство всѣмъ соборомъ встрѣтило его съ иконами и хоругвями у городской заставы и со всѣхъ церквей лился колокольный звонъ; принявъ отъ именитыхъ горожанъ хлѣбъ-соль, Пугачевъ направился къ главному храму. Отслужили благодарственный молебенъ за здравіе и спасеніе государя и громогласно возгласили пѣвчіе многолѣтіе царю Петру Ѳедоровичу. За тѣмъ дьяконъ прочиталъ съ амвона манифестъ высочайшій православнымъ христіанамъ,—и началась поголовная присяга жителей на подданство императору, а не царицѣ.

Въ это время Пугачевъ отрядилъ молодцовъ разбить винный подвалъ и угощать народъ на царскій счетъ. „Пейте, говоритъ, дѣтушки, за царское здоровье, на радостяхъ, до отвалу!" Вмѣстѣ съ посланцами много прибѣжало складчиковъ изъ горожанъ, живо разбили казенный подвалъ и выкатили бочки; чтобы скорѣе достать вина, они начали выбиватъ дно полѣньями: какъ хлопнутъ по бочкѣ,

такъ и потечетъ вино подъ гору къ р. Сурѣ. Ручьями текло вино, а всѣ охотники до выпивки подставляли шапки, черпали подъ горой и пили вдоволь, сколько душа приметъ. Послѣ всеобщей попойки, разбрелся народъ по всѣмъ окрестнымъ селамъ и забунтовалъ отъ имени царскаго.

Когда происходило это угощеніе войска и населенія мѣстнаго, Пугачевъ потребовалъ къ себѣ храбраго намѣстника г. Алатыря Бердо.

— Какъ ты смѣлъ не пускать царя Петра Θедоровича въ свой городъ, который ему достался по наслѣдству отъ блаженныхъ предковъ? закричалъ при народѣ самозванецъ.

— Царя Петра III нѣтъ въ живыхъ, отвѣчалъ храбрый Бердо, а управляетъ теперь русскимъ государствомъ его супруга императрица Екатерина II.

— Значатъ, ты вѣруешь и повинуешься бабѣ и подчиняешься боярскимъ прихотямъ. Бояре завладали царицей совсѣмъ — и ты за ними! Ребята, онъ непригоденъ намъ, пустите его рыбу ловить.—Разумѣется, казаки тотчасъ увели намѣстника и утопили въ Сурѣ рѣкѣ.

Не далеко отъ этой рѣки, въ Алатырѣ показываютъ курганъ, въ которомъ похоронены, какъ говорятъ, защитники города и убитые по взятіи его Пугачевымъ. (Преданіе записано учениками симбирск. семинаріи Начаткинымъ и другими, 1860 г.).

Насчетъ этого преданія можно сдѣлать слѣдующія историческія замѣтки: 1) Никакого намѣстника Бердо не было въ Алатырѣ въ то время; убитъ Пугачевымъ премьеръ-майоръ Грабовъ съ женой, а въ Курмышѣ повышенъ начальникъ инвалидной команды Василій Юрловъ; 2) Торжественная встрѣча Пугачева едва ли не одинаково происходила по всѣмъ взятымъ имъ городамъ; по крайней мѣрѣ Державинъ былъ свидѣтелемъ такой сцены: „Подъѣзжая къ г. Петровску, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ на встрѣчу съ образами и хлѣбомъ". (Ист. Пугач. б. Пушкина, I, 148); 3) Присягу принимали и въ Курмышѣ и въ Алатырѣ не только мѣщане, но и чиновники; офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что они это сдѣлали не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса государыни и привелъ ихъ къ сему невольному грѣху смертный страхъ (Тамъ же, I, 144); 4) Какъ въ Курмышѣ и Саратовѣ, такъ и въ Алатырѣ происходило одинаковое явленіе вольной раздачи казеннаго вина и соли, обнародованія манифеста и освобожденія преступниковъ изъ остроговъ. Пушкинъ пишетъ: „20-го іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь чрезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Начальникъ ея Юрловъ съ унтеръ-офицеромъ въ глаза обличали самозванца; ихъ

повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино". (Тамъ же. 143).

„Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла ихъ". (Тамъ же. 152).

Такимъ образомъ память народная доселѣ въ преданіи хранитъ черты исторической дѣйствительности.

Въ запискахъ Мертваго отлично обрисовано, какъ Пугачевская ватага преслѣдовала помѣщиковъ и дѣтей ихъ. Тоже злобное отношеніе казаковъ и крѣпостныхъ людей къ своимъ господамъ проявляется и въ преданіяхъ народныхъ. Въ с. Курмачкасахъ разсказываютъ о дѣйствіяхъ шаекъ Пугачева слѣдующее:

Какъ услышалъ баринъ Курмачкасскій о приближеніи Пугачева, тотчасъ осѣдлалъ лошадь, бросилъ домъ и семью на божью волю и ускакалъ въ дальнюю деревню. Возрастная дочь барина придумала способъ спастись отъ разбойниковъ: она взяла у своей сѣнной дѣвки сарафанъ, рубашку, платокъ и всѣ принадлежности одежи, принарядилась и сѣла прясть въ крестьянской избѣ, чтобы не узнали ее пугачевцы. Но та же горничная, которая дала ей свое платье, первая указала мятежникамъ, гдѣ скрывается ея барышня, потому что она лиха была до прислуги. Тогда схватили боярышню-невѣсту въ избѣ, выволокли за длинные волосы на улицу и задушили на висѣлицѣ. Мать ея Курмачкасская барыня съ груднымъ ребенкомъ убѣжала въ лѣсъ, куда принесли слуги колыбель, повѣсили на сукъ дерева и качали барченка; но и барыню выдали свои крѣпостные крестьяне, указавъ мятежникамъ мѣсто, гдѣ она скрывается съ малюткой. Прискакали туда казаки, повѣсили барыню на деревѣ, на которомъ находилась люлька, а ребенка задушили. Когда усмирили волненіе и улеглась сумятица въ Симбирской губерніи, вернулся назадъ въ с. Курмачкасы баринъ; но никого уже не нашелъ изъ своего семейства, только указали ему мѣсто въ лѣсу, гду погибла его супруга, и онъ отыскалъ тамъ люльку своего ребенка. Желя чѣмъ нибудь отличить это мѣсто, помѣщикъ, по совѣту священника, устроилъ тамъ пчельникъ съ условіемъ, чтобы выручаемый съ него воскъ жертвовать въ церковь на поминъ погибшихъ душъ боярскихъ. Съ той поры и получило это лѣсное урочище названіе Барченкова Пчельника [1]).

Впрочемъ, сохранились преданія изъ исторіи Пугачевскаго бунта о вѣрности и сострадательномъ отношеніи крестьянъ къ своимъ господамъ въ безпомощномъ ихъ положеніи.

Пугачевъ вошелъ въ г. Саранскъ 27-го іюля и встрѣченъ былъ духовенствомъ, купечествомъ и народомъ. Здѣсь онъ повѣсилъ до 300 человѣкъ дворянъ и привлекъ на свою сторону многочисленное

[1]) Сообщено мнѣ въ 1860 г. ученикомъ симбирской семинаріи Елпидинымъ.

крѣпостное населеніе, а 30-го іюля двинулся со своими скопищами къ г. Пензѣ. Ужасъ охватилъ помѣщиковъ при торжественномъ шествіи самозванца и они предались бѣгству; воевода пензенскій Всеволожскій содѣйствовалъ имъ во-время спасаться отъ казни въ разныя отдаленныя мѣстности. Въ это время жилъ съ семействомъ около Пензы, въ своемъ имѣніи с. Симбухинѣ, господинъ Чемезовъ, Ефимъ Петровичъ; дошли до него слухи о звѣрскихъ поступкахъ Пугачева въ отношеніи помѣщиковъ, которыхъ онъ безпощадно вѣшалъ и убивалъ. Чемезовъ принялъ мѣры къ спасенію своего семейства и родственниковъ, жившихъ по близости: онъ отправилъ ихъ изъ с. Симбухина въ свою отдаленную вотчину, въ Саратовскую глушь, въ д. Чемезовку, далеко лежащую отъ проѣзжихъ дорогъ, какъ мѣсто совершенно безопасное, покрытое дремучими лѣсами по р. Медвѣдицѣ. Вѣрные слуги укрыли въ этомъ захолустьѣ родныхъ помѣщика; но недолго пришлось имъ и тамъ проводить время спокойно. Августа 4 Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и направился съ своимъ войскомъ къ г. Петровску, гдѣ встрѣтили его охотно жители, а на другой день двинулся къ Саратову, и Чемезовская глушь оказалась не безопаснымъ убѣжищемъ. Шайки Пугачева разсыпались по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, всюду разыскивали дворянъ и расправлялись съ ними; одна изъ такихъ шаекъ добралась и до деревни Чемезовки. Первымъ дѣломъ мятежниковъ было — навести справки, не скрываются ли гдѣ господа или ихъ дѣти; розыскали они двухъ малолѣтнихъ родственниковъ г. Чемезова и повѣсили ихъ близь ручья, извѣстнаго подъ названіемъ Дюпа.

Между тѣмъ, вѣрные слуги боярина успѣли скрыть молодыхъ господъ своихъ, дѣтей Ефима Петровича; переодѣли ихъ въ крестьянское платье и отправили въ густую чащу лѣсовъ; тамъ они просидѣли опасное время, получая пищу отъ своихъ дворовыхъ людей. Старшій сынъ изъ спасшихся дѣтей Чемезова носилъ имя Николая и вотъ, благодарный родитель, увидѣвшій живыми и здоровыми своихъ дѣтей, приписалъ ихъ защиту и покровительство святителю Николаю. Съ той поры онъ установилъ во всѣхъ своихъ вотчинахъ праздники въ честь Николая угодника и къ названію деревни Чемезовки, въ которой спаслись его дѣти, присоединилъ наименованіе „сельцо Никольское". (Собщено Казанскому Археолог. съѣзду благочиннымъ 1-го округа Аткарскаго уѣзда Саратовской губ., отцомъ Іаковомъ).

Сохранились въ исторіи данныя, что крѣпостные люди не всегда выдавали мятежникамъ своихъ господъ, но иногда содѣйствовали и давали имъ способъ укрыться отъ злодѣевъ, Такъ видно изъ оффиціальнаго донесенія, что помѣщица Юрлова, жена начальника Курмышской инвалидной команды, котораго велѣлъ повѣсить Пугачевъ, спасена была дворовыми своими людьми. Кромѣ того, не мало побито крѣпостныхъ людей, которые не приставали къ бунтовщикамъ,

а защищали интересы своихъ господъ. (Ист. Пугач. бунта, I. 143, въ прим. 76).

Въ высшей степени былъ бы я радъ, если бы мои сообщенія побудили ученыхъ людей издать сборникъ русскихъ преданій, которыя имѣютъ великую важность при изученіи старинной русской жизни.

Н. Аристовъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Псевдоклассицизмъ въ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка и реакція ему [1]).

III.

П. П. Гулакъ-Артемовскій.

ПЕТРЪ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій [1]) (1790—1865 г.), сынъ священника, родился 16 января, 1790 года, въ м. Смѣлой, Черкасскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича во время своего студенчества, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него не разъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла еще принадлежала Польшѣ, отличался горячею привязанностію къ Россіи, за то, что въ 1789 году, во время смутъ, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старикъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которымъ его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню, вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ послѣ смерти отца этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, при чемъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ Кіевскую Академію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большого по-

---

[1]) Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.", № 8.

[2]) Главные источники: 1) „Обзоръ Украинской Словесности", Кулиша, въ „Основѣ", за мартъ, 1861 г.; 2) „Поэзія Славянъ", Гербеля, 1871 г.; 3) „Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій", М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы", за 1874 г., т. I, стр. 83—88; 4) „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ", Геннади. т. I, Берлинъ, 1876 г., стр. 47; 5) „Кобзарь П. П. Артемовскаго-Гулака", Кіевъ. 1877 г.; 6) „Исторія славянскихъ литературъ", Пыпина и Спасовича, 1879 г., т. I, стр. 359 — 360; 7) „Замѣтки" Чупрыны въ Литератури. отд. Москов. Вѣдом., за 1856 г., № 41; 8) Библіотека украинскихъ писателей, Львовскаго изданія.

жара (1811 г.), который истребилъ чуть не половину Кіева, дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя онъ собиралъ на базарной площади. Въ Кіевской Академіи Артемовскій не окончилъ курса, по случаю закрытія ея передъ преобразованіемъ въ 1819 году, и въ 1817 году перешелъ въ Харьковскій университетъ, попечителемъ котораго состоялъ польскій магнатъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Здѣсь Артемовскій записался вольнослушателемъ университетскихъ лекцій и въ тоже время опредѣлился преподавателемъ польскаго языка. Въ 1818 году, онъ является преподавателемъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а съ 1820 года читаетъ въ университетѣ лекціи русской исторіи, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ выдержалъ кандидатскій и затѣмъ магистерскій экзаменъ, защитивъ въ 1821 году диссертацію „О пользѣ исторіи всеобщей и преимущественно отечественной и о способѣ преподованія послѣдней“. Въ январѣ 1823 года онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ, чему будто бы обязанъ былъ своей институтской службѣ. Съ 1831 года Артемовскій былъ инспекторомъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, а съ 8 декабря 1841 года, до выхода въ отставку въ 1849 году, и ректоромъ университета. За это время г. де-Пуле представляетъ его намъ, какъ плохого профессора, представителя чиновной, казенной учености, которою онъ импонировалъ вездѣ и всюду, и на администрацію, и на все тогдашнее Харьковское общество. Но оставивъ университетъ по поводу непріятной исторіи съ однимъ студентомъ — грузиномъ, Артемовскій не оставлялъ института: въ началѣ 1854 года онъ производитъ экзаменъ въ Полтавскомъ институтѣ. Артемовскій умеръ въ 1865 году.

Кромѣ магистерской своей диссертаціи, П. П. Гулакъ-Артемовскій напечаталъ: рѣчь при открытіи курса его во 2 № Украинскаго Вѣстника за 1819 годъ; рѣчь 1 сентября 1828 года, отдѣльной брошюрой, и диссертацію De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis, 1827 года. Но въ область литературной исторіи онъ входитъ своими стихотвореніями, которыхъ насчитывается свыше сорока.

Первыя его стихотворенія были писаны на русскомъ языкѣ и помѣщались въ Украинскомъ Вѣстникѣ за 1817 годъ. Это были переводы съ иностраннаго на русскій языкъ, какъ напримѣръ: „Ослѣпленіе смертныхъ“ изъ Жанъ-Жака Руссо, „Мученіе Сатаны при возрѣніи на Эдемъ“ изъ Мильтонова Потеряннаго Рая, и „Пророчество Іодая“ изъ Расиновой Гоѳоліи. Но несмотря на то, что переводъ этихъ произведеній былъ вольный, языкъ его отличается напыщенностію и тяжеловатостію. Вотъ какъ, напримѣръ, Артемовскій начинаетъ свой переводъ „Пророчества Іодая“:

„Но что? куда мой духъ смущенный воспаряетъ?
Какой священный страхъ составъ мой потрясаетъ?
Не духъ ли Еговы, во образѣ огня
Объемля грудь мою, вдругъ озарилъ меня?

Гулакъ-Артемовскій и самъ чувствовалъ неуклюжесть своихъ переводовъ и задавался вопросомъ объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ чистому русскому въ литературныхъ произведеніяхъ. Посылая „Пророчество Іодая" въ Украинскій Вѣстникъ, онъ писалъ издателямъ его слѣдующее: „Вы мнѣ скажете, что въ сей піесѣ есть много славянскихъ выраженій. Это правда. Но мнѣ казалось, что въ подобныхъ случаяхъ онѣ неизбѣжны, и не взирая на нынѣшнія усилія замѣнить ихъ чистымъ русскимъ языкомъ,—я осмѣливаюсь предполагать, что или изгнаніе славянскаго языка изъ круга нашей словесности (разумѣется въ духовныхъ матеріяхъ) не принадлежитъ нашему вѣку, или заставитъ вѣкъ нашъ жалѣть объ изгнаніи онаго. Одно только время можетъ пріучить народное ухо съ такимъ же благоговѣніемъ слушать пророковъ, говорящихъ по-русски, съ какимъ оно внимаетъ имъ, выражающимъ высокія, божественныя и таинственныя истины на славянскомъ языкѣ" [1]). Очевидно, въ этихъ словахъ выразилось колебаніе автора между Шишковцами и Карамзинистами. Съ дѣтства привыкнувъ къ украинскому нарѣчію и воспитавшись на церковно-славянскихъ книгахъ, Артемовскій не могъ хорошо владѣть живою литературною рѣчью русскою и всегда отличался напыщенностію и высокопарностію своихъ выраженій на русскомъ языкѣ, а потому въ приведенномъ письмѣ, повидимому, склонялся на сторону Шишковцевъ и считалъ необходимымъ участіе церковно-славянскаго языка въ литературной рѣчи. Но скоро, даже въ томъ же 1817 году, онъ началъ писать свои малорусскіе стихи, которые были прямымъ осуществленіемъ правила Карамзинистовъ—„писать какъ говорятъ, и говорить какъ пишутъ", въ примѣненіи этого правила къ украинскому нарѣчію. Эти-то малорусскіе стихи собственно и доставили Артемовскому литературную его славу. Они пріобрѣли чрезвычайную популярность,—и можно встрѣтить много малоруссовъ, знающихъ большую часть изъ нихъ наизусть. „Артемовскій-Гулакъ,—по словамъ Костомарова,—былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ, и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно-талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ".

Изъ 38-ми извѣстныхъ намъ малорусскихъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія: 1) Справжня добрість (до Грицька Основъяненка), 17-го сентября 1817 г.; 2) Панъ та собака (казка), 2-го декабря, 1818 г., съ эпилогомъ изъ польскаго писателя Красицкаго: Pies szczekał na złodzeja, całę noc sią trudnięl; 3) Супплика до Грицька Основъяненка,

[1]) „Украинскій Вѣстникъ", 1817 г., стр. 224 и сл.

при посылкѣ ему казки—Панъ та собака; 4) Солопій та Хивря, або горохъ при дорозі (казка), 25-го сентября 1819 г.; 5) Тюхтій та Чванько (подбрехенька), 1-го ноября 1819 года; 6) Де-що про того Гараська (Горація), 2-го ноября 1819 г.; 7) три приказки: „Лікарь и здоровье", „Цікавий и Мовчунъ" и „Дурень и Розумный", 1-го декабря 1820 г.; 8) Твердовській, малороссійская баллада, напеч. въ 1827 г.; 9) Рибалка (баллада), съ эпилогомъ изъ Гете, 27-го октября 1827 г.; 10) Батько та Синъ, 29-го октября, 1827 г.; 11) Дві пташкі в клітці, 1-го ноября 1827 г.; 12) Пліточка (байка), 4-го ноября 1827 г.; 13) До Пархома, два посланія, 4-го и 5-го ноября 1827 г.; 14) Раскаяніе Охрима (до Грицька Основъяненка), съ эпилогомъ изъ Горація, 26-го февраля 1828 г.; 15) До Терешка, съ эпилогомъ изъ Горація, 1831 г.; 16) До Грицька Основъяненка, съ эпилогомъ изъ Горація, 20-го февраля 1832 г.; 17) До Любки, съ эпилогомъ изъ Горація, 16-го марта 1856 г., переведенное Фетомъ на русскій языкъ; 18) „Текла річка невеличка", стихи, переложенные на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ, неизвѣстнаго года, и 19) Упадокъ вѣка, съ эпилогомъ изъ Лермонтова „Печально я гляжу на наше поколѣнье", 24-го марта 1856 года.

Мысль примѣнить Карамзинское правило къ украинской рѣчи, вѣроятно, навѣяна была Гулаку-Артемовскому не одними впечатлѣніями его дѣтства, но и примѣромъ Котляревскаго, написавшаго свою пародированную Энеиду на украинскомъ нарѣчіи. Литературное родство Гулака-Артемовскаго съ Котляревскимъ признаютъ почти всѣ украинскіе критики, хотя и отдаютъ предпочтеніе первому изъ нихъ. „Подобно Котляревскому, говоритъ Костомаровъ, и Артемовскій-Гулакъ сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить, и началъ пародіями на оды Горація, приспособляя воззрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ мало-русскихъ поселянъ". Гулака-Артемовскаго „ставятъ въ числѣ подражателей Котляревскаго, — говоритъ г. Чупрына, — и указываютъ на единственную его піесу Рыбалка, Гете, какъ на исключеніе, не подходящее подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародіи. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы произведенія Гулака-Артемовскаго были совершенно чужды пародіи; но она является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма: содержаніе уже измѣнилось, и стоитъ только сравнить перелицованную Энеиду Котляревскаго съ передѣлками Гораціевыхъ сатиръ г. Артемовскаго, чтобы увидѣть всю разницу между ними. По нашему мнѣнію,—продолжаетъ Чупрына,—въ ходѣ украинской литературы произведенія Гулака-Артемовскаго представляютъ значительный шагъ впередъ. Правда, что заключенныя въ тѣсномъ кругу переводовъ или передѣлокъ изъ древнихъ писателей, они не были богаты внутреннимъ содержаніемъ и не представляли ничего полнаго, художественнаго; но вы не встрѣтите въ нихъ ни одной черты, которая бы могла обличить ихъ не малороссійское происхож-

деніе. Подъ бойкимъ перомъ его, какъ бы наперекоръ историческимъ условіямъ, латинскій нарядъ пришелся по вкусу малороссійской литературѣ: она въ немъ немного странна на первый взглядъ съ ея философскими увѣщаніями оставить жизнь и смерть въ покоѣ, да подумать о томъ, есть ли горилка, съ ея забавными шутками; но все это искренно и чуждо циническихъ продѣлокъ предшествовавшей пародіи и такъ согласно съ малороссійскимъ народнымъ характеромъ, что нельзя отказать въ особенномъ значеніи передѣлкамъ г. Гулака-Артемовскаго и не признать ихъ въ тѣсномъ смыслѣ народными" [1]. Въ примѣръ подобныхъ переложеній изъ Горація, приведемъ пьесу г. Артемовскаго „До Пархома":

Пархиме! въ щасти не брыкай!
Въ нудьзи прытьмомъ не лизь до неба,
Людей пытай—свій розумъ май;
Якъ не мудруй, а вмерты треба!
Чы каратаешь викъ въ журби,
Чы то за поставцемъ горилки
Въ шынку наризуютъ тоби
Цымбалы, кобзы и сопилка,
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы
И жинку макогономъ бъешъ,
Чы самъ товчесся на вкулачкы;
Оры и засивай ланы,
Косы шыроки перелогы,
И грошыкы за баштаны
Лупы,—та все одкынешъ ногы,
Покынешъ все—стижкы й скырты,
Вси ласощы—паслинъ, цыбулю;
Загарба иншый все, а ты
Зъисы за гирку працю дулю...
Чы соцькымъ батько твій въ сели,
Чы самъ на панщыни працюе,—
А смерть зривняе всихъ въ земли:
„Ни зъ кымъ скажена не жартуе...
„Чы читъ, чы лышка? загука.
Ты крыкнешъ: читъ! „Ба брешешь, сыну!"
Озветця паплюга съ кутка,
Та й зцупыть зъ печи въ домовыну...

Пархомъ! въ счастьи не скачи!
Въ нуждѣ не обращайся ты непремѣнно къ небу,
Спрашивай людей, но разумъ свой имѣй;
Какъ ни мудрись, а должно умереть!
Коротаешь ли свой вѣкъ въ печали,
Или за кружаломъ вина
Въ шинкѣ (кабакѣ) наигрываютъ тебѣ
Цимбалы, кобзы [2]) и дудка,

---

[1]) „Литературныя замѣтки по поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основъяненкѣ", въ Литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей, 1856 г., № 41.

[2]) Музыкальные инструменты.

Иль пьяный подъ заборомъ спишь,
Или домой ты лѣзешь на карачкахъ
И толкачемъ жену колотишь,
Иль самъ ты бьешься на кулачкахъ;
Ори и засѣвай поля,
Коси широкіе перелоги,
И денежки за огородъ
Дери,—да все протянешь ноги,
Покинешь все: стога и скирды,
Всѣ лакомства—наслёнъ и лукъ;
Другой захватитъ все, а ты
За горькій трудъ получишь кукишъ!
Иль сотскимъ батько твой въ селѣ,
Иль самъ на барщинѣ трудится,
А смерть сравняетъ всѣхъ въ землѣ
Ни съ кѣмъ безумная не шутитъ...
„Чётъ, иль нечётъ?" закричитъ;
Ты крикнешь: „чётъ".—„А врешь, сынокъ!"
Отвѣтитъ подлая изъ-за угла
Да и потащитъ съ печи въ домовину.

Слѣды подражанія Котляревскому г. Кулишъ видитъ даже въ басняхъ Гулакъ-Артемовскаго, считающихся болѣе самостоятельными и лучшими его произведеніями, и даже указываетъ въ нихъ почти буквальное заимствованіе изъ Энеиды Котляревскаго. Басня „Панъ та Собака" у Гулакъ-Артемовскаго начинается такъ:

На землю злизла ничъ... нигде ани шишырхне,
Хыба то де-куды кризь сонъ що-небудь пырхне.
Хочъ въ око стрель соби—такъ темно на двори!
Уклався мисяць спать, нема ани зори,
И ледви крадькома яка маленька зирка
Зъ-за хмары выгляне, неначе мышъ зъ засика.

На землю слѣзла ночь, нигдѣ ни шелохнетъ,
Хоть въ глазъ коли,—такъ темно на дворѣ,
Уклался мѣсяцъ спать, и нѣтъ ужь и зари,
И чуть украдкой маленькая зорька
Изъ тучи выглянетъ, какъ будто изъ сусѣка мышь.

Эти стихи написаны такимъ же тоническимъ размѣромъ, какъ и Энеида Котляревскаго, и имѣютъ почти буквальное сходство съ слѣдующими стихами послѣдней:

Якъ тілько та сумрачна, темна
Изъ неба злізла чорна нічъ,
Година жъ стала дуже невна,
Якъ повтікали зірки прічъ...

Какъ только та сумрачная, темная
Съ неба слѣзла черная ночь,
А время было очень удобное,
Какъ поубѣгали зорьки прочь...

Но, состоя въ литературномъ родствѣ съ авторомъ перелицованной Энеиды, Артемовской, „несмотря на то,—говоритъ Кулишъ, —одной

ужь тэмой перваго (?) своего печатнаго произведенія („Панъ та собака") придалъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во-что усердіе Рябка смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его сабачью шкуру; да и самъ авторъ ужь далекъ отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ его юмористической живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. И при этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету".

Не отрицая вліянія Энеиды Котляревскаго на басни Гулакъ-Артемовскаго, по крайней мѣрѣ съ внѣшней ихъ стороны и языка, — мы, однако, имѣемъ основаніе полагать, что едва ли не болѣе сильное вліяніе на эти басни имѣла польская литература, которая была ему извѣстна, какъ преподавателю польскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, и именно сочиненія Красицкаго (1735—1801 г.). Изъ его сочиненій Гулакъ-Артемовскій взялъ эпилогъ къ своей баснѣ „Панъ та собака", приведенный нами выше, который однако же не помѣщается при печатныхъ изданіяхъ ея. Не смотря на свой епископскій санъ, Красицкій былъ ревностный приверженецъ той философіи XVIII столѣтія, которая, затѣявъ войну на смерть со средними вѣками и вѣруя въ силу разума и въ свободу человѣка, мечтала о радикальномъ преобразованіи всего человѣчества, безъ крови и насилія, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Онъ содѣйствовалъ успѣхамъ этой философіи больше, чѣмъ всѣ остальные современные ему польскіе писатели, вмѣстѣ взятые. Красицкій сначала пробовалъ себя въ героическомъ эпосѣ, но неудачно. Гораздо лучше героическаго удался ему эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или заимствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума, и по духу времени, занятаго разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла разыграться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаяся на необыкновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ шутливыхъ эпическихъ произведеній принадлежатъ три поэмы: „Мышеисъ", „Монахомахія" или война монаховъ и „Антимонахомахія". Въ полнѣйшемъ же блескѣ сатирическій талантъ Красицкаго выражался въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которыя исполнены тонкой скептической ироніи въ отношеніи къ тѣмъ вѣкамъ варварства и суевѣрія, когда „скабины съ бурмистромъ жгли вѣдьмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старосты, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ виновности, опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ дитяти зароки, когда чортъ плясалъ нѣмчикомъ на развалившейся башнѣ, когда свирѣпствовалъ колтунъ вслѣд-

ствіе чарованій и болтали по французски бѣснующіяся бабы, или, чихая на папертяхъ церквей по святымъ мѣстамъ, наводили неисповѣдимый страхъ на жителей". Но, по отзыву г. Спасовича, „элегантная сатира Красицкаго была самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, носитъ пудру и манжеты и невиннымъ образомъ подсмѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка" [1]).

Мы достали только сатиры Красицкаго, въ изданіи 1779 года, и хотя не нашли здѣсь его стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемовскаго „Панъ та собака", — но за то нашли сатиру, подъ заглавіемъ—„Pan nie wart sługi (Панъ хуже слуги), совпадающую содержаніемъ своимъ съ этою баснею. Въ этой сатирѣ, между прочимъ, изображается панъ Мацѣй, выскочившій въ паны изъ лакеевъ и жестоко обращающійся со своимъ слугою Мартыномъ. „Спитъ его милость въ полдень, хоть и не трудился,—говоритъ сатира; не спитъ Мартынъ, всю ночь не смыкалъ и глазъ: вольно панамъ и нисколько не вредитъ имъ, хоть немножко не годится для бѣдной челяди. Проснулся его милость; Мартынъ слышалъ это, усердно возится, хочетъ какъ можно лучше угодить. Напрасное стараніе! Кто же угодитъ панамъ? Какъ легъ, такъ и всталъ недоволенъ его милость господинъ: все ему не по вкусу; ночь проигралъ въ карты; все худо, проигрался, вчера заложилъ клейноты. Пришелъ купецъ съ роспиской, напоминаетъ срокъ; нужно отдать, а нечѣмъ; сто нагаекъ Мартыну! Онъ плачетъ въ уголкѣ, рыдаетъ, послѣ нагаекъ спрятался, а далѣе въ другой разъ—вдвойнѣ, почему не благодарилъ! Онъ благодаритъ и плачетъ; панъ за это разсердился, и Мартыну не пришлось бы послѣ другихъ нагаекъ получить и третьи. Несчастные вы, служащіе игрушкой для злости палачей вашихъ, а не пановъ! Скоты по работѣ, а слуги по названію! И плакать вамъ нельзя, а говорить — еще хуже! Тѣмъ скорѣе придетъ за словомъ жестокая месть" [2]). Тотъ же слуга Мартынъ является и у Гулакъ-Артемовскаго, только въ собачьей шкурѣ. Въ его баснѣ „Панъ та собака" разсказывается о дворовой собакѣ „Рябко", которая всю ночь стерегла господское добро и безустанно лаяла, но, вмѣсто ожидаемой награды за усердіе, была страшно выбита по приказанію своего господина, который проигрался въ эту ночь въ карты и поутру не могъ заснуть будто бы отъ лая Рябка. Послѣ побоевъ Рябко забрался въ уголокъ и пересталъ по ночамъ лаять, чтобы не будить барина,—и опять попался въ бѣдѣ: онъ допустилъ воровъ обокрасть дворъ и выбитъ былъ еще больнѣе.

„Чорты бъ убывъ твого, Явтухъ, зъ панамы батька
И дядыну, и дядька
За ласку ихъ! сказавъ Рябко тутъ на-одризъ.

---

[1]) „Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ". Пыпина и Спасовича, 1865 года, стр. 435—443.

[2]) Satyry. Warszawa, 1779, kart. 96—97.

Нехай имъ служыть бильшъ рябый въ болоти бисъ!
Той дурень, хто дурнымъ иде панамъ служыты,
А бильшый дурень—хто имъ дума угодыты!
Годывъ Рябко имъ, мовъ болячци й чыряку,
А що жъ за те Рябку?
Сяку мать та таку!
А до того ище спороли батогами,
А за выслугу налюгамы.
Чы гавкае Рябко, чы мовчкы спыть,
Все выпада—такы Рябка прытьмомъ побыть...
Зъ ледачымъ все бида: хочъ верть—круть, хоть круть—верть,
Випъ найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

Чортъ бы взялъ твоего, Явтухъ, съ господами батька
И тятку и дядю
За милость ихъ! сказалъ Рябко тутъ па отрѣзъ.
Пусть служитъ больше имъ рябой въ болотѣ бѣсъ!
Тотъ глупъ, кто служитъ глупымъ господамъ
Глупѣе тотъ, кто думаетъ имъ угодить!
Рябко имъ угождалъ, какъ чирью и коростѣ,
А чтожъ за то Рябку?
Сякую да такую мать!
А сверхъ того еще отдули батогами,
А за выслугу палками.
Лаетъ ли Рябко, иль молча почью спитъ,
Выходитъ,—все-таки Рябка всенепремѣнно бить.
Съ худымъ всегда бѣда: хоть верть—круть, хоть круть—верть,—
Онъ все-таки найдетъ тебѣ хоть въ черепочкѣ смерть.

Въ свое время, басня „Панъ та собака“ вызвала довольно удачную пародированную эпиграмму въ „Телеграфѣ“ Полеваго, которая гласитъ такъ:

Пускай въ Зоилѣ серце ноетъ,—
Онъ Артемовскому вреда не принесетъ:
Рябко хвостомъ его прикроетъ
И въ храмъ безсмертья унесетъ.

Г. Де-Пуле передаетъ, что Гулакъ-Артемовскій никакъ не могъ простить Полевому этого четверостишія и на своихъ университетскихъ лекціяхъ старался втоптать въ грязь его „Исторію русскаго народа“. Между тѣмъ, это четверостишіе дѣйствительно было пророчественнымъ. Послѣдующее поколѣніе выше всего цѣнило басню Артемовскаго „Панъ та собака“ и на ней особенно основывало литературную славу ея автора. „Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ, —говоритъ Н. И. Костомаровъ, „Панъ та собака“, по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что оно выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества“. „Сцены дикаго произвола,—говоритъ Кулишъ,—подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечат-

лѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе, эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія".

Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны уменьшить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала. Заслуга Артемовскаго состоитъ развѣ въ томъ только, что онъ сообщилъ этой баснѣ народный украинскій колоритъ и явился съ нею весьма кстати. Въ то время въ Россіи, въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ, поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Многіе тогда стояли за крѣпостничество и между ними нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ. Мы видѣли, какъ Белецкій-Носенко, самъ владѣвшій крестьянами и „будучи подстрекаемъ благостію мужей отличнѣйшихъ", доказывалъ пользу крѣпостничества политическими соображеніями. Но Гулакъ-Артемовскій не былъ помѣщикомъ, не имѣлъ интереса защищать крѣпостничества и дѣйствительно направилъ свою басню противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. А для этого все-таки нужно было гражданское мужество, свидѣтельствующее о твердости и благородствѣ души нашего автора.

Согласно съ общимъ направленіемъ сатирическихъ сочиненій Красицкаго написана и другая басня Гулака-Артемовскаго „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози". Содержаніе ея слѣдующее: Солопій добылъ весною гороху и совѣтовался съ женою своею Хиврею, что дѣлать съ горохомъ, — продать ли его, или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, объ этомъ разошлись во мнѣніяхъ: Хивря совѣтовала посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать его понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ нибудь вдали отъ дороги, за пашнею. На первый годъ онъ, однако уступилъ женѣ и, несмотря на убыль отъ ребятишекъ,—все-таки получилъ чистой прибыли пять мѣшковъ гороху; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако на селѣ все-таки узнали, что Солопій посѣялъ горохъ и гдѣ именно, стали ходить въ него черезъ пшеницу и рожь и совершенно смяли ихъ. У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, — и онъ пошелъ съ торбою (сумою) по-міру. Басня заключается такимъ нравоученіемъ:

Послухайте мене, вы вси Солопіи,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зна надъ чымъ морочыте до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчятъ, намъ, класты кошенята,
Якъ грушы на верби и дули вамъ ростуть;
Якъ исты дазьбыга, та ще й гладкымы буть;
Якъ локшыну варыть для війска изъ паперу,
Якъ квашу намъ робыть зъ чорныла и тетерю:
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часныкомъ,
Якъ кохвы пыть панамъ зъ квасоли зъ бурякамы;

Якъ нывы засиватъ безъ симъя кызякамы,
Якъ зъ кожного зерна симъ квартъ горилки гнать,
Якъ сино намъ перомъ косыть, якъ кнiымы жать,
Щобъ людямъ и снопка не дать на заробитокъ
И пташци ни зерна погодоваты дитокъ...
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, брехню.
Де треба руки грить, тамъ треба и огню!
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы!..

Послушайте меня, вы всѣ Солопіи,
Что знай мудряете и головы свои
Чортъ знаетъ чѣмъ морочите до нельзя:
Какъ въ щи, въ замѣнъ курей, намъ класть щенятъ,
Какъ груши на вербѣ и дули [1]) вамъ растутъ,
Какъ ѣсть дастъ—Богъ—а, да быть и жирными,
Какъ варить лапшу для войска изъ бумаги,
Какъ квашу и тетерю [2]) дѣлать изъ чернила,
Какъ хлѣбъ молоть безъ жерновъ языкомъ,
Какъ пчелъ кормить безъ меду чеснокомъ,
Какъ кофе пить господамъ изъ фасоли, съ свекловицей,
Какъ поле засѣвать безъ сѣмени пометомъ,
Какъ съ каждаго зерна семь квартъ водки гнать,
Какъ сѣно намъ перомъ косить, какъ копьми жать,
Чтобъ людямъ и снопка не дать на заработокъ
И пташкѣ ни зерна покормить дѣтокъ.
Плюньте вы, сумазброды, на это вранье.
„Гдѣ нужно руки грѣть, тамъ нужно и огню".
Да вотъ ужь не одинъ изъ васъ оралъ подъ небесами,
А какъ на землю слѣзъ,—пошелъ въ нищіе съ сумой.

Г. Кулишъ не очень высоко цѣнитъ эту сказку Гулака-Артемовскаго и замѣчаетъ, что она имѣетъ общій смыслъ, заключающійся въ недовѣріи тогдашняго провинціальнаго общества къ новѣйшимъ способамъ жизни. Пиша по-украински, Гулакъ-Артемовскій необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Но намъ кажется, что какъ эта сказка, такъ и большая часть произведеній Гулака-Артемовскаго, писаны на извѣстные случаи и явленія, между дѣломъ. Этимъ объясняется ихъ малочисленность, но съ другой стороны ихъ живой, индивидуальный характеръ. Сказка „Солопій та Хивря", по нашему мнѣнію, имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ „Филотехническому обществу домоводства", учрежденному въ Харьковѣ въ 1811 году по мысли и стараніями В. Н. Каразина и существовавшему до 1818 года. Оно имѣло задачею своею „распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперіи. „Самъ В. Н. Каразинъ, душа этого общества, занимался улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія пло-

---

[1]) Родъ грушъ.
[2]) Кушанье, въ родѣ лапши, со скатанными изъ тѣста шариками.

довъ по новому имъ придуманному способу—теплотою водяныхъ паровъ, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минераллами, выращиваніемъ у себя иностранныхъ житъ, опытами унавоженія своихъ полей, проэктами новыхъ хлѣбныхъ хранилищъ, новаго изобрѣтеннаго имъ украинскаго овина, усовершенствованнаго имъ китайскаго молотильнаго катка и опытомъ въ собраніи общества надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вокругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ мясными консервами. Онъ дѣлалъ также опыты надъ превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя и въ 1813 году предлагалъ русской арміи поставку питательной вытяжки,—родъ сухаго бульона, на что почти прямо указываетъ Гулакъ-Артемовскій словами.

„Якъ локшину варить для війська изъ паперу".

Вообще, каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила свое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него собственныя деньги и своими затѣями постепенно разстраивалъ свои хозяйственныя дѣла [1]). Поэтому во всей силѣ къ нему должны быть отнесены заключительныя слова сказки Артемовскаго-Гулака:

Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесами;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбамы.

Доселѣ мы разсматривали стихотворенія Гулака-Артемовскаго, вращающіяся въ области классицизма, преимущественно шутливаго и сатирическаго характера. Но Артемовскій имѣетъ значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма. Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнѣйшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона, и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрогивающій лучшія стороны человѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, мечтательный и туманный, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго и вызвалъ въ его поэзіи новыя струны, болѣе задушевныя и симпатичныя. Въ этомъ отношенія Гулакъ-Артемовскій извѣстенъ намъ своими переводами и передѣлками изъ Мицкевича, Лермонтова и Гёте, и самостоятельными стихотвореніями въ романтическомъ духѣ.

[1]) „Украинская Старина", Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 133, 140 и слѣд.

Впрочемъ, нѣкоторые опыты Гулака-Артемовскаго въ романтическомъ направленіи не были совершенно чужды нѣкотораго рода балагурства и пародіи, хотя послѣдняя и является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма. Мы разумѣемъ здѣсь переводъ его баллады Мицкевича „Панъ Твардовскій“ и передѣлку думы Лермонтова: „Печально я гляжу на наше поколѣнье“. Баллада Мицкевича уже сама по себѣ заключала долю комическаго элемента и въ переводѣ Гулака-Артемовскаго получаетъ только сильный украинскій оттѣнокъ. „Предметъ ея,—говоритъ г. Костомаровъ,—тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій варіантъ отличается большею образностію и народнымъ комизмомъ, чѣмъ польскій“. Иначе хотѣлъ поступить Артемовскій съ думою нашего Лермонтова и думалъ написать только пародію на нее; но онъ не могъ измѣнить основнаго ея тона, и потому его пародія мѣстами превращается въ грустную иронію. Въ своей пародированной думѣ „Упадокъ вѣка“ Гулакъ-Артемовскій комически-печально смотритъ на теперешнее поколѣніе людей, которые не пьютъ горѣлки, какъ пили ихъ отцы и дѣды, слабосильны, болѣзненны и неспособны къ серьезному труду и домовитости:

З похмілля пудяться, ідять за горобця,
Об Сéмени дрижать, об Петрі зранку мліють;
А схопить трясця... гвалтъ! покличте панотця!
Хай сповіда!.. притьмом копають и дубіють!

Но заключительные стихи этой пародированной думы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ выраженій,—такого рода, что они нисколько бы не нарушили общаго впечатлѣнія, производимаго „Думой“ Лермонтова:

И марно як жили, так марно и номруть,
Як ті на яблуни червиві скороспілки,
Що рано одцвіли, та рано й опадуть;
Ніхто по іх душі та й не лизне горілки.
И років через сто на цвинтарь прийде внук,
Де грішни кости іх в одну копицю сперли;
Поверне череп іх, та в лоб ногою — стук!
Та й скаже: „як жили, так дурнями и вмерли!

И даромъ какъ жили, такъ даромъ и помрутъ,
Какъ тѣ на яблони червивы скороспѣлки,
Что рано отцвѣли да рано и помрутъ;
Никто по ихъ душѣ и не лизнетъ горѣлки
И черезъ сто годовъ придетъ внукъ на кладбище
Гдѣ грѣшныя ихъ кости въ кучу сперли,
Повернетъ черепъ ихъ, да въ лобъ, ногою стукъ!
Да скажетъ: какъ жили, такъ и померли дураками.

Но къ чистѣйшимъ звукамъ романтизма въ поэзіи Гулака-Артемовскаго относится переводъ его Гетевой баллады „Рыбакъ“. „Это—безспорно, лучшее произведеніе г. Артемовскаго“, говоритъ г. Чу-

ирына: „оно сдѣлало бы честь любому изъ малороссійскихъ писателей. Особенно замѣчательна здѣсь та свободная гибкость стиха, съ какою авторъ передаетъ трудности нѣмецкаго произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ—большой мастеръ своего дѣла, и то, что на языкѣ другого явилось бы непремѣнно въ простонародной одеждѣ, у него получаетъ простую, но изящную форму". Приводимъ здѣсь самую балладу въ переводѣ Гулака—Артемовскаго:

Вода шумыть!.. вода гуля!..
На берези Рыбалка молоденькый
На поплавець глядыть и прымовля:
Ловитця, рыбонькы, велыки и маленьки!

—

Що рыбка смыкъ, то серце тёхъ!..
Серденько щось Рыболочци вищує:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханнячко?.. не зна винъ, а сумує.

—

Сумує винъ,—ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! и хвыля утикае!..
Ажъ—гулькъ!.. зъ воды дивчынонька пливе,
И косу счисуе, и бривками моргае...

—

Вона й морга, вона й кива:
„Гей! гей! не надь, Рыбалка молоденькый,
„На зрадный гакъ ни щукы, ни лына!..
„На що ты нивечышъ мий рідъ и плидъ любенькый?

—

„Колыбъ ты знавъ, якъ Рыбалкамъ
„У мори жыть изъ рыбкамы гарненько,
„Ты бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
„И нарубоцькее оддавъ бы намъ серденько.

—

„Ты жъ бачышъ самъ,—не скажешъ: ни,—
„Якъ сонечко и мисяць червоненькый
„Хлопощутця у насъ въ води на дни
„И изъ воды на свитъ выходять веселеньки!

—

„Ты жъ бачывъ самъ, якъ въ темну ничъ
„Блыщать у насъ зиронькы пидъ водою;
„Ходы жъ до насъ, покынь ту удку прочъ!
„Зо мною будешъ жыть, якъ братъ жыве зъ сестрою.

—

„Зирны сюды!.. чы се жъ вода?..
„Се дзеркало: глянь на свою уроду!..
„Ой, я не за тымъ прыйшла сюды,
„Щобъ намовлять зъ воды на парубка незгоду!"

—

Вода шумыть!.. вода гуде!..
И нiженьки по кисточкы займае!..
Рыбалка вставъ, Рыбалка йде,
То спынытця, то впять все глыбшенько пирнае!..

—

Вона жъ морга, вона й снива...
Гулькъ!.. прыснула на сынимъ мори скалкы!..
Рыбалка хлюпъ!.. За нымъ шубовсть вона!..
И бильше вже нигде не бачылы Рыбалкы!

Вода шумитъ!.. вода гуляетъ!..
На берегу молоденькій рыбакъ
На поплавецъ глядитъ и приговариваетъ:
Ловитесь, рыбочки, большія и малыя!
Что рыбка клюнетъ, то сердце стукъ!..
Сердечко предвѣщаетъ что-то рыбаку, —
Печаль ли, или страхъ,
Или любовь?.. не знаетъ онъ, а тоскуетъ.
Тоскуетъ онъ,—и вотъ реветъ!
И вотъ гудетъ! и волна убѣгаетъ!
И глядь! изъ воды дѣвица выплываетъ
И чешетъ косу и бровками поводитъ...
Она поводитъ, она и киваетъ:
„Эй, эй! не мани, молодой рыбакъ,
На вѣроломный крюкъ ни щуки, ни линя!..
Зачѣмъ ты переводишь мой родъ и плодъ любезный?
Коли бъ ты зналъ, какъ рыбакамъ
Въ морѣ хорошо жить съ рыбками,
Ты и самъ бы нырнулъ на дно къ линямъ
И отдалъ бы намъ свое молодецкое сердце.
Ты видишь самъ, не скажешь: „нѣтъ“,—
Какъ солнышко и румяный мѣсяцъ
Полощутся у насъ въ водѣ на днѣ
И изъ воды на свѣтъ выходятъ веселыми!
Ты видѣлъ самъ, какъ въ темную ночь
Блестятъ у насъ зорьки подъ водой;
Иди же къ намъ, брось ту уду прочь:
Со мною будешь жить, какъ братъ живетъ съ сестрою.
Взгляни сюда!.. Развѣ это вода?
Это—зеркало: взгляни на свою красу!..
Ой, я не затѣмъ пришла сюда,
Чтобъ накликать изъ воды на молодца напасть!“
Вода шумитъ, вода гудетъ
И ноженьки по косточки занимаетъ!
Рыбакъ всталъ, рыбакъ идетъ,
То остановится, то опять все глубже ныряетъ!..
А она манитъ, она и поетъ.
Глядь! прыснули на синемъ морѣ брызги.
Рыбакъ хлюпъ!.. За нимъ шуболсть она!..
И больше ужь нигдѣ не видѣли рыбака.

Было время, когда эту переводную балладу Артемовскаго считали исключеніемъ, не подходящимъ подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародіи. Но такъ думали при жизни автора, когда, еще не завершился и не опредѣлился весь кругъ его стихотвореній, которыя, при томъ же, онъ печаталъ весьма неохотно и рѣдко. Теперь мы можемъ указать и другія стихотворенія Гулака Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего заключается насмѣшки и пародіи и которыя по тону своему ближе

всего подходятъ къ его балладѣ „Рыбалка“. Таковы его стихотворенія: „Справжня Добрість“,—посланіе къ Квиткѣ; „Дві пташкі в клітці“; „Пліточка (Рыбка)“, „Да Любки“ и пѣсня: „Текла річка невеличка“.

Не знаемъ по какому поводу написано посланіе къ Квиткѣ, подъ заглавіемъ „Справжня Добрість“; но по содержанію этой пьесы можно заключить что она служила какъ бы одобреніемъ Квиткѣ, оставившему монастырскую жизнь и старалась доказать, что истинная доброта возможна только въ мірской жизни, при гармоническомъ сочетаніи людскихъ наклонностей и страстей.

Хто Добрість, Грицьку, нам намалёвав плаксиву,
Понуру, мов чернець турецкій, и сопливу,
Той далебі—що москаля підвіз;
Той Добрісти не зна, не бачив и не чує,
Не пендзлем той іі, але квачем малює;
Той Добрість обікрав. Не любить Добрість слізъ;
Вона на всіх глядить такъ гарно й веселенько,
Як дівка, од свого идучи напотця
До церкви до вінця,
Глядить на парубка, мов ясочка, пильненько.
Не квасить Добрість губ, бо из іі очей
Палае ласка до людей.
Вона регоче там, де и другі регочуть;
Сокоче, без брехні, де и други сокочуть,
И не цурастця гульні и вечерниць.
Чорнявеньких дівчат и круглих молодиць.
Вона й до милаго пригорнетця по—волі,
Та-ба! та не дае рукам своівільним волі.
Вона й горілочки ряди — вгоди хлисне,
Та носом—мов свиня — по улуці не рие,
По соромицькому не кобинить, не вые,
Під лавкою в шинку — мов цуцик — не засне.
Вона, де треба, пожартуе,
Та з глуздом жарти всі и з разумом миркуе...

Въ другомъ мѣстѣ пьесы говорится:

По сёму ж, Грицьку, тут и Добрість пізнають:
Клеймо ій — канчуки, имення ій — терпіння;
Хто іх не коштував, — нехай не жде спасіння;
Того нехай поміж святими не кладуть!

Кто доброту, Грицько, намъ написалъ плаксивую
Понурую, какъ монахъ турецкій, и сопливую,—
Тотъ, право, съ подвохомъ къ намъ подъѣхалъ;
Тотъ доброты не знаетъ, не видалъ и не слыхалъ,
Не кистью тотъ ее, мазилкою рисуетъ,
Тотъ доброту обворовалъ. Не любитъ слезъ доброта;
Она на всѣхъ глядитъ такъ весело, пріятно,
Какъ дѣвка, идучи отъ своего отца
Въ церковь къ вѣнцу,
Глядитъ на молодца, какъ бѣлочка — привѣтно,
Не кваситъ губъ доброта, изъ ея очей
Привѣтъ пылаетъ къ людямъ,
Она смѣется тамъ, гдѣ и другіе смѣются,

Болтаетъ безъ лжи, гдѣ и другіе болтаютъ,
И не отказывается отъ гулянья и посидѣнокъ
Черноватенькихъ дѣвицъ и полныхъ молодицъ,
Она и къ милому придвинется слегка,
Да нѣтъ! не дастъ рукамъ своевольнымъ воли;
Она и водочки порой хлыснетъ,
Да носомъ, какъ свинья, по улицѣ не роетъ,
Сквернословно не бранится, не воетъ,
Подъ лавкой въ кабакѣ, какъ кутька, не заснетъ;
Она, гдѣ нужно пошутить,
Да съ толкомъ шутки всѣ и съ разумомъ мѣшаетъ...
Поэтому, Грицько, тутъ и доброту узнаютъ:
Клеймо ей — кнутья, названье ей — терпѣнье.
Кто ихъ не пробовалъ, пускай не ждетъ спасенья.
Того пускай номежъ святыми не кладутъ...

Такъ и кажется, что въ этой характеристикѣ Доброты у Артемовскаго представленъ первообразъ женскихъ типовъ въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки—Основъяненка, его Марусь, Оксанъ, Ганусь и проч.

Въ баснѣ „Пліточка" маленькая плотичка жаловалась на судьбу за то, что своимъ ротикомъ не можетъ захватить червячка, надѣтаго на уду. Щука схватила червячка и вмѣстѣ съ нимъ очутилась на сушѣ. Плотичка испугалась.

И бильшъ не скаржылась на долю плиточокъ
　　За ласенькый на удочци шматокъ:
Що Богъ пославъ, чы то богато, чы то трошки —
　　Въ куширъ зализши, или мовчкы.

И больше не жаловалась на долю плотичекъ
За лакомый на удочкѣ кусочекъ:
Что Богъ послалъ, — много ли, иль мало,
Въ поросли залѣзши, ѣла молча.

Въ другой баснѣ „Дві пташкі въ клітці" старый снигирь упрекаетъ молодого за то, что онъ имѣетъ всего вдоволь, и сѣмечка, и проса, и пшеницы, и все-таки нарекаетъ на свою долю.

„Ой, дядьку! не глузуй!" озвався молодий.
„Не дарма я журюсь и слізонькой вмиваюсь,
„Не дарма я прісьця и сімъячка цураюсь!
„Ти рад пожарні сій, бо зріс в ній и вродився,—
„Я—ж вільний був, тепер в неволі опинився!"

Ой, дяденька! не насмѣхайся! отвѣтилъ молодой,
Не даромъ я горюю и умываюся слезами,
Не даромъ я чуждаюся просца и сѣмечка:
Ты радъ пожогѣ этой, — ты въ ней и выросъ, и родился,
А я былъ вольнымъ, и теперь въ неволѣ очутился.

Стихотвореніе „До Любки" написано, вѣроятно, на какой либо случай изъ семейной жизни и нѣжными красками изображаетъ невинную застѣнчивость дѣвицы-невѣсты или новобрачной:

На що ти, Любочко, козацьке серце сушиш?
Чого, як кізонька маненька та в бору,
Що, чи то ніжкою сухенький лист зворушить,
Чи вітерець шепне, чи жовна де кору
На липі подовбе, чи ящірка зелена
Зашелестить в кущі, — вона мов тороплена,
Дрижить, жахаетця, за матірью втіка:
Чого-ж, як та, и ти жахливая така?
Як зуздриш, то й дрiжиш! себе й мене лякаеш!
Чи я до тебе,—ти як від мари втікаеш.
Та я-ж не вовкулак, та й не медвідь — бортняк
З Литви; вподобав я не з тим твою уроду,
Щоб долею вертіть твоею сяк и так
И славу накликать на тебе и незгоду!
Ой час-би дівчині дівоцьку й думку мать:
Не вік же ягоді на гільці червоніти,
Не вік при матері и дівці дівовать...
Ой час теляточко від матки одлучити.

На что ты, Любушка, козацкое сердце сушишь?
Зачѣмъ, какъ маленькая козочка въ бору,
Что, ножкой ли затронетъ листъ сухой,
Иль вѣтерокъ шепнетъ, или гдѣ жолна кору
На липѣ долбитъ, или зеленая ящерица
Зашелеститъ въ кусточкѣ, — она, какъ оторопѣлая
Дрожитъ, пугается, за матерью бѣжитъ:
Отъ чего, какъ и она, и ты пугливая такая?
Какъ увидишь, такъ и дрожишь! Себя и меня пугаешь.
Чуть я къ тебѣ, ты какъ отъ пугала бѣжишь.
Да я не оборотень и не медвѣдь бортнякъ
Изъ Литвы; полюбилъ я не затѣмъ твою красу,
Чтобъ долею твоей вертѣть и такъ и сякъ,
И славу накликать на тебя и напасть!
Ой, пора-бы дѣвицѣ и мысли дѣвичьи имѣть:
Не вѣкъ же ягодѣ на вѣткѣ красоваться,
Не вѣкъ при матери и дѣвкѣ дѣвовать...
Пора теленочка отъ матки отлучить.

Какъ одно изъ лучшихъ произведеній Гулака-Артемовскаго это стихотвореніе переведено г. Фетомъ на русскій языкъ.

Вѣроятно, по поводу какого-либо семейнаго событія написана Артемовскимъ и слѣдующая граціозная пѣсенка:

Текла річка невеличка
Та й понялась моремъ;
Була радість, хоч на старість,
Та й узялась горемъ.

—

Нема пташки — полінашки,
Нема й співів рідних;
Полетіла, не схотіла
Тішити нас бідних.

Текла рѣчка невеличка
Да понялась моремъ;

Была радость хоть на старость
Да взялась горемъ.
Нѣту пташки полѣтуньи.
Нѣтъ и пѣсенъ родныхъ;
Полетѣла, не хотѣла
Утѣшать насъ бѣдныхъ.

Эта пѣсня переложена была на ноты Харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ.

Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Артемовскій является передовымъ дѣятелемъ украинской литературы и пролагаетъ въ ней путь новому романтическому направленію. Къ его послѣдователямъ въ этомъ отношеніи принадлежатъ К. Думитрашковъ, Л. Боровиковскій, отчасти Квитка-Основъяненко и другіе.

IV.

К. Д. Думитрашковъ.

Константинъ Даниловичъ Думитрашковъ, сынъ священника Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, воспитывался въ Полтавской семинаріи и въ Кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ, въ 1839 году, со степенью магистра. По окончаніи курса въ академіи, онъ назначенъ былъ преподавателемъ въ Кіевскую духовную семинарію, въ 1870 году избранъ секретаремъ совѣта Кіевской академіи, а съ 1872 года состоитъ библіотекаремъ той же академіи.

К. Д. Думитрашковъ много писалъ въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ; но эти труды его не относятся къ исторіи украинской литературы. Насъ интересуютъ болѣе ранніе его опыты на украинскомъ нарѣчіи, которые онъ началъ писать еще на академической скамьѣ, слѣдовательно въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Изъ печатныхъ сочиненій его на украинскомъ нарѣчіи извѣстны: ствихотвореніе „Золотоноша“, напечатанное въ свое время въ „Маякѣ“, и „Жабомышодраківка (βατραχομυομαχια) зъ грečеськаго лиця на казацькій выворотъ на швидку нитку перештопана“, С.-Петербургъ, 1859 года. Кромѣ того остаются неизданными нѣсколько его стихотворныхъ легендъ и балладъ, думъ, переводовъ съ нѣмецкаго и другихъ мелкихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія его не пролагаютъ новыхъ путей въ исторіи украинской литературы и должны занять въ ней скромное мѣсто. И по формѣ и по содержанію и тону, его стихотворенія представляютъ отчасти подражаніе стихотвореніямъ И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго, отчасти дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Относительно формы своего стиха К. Д. Думитрашковъ говоритъ слѣдующее: „Народныя малороссійскія думы и пѣсни составлены

силлабическимъ размѣромъ. Котляревскій и Гулакъ-Артемовскій прекрасными своими стихами показали, что малороссійскому стихосложенію свойственъ и тоническій размѣръ такъ же, какъ и русскому. Но они писали преимущественно ямбомъ, употребительнѣйшимъ въ ихъ время у русскихъ поэтовъ. Здѣсь представляются опыты и другихъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, какими пишутся русскіе стихи. „Ватрахоміомахія“ переложена гекзаметромъ. Правописаніе употреблено по возможности церковно-славянское“. Въ самыхъ стихотвореніяхъ К. Д. Думитрашкова мы дѣйствительно находимъ примѣненіе всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія къ малорусскому стиху, а именно: ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и амфибрахій. „Ватрахоміомахія“ переложена примѣнительно къ размѣру подлинника, съ которымъ перелагатель непосредственно имѣлъ дѣло, вѣроятно по подражанію Гнѣдичу въ его переводѣ Гомеровой Иліады.

И по содержанію стихотворенія К. Д. Думитрашкова имѣютъ родство съ произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, но въ извѣстныхъ отношеніяхъ и отличаются отъ послѣднихъ. Мысль о переложеніи Ватрахоміомахіи на украинскую рѣчь очевидно навѣяна автору Энеидой Котляревскаго, но не отличается той безцѣльной пародіей на малорусскій простой народъ въ какой обвинялъ Котляревскаго г. Кулишъ. „Жабомышодракіевка“ имѣетъ своею цѣлію изобразить взаимныя политическія отношенія между малороссами, поляками и русскими, и слѣдовательно стоитъ на историко-политической почвѣ. По словамъ перелагателя, жабамъ данъ характеръ сѣчевыхъ казаковъ, а мышамъ—ляховъ прежнихъ, потому что и Гомеровы жабы и мыши очень похожи характеромъ на казаковъ и ляховъ. Мы съ своей стороны прибавимъ, что явившіеся въ концѣ поэмы раки похожи на русскія войска, положившія конецъ вѣковымъ столкновеніямъ казаковъ съ поляками. И не смотря на общій шутливый тонъ „перештопанной Жабомышодракiвки“, очевидно сочувствіе перелагателя къ лягушкамъ и ракамъ, т. е. казакамъ и москалямъ. Видя перевѣсъ мышей, Юпитеръ бросилъ съ неба молнію, которая перепугала сражающихся и заставила ихъ спрятаться по своимъ мѣстамъ.

Тильки жь не довго одъ блискавки мыши завзяти жахались,
Дружно взялися уньять, щобы жабъ у кінець доконати.
Те бъ и було, та Сатурновичъ жабамъ велику підмогу,
Мовъ бы изъ неба, изъ озера выславъ мышамъ на погибель.
Выйшовъ шкадронъ карасірівъ страшныхъ, якъ марюка пекельный,
Въ чорныхъ мундирахъ и штаняхъ, а хто гарячішій—въ червоныхъ,
Спина—ковадло, а ноги якъ кліщи, а въ роті два списы,
Мьяса чортъ мае зверху, одна шкаляруща изъ кістки.
Тихо пишли клешоноги, хоть нігъ до стогаспіда мали,—
То були раки; мышей вони кліщами дуже щипали,
И поламали ихъ ратищи и покололи муницю,

Басъ увірвався мышамъ, и одъ раківъ дали вони драла.
Сонечко въ дальній байракъ спочивати лягало, а раки
Жабъ и мышей пороспужували и війну порішили. (стр. 28—9).

Только жъ не долго отъ молніи завзятыя мыши пугались,
Дружно взялися опять, чтобъ лягушекъ въ конецъ доканать.
Это бъ и было, да Сатурновичъ жабамъ велику подмогу,
Будто бы съ неба, изъ озера выслалъ мышамъ на погибель.
Вышелъ эскадронъ кираспровъ страшныхъ, какъ адское страшилище:
Спина наковальня, а ноги какъ клещи, а во рту—двѣ пики,
Мяса сверху нѣтъ, одна скорлупа изъ кости.
Тихо пошли клещеногіе, хоть ногъ имѣли пропасть,—
То были раки; мышей они клещами сильно щипали
И поломали имъ ратища и покололи аммуницію.
Лопнуло счастье (соб. віолончель) мышамъ, и отъ раковъ дали они драла.
Солнышко въ дальній оврагъ ложилось спать, а раки
Лягушекъ и мышей пораспугивали и войну покончили.

Легенды и баллады, думы и другія мелкія стихотворенія К. Д. Думитрашкова примыкаютъ своимъ содержаніемъ и тономъ къ стихотвореніямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. У послѣдняго мы видѣли подражанія римскому поэту Горацію или, какъ онъ называетъ его Гараськѣ, балладу „Твардовскій“, переведенную изъ Мицкевича, и „Рыбалку“,—переводъ изъ Гёте. И у Думитрашкова есть параллельныя имъ стихотворенія, такъ-то: стихотвореніе „И дома и въ гостяхъ“, написанное по подражанію метаморфозамъ Овидія, шесть легендъ или балладъ и „Молитва Маргариты“,—переводъ изъ Гетева Фауста. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній юмористическаго характера и напоминаютъ юморъ Гулака-Артемовскаго; но большая часть ихъ отличается серьознымъ содержаніемъ и даже иногда грустнымъ тономъ. Послѣднія проникнуты духомъ любви къ низшему классу народа, соединенной съ нѣкоторою насмѣшкой надъ его притѣснителями, какъ и у Гулака-Артемовскаго въ его баснѣ „Панъ та собака“. Для примѣра, приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія „Доля“, напоминающаго нѣкоторыми выраженіями своими Гулака-Артемовскаго:

Иде мольба до неба и хула
Изъ сілъ и городівъ, якъ пара зъ гною:
Той долі радъ за те, що вже дала,
Той сваритьця зъ годиною лихою,
Той въ чепці йде, другій женитьця радъ;
Одинъ одъ немочи, другій одъ пуза крекче;
Той родитьця, другій бажа вмирать,
Бо дума — на тімъ світі буде легче.
Той дметьця вверхъ, щобъ лопнуть якъ пузырь,
А той, якъ вьюнъ хвостомъ виля въ болоті,
Въ мороці, тузі и трудахъ ввесь міръ
И вікъ немовъ бы въ катаржній роботі.
И всімъ на світі, кажуть, важно жить,
Не хочетьця остатню тратить силу,
Осточортіло все робить — робить,

И щобъ спочить, здаетьця бъ лігъ въ могилу.
Отъ, тілько кажуть, що панамъ багатымъ
Ніколы и на умъ нейде вмирати.
Але хоть багатырь еси, та ба!
Не підешь мабуть прудко противъ Бога;
Бо якъ придавить дядина судьба,
То все — таки одкинешь, брате, ноги!
Вже, що написано намъ на роду,
То те и буде; такъ скачи же, враже,
Підъ дудку долі, грай до—ладу!
Такъ пуможъ-те робить, що доля скаже!
А доля каже: дурни навісни!
Хіба не знаете, що Божа воля
Все робыть на світі, а вы, дурни,
Говорите, що все те робить доля...

Идетъ мольба къ небу и хула
Изъ селъ и городовъ, какъ паръ изъ навозу:
Тотъ долѣ радъ за то, что уже дала
Тотъ борется съ несчастіемъ,
Тотъ въ чернецы идетъ, другой женится радъ;
Одинъ отъ немочи, другой отъ пуза крекчетъ;
Тотъ родится, другой желаетъ умирать,
Потому что думаетъ, что на томъ свѣтѣ ему будетъ легче.
Тотъ прется вверхъ, чтобъ лопнуть какъ пузырь,
А тотъ, какъ вьюнъ, хвостомъ виляетъ въ грязи,
Въ морокѣ, скорби и трудахъ всю жизнь
И вѣкъ какъ будто въ каторжной работѣ.
И всѣмъ на свѣтѣ, говорятъ, тяжко жить,
Не хочется послѣднюю тратить силу,
Опротивѣло все—дѣлать—дѣлать,
И чтобъ отдохнуть, сдается бъ легъ въ могилу.
Вотъ только, говорятъ, что господамъ богатымъ
Никогда и на умъ нейдетъ умирать.
Но хоть ты богачъ, да нѣтъ!
Не пойдешь, видно, прямо противъ Бога;
Потому что, какъ придавитъ неумолимая судьба,
То все-таки протянешь, братецъ, ноги!
Ужь что написано намъ на роду,
То такъ и будетъ; такъ скачи же, враже,
Подъ дудку судьбы, играй въ тактъ!
Такъ будемъ дѣлать то, что велитъ судьба!
А судьба говоритъ: глупцы сумасшедшіе!
Развѣ не знаете, что Божья воля
Все творитъ на свѣтѣ, а вы, глупцы,
Говорите, что все дѣлаетъ судьба!

Означенные курсивомъ стихи живо напоминаютъ собою нѣкоторыя выраженія въ двухъ стихотвореніяхъ Гулака-Артемовскаго „До Пархома“.

Легенды и баллады К. Д. Думитрашкова частію имѣютъ книжное происхожденіе, но больше всего заимствованы изъ быта и вѣрованій простого народа. Легенда „Заклятый“ заимствована изъ разсказа Петра Могилы о разрѣшеніи имъ въ Виланѣ проклятаго самозванца,

тѣло котораго найдено неразложившимся. Баллада „Поминки" начинается разсказомъ о самомъ обычномъ явленіи въ приднѣпровской жизни, какъ одного утопленника литвина, конечно сплавлявшаго весною лѣсъ по Днѣпру, принесло къ сельской мельницѣ, „мовъ бы на пакость народу". Никто изъ крестьянъ не рѣшался вытащить его изъ воды; только дѣдъ Степанъ вытащилъ его оттуда, привезъ до своего двора, сдѣлалъ для него гробъ и нанялъ дьячковъ читать надъ покойникомъ псалтирь, пока выѣдетъ судъ и дастъ приказаніе погребсти его. Но судъ не выѣхалъ, „а замісь себе прислав вінъ бумагу",

А въ папері тому
Не велівъ никому
Самовольно въ Днінрі утопати,
А мярцвя Литвинка,
Безъ попа, безъ дяка
Приказавъ крій села поховати.

А въ бумагѣ той
Не велѣлъ никому
Самовольно въ Днѣпрѣ утопать,
А мертвеца Литвина,
Безъ попа, безъ дьячка
Приказалъ за селомъ погребсти.

Дѣдъ Степанъ похоронилъ литвина, какъ слѣдуетъ, и поминалъ его какъ родное дитя. Въ сороковую ночь онъ видитъ во снѣ, будто бы находится въ Кіевѣ и, вмѣстѣ съ другими спѣшитъ въ пещеры. Между богомольцами очутился и утопленникъ литвинъ. Онъ поблагодарилъ дѣда Степана за его молитвы о себѣ и сказалъ ему:

И прійшовъ я теперь
Ажъ до дальнихъ пещеръ,
Відкіль водять въ небесное царство;
Бо зъ пещеръ намъ ити
По узькому пути
Ажъ до самого Божого неба.

И пришелъ я теперь
Даже до дальнихъ пещеръ,
Отколь водятъ въ небесное царство;
Потому что изъ пещеръ намъ идти
По узкому пути
До самаго Божьяго неба.

Попросивъ снова молитвъ дяди Степана, литвинъ прощается съ нимъ въ полной надеждѣ увидѣться на томъ свѣтѣ.

Баллада „Змій" взята изъ народныхъ вѣрованій о летаніи огненныхъ зміевъ къ женщинамъ и сожительствѣ съ ними. Въ селѣ Драбивцяхъ были молодица, „databaseуродою наикраща всіхъ! въ селі",—и неудивительно: мать ея на одного „панка дивилась, дочка въ неи якъ

пана уродилась". И дочь Марина тоже не любила никого изъ простыхъ мужиковъ, а заглядывалась на панковъ, „и замужъ по закону хочь пішла, да зъ чоловікомъ довго не жила". Сельскій голова, неравнодушный къ Маринѣ, отдалъ ея мужа въ солдаты. Оставшись не вдовой и не молодушкой, Марина втайнѣ желала смерти мужа въ какомъ либо сраженіи и мечтала пріобрѣсть любовь сосѣдняго пана. Мечты ея, повидимому, сбылись,—сосѣдній панъ навѣщалъ ее каждую ночь; но впослѣдствіи оказалось, что то былъ не панъ, а принимавшій его видъ огненный змѣй. Узнавъ объ этомъ, мать Марины трижды окурила ея хату ладаномъ, но огненный змѣй зажегъ хату, вмѣстѣ съ которою сгорѣла и Марина —

„Отъ-то за те, щобъ пана не любила".

Но, почерпая свое содержаніе изъ народныхъ вѣрованій и преданій, баллады Думитрашкова не воспроизводятъ ихъ въ натуральномъ видѣ и носятъ замѣтный слѣдъ искусственности и морали. Такъ писали тогда свои баллады Жуковскій, Мицкевичъ, Гулакъ - Артемовскій, Боровиковскій и др.

„Молитва Маргариты" изъ Гётева Фауста переведена Думитрашковымъ съ нѣмецкаго подлинника, но, вѣроятно, по примѣру Гулака-Артемовскаго. Мы приведемъ эту молитву сполна, какъ лучшее стихотвореніе Думитрашкова:

Владычице многоскорбящая!
Ты дивишься, зчепивши руки,
На Синови смертельни муки
Коло хреста животворящаго
    О милосердная! схились,
    На мене бідну подивись!
    Хіба жъ Ты воздыхаешь
    И слезы проливаешь
    Усе тілько за Сына одного?
    Охъ, а колыбъ Ты знала,
    Якъ тяжко я страдала,
    Схилилась бы до горя Ты мого!
Да хтожъ и знае більше, якъ не Ты,
Яка въ мене на серці туга,
Яка въ души моій недуга?!
Пречистая, спаси мене й прости!
    Куды ни повернуся,
    Нигде не розминуся
    Зъ годиною лихою.
    На щожъ я літа трачу?
    Я плачу, плачу, плачу,
    Одъ долі плачу злои.
    До зіроньки вставала
    И квітки поливала
    Слезами дрібными, немовъ водою,
    Нарвала ихъ рапенько,
    Звязала ихъ гарненько,
    Щобъ ихъ поставити передъ Тобою.

А скілько досхідъ сонця
Зъ постели я схоплялась,
Сідала у віконця,
Слезами обливалась!
Заступнице усердная!
Избави одъ напасти!
Помилуй, милосердная,
Не дай души пропасти!

Владычице многоскорбящая!
Ты смотришь, скрестивши руки,
На смертельныя муки Сына
Около креста животворящаго!
О, милосердная! склонись,
На меня бѣдную воззри!
Развѣ жъ ты воздыхаешь
И слезы проливаешь
Все только за Сына одного?
Охъ, а коли бъ ты знала,
Какъ тяжко я страдала,—
Склонилась бы ты къ горю моему.
Да кто жъ и знаетъ больше, какъ не ты,
Какая у меня на сердцѣ скорбь,
Какой недугъ въ моей душѣ?
Пречистая, спаси меня и прости!
Куда ни повернуся,
Нигдѣ не разминуся
Съ судьбиной злой.
Зачѣмъ же я влачу жизнь?
Я плачу, плачу, плачу,
Отъ судьбы злой плачу.
До зореньки я вставала
И цвѣтки поливала
Слезами частыми, какъ бы водою;
Нарвала ихъ ранешенько,
Связала ихъ хорошохонько,
Чтобъ ихъ поставить предъ собою.
А сколько до восхода солнца
Съ постели я срывалась,
Садилась у оконца,
Слезами обливалась!
Заступнице усердная,
Избави отъ напасти!
Помилуй, милосердная,
Не дай душѣ погибнуть!

Этимъ стихотвореніемъ своимъ К. Д. Думитрашковъ примыкаетъ къ романтическому направленію въ украинской литературѣ.

V.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко являются продолжателями другой стороны литературной дѣятельности Котляревскаго, именно его комическихъ оперъ.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь [1]), сынъ полкового писаря, отецъ Н. В. Гоголя, по женской линіи имѣлъ предками своими Танскихъ, изъ которыхъ одинъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, извѣстенъ былъ, какъ „славный поэтъ" — писатель интерлюдій въ простонародномъ украинскомъ духѣ [2]). Самъ Василій Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный; обладалъ даромъ разсказывать занимательно о чемъ ему ни вздумалось, и приправлялъ свои разсказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича Гоголя, 19 марта 1809 года, Василій Аѳанасьевичъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассесора, „что въ провинціи, говоритъ Кулишъ, и еще въ тогдашней провинціи, было рѣшительнымъ доказательствомъ—во первыхъ умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ—бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности—теоретической, или практической, все равно". Положимъ, въ чинъ коллежскаго ассессора онъ могъ быть переименованъ, при уничтоженіи гетьманщины, изъ сотника и тому подобнаго козацкаго чина; но все-таки нужно признать за Васильемъ Аѳанасьевичемъ извѣстную долю образованія. Положительнымъ доказательствомъ умственнаго его развитія служитъ драматическая его дѣятельность. Въ сосѣдствѣ съ В. А. Гоголемъ, именно въ селѣ Кибинцахъ, поселился съ 1822 года извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который изъ бѣднаго казачьяго мальчика своими способностями и заслугами съумѣлъ возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго. Между прочимъ, Трощинскій устроилъ домашній театръ въ Кибинцахъ, въ репертуарѣ котораго мы находимъ рукописную комедію Грибоѣдова

---

[1]) Главные источники: 1) „Записки о жизни Гоголя", Кулиша, С.-Петербургъ, 1856 г.; 2) „Основа", за февраль, 1862 г.; 3) „Очерки украинской драматической литературы", въ „Русской сценѣ", 1865 г. №№ 6 и 7.

[2]) См. „Лицей князя Безбородко", 1859 г., отд. 2, стр. 29. См. Сборникъ „Древняя и новая Россія", за ноябрь 1878 г. „Драматическія сочиненія Г. Конисскаго".

„Горе отъ ума“ [1]). Собственная ли это была затѣя Трощинскаго устроить театръ, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву, не знаемъ; только старикъ Гоголь былъ дирижоромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Извѣстны двѣ его комедіи: „Собака-Вивця“ и „Романъ и Параска“, иначе—„Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“, которыя Гоголь-сынъ въ письмѣ къ матери прямо называетъ папенькиными комедіями. Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ началѣ 1825 года; слѣдовательно его комедіи, назначавшіяся для домашняго театра Трощинскаго, написаны были между 1822 и 1825 гг.

Первая комедія не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ: содержаніе ея записано со словъ Гоголихи. Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ овцу на ярмарку для продажи, и вздумалъ овладѣть ею. Товарищъ этого солдата забѣжалъ впередъ, на встрѣчу мужику.

— Ба, мужичокъ! сказалъ онъ, гдѣ ты ее нашелъ?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: вивцю?

— Нѣтъ, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, москалю, вивця, говоритъ мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивця?

— Та що бо ты кажешъ! А кличъ же, чи пиде вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ-подъ полы, говоритъ: „цуцу! цуцу!“

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату. Мужикъ колеблется; а солдатъ началъ представлять ему такіе резоны, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобъ только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще копу грошей [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что мотивъ этой комедіи заимствованъ отцомъ—Гоголемъ изъ народныхъ преданій. О подобной продѣлкѣ солдата съ малорусскимъ мужикомъ мы находимъ нѣсколько народныхъ разсказовъ. По одному изъ нихъ, мужикъ Хома, по настоянію жены своей, пошелъ на ярмарку покупать лошадь и купилъ за четыре рубля „таку шкапу, що здихать збіралась“. Онъ повелъ ее домой и съ усиліемъ тянулъ за поводъ. Гдѣ ни взялись два москаля. Одинъ изъ нихъ перерѣзалъ поводъ, на которомъ велъ мужикъ клячу, передалъ ее другому москалю, а самъ ухватился за конецъ повода, оставшійся въ рукахъ мужика, и пошелъ за нимъ, упираясь какъ

[1]) См. „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Кіевъ, 1874 г., № 4222.

[2]) „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. 1, стр. 15—16.

кляча. Около заставы люди стали спрашивать Хому, зачѣмъ онъ тащитъ за собой москаля на веревкѣ. Хома какъ глянулъ, такъ и похолодѣлъ, и въ перепугѣ бросилъ веревку и москаля и убѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ кумомъ Омелькомъ и снова отправился съ нимъ на ярмарку. Смотритъ Хома, а кляча, перевернувшаяся у него въ москаля, опять стоитъ на томъ же мѣстѣ. Кумъ Омелько сталъ было торговать ее, но Хома толкнулъ его подъ бокъ и тихонько сказалъ: „Омельку, дядьку! відчипись та від сеейі шкапи: се не коняка, а москаль" [1]). По другому разсказу, записанному Я. Г. Кухаренкомъ, лошадь такимъ же способомъ превратилась въ монаха [2]).

Комедія „Простакъ" издана Кулишомъ въ Основѣ [3]), вѣроятно съ рукописи, хранящейся въ бывшей библіотекѣ Д. П. Трощинскаго [4]). Содержаніе этой пьесы почти тоже самое, что у Котляревскаго въ „Москалѣ-Чарівникѣ". „Мы не знаемъ навѣрное, говоритъ Кулишъ, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если „Простакъ", то комедія Гоголя—отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго; если же Гоголь—отецъ взялъ сюжетъ Москаля-Чарівника и обработалъ его по своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь". Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя—отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онѣ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ, о которыхъ мы говорили выше при разборѣ „Москаля-Чарівника". Эти народные источники могли оразнообразиться тѣми случаями изъ бытовой, дѣйствительной жизни, которые подали Котляревскому и Гоголю—отцу мысль написать свои комедіи. По крайней мѣрѣ, о пьесѣ Гоголя—отца тотъ же Кулишъ передаетъ, что въ ней представлены дѣйствительныя лица, мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи, или на другихъ условіяхъ, и принадлежавшіе, какъ видно, къ высшему лакейству. Они явились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянскомъ быту, и хотя разыгрывали почти тоже, что̀ случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ человѣкъ Екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоуміемъ, которому бывшій министръ юстиціи не могъ достаточно надивиться. Что̀ касается до

[1]) „Народныя южно-русскія сказки", Рудченко, вып. 2, Кіевъ, 1870 г., № 41.

[2]) Основа, за октябрь, 1861 г.

[3]) Тамъ же, за февраль, 1862 года. Отсюда недавно перепечатана въ Кіевѣ особымъ изданіемъ.

[4]) „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго", Кіевъ, 1874 г., № 4228.

жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ [1]).

Дѣйствіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска выпроваживаетъ Романа въ поле за зайцами и вмѣсто гончей собаки даетъ ему поросенка, увѣряя, что кумъ всегда ловитъ зайцевъ поросятами, а сама между тѣмъ, въ отсутствіе мужа, собирается погулять съ дьякомъ Хомой Григоровичемъ. Является дьякъ и объясняется съ Параской книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, котораго она вовсе не понимаетъ; но ихъ объясненія прерваны были появленіемъ соцкаго, который велъ къ Параскѣ солдата на постой. Параска спрятала дьячка подъ прилавокъ и закрыла рядномъ. Соцкій, увидѣвъ на столѣ водку, приготовленную для Хомы Григоровича, выпиваетъ ее съ солдатомъ и Параской, платитъ деньги за водку и уходитъ, а солдатъ ложится будто бы спать. Но не успѣлъ Хома Григоровичъ выйти изъ своей засады, какъ возвращается Романъ, разсерженный неудачной охотой на зайцевъ: его поросенокъ убѣжалъ куда-то. Параска показываетъ Роману заранѣе приготовленнаго зайца и увѣряетъ своего глупаго мужа, что поросенокъ дѣйствительно перенялъ зайца и принесъ его домой. Но не удалось ей провести хитраго москаля. Проснувшись, солдатъ проситъ у хозяюшки поѣсть чего нибудь и, получивъ отказъ, самъ обѣщается накормить хозяина; ставитъ его середь хаты съ закрытыми глазами, а между тѣмъ выноситъ и ставитъ на столъ кушанье и варену, приготовленныя для Хомы Григоровича. Романъ со страхомъ приступаетъ къ волшебному кушанью, которое, по его мнѣнію, варилось въ аду. Послѣ того Параска упрашиваетъ солдата выпустить дьяка, и солдатъ соглашается. Подъ видомъ изгнанія чертей изъ хаты, приготовлявшихъ кушанье, солдатъ ставитъ супруговъ середи хаты, завязываетъ имъ глаза, связываетъ руки и велитъ произносить волшебныя будто бы слова, а самъ въ это время раздѣваетъ дьячка, намазываетъ его сажей и, развязавши глаза супругамъ, выгоняетъ его изъ хаты.

Дьякъ, выпачканный, черезъ сцену уходитъ вонъ.

Романъ дрожитъ и крестится. „А який же страшний“.

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналъ, а гнѣздо себѣ возьму (прибираетъ дьяково платье).

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тільки прошу не въ гнівъ: скажить, будте ласкаві, я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами, а у сёго и ріжківъ не ма.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! (Хватаетъ себя за лобъ).

Солдатъ. Ничего, Романъ! (Трепля Романа по плечу). И получше тебя бываютъ съ рогами...

Романъ. Парасю! щожъ міні робити?

---

[1]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, 1856 г., т. 1, стр. 13.

Параска. Якъ би ти не лежавъ зранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, тобъ не було сего нічого; а то пoти лежавъ, поки вылупивъ чорта. Я тобі скілько казала: „Эй, Романе, не лінуйся! Лiность до добра ніколи не приводить".

Гоголь-отецъ искусно почерпнулъ изъ роднаго быта содержаніе своей комедіи. „Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе, говоритъ Кулишъ. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія".

„Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутясь женою глуповатаго и лѣниваго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, тѣмъ болѣе, что дьячки при тогдашнемъ состояніи бурсъ, были большею частью люди изуродованные навѣки. Солдатъ, служившій въ проголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... Pauvre diable, онъ пускается на смѣшныя штуки; иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ" [1]).

Кромѣ внутренняго своего достоинства, комедіи Гоголя—отца имѣютъ значеніе для послѣдующаго развитія украинской литературы. Гоголь—сынъ интересовался комедіями своего отца, выписывалъ изъ нихъ эпиграфы къ своимъ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки" и воспроизводилъ здѣсь нѣкоторыя отдѣльныя сцены изъ этихъ комедій.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко [2]) воспитывался въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, приблизительно въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка [3]). Въ 1836 году Кухаренко написалъ оперетту „Черноморськiй побитъ". Т. Г. Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее въ 1842 году въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но сочиненія на украинскомъ языкѣ въ то время съ трудомъ находили для себя издателей. Много разъ про-

---

[1]) Основа, за февраль, 1862 года.

[2]) Главные источники: 1) „Основа", за 1861 и 1862 г., и 2) „Очерки украинской драматической литературы", К. Маруси, въ „Русской Сценѣ", 1865 г., №№ 6 и 7.

[3]) Основа, за октябрь, 1862 г.: рѣчь З. Ѳ. Недоборовскаго.

бовалъ онъ свое перо и посылалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю для печати; но въ теченіи многихъ лѣтъ ни одна строка не была предана тисненію [1]. Къ концу срока ссылки Шевченка, Яковъ Герасимовичъ переписывался съ нимъ и высылалъ ему денежное пособіе; а Шевченко, по освобожденіи изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, думалъ было заѣхать къ Кухаренку въ гости. Вѣроятно, близкія, дружескія отношенія Кухаренка къ Шевченку были причиною того, что на произведенія перваго стали смотрѣть теперь снисходительнѣе: журналъ „Основа" любезно открылъ для него свои объятія. Въ этомъ журналѣ помѣщены были слѣдующія сочиненія Я. Г. Кухаренка: 1) „Вороний кінь" [2], 2) „Черноморській Побитъ,—оперетта, часть первая" [3]; 3) „Пластуни" [4]; 4) „Вівці і чабани въ Черноморіи" [5]. Кромѣ того, Я. Г. Кухаренко намѣревался писать о многомъ, что хранила его память, изъ военнаго и гражданскаго быта родной Черноморіи, и все написанное сообщать въ „Основу", которой передалъ также вторую часть „Чорноморського Побиту" и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть „Чорноморського Побиту" Я. Герасимовичъ думалъ было исправить. Но неожиданная, трагическая смерть прервала его литературныя занятія. Будучи начальникомъ одного изъ Закубанскихъ отрядовъ, генералъ-маіоръ Кухаренко вызванъ былъ командующимъ войсками Кубанской области, по дѣламъ службы, изъ Черноморіи въ Ставрополь и 19 сентября 1862 года, на почтовомъ трактѣ по Кубани, подвергся внезапному нападенію партіи конныхъ абаздеховъ и взятъ въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми. Связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ принужденъ былъ двѣ ночи мчаться почти двухсотверстное разстояніе, трижды или болѣе падалъ съ коня и умеръ въ плѣну, въ абаздехскомъ аулѣ. Тѣло его было выкуплено сыномъ его Степаномъ Кухаренкомъ и 6 октября 1862 года, предано землѣ на Екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ [6]. Вскорѣ послѣ смерти Я. Г. Кухаренка умерла и „Основа", и потому не были въ ней напечатаны остальныя сочиненія Кухаренка, равно какъ и его біографическій очеркъ, приготовлявшійся сыновьями покойнаго для „Основы".

Изъ напечатанныхъ сочиненій Я. Г. Кухаренка „Пластуни" и „Вівці і чабани в Черноморіи" имѣютъ чисто этнографическій интересъ; „Вороний кінь" есть не что иное, какъ пересказъ народной сказки, похожій на комедію Гоголя—отца „Собака-Вивця". Собственно литературное значеніе имѣетъ оперетта „Черноморській Побитъ", характеризующая бытъ кубанскихъ казаковъ между 1794 и 1796 го-

---

[1] Основа, за ноябрь и декабрь, 1861 года.
[2] Тамъ же, за октябрь 1861 года.
[3] Тамъ же, за ноябрь и декабрь. 1861 года.
[4] Тамъ же, за февраль, 1862 года.
[5] Тамъ же, за май, 1862 года.
[6] Тамъ же, за сентябрь и октябрь, 1862 года.

дами, во время первоначальнаго заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины.

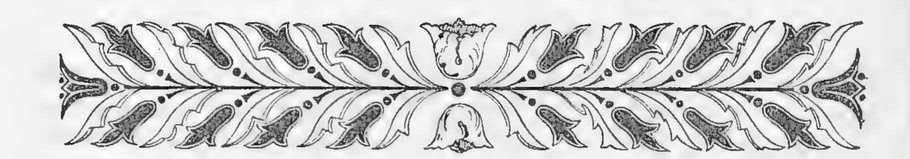
Нравы и обычаи тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самые, что и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубостью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и нерѣдко были съ ними въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой безженной жизни столкнулась съ необходимостью жениться и вести жизнь семейную. И такъ какъ мѣстныя власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ; то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Сами священники черноморскіе были, такъ сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству Ѳеодосійскаго епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины Черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ какъ черноморскіе козаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, — то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же увѣренностію въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго козака неисправимымъ въ задорной, безпокойной для общества жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Расчетъ здѣсь былъ тотъ, что казакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорятъ, примѣра, чтобы поставленный такимъ образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ. Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ, — говорится въ примѣчаніи къ опереттѣ,—представлены г. Кухаренкомъ въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искуства.

Содержаніе первой части оперетты „Чорноморськиій Побитъ“ слѣдующее. Маруся, дочка Явдохи Драбинихи, любитъ молодого казака Ивана Прудкаго, тогда какъ сама Явдоха имѣетъ въ виду другаго жениха для своей дочери. Между тѣмъ Иванъ Прудкій отправляется за Кубань на черкесовъ; но, прощаясь съ Марусей, узнаетъ отъ нея о намѣреніяхъ ея матери и поручаетъ свою Марусю надзору брата своего Илька и покровительству своего крестнаго отца, сотника Туницы. Предосторожности оказались не излишними. Явдоха дѣйствительно задумала выдать свою дочь Марусю за богатаго старика Кабицю, который безобразничалъ цѣлую ночь на досвіткахъ и поутру явился въ пьяномъ видѣ сватать Марусю. Не смотря на отказъ послѣдней, мать Явдоха настаиваетъ на своемъ и приглашаетъ на за-

ручины безшабашныхъ супруговъ Цвіркуна и Цвіркунку, послѣ чего Кабиця отправляется къ попу, недавно поставленному изъ козаковъ, и улаживаетъ съ нимъ дѣло относительно свадьбы. Но сотникъ Тупица разстраиваетъ ихъ планы и, напоивъ Кабицю пьянымъ, женитъ его на некрасивой дѣвицѣ Кулинѣ, а Марусю сберегаетъ для своего крестника Ивана Прудкаго, который и женится на ней по возвращеніи изъ похода.

Ходъ пьесы напоминаетъ собою „Наталку-Полтавку“ Котляревскаго. Тамъ и здѣсь героиня любитъ молодого человѣка, оставляющаго на время свою родину, и принуждается своею матерью выйти замужъ за богатаго, но безпардоннаго старика; та и другая пьеса оканчивается желаннымъ соединеніемъ молодыхъ людей. Самые отрицательные типы обѣихъ пьесъ походятъ одни на другихъ, какъ родные братья. Замѣтную особенность „Чорноморського Побита“ составляетъ развѣ введеніе въ пьесу народныхъ историческихъ думъ изъ появившихся тогда сборниковъ ихъ, напр. думъ о Саввѣ Чаломъ, Гнаткѣ, Харкѣ и др., и характеристическія отличія черноморскаго быта; но и эти отличія составляютъ только фонъ пьесы, а не существенное ея содержаніе, которое въ обѣихъ пьесахъ сходно. Поэтому мы полагаемъ, что оперетта „Чорноморський Побитъ“ написана по подражанію оперѣ Котляревскаго „Наталка-Полтавка“, и обѣ эти пьесы должны быть разсматриваемы и оцѣниваемы съ одинаковой точки зрѣнія,—первая какъ подражаніе, а послѣдняя — какъ оригиналъ.

Н. Петровъ.



Н. И. ПИРОГОВЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

Въ НЫНѢШНЕМЪ году исполнится пятидесятилѣтіе блестящей ученой дѣятельности знаменитаго врача-хирурга Н. И. Пирогова и двадцатипятилѣтіе не менѣе блестящей, хотя къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременной карьеры его, какъ замѣчательнаго педагога — администратора въ должности попечителя, сначала Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебнаго округа. Предоставляя спеціалистамъ сдѣлать оцѣнку заслугъ Н. И. Пирогова въ области врачебной науки, мы считаемъ долгомъ, съ своей стороны, напомнить о значеніи его на поприщѣ служенія обществу въ дѣлѣ воспитанія. Въ этихъ видахъ, мы даемъ мѣсто нижеслѣдующему очерку заслугъ Н. И. Пирогова, какъ педагога.

Въ послѣднее время, почти во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ о сколько нибудь крупныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни слышится одинъ общій приговоръ: какое бы учрежденіе, или проэктъ, касающійся той или другой стороны общественной жизни, мы не подвергали самому строгому критическому анализу, вездѣ мы встрѣчаемся съ жалобами на недостатокъ силъ, дѣятелей, понимающихъ свои обязанности и готовыхъ на самую упорную борьбу съ общественнымъ зломъ; короче сказать, мы жалуемся на недостатокъ людей. „Дайте намъ людей, намъ нужны люди, людей нѣтъ нигдѣ и ни для чего!“ — вотъ тѣ несмолкаемые возгласы, которые вы услышите теперь вездѣ, и въ печати, и въ канцеляріяхъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ отдаленной провинціальной глуши. Едва ли мы ошибемся, однако сказавъ, что смыслъ этихъ жалобъ и сѣтованій всюду одинъ и тотъ же: намъ не достаетъ чего-то, что могло бы скрѣпить насъ въ одно дружное общество, мы ищемъ повсюду растерянныя общественныя убѣжденія и вездѣ встрѣчаемъ недостатокъ, такъ называемой, общественной нравственности.

Но если это такъ, если мы вѣрно формулируемъ настоящее направленіе всѣхъ нашихъ самообличеній, то намъ остается только поискать средствъ, какъ бы избавиться отъ язвы лицемѣрія, раздвоенности убѣжденій, разъѣдающихъ на каждомъ шагу общественный организмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о необходимости развитія нравственнаго чувства въ насъ и дѣтяхъ нашихъ является прежде всего вопросомъ соціально-педагогическимъ.

Но что же мы видимъ въ области практическаго воспитанія? Не выходя изъ предѣловъ фактовъ, мы должны признать ту, едва ли отъ кого изъ благомыслящихъ и безпристрастныхъ людей ускользающую истину, что наше общественное воспитаніе проникнуто вопіющими недостатками. По отношенію къ школьному дѣлу, мы встрѣчаемся больше съ самоочарованіемъ, чѣмъ съ дѣйствительно правильнымъ пониманіемъ задачъ воспитанія. И замѣчательно, что жизненные результаты воспитанія убываютъ у насъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе и громче проявляется это самоочарованіе. Идеалъ педагога уже измельчалъ, съузился и понизился, какъ справедливо кто-то замѣтилъ. Педагога замѣнили ремесленники, которые смазываютъ старую машину и по скрыпу ея съ радостью заключаютъ, что она не остановилась, а идетъ благополучно. Удаляясь отъ нравственныхъ требованій семейной и общественной жизни, наше воспитаніе не даетъ питомцамъ своимъ никакого нравственнаго содержанія: эгоизмъ, самолюбіе, тщеславіе,—вотъ что служитъ доселѣ побудительными мотивами воспитанія. Отсутствіе самодѣятельности во взглядахъ и сужденіяхъ, скрытое недовольство въ глубинѣ души, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, обезличеніе и легкомысліе, а вслѣдствіе этого недостатокъ сознанія своего долга,—вотъ дары, которыми надѣляется молодежь наша для борьбы съ жизнью, вслѣдствіе пассивнаго бездѣйствія и равнодушія интеллигентнаго общества къ дѣлу воспитанія. Но гдѣ же, скажутъ намъ, тотъ спасительный маякъ, который указалъ бы настоящій путь къ излеченію отъ всѣхъ перечисленныхъ недуговъ, гдѣ тотъ идеалъ, который, одушевляя насъ, былъ бы настолько глубокъ, чтобы отвѣтить на всѣ нравственныя требованія общества, настолько простъ, чтобы быть доступнымъ всѣмъ и каждому, и настолько свѣтелъ, чтобы вмѣсто страха темноты, отъ которой мы всѣ хотимъ избавиться, породилъ въ насъ стремленіе и любовь къ истинному свѣту? Такой идеалъ раскрытъ намъ давно виновникомъ этихъ строкъ, пріобрѣтшимъ огромный авторитетъ въ недолгіе, къ сожалѣнію, годы своей педагогической дѣятельности—Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ.

Его идеи и воззрѣнія по занимающему насъ вопросу высказаны съ такой искренностью, неподдѣльностью чувства, глубиною мысли, во всей цѣлости его души, умудренной опытомъ и преисполненной любовью къ добру, что мы считаемъ не только полезнымъ возобновить ихъ въ памяти читателей (истина никогда не старѣетъ), но и вполнѣ отвѣчающимъ жгучему вопросу настоящаго времени:—какъ

намъ, если не перевоспитывать себя, то воспитать своихъ дѣтей? Не много статей и замѣтокъ написалъ Н. И. Пироговъ о воспитаніи и по вопросамъ школы, но въ этомъ немногомъ ясно и просто указанъ путь къ самоусовершенствованію и какъ вести къ нему другихъ [1]). Мы можемъ сказать даже, что едва ли есть такой крупный вопросъ школы, на который читатель не нашелъ бы отзыва въ той или другой изъ перечисленныхъ статей Н. И. Пирогова. Эта же многосторонняя содержимость не только цѣлыхъ статей, но и отдѣльныхъ замѣчаній, высказанныхъ Н. И. Пироговымъ, служитъ намъ оправданіемъ въ томъ, что мы, по недостатку мѣста, принуждены ограничиться изложеніемъ лишь основныхъ воззрѣній Н. И. Пирогова на дѣло общественнаго воспитанія.

Объединяющей всѣ воззрѣнія Н. И. Пирогова, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать знаменитую статью „Вопросы жизни". Вотъ какъ развивалъ въ ней Н. И. Пироговъ основную мысль своей педагогической дѣятельности: „приготовить изъ человѣка человѣка".

„Мы живемъ въ XIX вѣкѣ, по преимуществу практическомъ. Не смотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя однако не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка. Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки существенный атрибутъ духовной натуры человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ о жизни и цѣли бытія. Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль и средоточіе житейскихъ стремленій. Найдя въ откровеніи самый главный вопросъ жизни разрѣшеннымъ, каза-

---

[1]) Первое изданіе литературныхъ статей Н. И. Пирогова появилось въ Одессѣ, въ видѣ сборника, содержаніе котораго слѣдующее: „Вопросы жизни"; „Новоселье лицея. (Рѣчь, произнесенная Н. И. Пироговымъ на торжественномъ актѣ Ришельевскаго лицея 1-го сентября 1857 г.); „Одесская Талмудъ-Тора", „Быть и казаться"; „Нужно ли сѣчь дѣтей въ присутствіи другихъ дѣтей".

Второй сборникъ литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышелъ въ Кіевѣ въ 1861 году и заключаетъ въ себѣ: „Быть и казаться"—развитіе мыслей, выраженныхъ въ вышеупомянутой статьѣ, „Вопросы жизни"; „О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ"; „Школа и жизнь"; „О цѣли литературныхъ бесѣдъ гимназій", „Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній"; „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія"; „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназіи"; „Объ уставѣ новой гимназіи предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній"; „Взгляды на общій уставъ нашихъ университетовъ". Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ: при прощаніи его съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, при прощаніи его съ студентами университета св. Владиміра (см. ниже); при прощаніи его съ г. Кіевомъ; при посѣщеніи имъ на пути въ деревню еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

лось бы, человѣчество ничего другаго не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ. Но протекли столѣтія, а все осталось „яко же бысть во дни Ноевы". Не смотря на преобладающую въ массѣ силу энергіи, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ для общества, живемъ еще и сами собою, и въ самомъ себѣ. Но вотъ главная бѣда: самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество. Мы христіане и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе. Вникая же въ существенное направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьѣ и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней... Убѣждаясь въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ трехъ крайностей: или мы пристаемъ къ одной какой нибудь толпѣ, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія, или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества, или мы отдаемся произволу... Но вотъ бѣда: люди, родившіеся съ притязаніями на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспріимчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ, все глубже роются въ рудникахъ своей души и, неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находя и въ себѣ внутренняго спокойствія, хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія; оставляютъ поочередно и то и другое; съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути."

Какой же путь мы должны проложить нашимъ дѣтямъ къ „роковой" борьбѣ съ жизнью? Первое условіе, по словамъ Н. И. Пирогова,—юный атлетъ, приготовляющійся къ этой борьбѣ, долженъ имѣть отъ природы хотя какое нибудь притязаніе на умъ и чувство.

„Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ ими безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли, и холодными адептами разума. Вотъ второе условіе."

Къ несчастью это условіе наши присяжные педагоги зачастую совершенно упускаютъ изъ виду, направляя всю воспитательную дѣятельность школы къ умственной дрессировкѣ юнаго атлета и какъ бы забывая, что даже величественное умственное развитіе далеко еще не предполагаетъ необходимо простой общественной нравственности.

„Не требуйте отъ меня большаго; больше этого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ, прибавляетъ Н. И. Пироговъ. Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту вну-

треннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣже опасности и не знаю тотъ ли же успѣхъ."

Когда раздался этотъ могучій голосъ, общество какъ бы встрепенулось и всѣ мы стали „искать сдѣлаться людьми". Но, къ сожалѣнію, выраженная словами „ищи быть и будь человѣкомъ" главная мысль воспитанія—„научите дѣтей съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной"—оказалась какъ бы не достижимой. А между тѣмъ, „если" замѣчаетъ Н. И. Пироговъ въ другомъ мѣстѣ, (Рѣчь на актѣ Ришельевскаго лицея 1-го сентября 1857 г.)—„цѣлое общество повторитъ эти многознаменательныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ безъ различія сословій и состояній, также необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, говоря всѣмъ и каждому „будь человѣкомъ!"

Для достиженія такого идеала нужны, по мнѣнію Н. И. Пирогова, „серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро".

Этими золотыми словами осуждаются и мертвящій формализмъ чиноначалія, вредный въ воспитательномъ дѣлѣ, и подавленіе внутренняго человѣка въ ребенкѣ и извращеніе дѣтской натуры во имя какихъ либо одностороннихъ теорій. Первое же и главное условіе воспитательной дѣятельности педагога или родителя заключается въ той нераздвоенности души, той искренности отношеній къ дѣтямъ, образецъ которой представляется намъ въ могучей личности самого Н. И. Пирогова.

Особенно рельефно выражено это въ не менѣе замѣчательной статьѣ „Быть и казаться".

„Я не сомнѣваюсь, говоритъ Н. И. Пироговъ, что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Воображеніе создало этотъ міръ ребенку, и онъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ по своему. Взрослый, дѣйствующій какъ ребенокъ, есть въ нашихъ глазахъ или лгунъ или сумасшедшій. И если дитя намъ не кажется ни тѣмъ, ни другимъ, то именно потому, что оно дитя. И такъ, если мы, достигши извѣстнаго возраста, не перестаемъ жить въ мірѣ, созданномъ нашимъ дѣтскимъ воображеніемъ, мы дѣлаемся непремѣнно или лжецами, или взрослыми дѣтьми, т. е. чудаками, помѣшанными, или назовите какъ угодно, только не обыкновенными людьми. У ребенка кажущаяся намъ непослѣдовательность поступковъ и мыслей, сознательная и безсознательная ложь, такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что почти каждаго изъ дѣтей можно назвать глупымъ и лгуномъ, примѣняя къ нему слова и понятія, взятыя изъ жизни взрослыхъ. Но въ этомъ-то и заключается именно ошибка и родителей и наставниковъ, что они, не въ пору устарѣвъ, забыли про тотъ міръ, въ которомъ сами нѣкогда жили. И во лжи, и въ несообразностяхъ дѣйствій, ребенокъ еще не перестаетъ к а з а т ь с я именно тѣмъ, что онъ есть,

потому что онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ и дѣйствіемъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы и поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя: „аминь, глаголю вамъ, аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное... "Но мы, мы, взрослые, нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра... Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка..."

„Кто же теперь виноватъ—спрашиваетъ Н. И. Пироговъ если мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее". Съ этой точки зрѣнія Н. И. Пироговъ не могъ не осудить наши „срочныя испытанія", какъ вещь показную и развивающую фальшь въ дѣтской душѣ. Напротивъ, только искренняя любовь къ правдѣ, согрѣваемая съ раннихъ лѣтъ въ ребенкѣ, непринужденность въ откровенности съ наставниками и сверстниками, служатъ прочнымъ залогомъ твердыхъ убѣжденій.

Вотъ главныя основы истинно человѣческаго воспитанія, которыя могутъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, подготовить человѣка на искреннюю борьбу съ самимъ собою и съ жизнью и безъ которыхъ конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей.

Не мудрено, что статьи Н. И. Пирогова, какъ только онѣ появились, поразили всѣхъ—и свѣтлостію взгляда и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. По словамъ „Современника", всѣ, читавшіе статьи Н. И. Пирогова, были отъ нихъ въ восторгѣ, всѣ о нихъ говорили, разсуждали, дѣлая свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы.

Но поставивъ, конечной цѣлью воспитанія—приготовленіе человѣка изъ воспитанника, Н. И. Пироговъ не могъ обойти вопроса, какія отрасли знанія и въ какомъ объемѣ должны составлять содержаніе общечеловѣческаго образованія. Въ данномъ случаѣ авторъ является сторонникомъ классической системы школьнаго образованія, успѣхъ которой онъ ставитъ въ прямую зависимость отъ „личности людей, которымъ ввѣрено образованіе" дѣтей и отъ „глубокаго изученія" древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики.

Не можемъ не вспомнить при этомъ, что въ свое время покойный К. Д. Ушинскій блистательно разъяснилъ нѣсколько недосказанный взглядъ Н. И. Пирогова на границы, раздѣляющія гуманное образованіе отъ реальнаго, границы, которыя почтенный юбиляръ старался установить, связывая съ проведеніемъ въ жизнь той или другой системы школьнаго образованія, вопросъ о будущемъ характерѣ

поколѣній и о складѣ ихъ убѣжденій. Соглашаясь вполнѣ съ Н. И. Пироговымъ, что общее гуманное образованіе должно составлять главную цѣль низшихъ, среднихъ и даже отчасти высшихъ учебныхъ заведеній, что реальное направленіе въ образованіи пагубно для человѣка, если онъ прежде не былъ развитъ гуманно, что оно „сушитъ, убиваетъ въ человѣкѣ человѣка и что даже для самаго реализма необходимъ гуманизмъ, какъ основаніе“, Ушинскій такъ опредѣляетъ значеніе словъ гуманизмъ и реализмъ:

„Намъ кажется, что подъ именемъ гуманнаго образованія надо разумѣть вообще развитіе духа человѣческаго и не одно формальное развитіе; человѣка же можно развить гуманно не только изученіемъ классическихъ языковъ, но гораздо болѣе и прямѣе: религіею, языкомъ народнымъ, географіею, исторіею, изученіемъ природы и новыми литературами. Реализмъ начинается тогда, когда мы ищемъ въ наукѣ не мысли, не пищи духу, развивающей его и укрѣпляющей, не уясненія воззрѣній человѣка на самаго себя и внѣшній міръ, а именно только тѣхъ знаній, которыя необходимы для той или другой отрасли практической жизни, когда мы смотримъ на науку, какъ на мастерство, а не какъ на созданіе и пищу духа. Реализмъ и гуманизмъ можно найти въ каждой наукѣ и различіе это заключается собственно не въ различіи наукъ, но въ различіи способа ихъ изученія. Можно изъ исторіи сдѣлать реальную науку, можно изъ закона Божія тоже сдѣлать реальную науку,— за примѣромъ ходить не далеко; наоборотъ, можно ариѳметикою и химіею развивать гуманность въ человѣкѣ и даже обученіе грамотѣ можно сдѣлать гуманнымъ и реальнымъ. Въ гуманно-образовательномъ вліяніи ученія надобно отличать собственно два вліянія: вліяніе науки и вліяніе самого ученія. Въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ главную цѣль учебной дѣятельности долженъ составлять самъ человѣкъ,—въ университетахъ наука; хотя при первомъ стремленіи мы все же будемъ изучать науку, а при второмъ— все же будемъ гуманизироваться изученіемъ науки.“

Въ чемъ же, спросятъ насъ, выразилось вліяніе Н. И. Пирогова въ должности попечителя учебнаго округа. Вліяніе это было громадно: общество какъ будто пробудилось, оно потеряло вѣру въ извѣстный девизъ прежней системы или вѣрнѣе, полной безурядицы нашего образованія: „слѣпо вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай“; оно ясно сознало, что главною порукою за будущее благосостояніе наше и мало того—главною его основою, должно служить воспитаніе нашихъ дѣтей и даже перевоспитаніе насъ самихъ. Настало наконецъ время, когда сознательное содѣйствіе со стороны общества оказалось болѣе чѣмъ когда нибудь возможнымъ и необходимымъ къ достиженію главной цѣли воспитанія.

Правда, тамъ гдѣ „вино новое“ пришлось вливать въ „мѣхи старые“, тамъ и Н. И. Пирогову не удалось избѣгнуть компромиса въ примѣненіи своихъ гуманныхъ идей. Всѣмъ безъ сомнѣнія памятна полемика, возникшая по поводу одной изъ статей Н. И. Пирогова въ бытность его попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ“, изданныя имъ 22-го іюля 1859 года и появившіяся въ „Журналѣ для воспитанія“, гдѣ доказывалась пе-

избѣжность розги въ настоящихъ условіяхъ воспитанія, вызвала эту полемику, главнымъ образомъ въ той части тогдашней печати, которая особенно была проникнута удивленіемъ къ непреклонности и твердости Н. И. Пирогова въ проведеніи своихъ принциповъ. Правила эти составлены были для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и наказаній. Ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, предоставлялось Н. И. Пирогову необходимымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы учащіеся были убѣждены. что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ и что каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка". Цѣль вполнѣ педагогическая. Но многія изъ сентенцій „правилъ" являлись положительной натяжкой, возможность которой въ такой цѣльной личности, какъ Н. И. Пироговъ объясняется лишь необходимостью уступить условіямъ окружавшей его среды, по пословицѣ „одинъ въ полѣ не воинъ". Вотъ та „фатальная" страница „правилъ", которая послужила яблокомъ раздора между „Современникомъ", въ лицѣ покойнаго Добролюбова, горячаго почитателя Н. И. Пирогова съ одной стороны, и тѣми, кто, опираясь на авторитетъ высокой личности Н. И. Пирогова, выступилъ съ неподдѣльной искренностью на защиту розги.

„Опытомъ дознано, говорится въ „Правилахъ", что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для не многихъ, исключительныхъ случаевъ строгія тѣлесныя наказанія. Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самого проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приведемъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизитель-

нымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что нибудь другое для наказанія (покрайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило, употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію."

Такое противорѣчіе отдѣльныхъ положеній приведенной выписки съ общей глубоко продуманной и гуманной цѣлью „Правилъ", положеній, принятыхъ Н. И. Пироговымъ въ видѣ уступки мнѣнію Учебнаго Комитета, въ составѣ котораго находились, между прочимъ, профессора Шульгинъ и Гогоцкій, ясно показываетъ, что „подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности". „Посмотрите, писалъ тогда Добролюбовъ съ сердечною болью, вотъ одна изъ лучшихъ личностей, личность Н. И. Пирогова, а между тѣмъ съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ"... Дѣйствительно, тамъ, гдѣ „душой воспитанія и первой добродѣтелью гражданина" почиталась „покорность", тамъ все еще продолжали цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ формализмъ, чиновничество и буквоѣдство, противъ которыхъ съ такой силой впервые раздался голосъ Н. И. Пирогова.

Но все это только служитъ доказательствомъ, что никакіе уставы, никакія реформы, никакіе штаты, не сдѣлаютъ ничего, говоря словами Ушинскаго, въ такой практической и вмѣстѣ духовной отрасли, каково образованіе народа, если люди, подобные Н. И. Пирогову, не внесутъ въ эту область всей животворной силы своего могучаго и до глубины искренняго духа. Самый геніальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человѣкъ...

„Читая Пирогова, говоритъ Добролюбовъ, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами, выдержать легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все, написанное имъ, и читая его, мы убѣждаемся, что истинно надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній, ни одного двусмысленнаго движенія".

Если Н. И. Пироговъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственнаго самовоспитанія, какъ единственнаго средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе другихъ, то эти слова не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности. Въ подтвержденіе этихъ словъ не можемъ не привести прощальную рѣчь, обращенную Н. И. Пироговымъ къ студентамъ Кіевскаго университета, при оставленіи имъ Кіева. Въ ней обрисовывается и могучая личность Н. И. Пирогова и его взгляды на университетъ и его отношенія къ учащейся молодежи.

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждой на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважая ихъ въ себѣ, я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу, ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ.

Я зналъ, что не многіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но

все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло отклонить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣже убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти, не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости такъ же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣренъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ по моей волѣ, несчастнымъ.

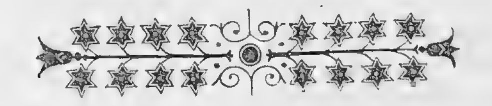
И такъ, прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы состарѣвшись могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.“

Въ вышеприведенной рѣчи, повторяемъ, обрисовалась вполнѣ личность Н. И. Пирогова. Въ ней видны и ясно сознанная цѣль въ дѣятельности Н. И. Пирогова, и не менѣе ясно сознанный планъ для ея исполненія, твердая увѣренность въ вѣрности этого плана, глубокое убѣжденіе въ личности человѣческой, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, умѣнье и словомъ и дѣломъ внушить всякому къ себѣ довѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительная чистота и безукоризненность своихъ намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти качества весьма рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Но за то человѣкъ, въ которомъ они соеди-

нятся, производитъ чудеса... Во время войны подобныя лица замѣняютъ арміи; въ мирное время каждый изъ нихъ, разумѣется, въ своемъ дѣлѣ, замѣняетъ цѣлыя управленія. Такимъ-то является и Н. И. Пироговъ въ кратковременный періодъ своей педагогической дѣятельности. Вотъ почему оставленіе такой личностью общественнаго или государственнаго поста должно вызывать въ каждомъ, любящемъ свое отечество, глубокое прискорбіе, соединенное съ неподдѣльнымъ уваженіемъ къ ея полезной дѣятельности, какъ это сказалось въ проводахъ Н. И. Пирогову, которому, при отъѣздѣ его изъ Кіева, выразилъ глубокое сочувствіе не только цѣлый край съ разнохарактернымъ населеніемъ, съ разнообразными тенденціями, но и Одесса, Харьковъ, Москва, Петербургъ, Гельсингфорсъ, Казань.

Въ чемъ же заключается заслуга Н. И. Пирогова? пусть лучше отвѣтятъ за насъ тѣ, которые подвергали особенно строгой критикѣ литературно-педагогическую дѣятельность Н. И. Пирогова. „Заслуга его, говорилось въ „Современникѣ“ по поводу оставленія Н. И. Пироговымъ должности попечителя въ Кіевѣ, въ томъ и состоитъ, что онъ къ предмету воспитанія, на который у насъ смотрятъ обыкновенно равнодушно, нерѣдко съ пренебреженіемъ, успѣлъ пробудить общее вниманіе, умѣлъ сдѣлать его для всѣхъ предметомъ первостепенной важности, умѣлъ уяснить его истинное значеніе и для воспитывающагося юношества и общества“. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, чудодѣйственнымъ жезломъ пробилъ онъ обычную, не уступающую, повидимому, камени, апатію нашего общества, которую зачастую ничѣмъ нельзя прошибить въ дѣлахъ его живѣйшаго частнаго интереса? Единственно, скажемъ мы въ заключеніе, вліяніемъ своей могучей личности. Каждый, смотря на этотъ образъ, не можетъ не почувствовать въ себѣ силы къ общей работѣ для достиженія одной и той же цѣли, каждый пойметъ, что не въ мертвой буквѣ спасеніе, а въ живомъ словѣ, въ живомъ дѣлѣ...

Ѳ. Булгаковъ.



УСПѢХИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ ВЪ РОССІИ.

(1855—1880 г.).

Когда въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія основывалось Императорское Русское Географическое Общество, то учредителямъ его, конечно, не мечталось, чтобы въ короткое время дѣятельность его развилась такъ быстро и была такъ плодотворна для изученія Россіи и сопредѣльныхъ странъ, какъ это оказалось въ настоящее время. На дружескомъ обѣдѣ, устроенномъ въ 1845 г. почитателями академика Миддендорфа, только что возвратившагося изъ своего Сибирскаго путешествія, присутствующимъ впервые пришла мысль о необходимости основать такое общество, которое посвятило бы свою дѣятельность на изученіе почвы и населенія нашего обширнаго отечества. Главными дѣятелями, какъ по основанію Общества, такъ и по направленію его работъ въ первое время его существованія, явились лица, успѣвшія уже занять почетное мѣсто въ наукѣ и литературѣ: академикъ Бэръ и адмиралы Литке и Врангель были первыми учредителями Географическаго Общества; но скоро къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кеппенъ, В. И. Даль, К. И. Арсеньевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, адмиралы Крузенштернъ и Рикордъ и нѣкоторыя другія лица. Въ началѣ мая 1845 года была составлена и представлена министру внутреннихъ дѣлъ подробная записка о предположенномъ къ основанію ученомъ Обществѣ, которое по мысли учредителей должно было—собирать и распространять какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ до землеописанія, мѣстности, физическихъ свойствъ страны, произведеній природы и пр.; 2) въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, не одну количественную

статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ соизмѣримыя стихіи общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣдѣнія, какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ. 6 августа того же года послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія комитета министровъ объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества и о дарованіи ему по 10 т. рублей ежегоднаго пособія изъ государственнаго казначейства, а съ тѣмъ вмѣстѣ началась и плодотворная дѣятельность Общества, которому развитіе географическихъ знаній въ Россіи столькимъ обязано. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не одно лишь Общество работало на этомъ поприщѣ и многое было сдѣлано частными лицами, но все же слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сколько нибудь интересныя и важныя экспедиціи предпринимались или по непосредственной инипіативѣ или же при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи Общества, которое одно располагало необходимыми для такихъ начинаній средствами и всегда могло привлекать къ своему дѣлу лучшія силы. Всякій, занимающійся въ провинціи изученіемъ Россіи, спѣшилъ подѣлиться своими изслѣдованіями съ Обществомъ и считалъ для себя какъ бы за особую честь, если труды его обращали на себя вниманіе этого ученаго учрежденія; цѣли Общества вызвали сочувственное отношеніе къ нимъ просвѣщенныхъ и богатыхъ людей, которые охотно ввѣряли ему значительныя суммы, жертвуемыя на произведеніе той или другой научной работы.

Если слѣдить за трудами Географическаго Общества изъ года въ годъ, то, конечно, успѣхи, сдѣланные имъ и его членами по отношенію къ Россіи и сопредѣльнымъ съ нею странамъ, не выдвинутся во всей своей грандіозности; но если, напротивъ того, мы припомнимъ то положеніе, въ которомъ находились наши географическія познанія вскорѣ послѣ учрежденія Общества и сравнимъ его съ настоящимъ развитіемъ науки, то разница будетъ весьма рѣзка и вся благотворная дѣятельность Общества выяснится во всей своей полнотѣ. Стоитъ лишь бросить взглядъ на прошлую, сравнительно низкую ступень развитія географической науки въ Россіи хотя бы до 50-хъ годовъ и подвести итоги ея развитія къ 1880 году, чтобы тотчасъ же увидѣть, что въ послѣднюю четверть вѣка мы сдѣлали рѣшительно гигантскій шагъ впередъ и что изумленіе, возбужденное на международной выставкѣ географическихъ знаній въ Парижѣ, въ 1875 году, было весьма естественно и не заключало въ себѣ ничего преувеличеннаго.

Не говоря уже о нашихъ окраинахъ, даже о самой Россіи и людяхъ, ее населяющихъ, знали очень мало, да и то, что знали было крайне смутно и отнюдь не отличалось научною точностью; извѣстно было, напримѣръ, что есть на Руси кареляки, есть чуваши, есть ногаи, но что это за народы, какъ сложился ихъ семейный и общественный бытъ, какъ они живутъ и до чего они въ своемъ развитіи додумались,—

было совершенно неизвѣстно, а главное ни разу къ изученію всего этого не былъ приложенъ истинно научный методъ, требуемый современнымъ положеніемъ науки; даже и самъ русскій народъ, живущій въ предѣлахъ Европейской Россіи, далеко не былъ изученъ и являлся какимъ то знакомымъ незнакомцемъ, который извѣстенъ былъ лишь по паспортнымъ своимъ примѣтамъ, по которымъ однако до сихъ поръ еще никого не удавалось никогда признать и извѣдать. Вся Архангельская губернія наносилась на карты полная вопросовъ и недоумѣній съ огромными картографическими ошибками, провѣрить которыя удалось лишь въ самое послѣднее время; берегъ Новой Земли обозначался пунктиромъ и вся европейская даже часть Сѣвернаго Ледовита Океана представляла отнюдь не менѣе тайнъ, нежели представляютъ въ наше время наиболѣе центральныя части африканскаго материка; Печора, Мезень и даже верхнее теченіе Онеги, не говоря о Сѣверномъ Выгѣ и Кеми, являлись какими то чуть не сказочными рѣками. Сибирская или азіатская часть океана была еще менѣе обслѣдована, не смотря на цѣлый рядъ правительственныхъ и въ особенности частныхъ экспедицій, которыя въ большей части случаевъ оканчивались обыкновенно ничѣмъ, такъ какъ средства, находившіяся въ рукахъ смѣлыхъ изслѣдователей, оказывались слишкомъ ничтожными въ борьбѣ съ не благопріятными условіями мѣстности. Благопріятныхъ трактатовъ съ сосѣдними, сильными, азіатскими государствами еще не существовало и всѣ экспедиціи имѣли лишь чисто случайный, отрывочный характеръ, завися главнымъ образомъ отъ того, до какихъ предѣловъ доходила любезность пограничныхъ властей; вслѣдствіе этого, вся наша береговая и сухопутная граница съ Азіей оставалась въ полномъ смыслѣ слова „землею неизвѣданною“, куда подъ страхомъ плѣна и быть можетъ даже смерти не могъ проникнуть не только ни одинъ русскій, но даже и иностранный путешественникъ. Громадное пространство береговой линіи, омываемой разными частями Тихаго океана, было тоже лишь поверхностно изслѣдовано и наносилось на карту не на основаніи точныхъ, добытыхъ научнымъ путемъ данныхъ, а на основаніи нѣсколькихъ описаній береговъ, составленныхъ частью иностранными, частью же нашими русскими мореплавателями, которые преслѣдовали совершенно иныя цѣли, подобно Берингу, и потому не могли посвящать много времени на это, конечно, интересное, но вовсе не входившее въ ихъ планы дѣло; нельзя было изслѣдовать эти моря и потому, что отношенія наши къ Японіи были совершенно неопредѣленны, и, хотя оба государства и не считались враждебными, тѣмъ не менѣе судамъ нашимъ строго воспрещалось плавать въ японскихъ водахъ и тѣмъ болѣе входить въ какой бы то ни было японскій портъ; только лишь прикрываясь необходимостью доставить на родину нѣсколькихъ японцевъ, выброшенныхъ гдѣ нибудь на нашъ берегъ приключившеюся кстати бурею, могли нѣкоторые изъ нашихъ моряковъ добиться разрѣшенія посѣтить

ту или другую японскую гавань, да и то всегда находились подъ неуклоннымъ присмотромъ мѣстныхъ чиновниковъ и, при всемъ желаніи дѣлать что нибудь для науки, не могли рѣшительно добиться никакихъ результатовъ. Сахалинъ, а также и Японское море съ Татарскимъ проливомъ, оставались также не изслѣдованными; крупная географическая ошибка, вслѣдствіе которой огромный островъ признавался лишь полуостровомъ, изъ года въ годъ повторялась въ наукѣ и ни одному судну не удавалось доказать всю ошибочность такого предположенія, изслѣдовавъ проливъ, отдѣляющій его отъ материка Азіи; но для этого надо было не одно лишь попустительство со стороны Японіи, а приходилось обезпечить себя и со стороны материка отъ китайскоподданнаго населенія, о которомъ мы не имѣли еще никакого понятія. Отношенія наши къ Китаю были тоже самыя странныя и не особенно могли поощрить изслѣдователей къ тому, чтобы отправиться въ эту страну, полную чудесъ, на свой собственный рискъ; тѣмъ не менѣе тайкомъ, урывками, поминутно опасаясь встрѣчи съ пограничными китайскими властями, нѣкоторые изъ нашихъ смѣлыхъ изслѣдователей начинали уже проникать въ бассейнъ Амура, главнымъ образомъ движимые исканіемъ лучшихъ мѣстъ и болѣе прибыльныхъ промысловъ; ясно, что всѣ эти смѣльчаки вовсе не обладали тою научною подготовкою, которая требуется въ настоящее время отъ лица, отправляющагося въ ученую экспедицію, а если и находились иногда таковыя, то условія ихъ экспедицій были до такой степени тяжелы, что рѣшительно не представлялось никакой возможности производить научныя изслѣдованія. Чуть не великая стѣна, но въ этомъ случаѣ уже дѣйствительно непроницаемая для европейцевъ и тѣмъ болѣе для русскихъ, пролегала по всей нашей южносибирской границѣ, начиная отъ точки сліянія рѣки Шилки и Аргуни, вплоть до озера Зайсана, и единственными воротами, въ которыя дозволено было условно проникать русскимъ, представлялась Кяхта; но и здѣсь далеко не былъ предоставленъ широкій просторъ научной любознательности, такъ какъ въ силу разныхъ трактатовъ входъ въ предѣлы Небесной имперіи дозволялся лишь однимъ чисто торговымъ караванамъ и только случайно, подъ опасеніемъ быть узнаннымъ, могъ отправиться подъ видомъ торговца человѣкъ, способный сдѣлать что либо для науки. Даже и въ этихъ предѣлахъ, опасаясь разспросовъ, китайское правительство старалось всячески отбить охоту у „бѣлыхъ варваровъ“ вторгаться во владѣнія сына неба и постоянно снабжало пограничныя власти подходящими инструкціями; съ своей стороны и чиновники проникались воззрѣніями высшаго правительства и дѣлали все, что могли, для того, чтобы отдалить русскихъ отъ торговли съ Китаемъ; караванамъ давали особыхъ проводниковъ, которымъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность вести ихъ по безводнымъ степямъ черезъ знаменитые Аргелинскіе пески, гдѣ дорогу найти было не трудно, такъ какъ направленіе ея ясно обозначалось валявшимися

по сторонамъ остовами вьючныхъ животныхъ. Почти на такой же ступени стояли и познанія наши о Средней Азіи, которая представлялась вообще какъ то смутно и извѣстна была лишь по старинымъ путешествіямъ, да по разсказамъ русскихъ посланцевъ, плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Далѣе рѣкъ Или и Сыръ-Дарьи наши войска не проникали, а съ тѣмъ вмѣстѣ не являлось и желающихъ предпринимать на свой страхъ и рискъ научную экспедицію въ непокоренныя еще мѣстности; неудачная экспедиція Перовскаго показала, что нельзя относиться свысока къ туземцамъ Средней Азіи, а потому охотниковъ перешагнуть черезъ Сыръ-Дарью и не находилось до той поры, когда Россія успѣла стать твердой ногою въ Киргизской степи. Еще далѣе на юго-западъ, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями простиралась огромная, тоже неизвѣданная еще территорія, которая вселяла ужасъ во всякаго, кто интересовался изученіемъ этихъ мѣстъ; вслѣдствіе этого и благодаря относительной слабости нашей Каспійской флотиліи, весь восточный берегъ Каспія обозначался пунктиромъ, а если иногда и вырисовывался, то отнюдь не точно. Вѣковая и страшная война все еще продолжалась на Кавказѣ и, если въ центрѣ Кавказа успѣло уже укорениться русское управленіе, то центральная и сѣверныя части страны находились еще во власти разныхъ горскихъ племенъ, пробраться къ которымъ было отнюдь не легче, а пожалуй и по опаснѣе, нежели проникнуть въ нѣдра Китая.

Еще въ царствованіе императора Николая I отправлена была въ Тихій Океанъ эскадра и командующему ею графу Путятину высказано было самимъ императоромъ желаніе получить какъ можно больше научныхъ данныхъ; цѣлыхъ три года, среди всевозможныхъ лишеній, съ неутомимою энергіею работали русскіе моряки и плодомъ этихъ трудовъ было открытіе для науки почти всей береговой линіи восточной нашей границы и составленіе перваго описанія сѣверной части Кореи, которой, повидимому, суждено со временемъ играть значительную роль на крайнемъ востокѣ Азіи. Настала наконецъ пора, когда японское правительство поняло, что ему не слѣдуетъ болѣе чуждаться сношеній съ европейцами и въ особенности съ ближайшими своими сосѣдями и открыло свободный доступъ въ свою страну русскимъ. На счастье изслѣдователи наши взялись за дѣло съ необыкновенною энергіею и уже въ 1858 году появился обширнѣйшій японско-русскій словарь Гошкевича, представляющій собою трудъ европейской важности, а черезъ 20 лѣтъ послѣ заключенія Симодскаго трактата членъ Географическаго Общества Воейковъ также спокойно путешествовалъ по всѣмъ укромнымъ уголкамъ этой когда то запретной страны, какъ будто бы онъ странствовалъ не по Японіи, а гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Парижа; совершенно спокойно, въ полной безопасности и безъ всякихъ помѣхъ, онъ производилъ цѣлый рядъ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій, которыя не всегда сходятъ съ рукъ даже и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ великорус-

скихъ губерній и первый изъ русскихъ обратилъ вниманіе на изученіе быта остатковъ первобытнаго, аинскаго населенія страны; цѣлая масса коллекцій является плодомъ пребыванія Воейкова въ Японіи. Наконецъ еще недавно все русское общество было заинтересовано рукоположеніемъ епископа Японскаго, такъ какъ число перешедшихъ въ православіе японцевъ возрасло до 5,000 душъ и стала ощущаться необходимость имѣть особаго епископа, который могъ бы въ свою очередь рукополагать священниковъ изъ крестившихся туземцевъ. Разъ открылась для насъ возможность проникать въ Японію, облегчилось тѣмъ самымъ и дѣло описи нашихъ береговъ, хотя опись эта и обставлена все еще очень плохо за неимѣніемъ въ нашей тихоокеанской эскадрѣ сколько нибудь сносныхъ судовъ; пользуясь транспортами и даже иногда простыми баркасами, дополна нугруженными кулями съ провіантомъ для войскъ и командъ, поминутно опасаясь за свою жизнь на разваливающихся отъ старости скорлупахъ, и даже иногда принужденные, помимо своей воли, принимать участіе въ чисто военныхъ экспедиціяхъ, тѣмъ не менѣе Старицкій и Большевъ работаютъ безъ устали и достигаютъ наконецъ того, что Охотское и Японское море становятся также извѣстными, какъ извѣстно Бѣлое море.

Обращаясь къ Сѣверному Ледовитому Океану, мы и тутъ замѣчаемъ совершенно лихорадочную дѣятельность. Прежде всего взоры Географическаго Общества обратились на Сѣверный Уралъ или лучше сказать на то обширное пространство, которое находится на рубежѣ Европы и Азіи, между рѣками Печорою и Обью. Экспедиція, посланная сюда, должна была, согласно заранѣе составленной программѣ, собрать матеріалы для составленія подробной карты хребта и производить на всемъ пути ботаническія, зоологическія и геологическія изслѣдованія. Не смотря на встрѣченныя ею препятствія со стороны самой пустынности страны, скудости перевозочныхъ средствъ, падежа оленей и т. п. экспедиція все же съ честью окончила свою задачу и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла и опредѣлила со стороны приморской тундры сѣверную оконечность Урала, названную въ честь августѣйшаго предсѣдателя общества Константиновымъ Камнемъ, а также и отдѣльный, независимый отъ Урала хребетъ Пай-Хой, пересѣкающій тундру въ сѣверо-западномъ направленіи до острова Вайгача включительно. Цѣлыхъ десять лѣтъ разработывались добытые экспедиціею матеріалы и вышли наконецъ въ 1856 году въ свѣтъ подъ общею редакціею Гофмана. Въ началѣ 1860 годовъ Сидоровъ, извѣстный предпріимчивостью и настойчивостью, съ которыми онъ преслѣдовалъ смѣлые планы проложенія постоянныхъ путей къ устьямъ Печоры и Оби, пожертвовалъ особую сумму на составленіе и изданіе полнаго описанія Новой Земли въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, на основаніи всѣхъ имѣющихся въ русской географической литературѣ разбросанныхъ

свѣдѣній. Изданіе это, подъ редакціею Свенске и подъ личнымъ наблюденіемъ графа Литке, описавшаго и снявшаго на карту прибрежья Новой Земли, было выпущено въ 1866 г. въ свѣтъ и тотчасъ же было переведено на нѣмецкій языкъ. Цѣлый рядъ особыхъ обстоятельствъ способствуетъ тому, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе крайній сѣверъ Европейской Россіи и преимущественно наше поморье обратили на себя вниманіе русскихъ географовъ и даже частныхъ лицъ, которые частью изъ желанія успѣха наукѣ, а частью изъ стремленія эксплуатировать мѣстныя богатства края, не жалѣютъ ни средствъ, ни времени, ни труда, для того, чтобы изслѣдовать эти далекія, но богатыя страны. „Съ одной стороны“, говоритъ г. Семеновъ въ своемъ юбилейномъ отчетѣ по Географическому Обществу,—„настойчивость, съ которою европейскіе географы и мореплаватели, послѣ гибели знаменитаго Франклина, преслѣдовали изслѣдованіе полярныхъ морей, необходимо должно было найти живой отголосокъ въ государствѣ, которому принадлежатъ двѣ трети прибрежьевъ Сѣвернаго Океана, и если русскій человѣкъ не исключительно стремится къ достиженію той загадочной, собственно идеальной точки, которую называютъ Сѣвернымъ полюсомъ земнаго шара, то онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ точнымъ изслѣдованіямъ физической географіи тѣхъ морей, которые, омывая непосредственно берега принадлежащаго ему материка, служатъ исходною точкою климатическихъ вліяній, отражающихся непосредственно на экономической жизни цѣлаго государства“. И это, и прямая и непосредственная необходимость пропитанія для нашего сѣвернаго жителя, неминуемо влекли ученыхъ къ изслѣдованію сѣвера. Неутомимая энергія семьи Латкиныхъ и Сидорова пробуетъ сначала призвать къ жизни Печорскій край, который въ скоромъ времени дѣлается извѣстнымъ Европѣ своимъ безподобнымъ лиственничнымъ лѣсомъ и доманикомъ; иностранныя суда заходятъ въ устья Печоры также свободно, какъ заходятъ они въ Кронштадтъ, въ тѣ самыя устья Печоры, которыя до пятидесятыхъ годовъ представлялись какими то адовыми челюстями, готовыми поглотить всякаго смѣльчака, рискующаго бросить въ нихъ якорь, и вывозятъ въ Западную Европу корабельный лѣсъ, признаваемый британскимъ адмиралтействомъ гораздо лучше и дешевле гондурасскаго, а Сидоровскій доманикъ изслѣдуется въ Парижѣ и опять таки признается наилучшимъ матеріаломъ для добыванія газа, въ виду того, что добываніе его изъ древесины начинаетъ обходиться слишкомъ дорого. Къ сожалѣнію однако Сидорову все еще не удается возбудить въ русскомъ обществѣ желательное для него отношеніе къ заброшенному краю, изобилующему желѣзомъ, брусянымъ камнемъ, превосходною рыбою, дичью и звѣремъ, а средства одного частнаго лица оказываются недостаточными для того, чтобы эксплуатировать какъ должно богатства этой нетронутой еще области и доставить жителямъ ея то благосостояніе, котораго они достойны. Тотъ же Сидоровъ печется и во-

обще о нашемъ сѣверѣ; по его иниціативѣ снаряжаются экспедиціи Виггенса и другихъ, къ сожалѣнію все иностранныхъ мореплавателей, къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея, доказывается возможность сношеній съ этими рѣками морскимъ путемъ и на европейскихъ рынкахъ появляется Сидоровскій, енисейскій графитъ. Новая Земля не только перестаетъ быть неизвѣданною страною, но съ году на годъ все чаще и чаще посѣщается нашими судами, является возможность изучать вопросъ о скопленіи льдовъ и свободномъ морѣ и русскій офицеръ устраиваетъ на прежде необитаемомъ островѣ первое постоянное поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ семей самоѣдовъ, болѣе всѣхъ остальныхъ народовъ приспособившихся къ перенесенію долгой и лютой сѣверной зимы. Вся европейская часть Ледовитаго Океана дѣлается дѣйствительно европейскимъ моремъ, такъ какъ постоянно посѣщается европейскими судами, которые перестаютъ вѣрить въ его непроходимость; поднимается наконецъ вопросъ объ устройствѣ метеорологической станціи на Новой Землѣ и спасательной станціи, необходимость которой сознается послѣ спасенія австрійской полярной экспедиціи нашими промышленниками. Пароходы бѣломорской компаніи дѣлаютъ постоянные рейсы по Мурману и ощущается необходимость приступить къ правильной колонизаціи этой береговой полосы съ одной стороны, а съ другой—всячески поддержать кораблестроеніе и мореходство на сѣверѣ. Прибрежное населеніе подвергается тщательнымъ изслѣдованіямъ путешественниковъ; Кельсіевъ и Немировичъ-Данченко знакомятъ насъ съ лопарями и ихъ бытомъ, причемъ первый относится къ предмету съ чисто научной точки зрѣнія, а второй излагаетъ свои наблюденія въ формѣ беллетристической; Зографъ изслѣдуетъ самоѣдовъ и находитъ слѣды каменнаго вѣка на Канинскомъ полуостровѣ, гдѣ ему удается напасть на извѣстную Золотицкую фабрику каменныхъ орудій; въ антропологическомъ отношеніи оба эти народа изучаются такъ, что имъ могутъ смѣло позавидовать русскіе и наши центральные приволжскіе инородцы, а геологическія, ботаническія и зоологическія экспедиціи членовъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей довершаютъ дѣло изученія нашей сѣверной окраины, которая, какъ и слѣдовало ожидать, и до сей минуты не перестаетъ привлекать къ себѣ наши лучшія ученыя силы. Трудами Рыбникова, Кирѣевскаго и Гильфердинга открывается громадная сокровищница русской народной эпической поэзіи, проливающая совершенно новый свѣтъ на древне-русскій бытъ и народныя отношенія въ стародавнюю эпоху; появляется значительная литература этого предмета, которая обращаетъ на себя вниманіе запада и наши сѣверныя былины начинаютъ тщательно изучаться европейскими учеными. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о недавнемъ лишь заселеніи нашего сѣвера, благодаря изысканіямъ Полякова, рушится самъ собою, такъ какъ этотъ юный ученый находитъ несомнѣнные остатки человѣка каменнаго періода на сѣверѣ, хотя и не попадаетъ на человѣ-

ческія кости. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ и настойчивый и энергичный шведскій ученый, опять-таки не безъ содѣйствія Географическаго Общества, сначала окончательно доказываетъ возможность постоянныхъ морскихъ сношеній съ Обью и Енисеемъ, а затѣмъ въ прошломъ году доходитъ до устьевъ Лены и послѣ зимовки, которой однако могло бы и не случиться, если бы ему не приходилось поневолѣ тратить много времени на береговыя и морскія наблюденія, проникаетъ черезъ Беринговъ проливъ, и черезъ Суэцкій каналъ возвращается въ свое отечество. Само правительство, въ виду важности географическихъ успѣховъ, достигнутыхъ въ послѣднее время, рѣшается устроить въ устьяхъ Лены постоянную метеорологическую станцію, ассигнуетъ значительную субсидію для экспедиціи, снаряжаемой въ устья Оби, и помышляетъ объ устройствѣ таможенъ на Оби и на Енисеѣ; наконецъ зарождается мысль о прорытіи морскаго канала между Обою и Байдаратскою губою для прорѣзанія полуострова Ялмала и мысль эта скоро должна осуществиться, такъ какъ все уже готово для снаряженія въ этомъ направленіи особой спеціальной экспедиціи.

Къ Японіи прилегаетъ островъ Сахалинъ, окончательно уступленный Россіи въ теченіи этого же двадцатипятилѣтія; каменноугольныя богатства этого острова повели за собою подробное изученіе его геологическаго строенія и его ископаемой флоры, которая, въ свою очередь, дала драгоцѣнныя и въ высшей степени любопытныя указанія относительно прежней связи, существовавшей между азіатскимъ и американскимъ материками; по изслѣдованіи, дѣйствительно оказалось, что третичная флора Сахалина почти тожественна съ флорою, существовавшею въ томъ же геологическомъ періодѣ на полуостровѣ Аляскѣ. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ южной части Сахалина и безъ того уже крайне разнообразный этнографическій составъ населенія русскаго государства, обогатился новымъ интереснымъ, по своей островной изолированности, племенемъ айновъ, котораго языкъ, нравы и обычаи были подвергнуты всестороннему изученію Анучинымъ и другими. Берега Сахалина, въ ихъ главныхъ очертаніяхъ, были уже довольно хорошо извѣстны на основаніи описи мореплавателей конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, но изученіе физическихъ условій морей, омывающихъ этотъ островъ, почти всецѣло принадлежитъ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ; въ этомъ отношеніи особенно много было сдѣлано академикомъ Шренкомъ, котораго образцовыя изслѣдованія о фаунѣ, о морскихъ теченіяхъ и о температурѣ этихъ морей, представляютъ весьма важный вкладъ въ физическую географію тихоокеанскаго бассейна. Къ сожалѣнію, обстоятельства заставили правительство избрать островъ Сахалинъ ссыльнокаторжнымъ мѣстомъ; въ силу этого, разработка каменноугольныхъ копей производится на островѣ не раціональнымъ путемъ, а подневольнымъ трудомъ, который, конечно не можетъ оказывать блестящіе результаты; но и при этихъ

неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Сахалинъ все болѣе и болѣе населяется и въ особенности въ послѣднее время сталъ развиваться, когда учредились туда почти постоянные рейсы судовъ нашего добровольнаго флота. Не мало потрудились для изслѣдованія Сахалина Буссе и Августиновичъ.

Размѣры журнальной статьи не дозволяютъ намъ долго останавливаться на выходящихъ изъ ряда вонъ географическихъ подвигахъ, совершенныхъ нашими изслѣдователями въ глубинѣ азіатскаго материка, но тѣмъ не менѣе мы все же постараемся напомнить здѣсь нашимъ читателямъ хотя бы о наиболѣе важныхъ изъ нихъ. Конечно, первое и самое почетное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ неутомимому и смѣлому Пржевальскому, успѣвшему совершить три трудныя, сопряженныя съ громадными лишеніями, поѣздки, изъ которыхъ одна имѣла цѣлію Уссурійскій край, а двѣ остальныя направлены были къ почти баснословнымъ до того времени великимъ бассейнамъ внутренней Азіи: Кукэнору и Лобнору. Богатства Уссурійскаго края давно уже, чуть не съ первыхъ же дней присоединенія его къ Россіи, сдѣлались извѣстными русскому народу и стали привлекать сюда колонистовъ изъ нашихъ европейскихъ губерній; къ сожалѣнію ни правительство, ни въ особенности мѣстная администрація, не съумѣли обставить дѣло такъ, чтобы поддержать это несомнѣнно благое дѣло и дать ему правильную организацію; Пржевальскій изслѣдовалъ этотъ вопросъ, побывалъ чуть не во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ, извѣдалъ нужды колонистовъ, собралъ массы естественно-научныхъ матеріаловъ, но конечно ничего не могъ сдѣлать для благосостоянія заброшеннаго края. Еще важнѣе поѣздка Пржевальскаго въ центральныя части Китая; преодолѣвъ цѣлую массу трудностей, сопряженныхъ съ путешествіемъ то по безводнымъ степямъ, то по высокимъ плоскимъ возвышенностямъ, подвергающимся всѣмъ крайностямъ континентальнаго климата, нашъ путешественникъ прошелъ Алашань и Цайдамъ, провѣрилъ свѣдѣнія іезуитовъ Гука и Габе, наблюдалъ на Кукэ-норѣ весенній перелетъ птицъ, снялъ на карту 11,000 верстъ своего маршрута, изучилъ бытъ монголовъ, съ которыми находился всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и вообще, слѣдуетъ замѣтить, что ему обязана Россія изслѣдованіемъ физическихъ условій, топографіи и орографіи, фауны и флоры этихъ негостепріимныхъ странъ, простирающихся отъ Великой Стѣны до самаго Кашгара. Пржевальскій во очію могъ убѣдиться въ существованіи дикихъ верблюдовъ, о которыхъ говорили многіе путешественники, а также и познакомилъ ученый міръ съ яками, этими буйволами Стараго Свѣта; собранныя имъ громадныя коллекціи обогатили нѣсколько музеевъ и доставили ему уваженіе всей Европы. Не довольствуясь однако результатами первой своей поѣздки, изъ которой онъ принужденъ былъ за недостаткомъ средствъ вернуться почти съ верховьевъ Желтой Рѣки, Пржевальскій скоро снова отправился въ

новую экспедицію, снабженный уже значительными средствами и хорошимъ конвоемъ; на этотъ разъ неутомимый путешественникъ рѣшился проникнуть вплоть до Тибета со стороны нашихъ средне-азіатскихъ владѣній; все шло хорошо, результаты этой новой экспедиціи были еще богаче, такъ какъ мѣста, по которымъ проходила экспедиція, были совершенно еще не извѣстны въ наукѣ; проведя іюль 1879 года въ горахъ Нань-Шань, онъ двинулся черезъ знакомый ему уже Цайдамъ въ Тибетъ; монголъ-проводникъ умышленно завелъ Пржевальскаго близъ Голубой рѣки въ труднопроходимую гористую мѣстность, за что и былъ прогнанъ. Пришлось идти впередъ одпимъ, разъискивая постоянно дальнѣйшій путь то при помощи буссоли, то при посредствѣ разспросовъ. На перевалѣ черезъ хребетъ Танла, возвышающійся на 16,800 ф. надъ поверхностью моря, впервые пришлось нашему миролюбивому путешественнику употребить въ дѣло огнестрѣльное оружіе, которое до сихъ поръ служило ему только для умилостивительныхъ подарковъ и для охоты; тутъ на караванъ напало племя еграевъ, принадлежащее къ семьѣ тангутовъ, но скорострѣльныя берданки, которыми вооружены были путники, скоро выручили ихъ изъ бѣды, такъ какъ четверо изъ разбойниковъ были убиты, нѣсколько человѣкъ ранено, а остальные обратились въ бѣгство; но не суждено было нашему смѣлому ученому достигнуть цѣли своихъ давнишнихъ желаній, города Хлассы, такъ какъ у южной подошвы Танлы, близъ деревни Напчу тибетскія войска загородили каравану дальнѣйшій путь. „Посланъ былъ гонецъ въ Хлассу, телеграфируетъ Пржевальскій отъ 8 марта, откуда прибылъ посланникъ Далай-Ламы и семь чиновниковъ, которые объявили намъ волю тибетскаго народа: не пускать къ себѣ русскихъ; дали письменный документъ; общее мнѣніе въ Тибетѣ, что мы идемъ, чтобы украсть Далай-Ламу. Напрасны были мои разувѣренія, просьбы, угрозы; я принужденъ былъ возвратиться, не дойдя только 250 верстъ до Хлассы“. Понятно, какъ труденъ былъ обратный путь черезъ сѣверный Тибетъ въ глубокую зиму и притомъ на абсолютной высотѣ въ 14—16 т. футъ, но все таки все обошлось благополучно и всѣ члены экспедиціи совершенно здоровы, пребывая въ китайскомъ городѣ Синь-Нинѣ. Только съ трудомъ удалось Пржевальскому добиться у китайцевъ возможности идти на верховья Желтой рѣки, гдѣ путешественникъ думалъ провести всю весну, а быть можетъ и часть лѣта и только въ августѣ идти въ Кяхту черезъ Алашанъ и Ургу. Можно себѣ представить какую массу новыхъ, интересныхъ матеріаловъ, данныхъ и свѣдѣній, привезетъ съ собою нашъ неутомимый ученый, прошедшій 4,300 верстъ по совершенно неизвѣданной еще странѣ.

Другая, хотя и менѣе замѣчательная экспедиція, принадлежавшая правительственному почину, не безъ участія однако Географическаго Общества, прошла подъ руководствомъ полковника Сосновскаго изъ

самого центра собственнаго Китая до русскихъ предѣловъ, которыхъ она достигла близь Зайсана; поднявшись по такъ называемому императорскому каналу, населенному необыкновенно густо и притомъ такъ, что часть населенія проживаетъ даже на самыхъ водахъ канала въ особенныхъ домахъ-судахъ, Сосновскій двинулся въ путь, оберегаемый паспортами и указомъ Печилійскаго правительства; скоро однако пришлось ему отдѣлить отъ себя одного казака и отправить его впередъ въ Россію и вотъ казакъ, не зная ни полслова по китайски, проѣхалъ на своемъ походномъ конѣ изъ конца въ конецъ весь Китай, и явился на Зайсанскомъ посту послѣ 20-ти дневнаго пути, словно сдѣлалъ переѣздъ изъ станицы въ станицу. Такъ какъ цѣль Сосновскаго была чисто торговая, то онъ и обращалъ главное вниманіе на промышленность и торговлю проѣзжаемыхъ имъ мѣстностей, замѣчалъ всюду не можетъ ли быть направлена русская производительность въ страну, въ какомъ именно товарѣ нуждается данная мѣстность, изслѣдовалъ пути, собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ производствахъ и вывезъ массы этнографическаго матеріала, который тѣмъ болѣе цѣненъ, что впервые явился передъ изслѣдователями. Экспедиція Сосновскаго повела за собою заключеніе съ дзянь-дзюнемъ, т. е. намѣстникомъ и главнокомандующимъ страны, гдѣ „опускается солнце", т. е. Китайскаго Туркестана, договора о снабженіи китайской арміи хлѣбомъ изъ Сибири, поставку котораго приняли на себя нѣкоторые русскіе негоціанты; къ сожалѣнію изъ этого договора ничего ровно не вышло, такъ какъ всѣ китайскіе чиновники, да и самъ дзянь-дзюнь, никакъ не могли отказаться отъ старинныхъ воззрѣній своихъ на „нечистыхъ варваровъ", всячески тормозили дѣло и довели его наконецъ до того, что русское правительство принуждено было запретить вывозъ хлѣба изъ предѣловъ Сибири въ Китай. Почти въ одно время съ Сосновскимъ и притомъ почти въ паралельномъ съ нимъ направленіи, прошла черезъ болѣе сѣверныя части Китая другая экспедиція, находившаяся подъ начальствомъ Пѣвцова; эта экспедиція вышла изъ Томска и прошла до города Куку-Хото, а затѣмъ, открывъ такимъ образомъ этотъ новый рынокъ для нашей торговли, и не желая направляться въ обратный путь по той же самой дорогѣ, вернулась въ русскіе предѣлы чрезъ центральную и западную Монголію, подготовивъ этимъ такъ сказать широкое поле для дальнѣйшихъ изслѣдователей этой крайне интересной во всѣхъ отношеніяхъ страны. Торговая экспедиція братьевъ Бутиныхъ, отправившаяся изъ Забайкальскаго края по меридіональному направленію въ Пекинъ и Тянь-Дзинь, а также и послѣднія экспедиціи Каменскихъ и нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ торговцевъ, само собою разумѣется, заинтересованныхъ въ отъисканіи новыхъ мѣстъ сбыта и рынковъ для своихъ товаровъ и никогда неотказывавшихся отъ прикомандированія къ ихъ караванамъ спеціалистовъ, дали намъ въ тоже время возможность совер-

шенно точно узнать и изв҃дать всю пограничную съ Сибирью полосу Китая, верстъ на 500 въ ширину; эта посл҃дняя задача будетъ окончательно выполнена, когда возвратится наконецъ изъ своей трехгодовой поѣздки членъ Географическаго Общества Потанинъ, который избралъ себѣ спеціальностью изученіе Монголіи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши славные путешественники и изслѣдователи никогда не давали себѣ труда передъ поѣздкою въ интересующую ихъ страну изучить хотя нѣсколько языкъ того народа, который они намѣревались посѣтить, а нѣкоторые не только не подготовлялись въ этомъ отношеніи, а игнорировали даже и большинство остальныхъ свѣдѣній, требующихся отъ всякаго путешественника и слѣдовательно, если то были офицеры генеральнаго штаба, то кромѣ своей спеціальности ни на что другое не обращали вниманія, да и не могли бы обратить, такъ какъ или не интересовались ничѣмъ остальнымъ, или же при всемъ желаніи слишкомъ мало были подготовлены къ другимъ наблюденіямъ. Французское Парижское Географическое Общество давно уже издало небольшую справочную книжку для путешественниковъ, заключающую въ себѣ краткія свѣдѣнія по всѣмъ естественнымъ наукамъ и руководство, какъ дѣлать коллекцію, на что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе и т. п.; было бы несомнѣнно желательно, чтобы наше Географическое Общество, такъ много уже сдѣлавшее для науки, взяло на себя трудъ перевести это руководство, приспособивъ его для пользованія нашихъ русскихъ путешественниковъ. Не такъ распорядился Потанинъ; конечно и онъ не сталъ изучать монгольскаго языка, но онъ тщательнѣйшимъ образомъ подготовлялся передъ своею поѣздкою въ минералогическомъ и зоологическомъ кабинетахъ университета и академіи и отправился въ свое путешествіе, такъ сказать, во всеоружіи знанія; понятно, съ какимъ интересомъ слѣдуетъ ожидать его возвращенія въ Россію, тѣмъ болѣе, что, судя по предварительнымъ его отчетамъ, ему удалось собрать цѣлую массу самаго разнообразнаго и интереснаго матеріала и въ особенности по быту и народной литературѣ и суевѣріямъ монголовъ; сначала монголы дико смотрѣли на нашего ученаго и разъ даже въ какомъ-то монастырѣ экспедиція подверглась насилію, но скоро населеніе увидало, что ему нечего бояться людей, „гоняющихся за жуками и ловящихъ лучи солнечные въ ящикѣ", вошло въ дружественныя отношенія съ успѣвшими уже достаточно „омонголиться" экспедиціонерами (впервые это привѣтствіе было высказано монголами Пржевальскому, когда онъ покрытый грязью попалъ въ Ургу) и теперь всячески старается помочь экспедиціи въ ея странствованіяхъ. Въ настоящее время, если только не воспрепятствуютъ наши отношенія къ Китаю, располагаютъ отправиться изъ Восточной Сибири нѣсколько весьма интересныхъ торговыхъ и ученыхъ экспедицій въ Монголію и Манжурію; такъ изъ Минусинскаго округа, съ верховьевъ Енисея, отправляется торговая экспедиція въ

Улясутай, гдѣ особенно хорошо сбывается наша крупитчатая мука; эта экспедиція имѣетъ, сверхъ того, въ виду проникнуть изъ Улясутая въ Калганъ такимъ путемъ, который до сихъ поръ оставался для русскихъ неизвѣстнымъ. Другая торговая экспедиція отправляется съ вершины рѣки Иркута въ землю, населенную Дархотами, затѣмъ имѣетъ намѣреніе осмотрѣть страну къ югу и изслѣдовать долину р. Селенги. Третья торговая экспедиція, отправляющаяся изъ большаго нерчинскаго завода при р. Аргуни, имѣетъ цѣлью проникнуть черезъ городъ Хайларъ, посѣщаемый ежегодно мелкими русскими торговцами, до города Цыцикара на рѣкѣ Сунгари, для того, чтобы изслѣдовать вопросъ о возможности торговыхъ сношеній съ внутреннею Манжуріею посредствомъ этой многоводной рѣки. Для той же цѣли приготовляются двѣ рѣчныя экспедиціи на рѣку Сунгари: одна для изслѣдованія вопроса о возможности снабжать изъ Манжуріи хлѣбомъ амурскіе золотые пріиски, а другая имѣетъ цѣлью, прослѣдовавъ, на сколько лишь возможно, по рѣкѣ Сунгари, выйти сухимъ путемъ черезъ Мухденъ къ берегу Печилійскаго залива (столица Китая называется, собственно говоря, Печили) и отыскать тамъ пунктъ для склада чаевъ, которые могли бы оттуда доставляться до Сунгари и по этой рѣкѣ сплавляться на Амуръ. Потанинъ съ своей стороны обѣщаетъ, на сколько возможно, углубиться на югъ Монголіи и потому понятно, насколько всѣ эти экспедиціи обѣщаютъ обогатить географію сопредѣльныхъ съ Сибирью странъ многими новыми свѣдѣніями.

Съ давнихъ поръ уже, еще со временъ Петра Великаго, изъ Петербурга зачастую отправлялись экспедиціи въ невѣдомыя страны Сибири, которыя однако не могли привести къ особенно блестящимъ результатамъ по той простой причинѣ, что средства, бывшія въ рукахъ тогдашнихъ путешественниковъ, были слишкомъ еще первобытны и борьба съ трудностями всегда оканчивалась побѣдою природы и обстоятельствъ надъ человѣкомъ. Съ появленіемъ въ свѣтъ огромнаго труда Миддендорфа, оканчиваются эти, такъ сказать, случайныя экспедиціи, чрезмѣрно удаленныя отъ мѣста ихъ отправленія, и въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ самой Сибири основываются научные центры изслѣдованій; сначала въ Иркутскѣ, а затѣмъ и въ Омскѣ образуются отдѣлы Географическаго Общества, дѣлающіеся вмѣстѣ съ вновь открытыми тамъ военно-топографическими отдѣлами главнаго штаба сборными и исходными пунктами для мѣстныхъ изслѣдователей; между ревнителями науки устанавливается тѣсная связь, начинаются дѣйствія, клонящіяся къ общей, опредѣленной цѣли, изысканія теряютъ характеръ случайныхъ набѣговъ и пріобрѣтаютъ значеніе постоянной и послѣдовательной работы для всесторонняго изученія родной страны; отсюда почти ежегодно отправляются мелкія географическія и этнографическія экспедиціи, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе освѣщаютъ недавно еще непроглядную глушь Сибири и дѣлаютъ въ наукѣ открытіе за открытіемъ. Перечислять здѣсь всѣ си-

бирскія экспедиціи мы не станемъ, такъ какъ даже простое перечисленіе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко, но все же упомянемъ хотя бы о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно о тѣхъ которыя составили, такъ сказать, эпоху для странъ, посѣщенныхъ ими.

Прежде всего мы скажемъ о важнѣйшей изъ географическихъ работъ, произведенныхъ въ предѣлахъ россійской имперіи, а именно о результатахъ астрономической экспедиціи Шарнгорста и Кульберга, которые, самымъ точнымъ образомъ провѣряя свои наблюденія по нѣскольку разъ въ день при посредствѣ телеграфа, опредѣлили географическія координаты главнѣйшихъ городовъ Сибири, начавъ эту трудную работу съ Казани; затѣмъ они прослѣдовали черезъ всю Сибирь до Владивостока и гавани Посьета; само собою разумѣется, что опредѣленные этими почтенными учеными астрономическіе пункты будутъ отнынѣ исходными точками для всѣхъ дальнѣйшихъ астрономическихъ работъ: къ нимъ станутъ примыкать всѣ тріангуляціи и топографическія съемки, производившіяся въ разное время въ Сибири; но что важнѣе всего, работами Шарнгорста и Кульберга замкнулся наконецъ кругъ точнаго измѣренія паралели, опоясывающей весь земной шаръ. Не меньшее значеніе имѣла для науки другая экспедиція, которая задумана была давно, но все откладывалась за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ и кромѣ того за сравнительною своею рановременностью; давно уже въ Географическое Общество пожертвованъ былъ капиталъ на нивеллировку Сибири, но, такъ какъ о сибирской желѣзной дорогѣ ходили лишь смутные слухи и неизвѣстно было даже направленіе соединительнаго пути изъ Нижняго къ границамъ Сибири, то дѣло все откладывалось. Началась между тѣмъ постройка пермско-екатеринбургской желѣзной дороги, прошли слухи о томъ, что правительство высказывается за южное направленіе дороги изъ Нижняго, а потому и поспѣшили приступить къ давно желанной нивеллировкѣ всего пространства, лежащаго между подошвою Урала и Иркутскомъ; дѣло было ведено такъ удачно, что вся нивеллировка произведена была въ одинъ сезонъ и притомъ до такой степени точно, что иркутская партія сошлась съ уральскою при ошибкѣ лишь въ нѣсколько миллиметровъ. Такимъ образомъ было положено начало великому предпріятію нашего времени—„александровской сибирской желѣзной дорогѣ“. Въ тоже время Сибирь была постоянно предметомъ естественно-научныхъ и этнографическихъ изслѣдованій, которыя выполнялись не только русскими учеными, но сдѣлались возможными и для ученыхъ западно-европейскихъ, изъ которыхъ Бремъ первый показалъ примѣръ своимъ собратьямъ и разсѣялъ предразсудки, существовавшіе о Сибири въ западной Европѣ. Какъ извѣстно, Сибирь можетъ чрезвычайно удобно быть раздѣлена на бассейны и вотъ прежде всего представляется намъ Обскій бассейнъ. Обь съ ея огромными притоками подверглась изслѣдованію Полякова, который отправился въ путь изъ Тобольска и достигъ са-

мыхъ отдаленныхъ острововъ въ устьяхъ великой рѣки, плавая на снаряженномъ имъ баркасѣ, постоянно приставая къ берегамъ, входя въ сношенія съ дикарями, населяющими теченіе Оби, т. е. съ остяками и изслѣдуя спеціально рыбъ и рыбную ловлю; изъ его путешествія оказалось прежде всего, что для изученія быта человѣка каменнаго періода, не слѣдуетъ углубляться въ болѣе или менѣе остроумныя хитросплетенія, а просто лишь присмотрѣться къ быту остяковъ, до сихъ поръ еще не вышедшихъ изъ каменнаго вѣка, несмотря на то, что съ нѣкоторыхъ поръ они успѣли уже вкусить блага цивилизаціи, подносимыя имъ разными русскими привносителями культуры, обирающими ихъ весьма исправно, а также и на то, что цивилизація эта пришла къ нимъ съ первымъ пароходомъ, который остроумные остяки иначе не называютъ, какъ „кабакъ". Крайне интересныя изслѣдованія Полякова о жизни рыбъ, удостоились почетнѣйшихъ отзывовъ со стороны всѣхъ ихтіологовъ Европы, а этнографическіе матеріалы и коллекціи составляютъ драгоцѣннѣйшій вкладъ въ науку: слѣдуетъ замѣтить, что со времени поѣздки Полякова появились въ Петербургѣ обскіе копченые муксуны, которыхъ незнающая публика принимаетъ по всѣмъ вѣроятіямъ за большихъ, но очень дорогихъ сиговъ, такъ какъ муксуны идутъ въ Петербургѣ лишь мѣрные, т. е. 9 вершковъ отъ жаберъ до начала хвоста и по нѣжности своего мяса нашли бы сбытъ даже и въ Сибири, гдѣ, напримѣръ, дикарь остякъ пожираетъ ихъ въ одинъ присѣстъ 5—6 штукъ, иногда варенными, а иногда и запросто слегка протухлыми. По результатамъ своимъ и по трудностямъ, побѣжденнымъ членами—участниками еще болѣе замѣчательна экспедиція Чекановскаго, который, къ сожалѣнію, погибъ такъ рано. Двинувшись по Ленѣ, Чекановскій скоро оставилъ эту громадную рѣку для того, чтобы перейти въ бассейнъ Оленека, который онъ и изслѣдовалъ почти на всемъ его протяженіи; значеніе этой экспедиціи, на ряду съ изслѣдованіями Шмидта, Маака, Лопатина и другихъ, опредѣляется уже тѣмъ, что геологическія, астрономическія и зоологическія наблюденія производились въ такихъ мѣстностяхъ, которыя никогда еще не были посѣщены учеными путешественниками: такъ, напримѣръ, въ малодоступныхъ частяхъ теченія рѣки Тунгузки, Вилюя, Оленека, а также Енисея и Лены; слѣдовательно, такимъ образомъ, вмѣстѣ со спеціальными трудами по части геологіи и зоологіи, пополнялись важные пробѣлы въ топографіи края. Само собою разумѣется, что геологическія изслѣдованія должны были вести за собою и то, что ископаемая флора Сибири, ясно обрисовывающая намъ совершенно иныя климатическія условія, должна была обогащаться крайне драгоцѣнными вкладами. Что касается до фаунистическихъ изслѣдованій, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть занято Дыбовскимъ, который съ изумительною полнотою изучилъ фауну прибайкальскаго края и собралъ богатѣйшую коллекцію, которая вмѣстѣ съ коллекціею Лопатина, состоящею изъ нѣсколькихъ тысячъ предметовъ ка-

меннаго, бронзоваго и мѣднаго вѣковъ Сибири, является единственною въ своемъ родѣ по богатству. Даже въ дальніе края непривлекательной Чукотской земли проникъ русскій человѣкъ во имя науки, и участники Чукотской правительственной экспедиціи не мало содѣйствовали расширенію географическихъ познаній о крайнихъ предѣлахъ сибирскаго материка. Говоря о сибирскихъ изслѣдованіяхъ, мы упустили изъ виду еще одну экспедицію, крайне скромнаго характера, но результаты которой могутъ повліять на благосостояніе нѣсколькихъ сибирскихъ губерній. Извѣстно, что Обь и Енисей своими широкими и почти сплошь судоходными притоками почти соприкасаются другъ съ другомъ; такое удобство обратило на себя вниманіе министра путей сообщенія и потому инженеру Сиденснеру поручено было изслѣдовать, какимъ образомъ можно было бы соединить эти двѣ великія рѣки; вопросъ этотъ былъ слишкомъ важенъ для всей Сибири, чтобы мѣстные жители не отнеслись къ работамъ экспедиціи съ полнымъ сочувствіемъ; направленіе было найдено, работы сравнительно пришлось бы произвести весьма незначительныя, но къ сожалѣнію дѣло это кануло въ Лету, какъ случается съ весьма многими благими намѣреніями у насъ на Руси.

Независимо отъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію собственно Сибири, ученые наши постоянно стремились въ Амурскій край, такъ недавно сдѣлавшійся для нихъ доступнымъ; прошло не много лѣтъ и астрономическіе труды, начиная отъ Шварца, Усольцева и другихъ членовъ сибирской экспедиціи Географическаго Общества, и кончая работами Шарнгорста и Кульберга, изслѣдованія по геологіи и ботаникѣ Шмидта, Максимовича, а по зоологіи Радде, Маака и многихъ другихъ, пролили яркій свѣтъ на географическія условія, строеніе, флору и фауну этого края. Крайне многосложныя этнографическія особенности тамошняго населенія постоянно изучаются мѣстными дѣятелями, которые постоянно присылаютъ всѣ свои работы въ Географическое Общество, какъ въ излюбленную хранилищницу цѣннаго матеріала. Среди этихъ народностей, составляющихъ нынѣшнее населеніе Амурскаго края есть между прочимъ одна, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія; страна корейцевъ, послѣдняя на земномъ шарѣ, все еще чуждается общенія съ цивилизованнымъ міромъ и крѣпко стоитъ за свою замкнутость, которая можетъ однако рушиться въ одинъ прекрасный день сама собою, просто лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ; уже и теперь ближайшіе къ нашимъ предѣламъ корейцы бѣгутъ отъ тяжкихъ условій жизни на родинѣ и стараются поселиться въ нашихъ владѣніяхъ, гдѣ все же жить имъ будетъ краснѣе; корейская колонизація, при чрезвычайномъ трудолюбіи этого народа обѣщаетъ краю самое отрадное будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ надѣяться, что именно съ сѣверной, русской стороны, Корея раньше всего сдѣлается доступною для торговыхъ сношеній и для научныхъ изслѣдованій.

Но если гдѣ дѣйствительно наука сдѣлала гигантскіе шаги впередъ, такъ это въ такъ называемомъ Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь наши ученые изслѣдовтеали въ большинствѣ случаевъ, не ожидая водворенія русской власти и охраны военной силы, отважно стремились впередъ въ неизвѣданныя еще страны и становились такимъ образомъ дѣйствительными піонерами русскаго, а слѣдовательно и культурнаго движенія въ глубь центральной Азіи. Блестящее начало подобнымъ изслѣдованіямъ положено было нынѣшнимъ вице-предсѣдателемъ географическаго общества Семеновымъ, который первымъ изъ европейскихъ путешественниковъ проникъ въ Тянь-Шань и достигъ предѣловъ вѣчнаго снѣга и громадныхъ ледниковъ, скопившихся на этомъ мощномъ горномъ массивѣ. Смѣлость, берущая города, и на этотъ разъ привела къ самымъ благопріятнымъ результатамъ, хотя опасность и была крайне велика; въ доказательство того, какой опасности подвергали себя эти смѣлые передовые путешественники, мы скажемъ лишь, что другой не менѣе отважный и замѣчательный путешественникъ, Сѣверцевъ, занимавшійся зоологическими изслѣдованіями на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и удалившійся однажды довольно далеко отъ форта Перовскаго, былъ взятъ въ плѣнъ коканцами, жестоко изрубленъ саблями и только чудомъ спасся отъ неминуемой смерти. Скоро вся горная страна Тянь-Шана, какою она представилась нашимъ изслѣдователямъ, начиная отъ западныхъ вѣтвей или отроговъ его, почти примыкающихъ къ Ташкенту, и до самыхъ восточныхъ его отроговъ, сдѣлалась достояніемъ науки, во всѣхъ ея разнообразныхъ естественныхъ условіяхъ; наконецъ въ самое послѣднее время районъ изслѣдованій значительно расширился присоединеніемъ къ нему болѣе южныхъ горныхъ странъ Алая и Памира, бывшаго столь долгое время предметомъ завѣтныхъ стремленій всѣхъ географовъ міра. Начатое Семеновымъ дѣло изученія Туркестанскаго края, сразу попало въ добрыя руки и многіе люди науки сдѣлали этотъ край своею спеціальностью; покойный Федченко до такой степени сжился съ тамошнею жизнью, что впослѣдствіи съ трудомъ разставался съ Ташкентомъ; его тянуло постоянно въ его любимый Коканъ, въ Памиръ, однимъ словомъ въ самую глушь центральной Азіи. Что Федченко сдѣлалъ для флоры и фауны Туркестана, то Мушкетовъ сдѣлалъ для изученія его геологическаго строенія и петрографіи. Въ особенности сильный интересъ для людей науки представляло разнохарактерное населеніе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній; уже при первомъ ознакомленіи съ этнографическими особенностями края, оказалось необходимымъ совершенно измѣнить всѣ тѣ представленія, которыя существовали въ наукѣ о народностяхъ, населяющихъ эти мѣста; Средняя Азія представляла собою какъ бы горнило, черезъ которое проходило большинство тѣхъ народовъ, которые потомъ или выступили на историческую арену, или же основали новыя, и до сей поры извѣстныя разновидности; понятно, что всѣ эти народы остав-

ляли въ Туркестанѣ или чистыхъ своихъ представителей, какъ напримѣръ гальчей, до сихъ поръ еще живущихъ въ горахъ и сохранившихъ съ необычайнымъ постоянствомъ чистоту своего иранскаго происхожденія, или же вступали между собою въ сводные браки и порождали помѣси съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ того или другого типа, въ родѣ нынѣшнихъ сартовъ, представляющихъ собою продуктъ долгой и самой разнообразной метисаціи. Многіе изслѣдователи посвятили себя изученію этнографическихъ особенностей края и имена Валиханова, Рейнталя, Буняковскаго, Костенко, Вилькинса и Венюкова, изъ которыхъ однако только третій и пятый отнеслись къ своему предмету со строго научной антропологической точки зрѣнія, стали извѣстны въ Европѣ. Географическое Общество всегда и во всемъ и словомъ и дѣломъ помогало этимъ изслѣдователямъ и всячески старалось имъ хотя отчасти облегчить ихъ тяжелую задачу. Но, говоря объ изслѣдованіяхъ Туркестанскаго края, нельзя не упомянуть кромѣ того о человѣкѣ, который, хотя самъ лично и не предпринималъ никакихъ научныхъ экспедицій, но все же чрезвычайно много сдѣлалъ для изученія этой страны. Нынѣшній генералъ-губернаторъ Туркестанской области, К. П. фонъ-Кауфманъ уже съ первыхъ дней своего назначенія на этотъ постъ понялъ, что прежде, нежели управлять краемъ, надо его сначала извѣдать; съ этою цѣлію Кауфманъ не жалѣлъ издержекъ и трудовъ: онъ составилъ вокругъ себя кружокъ ученыхъ, которыхъ зачастую приглашалъ издалека, постоянно формировалъ экспедиціи, не давалъ ни минуты отдыха своимъ чиновникамъ для особыхъ порученій, которыхъ онъ избиралъ преимущественно изъ числа молодыхъ спеціалистовъ, сконцентрировалъ въ Ташкентѣ все, что когда нибудь было писано о ввѣренномъ его управленію краѣ, добился того, что составлена была обширнѣйшая библіотека, если можно такъ выразиться „Трансоксанская“ не только изъ книгъ, но заключающая въ себѣ даже вырѣзки изъ газетъ, переплетенныя въ особые томы, основалъ богатѣйшій и единственный въ своемъ родѣ музей и вообще сдѣлалъ для науки гораздо больше, нежели какой нибудь путешественникъ; благодаря его стараніямъ Туркестанъ заинтересовалъ Европу; явился трудъ Скайлера, къ сожалѣнію давшаго слишкомъ много мѣста въ своемъ путешествіи своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, и наконецъ превосходная работа Уйфальви, который отправленъ былъ въ Туркестанъ французскимъ правительствомъ. Вообще Кауфманъ сдѣлалъ Ташкентъ русскимъ городомъ и научнымъ центромъ и недалеко то время, когда сѣвши въ вагонъ въ Николаевскомъ вокзалѣ, житель Петербурга проѣдетъ въ этотъ недавно еще полный тайны городъ въ какіе нибудь 5 дней времени, а быть можетъ и дальше черезъ Пешауеръ въ Калькутту.

Западная и преимущественно юго-западная часть Средней Азіи издавна тоже привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра и тутъ главнымъ образомъ интересовалъ ученыхъ вопросъ объ Аму-Дарьѣ и ея прошломъ.

Большинство арабскихъ писателей, говорящихъ объ этихъ странахъ прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что было время, когда великая рѣка Средней Азіи впадала не въ Аральское, а въ Каспійское море; уже Петръ Великій, этотъ геніальный человѣкъ, желавшій повсюду отыскать источникъ благосостоянія для своего государства, обратилъ вниманіе на это обстоятельство и, посылая въ Среднюю Азію экспедицію князя Бековича-Черкасскаго, прямо рекомендовалъ послѣднему изслѣдовать тщательно вопросъ, о возможности обратнаго поворота рѣки въ наше внутреннее море; къ сожалѣнію, экспедиція эта окончилась крайне печально и вопросу суждено было на время остаться не разрѣшеннымъ. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи стали со стороны людей науки раздаваться голоса скептиковъ, которые высказывали убѣжденіе въ невозможности поворота и сомнѣвались даже въ томъ, что Каспійское море лежитъ ниже устьевъ Аму. Ни средствъ, ни желанія повыяснить сомнѣніе не было въ рукахъ русскаго правительства, а потому вопросъ и продолжалъ оставаться неразрѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока съ укрѣпленіемъ нашимъ на берегахъ Аму и съ другой стороны на восточномъ берегу Каспійскаго моря, не явилась возможность изслѣдовать его. Шагъ за шагомъ двигалась по безплодной степи нивеллировочная экспедиція Тилло, но наконецъ телеграфъ извѣстилъ весь ученый міръ, что давнишній споръ разрѣшенъ, что по направленію отъ Аральскаго моря къ Каспійскому замѣчается постепенный, но постоянный склонъ и что уровень Каспійскаго моря на 200 метровъ ниже уровня Арала; вопросъ былъ разрѣшенъ въ принципѣ, оставалось выполнить великій планъ геніальнаго царя на дѣлѣ. Дѣло было далеко не легкое — оставалось еще изслѣдовать тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ рѣка обратилась въ Аральское море, изслѣдовать по возможности все теченіе Аму для того, чтобы узнать, по скольку рѣка эта судоходна и достаточно ли питается она притоками, чтобы поворотъ части водъ ея въ Каспійское море не изсушилъ громадной площади Аральскаго моря; въ тоже время заговорили и о томъ, чтобы соединить Ташкентъ желѣзнымъ путемъ съ Европой. Оба вопроса до крайности заинтересовали нѣкоторыхъ лицъ; одинъ изъ спеціалистовъ по изученію среднеазіатскихъ вопросовъ, отнесся въ особенности серьезно къ дѣлу; онъ прежде всего подробно и крайне точно познакомился съ обширнѣйшею литературою предмета и лишь послѣ тщательной кабинетной подготовки рѣшился наконецъ приступить къ практическому разрѣшенію задачи. Такъ называемая „Самарская экспедиція“ въ теченіи двухъ лѣтъ изучала на мѣстѣ какъ условія проведенія желѣзной дороги, такъ и вопросъ объ Аму; члены ея пришли къ тому заключенію, что лучшимъ направленіемъ для желѣзнодорожнаго пути является Тургайское и составили даже полное трасе всего пути; они поднялись по Аму до Кобадіана, изслѣдовали берега рѣки, ея судоходность, по нѣскольку разъ поднимались по ея притокамъ вверхъ, изучили питаемость Аму водою и наконецъ снова про-

шли по такъ называемому Узбою, т. е. старому руслу Аму Дарьи. Успѣхъ экспедиціи былъ полный; члены ея вечеромъ сходились въ палаткѣ своего руководителя для того, чтобы въ общемъ своемъ собраніи прочесть отдѣльныя, дневныя работы экспедиціонеровъ и сообща обсудить ихъ. Начальникъ экспедиціи всегда наравнѣ съ другими работалъ на общее благо и на пользу науки и чисто личнымъ своимъ вліяніемъ добился того, что хивинскій ханъ обѣщался нынче весною срыть плотины у Бента и Куня-Ургенча и пустить воду изъ Аму въ Узбой; когда въ прошломъ году для пробы была срыта одна лишь незначительная плотина, то рѣчная вода тотчасъ же устремилась по старому руслу и дошла до Сары-Камыша, горько соленыхъ озеръ, находящихся на 1/3 пути между устьемъ Аму и Каспійскимъ моремъ. Такимъ образомъ, благодаря „Самарской экспедиціи", не дальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ разрѣшенъ одинъ изъ величайшихъ географическихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго будетъ зависѣть воззваніе къ жизни громадной пустыни, когда то славившейся количествомъ и богатствомъ своихъ городовъ.

Нѣсколько южнѣе, въ такъ называемомъ Ахалтекинскомъ оазисѣ географическія познанія наши также обогатились не мало, но здѣсь научныя изслѣдованія ограничивались съемкою и астрономическими наблюденіями въ виду прямо враждебнаго отношенія къ намъ мѣстнаго населенія. Весь путь, пройденный нашимъ отрядомъ, отъ Чикишлара по р. Атреку черезъ Дузулумъ до Чата, который лежитъ при впаденіи въ Атрекъ р. Сумбара и далѣе по Сумбару черезъ хребетъ Копетдагъ до Беурмы, изслѣдованъ и снятъ на карту нашими топографами и сдѣлался теперь настолько же извѣстнымъ, какъ напримѣръ разстояніе отъ Петербурга до Москвы. Неудача, которую храбрыя войска наши потерпѣли подъ Геокъ-тепе заставила весь отрядъ вернуться въ Чикишларъ и не дозволила слѣдовательно продолжать съемку и научныя наблюденія; но теперь, когда къ командованію экспедиціоннымъ отрядомъ призванъ нашъ славный Скобелевъ, когда въ Баку лежитъ уже готовая желѣзная дорога для прокладки между Чикишларомъ и Чатомъ, есть надежда, что скоро и этотъ край будетъ открытъ для людей науки, которые не замедлятъ явиться сюда и завоюютъ во имя знанія ту область, которую русскій человѣкъ купитъ у дикарей своею кровью.

Говоря о географическихъ успѣхахъ въ Россіи, мы не упоминали еще о Кавказѣ. Страна эта была окончательно замирена какъ разъ въ началѣ этого двадцатипятилѣтія и тотчасъ же началась тамъ усиленная научная дѣятельность, которая не прекращается и до сихъ поръ; труды Ходзько и Стебницкаго, съемки и тріангуляціи которыхъ привлекали всеобщее вниманіе знатоковъ въ Парижѣ, работы геолога Абиха, ботаника Рупрехта, многосторонняго натуралиста и путешественника Радде, этнографовъ и лингвистовъ Услара, Берже и Шифнера, довели Кавказъ до степени такой же извѣстности въ наукѣ,

какъ извѣстна хотя бы любая часть западной Европы. Желѣзная дорога прорѣзала Кавказъ отъ Поти до Тифлиса, а на дняхъ приступятъ уже къ постройкѣ линій отъ Тифлиса до Баку и отъ Сурама къ Батуму; таинственныя горы стали достояніемъ не только людей науки, по и частной предпріимчивости, которая ищетъ въ нѣдрахъ ихъ полезныхъ ископаемыхъ и металловъ: недавно еще дикія племена все болѣе и болѣе привыкаютъ къ своему новому положенію и переходятъ къ осѣдлости и культурности, а русская колонизація довершаетъ великое дѣло мирнаго завоеванія недавно еще дикаго края.

Но если велики были успѣхи географіи, при содѣйствіи Географическаго Общества внѣ предѣловъ Россіи и на ея окраинахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что и Европейская Россія подвергалась въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ самому всестороннему изученію и заслуги Общества въ этомъ отношеніи отнюдь не менѣе достойны вниманія. Предпріятія Общества въ этомъ отношеніи сами собою распадаются на такія, которыя возбуждались самимъ Обществомъ и на такія, которыя зачинались по частной иниціативѣ, но пользовались какъ матеріальною, такъ и всякою другою поддержкою со стороны Общества. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣхъ этихъ грандіозныхъ и богатыхъ по своимъ результатамъ предпріятій и экспедицій, такъ какъ даже подробное перечисленіе ихъ заставило бы насъ выйти изъ предѣловъ и размѣровъ нашей статьи, и упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя обнимаютъ собою или крайне важные вопросы или очень значительныя области.

Составленная Кеппеномъ этнографическая карта Россіи до такой степени устарѣла, что рѣшительно не представлялось никакой возможности пользоваться ею для научныхъ занятій; Географическое Общество обратило вниманіе на это обстоятельство и поручило Риттиху составить новую карту, сообразно съ тѣми свѣдѣніями о разселеніи различныхъ народностей, которыя были добыты въ послѣднее время, какъ отдѣльными изслѣдователями, такъ и оффиціальными учрежденіями; имѣя въ виду громадность работы и желая достичь при выполненіи ея возможной точности и вѣрности, Общество выбрало изъ своей среды наблюдательную комиссію, состоящую изъ такихъ лицъ, которые разобрали между собою всѣ губерніи Россіи хорошо знакомыя имъ. Работа была трудная; Риттиху пришлось нанести на карту 75,000 населенныхъ пунктовъ и составить прежде всего этнографическую карту въ десяти верстномъ маштабѣ, а затѣмъ уже перенести всѣ этнографическіе пункты на 75 верстную карту. На г. Риттихѣ лежала обязанность составить къ своей картѣ объяснительную записку, которая представляла бы собою цѣлый томъ довольно почтенныхъ размѣровъ; эта объяснительная записка однако не была составлена, вслѣдствіе какихъ то недоразумѣній, а лица взявшіеся пополнить впослѣдствіи этотъ пробѣлъ, также ничего не сдѣлали, такъ какъ не они составляли карту, и превосходно состав-

ленная карта, сдѣлавшаяся, такъ сказать, вслѣдствіе отсутствія объясненій нѣмою, не пошла въ ходъ, продаваясь лишь въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ трудъ Риттиха составилъ эпоху въ развитіи этнографическихъ знаній въ Россіи и привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе на Парижской всемірной географической выставкѣ, гдѣ авторъ признанъ былъ единогласно достойнымъ высшей почетной награды.

Другое предпріятіе Географическаго Общества принадлежитъ не всецѣло ему одному, такъ какъ требовало несоразмѣрно большихъ затратъ, бывшихъ не подъ силу одному учрежденію. Россія по преимуществу является страною хлѣбопроизводительною и достаточно упомянуть лишь о нашей черноземной полосѣ, не имѣющей нигдѣ въ мірѣ чего либо себѣ подобнаго, чтобы понять, какой огромный интересъ представляли вопросы о количествѣ производимаго въ томъ или другомъ бассейнѣ хлѣба, о первичныхъ центрахъ отправленія зерна, о пути по которому оно движется на хлѣбные рынки и т. п. Въ силу именно особенной важности всѣхъ этихъ вопросовъ, Географическое Общество и вошло въ соглашеніе съ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, дабы на общій коштъ отправить нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій для изученія хлѣбнаго производства и направленія хлѣбной торговли по бассейнамъ. Экспедиціи отправились въ путь и употребили по 2 года на изученіе дѣла; къ сожалѣнію, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ бассейновъ, а именно Азовскій, достался на долю изслѣдователя, который тянулъ дѣло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и все же не представилъ ничего сколько нибудь подходящаго къ отчетамъ остальныхъ почтенныхъ дѣятелей, въ родѣ Чаславскаго, Борковскаго, Раевскаго и др. Тѣмъ не менѣе, благодаря знанію дѣла и энергіи этихъ послѣднихъ изслѣдователей, весь бассейнъ Сѣверной Двины, бассейны Западной Двины, Волги, Центральный и Черноморскій, были изучены въ совершенствѣ и отчеты о нихъ составили нѣсколько томовъ „Трудовъ“, представляющихъ ясную и точную съ дѣйствительностью картину нашего русскаго хлѣбнаго производства и направленія хлѣбныхъ грузовъ; основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, предприниматель какой нибудь новой питательной вѣтви желѣзной дороги можетъ совершенно вѣрно вычислить то количество зерноваго груза, на который онъ можетъ разсчитывать, а статистикъ можетъ вполнѣ опредѣленно сказать, что производитъ данная мѣстность и куда она тянетъ въ смыслѣ своей торговли. Понятно, что, занимаясь изслѣдованіями по хлѣбной экспедиціи, почтенные ученые постоянно наталкивались на цѣлый рядъ крайне интересныхъ, но не вошедшихъ въ программу изслѣдованія вопросовъ, и примѣромъ именно подобныхъ, нечаянно разрѣшенныхъ вопросовъ можетъ служить почтенный трудъ одного изъ членовъ экспедиціи по отхожимъ земледѣльческимъ промысламъ на югѣ Россіи, обращавшій на себя новизною своихъ данныхъ и оригинальностью метода графическаго изображенія движенія рабочаго

населенія, всеобщее вниманіе на выставкѣ 1875 года. Въ связи же съ Вольно-Экономическимъ Обществомъ предпринято было и другое дѣло, которое давно уже требовало подробнаго изученія, вслѣдствіе того, что нуждалось въ поддержкѣ и въ направленіи, безъ чего оно долго, если не всегда, стояло бы на своей первобытной степени развитія. Многія мѣстности Россіи издавна занялись какимъ нибудь производствомъ, которое служило имъ весьма ощутительнымъ подспорьемъ въ ихъ немудреномъ хозяйствѣ; но до послѣдняго времени почти никто не имѣлъ понятія о „кустаряхъ“ (мелкихъ производителяхъ) и „кустарной промышленности“, пока отдѣленіе статистики не вздумало заняться этимъ вопросомъ; въ настоящее время почти всѣ роды этой промышленности уже описаны съ чрезвычайною полнотою и теперь остается лишь приступить къ организаціи кустарной промышленности, т. е. къ дачѣ кустарямъ хорошихъ образцовъ, къ устройству въ извѣстномъ районѣ школъ по подходящей отрасли кустарства и т. п.; но все это требуетъ много времени и средствъ.

Не всегда могло Общество поднимать само вопросъ, но едва лишь какой нибудь интересный вопросъ былъ подпимаемъ кѣмъ нибудь изъ его членовъ и представляема была болѣе или менѣе полная программа дѣйствій, какъ Общество тотчасъ же съ полнымъ вниманіемъ относилось къ дѣлу, спабжало инціатора и матеріальными средствами для производства предположенныхъ имъ изслѣдованій, облегчало ему всячески доступъ въ районъ его изслѣдованій, спабжало его инструментами, рекомендательными письмами и своимъ открытымъ листомъ, который пользуется по всей Россіи большимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ явились въ свѣтъ такія изданія, какъ „Писцовыя книги“, редактируемыя Калачевымъ и представляющія огромный интересъ для изученія былой исторіи нашихъ населенныхъ мѣстъ, а также и для исторической географіи и этнографіи въ томъ отношеніи, что даютъ неоцѣненный матеріалъ по названіямъ рѣкъ, урочищъ и мѣстностей; такимъ же образомъ положено было начало капитальному труду Огородникова, который задумалъ составить полное историко-географическое описаніе Россіи на основаніи данныхъ, представляемыхъ Книгою Большему Чертежу въ связи съ лѣтописными, актовыми и другими свѣдѣніями. Трудъ Огородникова громаденъ, такъ какъ авторъ не довольствуется лишь опредѣленіемъ извѣстной мѣстности, а всегда разсказываетъ всю ея исторію и посвящаетъ цѣлыя главы изслѣдованіямъ о народахъ, населявшихъ когда то ту или другую мѣстность; до сихъ поръ окончепъ только еще бассейнъ Бѣлаго моря и часть Вологодской и Олонецкой губерній, т. е. другими словами готова лишь малая часть всего труда, составляющая между тѣмъ два тома изслѣдованій весьма почтенныхъ размѣровъ.

Вскорѣ послѣ печальныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ западной части Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, въ средѣ общества родилась

мысль о необходимости подвергнуть изслѣдованію весь западный край, о которомъ до той поры имѣлось очень мало свѣдѣній, да къ тому же и тѣ, которыя имѣлись, были за частую весьма несогласны съ истиною и изданы въ свѣтъ съ предвзятою мыслію. Вслѣдствіе этого, рѣшено было отправить двѣ экспедиціи, изъ которыхъ одна, порученная руководству Чубинскаго должна была изслѣдовать югозападный, а другая, состоящая изъ Кузнецова и Максимова, сѣверозападный край; Кузнецовъ принялъ на себя изслѣдованія о литовскомъ племени, а Максимовъ спеціализировался на бѣлоруссахъ. Въ настоящее время приведена къ концу только лишь югозападная экспедиція Чубинскаго, давшая семь томовъ матеріаловъ; кромѣ громадныхъ сборниковъ вновь записанныхъ думъ, всякаго рода пѣсенъ и другихъ образчиковъ южно-русской народной литературы, труды Чубинскаго интересны уже тѣмъ, что почтенный изслѣдователь сдѣлалъ первую пробу разобраться хотя отчасти въ той массѣ народныхъ говоровъ, которые встрѣчаются въ нынѣшней Малороссіи и постарался пріурочить ихъ происхожденіе къ какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ; само собою разумѣется, что прежде всего, составивъ карту говоровъ, онъ замѣтилъ, что границы ихъ находятся въ прямой зависимости отъ древнѣйшаго раздѣленія населенія Россіи, упоминаемаго у Нестора, такъ что въ концѣ концовъ Чубинскому удалось возстановить, на основаніи границъ говоровъ, границы Вятичей, Радимичей, Сѣверянъ, Древлянъ и т. п. Отнюдь не менѣе интересный матеріалъ представляютъ и массы рѣшеній мѣстныхъ волостныхъ судовъ, основывающихся по большей части не на писанномъ законодательствѣ, а на обычномъ народномъ правѣ, которое зачастую идетъ совершенно въ разрѣзъ съ предписаніями писаннаго закона. Но если Чубинскій доставилъ обществу такую массу новаго и неоцѣненнаго по своему интересу матеріала, то нельзя сказать того же про остальныхъ экспедиціонеровъ. Кузнецовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ Литву, какъ въ Россіи, такъ и въ Пруссіи, составилъ и доставилъ въ общество превосходную карту разселенія литовскаго племени, но до сихъ поръ не прислалъ ничего цѣльнаго изъ своихъ работъ и мы не ошибемся, если отнесемъ это грустное обстоятельство къ тому, что всякому добросовѣстному изслѣдователю не хочется поручить разработку собраннаго матеріала другому лицу, какому нибудь счетчику или вообще профану, который легко можетъ напутать и ввести въ ошибку, какъ самаго изслѣдователя, такъ и дальнѣйшихъ его читателей; понятно, что такая подготовительная разработка, исполняемая однимъ лицомъ, требуетъ много времени и, не будучи оплачиваема, заставляетъ заниматься въ ущербъ ей другими платными работами. Именно въ силу этой послѣдней причины изслѣдователь бѣлорусскаго племени Максимовъ не представилъ въ общество ровно ничего, предпочитая печатать отдѣльные очерки изъ своей поѣздки въ оплачивающихъ трудъ журналахъ.

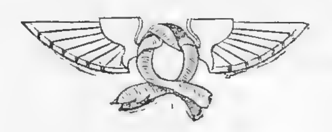
Съ давнихъ поръ уже Географическое Общество интересовалось юридическимъ бытомъ русскаго и инородческаго населенія; составлена была программа для собиранія такихъ свѣдѣній, но въ концѣ концовъ программа эта устарѣла и оказалась слишкомъ неполною; явилась необходимость прежде всего составить новую программу, а затѣмъ приступить къ изданію имѣющагося уже въ Обществѣ матеріала и вызвать новый наплывъ статей по этому вопросу. Благодаря стараніямъ члена Общества Матвѣева, давно уже занимавшагося изученіемъ обычнаго права, Общество не только было въ состояніи составить и разослать по Россіи новую программу для собиранія свѣдѣній по юридическому быту народа, но и издать чрезвычайно интересный томъ, вполнѣ посвященный этому вопросу; кромѣ того готовы уже всѣ матеріалы для второго тома статей по юридическому быту и неутомимый редакторъ этихъ трудовъ надѣется быть вскорѣ въ состояніи издать третій томъ. Мы полагаемъ невозможнымъ разбирать здѣсь содержаніе, хотя бы перваго тома, какъ воздержались отъ передачи содержанія трудовъ юго-западной экспедиціи, такъ какъ думаемъ поговорить объ этомъ подробнѣе при сообщеніи свѣдѣній объ успѣхахъ антропологіи и этнографіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Для того, чтобы закончить перечень предпріятій Общества, упомяну, что и я лично обязанъ ему доставленіемъ средствъ для изученія мордовскаго народа; обѣ упомянутыя мною выше причины повліяли и на представленіе моихъ трудовъ Обществу, такъ какъ всѣ цифровыя данныя по измѣренію 510 субъектовъ мнѣ пришлось разработывать самому и слишкомъ часто отвлекаться отъ любезной работы необходимостью заработка. Кромѣ антропологическаго изслѣдованія мордвы, въ Общество будетъ представленъ подробный очеркъ юридическаго быта мордвы и очеркъ ихъ религіозныхъ вѣрованій; все это находится въ работѣ, но запоздало, вслѣдствіе необходимости часто отрываться отъ дѣла.

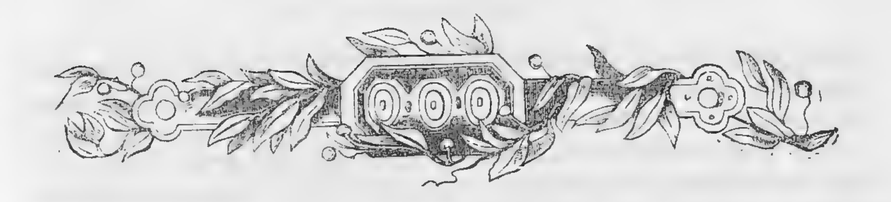
Въ настоящее время Императорское Русское Географическое Общество начало новыя работы, которыя несомнѣнно увѣнчаются такимъ же успѣхомъ, какъ и всѣ, раньше имъ предпринимавшіяся. Московская выставка доисторической археологіи и антропологіи, состоявшаяся въ 1879 году, не могла не обратить вниманія предсѣдателя отдѣленія этнографіи на эту область этнологіи; по иниціативѣ г. Майкова, Географическое Общество явилось однимъ изъ самыхъ видныхъ экспонентовъ на выставкѣ, какъ по части чистой, описательной этнографіи, такъ и по доисторической археологіи и, конечно, успѣхъ выставки не могъ не оказать вліянія на почтеннаго ученаго; уже нынѣшнею зимою прочтено было нѣсколько рефератовъ по доисторической археологіи въ средѣ того самаго отдѣленія этнографіи, которое всегда, до г. Майкова, чуждалось какъ-то этой отрасли человѣческихъ знаній. Благодаря начинаніямъ предсѣдателя, къ участію въ трудахъ отдѣленія привлечены именно по этой отрасли наукъ новыя силы и отправ-

лена уже на Уралъ экспедиція Малахова, который долженъ изслѣдовать эту мѣстность въ археологическомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и на этомъ поприщѣ Географическому Обществу удастся вызвать нѣсколько интересныхъ и важныхъ работъ и достичь самыхъ блестящихъ результатовъ, причемъ, конечно, спеціалисты будутъ помнить, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ г. Майкову. Что касается до отдѣленія статистики, то оно занялось изученіемъ крайне важнаго въ русской жизни вопроса объ общинѣ, которая не смотря на массу написанныхъ о ней книгъ и статей, все еще остается неизвѣстною. Отдѣленія географіи посвящаютъ большую часть времени на подготовительныя работы по устройству метеорологическихъ и морскихъ станцій въ устьяхъ Лены.

Размѣры журнальной статьи не дозволили намъ распространяться, но и изъ того, что нами сказано, легко убѣдиться, насколько плодотворна была до сихъ поръ дѣятельность Географическаго Общества, которое всегда высоко держало знамя науки, благодаря серьезному отношенію къ дѣлу своихъ вице-предсѣдателей, графа Литке и П. П. Семенова, которые положили не мало труда на пользу науки. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь оно не почіетъ на лаврахъ и будетъ также успѣшно, какъ и прежде, стремиться къ достиженію своей цѣли — къ изученію Россіи.

В. Майновъ.





КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА А. ЗАМОЙСКАГО.

Три вѣка имя Замойскихъ громко раздается въ Польшѣ. Историческимъ родоначальникомъ этой фамиліи считаютъ обыкновенно рыцаря Флоріана Сарія (Florian Saryusz), жившаго въ половинѣ XIV столѣтія, при королѣ Владиславѣ-Локткѣ. Послѣ одного сраженія, въ которомъ Сарій былъ тяжело раненъ, король излилъ на него чрезвычайныя милости. Преданіе сохранило тогдашнее выраженіе Сарія, перешедшее въ девизъ герба Замойскихъ: „Ia nie z roli i nie z soli, tylko z tego, co mnie boli", (т. е. „Я пошелъ въ ходъ не земледѣліемъ и не соляными промыслами, а тѣмъ, что у меня болитъ").

При королѣ Стефанѣ Баторіи, потомокъ Сарія, Янъ Замойскій, былъ канцлеромъ и великимъ коронnымъ гетманомъ (1576—1605). Онъ женился на племянницѣ короля, Гризсивдѣ, взялъ за нею огромное приданое, заключавшееся въ капиталахъ и въ земляхъ, которыхъ средоточіемъ былъ городъ Замосць, Замойскими же и укрѣпленный.

При Сигизмундѣ III недвижимыя имущества Замойскихъ разрослись еще болѣе и обращены въ майротъ (1589), названный, по примѣру прежнихъ польскихъ учрежденій этого рода, ординаціей Замойскихъ [1]). Эта громадная ординація вмѣщала въ себѣ первона-

[1]) Самыя старшія польскія ординаціи суть: Тарновскихъ (1470) и Любранскихъ (1520). Затѣмъ идутъ ординаціи: Замойскихъ на Замостьѣ и Щебржешинѣ (1589); Радзивилловъ на Олыкѣ и Несвижѣ (1589); Мышковскихъ—Пинчовское (1601); Острогскихъ—на Острогѣ (1609); Сулковскихъ—на Радзени (1775) и Красинскихъ—Опиногорская (1844).

Въ настоящее время находится въ царствѣ польскомъ только три ординаціи: графовъ Замойскихъ и Красинскихъ, и Клецкая и Давидгродская—князя Радзивилла.

Слово ordinatio значитъ: „распоряженіе, приведеніе въ порядокъ". Имъ начинается завѣщаніе Яна Замойскаго: „Ordinatio bonorum hereditariorum Domini Zamoscianae, comitiis Generalibus Regni, Binisque Constitutionibus, ab universis ordinibus concessa et approbata, per illustrissimum et excelentissimnm D. Ioanum

чально почти весь Замосцьскій и Грубешовскій повѣты Люблинскаго воеводства, захватывая всего на всего около 70 квадратныхъ миль земли, гдѣ было до 400 деревень съ мѣстечками.

Изъ потомковъ Яна Замойскаго наиболѣе извѣстны: Ѳома Замойскій, также великій коронный канцлеръ (1594—1638) и Андрей Замойскій, великій коронный канцлеръ (1716—1792).

Сынъ послѣдняго, ординатъ графъ Станиславъ Замойскій [1]), женился на княгинѣ Софіи Чарторыской. У нихъ было семь сыновей (Константинъ, Владиславъ, Зозиславъ, Андрей, Янъ, Августъ и Станиславъ) и три дочери, которыя сначала воспитывались въ Краковѣ, при матери (гдѣ ихъ окружала постоянно литературно-политическая атмосфера). Потомъ сыновья разосланы по лучшимъ заграничнымъ пансіонамъ.

Графъ Андрей, родившійся 2 апрѣля н. ст. 1800 года, въ Вѣнѣ, учился одно время въ парижскомъ пансіонѣ Murenne, затѣмъ въ одномъ изъ женевскихъ, и довершилъ свое образованіе въ эдинбургскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 1819 по 1821 годъ. Послѣ этого путешествовалъ около трехъ лѣтъ по Европѣ; въ 1824 году женился на графинѣ Розѣ Потоцкой, а въ 1825 прибылъ въ Варшаву и опредѣлился тамъ на службу въ Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ и вскорѣ получилъ мѣсто дѣлопроизводителя (Referendarjusz) и назначенъ камергеромъ ко двору его величества, императора Николая Павловича.

Съ 1828—1830 онъ завѣдывалъ въ сказанной коммисіи отдѣломъ промысловъ.

Революція 1830 года прекратила мирную дѣятельность графа Андрея. Старшій братъ его Константинъ (тогда уже ординатъ), вооружилъ на свой счетъ цѣлый полкъ и самъ вступилъ въ него солдатомъ. Андрей же сдѣлался адъютантомъ диктатора Хлопицкаго и принималъ участіе въ битвѣ подъ Граховымъ.

Вскорѣ послѣ этой битвы, революціонное правительство послало графа Андрея въ Вѣну, вывѣдывать настроеніе австрійскаго кабинета относительно русскаго захвата и вмѣстѣ просить о признаніи польскаго народнаго возстанія воюющею стороною. Онъ добрался до Кра-

---

in Zamoscie Zamoyski Supremum Regni cancellarium, et exercituum generalium ducem etc., eorum actis tribunalitiis Regni facta, in perpetuum seroicus".

Русскихъ императорскихъ майоратовъ въ царствѣ 265. Первая партія (131 майоратъ) роздана разнымъ лицамъ въ 1835 году, изъ казенныхъ и конфискованныхъ послѣ возстанія 1831 года имѣній. Вторая партія (73 майората) роздана въ 1866 году, изъ казенныхъ и конфискованныхъ послѣ возстаній 1831 и 1863 имѣній. Третья партія (61 майоратъ) роздана въ 1869—1870 годахъ, изъ казенныхъ имѣній царства польскаго.

Кромѣ того пожаловано, между 1835—1879 г., въ полную собственность 13 казенныхъ имѣній и лѣсовъ въ царствѣ польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ, съ правомъ продажи въ другія руки.

[1]) Графскій титулъ австрійской имперіи полученъ Замойскими въ 1780 году. Гербъ Замойскихъ, прямыхъ родоначальниковъ графа Андрея,—Ielita.

кова подъ именемъ француза-гувернера и оттуда переѣхалъ въ имѣніе графа Потулицкаго, Бобрекъ, гдѣ всѣ его считали гувернеромъ, кромѣ самаго хозяина, который былъ посвященъ въ тайну.

Однажды графъ Андрей встрѣтился у Потулицкаго съ графомъ Лорисомъ (Loris), изъ Осека, и этотъ послѣдній рѣшился довести до свѣдѣнія князя Меттерниха о миссіи Замойскаго. Тогда пришли изъ Вѣны паспортныя облегченія.

При первомъ свиданіи съ графомъ Андреемъ, австрійскій консулъ объявилъ ему, что „готовъ быть посредникомъ между царемъ и революціоннымъ правительствомъ царства польскаго, только совѣтуетъ ограничиться дѣйствіями въ конгрессувкѣ и принять условія, какія царь, при содѣйствіи Австріи, предложитъ“.

Послѣ этого Меттернихъ пригласилъ графа на обѣдъ, гдѣ свелъ его, какъ своего знакомаго, съ русскимъ посланникомъ Татищевымъ. Татищеву показалась подозрительною физіономія Замойскаго: онъ просилъ его бывать у нихъ запросто. Замойскій, послѣ третьяго-четвертаго визита, сталъ встрѣчать у Татищевыхъ какую то очень хорошенькую соотечественницу, сошелся съ нею, какъ полякъ, рѣшительно ничего не подозрѣвая; потомъ, отъ нечего дѣлать, влюбился—и разболталъ ей всю свою тайну.

Хорошенькая полька была ничто иное, какъ шпіонъ нашего посла [1]). Меттернихъ узнавши всю эту исторію отъ Татищева, повелъ себя съ графомъ Андреемъ, какъ съ вѣтренымъ мальчикомъ. Всѣ ихъ разговоры съ этого времени состояли изъ однихъ пустыхъ, ничего не значащихъ фразъ. Канцлеръ толковалъ постоянно о расположеніи Австріи къ полякамъ русскаго захвата, объ ужасной ошибкѣ, сдѣланной кабинетами трехъ державъ въ 1772... и тѣмъ все кончалось. А графъ Андрей восклицалъ, съ юношескимъ жаромъ, что „если Австрія не поправитъ теперь своей ошибки, то первая за это поплатится“. Миттернихъ только улыбался и въ заключеніе всѣхъ подобныхъ бесѣдъ съ графомъ, объявилъ ему, что „положеніе дѣлъ въ Европѣ заставляетъ Австрію строго держаться трактата 1815 года; что на этомъ трактатѣ зиждется вся ея политическая система“.

Съ этимъ графъ Андрей воротился въ Варшаву, но черезъ нѣсколько времени былъ снова посланъ народнымъ правительствомъ въ Вѣну. На этотъ разъ пробраться туда было несравненно труднѣе. Въ Галиціи были усилены наблюденія за всякими странниками. Всѣ знакомые графа отказали ему въ своей помощи—и онъ, переправясь черезъ Вислу вплавь подъ Щуцинымъ [2]), переночевалъ у кантрабандиста и послѣ ѣхалъ по ночамъ „przez Iasielskie“ до Венгріи, имѣя паспортъ на чужое имя.

---

[1]) Сообщено автору намѣстникомъ графомъ Бергомъ.

[2]) Въ Галиціи, Тарновскаго округа, съ версту отъ границы, т. е. отъ Вислы.

Меттернихъ, встрѣтивъ его довольно любезно, сказалъ, что „пожалуй, готовъ принять участіе въ капитуляціи, къ которой видимо клонится дѣло, но больше этого ничѣмъ не можетъ служить полякамъ русскаго захвата"—и совѣтовалъ графу Андрею ѣхать немедля въ Варшаву. Замойскій согласился. Канцлеръ далъ ему чиновника для облегченія всякихъ затрудненій на пути и открытый листъ, къ которому приложилъ визу и русскій посланникъ.

Замойскій поѣхалъ черезъ Пруссію и прибылъ въ Варшаву тогда, когда польскія войска уже ее очистили. На другой день по вступленіи нашей арміи въ Варшаву, графъ Андрей явился къ Паскевичу.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ у него строгимъ голосомъ Паскевичъ, знавшій черезъ Татищева о вѣнскихъ его похожденіяхъ.

— Я прибылъ изъ Вѣны съ письмомъ отъ князя Меттерниха, какъ „wysłaniec" народнаго правительства, отвѣтилъ Замойскій.

— Высланецъ народнаго правительства? закричалъ Паскевичъ: гдѣ такое правительство? Я васъ, сударь мой, велю разстрѣлять, вотъ вы и будете знать у меня какое-то тамъ народное правительство!

Это было конечно только угрозой на словахъ и ничего болѣе. Паскевичъ, предвидя, на чемъ неизбѣжно обопрется система управленія его Польшей, приказалъ графу Андрею только выѣхать въ деревню и сидѣть тамъ смирно.

Замойскій отправился въ село Клеменсово (Люблинской губерніи, Замосцьскаго уѣзда) и тамъ устроилъ два образцовые фольварка, гдѣ жилъ, можно сказать, маленькимъ царькомъ, среди всевозможныхъ удобствъ, въ теченіи всего царствованія Николая Павловича.

Въ Клеменсово съѣзжались многіе окрестные помѣщики и гости изъ другихъ губерній, посмотрѣть на образцовое хозяйство графа, потолковать о томъ, о семъ, съ образованнымъ, бывалымъ и почтеннымъ представителемъ рода Замойскихъ, поохотиться и покутить на старопольскій ладъ.

Съ этихъ клеменсовскихъ съѣздовъ [1]) начинается популярность графа Андрея въ краѣ. Имя его стало кое-гдѣ раздаваться, какъ имя полезнаго, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ патріота.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ клеменсовскіе съѣзды приняли довольно широкіе размѣры. Въ иное лѣто собиралось тамъ болѣе 200 человѣкъ мелкой и крупной шляхты, отличавшейся начитанностью и образованіемъ. Здѣсь, можно сказать, перебывала вся интеллигенція края [2]). Такъ какъ Замойскій велъ себя въ политическомъ смыслѣ

---

[1]) Первые съѣзды имѣли мѣсто въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, „kiedy królestwo jak i Galicya w zupełnym były pograżone śnie" (когда царство, а также и Галиція были погружены въ глубокомъ снѣ), говоритъ авторъ статей „объ Андреѣ Замойскомъ" въ Часѣ 1879, № 223, стр. I, столбецъ 3.

[2]) Свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ: Czas 1874, №№ 250, 251, 252; Gazeta Narodowa того же года, № 249 и XXVIII томъ Encyklopedyi powszechnej Orgelbanda, статья „Zamojski", стр. 256—278.

безукоризненно, рѣшительно ни во что не мѣшаясь, (бури 1846 и 1848 годовъ пронеслись, не коснувшись фольварковъ) [1]), то Паскевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы на тамошніе шляхетскіе съѣзды. Они совершались спокойно, какъ бы подъ санкціей грознаго фельдмаршала. Впрочемъ Лисицкій, въ книгѣ своей „Alexander Wielopolski", говоритъ, будто бы подъ конецъ эти съѣзды были запрещены [2]).

Въ антрактахъ между всякими грандіозными развлеченіями (кавалькадами, охотами на сернъ, медвѣдей, оленей и кабановъ), въ дурную погоду, когда вѣтеръ поэтически завывалъ въ старыхъ-престарыхъ клеменсовскихъ паркахъ, просвѣщенные гости графа Андрея бесѣдовали, у трескучихъ каминовъ, о состояніи сельскаго хозяйства въ Польшѣ, мѣстами значительно разстроеннаго, вслѣдствіе безпечности и небреженія владѣльцевъ, думавшихъ единственно о кутежахъ на широкую руку, волокитствахъ за варшавскими актрисами, о безпутномъ убиваніи денегъ и времени за границей (что иногда поддерживалось и поощрялось самимъ правительствомъ, въ особенности послѣ вспышки 1846 года). Въ такихъ бесѣдахъ, естественно, заходили толки о томъ, какъ бы остановить, или хотя парализовать такой бѣдственный ходъ вещей: отрезвить безумцевъ, поднять нравственность, обратить праздныхъ кутилъ къ полезнымъ занятіямъ—и чрезъ это, по возможности, уравнять сельскій и промышленный бытъ страны съ заграничнымъ, сдѣлать, мало-по-малу, всю Польшу (и безъ того опередившую Россію въ дѣлѣ агрикультуры) огромнымъ клеменсовскимъ фольваркомъ.

Въ концѣ-концовъ, всѣмъ собиравшимся у Замойскаго патріотамъ (какъ это бываетъ зачастую на всякихъ сборищахъ поляковъ, да и простительно всѣмъ завоеваннымъ) видѣлась очищенная отъ грѣховъ, нравственно-могучая, единомышленная, съ народомъ вмѣсто быдла, богатая, разумная, просвѣщенная Польша, способная итти дальше и дальше...

Takem silny, takem dumny,
Siostro moja! mnie się zdaje
Że w tej chwili, ze snu trumny
Nasza święta gdzieś już wstaje!... [3])

Клеменсовцы пришли довольно скоро и естественно къ заключенію, что самымъ простымъ и лучшимъ средствомъ воспитать и повести всю массу населенія къ извѣстнымъ, спасительнымъ цѣлямъ,

---

Бывали также помѣщичьи съѣзды около того же времени у каштеляна Каэтана Козьмяна, въ имѣніи его Петровицахъ, Люблинской губерніи и уѣзда.

[1]) Авторъ статей „о графѣ Андреѣ" въ Часѣ 1879 именно Клеменсовскимъ съѣздамъ приписываетъ то обстоятельство, что катастрофа, постигшая Галицію въ эти годы (1846—1848) очень мало коснулась царства. (№ 223, стр. 1, столбецъ 3).

[2]) Томъ I, стр. 50—51.

[3]) Przidświt Красинскаго. Переводъ въ Поэзіи славянъ Гербеля, С.-Петербургъ, 1871, стр. 517.

есть — земледѣльческое общество. Только оно можетъ сдѣлаться школою для земледѣльцевъ и потомъ для всего народа въ краѣ, находящагося въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ, какъ Польша.

Но слово общество, въ сороковыхъ годахъ и въ самомъ началѣ пятидесятыхъ, было страшнымъ, непрактическимъ звукомъ, который раздавался тихо и осторожно даже въ темныхъ дебряхъ Клеменсова.

Сказано однако и сказано очень давно, что „рожденная мысль, хотя бы и не въ благополучную минуту, когда исполниться ей невозможно, есть уже шагъ впередъ: такимъ шагомъ впередъ была и мысль клеменсовцевъ о земледѣльческомъ обществѣ въ Польшѣ. Толкуя время отъ времени объ этомъ вопросѣ, сильно всѣхъ ихъ занимавшемъ, гости графа Андрея, сами не зная какъ, дошли до разрѣшенія многихъ трудныхъ задачъ сельскаго хозяйства въ ихъ отечествѣ, и почти построили въ умахъ своихъ все зданіе, о которомъ мечтали. Дѣло будущаго общества (патріотическо-, а можетъ и политическо-) земледѣльческаго пошло въ Клеменсовѣ скорѣе, нежели могли предполагать... будущіе его члены: чуждые другъ другу въ началѣ лица, въ нѣсколько періодическихъ встрѣчъ въ одномъ и томъ же пунктѣ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, подъ вліяніемъ обаятельныхъ свойствъ изящнаго и гостепріимнаго хозяина, магната магнатовъ pur sang, мало-по-малу сблизились, стали людьми одной и той же вѣры, настроенія, понятій, образовали незамѣтно плотный кружокъ, такой плотный, какіе рѣдко образуются искусственно, по данному рецепту,—кружокъ съ представительнымъ главою и вождемъ, котораго вовсе не выбирали, но который выбрался какъ-то самъ собою, въ высшей степени естественно, какимъ-то волшебствомъ, и лучше нежели всякій выбранный, при церемоніи обноса кругомъ извѣстнаго ящика съ черными и бѣлыми шарами, отвѣчалъ всѣмъ вкусамъ, приходился по душѣ каждому члену кружка. А въ 1842 году, у этого кружка, создавшагося такъ оригинально и какъ бы случайно, явился такой же случайный органъ — органъ невидимаго, несуществующаго юридически земледѣльческаго общества, названный Roczniki Gospodarsdwa Krajowego (Лѣтописи отечественнаго хозяйства), которыхъ редакція ввѣрена была нѣкому І. Копевичу [1]).

Когда графъ Андрей очутился, по амнистіи 1856 года, въ Варшавѣ, клеменсовцы сгруппировались около него очень естественно и тамъ. Графъ Андрей сразу занялъ видное мѣсто въ обществѣ, вопервыхъ, какъ человѣкъ послужившій краю и за него пострадавшій, изгнанникъ въ теченіи четверти вѣка, а потомъ какъ личность вообще чрезвычайно симпатическая. Его полюбили мгновенно всѣ: и русскіе, и поляки, и жиды, и высшій слой, и низшій; умѣренная по своимъ политическимъ взглядамъ и пріемамъ жизни часть населенія, и ни-

---

[1]) Графъ Андрей самъ писалъ въ этомъ журналѣ статьи (Szas 1879, № 223, стр. 1. столбецъ 3).

чѣмъ недовольные корсиканцы — трибуны разныхъ захолустныхъ кофеень и баварій. Графъ Андрей сталъ очень скоро, самъ не зная какъ, примирителемъ всякихъ непримиряемыхъ, повидимому, элементовъ. Все самое несговорчивое и ярое смирялось и уступало, едва было произнесено имя симпатичнаго графа, едва устремился въ ихъ сторону его мягкій, глубокій, тихій взглядъ.

Графъ Андрей Замойскій былъ объ эту пору человѣкъ уже немолодой (подъ 60 лѣтъ), но онъ смотрѣлъ еще молодцомъ, ходилъ легко и прямо, какъ юноша, по лѣстницамъ шагалъ всегда черезъ двѣ ступени. Его красивая, благородная фигура имѣла въ себѣ что-то неотразимо-привлекательное. Какъ бы вы на него ни смотрѣли: вблизи, издали, внимательно или мелькомъ—вы видѣли передъ собой аристократа самой чистой крови, изящнаго, благовоспитаннаго во всякомъ малѣйшемъ движеніи, во всякомъ хотя бы необдуманно и небрежно произнесенномъ словѣ. Скоро стали всѣ говорить просто „графъ Андрей“; фамилію употребляли рѣдко, какъ будто-бы на все царство и былъ отпущенъ Богомъ только одинъ графъ Андрей.

Нечего и говорить, что появленіе изящнаго графа Андрея въ Замкѣ, съ его безукоризненнымъ французскимъ языкомъ, произвело потрясеніе въ сердцахъ людей, которые не могутъ не симпатизировать всему истинно-аристократическому, богатому, вліятельному—прежде всего въ сердцѣ самаго намѣстника. Паскевичъ, плебей по происхожденію, ласкалъ польскихъ аристократовъ съ извѣстными политическими цѣлями; онъ вторилъ въ этомъ отчасти Петербургу, но въ тоже время былъ для нихъ одинъ и тотъ же: высшее лицо, герой, покрытый лаврами безчисленныхъ походовъ, намѣстникъ и другъ царя.

Горчаковъ питалъ слабость къ аристократамъ всѣхъ націй потому, что самъ былъ аристократъ, потому что съ самыхъ раннихъ лѣтъ наслушался отъ отца и матери, отъ всѣхъ тетушекъ, дядюшекъ, бабушекъ и дѣдушекъ, что аристократы — особые люди земного шара, бѣлая кость, создаются изъ другого, лучшаго и благороднѣйшаго матерьяла, чѣмъ плебеи; а плебеи—это... какъ бы даже и не люди, а что то низшее въ іерархіи животныхъ, родъ орангутанговъ или шимпанзе.

Горчаковъ „padał do nóg“ всего аристократическаго въ Польшѣ. Онъ и его жена принимали у себя польскихъ аристократовъ, какъ ихъ не принимали въ Замкѣ рѣшительно никогда. Сколько оскорбленій вынесли при этомъ русскіе! Однихъ русскихъ можно такъ оскорблять.

Графъ Андрей и его супруга были у Горчаковыхъ болѣе хозяевами, нежели они сами. Случилось однажды (и можетъ не однажды), что княгиня Горчакова до того забыла всякія приличія, что сказала одной русской дамѣ (по мужу довольно-высокопоставленной и тоже аристократическаго происхожденія), которая сидѣла на диванѣ, когда вдругъ вошла въ залу графиня Замойская: „Veillez bien, madame,

céder votre place à la comtesse!“ Но дама на тотъ разъ случилась характерная: она отвѣчала княгинѣ: „je puis, madame, si vous le désirez, vous céder même le salon!„ И съ этими словами вышла изъ комнаты [1]).

Партія клеменсовцевъ (изъ коихъ многіе, будучи людьми зажиточными и аристократическаго происхожденія, принимались въ Замкѣ также чрезвычайно любезно) почувствовала свою силу; почувствовала, что времена измѣнились; что близкое ихъ сердцу дѣло—Земледѣльческое общество — можно подвинуть впередъ, покрайней мѣрѣ можно попробовать, не рискуя рѣшительно ничѣмъ. Они настроили графа Андрея замолвить Горчакову, въ удобный часъ, словцо объ обществѣ... какомъ-нибудь, напр. объ обществѣ пароходства по Вислѣ, которое уже было разрѣшено, десять лѣтъ тому назадъ, въ 1846 году, французу Гиберту (Guibert) и выдана ему концессія на постройку пароходства не только по Вислѣ, но и по другимъ рѣкамъ царства польскаго: стало быть теперь дѣло идетъ только о возобновленіи этой концессіи, не исполненной въ свое время единственно вслѣдствіе волненій и замѣшательства въ краѣ. А тамъ, когда это будетъ разрѣшено, можно заговорить и о Земледѣльческомъ обществѣ.

Горчаковъ нисколько не возражалъ графу Андрею, когда тотъ повелъ съ нимъ разговоръ о возобновленіи концессіи Гиберта. Онъ просилъ только графа переговорить съ главнымъ директоромъ коммисіи внутреннихъ дѣлъ, Мухановымъ, безъ котораго намѣстникъ не рѣшалъ тогда ни одного важнаго вопроса. Благовоспитанный графъ Андрей и самъ зналъ очень хорошо, что безъ Муханова дѣло не обойдется и заручился его словомъ еще прежде, чѣмъ сталъ говорить съ княземъ.

Этотъ Мухановъ (Павелъ Александровичъ) родился въ 1798 году. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1815 г., онъ поступилъ въ военную службу по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ. Въ 1816 произведенъ въ прапорщики и назначенъ адъютантомъ къ командиру 5 корпуса, графу Толстому. Въ турецкую кампанію 1829 года онъ находился въ свитѣ фельдмаршала Дибича и участвовалъ въ нѣсколькихъ вылазкахъ подъ Силистріей, потомъ въ разныхъ сраженіяхъ при движеніи нашемъ къ Шумлѣ и въ дѣлѣ подъ Кулевчи. Послѣ чего перешелъ въ дѣйствующую армію и принималъ участіе въ польской компаніи 1831 года. За отличіе въ битвѣ подъ Остроленкой получилъ чинъ полковника и сдѣланъ чиновникомъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ. Затѣмъ былъ нѣсколько времени председателемъ квартирной коммисіи въ Варшавѣ (1832—1834); въ этомъ послѣднемъ году подалъ по какимъ то обстоятельствамъ, въ отставку и уѣхалъ въ Россію, гдѣ занимался

[1]) Свѣдѣніе отъ тогдашняго директора канцеляріи намѣстника.

литературой, состоя членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго общества, испытателей природы, сельскаго хозяйства и Общества исторіи и древностей россійскихъ (1835—1836) [1].

Когда образовался Варшавскій учебный округъ, на подобіе существующихъ въ Россіи, Мухановъ, слывшій бойкимъ писакой и человѣкомъ начитаннымъ, назначенъ при помощи какихъ то силъ, помощникомъ попечителя, генерала Окунева, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (въ мая 1842). Окуневъ не долюбливалъ Муханова, какъ равно и Паскевичъ, и когда первый отправился, въ 1850, для поправленія своего здоровья на островъ Мадеру, Паскевичъ едва согласился, что бы Мухановъ правилъ его должностью.

При Горчаковѣ все пошло иначе. Предвидя, по всѣмъ вѣроятностямъ, что Горчаковъ, рано или поздно, сядетъ на мѣсто Паскевича Мухановъ всячески въ немъ заискивалъ, когда онъ былъ начальникомъ главнаго штаба при фельдмаршалѣ и Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, а по отъѣздѣ его въ южную армію, въ 1853, вызвался завѣдывать его разстроенными имѣніями въ Россіи и значительно ихъ поправилъ.

Личная услуга всегда болѣе помнится, чѣмъ всякая другая, даже и такими безпамятными людьми, какъ Горчаковъ. Выигрываетъ по службѣ совсѣмъ не тотъ, кто служитъ, а кто прислуживается. Это замѣчено еще Грибоѣдовымъ въ безсмертной его комедіи. Явясь въ Варшаву намѣстникомъ царства Польскаго, князь не зналъ, какъ достаточно отблагодарить своего „управляющаго“ — и сдѣлалъ его очень скоро (именно 8 марта ст. ст. 1856 г. недѣли черезъ двѣ, черезъ три послѣ своего пріѣзда) главнымъ директоромъ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Викинскаго. Съ этою должностью связано было завѣдываніе Варшавскимъ учебнымъ округомъ и духовнымъ отдѣломъ. Тутъ Мухановъ совершенно забралъ новаго намѣстника въ руки, сталъ его alter ego.

Нельзя сказать, чтобы Мухановъ не служилъ въ Польшѣ русскимъ интересамъ; но какъ человѣкъ, въ высшей степени несимпатичный и непріятный (даже по наружности), онъ никогда не могъ образовать около себя серьозной партіи, вѣчно стоялъ одиноко и оттого всѣ его усилія „сдѣлать что-либо для русскаго дѣла въ Польшѣ“, въ большинствѣ случаевъ кончались ничѣмъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ Мухановъ поддался всеобщему правительственному настроенію въ Польшѣ и въ Россіи; велъ себя, какъ всѣ высшія лица, окружавшія намѣстника: либо вторилъ ему во всемъ, либо молчалъ, иначе сказать: сдѣлался совершенный alter Горчаковъ: уступчивый, безхарактерный, даже подчасъ теряющійся, когда теряться было не отъ чего [2].

---

[1]) О литературныхъ работахъ его см. „Русскую Старину“, 1872, т. V стр. 336—341.

[2]) Вотъ отзывы о Мухановѣ нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ возможность знать его

Графъ Андрей безъ всякаго труда склонилъ этого alter Горчакова на свою сторону, какъ только это оказалось нужнымъ. Статсъ-секретарь Тымовскій протащилъ дѣло пароходства по Вислѣ черезъ комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ Петербургѣ. Концессія Гиберта перешла въ руки Замойскаго и онъ отправился съ двумя своими сыновьями [1]), въ путешествіе по Вислѣ, на пароходѣ, мѣрялъ въ разныхъ пунктахъ глубину этой прихотливой рѣки, толковалъ со спеціалистами...

Всѣ эти поѣздки графа Андрея были рядомъ царскихъ, тріумфальныхъ встрѣчъ и проводовъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ только пароходъ бросалъ якорь. Обѣды, тосты, виваты, на старый и новый польскій ладъ: что называется по-просту: ажно небу было жарко. Въ заключеніе всего, въ эту польскую политическую аферу были ловко втянуты нѣкоторые русскіе тузы... акціи пароходства по Вислѣ подняты искусственно со 120 на 300 рублей—и точно также вскорѣ величественно грохнулись.

Машина пошла. Директоромъ пароходства назначенъ былъ человѣкъ очень красныхъ свойствъ и вмѣстѣ глава одного кружка недовольныхъ, Леонъ Круликовскій, прошедшій огонь и воду и не особенно молодой. Какъ случилось, что бѣлый, легальный, умѣренный въ ту пору Замойскій взялъ къ себѣ на службу такого зажигателя и революціонера, — Богъ вѣсть, только случилось. Его могли втереть

хорошо. Сенаторъ К. выражался объ немъ, въ присутствіи автора, такъ: „это былъ геніальный интриганъ, который искалъ и въ правительствѣ, и въ полякахъ".

Графъ Фридрихъ Скорбекъ (главный директоръ комиссіи юстиціи) обрисовываетъ Муханова такъ: „это былъ человѣкъ атлетическаго вида, со взглядомъ, отражающимъ въ себѣ суровость, гордость и фальшивыя свойства души; имѣлъ свѣтскій лоскъ и обходился презрительно со всѣми тѣми, кого считалъ ниже себя и къ себѣ неочень расположеннымъ. Внѣшность его показывала скрытую внутри злость и вспыльчивость, въ доказательство чего можно привести случай, какъ онъ однажды, воротясь домой ночью, убилъ ударомъ трости сторожа за то, что тотъ не такъ скоро отперъ ему калитку. Эту горячность онъ старался всячески скрывать; умѣлъ даже ласкаться къ тѣмъ, кого хотѣлъ царапнуть или укусить. Въ немъ не было низкой страсти къ лихоимству, за то бушевала ненасытная жажда власти и значенія. (Pamiętniki, стр. 291).

Бывшій профессоръ въ главной школѣ и вмѣстѣ цензоръ, П. И. П., увѣрялъ автора, что „Мухановъ, какъ попечитель Варшавскаго учебнаго округа, не пользовался у нихъ симпатіей потому, что тормозилъ просвѣщеніе въ Польшѣ, считая неумѣстнымъ давать ему болѣе ходу, чѣмъ давали въ Россіи. На чье-то замѣчаніе, что пора-бы въ царствѣ открыть университетъ, онъ сказалъ: „но въ тоже время нужно построить другую цитадель" (Лисицкій, Alexander Wielopolski, I, 101). За то, какъ главный директоръ комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, Мухановъ не имѣетъ себѣ равнаго: онъ поднялъ сельское хозяйство и промыселъ страны, какъ никто до него и послѣ".

Писатель Крашевскій отзывался о Мухановѣ, при авторѣ, такимъ образомъ: „довольно добрый, но непріятный и безъ такта человѣкъ: совершенный русскій Велепольскій".

И это кажется самое вѣрное опредѣленіе Муханова: русскій Велепольскій.

[1]) Всѣхъ сыновей у графа Андрея было пятеро: Владиславъ, Янъ, Станиславъ, Андрей и Зозиславъ.

графу разные пріятели, не то бѣлые, не то красные, какихъ вертѣлось около него тогда довольно много. По разсчетамъ этихъ господъ, пароходство графа Андрея должно было разыграть, въ недалекомъ будущемъ, такую-же важную роль, какая предназначалась пароходству Гиберта въ 1846 г., еслибъ тогдашнее возстаніе окончилось такъ, какъ было задумано.

30 іюля 1857 года послѣдовало открытіе пароходства, въ особомъ новомъ зданіи на Сольцѣ, гдѣ былъ пиръ горой, со спичами въ прозѣ и стихахъ.

Послѣ этого выхлопотать разрѣшеніе на открытіе земледѣльческаго общества было, для того-же самаго Замойскаго, дѣломъ не особенно труднымъ. Правда, Мухановъ, для виду, упрямился и возражалъ больше, чѣмъ въ первый разъ, но въ концѣ-концовъ все-таки согласился [1]). Тымовскій снова протащилъ проэктъ въ Петербургѣ—и Общество было открыто, торжественнымъ актомъ, въ залѣ Кураторіи, $^{4}/_{16}$ января 1858 года, причемъ говорили рѣчи: попечитель учебнаго округа Мухановъ, архіепископъ Фіалковскій и графъ Андрей Замойскій [2]). На другой день наиболѣе вліятельные помѣщики—клеменсовцы, дали Замойскому (какъ-бы члены уже избранному предсѣдателю), въ англійскомъ клубѣ, обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Мухановъ. Тутъ опять говорились рѣчи [3]).

Черезъ нѣсколько дней тѣ-же самыя лица (засѣдая въ намѣстниковскомъ палацѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, тогда-какъ бюро Обще-

---

[1]) Говорили, будто-бы разрѣшенію Земледѣльческаго общества въ томъ видѣ, какъ это вышло, прислужились не мало дурныя отношенія Муханова къ Коцебу. Коцебу подалъ мысль: „основать общіе уѣздные съѣзды помѣщиковъ; потомъ—губернскіе, гдѣ засѣдаютъ выборные изъ уѣздныхъ. Наконецъ—центральный земледѣльческій комитетъ въ Варшавѣ, состоящій изъ выборныхъ губернскихъ". Это одобрили многіе, по Мухановъ, въ пику Коцебу и его друзьямъ, настоялъ на одномъ общемъ съѣздѣ помѣщиковъ въ Варшавѣ. Графъ Урусскій сказалъ будто-бы притомъ, въ кружкѣ ему близкихъ людей, „да вѣдь такое общество неизбѣжно превратится въ политическое!" Его выдали—и онъ долженъ былъ на время скрыться за границей... (Дневникъ полковника К.).

Авторъ брошюры: „Sprawa polska z soku 1861, list z kraju". Paryż говоритъ, что „Замойскій, при открытіи земледѣльческаго общества въ царствѣ польскомъ прямо руководствовался мыслію Кавура, начавшаго освобожденіе Италіи основаніемъ земледѣльческаго общества... въ странѣ, гдѣ никакая политическая дѣятельность невозможна, необходимо все обращать въ политику".

Болеславичъ, въ повѣсти своей „Dziecię starego miasta" выражается: Towarzystwo to bardzo dobrze przetłumaczone z włoskiego Cavoura.

А графъ Спорбекъ увѣряетъ, что „правительству было не безъизвѣстно, что земледѣльческое общество Замойскаго имѣетъ политическую подкладку. (Dzieje polski, Część III, стр. 224).

[2]) Рѣчь Муханова можно видѣть въ томѣ XXXII Roczników Gospod krajowego 1858, стр. 149. Рѣчь Фіалковскаго—тамъ-же, стр. 166; рѣчь Замойскаго—тамъ-же, стр. 169.

[3]) Описаніе этого обѣда и затѣмъ вечера въ купеческомъ клубѣ можно видѣть во всѣхъ по временныхъ газетахъ, между прочимъ въ „Kurjerze Warszawskim" 1858, № 16.

ства находилось въ домѣ кредитнаго общества, на углу Ериванской и Мазовецкой улицъ) выбалотировали первыхъ членовъ; графъ Андрей сталъ фактически, de jure, предсѣдателемъ Общества [1]); графъ Ѳома Потоцкій — вицепредсѣдателемъ. Пробирался въ члены Общества и Велепольскій, человѣкъ тогда малоизвѣстный въ Варшавѣ, но отчего-то не попалъ. Обыкновенно говорятъ, будто бы его забалотировали. Былъ-ли такой фактъ на самомъ дѣлѣ, никто этого хорошо не знаетъ. Когда маркизъ умеръ въ Дрезденѣ, въ 1878 году, двѣ главныя галиційскія газеты: „Часъ“ и „Народовка“, спорили объ этомъ между собою: „Часъ“ утверждалъ, что Велепольскій былъ выбранъ въ члены, а „Народовая газета“ отрицала его [2]). Мы записываемъ то, что установилось въ Варшавѣ, какъ тогда говорили и говорятъ до сихъ поръ.

Сочинять органъ Земледѣльческому обществу было не зачѣмъ, когда такой органъ, подъ протекціей лицъ, которыя составляли ядро общества, существовалъ уже въ царствѣ 15 лѣтъ. „Лѣтописи отечественнаго хозяйства“ перешли только отъ какой-то таинственной и неопредѣленной компаніи (Spółki) въ явное и опредѣленное вѣдѣніе Земледѣльческаго общества, о чемъ и было донесено публикѣ въ XXXII томѣ ихъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ концѣ января 1858 года и этотъ XXXII томъ составилъ 1-й томъ Лѣтописей отечественнаго хозяйства, какъ органа Земледѣльческаго общества.

Номинальнымъ редакторомъ „Лѣтописей“ назначенъ секретарь Замойскаго, В. Гарбинскій, но дѣйствительнымъ редакторомъ ихъ былъ только-что воротившійся изъ Сибири Александръ Краевскій, когда-то членъ союза польскаго народа.

Какъ втерся къ Замойскому другой красный, покраснѣе Круликовскаго, это также неизвѣстно. Впрочемъ, онъ прикидывался, на первыхъ порахъ послѣ ссылки, человѣкомъ спокойнымъ, угомонившимся, остывшимъ, но въ сущности кипѣлъ и хлопоталъ по прежнему. Напрасно думаютъ иные, что Сибирь или какая-бы то ни было ссылка и заточеніе охлаждаютъ горячія головы: ничуть не бывало! Онѣ возвращаются оттуда еще горячѣе, еще раздраженнѣе: если Европа бываетъ для этихъ господъ гимназіей, то Сибирь—университетомъ.

Что произошло далѣе — всѣмъ извѣстно. Если грандіозная затѣя помѣщиковъ (можетъ быть дѣйствительно переведенная съ итальян-

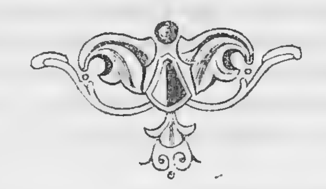
---

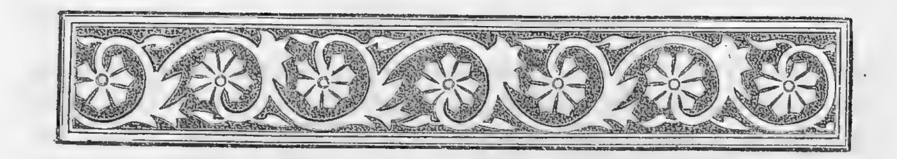
[1]) Позже навалили на него нѣсколько другихъ почетныхъ должностей; а именно: предсѣдательства: кредитнаго общества, госпитальнаго совѣта въ больницѣ св. Роха и вицепредсѣдательство въ комитетѣ построенія костела „всѣхъ святыхъ“ на Гржибовѣ; званіе члена наблюдательнаго совѣта (Rady nadzorczej) въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсничествѣ на Мартнопти; члена главнаго совѣта всѣхъ благотворительныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ и члена комитета по постройкѣ моста черезъ Вислу, подъ Варшавой.

[2]) Часъ 1878, № 26, стр. 2, столбецъ 4. Газета Народовая 1878, № 21, стр. 1, столбецъ 5. См. объ этомъ у Лисицкаго: томъ I, стр. 106.

скаго) не удалась, — этому причиной исключительное свойство поляковъ: не сходиться въ критическія минуты во едино; не составлять одну группу и силу, а расходиться. Въ то самое время, когда возникло зданіе Земледѣльческаго общества, судьбамъ угодно было еще кое-что сдѣлать для поляковъ: возникла другая сила—Велепольскій, завоевавшій сразу гораздо болѣе, чѣмъ помѣщики въ нѣсколько пріемовъ. Эти послѣдніе, по крайней политической безтактности, оттолкнули его, и потомъ, въ раздраженіи, протянули руку краснымъ. Это не дало нашему правительственному рыдвану заѣхать еще въ пущія трясины. Когда счастіе измѣняетъ намъ въ Польшѣ, строится что-нибудь весьма для насъ невыгодное и опасное — безумство поляковъ всегда является намъ на выручку. Явилось оно и въ 1862—1863 г.

Н. Бергъ.





ОТНОШЕНІЯ КИТАЯ КЪ РОССІИ [1]).

Чтобы понять и безпристрастно оцѣнить причины враждебнаго настроенія китайцевъ противъ Россіи, и рѣшить, какъ должно поступать въ случаѣ, если столкновеніе съ ними сдѣлается неизбѣжнымъ, необходимо прослѣдить историческій ходъ отношеній нашихъ къ Китаю въ два послѣднія столѣтія, съ тѣхъ именно поръ, когда вслѣдствіе занятія русскими Забайкальскаго края и покушенія на Амуръ, съ одной стороны, и завоеваній китайцевъ и русскихъ въ Средней Азіи, съ другой, Россія и Китай сдѣлались сосѣдями, и поэтому между ними начали возникать поводы къ столкновеніямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что первый поводъ къ столкновенію подали сами русскіе, хотя дѣйствуя и безсознательно. Завоеватели Сибири, Казани, не были отправлены для завоеванія самимъ правительствомъ, а дѣйствовали самовольно, на томъ же основаніи, на какомъ дѣйствовали тогда и всѣ другіе европейскіе народы, убѣжденные въ несомнѣнномъ правѣ своемъ дѣлать завоеванія вездѣ, и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Америкѣ, и захватывать себѣ всякую землю и страну, которую, по ихъ мнѣнію, они „открывали".

Первое вооруженное столкновеніе Россіи съ Китаемъ произошло, какъ извѣстно, изъ-за Амура. Можетъ быть права Китая на весь Амуръ, на оба берега, были тогда недостаточно опредѣленны, но очевидно, что Россія, во всякомъ случаѣ, имѣла еще менѣе правъ на него.

Нерчинскимъ договоромъ споръ былъ рѣшенъ удовлетворительно, можно сказать, для обѣихъ сторонъ; Китай былъ доволенъ уступкой Россіею собственно Амура и удовлетвореніемъ національнаго самолюбія, и не представлялъ требованія на Забайкальскій край, не смотря

---

[1]) Статья эта извлечена изъ приготовляемаго къ печати большаго труда о Сибири.

на то, что онъ былъ населенъ исключительно тунгусами и бурятами, одноплеменниками находившихся въ подданствѣ Китая манчжуръ и монголовъ, и даже не настаивалъ рѣшительно, т. е. не дѣлалъ изъ этого casus belli, на возвращеніи перешедшаго изъ китайскаго подданства въ русское, тунгузскаго князя Гантимура съ его родами, хотя Китай и считалъ всегда всѣ манчжурскія и монгольскія племена китайскими подданными. Россія также могла быть довольна нерчинскимъ трактатомъ, удержавъ съ тѣхъ поръ въ неоспариваемомъ владѣніи Забайкальскій край, гдѣ съ трудомъ могла бы удержаться, еслибы продолжалось неопредѣленное положеніе, такъ какъ не только въ Забайкальѣ бурятскіе роды монголовъ продолжали и послѣ трактата возставать противъ владычества Россіи, но русскіе не были еще прочно утверждены и въ ближайшихъ частяхъ Сибири, такъ какъ силы Россіи были слабы еще и тамъ, а тѣмъ болѣе были слабы въ Забайкальѣ, гдѣ почти вовсе не существовало еще русскаго заселенія.

Вслѣдствіе такого обоюдо-выгоднаго рѣшенія, наступилъ долгій, весьма выгодный для Россіи, періодъ дружественныхъ отношеній между Россіей и Китаемъ, и надо сказать, что наши государственные люди того времени имѣли вполнѣ основательную причину дорожить такими отношеніями, не только потому, что долгое еще время инородческія племена по всей Сибири были многочисленны въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ, но главное потому еще, что Сибирь сдѣлалась страною ссылки, что потребовало бы огромнаго напряженія силъ для охраненія границы на много тысячъ верстъ и предупрежденія побѣговъ, еслибы Китай находился къ Россіи во враждебныхъ отношеніяхъ и не оказывалъ бы намъ полнаго и дѣятельнаго содѣйствія строгимъ исполненіемъ трактата относительно бѣглецовъ.

Дѣйствительно, мы должны сознаться, что еслибы не было подобнаго содѣйствія со стороны Китая, то намъ невозможно было бы удержать отъ побѣговъ не только каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, но также инородцевъ, и даже солдатъ, такъ какъ сибирскія команды пополнялись ссылаемыми въ дальніе гарнизоны штрафными, а такіе бѣгали вездѣ, гдѣ только пограничные наши сосѣди принимали подобныхъ бѣглыхъ. Такъ было, напримѣръ, на Кавказѣ, откуда бѣгали и въ Турцію, и въ Персію, такъ было и по средне-азіятской границѣ, откуда убѣгали въ средне-азіятскія владѣнія даже и въ послѣднее время, особенно ссылаемые черкесы и поляки. А какъ трудно было бы наблюдать за побѣгами въ Сибири, это доказано примѣромъ, такъ называемыхъ „Алтайскихъ каменьщиковъ“, образовавшихъ нѣсколько селеній изъ бѣглыхъ съ Колыванскихъ заводовъ, имѣвшихъ возможность бѣжать въ Китай, въ горы (въ Сибири, выраженіе: „камень“, равнозначуще слову: гора), потому что тамъ они находили такія мѣста, гдѣ надзоръ со стороны Китая былъ не только затруднителенъ, но едва ли и возможенъ. Но будь со стороны Китая, не говоря уже о поощреніи къ побѣгамъ, а просто одно только ослабленіе бдительнаго

надзора и преслѣдованія нашихъ бѣглыхъ, то побѣги, особенно изъ Забайкалья, главнаго мѣста работъ ссыльно-каторжныхъ, были бы неудержимы, или потребовали бы содержанія такого количества войска на границѣ, что никакой бюджетъ не могъ бы отдѣлить потребныхъ на это расходовъ. При слабости населенія и тогдашнемъ равнодушіи къ служебнымъ требованіямъ пограничныхъ казаковъ, не умѣющихъ или не могущихъ даже и нынѣ воспрепятствовать монгольскимъ и тибетскимъ ламамъ проникать къ намъ для поборовъ съ нашихъ бурятъ и увозить и уводить все собранное, понятно, что могло бы происходить въ то время, когда и русское населеніе, и силы наши были въ Сибири несравненно менѣе развиты. Вотъ почему дружественныя отношенія къ намъ Китая чрезвычайно упрощали управленіе Сибирью и сокращали расходы по ея охраненію, такъ что можно было постепенно сокращать и находившіеся тамъ прежде военныя силы, вывести съ границы въ Забайкальѣ линейныя войска и уничтожить гарнизонную артиллерію въ Нерчинскѣ и Селенгинскѣ.

Такимъ образомъ, передъ Амурскимъ предпріятіемъ, сразу измѣнившимъ отношенія наши къ Китаю, во всей Восточной Сибири было всего четыре гарнизонныхъ баталіона, да этапныя, инвалидныя команды. При этомъ, самая важная часть Сибири, по отношенію къ Китаю,—Забайкальскій край, былъ охраняемъ однимъ только гарнизоннымъ баталіономъ, расположеннымъ въ Нерчинскихъ заводахъ (да и то, для содержанія въ повиновеніи ссыльно-каторжныхъ, а не съ цѣлью наблюденія относительно Китая), да пятисотеннымъ забайкальскимъ казачьимъ полкомъ, изъ поселенныхъ казаковъ; этапныя же инвалидныя команды служили исключительно для препровожденія арестантскихъ партій. Что же касается до пограничныхъ казаковъ, подчиненныхъ гражданскому начальству, то жалкое значеніе ихъ, какъ войска, обнаружено еще во время ревизіи Сперанскаго.

И такъ, не говоря уже о развитіи торговли съ Китаемъ (куда русскіе сбывали преимущественно мѣха, добываемыя въ Сибири и въ своихъ американскихъ колоніяхъ, а затѣмъ и мануфактурные товары, получая взамѣнъ произведенія Китая, и ведя какъ отпускную, такъ и привозную торговлю безъ посредничества иностранцевъ), — и спокойствіе Сибири, и экономическіе расчеты, побуждали насъ сохранять дружескія отношенія къ Китаю, и, имѣя въ виду главный интересъ, не придавать особаго значенія мелкимъ придиркамъ китайскихъ чиновниковъ, истекавшимъ преимущественно изъ придаваемой ими слишкомъ большой важности формализму, и возникавшимъ большею частію изъ боязни отвѣтственности второстепенныхъ лицъ, которые сами были стѣсняемы подозрительностію и придирчивостію пекинскихъ мандариновъ, особенно если были изъ монголовъ.

Между тѣмъ, китайцы, ведя многовѣковую борьбу съ средне-азіатскими номадами, на сѣверо-западной своей границѣ, дошли до мѣстъ занимаемыхъ нынѣ пограничными городами Чугучакомъ, Кульджею,

Аксу и Кашгаромъ. Въ тоже время и Россія занимала постепенно киргизскую степь, Зайсанскій округъ, Семирѣченскую область и, наконецъ, Коканъ. Всѣ эти страны не принадлежали, конечно, Китаю и потому занятіе ихъ, въ видахъ огражденія спокойствія въ собственной нашей территоріи, не имѣло никакого отношенія къ Китаю, а потому и не могло подать само по себѣ прямаго повода къ столкновенію съ Китаемъ; но однако же, по своимъ послѣдствіямъ сдѣлало столкновенія возможными, сдѣлавши насъ сосѣдями съ Китаемъ и съ этой стороны, на весьма большомъ протяженіи. Прежняя наша граница съ Китаемъ, кончавшаяся у Усть-Каменогорска, и шедшая почти по прямому направленію, по мѣстамъ пустыннымъ, поворотя къ югу, пошла извилисто, ломаною линіею и притомъ по мѣстамъ населеннымъ, и чрезъ то число точекъ соприкосновенія къ Китаемъ увеличилось, слѣдовательно увеличилось естественно и число случаевъ, подающихъ легко поводы къ столкновенію, тѣмъ болѣе, что новая граница проходила по такимъ мѣстамъ, обладаніе которыми было одинаково важно для обоихъ государствъ, и въ то же время раздѣляла такія племена, которые были сродственны и по происхожденію и по вѣрѣ, и чрезъ свои семейныя дѣла и общія интересы и ссоры, могли вовлекать въ постоянныя недоразумѣнія и Китай и Россію. Калмыки, киргизы, сарты, мусульмане и язычники, оказались частію въ китайскомъ, частію въ русскомъ подданствѣ. Съ одной стороны вражда, выражаемая нескончаемыми барантами, съ другой—убѣжище, доставляемое одноплеменникамъ и единовѣрцамъ, постоянно приводили къ объясненіямъ, разборамъ жалобъ и къ неудовольствіямъ, возникавшимъ изъ этого между двумя правительствами.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ подготовились и возникли поводы къ столкновенію съ Китаемъ и по средне-азіатской границѣ; но это можетъ быть и не имѣло бы особеннаго значенія при дружелюбномъ настроеніи обоихъ правительствъ, если бы въ это время не произошло между тѣмъ одно событіе, которое сразу измѣнило чувства и отношенія Китая къ Россіи; мы разумѣемъ—Амурское предпріятіе.

Здѣсь не мѣсто, да и нѣтъ надобности, разбирать спорный вопросъ о томъ, имѣли ли мы право занимать Амуръ или нѣтъ; здѣсь главное значеніе имѣетъ то, какъ взглянули на это дѣло китайцы, и какъ дѣйствовали мы при измѣненіи отношеній Китая къ намъ, которое неизбѣжно должно было совершиться вслѣдствіе занятія русскими Амура.

Мы просили позволенія проплыть по Амуру для поданія помощи Камчаткѣ, или, выражаясь болѣе осторожнымъ дипломатическимъ языкомъ, мы объясняли китайскому правительству необходимость этого дѣйствія, и затѣмъ—поплыли. Но китайцы приняли просьбу о дозволеніи проплыть, или даже простое объясненіе почему мы плывемъ, за признаніе ихъ права на Амуръ (потому что нечего и спрашивать, когда не считаютъ рѣку, по которой плывутъ, не принадлежащею

тому, кого спрашиваютъ), а плаваніе, не получа ихъ дозволенія, за нарушеніе этого права.

Поэтому, китайское правительство не только не ратификовало Айгунскаго компромиса, но даже подвергло отвѣтственности своего генералъ-губернатора, согласившагося на него. Китайцы тѣмъ болѣе были возбуждены противъ Россіи, что обвиняли ее въ томъ, что вопреки дружественнымъ вѣковымъ отношеніямъ и строгому соблюденію трактатовъ со стороны Китая, Россія захотѣла воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Китая, вслѣдствіе возстанія тайпинговъ, и затѣмъ разрыва съ Англіей и Франціей; и если потомъ, китайское правительство, будучи угрожаемо въ самомъ Пекинѣ, подступившими къ нему англичанами и французами, и согласилось на уступку не только Приамурскаго, но и Уссурійскаго края, то забыть того, что Россія воспользовалась стѣсненнымъ положеніемъ Китая, никакъ не могло; и это чувство выражали всегда всѣ китайцы всѣмъ русскимъ, съ которыми по давнему и близкому знакомству могли говорить откровенно. Китайское же правительство въ теченіи долгаго существованія привыкшее не терять ничего, и имѣющее основнымъ правиломъ своей политики стремиться всегда къ возвращенію во что бы ни стало, временно теряемаго; умѣющее, притомъ, для достиженія своей цѣли выжидать, и очень долго, благопріятныхъ обстоятельствъ, конечно поставило и Амурскій вопросъ въ числѣ не окончательно еще рѣшеныхъ и не отказалось отъ надежды рано или поздно возвратить и Амуръ Китаю.

Все это мы считали необходимымъ сказать потому, что при непріязненныхъ нынѣ отношеніяхъ къ Китаю нельзя опредѣлять образа своихъ дѣйствій соотвѣтственно только тому, какъ мы сами думаемъ и чего желаемъ; нужно непремѣнно знать понятія и дѣла, и побудительныя причины къ дѣйствіямъ противника.

Сознать неизбѣжное измѣненіе отношеній Китая къ Россіи и предвидѣть будущее его стремленіе, было кажется не мудрено, а потому къ этому надо было и готовиться, и принять во время повсюду соотвѣтственныя мѣры; но къ несчастію Амурское дѣло повели, какъ извѣстно, такъ, что его постигла полная неудача и въ развитіи колонизаціи, и въ организаціи военныхъ силъ, т. е. въ тѣхъ двухъ условіяхъ, которыя должны были упрочить обладаніе Амуромъ, создавъ возможность отпора мѣстными средствами въ самомъ опасномъ и скорѣе другихъ подвергающемся нападенію мѣстѣ нашей границы съ Китаемъ, въ случаѣ предъявленія китайцами какихъ либо притязаній на возвращеніе Амура и покушенія съ ихъ стороны принудить насъ къ тому силою.

Обратимся теперь къ средне-азіатской нашей границы съ Китаемъ. Затрудненіе въ отношеніяхъ нашихъ къ нему, начались тамъ вслѣдствіе событія въ Чугучакѣ; но Китай, возстановивъ въ немъ свою власть собственными силами, могъ дать намъ удовлетвореніе и воз-

награжденіе за вредъ причиненный вышесказанными событіями нашимъ подданнымъ. Совсѣмъ иное дѣло вышло въ Кульджѣ, когда Китай потерявъ весь Восточный Туркестанъ и Джунгарію, не былъ въ состояніи возвратить ихъ подъ свою власть, и на развалинахъ китайскаго владычества образовалось довольно значительное кашгарское владѣніе, на стольно сильное, и съ возможностію еще большаго усиленія въ будущемъ, что китайцамъ представлялось весьма мало вѣроятности снова овладѣть потерянными странами и чрезъ значительное время, а тѣмъ болѣе прекратить тогда безпорядки на границѣ, вредившіе и государственнымъ и частнымъ интересамъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ представлялось по отношенію къ Китаю вполнѣ ясная дилемма: или потребовать отъ Китая прекращенія безпорядковъ, или заставить его признать свое безсиліе и, слѣдовательно, право Россіи дѣйствовать собственными силами на потерянной для власти Китая территоріи. Такъ поступали и всѣ другіе европейскіе народы по отношеніи напр. къ варварійскимъ владѣніямъ, дѣйствуя непосредственно противъ нихъ, когда Турція, которой онѣ считались вассалами, оказывалась безсильною на нихъ дѣйствовать и отказывалась принимать отвѣтственность на себя за ихъ дѣйствія. Такъ поступили и французы въ 1830 году, не только наказавъ Алжирскаго дея, но и присоединивъ Алжиръ къ Франціи. Положеніе было ясное.

Наконецъ, не разсуждая даже о правѣ, а дѣйствуя на основаніи совершившихся фактовъ, мы могли не только занять Кульджу, но и дѣйствовать такъ, какъ требовалось, чтобъ выказать твердое намѣреніе утвердиться въ ней окончательно, при очевидной невозможности Китаю требовать ее отъ насъ, когда китайскія войска не только не могли дойти до Кульджи, но потерявши весь Восточный Туркестанъ и Джунгарію, находились въ опасности погибнуть отъ недостатка продовольствія и въ Чугучакѣ удерживались единственно содѣйствіемъ калмыковъ, взявшихъ сторону Китая только потому, что исконные противники ихъ, киргизы, были на сторонѣ инсургентовъ.

И вотъ, въ этихъ-то именно обстоятельствахъ, когда Китай, съ погибелью послѣдней арміи въ тѣхъ мѣстахъ, лишался послѣдней надежды на обратное завоеваніе восточнаго Туркестана и Джунгаріи, или, по крайней мѣрѣ возможность этого отдалялась слишкомъ на долгое время, мы подали помощь Китаю, и физически,—доставя продовольствіе его арміи, и нравственно,—отнявъ у инсургентовъ всякую надежду хотя бы на нейтралитетъ съ нашей стороны, обезоруживъ кульджинскихъ жителей и не допустивъ ихъ подать пособіе инсургентамъ, и такимъ образомъ явились противъ нихъ даже союзникомъ Китая.

Дѣйствіе это объяснялось будто бы необходимостію въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, по случаю войны съ Турціей. Мы увлеклись минутнымъ раздраженіемъ противъ мусульманства; но гнѣвъ худой совѣтникъ, и пожертвованіе общими соображеніями и постоянными цѣлями

для удовлетворенія временныхъ потребностей, конечно — ошибочная политика.

Опасаясь мнимаго усиленія мусульманства въ случаѣ упроченія Кашгарскаго государства, которое, не имѣя устойчивости, должно было однако же дорожить дружбою съ нами, мы оказали для разрушенія его содѣйствіе сосѣду несравненно болѣе опасному и могущественному, съ которымъ притомъ обстоятельства подготовляли неизбѣжныя столкновенія въ будущемъ, и который имѣлъ вѣками уже утвержденную устойчивую политику: стремиться всегда рано или поздно возвращать все потерянное, политику поощренную притомъ недавнимъ успѣхомъ въ подавленіи возстанія тайпинговъ, и въ разрушеніи образовавшагося было въ Юнанѣ мусульманскаго государства Пантаевъ. Между тѣмъ очевидно было, что съ Китаемъ дѣло будетъ труднѣе, нежели съ возникающими время отъ времени мусульманскими государствами среди полудикихъ племенъ Средней Азіи, не имѣющихъ никогда ни опредѣленнаго государственнаго устройства, ни преемственной политики, тогда какъ въ Китаѣ и государственное устройство и политическія преданія, освященныя вѣками, представляли такую прочность что подчиняли имъ даже всѣ завоевывавшіе Китай народы...

Когда мы сообразимъ все это, то поймемъ причины по которымъ всякій успѣхъ въ войнахъ съ Китаемъ будетъ только временный, и не заставитъ по этому китайцевъ отступиться отъ требованій возврата Кульджи, а за тѣмъ и Амура.

Конечно, побужденія относительно Кульджи и Амура, совершенно различны. Смотря на дѣло съ китайской точки зрѣнія, въ Амурскомъ дѣлѣ главное значеніе имѣетъ національное самолюбіе и раздраженіе противъ Россіи за отнятіе страны въ то время, когда Китай былъ въ дружбѣ съ Россіей; собственно же Приамурскій и Уссурійскій край могли быть нужны Китаю развѣ въ далекомъ только будущемъ. Но Кульджу Китайцы считаютъ необходимою для удержанія господства своего во вновь завоеванномъ Туркестанѣ, Джунгаріи и Кашгарѣ, а готовясь къ столкновенію съ Китаемъ необходимо знать и принимать въ расчетъ и его мнѣнія. Извѣстно, что по преданіямъ мѣстнымъ, еще Тамерланъ сознавалъ всю стратегическую важность обладанія верховьемъ рѣки Или и горными проходами, открывающими входъ въ восточный Туркестанъ. По этому, отправляясь для завоеванія Китая, онъ оставилъ часть войска въ Кульджѣ, изъ чего даже выводятъ и происхожденіе названія „Дунганей“, такъ какъ это слово означаетъ: „оставшіеся“.

Вслѣдствіе этого, и надо ожидать, что китайцы будутъ настойчиво домогаться обладанія Кульджею, и если не успѣютъ въ томъ въ настоящемъ случаѣ, то будутъ возобновлять попытки при всякихъ, болѣе благопріятныхъ, по ихъ мнѣнію, обстоятельствахъ, такъ что на прочный съ ними миръ, нельзя уже болѣе расчитывать, пока Китай не будетъ самъ потрясенъ въ своей основѣ. Что же касается до Амур-

скаго и Уссурійскаго края, то они могутъ ему быть нужны только для размѣщенія излишка населенія, давно уже перешедшаго за великую стѣну и начавшаго заселять многія мѣста въ Монголіи и Манчжуріи, особенно въ послѣдней, гдѣ бо̀льшую часть населенія составляютъ уже китайцы, а не коренные манчжуры, сильно истребленныя въ послѣднихъ войнахъ съ тайпингами и съ европейцами, по преимущественно въ первой войнѣ съ Англіей, въ 1840 году. По этому, изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что вооруженное столкновеніе съ Китаемъ неизбѣжно, если не въ настоящемъ, то не въ далекомъ будущемъ и остается разсмотрѣть какія могутъ изъ того быть послѣдствія для Россіи, и какъ мы должны поступать.

Что мы можемъ нанести вредъ, и даже сильный вредъ Китаю, это несомнѣнно; но нанести вредъ противнику еще не всегда значитъ извлечь изъ этого пользу себѣ. Извѣстно, что вслѣдствіе успѣха на войнѣ, главное вознагражденіе составляетъ всегда пріобрѣтеніе территоріи, и лучше всего съ однородными государству жителями. Однѣ деньги не могутъ быть вполнѣ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ за потери и убытки на войнѣ, такъ какъ кромѣ матеріальныхъ пожертвованій, существуютъ потери не оцѣнимыя вещественно, потери людей, которыя вознаграждаются или пріобрѣтеніемъ новыхъ подданныхъ, или достиженіемъ высшихъ нравственныхъ цѣлей.

Теперь вопросъ именно въ томъ: можетъ ли быть для насъ полезнымъ пріобрѣтеніе какой бы то ни было новой территоріи въ Средней Азіи, и можетъ ли оно служить вознагражденіемъ, не только за потери во время войны, но и за тѣ расходы, которыхъ потребуетъ напряженіе силъ для удержанія пріобрѣтеннаго и для всегдашней готовности къ отпору, при несомнѣнной увѣренности въ постоянномъ уже отнынѣ враждебномъ расположеніи Китая и поползновеніи его дѣлать попытки къ возстановленію и вещественнаго обладанія потерянными странами и нравственнаго вліянія и обаянія въ Средней Азіи?

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1864 году), разсматривая этотъ же вопросъ, хотя по поводу другого случая, мы выразили наше убѣжденіе, что отъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи намъ вообще мало пользы и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, особенно если эти пріобрѣтенія выразятся еще въ созданіи (какъ совѣтуютъ и нынѣ нѣкоторые) мусульманскихъ владѣній подъ нашимъ протекторатомъ, что составляетъ несомнѣнно худшій изъ всѣхъ видовъ политическихъ отношеній. Кромѣ того, мы поставляли на видъ, что пока мы сами далеко еще не устроились ни въ экономическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи, то безплодно гнаться за этими цѣлями у чужихъ, и даже въ своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, помня, что невозможно надѣяться дать другимъ то, чего самъ не имѣешь. Nemo dat quo non habet. Послѣдствія расширенія территоріи, при отсутствіи способности устроить ее, мы видѣли уже на многихъ пріобрѣтеніяхъ, обратившихся намъ въ тягость.

Статья наша, сообщенная въ одно періодическое изданіе, принятая имъ и даже набранная, не была тогда пропущена цензурою. Надо замѣтить, что эта статья готовилась къ печатанію еще до занятія Туркестана и Ташкента, какъ имѣется тому вещественное и оффиціальное доказательство. Главныя основанія наши были потомъ повторены въ напечатанной, хотя и съ пропусками, статьѣ нашей по поводу занятія Ташкента, въ № 37 „Современной Лѣтописи" 1865 г., издававшейся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ", а засвидѣтельствованный оригиналъ первой статьи доказывалъ, что мысли, выраженныя въ напечатанной статьѣ, не были возбуждены après coup. А между тѣмъ тогдашнія обстоятельства были еще несравненно благопріятнѣе нынѣшнихъ. Въ промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, всѣ страны, которыя мы могли бы завоевать теперь у Китая въ Средней Азіи, подверглись коренному раззоренію; города разрушались до тла; жители истреблялись, независимо отъ потерь на войнѣ, не тысячами, даже не десятками тысячъ, а сотнями и милліонами [1]); все, что нельзя было увезти или унести изъ вещей, сожигалось; поля вытаптывались и закидывались каменьями; плодовыя деревья вырубались; колодцы засыпались; зданія были разрушаемы или истребляемы огнемъ. Такимъ образомъ гибель населенія и накопленнаго долгимъ временемъ достоянія, была полная. Какая же послѣ этого будетъ выгода овладѣть странами, находящимися въ подобномъ состояніи?

И такъ, очевидно, что въ настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакого основанія желать войны съ Китаемъ. Но если по историческому ходу вещей, вслѣдствіе предшествовавшихъ дѣйствій, война сдѣлается неизбѣжною, то необходимо обратить вниманіе на тѣ элементы въ этихъ странахъ, которые получатъ особенную важность въ подобномъ случаѣ, а именно на составъ остающагося еще населенія и на значеніе нѣкоторыхъ мѣстностей и пунктовъ.

Нельзя упускать изъ виду, что между различными разрядами населенія существуетъ глубокое раздѣленіе и по племенамъ, и по вѣрѣ. Если киргизы-магометане напримѣръ будутъ на одной сторонѣ, то калмыки-буддисты пристанутъ навѣрное къ противной. Даже между магометанами послѣдователи однихъ учителей враждуютъ противъ послѣдователей другихъ и при междуусобіяхъ всегда находятся на противныхъ сторонахъ; извѣстны были напримѣръ нѣкогда партіи бѣлогорцевъ и черногорцевъ, или иначе бѣлошапочниковъ и черношапочниковъ у мусульманъ; кромѣ того въ составѣ населенія находятся и другія племена, сарты, дунгане, таранчи, переселенные солоны и проч., имѣющія каждое свои отдѣльные интересы.

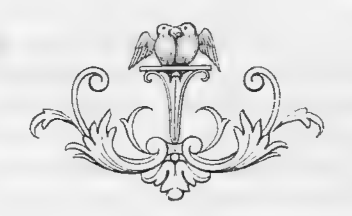
Изъ мѣстностей и городовъ особенное стратегическое значеніе приписываютъ городу Аксу, какъ пункту соединенія или пересѣченія всѣхъ путей, идущихъ изъ Кульджи, Кашгара, Хатана и Кучи.

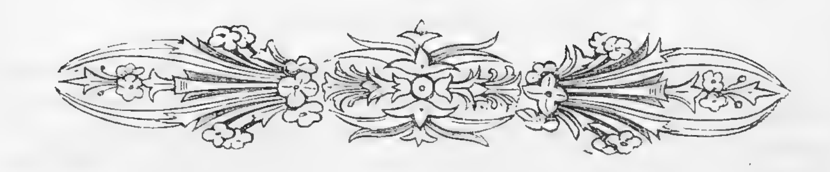
---

[1]) Одна Кульджа (страна) имѣла до двухъ милліоновъ жителей; городъ Урумчи болѣе милліона.

Удержавъ Кульджу и занявъ Аксу, можно, какъ полагаютъ люди близко знакомые съ дѣломъ, держаться въ оборонительномъ положеніи на средне-азіятской границѣ, предоставя Китаю истощаться въ безплодныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, а обратить всѣ государственныя усилія на защиту Забайкальскаго края и Амура, которымъ предстоитъ наибольшая опасность по удобству китайцамъ, находящимся тамъ ближе къ своимъ средствамъ, дѣлать нападенія на множество открытыхъ для нападенія, разрозненныхъ и удаленныхъ отъ защиты пунктовъ. Что же касается до Владивостока, то о немъ заботиться не стоитъ; при войнѣ съ одними китайцами ему бояться нечего.

Дмитрій Завалишинъ.





ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

Тяжелая година въ жизни Тамбовскаго духовенства [1]).

Извѣстно, что прошлая жизнь нашего духовенства, какъ сословія, никогда не отличалась особеннымъ благополучіемъ. Среди церковныхъ причтовъ всегда было слишкомъ много бѣдности, гораздо больше, чѣмъ сколько могли вмѣстить неприхотливые наши пастыри. Бѣдность эта вызывала съ ихъ стороны стремленіе къ лишнимъ поборамъ съ прихожанъ, а отсюда происходило извѣстное нареканіе: попы дерутъ съ живого и мертваго. Кромѣ того, если бы кто нибудь обратилъ вниманіе на народные анекдоты, въ которыхъ самымъ нецензурнымъ образомъ изображаются наши духовные и ихъ семейства, то увидѣлъ бы, что и нравственный авторитетъ духовнаго сословія среди православнаго русскаго люда былъ далеко не твердъ. Ничѣмъ инымъ, какъ только слабостію этого нравственнаго авторитета, мы можемъ объяснить себѣ тѣ факты грубаго отношенія къ духовенству, которые постоянно встрѣчаются намъ въ разбираемыхъ нами архивахъ Тамбовскихъ правительственныхъ учрежденій.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Въ 1779 г. въ селѣ Мамонтовѣ, Моршанскаго уѣзда, крестьянинъ Федоръ Маторинъ ругалъ и волочилъ за волосы по улицѣ священника Петра Ларіонова. Такъ какъ дѣло это происходило въ праздникъ, то почти весь приходъ былъ свидѣтелемъ позора своего приходскаго пастыря. Тѣмъ не менѣе никто не заступился за него, потому что всѣ посмотрѣли на это происшествіе, какъ на обыкновенную уличную драку.

---

[1]) Статья эта составлена на основаніи архивныхъ документовъ Тамбовской губ. правленія и дух. консисторіи.

Подобный случай былъ въ Тамбовѣ въ 1790 г. со студентомъ богословія Кутлинскимъ. Шолъ онъ къ своему товарищу Турдаковскому. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему подканцеляристъ Улановъ, бывшій съ нимъ въ ссорѣ, срываетъ съ него верхнее платье, отнимаетъ деньги и передаетъ его полицейскому сержанту, который препровождаетъ его въ часть и сажаетъ въ колодки. Дѣло это разрѣшилось тѣмъ, что Кутлинскаго же послали изъ части просить прощеніе у Уланова. Кутлинскій повиновался и вечеромъ 12 апрѣля 1790 г. пришолъ къ своему обидчику. Но тотъ встрѣтилъ его громкимъ окрикомъ: „какъ ты смѣлъ вечеромъ приходить къ благородному человѣку?“ И за тѣмъ прогналъ.

Въ 1801 г. борисоглѣбскій помѣщикъ Катовъ съ двумя сыновьями-недорослями избилъ пономаря Данилова и снялъ съ него тулупъ и шапку. Это нападеніе не окончилось однако такъ благополучно, какъ два первыя. Старика Катова продержали на гауптвахтѣ въ Тамбовѣ три недѣли, а дѣтей его отдали въ распоряженіе губернскаго предводителя дворянства, чтобы такъ не болтались и привыкали бы къ какому нибудь дѣлу. Кромѣ того, Катовъ долженъ былъ просить прощенія у пострадавшаго и выплатить ему за безчестье 20 рублей.

Такихъ и подобныхъ фактовъ грубаго обращенія съ лицами духовнаго сословія было, разумѣется, слишкомъ много; въ данномъ случаѣ мы ограничимся однако только приведенными фактами.

Но не эти факты, отчасти указывающіе на прежнее общественное положеніе духовенства, составляли главную житейскую бѣду его. Самая неприглядная черта въ бытѣ нашего духовенства—это тѣ многочисленныя и часто весьма рѣзкія уклоненія отъ правственнаго пастырскаго идеала, которыми въ прошлое время отличались нѣкоторыя духовныя лица. Вереницею проходятъ передъ нами въ тамбовскихъ архивныхъ лѣтописяхъ эти неудавшіеся пастыри, съ особеннымъ усердіемъ поклонявшіеся Бахусу и ради этого продѣлывавшіе самые невѣроятные фокусы. Вотъ передъ нами жалоба священника с. Лысыхъ Горъ Кондратьева на дьякона Денисова: „ударилъ меня дьяконъ кулакомъ по уху и тащилъ меня за волосы по улицѣ, а послѣ того проломилъ палкой голову“ [1]). Отрывочно проходитъ передъ нами другая сцена. Дьячекъ Дороѳей Васильевъ и пономарь Терентій Петровъ вошли въ церковь во время одной свадьбы и потребовали у жениха, который стоялъ уже передъ аналоемъ, 2 рубля кромѣ выговоренной платы за вѣнчаніе. Тотъ не далъ. Тогда обиженные церковнослужители погасили свѣчи предъ образами, вырвали вѣнчальныя свѣчи у молодыхъ и такимъ образомъ остановили обрядъ.

Въ подобномъ же родѣ былъ священникъ с. Терноваго, Козловскаго уѣзда, Ив. Трофимовъ. Однажды, въ 1828 г., ѣхалъ онъ пріобщать больного. По дорогѣ случился кабакъ. Туда то именно и напра-

---

[1]) Дьяконъ Денисовъ за озорничество лишенъ сана.

вился священникъ Трофимовъ; дароносицу положилъ на стойку, а самъ принялся пить водку. Дошло до того, что Трофимовъ, по выходѣ изъ кабака, началъ буянить и выбилъ дубиною 2 окна въ домѣ одного однодворца [1]).

Того же Козловскаго уѣзда, села Новобогоявленскаго, священникъ Ласицкій поступилъ съ не меньшею непринужденностію. 16 іюня, 1829 г. онъ пришолъ въ одинъ домъ хоронить однодворку Елену Романову. Сначала все шло какъ слѣдуетъ. Но передъ выносомъ тѣла священникъ Ласицкій сталъ насильно надѣвать эпитрахиль на дьякона, а послѣ этаго сѣлъ на куриное гнѣздо и сталъ увѣрять всѣхъ, что онъ непремѣнно выведетъ яйца. Кое-какъ его успокоили. Началось похоронное шествіе. Когда процессія поравнялась съ кабакомъ, подгулявшій священникъ остановился и снялъ ризы. Около кабака стояло въ это время нѣсколько человѣкъ солдатъ. Къ нимъ то и обратился священникъ Ласицкій. „Давайте, говорилъ онъ, маршировать". А самъ началъ валяться по землѣ и бранить крестьянъ. Съ трудомъ надѣли на него ризы и повели далѣе. Но онъ и тутъ не угомонился. Замѣтивъ что пономарь несетъ впереди процессіи образъ, Ласицкій подскочилъ къ нему и вырвалъ у него этотъ образъ. „За чѣмъ, крикнулъ онъ при этомъ, несешь ты идола?" [2]).

Борисоглѣбскаго уѣзда, с. Махровки священникъ Кипріанъ Леонтьевъ былъ частымъ посѣтителемъ мѣстнаго кабака и заводилъ тамъ ссору и драку съ прихожанами. Однажды въ нетрезвомъ видѣ онъ прибилъ полѣномъ свою мать; когда же она черезъ нѣсколько времени послѣ того пришла въ церковь пріобщаться, священникъ Леонтьевъ не далъ ей причастія. „Отойди отъ меня, сказалъ онъ,—недостойная молоканка" [3]):

26 декабря 1829 г. тамбовскій священникъ Петръ Ивановъ служилъ молебенъ у одного мѣщанина и въ это время приказывалъ пономорю пѣть сряду нѣсколько разъ 6-й ирмосъ. Пономарь пропѣлъ этотъ ирмосъ 3 раза и затѣмъ замолчалъ. Тогда священникъ Ивановъ ударилъ его по головѣ 3 раза палкою, такъ что пономарь упалъ замертво; а кадило съ горячими углями бросилъ на полъ [4]).

Села Коптева священникъ Романъ Федоровъ однажды не хотѣлъ пріобщать помѣщицу Лаптеву, потому что она не у него исповѣдалась. Та подала ему записку отъ другаго священника о бытіи у исповѣди. Но священникъ Федоровъ не обратилъ на это вниманія, отнесъ въ алтарь св. сосудъ, потомъ вернулся на амвонъ и обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью: „Слушайте православные, изъ моего стада ушла овца! А ты,—прибавилъ онъ, обратившись къ Лаптевой,—овца, впередъ знай свое стадо..." [5]).

---

[1]) Священникъ Трофимовъ лишенъ сана.
[2]) Лишенъ сана.
[3]) Лишенъ сана и представленъ въ губернское правленіе для отдачи въ солдаты.
[4]) Лишенъ сана.
[5]) По указу св. Сѵнода перемѣщенъ на причетническую должность.

Села Кулябовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ Ѳоминъ 1-го августа 1828 г. говорилъ своему приходу такую проповѣдь: „Многіе, сказалъ онъ, ходятъ въ церковь по обыкновенію. Что значитъ, старики, сіе слово: по обыкновенію? Не иное что, какъ въ церкви нюхать табакъ (намекъ на дьячка Матвѣева, имѣвшаго привычку нюхать табакъ)“. Послѣ этого онъ схватилъ дьячка Матвѣева за воротъ, потащилъ съ клироса и закричалъ соцкому и народу: „обыщите его!“ За тѣмъ продолжалъ проповѣдь уже въ болѣе спокойномъ тонѣ [1]).

Факты въ подобномъ родѣ попадались намъ въ Тамбовскихъ архивахъ довольно часто. Тамъ между прочимъ мы встрѣтили указаніе на одного такого священника, который былъ подъ судомъ, и все по очень важнымъ дѣламъ, 22 раза. Но мы не видимъ особенной надобности вполнѣ приводить эти факты.

Въ заключеніе, мы укажемъ еще на одну личность духовнаго сана. Это былъ запрещенный іеромонахъ Сергій, бывшій баккалавромъ Московской духовной академіи и потомъ архимандритомъ и ректоромъ Каменецъ-Подольской семинаріи. Въ 1828 г. онъ былъ присланъ въ Тамбовскую эпархію подъ надзоръ эпархіальнаго начальства. Іеромонахъ Сергій навлекъ на себя немилость св. Сѵнода грубостями эпархіальному архіерею и нѣкоторыми отступленіями отъ правилъ монашеской жизни. Сначала послали его въ Рыльскій монастырь настоятелемъ, но здѣсь онъ немедленно поссорился съ консисторіей. Однажды консисторія прислала ему по одному неважному дѣлу указъ. Это то и обидѣло Сергія. Немедленно онъ отвѣчалъ консисторіи: „Какъ смѣетъ консисторія присылать мнѣ указы, когда я старше всякаго консисторскаго члена...“ Вскорѣ послѣ этого произошла у Сергія ссора съ самимъ архіереемъ, кстати замѣшалась тутъ исторія съ нѣкоей Ловушкиной—и Сергій лишонъ былъ сана архимандрита съ воспрещеніемъ священнослуженія. Съ этого времени для него начинаются постоянные переѣзды изъ монастыря въ монастырь и вездѣ то онъ ссорился со всѣми монахами, преимущественно съ начальствовавшими. Изъ Глинской Богородицкой пустыни Сергій написалъ на французскомъ языкѣ прошеніе на высочайшее имя, съ жалобою на несправедливыя обиды духовныхъ властей, и результатомъ этого было то, что его перевели въ Орловскую Бѣлобережскую пустынь, потомъ въ Елецкій Черниговскій монастырь и наконецъ въ Тамбовскую эпархію. Это обстоятельство совсѣмъ разстроило Сергія. Онъ пересталъ ходить въ церковь, съ братіею не хотѣлъ имѣть никакихъ сношеній и принималъ у себя въ кельѣ только женщинъ и какихъ то евреевъ—факторовъ [2]).

---

[1]) Отосланъ въ Саровскую пустынь въ труды на полгода.

[2]) Въ описываемое нами время не одинъ монахъ Сергій заставлялъ призадуматься Тамбовское эпархіальное начальство. Одновременно съ нимъ подверглись суду и слѣдствію Санаксарскій іеромонахъ Ардаліонъ и Саровскій монахъ Петръ Пыпяпковъ. Перваго за нарушеніе монашескихъ уставовъ отослали въ губернское

Между тѣмъ, какъ нѣкоторые Тамбовскіе священо-церковно-служители въ описываемую нами эпоху все дальше и дальше удалялись отъ пастырскаго идеала, Тамбовская эпархія особенно нуждалась въ добрыхъ пастыряхъ темнаго народа. Въ началѣ царствованія императора Николая прошли слухи о волѣ и забитое крестьянство Тамбовской губерніи заволновалось. Но не кому было вразумить бѣдныхъ людей и отвести ихъ отъ плетей и батоговъ, отъ ссылки и каторги. А какъ много значило бы тогда любящее пастырское слово о христіанскомъ терпѣніи... Въ тоже время Тамбовская эпархія подверглась особенно сильному религіозному движенію. Скопцы, духоборцы, молокане, люди Божіи, и иные сектанты, проявили тогда такую энергію въ распространеніи своихъ сектъ, какой не замѣчалось за ними ни прежде, ни послѣ [1]). Какъ кстати въ то время былъ бы добрый пастрыскій голосъ и какое большое число темныхъ людей остановилъ бы онъ отъ шатанія религіозной мысли. Въ дополненіе къ этимъ смутамъ въ 1830 и 1831 гг. въ Тамбовской губерніи явилась холера, но и она не вызвала тамбовскаго духовенства, особенно сельскаго, къ пастырской дѣятельности.

Въ іюлѣ 1831 г. холера появилась въ г. Бурнакѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Испуганный народъ обратился съ просьбою тогда къ мѣстному священнику Савринскому о совершеніи крестныхъ ходовъ и молебствій. Тотъ конечно исполнилъ общую просьбу прихода. Кромѣ того, ежедневно совершалась въ селѣ литургія и почти всѣ обыватели исповѣдались и пріобщались. Не смотря на то, болѣзнь дѣлала свое дѣло. И вотъ бѣдное крестянство призадумалось: отъ чего это люди умираютъ, когда всѣ церковныя службы были исправлены сполна?

27 іюля, священникъ Савринскій, по окончаніи литургіи, вышелъ изъ церкви. Въ это время подошли къ нему однодворцы Протасовъ и Добросоцковъ и спросили: „долженъ ли быть подъ престоломъ на землѣ или подъ алтарнымъ поломъ крестъ?“ Священникъ отвѣчалъ: „по чиноположенію, креста подъ престоломъ не должно быть“. Тогда нѣкоторые изъ толпы начали ломать церковный фундаментъ и полѣзли подъ алтарь. Конечно, креста не нашли. Вся крестьянская толпа послѣ этого окружила священника и стала укорять его за то, что подъ алтаремъ нѣтъ креста. Громче всѣхъ кричалъ однодворецъ

правленіе для избранія рода жизни; а второго за то же самое и за наклонность къ бродяжеству отправили въ Сибирь для употребленія въ каторжныя работы на казенныхъ заводахъ. Кромѣ того, въ то же время въ Тамбовской Вышенской пустыни состоялъ подъ началомъ монахъ Іоиль, бывшій архимандритъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. А настоятель Трегуляевскаго монастыря архимандритъ Виссаріонъ за то, что по архіерейски благословлялъ народъ, шумѣлъ въ церкви на братію и велъ нетрезвую жизнь, низведенъ былъ на іеромонашескую порцію въ одинъ изъ Тамбовскихъ монастырей.

[1]) Въ селѣ Разсказовѣ, Тамбовскаго уѣзда, крестьянинъ Хомутковъ завелъ даже школу для мальчиковъ, гдѣ подъ видомъ обученія грамотѣ спеціально занимался совращеніемъ дѣтей въ молоканство.

Старовъ. „Ты скралъ этотъ крестъ, шумѣлъ онъ на священника, и отдалъ его губернатору и отъ этого самаго пошла у насъ болѣзнь". Священникъ Савринскій испугался и поспѣшно ушолъ домой.

2 августа, послѣ всенощной, сельчане опять приступили къ священнику и съ азартомъ стали говорить ему: „отдай намъ крестъ, прекрати болѣзнь!" Отецъ Савринскій опять ушолъ отъ своей паствы и черезъ нарочнаго увѣдомилъ Борисоглѣбскую земскую полицію о бунтѣ. Между тѣмъ разные суевѣрные слухи въ народѣ все усложнялись. Разсказывали напримѣръ слѣдующее: „въ селѣ Русановѣ тоже была болѣзнь; посмотрѣли подъ престоломъ и увидали тамъ крестъ, наклоненный на бокъ. Когда же выпрямили его, то болѣзнь утихла".

По приказанію тамбовскаго губернатора, С. Ф. Паскевича, противъ жителей с. Бурнака приняты были строгія мѣры. Главныхъ бунтовщиковъ посадили въ острогъ. Вскорѣ послѣ этого начали читать въ церквахъ извѣстный манифестъ императора Николая и бурнакское населеніе по немногу успокоилось... успокоилось безъ всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго духовенства.

Нравственное состояніе тамбовской епархіи описываемаго нами времени было до такой степени неудовлетворительно, что вызвало даже письменные неоффиціальные протесты, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ слѣдующій, приписанный современниками повытчику Козловскаго духовнаго правленія Ситовскому: „искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, благодѣяніе подъ арестомъ, помощь въ домѣ сумашедшихъ, истина погребена подъ развалинами правды, кредитъ сдѣлался банкротомъ, совѣсть сошла съ ума, сидя въ безменѣ, правосудіе и вѣра остались вь Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ моря, любовь больна простудою, честность вышла въ отставку, вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря, кротость взята въ дракѣ на съѣзжую, законъ на пуговицахъ сената, терпѣніе скоро лопнетъ".

Въ такое то время, именно въ половинѣ 1829 г., прибылъ въ Тамбовскую епархію новый епископъ Евгеній, бывшій до того времени ректоромъ Костромской духовной семинаріи [1]). Это былъ человѣкъ еще молодой, строгій, крайне ретивый при исполненіи своихъ обязанностей и надменный по отношенію къ духовенству. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ отчасти помнятъ Евгенія. Такъ, про него разсказываютъ, что онъ обыкновенно ѣздилъ по городу шестерикомъ, при чемъ кучеръ и форейторъ всегда бывали въ трехуголкахъ, и что собой былъ онъ очень видный, съ черною большою бородою. Епископъ Евгеній, какъ сказали мы, былъ человѣкъ строгій и потому епархіальные безпорядки вызвали въ немъ крайнее негодованіе. Чувство

---

[1]) Евгеній назначенъ епископомъ въ Тамбовскую епархію 20 апрѣля 1829 года. Выбылъ онъ оттуда въ Минскъ 19 февраля 1832 г. и умеръ впослѣдствіи въ санѣ Псковскаго архіепископа. Хиротонія его происходила въ Москвѣ 9 іюля 1829 г.

этого негодованія и опредѣлило потомъ весь характеръ суровой дѣятельности Евгенія по отношенію къ Тамбовскому духовенству. Когда молодой епископъ ѣздилъ по епархіи, то это было истинною бѣдою для всѣхъ тамбовскихъ священно и церковно-служителей, потому что всѣ виновные неизбѣжно подвергались разнымъ наказаніямъ. А наказанія тогда были жестокія. Священниковъ наказывали при консисторіи рогатками и колодками иногда въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Если па кого надѣвали рогатку, то тому нельзя было лечь; если же кого сажали въ колодку, то это было еще хуже, потому что у такого арестанта шея обхватывалась широкимъ желѣзнымъ кольцомъ. Въ случаяхъ особенной виновности духовныхъ лицъ, епископъ Евгеній неумолимо подвергалъ ихъ лишенію сановъ, при чемъ такъ называемое разстриженіе совершалось съ церемоніей. Приговореннаго къ лишенію сана, монахи приводили въ церковь и тамъ въ послѣдній разъ облачали. Облаченный священнослужитель входилъ въ алтарь, прикладывался къ престолу и дѣлалъ передъ нимъ 3 поклона. По выходѣ изъ алтаря тоже самое дѣлалъ онъ передъ царскими дверями, а среди церкви молился на всѣ четыре стороны. Послѣ этого прощанія со святыней, монахи вели его въ облаченіи въ консисторію, гдѣ членъ консисторіи читалъ ему синодскую конфирмацію, а потомъ консисторскій сторожъ (приставъ по тогдашнему) ножницами стригъ ему волосы на головѣ и бородѣ. Въ заключеніе подсудимаго вели въ канцелярію консисторіи, гдѣ и брали съ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ именоваться священникомъ или дьякономъ. Надобно замѣтить, что эта церемонія, совершавшаяся въ присутствіи народа, производила всегда на ея виновниковъ самое тяжелое впечатлѣніе. Одинъ изъ Тамбовскихъ священниковъ, приговоренныхъ къ разстриженію, даже повѣсился въ консисторскомъ карцерѣ въ ожиданіи церемоніи разстриженія.

Не смотря на свою суровость, епископъ Евгеній къ любимцамъ своимъ иногда бывалъ очень снисходителенъ. Есть мѣстное преданіе, что одного ученика семинаріи, Троицкаго онъ допустилъ въ философскій классъ только за то, что тотъ былъ отличнымъ хлѣбопекомъ. Повелъ бы онъ Троицкаго и въ богословію, да разъ философъ-хлѣбопекъ испортилъ семинарскіе хлѣбы и чрезъ это самое испортилъ свою карьеру [1]). По выходѣ изъ семинаріи, Троицкій сдѣлался иподіакономъ у Евгенія и былъ у него въ большой милости. Разъ иподіаконъ Троицкій пришелъ ко всенощной навеселѣ и пошатываясь сталъ въ алтарѣ. Архіерей замѣтилъ его и подозвалъ къ себѣ. „Ты много пилъ и отъ этого пьянъ“, сказалъ онъ. — „Ваше преосвященство, отвѣчалъ иподіаконъ, я выпилъ одинъ только шкаликъ“. А подумавъ, продолжалъ: „всѣхъ-то шкаликовъ, преосвященнѣйшій владыко, я выпилъ 14, а захмѣлѣлъ только отъ одного послѣдняго“.—На

[1]) Въ 30-хъ годахъ въ Тамбовской семинаріи наемной прислуги не было.

другой день отрезвившійся иподіаконъ ждалъ грозы, но все обошлось для него благополучно.

Такому суровому архіерею, какимъ вообще былъ Евгеній, весьма естественно приходила мысль, какъ бы очистить тамбовское духовенство отъ такихъ членовъ, которые позорили его. Эта мысль укоренилась въ немъ тѣмъ болѣе, что тамбовское духовенство было слишкомъ многочисленно; въ немъ было множество лишнихъ людей, никуда не пристроенныхъ и ни для какой должности, даже для пономарской, не годныхъ. Въ то время, какъ такія мысли занимали Евгенія, пришелъ къ нему синодскій указъ отъ 7 августа 1831 г., разрѣшившій ему отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ и штрафныхъ церковниковъ. Этотъ указъ рѣшилъ сразу судьбу тамбовскаго духовенства [1]). Начался, такъ называемый, разборъ духовенства. Съ неумолимою строгостію Евгеній началъ отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ, штрафныхъ дьячковъ, пономарей, послушниковъ, звонарей, семинарскихъ и консисторскихъ сторожей, консисторскихъ канцеляристовъ, даже священниковъ и дьяконовъ, лишенныхъ сана. При спѣшномъ разборѣ угодили въ солдаты и такіе семинаристы и церковники, которые вовсе не были виновны въ какихъ нибудь важныхъ проступкахъ.

Очищая тамбовскій клиръ отъ лишнихъ и порочныхъ членовъ, епископъ Евгеній руководился въ этомъ случаѣ двумя соображеніями. Во 1-хъ, ему хотѣлось возвысить нравственный уровень тамбовскаго духовенства; во 2-хъ, не чужда ему была мысль и о томъ, что правительство оцѣнитъ его дѣятельность, если онъ поставитъ въ армію какъ можно больше нежданно-негаданныхъ солдатъ.

Мы не знаемъ въ точности, сколько именно человѣкъ отдано было Евгеніемъ въ солдаты. Мѣстное преданіе цифру этихъ духовныхъ солдатъ опредѣляетъ различно, отъ 400 до 900. Конечно, эти цифры слишкомъ неопредѣленны. На основаніи архивныхъ источниковъ, мы можемъ сказать только то, что въ тяжелую для тамбовскаго духовенства эпоху правленія Евгенія, семинаристовъ и церковниковъ отдавали въ солдаты сотнями. Отдавали ихъ въ тяжкую солдатскую неволю за разные проступки. Былъ, напримѣръ, въ тамбовской семинаріи въ 1830 г. ученикъ реторики Бряцаловъ. Инспекторъ семинаріи составилъ относительно его такой аттестатъ: „ученикъ Бряцаловъ пьянствуетъ, буянитъ, не ходитъ въ классы, не соблюдаетъ постовъ“, — и вотъ этотъ Бряцаловъ попадаетъ подъ красную шапку.

---

[1]) Въ описываемую нами эпоху, правительство, повидимому, очень нуждалось въ чрезвычайныхъ мѣрахъ по сбору рекрутъ. Это видно изъ того, что въ 1829 г. изъ тамбовскихъ остроговъ взято было въ солдаты, по высочайшему повелѣнію, 24 арестанта. Кромѣ того, отдавали въ солдаты всѣхъ бродягъ, которые физически способны были къ этому. А бродягъ этихъ въ теченіе года набиралась не одна сотня. Каждаго изъ нихъ, кромѣ отдачи въ солдаты, наказывали еще 30 или 25 ударами плетей.

Ученикъ богословія Болховитиновъ задолжалъ торговкѣ за молоко 2 гроша. Та пожаловалась семинарскому начальству и бѣдный Болховитиновъ, уже мечтавшій о сельскомъ приходѣ, отправленъ былъ въ губернское правленіе. Той же участи подвергся и ученикъ богословія Знаменскій. 4 сентября 1831 г. консисторія сдѣлала о немъ слѣдующее постановленіе: „ученика Знаменскаго, какъ замѣченнаго въ излишнемъ употребленіи горячихъ напитковъ, согласно указу святѣйшаго синода, отослать къ баталіонному командиру для обращенія въ военную службу". 7 апрѣля 1831 года въ тамбовское губернское правленіе разомъ привели нѣсколько старшихъ учениковъ семинаріи. Тутъ были: студентъ Успенскій, кончившій курсъ семинаріи Яхонтовъ, ученики богословія—Лебедевъ, Ильинскій и Ивановъ; ученики философіи—Ареопагитскій, Воскресенскій, Ѳерапевтовъ, Смирновъ и Розановъ. Все это были люди весьма способные, особенно Ареопагитскій, которому мѣстное преданіе приписываетъ сочиненіе пѣсни, обращенной имъ къ его товарищамъ по несчастію. Пѣсня эта, которую и доселѣ поютъ тамъ семинаристы, начинается такъ:

„Не страшитеся, друзья,
Что судьба къ намъ груба,
Будьте тверды такъ, какъ я,
Противъ стрѣлы роковой...

Но всѣ эти ученики замѣчены были семинарскимъ начальствомъ въ разсѣянномъ поведеніи и именно за это тяжко поплатились. Разсѣянность нѣкоторыхъ изъ этихъ учениковъ была, впрочемъ, очень рѣзкаго характера. Такъ, ученикъ Ивановъ подрался противъ Покровской церкви съ будочникомъ и въ ночное время снялъ верхнее платье съ одной женщины. А про Ареопагитскаго былъ такой отзывъ семинарскаго начальства: „Ареопагитскій дерзокъ съ начальствомъ и по ночамъ уходитъ неизвѣстно куда". Кромѣ того, всѣ ученики, присланные въ Тамбовское губернское правленіе 7 апрѣля, были заподозрѣны въ секретной болѣзни.

Нѣкоторые тамбовскіе семинаристы состояли уже на службѣ копіистами или канцеляристами. Такъ, священническій сынъ Мишинъ въ 1830 году былъ канцеляристомъ духовной консисторіи. Въ это время ему было 30 лѣтъ. Но и эта служба не спасла его отъ красной шапки. За разныя упущенія по службѣ Мишинъ отданъ былъ въ солдаты. Тогда онъ бѣжалъ въ Борисоглѣбскъ и сказался непомнящимъ родства. Вотъ его показанія въ борисоглѣбской земской полиціи: „Николаемъ меня звать, сыномъ Денишевскимъ. Сколько лѣтъ мнѣ отъ роду, не припомню. Откуда я, кто мой отецъ и мать — тоже не припомню. Ходилъ я по разнымъ мѣстамъ и бывалъ у разныхъ людей, но у кого именно, того не знаю. Граматѣ читать и писать разумѣю, но у кого обучался, ничего не припомню". Такимъ образомъ консисторскій канцеляристъ Мишинъ оказался типичнымъ русскимъ бродягою, но и это не спасло его: онъ угодилъ въ солдаты.

Кромѣ того, Евгеній отдавалъ въ солдаты за малограмотность. Церковниковъ приводили къ нему толпами и онъ производилъ имъ строжайшій экзаменъ. Если кто изъ нихъ плохо пѣлъ или читалъ, таковаго немедленно отсылали въ губернское правленіе для опредѣленія въ солдаты. Въ рѣдкихъ случаяхъ Евгеній оказывался однако довольно снисходительнымъ къ перепуганнымъ церковникамъ. Вотъ одна его резолюція по поводу экзаменовавшагося у него указника Григорьева: „10 декабря 1829 года; указникъ Григорьевъ поетъ исправно, а читаетъ худо; дать ему сроку на 6 мѣсяцевъ для усовершенія себя въ чтеніи и пѣніи. Евгеній, епископъ".

Отдавали въ солдаты и безъ вины. Такъ, указный дьячекъ с. Тарксы Сеславинскій былъ аттестованъ благочиннымъ: „Сеславинскій поведенія добраго и смирнаго, читаетъ не худо. Лѣтъ ему отъ роду 15". И все таки его отослали въ губернское правленіе.

При одной Лебедянской церкви церковнымъ сторожемъ былъ нѣкто Автономовъ. Это былъ человѣкъ уже пожилой, многосемейный и больной грыжею. Но и онъ не избѣгъ бѣды и изъ церковнаго сторожа превратился въ солдата воронежскаго гарнизоннаго баталіона.

Города Шацка указный дьячекъ Михайловъ, отданный Евгеніемъ въ солдаты, и оставившій дома многочисленную семью почти безъ куска хлѣба, такъ впослѣдствіи жаловался на него ему самому: „Безъ благоразсмотрѣнія твоего въ слушаніи чтенія и пѣнія отосланъ я въ военную службу. И оставшіеся сироты, какъ жена моя въ младыхъ лѣтахъ, такъ еще и двѣ сестры ея и братъ, остались безъ всякой надежды къ пропитанію. Родственниковъ у нихъ нѣтъ и должны они отъ горести прежде времени умереть. Непрестанныя слезы и вопль вынудили меня утруждать ваше преосвященство: внемли моей просьбѣ, ибо я не принадлежалъ къ отсылкѣ въ военную службу".

Моршанскаго уѣзда, села Егоровки, пономарь Степанъ Егоровскій въ 1830 году состоялъ въ своей должности уже 26 лѣтъ. Нежданно-негаданно сталъ преслѣдовать его мѣстный благочинный и обвинять передъ епархіальнымъ начальствомъ въ пьянствѣ. Это и было причиною отдачи его въ солдаты. Дома онъ оставилъ 7 человѣкъ дѣтей и 60-лѣтняго старика-отца.

Въ с. Пашатовѣ, Темниковскаго уѣзда, проживалъ въ описываемое нами время престарѣлый дьячекъ Ив. Федоровъ. Единственною поддержкою его большой семьи былъ внукъ его Ефимъ Михайловъ, заступившій его мѣсто въ Пашатовскомъ приходѣ. Однако на это не посмотрѣли и отдали Ефима Михайлова въ солдаты. А чтобы не оставить семьи его безъ хлѣба, велѣли на мѣсто его быть дьячкомъ его дѣду, которому въ то время было 75 лѣтъ и который пробылъ дьячкомъ уже 50 лѣтъ.

Мѣстные старожилы съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ, что Евгеній съ неумолимою строгостью отдавалъ въ солдаты многихъ хорошихъ учениковъ семинаріи. Нѣкоторые изъ этихъ уче-

никовъ уже названы нами выше. Но никто изъ нихъ не возбуждалъ такого сожалѣнія современниковъ, какъ ученикъ философскаго класса Павелъ Хитровъ. Уволенный изъ семинаріи за малоуспѣшность и недостаточное прилежаніе, а также за разсѣянность и невнимательность къ замѣчаніямъ начальства, Хитровъ успѣлъ однако въ теченіе года приготовиться къ экзамену въ медико-хирургическую академію. Въ Петербургъ онъ отправился пѣшкомъ, такъ какъ отецъ его былъ человѣкъ бѣдный и къ тому же не сочувствовалъ затѣямъ сына. Съ нимъ шелъ также и младшій братъ его. Пріемный экзаменъ выдержанъ былъ Хитровымъ вполнѣ удовлетворительно и даровитый юноша мечталъ уже о докторской карьерѣ. Все повидимому благопріятствовало осуществленію его завѣтныхъ думъ. Конференція медицинской академіи отправила уже отъ себя въ тамбовскую консисторію требованіе о высылкѣ Хитрову увольнительнаго свидѣтельства изъ духовнаго званія. Но вмѣсто этого свидѣтельства въ Петербургъ пришло увѣдомленіе: „Исключенный ученикъ Павелъ Хитровъ, какъ подлежащій отдачѣ въ солдаты, долженъ быть немедленно высланъ въ Тамбовъ". Такъ рушились всѣ мечты одного изъ лучшихъ учениковъ Тамбовской семинаріи. Въ числѣ главныхъ мотивовъ отдачи Хитрова въ солдаты было то, что онъ самовольно ушелъ въ Петербургъ и сманилъ съ собою туда же своего младшаго брата [1]).

Между лицами отданными Евгеніемъ въ солдаты, очутились также лишенные сана священники и дьяконы. Дьяконъ Мелентіевъ отданъ былъ въ военную службу за то, что укралъ у солдатки Криловой окорокъ ветчины, а у крестьянина Михайлова утащилъ изъ печи ногу баранины; и все это отнесъ въ кабакъ. Туда же направилъ онъ и трость своего сослуживца, священника Григорьева.

Дьяконъ села Никольскаго Кустодіевъ попалъ подъ красную шапку еще по болѣе серьезному дѣлу. Во время холеры онъ возмутилъ крестьянъ, доказывая имъ, что никакой холеры нѣтъ и что все это выдумки господъ. Вотъ что писалъ о немъ губернскому правленію тамбовскій губернаторъ Мироновъ: „21 декабря 1830 г. бывшіе при временной больницѣ села Никольскаго, Тамбовскаго уѣзда, однодворцы Позняковъ и Кузминцевъ, разглашали, яко бы въ больницѣ рѣжутъ больныхъ и варятъ въ котлѣ. И эти слухи подтверждалъ съ особенною настойчивостью дьяконъ Кустодіевъ. Болѣе всѣхъ бушевалъ онъ въ толпѣ, ругалъ лѣкарей и требовалъ отъ нихъ отчета. Вслѣдствіе этого лѣкарей схватили и держали подъ карауломъ и взяли съ нихъ подписку, что холеры въ селѣ нѣтъ". Одинъ изъ этихъ лѣкарей, Гоффъ, по мѣстному преданію, былъ подвергнутъ особенно непріятному заклю-

---

[1]) Надобно замѣтить, что солдатская доля П. Хитрова была изъ самыхъ тяжелыхъ. Это видно изъ того, что въ 1841 году мать его обращалась къ высшему военному начальству съ прошеніемъ о предоставленіи ея сыну служебныхъ правъ вольноопредѣляющихся.

ченію. Его привязали къ трупу одного крестьянина, умершаго отъ холеры, и оставили въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ день и ночь...— Дьяконъ Кустодіевъ былъ лишенъ сана и отданъ въ солдаты въ отдѣльный Кавказскій корпусъ.

Священникъ Иларіоновъ представленъ былъ, по снятіи сана, въ губернское правленіе по слѣдующему случаю. 22 августа 1830 г. въ нетрезвомъ видѣ онъ пришелъ въ церковь. Въ это время дьяконскій сынъ Тимофеевъ читалъ апостолъ. Проходя мимо его, Иларіоновъ вырвалъ у него апостолъ и бросилъ на полъ. Затѣмъ побѣжалъ на правый клиросъ, схватилъ за грудь пѣвчаго Алексѣева и протолкалъ его на средину церкви.

Священникъ села Мордова Леонтій Егоровъ представленъ былъ въ губернское правленіе за то, что пьяный вѣнчалъ свадьбу и въ такомъ видѣ подрался во время вѣнчанія съ дьячкомъ Максимовымъ и выдрвалъ ему клокъ волосъ. Ссора между священникомъ и дьячкомъ началась съ того, что дьячекъ сталъ говорить священнику: „ты полгода не былъ въ церкви и теперь тебя, видно, собаки сюда загнали“. На эти слова священникъ Леонтьевъ отвѣчалъ пощечиной, отъ которой рѣчистый дьячекъ полетѣлъ на полъ. Однако онъ немедленно приподнялся съ полу и въ свою очередь ударилъ священника. Тогда въ церкви произошелъ такой безпорядокъ, отъ котораго все село встревожилось, а одинъ крестьянинъ залѣзъ даже на колокольню и ударилъ въ набатъ...

Въ то же время дьячекъ с. Дуткина сданъ былъ въ солдаты вслѣдствіе того, что на проселочной дорогѣ напалъ на крестьянскаго мальчика Я. Матвѣева и отнялъ у него лошадь.

Нерѣдко случалось, однако, и такъ, что семинаристы и церковники попадались подъ красную шапку по разнымъ недоразумѣніямъ. Какъ люди мелкаго ранга, безъ связей и покровительствъ, шли они солдатскою дорогою безвинно и безотвѣтно... Уходили по этой страшной тогда дорогѣ семинаристы, нежданно-негаданно, среди классныхъ занятій, оторванные отъ школьной скамейки; не миновали этой же самой дороги и заматорѣвшіе въ лѣтахъ своихъ церковники, иногда вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Все приносилось въ жертву суровой идеѣ очищенія Тамбовской эпархіи. И вотъ причина, почему о епископѣ Евгеніѣ доселѣ сохраняется въ тамбовскомъ духовенствѣ самая тяжелая память.

Съ чувствомъ предвзятаго нерасположенія къ дѣятельности епископа Евгенія, о которомъ еще въ дѣтствѣ приходилось намъ слышать многое не въ его пользу, приступили и мы къ разбору тѣхъ скудныхъ архивныхъ памятниковъ Евгеніевской эпохи, которые доселѣ сохранились въ Тамбовѣ. Видно было по этимъ памятникамъ, что суровый епископъ жестоко и иногда неразборчиво очищалъ эпархію отъ порочныхъ и лишнихъ людей, очевидно приведенный въ негодованіе неустройствами тамбовскаго духовенства. Но въ то же время намъ

стало ясно, что Евгеній дѣйствовалъ въ интересахъ тамбовской церкви и духовнаго сословія, которое дѣйствительно послѣ погрома 30 и 31 гг. пришло въ сравнительно лучшее состояніе. Конечно, совершенно мы не оправдываемъ дѣятельности епископа Евгенія. Несомнѣнно, готовность его отдать въ солдаты какъ можно больше семинаристовъ и церковниковъ имѣла и такой эгоистическій мотивъ, чтобы отличиться передъ правительствомъ. Все-таки это уже не то, что обыкновенно думаютъ о Евгеніѣ въ Тамбовской епархіи по преданію отъ отцовъ и дѣдовъ... Вся дѣйствительная вина епископа Евгенія состояла только въ томъ, что онъ поступалъ въ своемъ дѣлѣ не такъ осмотрительно и осторожно, какъ слѣдовало бы [1]).

Многосотенная партія тамбовскихъ семинаристовъ и церковниковъ, отданныхъ Евгеніемъ въ солдаты, нѣсколько мѣсяцевъ обучалась военному ремеслу въ Тамбовѣ. Наконецъ всю эту партію, уже переодѣтую изъ подрясниковъ, халатовъ и сюртуковъ въ сѣрыя шинели, велѣно было отправить въ Москву. Собрались бывшіе семинаристы и церковники на такъ называемой Варваринской площади и пошли оттуда военнымъ порядкомъ по главной улицѣ Тамбова—Астраханской, къ Московской заставѣ. Вмѣстѣ съ ними и за ними шла большая толпа народа. Процессія поравнялась съ Казанскимъ монастыремъ. Въ это время всѣ новобранцы, безъ всякой команды, по единодушному религіозному порыву, упали на колѣни и запѣли: „Заступнице усердная“! Минута была дѣйствительно печально-торжественная и потому въ тотъ день пролито было въ Тамбовѣ не мало слезъ. Плакали семинаристы, навсегда оторванные отъ своей, сравнительно выгодной карьеры; плакали церковники, оставлявшіе на произволъ судьбы женъ и малыхъ дѣтей; плакали эти самыя жены и дѣти; плакали наконецъ зрители, которымъ жаль было случайныхъ воиновъ, неожиданно обреченныхъ на тяжелую и продолжительную службу...

Сохранилась мѣстная легенда объ участи семинаристовъ-солдатъ. Будто бы они попали большею частію въ московскій учебный полкъ, гдѣ какой-то полковникъ часто ихъ сѣкъ, дурно кормилъ и изнурялъ работой и службой. Дошло это до свѣдѣнія императора Николая I-го и вотъ однажды пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то генералъ, полковника схватили и съ тѣхъ поръ пропалъ онъ безъ вѣсти. А солдатъ-семинаристовъ вскорѣ послѣ этого поставили въ ряды и велѣли имъ быть готовыми къ встрѣчѣ самого государя. Николай Павловичъ не заставилъ себя долго ждать. Прибылъ онъ, одѣтый въ солдатскую

---

[1]) Совершенную противоположность Евгенію представлялъ тамбовскій епископъ Николай, управлявшій эпархіею въ 40—50-хъ годахъ. Онъ считалъ своею обязанностію всегда заступаться за духовенство. Однажды графиня Кутайсова пажаловалась оберъ-прокурору св. синода графу Протасову на своего приходскаго священника Гумилевскаго: „просфоры де не подаетъ мнѣ въ церкви и въ виду крестьянъ моихъ оказываетъ мнѣ неуваженіе... Но епископъ Николай рѣшительно заступился за священника Гумилевскаго и избавилъ его отъ всякой отвѣтственности.

сѣрую шинель. „Дѣти мои, сказалъ онъ между прочимъ семинаристамъ-новобранцамъ,—то-то думаю, матери ваши плакали, провожая васъ“... Вслѣдъ затѣмъ привезли два воза калачей и сейчасъ же самъ государь началъ раздавать ихъ бывшимъ семинаристамъ и церковникамъ.

II.

Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка.

Не веселую картину изображаетъ собой тамбовское дворянство второй половины XVIII столѣтія. Люди большею частію крайне неразвитые и совершенно праздные, многіе тамбовскіе дворяне прошлаго столѣтія всю свою энергію тратили единственно на подвиги самаго необузданнаго самодурства, которое было тѣмъ рельефнѣе, что неразвитость тамбовскаго дворянства весьма нерѣдко выражалась въ совершенной неграмотности. Таковою неграмотностію въ 1789 году отличались слѣдующіе темниковскіе, шацкіе, спасскіе и елатомскіе дворяне: Маматкатины, Булушевы, Енгалычевы, Бигловы, Кашаевы, Еникѣевы, Мамотовы, Дивѣевы, Елышевы, Мусѣевы, Чапышевы, Тюменевы, Бекмаевы, Канчурины, Сакаевы и Сампалаевы... Всѣ они оффиціально аттестованы были такъ: „въ службѣ не были, грамотѣ и писать не умѣютъ“. По словамъ Г. Р. Державина, хорошо знавшаго Тамбовское общество всѣхъ сословій и состояній, тамбовское дворянство, въ 80 гг. прошлаго столѣтія, было такъ грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращаться какъ должно благородному человѣку не умѣли, кромѣ нѣкоторыхъ, которые жили въ столицахъ [1]).

Были, разумѣется, въ указанное нами время образованные и гуманные тамбовскіе дворяне, но такихъ было не много. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы здѣсь почтенное имя козловскаго помѣщика И. Г. Рахманинова, извѣстнаго основателя типографіи въ селѣ Казинкѣ и замѣчательнаго переводчика сочиненій Вольтера; не можемъ не вспомнить также и Е. К. Ниловой, усерднѣйшей сотрудницы Державина въ его тамбовскихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Но въ особенности вниманіе наше останавливается на высокогуманной личности елатомскаго помѣщика Андрея Алексѣевича Ушакова. А. А. Ушаковъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 600 душъ крестьянъ въ селѣ Изтлеевѣ. Въ 1798 году въ Изтлеево пріѣхали изъ разныхъ полковъ на постоянное жительство три сына Андрея Алексѣевича. Отецъ такъ любилъ ихъ всѣхъ, что позволилъ имъ совершенно самостоятельно распоряжаться въ имѣніи. И начали они распоряжаться: стонъ по-

---

[1]) IV т. сочиненій Державина, изд. Я. К. Грота, 556 стр.

шелъ по всей деревнѣ отъ ихъ управленія... Андрей Алексѣевичъ не сѣкъ своихъ крѣпостныхъ, а дѣти его то и дѣло препровождали на конюшню и старыхъ и малыхъ. Словомъ, молодые Ушаковы сразу проявили самые злокачественные помѣщичьи инстинкты. Не перенесъ этого добрый старикъ, отецъ ихъ, и какъ ни любилъ онъ дѣтей своихъ, все-таки долгъ христіанина и честнаго гражданина онъ поставилъ выше всего. Андрей Алексѣевичъ Ушаковъ рѣшился всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отпустить на волю и написалъ объ этомъ извѣстному В. П. Кочубею. Письмо начинается такъ: „Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего! Не удивись, сіятельный графъ, началу сему; оно слѣдуетъ отъ оскорбленнаго отца".

Вслѣдъ затѣмъ начинается изложеніе отчасти уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Съ особенною силою Андрей Алексѣевичъ настаивалъ на томъ, что дѣти его не могутъ послужить благу крестьянства, что въ нихъ слишкомъ много сословнаго эгоизма...

„Почему, заключаетъ онъ свое письмо,—учиня крестьянъ моихъ свободными, утверждаю всѣ мои земли съ угодьями въ вѣчное ихъ владѣніе".

Такимъ образомъ отъ тяжкаго крѣпостного ига освобождено было 600 душъ. Дѣтямъ же своимъ Андрей Алексѣевичъ завѣщалъ по нѣсколько тысячъ рублей. А между тѣмъ еще при жизни своей опредѣлилъ ихъ снова на службу. „Пусть, говорилъ онъ, узнаютъ они, что такое нужда, что такое долгъ, тогда ко всѣмъ людямъ они лучше относиться будутъ [1]).

Были, вѣроятно, и еще хорошіе граждане между тамбовскими помѣщиками второй половины прошлаго столѣтія, но изъ документовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, имена ихъ и поступки намъ неизвѣстны. Между тѣмъ въ этихъ самыхъ документахъ встрѣчается масса фактовъ, изображающихъ отжившее тамбовское дворянство въ самомъ непривлекательномъ видѣ.

Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ фактовъ.

Въ 1775 году въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ проживалъ помѣщикъ Шпикуловъ, которому чѣмъ-то не угодили однодворцы села Грибановки. Не долго думая, Шпикуловъ собралъ свою деревню, вооружилъ ее чѣмъ попало и съ этою толпою напалъ на Грибановку, у жителей которой угналъ скотъ, свезъ хлѣбъ и сломалъ избы. И что всего удивительнѣе, результатомъ этого наѣзда было только то, что побитые и ограбленные стали передъ Шпикуловымъ тише воды, ниже травы. Разсвирѣпѣвшій помѣщикъ запахалъ даже часть грибановской земли и

[1]) Арх. тамб. двор. собранія № 14-й.—Поступокъ А. А. Ушакова въ описываемое нами время, конечно, былъ не единичнымъ. Это видно изъ того, что въ концѣ прошлаго столѣтія около с. Подгорнаго, козловскаго уѣзда, образовался цѣлый поселокъ вольноотпущенниковъ, болѣе чѣмъ въ 100 душъ. Кромѣ того, намъ извѣстны Тамбовскіе дворяне Григоровъ и Шталина, которые отпустили своихъ крестьянъ на волю.

сталъ распоряжаться грибановцами, какъ своими крѣпостными. Такъ въ 1776 году онъ приказалъ имъ поставить себѣ сперва 30 подводъ, а потомъ 80, да еще и тѣмъ былъ недоволенъ. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ Тамбовскаго намѣстничества, дѣйствія Шпикулова обнаружились, но обошлись для него весьма благополучно, такъ какъ онъ поплатился за свои подвиги только двухнедѣльнымъ арестомъ.

Въ слѣдующемъ году, 2-го іюля, былъ такой случай. Крестьяне Спасскаго помѣщика Лукина косили сѣно. Съ ними былъ и самъ помѣщикъ. Вдругъ на луга является маіоръ Евсюковъ въ сопровожденіи подгулявшихъ пріятелей и 37 человѣкъ дворни. Толпа эта немедленно бросилась на рабочихъ и разогнала ихъ, а затѣмъ началось побоище и между самими помѣщиками. Во время свалки Лукинъ ранилъ ружейнымъ выстрѣломъ Евсюкова и самъ получилъ отъ него въ отместку нѣсколько подобныхъ же ранъ, отъ которыхъ и упалъ безъ чувствъ. Въ это время подбѣгаетъ къ нему братъ Евсюкова и хочетъ пристрѣлить его окончательно. Къ счастію, два раза произошла осѣчка. Тогда подбѣжали къ Лукину его недруги и начали бить его по головѣ чѣмъ попало [1])...

Совершенно въ духѣ помѣщиковъ Шпикулова и Евсюкова дѣйствовала въ 1776 году помѣщица Горчакова. Поссорившись съ своей сосѣдкой Мосоловой, она безъ церемоніи угнала у нея скотъ въ количествѣ 206 штукъ рогатаго и мелкаго скота и кромѣ того свезла въ свои овины весь ея хлѣбъ.

А въ 1780 году подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ Кирсановскій помѣщикъ Можаровъ. У Можарова былъ недругъ среди помѣщиковъ, нѣкто Шишковъ. Съ нимъ-то и раздѣлался по своему нашъ герой. 1-го сентября 1780 года крестьяне его, по его личному приказанію, напали на сѣнокосъ помѣщика Шишкова и свезли оттуда на свой барскій дворъ 340 копенъ сѣна. Въ октябрѣ того же года наѣздъ повторился. Шишковъ послалъ рабочихъ на 40 подводахъ за сѣномъ на свои луга. Наложили они сѣно и собирались ѣхать домой, какъ вдругъ на нихъ напали можаровцы и отняли все сѣно, а кромѣ того—6 лошадей, 12 сермяжныхъ кафтановъ, 4 бараньи шубы, 1 полушубокъ, 6 кушаковъ и 12 рукавицъ. Обиженный помѣщикъ далъ знать объ этомъ капитанъ-исправнику Волкову и тотъ съ понятыми, въ числѣ которыхъ было нѣсколько помѣщиковъ, немедленно поѣхалъ въ имѣніе Можарова для слѣдствія.

У воротъ можаровской усадьбы исправника встрѣтили человѣкъ 100 дворовыхъ и крестьянъ, вооруженныхъ цѣпами и дубинами.

— Что вы за люди? громко спросили они у приближавшагося къ нимъ поѣзда.

---

[1]) Раненаго Лукина, за отсутствіемъ врача въ уѣздѣ, лѣчилъ инвалидный солдатъ Козьма Михайловъ. Дѣло это тянулось до 1801 года, когда рѣшено было прекратить его и предать волѣ Божіей.

Волковъ прикрикнулъ на нихъ и объявилъ имъ, что онъ капитанъ-исправникъ.

— Врешь, отвѣчали ему,—вы всѣ разбойники и пріѣхали грабить господскій домъ, да не на таковскихъ напали: въ дубье мы васъ примемъ.

Нечего дѣлать, исправникъ долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Въ томъ же году кадомская регистраторша, вдова Мошеева, поссорилась съ княземъ Энгалычевымъ и, желая доканать его, велѣла людямъ своимъ напасть на домъ своего врага. Тѣ исполнили приказаніе и раззорили домъ Энгалычева и пограбили въ немъ разныхъ вещей, серебра и одежи, на сумму 1200 рублей.

Годомъ ранѣе, именно въ 1779 году, шацкій помѣщикъ, вахмистръ Веденяпинъ, убилъ своего крѣпостного и бросилъ тѣло его въ озеро. Поручикъ Блохинъ вытащилъ это тѣло и похоронилъ его. Тогда Веденяпинъ зазвалъ къ себѣ Блохина, высѣкъ его плетьми и избилъ кочергою...

21-го марта того-же 1779 года, прибылъ въ Тамбовъ, проѣздомъ въ Саратовъ, помѣщикъ Шегаровъ. Пріѣзжій подкатилъ къ почтовому двору, какъ настоящій вельможа, такъ какъ за нимъ ѣхало 12 обывательскихъ подводъ съ разною клажею и 5 конныхъ гусаръ, — и грозно потребовалъ лошадей и 20 конныхъ ямщиковъ. Конечно, его неумѣренное требованіе не могло быть исполнено. Тогда онъ пошолъ къ правителю тамбовскихъ и козловскихъ ямовъ маіору Федерману.

— Читалъ ли ты, нѣмчура, подорожную мою? сказалъ онъ. Подавай ямщиковъ!

Федерманъ посовѣтывалъ ему обратиться за проводниками въ воеводскую канцелярію.

Это обидѣло Шегарова и онъ схватилъ Федермана за грудь и сталъ колоть его пальцами въ глаза.

— Ты прусскій бѣглецъ, кричалъ онъ, — и я велю тебя, мразь этакую, заковать въ кандалы и отослать въ Воронежъ къ губернатору Потапову.

Федерманъ попытался возразить:—и я де такой же штабъ, какъ и ты, а ты меня порочишь;—но тутъ подбѣжали къ нему Шегаровскіе гусары, чтобы схватить его и высѣчь плетьми на его же собственномъ дворѣ.

Федерманъ убѣжалъ. А Шегаровъ набросился на стоявшаго у Федермана въ передней ямского старосту Неронова и за волосы протащилъ его по улицѣ до почтоваго двора.

Кончилось это дѣло тѣмъ, что Шегаровъ получилъ то, что требовалъ, и кромѣ того—сани съ подрѣзами, принадлежавшія Федерману. На этихъ саняхъ, съ громомъ и звономъ, онъ подкатилъ къ дому одного своего тамбовскаго пріятеля и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ совершенно благополучно прослѣдовалъ въ село Талинку, откуда и отпустилъ ямщиковъ, не заплативъ имъ прогоновъ.

Въ тоже время бичомъ Шацкаго и Моршанскаго уѣздовъ былъ нѣкто помѣщикъ Бородинъ, начальникъ Шацкой земской расправы. Разъѣзжая съ солдатами по селамъ и деревнямъ двухъ названныхъ уѣздовъ, онъ вымогалъ съ крестьянъ деньги, причемъ не отказывался и отъ взятокъ натурою: бралъ холстомъ и хлѣбомъ. Кромѣ того онъ содержался и даже пьянствовалъ на мірской счетъ и пьяный билъ народъ палками: мы де начальство, знай нашихъ! Отъ подобной тяготы народъ бѣжалъ даже въ Тамбовъ и скрывался тамъ. Такъ, въ 1780 г., по распоряженію правителя тамбовскаго намѣстничества князя М. М. Давыдова, въ тамбовскихъ пригородныхъ слободахъ найдено безпашпортныхъ крестьянъ 143 человѣка, большею частію изъ Моршанскаго и Шацкаго уѣздовъ, и когда ихъ хотѣли водворить въ мѣстахъ ихъ жительства, то весьма многіе, пользуясь высочайшимъ манифестомъ 1780 года, рѣшились лучше пойти въ солдаты, чѣмъ возвращаться на свои мѣста.

Подобную-же необузданность иногда проявляли и такіе тамбовскіе дворяне, которые нигдѣ не служили и слѣдовательно не имѣли никакого оффиціальнаго положенія. Таковъ былъ, напримѣръ, недоросль Вельяминовъ.

Однажды онъ съ цѣлою шайкою въ полночь подъѣхалъ къ дому нелюбимаго имъ дьякона села Покровскаго Лысогорскаго. Ворота выломалъ... окна выбилъ... всю семью избилъ... Сынъ дьякона въ одномъ изорванномъ бѣльѣ выбѣжалъ тогда изъ дому и зазвонилъ въ церковный колоколъ. Священникъ и пономарь прибѣжали въ церковь. Явился туда же и Вельяминовъ, священника и пономаря ударилъ „рожномъ", а самъ направился на колокольню и для собственнаго удовольствія началъ звонить во всѣ колокола.

Собрался народъ, дивились всѣ, а ничего не могли сдѣлать съ бариномъ.

Мелкое тамбовское дворянство, которое изъ-за куска хлѣба шло въ разныя канцеляріи, тоже не блистало нравственными совершенствами.

Какъ поступали въ описываемое нами время разные служилые тамбовскіе дворяне съ подчиненными имъ сельскими жителями, это очень ясно видно изъ письма Кадомскаго секретаря Карева къ одному крестьянскому старостѣ, Мирону Курмашову. Вотъ это письмо:

„Я къ тебѣ писалъ предъ тѣмъ, что-бы ты, плутъ и мошенникъ, выслалъ сюда въ Кадомъ для разбору полюбовнаго тамбовскаго солдата Пайкова. Да онъ уже здѣсь хотя подушныя деньги платилъ, но отсюда, не взявъ квитанціи, бѣжалъ. И для того къ тебѣ еще пишу, что бы ты непремѣнно его выслалъ сюда съ (новыми) подушными деньгами. Ибо ежели челобитную солдатъ нададстъ, то я увѣряю васъ всѣхъ, будетъ она ему больше 200 рублей стоить".

Солдатъ, привозившій въ Кадомъ подушныя деньги, которыя очутились въ карманѣ у секретаря Карева, дѣйствительно подалъ въ

судъ челобитную, въ которой жаловался, что Каревъ требуетъ съ міра двойной подушной подати, но за такую дерзость попалъ подъ судъ, а ловкій секретарь ухитрился выдти изъ подъ суда и слѣдствія совершенно оправданнымъ.

Что тамбовскіе служилые дворяне второй половины прошлаго столѣтія въ совершенствѣ постигли практическій смыслъ извѣстныхъ словъ: „всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ“, — это видно изъ слѣдующаго. Усманскій дворянскій засѣдатель Савковъ съ жителей села Излегощи взялъ 50 сажень дровъ, а съ жителей села Березнеговки не погнушался и взятіемъ 5 рублей и 2 журавлей [1]).

А вотъ происшествіе совершенно уже дикаго характера:

Лѣтомъ 1782 года, въ село Лавровку, Тамбовскаго уѣзда, пріѣхалъ недоросль-канцеляристъ Бронниковъ. Въ этомъ селѣ жили братья Кондратьевы, враги Бронникова по приказной ссорѣ. Съ ними-то и вздумалъ пріѣзжій раздѣлаться по своему. Бронниковъ вошолъ на дворъ къ Кондратьевымъ, схватилъ одного изъ нихъ за волосы и потащилъ на улицу. Другой братъ прибѣжалъ къ первому на помощь. Тогда Бронниковъ схватилъ его, притащилъ въ темный уголъ, впился зубами въ носъ и отъѣлъ его. Когда сбѣжавшійся народъ оттащилъ его отъ Кондратьева, онъ продолжалъ жевать откушенный носъ и выплевывать окровавленныя части его на землю. Дѣло объ этомъ тянулось около 5 лѣтъ и намъ не извѣстно чѣмъ оно кончилось.

Въ слѣдующемъ 1783 году, липецкій дворянскій засѣдатель Колобовъ отбилъ у однодворцевъ села Яблоновца значительный участокъ земли и сѣнныхъ покосовъ. Однодворцы пожаловались уѣздному суду, но Колобовъ возражалъ истцамъ: „Я купилъ землю и луга у однодворца Евсея Гулевскаго“. Надо замѣтить, что у Гулевскаго земли въ Яблоновскихъ дачахъ вовсе не было. Съ этого времени, пока съ извѣстною приказною медленностію тянулось дѣло, начались гоненія на Яблоновцевъ. Колобовъ своимъ стадомъ и табуномъ сталъ мять и травить поля ихъ, а самихъ однодворцевъ сѣчь плетьми. Кромѣ того, угналъ часть ихъ скота и въ заключеніе потребовалъ съ нихъ 90 руб. контрибуціи. Дѣлать нечего, дали.

22 февраля 1783 года служилый дворянинъ Кудрявцевъ пріѣхалъ въ село Архангельское, Борисоглѣбскаго уѣзда.

— Соцкаго!—закричалъ онъ на всю улицу, а самъ между тѣмъ вошелъ въ избу крестьянина Парфена Авдѣева и выгналъ оттуда всѣхъ жильцовъ. Босые, въ однѣхъ рубашкахъ, напуганные крестьяне и крестьянки попрятались у сосѣдей. Пришелъ соцкій Зуевъ.

— Подавай живѣй 3 пары лошадей и 20 человѣкъ проводниковъ, приказалъ ему Кудрявцевъ.

— Будетъ съ васъ, ваше благородіе, и подводчиковъ, возразилъ на это Зуевъ.

[1]) Архивъ губернскаго правленія годъ 1793, № 14.

Тогда Кудрявцевъ схватилъ палку и началъ бить соцкаго по плечамъ и головѣ. Изломалъ 3 палки и отдалъ избитаго подъ караулъ.

Разумѣется, многіе изъ тамбовскихъ дворянъ-чиновниковъ сильно наживались. Напримѣръ лѣсничій Гиппарскій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ раздавалъ сотни билетовъ на рубку казеннаго лѣса и за все это принималъ мзду немалую. Наконецъ его продѣлки обнаружились и Гиппарскаго отдали подъ судъ, исписали 910 казенныхъ листовъ и уволили подсудимаго отъ должности; но вѣроятно Гиппарскій по этому поводу не особенно горевалъ...

Людямъ, подобнымъ Гиппарскому, легко было наживать деньги. Вотъ напримѣръ какъ поступалъ въ Липецкомъ уѣздѣ дворянскій засѣдатель Потуловъ. Однажды пришлось ему повѣрять сельскіе хлѣбные магазины. Тогда онъ выѣхалъ въ уѣздъ со сворами и началъ охоту въ поляхъ. Все содержаніе доставляли ему тѣ же крестьяне, поля которыхъ онъ разорялъ. Кромѣ того дворовый Потулова собралъ съ крестьянъ въ пользу своего барина нѣсколько сотъ рублей.

Былъ въ Тамбовской губерніи и еще особый дворянскій типъ. Это совершенно раззорившіеся дворяне. Ничего не имѣя, они докучали всѣмъ состоятельнымъ людямъ о пособіи. Таковъ былъ прапорщикъ Зеттингеръ. Вотъ что писалъ онъ однажды тамбовскому губернскому предводителю дворянства Ознобишину:

„Гремящая повсюду слава о добродѣтельной вашего превосходительства душѣ и творимыхъ благахъ страждущимъ подаетъ мнѣ безсомнѣнную надежду, что лучъ вашего благодѣянія и ко мнѣ коснется...“

Въ награду за такое краснорѣчіе Зеттингеръ получилъ отъ Ознобишина 25 рублей [1]).

Нѣкоторые тамбовскіе помѣщики были тяжелы для своихъ крѣпостныхъ еще и тѣмъ, что имѣли обыкновеніе держать при себѣ очень лихихъ управляющихъ, старостъ и бурмистровъ. Отъ этого иногда происходили самыя печальныя явленія. Напримѣръ.

Однажды крестьянинъ помѣщика Анцыферова, Захаръ Никитинъ, косилъ сѣно на лугахъ села Разсказова. Въ это время подозвалъ его къ себѣ бурмистръ Федоръ Ефимовъ и началъ ножницами стричь ему голову и остригъ полъ-головы.

— Ну, теперь ступай — работай, сказалъ бурмистръ, а вечеромъ приходи на конюшню, сѣчь буду.

Зло взяло Никитина и онъ изо всей силы ударилъ своего притѣ-

[1]) Прискорбныя дѣянія тамбовскаго дворянства прошлаго столѣтія ни сколько не должны удивлять насъ. Дворяне другихъ губерній еще и не такія дѣла продѣлывали. Припомнимъ слова извѣстнаго воспитателя цесаревича Павла Петровича Порошина, человѣка несомнѣнно добросовѣстнаго и хорошо знавшаго Россію. Вотъ его слова: „Разсказывалъ государь, что онъ сегодня отъ ея величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбоѣ въ Московской губерніи одинъ дворянинъ, за которымъ душъ около 400 было“. С. М. Соловьва, Исторія Россіи т. 26, стр. 249.

снителя косою и опрокинулъ его на землю. Къ вечеру бурмистръ умеръ. Начался судъ.

— За что ты убилъ бурмистра? спросили судьи.

— Житья мнѣ не было отъ бурмистра, отвѣчалъ Никитинъ. Не было у меня своей избы, шлялся я съ женою изъ двора во дворъ и слушалъ попреки. И содержаться было нечѣмъ: получалъ я отъ барина въ мѣсяцъ 1 пудъ и 30 ф. ржаной муки и гарнецъ пшена— и все тутъ. Убѣжалъ я, куда глаза глядятъ, но меня поймали и тутъ то бурмистръ началъ тиранить меня: днемъ я работалъ не покладая рукъ, а ночью меня заковывали въ желѣза. А иногда замѣсто того сѣкли на конюшнѣ... Вотъ я и убилъ бурмистра, думаю—одинъ конецъ [1]).

До какой степени тамбовское дворянство конца прошлаго столѣтія было несостоятельно въ нравственномъ отношеніи, это между прочимъ видно изъ того обстоятельства, что въ описываемое нами время множество тамбовскихъ дворянъ было отдано подъ судъ. Въ концѣ XVIII столѣтія подсудныхъ тамбовскихъ дворянъ было 101 человѣкъ. Большинство ихъ судилось за взятки, буйство и казнокрадство. Но иные изъ нихъ судились за преступленія болѣе выдающагося характера. Такъ, помѣщика фонъ-Меника судили за то, что онъ засѣкъ до смерти двухъ духоборцевъ; Горяинова привлекли къ суду за похищеніе лѣса въ дачахъ казенныхъ крестьянъ; Коробьина — за то, что онъ затравилъ своими гончими крестьянскихъ телятъ; помѣщика Кугушева подвергли уголовному суду по слѣдующему поводу: онъ высѣкъ плетьми дьяконицу Ермолаеву съ сыномъ. А дворянина Головина отдали подъ судъ за разбой въ домѣ одной помѣщицы и за разграбленіе ея каретнаго сарая, при чемъ досталось также и крестьянскимъ избамъ, одна изъ которыхъ была совершенно изрублена [2]).

При такихъ-то обстоятельствахъ объявлена была тамбовскому дворянству высочайшая жалованная грамота 24-го апрѣля 1785 года. Понятно, что первыя попытки къ самоуправленію со стороны тамбовскаго дворянства были весьма неудачны. Были права и полномочія, а дѣятелей, достойныхъ этихъ правъ и полномочій, почти не было. Выбраны были дворянскіе депутаты, но рѣдкіе изъ нихъ охотно шли на службу. Большинство отказывалось по разнымъ причинамъ. Елатомскій дворянскій депутатъ Мещериновъ не являлся къ должности,

---

[1]) Архивъ окружнаго тамбовскаго суда, № 467.

Надобно замѣтить, что въ тамбовскомъ архивахъ встрѣчается масса документовъ, свидѣтельствующихъ о дикомъ помѣщичьемъ самодурствѣ. Передъ нами напримѣръ помѣщикъ Филатовъ. Часто впрягалъ онъ въ дрожки вмѣстѣ съ лошадьми женщинъ. Беременныхъ заставлялъ садиться верхомъ на заводскихъ жеребцовъ и хохоталъ, когда лошадь становилась на дыбы и сбрасывала женщину, а которая не осмѣливалась садиться верхомъ, тѣхъ билъ нагайкой до крови.

[2]) Архивъ тамбовскаго дворянскаго собранія, № 154.

какъ онъ объяснялъ, по болѣзни. Между тѣмъ уѣздный предводитель Языковъ такъ писалъ о Мещериновѣ: „въ дворянское собраніе оный Мещериновъ не является, а со псовою охотою ѣздитъ въ отъѣзжихъ поляхъ, въ медвѣжьихъ островахъ и на рыбныхъ ловляхъ бываетъ же почасту по Окѣ рѣкѣ и по заливамъ“.

Даже дворянскіе предводители шли на службу неохотно и при малѣйшемъ удобномъ случаѣ подавали въ отставку. Это видно между прочимъ изъ того, что въ концѣ XVIII столѣтія въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ въ теченіе одного трехлѣтія перемѣнилось три предводителя: Есиповъ, Страховъ и Пушкаревъ.

Были и такіе депутаты, которые являлись на службу въ срокъ, но впослѣдствіи оказывались недостойными своего званія. Напримѣръ усманскій депутатъ Малышовъ. По доносу поручика Гаршина, онъ переправлялъ въ другія губерніи бѣглыхъ крестьянъ. чужой хлѣбъ продавалъ за мѣсто своего и кромѣ того осужденъ былъ воронежскимъ епископомъ Тихономъ за кровосмѣшеніе.

Нѣкоторые дворянскіе депутаты, напримѣръ спасскій дворянинъ Смагинъ, отказывались отъ своихъ обязанностей тѣмъ, что они къ тамбовскому дворянству принадлежать не желаютъ, ибо принадлежатъ къ сосѣднимъ дворянствамъ и участвуютъ въ ихъ балотировкахъ; но съ таковыми не церемонились и черезъ земскіе суды вытребовывали ихъ въ губернскій городъ [1]...

Если же наконецъ кое-какъ составлялись тамбовскія дворянскія собранія, то при этомъ начинались, вмѣсто дѣла, взаимныя ссоры и пререканія. Выступали на сцену личныя антипатіи и шла поэтому поводу болѣе или менѣе крупная перебранка.

Отъ тамбовскихъ дворянскихъ междоусобій трудно было уклониться даже и такимъ людямъ, какъ напримѣръ Г. Р. Державинъ, бывшій въ описываемое нами время тамбовскимъ губернаторомъ. Въ 1787 году съ Державинымъ поссорился губернскій предводитель дворянства А. Г. Пановъ. Причиною ссоры послужило то обстоятельство, что тамбовское намѣстническое правленіе осмѣливалось писать на имя губернскаго предводителя указы. Между тѣмъ Панову хотѣлось получать предписанія прямо отъ губернатора. Когда узналъ объ этомъ Державинъ, то онъ написалъ Панову пространное письмо, въ которомъ на основаніи законовъ доказывалъ, что не только отъ намѣстническаго правленія, но и отъ верхняго земскаго суда предводитель долженъ принимать указы.

---

[1]) Арх. таб. дворянскаго собранія, 1791 г., № 1-й.—Впрочемъ не въ одной Тамбовской губерніи дворянство уклонялось отъ службы. Это видно изъ высочайшаго указа отъ 4-го сентября 1802 г. слѣдующаго содержанія: до свѣдѣнія нашего доходитъ, будто лучшее дворянство уклоняется отъ выборовъ... и что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя“. Въ концѣ указа высказано императорское повелѣніе—не уклоняться дворянамъ отъ выборовъ.

„Признаюсь вамъ, заключаетъ Державинъ свое письмо, — будучи на вашемъ мѣстѣ я бы пріятнѣе принималъ указы изъ намѣстническаго правленія подъ заглавіемъ священнаго императорскаго имени, предъ коимъ все раболѣпствовать и преклоняться должно, нежели какое-либо предписаніе отъ губернатора, тѣмъ паче младшаго васъ лѣтами, а службою и можетъ быть самыми способностями далеко отъ васъ отстоящаго“ [1]).

Вскорѣ послѣ А. Г. Панова тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ былъ генералъ-лейтенантъ А. А. Баратынскій, а губернаторомъ въ тоже время состоялъ Кошелевъ. Эти губернскіе чиновники сначала жили согласно, а потомъ поссорились до того, что стали жаловаться другъ на друга петербургскимъ властямъ. Въ ссорѣ этой приняли участіе и нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, какъ это видно изъ слѣдующаго. Однажды Кошелевъ приглашалъ дворянскихъ предводителей въ Тамбовъ для разсужденій о рекрутскомъ наборѣ. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: три предводителя отказались пріѣхать по случаю какихъ-то текущихъ дѣлъ, а самъ Баратынскій ночью тихонько выѣхалъ изъ Тамбова въ деревню...

Лѣнивое и сварливое большею частію тамбовское дворянство прошлаго столѣтія, разумѣется, не могло заботиться о благѣ своего края и неоднократно доказывало это самымъ положительнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, въ описываемое нами время былъ сильный голодъ въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Простонародіе, въ особенности же крѣпостное крестьянство, ѣло лебеду и мякину, а мѣръ къ прекращенію общественнаго бѣдствія со стороны тамбовскаго дворянства никакихъ не было. Кирсановскіе и Борисоглѣбскіе дворяне не извѣстили даже губернскаго начальства о постигшей ихъ уѣзды народной бѣдѣ. Тамбовскій губернаторъ Палицынъ и губернскій предводитель тамбовскаго дворянства Мартыновъ уже случайно узнали о крестьянскомъ голодѣ и крайне сожалѣли объ отсутствіи мѣстной дворянской инициативы.

Не удивительно послѣ всего этого, что дворянское самоуправленіе въ Тамбовской губерніи развивалось крайне медленно и долго не давало какихъ-либо значительныхъ результатовъ.

Тамбовскій и рязанскій генералъ-губернаторъ И. В. Гудовичъ еще 11-го декабря 1785 года приглашалъ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства С. И. Беклемишева собрать въ губернскій городъ представителей дворянства для избранія разныхъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ.

„Взирая на толикое отъ монаршаго лица попеченіе о дворянствѣ, писалъ онъ,—ежели всякій дворянинъ соразмѣрно потщится соблюсти

[1]) Пановъ и Державинъ вскорѣ помирились, такъ какъ послѣдній обѣщался освободить перваго отъ переписки съ правленіемъ. „Буду, увѣдомлялъ Державинъ Панова,—писать вамъ письма съ изъясненіемъ, что въ намѣстническомъ правленіи то-то и то-то опредѣлено“...

добронравіе, ускромить зависть и непріязненность, доброхотствуя обществу, то въ ономъ совершенно и найдетъ частное и собственное благополучіе. Всякій дворянинъ, будучи членъ благороднаго общества, имѣя дарованное право избирать себѣ судей,— можетъ ли тутъ не быть въ полной надеждѣ на правосудіе? Можетъ ли тутъ бояться угнетенія? Нѣтъ" [1]).

Между тѣмъ полное дворянское собраніе въ городѣ Тамбовѣ состоялось только 3-го сентября 1788 года. Въ общемъ своемъ собраніи тамбовское дворянство прежде всего стало разсматривать доказательство на дворянское достоинство отъ дворянъ, отъ князей и мурзъ татарскаго происхожденія.

Послѣ повѣрки этихъ доказательствъ, въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ оказалось 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій. А лицъ, претендовавшихъ на дворянское достоинство и не имѣвшихъ возможности документами доказать его, насчитывали до 3,000.

Самыя древнія дворянскія фамиліи Тамбовскаго намѣстничества оказались въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Почти всѣ онѣ татарскаго происхожденія. Древнѣйшія жалованныя грамоты ихъ восходятъ ко временамъ великаго князя Василія Іоанновича, отца Іоанна IV Грознаго. Но большинство коренныхъ Тамбовскихъ дворянъ жаловано дворянствомъ и помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, бортными ухожьями, рыбными ловлями и всякими угодьями, крестьянами, бобылями и вотчинами, при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Вотъ напримѣръ одна жалованная грамота царя Василія Іоанновича Шуйскаго, мурзѣ Барашеву, приводимая нами въ сокращеніи.

„Служилъ ты намъ подъ Тулою и взяли тебя въ полонъ и приветчи на Тулу били кнутомъ и медвѣдемъ травили, и на башню взводили, и въ тюрьму сажали и голодъ и нужду всякую терпѣлъ, и съ Тулы пришолъ къ намъ съ вѣстьми. И мы, великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Россія... велѣли есмы ему дати жалованную грамоту на княженье".

А вотъ извлеченіе изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича.

„Мурзѣ князь Булаеву, погаю Айкину, да Артуганову, жалованье на дикое поле, по 10 четьи человѣку въ полѣ, а въ дву потомужъ, да на сѣнные покосы... А чтобъ межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Виндреи, отъ устья сухидола, на большую кудрявую березу, а отъ той березы прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы скрозь тальника на березу жъ, а отъ тое березы прямо на виловатую березу... А на тѣхъ па всѣхъ на четырехъ березахъ учинены признаки тесомъ".

Въ одной изъ подобныхъ грамотъ границы одного жалованнаго

[1]) Арх. тамбовскаго дворянскаго собранія, 1785 года, связка 1-я, № 1.

помѣстья опредѣляются такъ: „отъ кудрьвой березы до виловатой березы и до орлова гнѣзда, отъ свѣтлаго озера и отъ яру до круглаго озерка и до суходолья рѣки Виндряя“.

Повѣривши дворянскія граматы, Тамбовское дворянское собраніе 1788 года порѣшило на разныя нужды дворянства собирать по 10 копѣекъ съ ревизской души. Изъ этихъ и иныхъ сборовъ составлялся первоначальный дворянскій капиталъ, изъ котораго и разрѣшено было выдавать мѣстнымъ дворянамъ ссуды подъ залогъ.

Немедленно явились многочисленные искатели этихъ ссудъ и въ самое короткое время роздано было Тамбовскимъ дворянамъ нѣсколько тысячъ рублей. Но исправныхъ должниковъ, кромѣ одной помѣщицы, не оказалось: всѣ просрочили платежемъ, даже самъ губернскій предводитель дворянства Пановъ не платилъ 300 рублей [1]. Впрочемъ, на это обращено было должное вниманіе. По приказанію ревизовавшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовскую губернію сенаторовъ Трощинскаго и князя Щербатова употреблены были самыя энергическія мѣры для возвращенія выданныхъ въ ссуду дворянскихъ суммъ.

Такимъ образомъ намъ съ ясностію представляется та непривлекательная роль, какую играло въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовское дворянство.

Съ начала XIX столѣтія характеръ дѣятельности Тамбовскаго дворянства измѣняется къ лучшему. Въ 1801 году это дворянство открываетъ на свои средства Тамбовскій училищный корпусъ. Въ 1806 году оно дѣлаетъ въ пользу государства разныя значительныя пожертвованія деньгами (по 2 рубля съ ревизской души) и вещами [2]. Бѣдные Тамбовскіе дворяне жертвовали холстъ, хлѣбъ, лошадей и разное оружіе, а богатые, выдавая на народное ополченіе по 2 рубля съ ревизской души, кромѣ того подписывались въ пользу отечества на болѣе или менѣе значительныя суммы [3]. Такъ генералъ-маіоръ Барчуговъ пожертвовалъ въ пользу отечества цѣлую деревню въ 150 душъ, помѣщикъ Глазовъ подписалъ 3 тысячи рублей, Платцовъ—5 тысячъ, князь Голицынъ—2 тысячи, Недобровъ и Мордви-

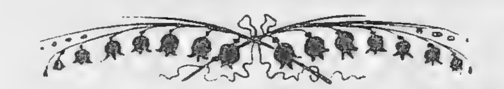
[1]) Послѣ Панова Тамбовскіе губернскіе предводители дворянства до 70 годовъ настоящаго столѣтія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: полковникъ Лоторевъ, секундъ-маіоръ Жуковъ, 8 класса Мартыновъ, генералъ-лейтенантъ Баратынскій, Сабуровъ, Чубаровъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ознобишинъ, генералъ-маіоры Глазовъ и Чарыковъ.

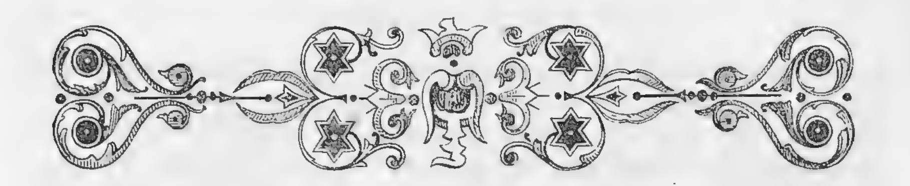
[2]) Въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи было около 250 тысячъ человѣкъ.

[3]) Самая крупная собственность въ Тамбовской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія принадлежала слѣдующимъ помѣщикамъ: Л. А. Нарышкинъ имѣлъ 8,444 души, Д. Л. Нарышкинъ—3,750 душъ. графъ К. Г. Разумовскій—5,750 душъ, Баташовъ—2,905 душъ. А самыми мелкими душевладѣльцами были: прапорщица Бобарыкина (2 души), помѣщикъ Мосоловъ (1 душа) помѣщикъ Скарятинъ и помѣщицы Батурина и Бахтыгобина (по 2 души).

новъ—по тысячѣ; а князь Енгалычевъ открылъ въ своемъ Шацкомъ имѣніи богадѣльню на 10 человѣкъ больныхъ и раненыхъ воиновъ. Впослѣдствіи, разныя добровольныя пожертвованія Тамбовскаго дворянства все увеличивались и увеличивались и достигли наконецъ громадной суммы около 6 милліоновъ. Въ 1812 году Тамбовское дворянство поставило въ армію 3 тысячи воловъ и сформировало Тамбовскій пѣхотный полкъ. Въ то же время Тамбовскій помѣщикъ извѣстный Н. П. Архаровъ выставилъ 500 конныхъ ратниковъ съ провіантомъ на 3 мѣсяца, а другой Тамбовскій дворянинъ (Ліонъ) пожертвовалъ на нужды арміи 200 половинокъ армейскаго сукна... Но о дѣятельности Тамбовскаго дворянства въ XIX столѣтіи мы скажемъ въ послѣдствіи.

И. Дубасовъ.





ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ.

Едва ли во всей исторіи можно найти личность, столь часто служившую предметомъ беллетристическихъ сочиненій, какъ Петръ Великій. О немъ были написаны десятки трагедій, комедій, оперъ, эпопей, романовъ и пр. И другія лица этой эпохи, въ особенности Екатерина, а также Меншиковъ, Мазепа и т. д. превратностями своей судьбы обращали на себя вниманіе беллетристовъ и дѣлались героями драмъ и повѣстей [1]). Обиліе этой литературы является доказательствомъ громаднаго значенія, которое имѣетъ анекдотическій элементъ въ исторіи. Крекшинъ, Голиковъ, Нартовъ и Штелинъ, въ теченіи 18 вѣка прославлявшіе память великаго преобразователя сборниками анекдотовъ, сообщеніемъ мелкихъ, интересныхъ въ психологическомъ отношеніи, случаевъ изъ біографіи Петра, много содѣйствовали развитію этой литературы, почти безъ исключенія не имѣющей ничего общаго съ историческою наукою, но свидѣтельствующей о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ личностью Петра и значеніемъ его эпохи на позднѣйшія поколѣнія. Изучать подробно значеніе царствованія Петра, разумѣется, гораздо труднѣе, нежели любоваться легендарными чертами, относящимися въ внѣшней жизни царя и лицъ окружавшихъ его. Составить себѣ точное понятіе о политической, законодательной и административной дѣятельности Петра можно только при солидномъ политическомъ и историческомъ образованіи; гораздо болѣе легкою задачею дѣлается

---

[1]) Не говоря о русскихъ сочиненіяхъ этого рода, мы укажемъ лишь на то обстоятельство, что перечень иностраннымъ сочиненіямъ о Петрѣ Великомъ, находящимся въ Императорской публичной библіотекѣ, занимаетъ въ сочиненіи Минцлофа „Pierre le Grand dans la littérature étrangère", (S.-Pet. 1872) не менѣе сорока страницъ.

пониманіе драматическихъ эффектовъ, уголовныхъ случаевъ, скандаловъ, при немъ происходившихъ, и понынѣ даже въ историческихъ сочиненіяхъ иногда занимающихъ слишкомъ видное мѣсто. Одна изъ главныхъ задачъ исторической науки относительно Петра, заключается въ устраненіи легендъ, вкравшихся въ исторію, благодаря писателямъ въ родѣ Штелина. Беллетристика, напротивъ, какъ скоро она останавливается на этомъ предметѣ, главнымъ образомъ заимствуетъ себѣ пищу изъ такихъ анекдотическихъ книгъ, прибавляя ко многимъ старымъ выдумкамъ новыя, дѣйствуя на воображеніе публики и этимъ самымъ усложняя трудъ историка, которому приходится бороться съ предвзятыми идеями массы читателей.

Тѣмъ не менѣе историческія драмы и повѣсти заслуживаютъ вниманіе историка-спеціалиста. Онѣ даютъ ему случай взвѣшивать значеніе такъ называемой „fable convenu“ въ исторіи. Стремясь открытіемъ исторической истины быть полезнымъ не только товарищамъ по наукѣ, но и публикѣ вообще, историкъ долженъ знать въ какой мѣрѣ на театрѣ и въ романахъ искажена правда, дать себѣ отчетъ о рѣзкомъ противорѣчіи между историческою беллетристикою и результатами науки. Въ видахъ этой пользы и для указанія на культурно и литературно-историческое значеніе подобной беллетристики, мы въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ укажемъ на нѣкоторые моменты, относящіеся въ исторіи царевича Алексѣя Петровича.

Уже во время царствованія Петра судьба царевича Алексѣя обращала на себя вниманіе современниковъ за границею. Катастрофа, постигшая наслѣдника русскаго престола, должна была, между прочимъ, интересовать его родственниковъ въ западной Европѣ. Императоръ Карлъ VI былъ шуриномъ Алексѣя; Шарлотта, принцесса вольфенбюттельская и императрица, супруга Карла VI, были сестры. Бѣгство царевича во владѣнія австрійскія легко могло послужить поводомъ къ „cause célèbre“ въ международномъ правѣ.

О томъ, какимъ образомъ погибъ царевичъ, на западѣ ходили разные, противорѣчившіе одинъ другому толки. Событіе это заключало въ себѣ много таинственнаго, представлявшаго широкій просторъ воображенію публики. Въ современныхъ газетахъ встрѣчались о процессѣ и кончинѣ Алексѣя кое-какія отрывочныя замѣчанія; манифесты царя, относившіяся къ дѣлу Алексѣя, перепечатывались нѣсколько разъ на разныхъ языкахъ въ видѣ брошюръ. Уже около половины XVIII вѣка начали являться болѣе или менѣе полные разсказы о судьбѣ злосчастнаго царевича. Такъ напр. на англійскомъ языкѣ въ переводѣ съ французскаго подлинника, какъ кажется, не появившагося въ печати, былъ изданъ сборникъ разныхъ уголовныхъ случаевъ, гдѣ рядомъ съ французскимъ заговорщикомъ Сенъ-Марсомъ (Cinq-Mars) и знаменитымъ испанскимъ инфантомъ Донъ-Карлосомъ,

стоитъ и царевичъ Алексѣй [1]). Въ этомъ сочиненіи смерть послѣдняго объясняется слѣдующимъ образомъ. Бумага, на которой былъ написанъ смертный приговоръ царевича, была пропитана ядомъ. Петръ, желая покончить съ сыномъ до формальной казни, заставилъ несчастнаго взять въ руки эту грамоту и прочитать въ слухъ содержаніе ея, при чемъ ядъ такъ сильно подѣйствовалъ на Алексѣя, что онъ немедленно умеръ. Впрочемъ это сочиненіе, благодаря воспроизведенію документовъ, опубликованныхъ въ свое время самимъ русскимъ правительствомъ, заключаетъ въ себѣ довольно полный разсказъ о разладѣ отца съ сыномъ. Авторъ скорѣе обвиняетъ Алексѣя, чѣмъ Петра; только въ одномъ мѣстѣ (II, 67) выставляется на видъ нѣкоторое коварство со стороны царя, сначала обѣщавшаго сыну простить его, а затѣмъ придравшагося къ тому обстоятельству, что Алексѣй не признался во всемъ, задуманномъ имъ противъ отца. Безъ всякаго основанія царевичъ обвинялся въ чрезмѣрномъ сладострастіи, между тѣмъ какъ онъ не можетъ быть названъ особеннымъ сластолюбцемъ. Все сочиненіе показываетъ желаніе его автора не переходить рубежъ, отдѣляющій чисто историческій разсказъ отъ беллетрическаго.

Немного раньше, а именно въ 1730 году, появилась въ печати брошюра о царевичѣ, которая по своей внѣшней формѣ можетъ быть отнесена къ беллетристикѣ, но по богатству содержанія и вѣрному изложенію важнѣйшихъ фактовъ должна считаться довольно солиднымъ историческимъ трудомъ. Заглавіе этого труда слѣдующее: „Бесѣды въ царствѣ мертвыхъ. Свиданіе между россійскимъ императоромъ Петромъ II и его отцомъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, съ разными извѣстіями объ исторіи послѣдняго" [2]). Такого рода сочиненія являлись въ большомъ числѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Цѣлый рядъ подобныхъ бесѣдъ (напр. между Петромъ Великимъ и Карломъ XII, между англійскою королевою Елизаветою и императрицею Анною Ивановною, между Петромъ Великимъ и Иваномъ Грознымъ и пр.) собранъ въ Императорской публичной библіотекѣ. Это составляло нѣчто въ родѣ періодически выходившаго историческаго журнала. Авторы такихъ статей, имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ развлеченіе публики, большею частью мало заботились объ исторической правдѣ; однимъ словомъ, относились къ своему предмету безъ всякой критики [3]). Въ данномъ случаѣ однако можно удивляться

---

[1]) A select collection of singular and interesting histories. London, 1744 въ двухъ довольно большихъ томахъ. Въ другомъ, нѣмецкомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1776 году царевича сравнивали съ Донъ-Карлосомъ, герцогомъ Люйномъ и герцогомъ Букингамомъ.

[2]) Появилось на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, и на голландскомъ въ Амстердамѣ.

[3]) Весьма рѣзкій примѣръ такого легкомыслія можно найти въ „Бесѣдѣ между В. В. Голицынымъ и генераломъ Гохмутомъ", о которой говорится въ моей статьѣ

подробности свѣдѣній неизвѣстнаго автора, узнавшаго о многихъ частностяхъ допросовъ, сдѣланныхъ царевичу и его сообщникамъ. За то автору ничего не извѣстно о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ царевичъ. Кончина Алексѣя объясняется апоплексическимъ ударомъ. Относительно слуха о томъ, будто онъ умеръ вслѣдствіе кровопусканія, имѣвшаго цѣлью лишить его жизни, царевичъ, находящійся „въ царствѣ мертвыхъ" объясняетъ своему сыну императору Петру II, что этотъ слухъ лишенъ всякаго основанія [1]).

Еще при жизни, бывши мальчикомъ, царевичъ сдѣлался предметомъ легенды, встрѣчающейся во Франціи. Въ 1705 г., Матвѣевъ, находившійся въ Парижѣ въ качествѣ дипломатическаго агента, доносилъ оттуда о чудесномъ слухѣ, распространившемся при французскомъ дворѣ: то былъ переводъ народной пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, пріуроченный теперь къ Петру; великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ его казнить Меньшикову; но Меньшиковъ умилосердился, велѣлъ вмѣсто царевича повѣсить рядового солдата. На другой день государь хватился: гдѣ мой сынъ? Меньшиковъ отвѣчалъ, что онъ казненъ по указу; царь былъ внѣ себя отъ печали; тогда Меньшиковъ приводитъ къ нему живого царевича, что вызвало радость неописанную.

Когда французы спрашивали у Матвѣева правда ли это? онъ отвѣчалъ, что всѣ эти плевелы разсѣваются шведами и истинный христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше натуры не только такого монарха, но и самаго простолюдина [2])".

Въ 1705 году едва ли можно было предвидѣть, что между отцомъ и сыномъ начнется распря, которая должна была кончиться катастрофою, соотвѣтствовавшею нѣкоторымъ образомъ странному разсказу, распространившемуся при французскомъ дворѣ. Однако такіе толки доказываютъ, что уже тогда царевичъ былъ предметомъ вниманія иностранцевъ, видѣвшихъ въ немъ что-то похожее на Донъ-Карлоса. Да и въ Россіи около того времени начали ходить слухи о разладѣ царевича съ царемъ. Два такихъ случая извѣстны. Первый относится ко времени послѣ стрѣлецкаго бунта, когда народъ, раздраженный страшными пытками и казнями, сталъ порицать Петра. Однажды монастырскій конюхъ Кузьминъ разсказывалъ стрѣльцамъ слѣдующее: „Государь нѣмцевъ любитъ, а царевичъ ихъ не любитъ, приходилъ къ нему нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ нѣмчинѣ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего ты къ нему ходишь,

„Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго", въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1879. августъ стр. 283—287.

[1]) Объ этомъ слухѣ см. выписки изъ голландскихъ газетъ въ документахъ изданныхъ гг. Есиповымъ и Погодинымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Др. 1861. III.

[2]) Соловьевъ. XV, 73

покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы" [1]). Другой случай произошелъ около 1708 года, когда недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ. Ходили слухи, что наслѣдникъ престола также недоволенъ, что онъ окружилъ себя всегдашними представителями недовольныхъ—казаками и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками царя, считавшагося незаконнымъ, антихристомъ. „Царевичъ", говорили въ народѣ, „на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина и мигнетъ казакамъ, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ, это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что мнѣ не батюшка и не царь" [2]).

Изъ всего этого видно, какъ рано, т. е. еще за нѣсколько лѣтъ до настоящаго разлада царя съ царевичемъ, отношенія между отцомъ и сыномъ давали поводъ къ разнымъ баснямъ, вымышленнымъ анекдотамъ, легендарнымъ разсказамъ.

Нельзя поэтому удивляться, что катастрофа, постигшая царевича, произвела сильное впечатлѣніе. Однако, не ранѣе какъ цѣлый вѣкъ спустя послѣ этого событія, начали являться драмы и повѣсти, героемъ которыхъ былъ царевичъ.

Въ 1812 году въ Готѣ была напечатана драма: „Alexei Petrowitsch. Ein romantisch-historisches Trauerspiel in fünf Akten. Von Heinrich Bertuch". Въ этой драмѣ „исторія" не играетъ столь важной роли какъ „романтика". Тутъ чрезвычайно много весьма эффектныхъ сценъ, въ которыхъ однако историческая истина остается на заднемъ планѣ. Главнымъ другомъ, союзникомъ царевича, преслѣдуемаго царемъ, является никто иной какъ—Мазепа, который въ первомъ дѣйствіи намѣренъ спасти Алексѣя, явившагося на границѣ Россіи, на пути въ Москву, въ сопровожденіи Толстого и Румянцова. Мазепа намѣревался арестовать Толстого и Румянцова; но эта попытка не удается. Царскія войска дѣлаютъ нападеніе по отрядъ Мазепы, который долженъ спасаться бѣгствомъ. Царевича везутъ далѣе въ Москву, гдѣ, въ Кремлѣ, во второмъ дѣйствіи, происходитъ бесѣда между Петромъ и Алексѣемъ. Послѣ этого діалога является на сценѣ призракъ царя Ивана Алексѣевича, упрекающаго Петра въ томъ, что онъ собственноручно убилъ его [3]) и умоляющаго царя не казнить Алексѣя. И въ четвертомъ и въ пятомъ дѣйствіяхъ возобновляются попытки Мазепы спасти Алексѣя. Но въ четвертомъ дѣйствіи царевичъ, одѣтый въ платье дервиша, въ минуту бѣгства арестовывается

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 294.

[2]) Соловьевъ, XVI, 32.

[3]) Басня о томъ, будто Иванъ былъ убитъ братомъ, была распространена и за границею и въ самой Россіи; смотри брошюру „Der dapfere Moscoviter Czar Peter etc" 1694; и Соловьева. XV, 135; далѣе мою статью „Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра", въ журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г., августъ, стр. 288—290.

и заковывается въ цѣпи, а въ пятомъ, послѣ судебнаго засѣданія, въ которомъ царевичъ произноситъ великолѣпную рѣчь и выслушиваетъ приговоръ къ смертной казни, его отводятъ въ темницу гдѣ возвышается саркофагъ. Изъ саркофага вдругъ выходитъ Мазепа, подготовившій все необходимое для спасенія царевича. Однако Алексѣй, руководимый чувствомъ благородства и самоотверженія, отказывается бѣжать. При такомъ неожиданномъ препятствіи, Мазепа, въ отчаяніи, убиваетъ царевича кинжаломъ. Въ ту самую минуту входитъ Петръ съ намѣреніемъ объявить сыну прощеніе и дать ему свободу [1]).

Въ томъ же 1812 году явился въ Америкѣ, а именно въ Бостонѣ, довольно обширный трудъ, авторъ котораго, какъ кажется, былъ русскимъ. Заглавіе этой книги слѣдующее:

„Reflections, notes and original anecdotes, illustrating the character of Peter the Great. To which is added a tragedy in five acts entitled Alexis, the Czarewitz. By Alexis Eustaphieve“. Второе изданіе этой, обнимающей болѣе 200 страницъ, книги, вышло въ 1814 году.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ заимствованы авторомъ изъ сочиненій Вольтера, Штелина и Голикова. Пересказъ ихъ служитъ лишь введеніемъ въ трагедіи объ Алексѣѣ, не отличающейся впрочемъ особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ. Гибель царевича представлена въ ней въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣ разлада съ отцомъ, царевичъ рѣшается бѣжать за границу. Оттуда онъ однако возвращается въ Россію въ полномъ сознаніи своего преступленія. Между нимъ и отцомъ происходитъ примиреніе. Но тутъ именно и начинается завязка трагическаго узла; довольно важную роль играетъ духовный отецъ Алексѣя, который принадлежитъ къ недовольнымъ и надѣется на переворотъ въ государствѣ. Онъ черезъ любовницу царевича старается подѣйствовать на Алексѣя и доводитъ дѣло до страшнаго заговора противъ Петра.

Эти черты въ трагедіи интересны въ томъ отношеніи, что роль духовнаго отца царевича, Якова Игнатьева, въ дѣлѣ Алексѣя, въ то время была весьма мало извѣстна. Даже въ обширномъ трудѣ Устрялова Яковъ Игнатьевъ остается, какъ-то, на заднемъ планѣ и только открытіе новыхъ архивныхъ данныхъ г. Есиповымъ и изданіе ихъ Погодинымъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, выставило на видъ значеніе Якова Игнатьева.

Любовница царевича — Афросинья — въ произведеніи Евстафьева названа „Ксеніею“. Она доноситъ о заговорѣ духовнаго отца царевича. Начинается слѣдствіе; царевичъ приговоренъ къ смертной казни;

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что въ сочиненіи г. Минцлофа по ошибкѣ убіеніе царевича кинжаломъ Мазепы отнесено къ драмѣ Отто (1843 г.). См. его соч. стр. 434.

услышавъ приговоръ, Алексѣй до того пораженъ этимъ, что падаетъ въ обморокъ. Умирая отъ испытаннаго потрясенія, онъ мирится съ отцомъ.

Гораздо большею извѣстностью пользовалась въ свое время трилогія Иммерманна, „Alexis“. Особенно удачна первая часть: „Die Bojaren“; гораздо менѣе замѣчательны вторая „Das Gericht von Sanct Petersburg“ и третья „Eudoxia“.

Весьма важную роль во всей этой сложной пьесѣ играетъ Екатерина, которая находится въ тѣсной связи съ Меньшиковымъ, обманываетъ Петра, отличается страшнымъ коварствомъ и ханжествомъ. Алексѣй умираетъ отъ яда, приготовленнаго для него по порученію Петра генераломъ Вейде. Царь же, узнавъ о поступкахъ обманывавшей его Екатерины, умираетъ отъ волненія и горя.

Разсказъ объ отравленіи царевича встрѣчается также въ сочиненіи „P. H. Bruce, memoirs containing an account of his travels in Germany, Russia et caet. London, 1782“. Здѣсь говорится, что Вейде отправилъ будто бы автора этихъ записокъ къ аптекарю Беру за ядомъ, что аптекарь вручилъ Брюсу серебряный стаканъ съ крышею и что Вейде понесъ этотъ стаканъ къ царевичу, причемъ „всю дорогу шатался, какъ пьяный“. Несостоятельность этого разсказа, не выдерживающаго критики, какъ и вообще ничтожность записокъ Брюса, какъ источника, были доказаны Устряловымъ въ I и VI томахъ его сочиненія о Петрѣ Великомъ [1]).

Въ драмѣ Отто „Alexei Petrowitsch. Ein Trauerspiel in fünf Aufzugen“ (Leipzig, 1843) главнымъ мотивомъ служитъ тѣсная связь, существовавшая будто бы между царевичемъ Алексѣемъ и его матерью Евдокіею. Во время пребыванія царевича въ Вѣнѣ, Евдокія находится съ нимъ въ перепискѣ. Кикинъ убѣждаетъ царевича въ необходимости составленія заговора противъ Петра для спасенія матери, которая терпитъ ужасныя притѣсненія со стороны Толстого. Такимъ образомъ Алексѣй дѣйствуетъ главнымъ образомъ какъ сынъ, защищающій права матери. Заговорщики желаютъ освободить его изъ заключенія, но попытка освобожденія царевича не удается и всѣ они, а во главѣ ихъ Кикинъ, арестованы. Царевичъ умираетъ, декламируя о сыновнемъ долгѣ.

Извѣстно, что такой связи между царевичемъ и Евдокіею не существовало, что царица-инокиня не составляла заговора и что въ своемъ образѣ дѣйствій царевичъ вовсе не былъ руководимъ особенною привязанностью къ несчастной матери. Тѣмъ не менѣе не только беллетристы воспользовались этимъ мотивомъ мнимаго заговора Евдокіи и Алексѣя, мотивомъ очень хорошо подходящимъ къ драмѣ, но

---

[1]) VI, 291—293, I, LXVII—LXXI.

и серьезные историки еще въ новѣйшее время повторяли эту небылицу. Бернгарди въ своемъ трудѣ „Geschichte Russland's" увѣряетъ [1]. что начиная съ 1711 года существовалъ формальный заговоръ Алексѣя и Евдокіи; какъ видно ему не были извѣстны результаты изысканій Устрялова.

И въ трагедіи Отто Екатерина играетъ роль коварной и готовой на всевозможныя преступленія женщины. Она нанимаетъ убійцу, съ которымъ къ тому же состоитъ въ любовной связи, и который долженъ заколоть царевича на придворномъ балѣ. Тотъ же мотивъ встрѣчается въ либретто оперы „Santa Chiara", сочиненномъ извѣстною писательницею Шарлоттою Бирхъ-Пфейферъ, и вышедшемъ въ Брауншвейгѣ въ 1845 году.

Героиня этой оперы, супруга царевича Алексѣя, принцесса Шарлотта, послѣ того, какъ Алексѣй сдѣлалъ попытку убить ее и остался въ убѣжденіи, что эта цѣль достигнута, спасается за границу и проживаетъ въ городѣ Рѣзинѣ, близъ Неаполя. Туда же является царевичъ, убѣжавшій изъ Россіи, но узнавъ о томъ что составленный имъ заговоръ сдѣлался извѣстнымъ отцу, онъ въ присутствіи своей жены оканчиваетъ свою жизнь самоубійствомъ.

Замѣчательнѣйшею изъ всѣхъ пьесъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ и имѣющихъ предметомъ царевича, какъ намъ кажется, должно считать сочиненіе Фуше—L'héritier du Czar, drame historique en cinq actes en prose. Par M. Paul Foucher. Représentée pour la premiere fois à Paris, sur le théâtre de l'Odeon le 26 octobre 1849, (Paris 1849). Въ этой драмѣ, въ противоположность многимъ другимъ пьесамъ этого рода, Алексѣй, совершенно согласно съ исторіею, играетъ весьма жалкую роль. За то Петръ и Шарлотта выставлены въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Царь любитъ свою невѣстку; Шарлотта же спасаетъ царю жизнь слѣдующимъ образомъ. Во время пребыванія царевича въ Вѣнѣ, сестра Шарлотты, супруга императора Карла VI, узнала о заговорѣ, во главѣ котораго стоялъ Алексѣй и который имѣлъ цѣлью убить Петра. Она пишетъ обо всемъ этомъ къ Шарлоттѣ, а послѣдняя сообщаетъ содержаніе письма Петру, вслѣдствіе чего царь тотчасъ же принимаетъ надлежащія мѣры для отклоненія грозившаго ему удара. Весьма талантливо написанъ діалогъ между Петромъ и Алексѣемъ въ концѣ перваго дѣйствія. Не показывая вида, что ему извѣстенъ умыселъ сына, царь бесѣдуетъ съ нимъ о политическихъ дѣлахъ, при чемъ обнаруживается съ одной стороны умственный и нравственный перевѣсъ Петра, а съ другой тупость и вялость Алексѣя. Содержаніемъ второго дѣйствія служитъ любовная связь между Шарлоттою и шевалье Добаномъ (d'Aubant); сцена происходитъ во дворцѣ Стрѣльнинской мызы. Алексѣй узнаетъ объ

---

[1]) II, 2, 45.

этой связи, преслѣдуетъ француза и чуть не убиваетъ жену. Въ то же самое время Алексѣй занимается политикою на перекоръ видамъ отца и ведетъ переговоры о мирѣ съ Швеціею, съ барономъ Герцомъ [1]). Петръ, намѣреваясь принудить царевича къ отреченію отъ права престолонаслѣдія, пораженъ извѣстіемъ о покушеніи Алексѣя на жизнь Шарлотты, которую считаетъ убитой. Въ ту самую минуту, когда Алексѣй подписываетъ свое отреченіе отъ престолонаслѣдія, является Шарлотта: онъ бросается на нее и выбрасываетъ изъ окна, предполагая, что люди его находятся въ низу и схватятъ ее. Вмѣсто того, подъ окномъ причалена лодка, въ которой сидитъ шевалье Добанъ; онъ спасаетъ принцессу, и скрывается съ ней за границу. Во Франціи она умираетъ. Царевичъ казненъ. Пьеса чрезвычайно богатая такъ называемыми „coups de théatre", заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ ней встрѣчается мѣстами тонкое психологическое толкованіе образа мыслей и дѣйствій Петра. Слогъ далеко не столь напыщенъ и ходуленъ, какъ въ вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ пьесахъ Иммермана, Отто и др.

Въ Копенгагенѣ, въ 1856 году явилась на датскомъ языкѣ трагедія „Alexei", въ которой заговоръ Соковнина, Пушкина и Цыклера, въ началѣ 1697 года отождествляется съ заговоромъ Алексѣя противъ отца. Царевичъ однако оказывается необычайно благородною личностью. Онъ какъ-то невольно вовлеченъ въ затѣваемый бунтъ Глѣбовымъ, Долгоруковымъ и Кикинымъ, но при этомъ заставляетъ заговорщиковъ произнесть клятву, что жизнь царя во всякомъ случаѣ не будетъ въ опасности. Евдокія принимаетъ участіе въ заговорѣ и, дѣйствуя на сына, уговариваетъ его рѣшиться на преступленіе. Довольно ловко въ пьесѣ помѣщены нѣкоторые, впрочемъ, лишенные всякаго историческаго основанія, анекдоты о Петрѣ Великомъ, напримѣръ разсказъ о томъ, что царь нѣсколько лѣтъ послѣ перваго стрѣлецкаго бунта, во время котораго стрѣльцы хотѣли убить его, въ одномъ матросѣ узналъ того стрѣльца, который въ церкви Троицкаго монастыря на него замахнулся ножемъ; далѣе приведенъ разсказъ о томъ, какъ Петръ, пируя съ друзьями, узналъ о составленномъ противъ него заговорѣ и тотчасъ же отправился въ тотъ домъ, гдѣ собрались заговорщики, при чемъ едва не былъ убитъ и т. д. Достойно замѣчанія, что въ этой трагедіи Петръ во время слѣдствія надъ царевичемъ, изучаетъ исторію процесса Донъ-Карлоса и въ концѣ пьесы рѣшается разслѣдовать, не существуетъ ли связи между Екатериною и Меншиковымъ? Трагедія оканчивается казнью Алексѣя.

---

[1]) Эта черта, быть можетъ, соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, по крайней мѣрѣ въ шведскомъ архивѣ найдены кое какіе намеки на этотъ счетъ; см. соч. Фрикселя о Карлѣ XII, въ нѣмецкомъ переводѣ, V, 202.

Въ маленькомъ французскомъ городѣ Луденѣ (Londun) въ 1858 году была напечатана трагедія, героемъ которой является Алексѣй: „Le fils du Czar, tragedie eu quatre actes, par Marcellus Canuel". И въ ней, какъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ пьесъ, Алексѣй выставленъ жертвою коварства Екатерины; она для него готовитъ ядъ; чрезъ нее Петръ узнаетъ о намѣреніи царевича бѣжать за границу. Не лишена интереса выдумка Канюэля, что у царевича Алексѣя былъ католическій наставникъ, именемъ Урбано, который надѣется посредствомъ царевича содѣйствовать распространенію католицизма въ Россіи, настраиваетъ его противъ отца и убѣждаетъ въ необходимости бѣжать за границу. Алексѣй испрашиваетъ у отца дозволеніе видѣться съ матерью и, получивъ согласіе, намѣренъ воспользоваться этимъ случаемъ для бѣгства, но Екатерина проникаетъ въ замыселъ. Начинается слѣдствіе. Узнавъ о смертномъ приговорѣ, Алексѣй умираетъ. Достойны вниманія бесѣды между царевичевымъ, наставникомъ и Петромъ. Урбано совѣтуетъ царю взять Константинополь, споритъ съ нимъ о вопросѣ отношенія свѣтской власти къ духовной и пр.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора драматическихъ произведеній, относящихся къ царевичу, мы укажемъ еще на двѣ пьесы, которыя хотя и не относятся непосредственно къ нему самому, но тѣсно связаны съ его исторіею.

Извѣстно, что послѣ несчастной кончины царевича, еще во время царствованія Петра, а затѣмъ и въ царствованіе императрицъ Екатерины I и Анны, появилось нѣсколько самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича [1]). Эти событія послужили предметомъ довольно эффектной драмы, напечатанной въ Вѣнѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: „Die Bestürmung von Smolensk. Romantischer Schauspiel in vier Aufzügen. Von Iohanna Framel von Weissenthurn". Подробности этой драмы нисколько не соотвѣтствуютъ фактамъ; все содержаніе ея можетъ быть названо результатомъ игры воображенія.

Нѣсколько десятилѣтій послѣ кончины кронпринцессы Шарлотты, распространился въ Европѣ слухъ, что она въ 1715 году тайно бѣжала изъ Россіи въ Америку, въ Луизіанѣ вышла замужъ за француза, лейтенанта Обера, или д'Обана, возвратилась съ нимъ въ Европу и умерла въ глубокой старости въ Брюсселѣ. Сказка эта рас-

---

[1]) См. О самозванцѣ 1723 года, Соловьева, XVII, 228; далѣе статью Лашкевича въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1860, I, 141—146; о самозванцахъ при Екатеринѣ соч. Шмидта-Физельдека, Materialien z. russ. Gesch. I, 287; далѣе статью въ Русскомъ Вѣстникѣ 1863, т. XLVII стр. 393 — 412, о самозванцѣ при Аннѣ, также Соловьева, т. XX, 416—418.

пространилась со времени изданія книги „Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale etc. Par Bossu: Amsterdam 1777“ [1]). Она послужила сюжетомъ для повѣсти извѣстнаго писателя Цшокке (1771—1848). Первое изданіе этой повѣсти „Die Prinzessin von Wolfenbüttel“ явилось въ 1804 году; затѣмъ она была перепечатываема нѣсколько разъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ переводахъ на разные языки, между прочимъ на французскій, датскій, испанскій, голландскій [2]).

Эта сказка послужила также сюжетомъ и для одной комедіи: „Madame Péterhoff, vaudeville en un acte, par MM. Charles de Livry, Antonin D. et Roche, representé pour la première fois à Paris sur théâtre des Variétés le 16 Août 1836. Сцена происходитъ въ одной гостинницѣ на самой русской границѣ. Подруга принцессы Вольфенбюттельской, съ цѣлью содѣйствія спасенію Шарлотты, вышла замужъ за содержателя гостинницы. Благодаря этому обстоятельству, принцессѣ, являющейся, послѣ мнимой своей кончины, на русско-польской границѣ въ сопровожденіи своего любовника шевалье Добана удается спастись за границу.

Самый обширный беллетристическій трудъ, посвященный памяти царевича Алексѣя, романъ: „Alexis Petrovitch. Histoire russe de 1715 à 1718. Par Auguste Arnoud et N. Fournier, auteurs de Struensee. Paris 1835. Другое изданіе явилось въ Брюсселѣ и Лейпцигѣ въ томъ же году. Это двухъ-томное сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно бойко, мѣстами очень привлекательно, написанную смѣсь исторіи и самыхъ смѣлыхъ выдумокъ. Безчисленные анекдоты о Петрѣ, бывшіе въ ходу со времени Штелина, попадаются въ разныхъ главахъ этого романа. Весьма рельефно изображена въ немъ оппозиція духовенства противъ Петра. Описаніе развитія антагонизма между Петромъ и Алексѣемъ отчасти заключаетъ въ себѣ психологически вѣрныя и соотвѣтствующія даже историческимъ фактамъ замѣчанія. Однако царевичъ является вообще идеаломъ, образцомъ добродѣтели; его любовь къ Афросиньѣ, представляющей собой также идеалъ женщины, изображена въ самыхъ восторженныхъ тирадахъ. Весьма важную роль въ этомъ романѣ играетъ Стефанъ Яворскій, который стоитъ во главѣ страшнаго заговора противъ Петра, между тѣмъ какъ царевичъ, хотя и не любитъ отца, не желаетъ бунта. Яворскій въ то время, когда царь долженъ возвратиться изъ-за границы отправляетъ къ нему на встрѣчу убійцу. Алексѣй, случайно узнавъ объ этомъ, спѣшитъ для спасенія отца въ Гродно, гдѣ находитъ убійцу и убиваетъ его. Довольно удачно изображена двойная роль Яворскаго, дѣйствующаго за-одно съ отчаяннѣйшими противниками царя и кажущагося ни въ чемъ не виноватымъ, такъ что Петръ и не подозрѣ-

---

[1]) Устряловъ VI, 45.

[2]) См. библіографію у Минцлофа, стр. 433.

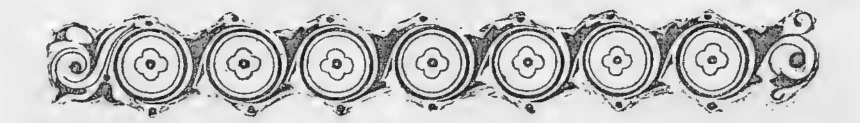
ваетъ его измѣны. Чтобы предотвратить опасность открытія преступныхъ своихъ умысловъ, Яворскій заботится объ умерщвленіи тѣхъ лицъ, которыя при слѣдствіи могли бы донести на него, какъ на главнаго зачинщика заговора. Въ числѣ такихъ жертвъ Яворскаго мы находимъ и духовника Алексѣя, Якова Игнатьева. Яворскій старается погубить Афросинью, потому что ей многое извѣстно о крамолахъ духовенства вообще и Стефана въ особенности. Катастрофа царевича, бѣжавшаго за границу отъ гнѣва отца и возвратившагося въ Москву въ сопровожденіи Толстого и Румянцова, представлена такимъ образомъ, что несчастный Алексѣй, когда ему во время слѣдствія разсказываютъ, что Афросинья его обманываетъ, рѣшается отравиться. Послѣ того Афросинья удаляется въ тотъ самый монастырь, гдѣ находится царица Евдокія.

Слогъ романа свидѣтельствуетъ о замѣчательныхъ литературныхъ дарованіяхъ обоихъ авторовъ. Нѣкоторые эпизоды придуманы весьма удачно, напр. изображеніе театральнаго представленія въ лѣсу, въ которомъ недовольные нововведеніями Петра осмѣиваютъ его образъ дѣйствій; далѣе разсказъ о томъ, какъ Петръ во время своего пребыванія въ Парижѣ въ театрѣ, въ обществѣ регента, присутствуетъ при представленіи трагедіи „Брутъ“ который рѣшается казнить своихъ сыновей и какъ эта драма наводитъ царя на мысль такимъ же образомъ покончить съ сыномъ и пр. Съ другой стороны нельзя не упомянуть о легкомысліи съ которымъ авторы относились къ историческимъ фактамъ. Такъ напр. говорится о томъ, что Петръ тотчасъ же послѣ Полтавскаго сраженія принимаетъ титулъ императора; въ другомъ мѣстѣ разсказано, что во время своего путешествія по Европѣ Петръ желалъ перейти въ католическую вѣру, но что „король голландскій“, Вильгельмъ далъ ему совѣтъ не дѣлать этого и т. п.

Всѣ эти произведенія беллетристики, относящіяся къ царевичу Алексѣю, были написаны до появленія историческихъ трудовъ Устрялова, Соловьева, Погодина. Нельзя не признать, что драгоцѣнныя архивныя данныя для исторіи Алексѣя, открытыя особенно Устряловымъ и Есиповымъ, заключаютъ въ себѣ самый богатый матеріалъ для романовъ и драмъ, гораздо болѣе эффектныхъ, нежели вышепомянутыя сочиненія. Мало того, эти историческіе матеріалы, напр. переписка царевича съ Яковомъ Игнатьевымъ, съ Афросиньею, протоколы слѣдствія, архивныя данныя о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ царевичъ, разсказы о казняхъ сообщниковъ Алексѣя — все это гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ всевозможныя трагедіи и повѣсти, основанныя на легендарныхъ разсказахъ и небылицахъ. Правда, Устряловъ, сочиненіе котораго полнотою матеріала составляетъ эпоху въ исторіи изслѣдованія судьбы царевича, не съумѣлъ воспользоваться этими данными для изображенія полной картины

характера царевича. За то Погодинъ въ своемъ трудѣ „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ“ (въ „Русской Бесѣдѣ“ 1860 г., I), Соловьевъ (въ XVII томѣ „Исторіи России“) и Костомаровъ, въ статьѣ о царевичѣ (въ I томѣ сборника „Древняя и Новая Россія“) были въ состояніи изложить исторію царевича, на основаніи источниковъ, потрясающимъ читателя образомъ. Трудъ Устрялова ничто иное, какъ безцвѣтный протоколъ о фактахъ; въ трудахъ же вышеупомянутыхъ историковъ встрѣчается попытка углубленія въ самую суть характера и побужденій царевича, психологическаго анализа дѣйствій Петра и Алексѣя, открытія самыхъ сокровенныхъ причинъ антагонизма между отцомъ и сыномъ. Такимъ образомъ, подробное изученіе историческаго матеріала доставило нашимъ историкамъ возможность создавать изслѣдованія о царевичѣ одинаково замѣчательныя и въ научномъ и въ литературномъ отношеніяхъ.

А. Брикнеръ.



СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

ФРАНЦІЯ.

Эпоха революціи [1]).

Въ НАСТОЯЩЕМЪ номерѣ, мы намѣрены познакомить читателей съ нѣкоторыми сочиненіями, заключающими въ себѣ болѣе или менѣе новый матеріалъ для исторіи революціи. Изданія такого рода распадаются на три группы: одни касаются главныхъ дѣятелей революціи, лицъ, стоявшихъ въ центрѣ событій; другія имѣютъ также преимущественно личный характеръ, но, касаясь лицъ, менѣе извѣстныхъ или незаслуживающихъ сами по себѣ особеннаго вниманія, представляютъ интересъ главнымъ образомъ потому, что дополняютъ наши свѣдѣнія о состояніи общества во время революціи, особенно въ провинціи; и наконецъ самая многочисленная категорія сочиненій рисуетъ намъ общій ходъ революціи внѣ Парижа, въ провинціяхъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, вліяніе, какое имѣли революціонныя событія на населеніе внутри Франціи, практическое примѣненіе революціонныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ центрѣ. Какъ на представителей этихъ трехъ различныхъ категорій мы остановимся на трехъ сочиненіяхъ, изданныхъ за послѣднее время. Наиболѣе общаго и можно сказать драматическаго интереса имѣетъ, конечно, то, которое касается судьбы знаменитой жертвы революціи, французской королевы Маріи-Антуанеты и одного изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ въ жизни королевы, неудавшагося бѣгства королевской семьи въ Вареннъ. Извѣстно, что главнымъ довѣреннымъ совѣтникомъ и помощникомъ королевской четы при удаленіи ея изъ Парижа, былъ шведскій графъ Ферзенъ, пріобрѣтшій такую славу своею рыцарскою преданностью Маріи-Антуанетѣ. Въ настоящее время, одинъ изъ потомковъ Ферзена издалъ на французскомъ языкѣ

[1]) См. № 8, „Историч. Вѣстника“.

дневникъ и переписку своего дѣда съ французской королевой вмѣстѣ съ различными другими матеріалами, которыя онъ нашелъ въ своемъ фамильномъ архивѣ, подъ заглавіемъ: „Графъ Ферзенъ и французскій дворъ“ [1]).

Личныя отношенія графа Ферзена съ французскимъ дворомъ начались очень рано въ его жизни. Іоаннъ Аксель, графъ фонъ-Ферзенъ, родившійся въ 1755 г., былъ сыномъ шведскаго фельдмаршала Ферзена. Въ 1774 г. молодой Ферзенъ въ первый разъ посѣтилъ Парижъ, гдѣ скоро сталъ извѣстенъ подъ именемъ le beau Fersen и обратилъ на себя вниманіе Маріи-Антуанеты. Въ 1778 г. онъ снова въ Парижѣ и тутъ расположеніе молодой королевы къ нему послужило пищей злымъ языкамъ. Ферзенъ велъ себя очень сдержанно и, чтобы положить конецъ толкамъ, рѣшился принять участіе во французской экспедиціи въ Сѣверную Америку для помощи колоніямъ, отпавшимъ отъ Англіи. Онъ участвовалъ въ качествѣ адъютанта генерала Рошамбо во всѣхъ трехъ его походахъ; а въ 1785 г. онъ опять вернулся въ Европу. По ходатайству короля Густава III, котораго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ, Ферзенъ получилъ французскій полкъ Royal Suédois. Въ 1790 г. Ферзенъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и оставался до бѣгства королевской семьи; черезъ него король и королева французскіе получали письма и сообщенія отъ Густава III, принимавшаго живое участіе во французскихъ дѣлахъ и въ участи королевской четы и питавшаго искреннее желаніе стать во главѣ коалиціи для того, чтобы освободить французскаго короля изъ его печальнаго положенія и произвести контръ-революцію.

Довѣріе шведскаго короля къ Ферзену и преданность послѣдняго Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ заставили его остаться при нихъ, чтобы служить имъ совѣтомъ и дѣломъ и быть посредникомъ между ними и Густавомъ III, котораго онъ увѣдомлялъ постоянно о ходѣ французскихъ дѣлъ. При этомъ, отношенія Ферзена къ Густаву III носили чисто-личный характеръ и не имѣли въ себѣ ничего оффиціальнаго; Ферзенъ служилъ органомъ *тайной*, собственной политики Густава III, которая велась за спиной оффиціальнаго представителя Швеціи, (зятя Неккера) барона Сталя, который благодаря своимъ связямъ съ *лѣвой* стороной національнаго собранія, вовсе не пользовался довѣріемъ своего государя. Изъ всего видно, что за все это время до самаго бѣгства въ Вареннъ, Ферзенъ былъ единственнымъ близкимъ, находившимся при королевской четѣ совѣтникомъ, который пользовался ея полнымъ довѣріемъ въ серьезномъ вопросѣ о томъ, какимъ способомъ королю выйдти изъ стѣсненнаго положенія и снова возстановить свою власть. Нельзя сказать, чтобы Людовикъ XVI и

---

[1]) Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers du grand-maréchal de Suede, comte Jean Axel de Fersen, publiés par son petit neveu le baron de Klinckowstroem. 2 vls. Paris 1878.

Марія-Антуанета слѣдовали всегда и во всемъ его совѣту, но онъ зналъ ихъ мысли и въ этомъ вопросѣ имѣлъ самое большое вліяніе. Онъ съ самаго начала настаивалъ на необходимости покинуть Парижъ; относительно дальнѣйшаго успѣха, онъ сначала много расчитывалъ на переворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи, особенно въ провинціяхъ въ пользу королевской власти; но подъ конецъ онъ видѣлъ главное условіе успѣха лишь въ помощи извнѣ. Во всемъ этомъ цѣль его стремленій составляетъ возстановленіе старой монархіи въ главныхъ ея чертахъ. Съ января 1791 г. Ферзенъ былъ единственнымъ довѣреннымъ помощникомъ королевской четы для осуществленія проэкта бѣгства, надъ которымъ онъ усердно хлопоталъ и работалъ вмѣстѣ съ Бретелемъ и Буле, командовавшимъ войсками на восточной границѣ. Онъ же велъ съ послѣднимъ переписку объ этомъ и продолжалъ сношенія съ Густавомъ III, котораго посвятилъ въ началѣ апрѣля въ эту тайну, прося его ходатайствовать передъ другими державами о помощи Людовику XVI послѣ его предполагавшагося удаленія изъ Франціи.

Докладная записка Ферзена королевѣ, отъ 27 марта, имѣла рѣшающее значеніе относительно намѣренія покинуть Парижъ. Въ то же время Ферзенъ одинъ долженъ былъ принять всѣ нужныя мѣры для бѣгства, которое, какъ извѣстно, было приведено въ исполненіе въ ночь съ 20 на 21 іюня. Ферзенъ провожалъ королевскую семью до Бонди, откуда самъ направился на Брюссель.

Относительно всего этого періода времени, съ 1787 г. и относительно самаго бѣгства изданные документы представляютъ важный матеріалъ. Со времени-же бѣгства въ Вареннъ до смерти Маріи Антуанеты сущность жизни Ферзена характеризуется слѣдующимъ мѣстомъ изъ его письма къ отцу, гдѣ сказано, что онъ пользовался величайшимъ довѣріемъ короля и королевы, что только онъ одинъ имъ вполнѣ пользовался; что черезъ его содѣйствіе они попали въ настоящее печальное [illegible] положеніе; теперь долгъ чести требуетъ не покидать ихъ до конца и употребить всѣ силы на то, чтобъ освободить ихъ изъ этого положенія. Къ этой-то цѣли направлялъ Ферзенъ съ этой минуты всѣ свои усилія, и во всемъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи, онъ принималъ ближайшее участіе. Въ Брюсселѣ Ферзенъ входитъ въ сношенія съ намѣстницей Бельгіи, эрцгерцогиней Маріей Христиной, съ графомъ Мерси, съ эмигрировавшими принцами. Въ іюлѣ онъ отправляется въ Ахенъ къ Густаву III, который шлетъ его въ Вѣну для переговоровъ съ Леопольдомъ II о проэктѣ шведско-русской высадки въ Нормандіи. Въ Вѣнѣ Ферзена продержали до октября; здѣсь онъ послушался любезныхъ рѣчей и, не добившись никакого толку, долженъ былъ вернуться въ Брюссель ни съ чѣмъ. Его дневникъ и переписка за это время представляютъ богатую добычу историку для характеристики лицъ и событій; разговоры съ императоромъ Леопольдомъ, съ Кауницемъ, Кобенцелемъ — въ высшей степени интересны;

Бишофсвердеръ и графъ Гогенлоэ, бывшіе въ то-же время въ Вѣнѣ, своими сужденіями даютъ намъ возможность проникнуть въ тогдашнюю прусскую политику. Мимонасъ проходятъ графъ Артуа, Калоннъ и другіе французскіе эмигранты; не мало интереснаго можно здѣсь узнать на счетъ австро-прусскаго союза, Пильницкаго свиданія, коронованія въ Прагѣ; здѣсь ярко освѣщается политика почти всѣхъ европейскихъ державъ.

Съ октября 1791 г. Ферзенъ жилъ въ Брюсселѣ въ качествѣ уполномоченнаго шведскаго короля съ оффиціальнымъ характеромъ; всѣмъ министрамъ и посланникамъ былъ отданъ приказъ съ нимъ вести переписку. Цѣль короля была та-же какую самъ Ферзенъ имѣлъ въ виду: освобожденіе французской королевской семьи и возстановленіе монархіи во Франціи. Кругъ наблюденій и сношеній Ферзена такимъ образомъ значительно расширился.

Во время своего пребыванія въ Брюсселѣ, Ферзенъ обмѣнивался съ Маріей-Антуанетой письмами, на сколько то позволялъ случай: всѣхъ писемъ королевы къ Ферзену, напечатанныхъ въ этомъ собраніи 29; писемъ Ферзена къ Маріи-Антуанетѣ послѣ бѣгства въ Вареннъ напечатано 33. Тонъ этой корреспонденціи самый довѣрчивый и дружескій; мы не встрѣчаемъ здѣсь обычныхъ формъ, требуемыхъ придворнымъ этикетомъ, тѣмъ болѣе, что письма эти по преобладающему въ нихъ политическому содержанію и жгучему практическому интересу избѣгали непрошенныхъ взоровъ и потому большею частью шли тайными путями и писались шифрами или симпатическими чернилами, что заставляло кореспондентовъ держаться исключительно дѣла. Но не смотря на это, королева не можетъ воздержаться отъ выраженія теплаго личнаго расположенія и участія. Ферзенъ съ своей стороны высказываетъ королевѣ величайшій энтузіазмъ, усерднѣйшую неусыпную преданность и самоотверженную привязанность къ ней и къ королю. Послѣ неудачной попытки бѣгства онъ пишетъ королевѣ: „Я живу лишь для того, чтобы вамъ служить", а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще: „Многіе осуждаютъ меня и говорятъ, будто я дѣйствовалъ по честолюбію и довелъ Васъ съ королемъ до гибели... Правда, я имѣлъ честолюбіе служить Вамъ и моя скорбь о томъ, что это мнѣ не удалось, не покинетъ меня во всю мою жизнь. Мнѣ хотѣлось хотя-бы отчасти уплатить Вамъ за свой долгъ благодарности, который я такъ охотно признаю за собой по отношенію къ Вамъ, и показать, что такимъ людямъ какъ вы (á des gens comme Vous, т. е. королю и королевѣ) можно быть преданнымъ безъ всякаго сторонняго интереса. Мое дальнѣйшее поведеніе доказало-бы вамъ, что въ этомъ единственно заключалось мое честолюбіе, а моей лучшей наградой была бы слава, что я былъ полезенъ вамъ обоимъ".

Пока Ферзенъ находился въ Брюсселѣ, онъ служилъ тайнымъ проводникомъ всѣхъ сношеній, какія французскій дворъ поддерживалъ съ прочими европейскими державами; всѣ нити проходили черезъ его

руки. При этомъ онъ все время оставался въ полномъ согласіи съ оффиціальнымъ представителемъ французскаго короля передъ остальной Европой, съ барономъ Бретелемъ, также находившимся въ Брюсселѣ. Съ уполномоченнымъ австрійскаго императора въ Нидерландахъ, графомъ Мерси, (прежнимъ посломъ въ Парижѣ), и съ графомъ Ля-Маркомъ онъ былъ тоже въ постоянныхъ сношеніяхъ, но лично не былъ расположенъ ни къ тому, ни къ другому. Онъ смотрѣлъ на графа Мерси, какъ на олицетвореніе австрійской политики, вѣчно тѣшившей французскій дворъ обманчивыми пустыми словами и проволочками. Ферзенъ вовсе не находилъ у него дѣйствительнаго участія къ судьбѣ французской королевы; а Ля-Марка онъ называлъ прямо интриганомъ. Ферзенъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ устроить конгрессъ для вооруженнаго вмѣшательства во французскія дѣла, и убѣдившись, что до тѣхъ поръ, пока иниціатива этого дѣла будетъ предоставлена австрійскому императору, оно не подвинется впередъ ни на шагъ, — онъ представилъ королевѣ записку, въ которой подробно изложилъ, какъ Австрія постоянно ее обманывала и что она не должна на нее полагаться. Онъ совѣтовалъ Маріи Антуанетѣ для того, чтобъ состоялся конгрессъ, опираться на Россію, Швецію и Испанію, которыя должны были потомъ увлечь за собой Пруссію и Австрію; и мы видимъ, что королева, согласно съ представленіями Ферзена, дѣлаетъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Въ декабрѣ является на сцену проэктъ Густава III, значительная часть котораго напечатана. Густавъ совѣтовалъ снова попытаться бѣжать, а именно въ Англію. Въ февралѣ 1792 г. Ферзенъ отправляется подъ чужимъ именемъ въ Парижъ, чтобъ исполнить возложенное на него Густавомъ III порученіе переговорить съ королемъ и королевой о планѣ бѣгства. Про результатъ этой поѣздки можно узнать изъ донесенія Ферзена шведскому королю отъ 29 февраля: „Было рѣшено, что строгость надзора въ Парижѣ и во всей Франціи дѣлаютъ бѣгство невозможнымъ".

Чрезвычайно интересны нѣкоторыя разговоры Ферзена съ королемъ и королевой, записанные въ его дневникѣ. Такъ напримѣръ, король по поводу своего бѣгства высказалъ слѣдующее: „Я знаю, что я пропустилъ благопріятную минуту: это было 14 іюля (день взятія Бастиліи); тогда мнѣ слѣдовало уйти и я желалъ этого, но что могъ я сдѣлать, когда даже братъ мой, герцогъ Прованскій, просилъ меня остаться, а маршалъ Броль, командовавшій войсками, отвѣтилъ мнѣ: — Да, мы можемъ уйти въ Мецъ, но что станемъ мы дѣлать, когда будемъ тамъ? Я пропустилъ удобную минуту, а потомъ она уже мнѣ ни разу не представлялась болѣе. Весь міръ меня покинулъ!" И онъ еще прибавилъ: „Державы должны были бы дѣйствовать, не принимая въ разсчетъ того, что я буду дѣлать по принужденію" [1]). Королева сообщаетъ Ферзену разныя интересныя подробности о бѣгствѣ въ Ва-

[1]) Il faut qu'on me mette tout-à-fait de côté et qu'on me laisse faire.

ренн и о заключеніи, какому они подверглись послѣ этой неудачи.

Смерть Густава III, послѣдовавшая въ 1793 г., измѣнила нѣсколько положеніе Ферзена; политика новаго шведскаго правительства хотя повидимому и не измѣнилась тотчасъ, но уже далеко не была одушевлена такимъ усердіемъ въ пользу возстановленія королевства во Франціи, какъ при Густавѣ III. Относительно этого новаго періода въ дѣятельности Ферзена особеннаго вниманія заслуживаетъ свѣтъ, который бросаетъ его переписка на происхожденіе пресловутаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, такъ сильно раздражившаго общественное мнѣніе французовъ противъ монарха. Оказывается, что авторъ этого манифеста эмигрантъ Лимонъ, написалъ его по внушенію Ферзена и подъ его руководствомъ. „Манифестъ герцога Брауншвейгскаго составленъ де-Лимономъ по моему внушенію, говоритъ Ферзенъ, и былъ принятъ съ легкими измѣненіями", а въ другомъ мѣстѣ: „Я побудилъ Лимона написать манифестъ, который онъ передалъ графу Мерси, причемъ послѣдній не зналъ, что это идетъ отъ меня".

Затѣмъ, послѣ 20 іюня и 10 августа интересны свѣдѣнія, какія получалъ Ферзенъ о положенія королевской семьи. Одинъ проектъ для ихъ спасенія слѣдуетъ за другимъ. Въ январѣ 1793 года, послѣ казни Людовика XVI, рѣчь идетъ о томъ, что новый австрійскій императоръ долженъ требовать выдачи французской королевы, его тетки; въ февралѣ возникаетъ новый планъ — привлечь на ея сторону Дюмурье. Въ апрѣлѣ Дюмурье входитъ въ соглашеніе съ принцемъ Кобургскимъ и заявляетъ о своемъ намѣреніи идти на Парижъ съ 56,000 арміей. Этотъ поворотъ внушаетъ самыя радужныя надежды Ферзену, который смотритъ уже на королеву, какъ на будущую регентшу и 8 апрѣля излагаетъ ей письменно свои совѣты въ слѣдующемъ видѣ: возстановленіе старой монархіи во всей ея цѣлости (dans son entier), съ парламентами, которые по прежнему должны регистрировать королевскіе законы и указы; Бретель долженъ быть назначенъ членомъ совѣта регентства и по возможности президентомъ его. Но въ то время, какъ Ферзенъ писалъ эту записку, Дюмурье, покинутый своимъ войскомъ, бѣжалъ къ австрійцамъ. Въ августѣ Ферзенъ и Ля-Маркъ предложили графу Мерси, чтобы принцъ Кобургскій отрядилъ для освобожденія королевы сильный кавалерійскій отрядъ и двинулъ его на Парижъ, который не былъ прикрытъ войсками. Сначала графъ Мерси уклонялся, потомъ уступилъ; но принцъ Кобургскій отказалъ въ этомъ, а австрійцы старались сложить эту вину на своего союзника, герцога Іоркскаго. Въ началѣ сентября стараніями Ферзена и Ля-Марка былъ посланъ въ Парижъ нѣкій Риббесъ съ порученіемъ сондировать Дантона насчетъ выдачи королевы съ обѣщаніемъ большихъ денегъ и безнаказанности. Но графъ Мерси всячески мѣшалъ этой посылкѣ и дѣлалъ всевозможныя затрудненія этому дѣлу, которое такъ и осталось безъ послѣдствій. Въ октябрѣ австрійцы захва-

тили члена конвента Друэ, бывшаго почтмейстера, который узналъ короля и былъ виновникомъ его ареста въ Варенѣ. Дневникъ Ферзена содержитъ въ себѣ интересныя показанія Друэ. Въ это же время Ферзенъ узналъ о послѣдовавшей 16 октября казни королевы. На другой день онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Я не могу думать ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой потерѣ. Нѣтъ, сердце мое никогда не успокоится безъ мщенія!“.

Кромѣ общаго интереса по содержанію, съ которымъ мы до нѣкоторой степени познакомили читателей—изданіе Г. Клинковстрема представляетъ еще особый, такъ сказать спеціальный, интересъ для фрунцузской публики, какъ видно изъ французскихъ рецензій на это изданіе. Буря, возбужденная революціей 89 г. во французскомъ обществѣ до сихъ поръ еще далеко не затихла. И теперь въ этомъ обществѣ есть горячіе защитники Маріи Антуанеты и страстные противники ея, считающіе ее злымъ геніемъ революціи. Понятно, что при такомъ отношеніи къ вопросу: какую именно роль играла Марія Антуанета въ событіяхъ революціи, многіе французскіе читатели въ изданіи Клинковстрема прежде всего ищутъ разоблаченій относительно тайной политики королевы, ищутъ аргументовъ для оправданія участи, которая ее постигла. Конечно, послѣ обширныхъ и исчерпывающихъ вопросъ трудовъ Фелье-де-Конша и Жеффруа трудно было ожидать важныхъ разоблаченій въ жизни французской королевы; тѣмъ не менѣе указанное нами изданіе, заключающее въ себѣ дневникъ Ферзена и его переписку съ королевой и другими лицами, представляетъ значительный интересъ, подтверждая нѣкоторые факты, мало удостовѣренные и разъясняя другіе, остававшіеся доселѣ темными. Такъ напримѣръ, выяснилось, что бѣгство въ Вареннъ, которое прежде считали слѣдствіемъ печальныхъ сценъ во время пасхи 1791 г., когда толпа задержала силою кареты, въ которыхъ отправлялся дворъ въ Сенъ-Клу, и при этомъ оскорбляла королеву самыми бранными и обидными для нея возгласами,—бѣгство въ Вареннъ было задумано и безвозвратно рѣшено еще въ февралѣ этого года. Вотъ что писалъ Ферзенъ 7 марта: „Все, что я сообщалъ королю (Шведскому) на счетъ отъѣзда королевы подъ видомъ моихъ собственныхъ мыслей, все это входитъ въ планъ, который существуетъ и надъ которымъ продолжаютъ работать; но никто объ этомъ ничего не знаетъ, исключая четырехъ французовъ, посвященныхъ въ тайну“. А въ другомъ письмѣ отъ 1 апрѣля еще: „Ихъ величества приняли рѣшеніе выйдти изъ настоящаго положенія какими бы то ни было средствами; напрасно употребляли они терпѣніе, кротость, напрасно приносили жертвы всякаго рода; теперь они рѣшились прибѣгнуть къ силѣ; но такъ какъ собраніе своими дѣйствіями уничтожило или ослабило всѣ рессурсы, которые ихъ величества могли бы найдти во Франціи, они не считаютъ достаточными свои средства, если къ этому не присоединится

помощь и заступничество иностранныхъ державъ. Ихъ величества увѣрены въ поддержкѣ и расчитываютъ найдти убѣжище недалеко отъ сѣверной границы. Всѣми этими планами руководитъ Булье".

Множество подобныхъ же мѣстъ выставляютъ съ неопровержимой очевидностью отвращеніе Маріи Антуанеты къ революціи, но съ другой стороны переписка Ферзена заключаетъ въ себѣ также много свидѣтельствъ, доказывающихъ полное нерасположеніе королевы къ эмигрантамъ вообще и особенно къ принцамъ. Единственную надежду свою она возлагала на помощь иностранныхъ державъ.

Марія Антуанета побуждала короля притворнымъ образомъ соглашаться съ приверженцами конституціонной монархіи для того, чтобы вѣрнѣе ихъ устранить. „Для того, чтобы усыпить мятежниковъ на счетъ своихъ настоящихъ намѣреній, говоритъ Ферзенъ въ своемъ письмѣ къ барону Бретелю,—король сдѣлаетъ видъ, будто признаетъ необходимость идти за революціей и сблизиться съ ними; онъ будетъ слѣдовать только ихъ совѣтамъ и постоянно будетъ предупреждать желанія этой сволочи (canaille), чтобы отнять у нихъ всякую возможность и всякій предлогъ къ мятежу; а для того чтобы поддерживать спокойствіе, нужно внушить имъ довѣріе, столь необходимое для выѣзда изъ Парижа". Въ слѣдующемъ году Ферзенъ писалъ шведскому королю въ шифрованномъ письмѣ: „Необходимо было сдѣлать видъ, будто вполнѣ отдаются политикѣ, указанной конституціоналистами; для того, чтобы ихъ лучше усыпить, пришлось поневолѣ принять предложенныя ими мѣры, и для того, чтобы помѣшать имъ соединиться съ республиканцами, необходимо было дѣлать видъ, будто искренно раздѣляютъ ихъ принципы; нужно было дѣйствовать въ смыслѣ конституціи, обнаруживать мнимую рѣшимость поддерживать ее и руководиться исключительно ею. Ихъ величества никогда не довѣряли мятежникамъ и ихъ увѣреніямъ въ преданности, которыя они постоянно расточали. Ихъ величества сдѣлали честь сообщить мнѣ, что крайняя нужда могла довести ихъ до унизительнаго положенія имѣть дѣло съ такими негодяями (scélérats)". Вотъ какія выраженія употребляли передъ иностранцами король и королева, говоря о людяхъ, у которыхъ болѣе всего лежало на сердцѣ спасти монархію; и поступки королевской четы, особенно Маріи Антуанеты, были вполнѣ согласны съ такими словамм. 16 іюня 1792 г. королева писала Ферзену, находившемуся тогда въ Брюсселѣ: "Дано приказаніе, чтобъ Люкнеръ началъ наступленіе; онъ противится, но министерство этого требуетъ. Войско нуждается во всемъ (manque de tous) и въ величайшемъ безпорядкѣ".

Королева торопила австрійцевъ и пруссаковъ занять Францію какъ можно скорѣе и манифестъ герцога Брауншвейгскаго, составленный ея довѣреннымъ Ферзеномъ, можно считать ея собственнымъ. Несчастная женщина имѣла оправданіе въ той невыносимой жизни, какую она вела уже третій годъ въ Парижѣ; но нельзя отвергать,

что ненависть народа и національнаго собранія къ Вето (королю) и австрійкѣ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ отечеству, имѣла нѣкоторое основаніе. Конечно, изданіе Калковстріема еще болѣе подтверждаетъ, что Марія-Антуанета, торопившая герцога Брауншвейгскаго идти на Парижъ, какъ бы сама ускоряла свою гибель; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же книга даетъ и объясненіе, которое можетъ служить оправданіемъ роковаго поведенія королевской четы. Всего болѣе поражаетъ читателя въ перепискѣ Ферзена полнѣйшее непониманіе со стороны королевы и ея окружавшихъ того безповоротнаго перелома, который совершился въ 1789 г. въ судьбахъ Франціи. Какими иллюзіями жили и поддерживали себя въ Тюльери въ 1792 г. во время приближенія герцога Брауншвейгскаго, можно судить по тому, что черезъ 3 мѣсяца послѣ казни Людовика XVI, въ апрѣлѣ 1793 года Марія Антуанета еще надѣялась, что Дюмурье и войска коалиціи не только спасутъ ей жизнь и освободятъ ее изъ заключенія, но и возведутъ ея сына на престолъ, а ее самое провозгласятъ регентшей! Ферзенъ раздѣлялъ всѣ эти иллюзіи; онъ не зналъ людей и не понималъ событій; подобно Людовику XVI онъ видѣлъ въ 14 іюля не болѣе какъ бунтъ парижскихъ буржуа; онъ былъ убѣжденъ, что Неккеръ измѣнялъ королю; онъ называлъ Лафайэта трусомъ и жалкимъ негодяемъ, который къ счастью и негодяемъ умѣетъ быть лишь вполовину.

При болѣе близкомъ знакомствѣ Ферзенъ мало выигрываетъ относительно его политическаго смысла; но за то въ другомъ отношеніи внукъ его воздвигъ ему своимъ изданіемъ достойный памятникъ. Обнародованные имъ матеріалы вполнѣ обнаруживаютъ великодушіе, глубокую преданность и вообще все, что было рыцарственнаго въ характерѣ Ферзена.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ дневникъ и переписка Ферзена, носитъ дневникъ другого современника революціи, съ которымъ мы теперь имѣемъ въ виду познакомить читателей. Это „Мемуары Рене де ля Манульеръ, изданные съ примѣчаніями аббатомъ Эно [1]). На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ личностью, которая сама по себѣ нисколько не замѣчательна, ни энергіей характера, ни силою убѣжденія, ни трагической судьбой, но которая тѣмъ не менѣе интересна какъ типическій представитель того большинства современниковъ революціи, надъ которыми пронеслась революціонная буря, лишь преклонивъ ихъ головы къ землѣ, пощадивъ ихъ именно вслѣдствіе ихъ ничтожества.

Мы имѣемъ передъ собою не мемуары, какъ назвалъ ихъ издатель, а дневникъ провинціальнаго каноника, тяжеловѣсный, безцвѣт-

---

[1]) Mémoires de René Nepveu de la Manouillère, chanoine de Mans, publiés et annotés par l'abbé Gustave Esnault. 1878, Le Mans. 2 v.

ный, хотя и точный, ограниченный извѣстнымъ кругомъ свѣдѣній и однообразный невозмутимымъ спокойствіемъ, съ какимъ авторъ ихъ отмѣчаетъ. Нельзя также согласиться съ издателемъ, который видитъ въ этихъ запискахъ привлекательную картину города Манъ въ XVIII в. и „всѣхъ классовъ общества". Но это во всякомъ случаѣ вѣрное изображеніе этого провинціальнаго уголка Франціи съ его затишьемъ и застоемъ при старомъ порядкѣ и неожиданнымъ погромомъ 1789 г. и послѣдовавшаго затѣмъ террора.

Пьеръ Рене де-Ля-Менульеръ, родившійся въ 1732 г. въ городѣ Манѣ, былъ третьимъ сыномъ мѣстнаго prevost. Судьба его представляетъ образчикъ обыкновенной карьеры младшихъ сыновей провинціальнаго дворянства. Въ выборѣ духовнаго поприща онъ вѣроятно руководился желаніемъ своей семьи; если же и предположить, вмѣстѣ съ издателемъ, что онъ былъ „привлеченъ въ святилище болѣе собственнымъ призваніемъ, чѣмъ въ качествѣ младшаго члена семьи", то все таки нужно прибавить, что это увлеченіе проявлялось у него довольно спокойно, такъ какъ по выходѣ изъ семинаріи, молодой клеркъ „остался въ своей семьѣ, слѣдуя въ этомъ примѣру большого числа клерковъ изъ хорошихъ фамилій, въ ожиданіи мѣста (bénéfice) достойнаго его рожденія". Благодаря великодушію одного родственника, уступившаго ему свое мѣсто, Ля-Менульеръ 26 лѣтъ сдѣлался каноникомъ при церкви города Мана. Съ этого времени жизнь его вполнѣ опредѣлилась, и не замѣтно вовсе, чтобъ онъ имѣлъ какое-либо иное честолюбіе или высшее стремленіе. Къ своимъ товарищамъ онъ не питалъ расположенія и очень раздражался при мелкихъ ссорахъ, какими часто оживлялся этотъ маленькій мірокъ. Онъ можетъ быть даже входилъ во вкусъ этихъ ссоръ, гораздо болѣе чѣмъ въ пренія, возбуждаемыя богословской казуистикой того времени. О трехъ епископахъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ теченіи 30-ти лѣтъ его службы — Ля-Менульеръ ничего не сообщаетъ выдающагося; онъ разсказываетъ лишь о ихъ поѣздкахъ по епархіи, ихъ борьбѣ съ капитуломъ, о ихъ пріемахъ; но онъ остается совершенно равнодушенъ къ ихъ страстямъ и чуждъ ихъ интересамъ, о которыхъ нерѣдко даже отзывается весьма непочтительно, если епископу случалось задѣть какую-либо изъ привычекъ и предубѣжденій каноника. Между тѣмъ времена мѣняются; событія быстро идутъ впередъ. Дневникъ однако продолжается по прежнему, хотя отрывочно, почти не выдавая впечатлѣній пережитыхъ авторомъ въ эту бурную эпоху. Чувствуется только, что съ наступленіемъ революціи, какъ будто какое то колесо въ жизни нашего каноника затормозилось и скрипитъ; но недовольство его ни гдѣ не высказывается жалобами, а раздраженіе не находитъ искренняго голоса. Когда національное собраніе по своему передѣлываетъ церковное устройство и поставленіе епископовъ замѣняется народнымъ избраніемъ, авторъ ограничивается замѣчаніемъ: „Увидимъ, что изъ всего этого выйдетъ!" А далѣе:

„Весь народъ повидимому очень доволенъ всѣмъ этимъ, такъ что честнымъ людямъ ничего не остается сказать". Вотъ и все! Въ другомъ мѣстѣ, осторожный каноникъ осмѣливается сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Надѣюсь, что въ скоромъ времени мы будемъ спасены выѣхавшими за границу принцами, дворянами-эмигрантами и сосѣдними державами, которыя помогаютъ деньгами и войскомъ". Когда насталъ часъ принести присягу революціонной конституціи и новому устройству церкви, желая скрыться, Ля-Менульеръ заказываетъ себѣ „гражданское" цвѣтное платье, садится въ свою маленькую каретку и тайкомъ отправляется въ Парижъ. Но на пути останавливается, возвращается, снова прячется и при этомъ все время продолжаетъ писать свой дневникъ; а если имъ овладѣваетъ страхъ, онъ наскоро сокращаетъ, избѣгая подробностей и едва намекая на „гадости и подлости, совершаемыя ежедневно конвентомъ и всѣми администраціями департаментовъ". Послѣ извѣстія объ убійствѣ члена конвента Лепельтье, убитаго въ день казни Людовика XVI-го однимъ изъ бывшихъ гвардейцевъ короля, высказавши сочувствіе убійцѣ и пожелавъ подобной-же судьбы и даже худшаго всѣмъ депутатамъ цареубійцамъ, онъ тщательно зачеркиваетъ эти слова и вписываетъ вмѣсто нихъ: „такого-то числа не было обѣдни". Его однако арестовали въ мартѣ 93 г., но мѣсяцъ спустя выпустили на свободу; потомъ въ сентябрѣ снова арестовали и при извѣстіи о приближеніи Вандейскихъ инсургентовъ отправили вмѣстѣ съ другими заключенными въ Шартръ подъ конвоемъ десяти жандармовъ, „очень честныхъ людей", которые его связали „только для формы". По водвореніи мира, какъ только республика объявила, что она обѣщаетъ пенсію тѣмъ изъ духовныхъ лицъ, которыя готовы подчиниться ея законамъ,—Ля-Менульеръ подчиняется и требуетъ своей пенсіи; потомъ мирно умираетъ въ 1810 г.

Кромѣ чисто историческаго интереса, разсматриваемое нами изданіе имѣетъ еще другой интересъ; оно можетъ служить образчикомъ того, съ какою цѣлью клерикалы изучаютъ исторію Франціи,—какую пользу стараются извлечь изъ историческихъ изданій и въ какомъ видѣ представляютъ старый порядокъ и вліяніе революціи. Аббатъ Эно исполненъ всевозможныхъ иллюзій на счетъ добраго стараго времени и рѣзкое противорѣчіе, въ которомъ находится его комментарій съ многими фактами, сообщаемыми въ изданномъ имъ дневникѣ,—придаетъ книгѣ особенную пикантность, которой конечно не имѣлъ въ виду издатель. Приступая къ комментарію дневника, издатель заявляетъ, что „съ удовольствіемъ разстается съ нашимъ вѣкомъ, въ которомъ революція раздѣлила общество на разные классы", онъ признается, что читая дневникъ и углубляясь въ прошедшее, оживаетъ „среди благодушнаго народа, согласнаго, почтительно относящагося къ своей вѣрѣ и своему королю и вполнѣ довольнаго тѣмъ положеніемъ, какимъ провидѣніе надѣлило каждаго".

Прославляя эпоху стараго порядка, издатель возстаетъ противъ предразсудковъ, распространяемыхъ современными „политическими страстями, которымъ потворствовало наше незнакомство съ прежними законами“. А между тѣмъ, когда мы выходимъ изъ ряда обыденныхъ банальныхъ фактовъ, какъ-то: похороны, свадьбы, родины благородныхъ дамъ, полученіе доходныхъ синекуръ, въѣздъ губернаторовъ, проходъ войскъ и проч., — что-же намъ представляется за всѣмъ этимъ?—Страшная общественная нужда, такая, что даже иллюминація по случаю празднованія мира откладывается, „потому что народъ въ нищетѣ“; ссылка возведена въ одинъ изъ способовъ администраціи; магистратура, вся подкупная и раболѣпная, руководившаяся въ своихъ приговорахъ, по заявленію самого издателя „ненавистью къ церкви и безбожіемъ“. А духовенство... Но можно ли человѣку серьезному и развитому, знакомому съ исторіей, обращаясь къ образованнымъ читателямъ. вызывать на сравненіе между образованіемъ, правами, благосостояніемъ и достоинствомъ духовенства, какъ его создала революція съ тѣмъ духовенствомъ, которое было сто лѣтъ тому назадъ?

Въ дневникѣ Ля-Менульера мы видимъ епископа, который чествуетъ въ самомъ епископскомъ дворцѣ маршала Ришелье, человѣка, „который вмѣстѣ съ Вольтеромъ былъ самымъ коварнымъ врагомъ Бога и всякой благочестивой души“; или мы видимъ того-же епископа когда онъ не находился при дворѣ, занятого исключительно ссорами съ капитуломъ, съ ратушей, съ разными монастырями; мы видимъ викарія, который уединившись въ Капуцинскомъ монастырѣ, ведетъ самый недостойный образъ жизни; приходы покинуты священниками; мѣста канониковъ заняты мальчиками, а капитулы поглощены пустыми спорами о предсѣдательствѣ и корыстными интересами; мы видимъ епархіальные синоды, на которыхъ епископъ обрушивается на своихъ канониковъ съ разными ложными и оскорбительными обвиненіями и самъ подвергается со стороны ихъ прокурора такому афронту, что присутствующіе священники „аплодируютъ, какъ въ театрѣ“. Мы видимъ аббатства разоренныя и опозоренныя свѣтскими присланными изъ Парижа аббатами и безконечными скандальными процессами, которые тянутся цѣлые періоды времени.

Относительно быта тогдашняго провинціальнаго дворянства, которому издатель старается придать аристократическій характеръ, говоря на каждомъ шагу о патриціанскихъ домахъ, о мѣстной знати,—мы встрѣчаемъ то-же противорѣчіе; если проникнуть въ эти идеальныя, въ глазахъ издателя, семьи, будто-бы управляемыя чистѣйшею привязанностью и уваженіемъ,—то окажется, что нигдѣ не встрѣтишь болѣе браковъ, принесенныхъ въ жертву корыстнымъ расчетамъ и приличіемъ, разстраиваемыхъ невѣрностью и развратомъ, заключенныхъ по принужденію и расторженныхъ, болѣе или менѣе добровольной разлукой, доведенныхъ до ожесточенности несправедливыми законами и опозоренныхъ скандальными ссорами.

Не смущаясь подобными противорѣчіями, представитель клерикальной исторіографіи доводитъ свое сочувствіе старому порядку до того, что въ своихъ примѣчаніяхъ даже готовъ идеализировать одно изъ вопіющихъ его злоупотребленій; онъ расточаетъ похвалы престовутымъ lettres de cachet, называя ихъ „законами, которые охраняли честь семейства“; — онъ могъ бы прибавить: и монастырей, потому—что напримѣръ Манскій епископъ удаляетъ такимъ способомъ настоятельницу Урсулинокъ, которая ему не нравилась.

Всего болѣе обогащается въ наше время исторія французской революціи отъ изученія ея хода и вліянія въ провинціи. Громадные матеріалы хранятся въ провинціальныхъ архивахъ. Любознательность мѣстныхъ историковъ обратилась къ этимъ источникамъ и въ послѣднее время вышло много изданій различныхъ матеріаловъ и книгъ, основанныхъ на ихъ изученіи. Не слѣдуетъ конечно преувеличивать значеніе и интересъ этихъ изданій; результаты, къ которымъ они приводятъ, почти всегда сходны: вездѣ опасенія, страсти и жестокости были однѣ и тѣ-же; вездѣ голодъ и рекрутчина производили сильное волненіе; по всѣмъ городамъ шайки изступленныхъ захватывали въ свои руки управленіе всѣми дѣлами и впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принуждали къ молчанію и бездѣйствію умѣренную, самую многочисленную часть населенія; и если тиранія и анархія отзывалась и въ селахъ, то все-же сельскіе жители далеко не испытывали того ужаса, который постоянно преслѣдовалъ жителей большихъ городовъ. Конечно отдѣльные случаи возстанія, рѣзни, неповиновенія законамъ центральной власти, придавали особенный характеръ исторіи извѣстной общины или извѣстнаго департамента; но эти исключенія не нарушаютъ общаго правила. Вездѣ возмущеніе было вызываемо голодомъ и вело еще къ худшей нищетѣ.

Но если общая картина революціи отъ этого мало измѣняется и сочиненія посвященныя революціи въ провинціи даютъ въ результатѣ только нѣсколько однообразныхъ эпизодовъ этой общей картины, то они очень важны однако въ двухъ отношеніяхъ. Они раскрываютъ такую сторону въ исторію революціи, которая останется совершенно непонятна для того, кто знаетъ ее только по ея проявленіямъ въ главномъ центрѣ, въ Парижѣ. Здѣсь событія носятъ часто слишкомъ праздничный характеръ; они развертываются съ какою то послѣдовательностью, которая даетъ имъ характеръ логической разумности, фаталистической необходимости. Революціонные дѣятели стоятъ на какой-то высокой эстрадѣ, которая представляетъ ихъ образы преувеличенными. Въ провинціи же революція является намъ въ ея будничномъ видѣ; здѣсь мы легче усвоиваемъ себѣ ея непосредственное вліяніе на массы сельскаго и городскаго населенія; революціонные дѣятели здѣсь являются въ простомъ, спокойномъ свѣтѣ; проконсулы

конвента, дѣйствуя на просторѣ, свободнѣе слѣдуютъ своимъ личнымъ убѣжденіямъ и индивидуальнымъ наклонностямъ; провинціальные клубы и мѣстные террористы даютъ намъ мѣрку для однородныхъ явленій въ Парижѣ; познакомившись съ пигмеями въ селахъ и городахъ, мы лучше распознаемъ настоящіе размѣры тѣхъ, которые иногда намъ представляются великанами въ Парижѣ. Если исторія провинціи вноситъ больше правды, трезвости и реализма въ картину революціи, то съ другой стороны она же вноситъ и больше свѣжести и вѣрности красокъ. Исторія революціи въ Парижѣ слишкомъ легко поддается обобщеніямъ. Читая разсказъ о событіяхъ революціи въ извѣстной провинціи, не только мѣстный житель выноситъ болѣе живое впечатлѣніе, знакомится ближе съ энтузіазмомъ и страданіями провинціальнаго населенія, но и посторонній читатель испытываетъ подобное же чувство.

Въ Парижѣ мы знакомимся съ законами; въ провинціи мы видимъ непосредственное вліяніе ихъ; въ Парижѣ мы увлекаемся преніями и краснорѣчивой аргументаціей за и противъ извѣстной мѣры; въ провинціи мы имѣемъ передъ собою аргументацію не логическую, а фактическую, дающую иногда совершенно иные выводы.

Въ числѣ такихъ изданій особеннаго вниманія заслуживаетъ „Пюи-дю-Домъ и проконсульство Кутона, Фр. Межа [1])“ какъ по ученымъ достоинствамъ автора, такъ и по значенію личности Кутона, бывшаго членомъ того извѣстнаго тріумвирата, во главѣ котораго стояли Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ.

Авторъ названнаго сочиненія посвятилъ себя давно изученію личностей и событій революціонной эпохи въ бывшей провинціи Овернь. Изъ его трудовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, мы назовемъ наиболѣе интересные: „Провинціальное собраніе (1787—1790)“; „Письма Рабюссонъ Ля-Мота, о законодательномъ собраніи“; „Переписка Кутона, депутата Пюи-дю-Домъ (1791—1794)“ и проч.

Разсматриваемое нами сочиненіе описываетъ судьбу Нижней Оверни, нынѣ департамента Пюи-дю-Домъ, во время управленія конвента въ 1793 г. Исторія Пюи-дю-Домъ представляетъ намъ сравнительно менѣе драматическаго интереса, чѣмъ исторія другихъ мѣстностей. „Но“, какъ замѣчаетъ авторъ, „хотя сравнительно съ другими департаментами болѣе спокойный и подвергшійся меньшимъ испытаніямъ, Пюи-дю-Домъ все-таки пережилъ много невзгодъ. Какъ и многія другія мѣстности во Франціи и Пюи-дю-Домъ пострадалъ отъ голода и подобно другимъ подвергся деспотическому вліянію клубовъ и народныхъ обществъ; онъ также имѣлъ своихъ притѣснителей и притѣсненныхъ, своихъ агитаторовъ и не мало своихъ жертвъ; и здѣсь были возстанія, вызванныя закономъ о рекрутчинѣ и религіозной нетерпимостью; и здѣсь не разъ брались за оружіе для подавленія

---

[1]) Le Puy du Dome, et le proconsulat de Couthon, par Fr. Mège, Paris, I v.

волненій въ сосѣднихъ департаментахъ; наконецъ и здѣсь мы видимъ поголовное ополченіе, (levée en masse), для того, чтобъ содѣйствовать усмиренію города Ліона, возмутившагося противъ конвента". Вотъ какъ резюмируетъ авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ содержаніе своего сочиненія, на которомъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Познакомимся прежде всего съ депутатами, высланными этимъ департаментомъ въ конвентъ. Ихъ политическіе принципы и убѣжденія яснѣе всего характеризуются ихъ поведеніемъ во время процесса короля, которымъ начался 1793 годъ. Изъ 12 депутатовъ Пюи-дю-Домъ въ конвентѣ только два подали голосъ противъ смертной казни, а потомъ за отсрочку ея, Банкаль и Жиро Пюзоль. Большинство же депутатовъ, какъ Кутонъ, Ромъ и проч. принадлежали къ самой крайней лѣвой. Пять депутатовъ не столь опредѣленныхъ убѣжденій, по слабости или трусости, были увлечены большинствомъ на всѣ мѣры, предлагаемыя подъ видомъ общественнаго спасенія.

Большинство населенія Пюи-дю-Домъ не было проникнуто такимъ революціоннымъ духомъ, какъ его депутаты и предпочло бы мирный ходъ дѣла. Законъ 24 февраля, призывавшій подъ знамена всѣхъ гражданъ отъ 18 до 40 лѣтъ, произвелъ глубокое волненіе въ селахъ Оверни. Контингентъ, выпавшій на долю Пюи-дю-Домъ, составлялъ громадную цифру: съ него требовали 7,280 солдатъ! Ни одинъ департаментъ, исключая парижскаго, не подвергся такой ужасной реквизиціи. Напрасно мѣстныя власти употребляли все свое усердіе и всѣ усилія;—онѣ встрѣчали вездѣ лишь неудовольствіе и вооруженное сопротивленіе. Вооруженныя толпы бродили по селамъ, въ разныхъ мѣстахъ завязывались кровавыя стычки, особенно въ округѣ гор. Тьеръ. Одно время можно было опасаться страшнаго возстанія. Нужно было запугать строгимъ примѣромъ, тѣмъ болѣе, что духъ партій старался эксплуатировать неудовольствіе вызванное наборомъ; кое-гдѣ появились бѣлыя кокарды и не принявшая присяги часть духовенства стала втихомолку поощрять возмущеніе; 14 обвиненныхъ были приговорены къ смерти, но изъ нихъ только пять поплатились жизнью за вооруженное сопротивленіе законамъ конвента; остальные были обязаны помилованіемъ и свободой Кутону.

И въ Пюи-дю-Домъ были приведены въ исполненіе мѣры противъ заподозрѣнныхъ, которыя были слѣдствіемъ драконовскихъ законовъ, изданныхъ конвентомъ. Но если департаментъ Пюи-дю-Домъ въ своихъ распоряженіяхъ и готовъ былъ подчиниться суровымъ предписаніямъ центральной власти, то все-таки въ приложеніи суровость мѣръ значительно смягчалась умѣреннымъ характеромъ жителей. Не смотря на довольно миролюбивое настроеніе, жители Пюи-дю-Домъ были однако втянуты въ междоусобную войну, которая тогда разгоралась во многихъ мѣстностяхъ Франціи. Такъ напримѣръ жители Нижней Оверни были призваны подавить роялистское возстаніе, которое, какъ казалось одно время, грозило принять страшные размѣры. Опас-

пость угрожала прямо жителямъ Пюи-дю-Домъ; они столько же боялись реставраціи въ пользу короля, сколько были не расположены къ революціонному террору. По этому мѣстные администраторы ускорили отправку національной гвардіи; но другіе департаменты дѣйствовали еще поспѣшнѣе; батальонъ изъ Пюи-дю-Домъ не пошелъ далѣе Сенъ-Флура, гдѣ узналъ, что роялистскія шайки разсѣяны и вождь ихъ, Шарье, арестованъ. Болѣе продолжительна и тяжка была экспедиція въ Ліонъ; разсказъ объ этой экспедиціи, гдѣ впрочемъ батальонъ Пюи-дю-Домъ мало подвергался опасности, представляетъ живой интересъ и на этотъ разъ коммиссары конвента Кутонъ, Рандонъ, Менье и др. должны были принимать рѣшительныя мѣры, чтобъ подстрекнуть нѣсколько вялый патріотизмъ оверніятовъ.

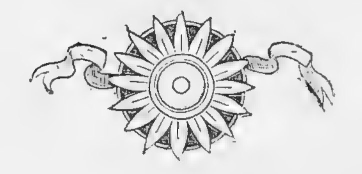
Наконецъ, сочиненіе Межа интересно еще потому, что представляетъ намъ знаменитаго тріумвира, Кутона, въ неожиданномъ свѣтѣ. Когда Ліонъ сдался, Кутонъ находился при этомъ и, совершенно противно тому, чего можно было бы отъ него ожидать, онъ повидимому, дѣлалъ все возможное, чтобы смягчить или отсрочить жестокія мѣры, предписанныя конвентомъ противъ мятежнаго города. Но его умѣренность могла показаться подозрительной и вотъ онъ спѣшитъ возвратиться въ Клермонъ для того, чтобъ не быть сообщникомъ въ жестокостяхъ, которыхъ онъ не одобрялъ, не имѣя однако довольно силы, чтобы остановить ихъ. Кутонъ возвратился изъ Ліона въ Пюи-дю-Домъ въ началѣ ноября и оставался здѣсь до конца мѣсяца. Во время этого пребыванія, онъ повидимому былъ главнымъ образомъ занятъ желаніемъ пріобрѣсти расположеніе своихъ земляковъ; онъ правда выказываетъ лихорадочную дѣятельность при организаціи отряда для осады Ліона, онъ расточаетъ приказанія, распоряженія, всякаго рода мѣры, чтобы ускорить прибытіе припасовъ и борется противъ постоянно угрожающаго голода; и хотя онъ сурово преслѣдуетъ неповинующихся священниковъ, однако не оставляетъ послѣ себя кровавой памяти и по его поведенію въ Пюи-дю-Домъ нельзя было бы ожидать того кровожаднаго рвенія, какое онъ потомъ обнаружилъ въ комитетѣ общественнаго спасенія. Этотъ послѣдній періодъ миссіи Кутона отмѣченъ не только усиленно строгими мѣрами противъ оставшихся вѣрными Риму священниковъ, но и преслѣдованіемъ самаго католическаго культа. Съ ожесточеніемъ истреблялись самые священные предметы. Постановлено было расплавить всѣ колокола, разрушить колокольни, уничтожить всѣ украшенія, употреблявшіяся при богослуженіи. Предписанія эти были въ точности исполнены и Пюи-дю-Домъ представилъ зрѣлище самыхъ варварскихъ опустошеній, которыя, впрочемъ, повторялись въ это время по всей Франціи.

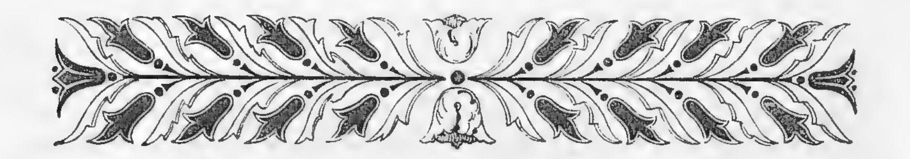
При этомъ и въ Пюи-дю-Домъ правленіе конвента ознаменовано было такими же странными революціонными празднествами, какія такъ театрально разыгрывались въ Парижѣ. Для того, чтобы пора-

зить воображенiе своихъ соотечественниковъ, Кутонъ, напримѣръ, устроилъ передъ своимъ отъѣздомъ торжественную процессiю въ честь мучениковъ свободы, Шалье и Марата. Межъ даетъ подробное описанiе этого празднества, называя его фарсомъ, и невозможно иначе отнестись къ церемонiи, заключавшейся въ обезображивiнiи статуй святыхъ, въ цѣлыхъ ауто-до-фе ихъ деревянныхъ изображанiй, въ комическомъ шествiи санъ-кюлотовъ въ полномъ священническомъ облаченiи и т. д.

Въ заключенiе, слѣдуетъ сказать, что сочиненiе Межа много выигрываетъ отъ безпристрастiя автора, который не умаляетъ хорошаго и не умалчиваетъ о дурномъ. Онъ выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ умѣренность Кутона и не скрываетъ, что и въ Пюи-де-Домѣ между республиканскимъ или патрiотическимъ духовенствомъ были такiе негодяи, какъ тотъ Ла-Фельядъ, который сдѣлалъ ложный доносъ въ сочувствiи къ эмигрантамъ на Дезе, въ то время какъ будущiй герой египетской экспедицiи и сраженiя при Маренго храбро сражался въ рядахъ республиканской армiи. Сочиненiе Межа утомляетъ читателя тщательностью и добросовѣстностью, съ которой авторъ подбираетъ факты, боясь упустить малѣйшую подробность изъ исторiи своей провинцiи; но оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ почтенныхъ трудовъ, которые имѣютъ прежде всего въ виду установить истину въ исторiи революцiи и не увлекаются парадоксами, въ какiе впадали до сихъ поръ самые талантливые и блестящiе историки французской революцiи.

Иф...лъ.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ двухъ томахъ. Съ рисунками. 1880.

НИГА г. Пясецкаго, какъ и самъ авторъ заявилъ въ заключеніе, „есть результатъ несчастнаго случая". Авторъ ея проѣхалъ черезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай, и въ концѣ концовъ вынесъ изъ него крайнее недовольство „результатами" экспедиціи, отправленной въ Китай нашимъ правительствомъ въ началѣ 1874 года, да еще нѣсколько поверхностныхъ и мимолетныхъ впечатлѣній изъ жизни китайцевъ. Мы не упоминаемъ о вывезенной г. Пясецкимъ ботанической коллекціи и о значительномъ собраніи набросковъ съ натуры, быть можетъ, и представляющихъ „богатый матеріалъ для ознакомленія съ Китаемъ"; этотъ матеріалъ не предназначается для читателей вышеприведенной книги, и намъ нѣтъ надобности останавливаться въ настоящей замѣткѣ на томъ, что подлежитъ оцѣнкѣ спеціалистовъ. Наша задача болѣе скромная: внимательно прочитавъ около 1200 страницъ, написанныхъ г. Пясецкимъ въ видѣ „извлеченія" изъ его путевого дневника, мы должны сказать читателю, что онъ можетъ найти наиболѣе интереснаго въ этомъ объемистомъ изданіи.

Путь, пройденный г. Пясецкимъ, дѣйствительно, великъ и интересенъ. Къ сожалѣнію, нашъ путешественникъ отправился въ Китай совершенно неподготовленнымъ; онъ не зналъ даже языка страны, не говоря уже вообще о незнакомствѣ съ ея жизнью, нравами и учрежденіями. Такимъ образомъ приходилось отдавать себя на волю случайныхъ впечатлѣній, предчувствій и ожиданій. „Глаза" г. Пясецкаго постоянно „разбѣгались по сторонамъ": хотѣлось все увидать и удержать въ памяти, но впечатлѣнія смѣнялись и перепутывались. „Оригинальная обстановка", „оригинальные люди" и „своеобразные порядки" поражали г. Пясецкаго на каждомъ шагу, такъ что онъ рѣшительно недоумѣвалъ, на что обратить преимущественное вниманіе, и что могло бы имѣть второстепенный интересъ. Этою растерянностью, безъ сомнѣнія, объясняются постоянныя восклицанія вмѣсто фактовъ, въ родѣ того, что „какая скромность и простота у насъ и какая торжественность у китайцевъ", или уже черезъ-чуръ подробныя описанія вкусовыхъ ощущеній, какія испытывалъ г. Пясецкій, утѣшаясь „ѣдою", предлагавшейся гостепріимными китайскими гастрономами Правда, авторъ „дневника" говоритъ, что подобныя подробности важны въ дорогѣ, особенно въ Азіи, но бесѣду объ этомъ все же можно бы

нѣсколько посократить, хотя бы для того, чтобы дать мѣсто болѣе интереснымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ занесеннымъ въ „дневникъ". Къ наблюденіямъ такой категоріи нельзя отнести также и описанія, напримѣръ, „внѣшняго вида китаянокъ средняго сословія" (?), бесѣды которыхъ „подслушать" автору не удалось, за то удалось ему подсмотрѣть какъ онѣ предаются чесоткѣ, что г. Пясецкій описываетъ весьма натурально, даже слишкомъ натурально (см. 629 стр.). Изъ всего „Путешествія" наиболѣе содержательная—XI-я глава, изъ которой ниже (см. „Смѣсь") мы дѣлаемъ извлеченіе о генералѣ Цзо. Въ ней авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о китайскихъ тюрьмахъ, китайскихъ маневрахъ и характеризуетъ одного изъ важныхъ сановниковъ генерала Цзо (745—817 стр.). Мы охотно вѣримъ г. Пясецкому, что въ своемъ описаніи онъ „не допускалъ вымысловъ", и потому принимаемъ за чистую монету все, что имъ сообщено о китайской арміи и военномъ дѣлѣ у китайцевъ, хотя каррикатурное представленіе трусливаго офицера, убѣгающаго отъ орудій на 50 шаговъ [1]), какъ-то не вяжется съ тѣмъ, что извѣстно о китайской арміи изъ сочиненій компетентныхъ знатоковъ Востока. Правда, г. Пясецкій „предпочиталъ лучше сказать меньше, не столь ученое и менѣе важное и цѣнное, да свое"; но при этомъ онъ обѣщаетъ въ предисловіи быть все-таки „правдивымъ". Можно и должно, конечно, вѣрить въ превосходство русской арміи надъ китайскою, но нѣтъ надобности для этого представлять дѣло въ каррикатурномъ видѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что описаніе прогулки г. Пясецкаго въ китайскій арсеналъ обязано тому минутному настроенію автора, когда его „впечатлѣнія смѣнялись и перепутывались". Нельзя сказать, чтобы авторъ „Путешествія" воздерживался и отъ „выводовъ", какъ онъ обѣщаетъ тоже въ предисловіи. Впрочемъ, они формулированы просто: „хороши чужія страны; въ нихъ интересуетъ насъ все, чего у насъ нѣтъ; но любимъ мы въ нихъ то, что чѣмъ-нибудь напоминаетъ намъ родину". Отыскивая милые своему сердцу „цвѣты, хлѣба и голоса птицъ", г. Пясецкій дѣйствительно обратилъ свое „Путешествіе по Китаю" въ „прогулку въ паркѣ", „среди роскошныхъ деревьевъ, разнообразныхъ кустарниковъ и цвѣтовъ", проѣзжая мимо величественныхъ скалъ, возлѣ шумящихъ ручьевъ, слушая поющихъ на разные лады птицъ и только на время прерывая эту прогулку „утѣшеніемъ въ ѣдѣ" и безотчетнымъ наблюденіемъ окружавшей его среды. Всему этому отведено главное мѣсто въ книгѣ г. Пясецкаго и въ описаніи такихъ предметовъ авторъ является мастеромъ своего дѣла. Онъ пишетъ живо, мѣстами восторженно, а иногда умѣетъ придать своему описанію нѣкоторую пикантность. Въ результатѣ же все-таки остаются содержательными лишь семьдесятъ двѣ страницы изъ тысячи двухсотъ. Само собою разумѣется, подобнаго сорта трудъ никоимъ образомъ не можетъ считаться источникомъ для знакомства съ Китаемъ. Это замѣтки плохо подготовленнаго туриста, дающія, пожалуй, пищу слишкомъ досужему читателю, но нисколько не облегчающія мало-мальски серьезное стремленіе ознакомиться съ Китаемъ.

Ѳ. Б.

Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Отчетъ главноуполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Н. Абаза. Т. I. 1880 г.

Съ окончанія послѣдней войны съ Турціею прошло уже достаточно времени, чтобы страстное настроеніе, обязанное съ одной стороны—нашимъ успѣхамъ, а съ другой—неудачамъ, смѣнилось спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу,

[1]) Кстати замѣтимъ, что г. Пясецкій, перепечатывая эти „точные факты" въ фельетонѣ „Голоса", нѣсколько измѣняетъ свое показаніе на счетъ трусости китайскихъ офицеровъ, говоря, что они не осмѣливаются оставаться вблизи орудій уже на сто шаговъ.

которое открывало бы возможность фактическому, документальному изложенію всего хода пережитыхъ событій. Какія бы мрачныя страницы ни представляли собою лѣтописи этихъ событій, онѣ, безъ сомнѣнія, послужатъ намъ лишь урокомъ для будущаго, и чѣмъ ближе и внимательнѣе мы вникнемъ въ указанія недавно пережитаго опыта, тѣмъ болѣе будетъ гарантій, что онѣ не пропадутъ безслѣдно для насъ. Вышеприведенный отчетъ бывшаго главноуполномоченнаго „Краснаго Креста“ въ тылу арміи, Н. С. Абазы, принадлежитъ именно къ такого рода поучительнымъ изслѣдованіямъ. Въ этомъ отчетѣ г. Абаза старается выяснить, на основаніи документовъ, при какихъ обстоятельствахъ слагалась дѣятельность „Краснаго Креста“ въ тылу арміи, почему она приняла тотъ, а не другой характеръ, насколько она соотвѣтствовала прямой своей задачѣ—облегчать страданія доблестныхъ жертвъ войны. Фактическое изложеніе всего хода дѣла, точныя цифры и итоги, сами собою объясняютъ многое изъ того, что казалось непонятнымъ въ самый разгаръ войны—осенью 1877 года.

Главная дѣятельность уполномоченнаго первоначально сосредоточивалась въ Кишиневѣ, затѣмъ перенесена была въ Яссы, откуда, послѣ Санъ-Стефанскаго договора, весною 1878 года, перешла въ Бендеры. Г. Абаза шагъ за шагомъ слѣдитъ за этой дѣятельностью, не упуская изъ виду ни малѣйшей подробности и обрисовывая въ яркихъ чертахъ неудачи и трудности, съ которыми приходилось бороться „Красному Кресту“ въ районѣ, состоявшемъ въ вѣдѣніи автора. Существенное затрудненіе встрѣтилось на первыхъ же порахъ дѣятельности „Краснаго Креста“ въ недостаткѣ средствъ: для выполненія программы, которую предстояло ему провести, требовалась сумма въ 1.350,000 р., тогда какъ въ кассѣ главнаго управленія имѣлось всего полтораста тысячъ. Субсидія отъ военнаго министерства сразу подорвала независимость дѣйствій „Краснаго Креста“. Ему предоставлялась широкая дѣятельность за чертою территоріи, объявленной на военномъ положеніи, и только совершенно пассивная при дѣйствующей арміи. На обязанности „Краснаго Креста“ лежало дополнительное снабженіе военныхъ госпиталей, доставленіе сестеръ милосердія и санитарной прислуги въ тѣ же госпитали, и устройство собственныхъ транспортныхъ средствъ. Организація же столь необходимыхъ подвижныхъ лазаретовъ „Краснаго Креста“ вблизи театра войны, пріютовъ для выздоравливающихъ, этаповъ по эвакуаціонному пути, перевязочныхъ отрядовъ для подбиранія съ полей сраженій тяжело раненыхъ и подачи имъ первоначальной помощи—допущено не было. Все это устроилось впослѣдствіи силою обстоятельствъ, вопреки этому запрету. Но какъ устроилось и сколько было упущено дорогого времени! Въ этомъ отношеніи особыя заслуги почти во все время войны оказалъ ясскій эвакуаціонный баракъ, который въ теченіе своей четырнадцатимѣсячной многотрудной дѣятельности былъ единственнымъ мѣстомъ спасенія для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Не будь этого барака, трудно было бы представить себѣ, что сталось бы съ страшною массою раненыхъ и больныхъ при недостаткѣ транспортныхъ средствъ, воспрещеніи отправлять больныхъ въ воинскихъ поѣздахъ и крайне сложной системѣ эвакуаціи. Баракъ былъ невообразимо переполненъ; въ немъ буквально не было свободнаго мѣстечка. Вездѣ, гдѣ только возможно было помѣститься—на кроватяхъ, въ проходахъ между ними, на платформахъ барака, на площадкахъ лежали, сидѣли, стояли раненые и больные. Всѣ прибывавшіе не только нигдѣ еще не подвергались госпитальному леченію, но многіе изъ нихъ со времени раненія были перевязаны едва лишь одинъ или два раза. Больные прибывали не только безъ списковъ, но „часто даже поѣздной офицеръ или врачъ не зналъ и точнаго числа привезенныхъ людей. При осмотрѣ такихъ поѣздовъ, врачамъ нерѣдко случалось наталкиваться въ вагонѣ для сидячихъ на раненаго съ раздробленнымъ переломомъ плеча или предплечія, неукрѣпленнаго никакою подвижною повязкою или же только мягкимъ размокшимъ картономъ“. Самыя отчаянныя телеграммы, посылавшіяся въ разныя мѣста о доставленіи вагоновъ, приносили

мало пользы. Скопленіе на пунктѣ доходило до того, что въ одну ночь ночевали 2,704 человѣка, въ теченіе слѣдующаго дня еще прибыло 1,511 человѣкъ и изъ всего этого числа осталось на пунктѣ 3,518 чел., къ которымъ на другой день присоединились вновь прибывшіе больные, такъ что 17-го сентября 1877 г. цифра скопившихся на пунктѣ раненыхъ и больныхъ превышала четыре тысячи человѣкъ. И на всю эту массу людей ни откуда, кромѣ источниковъ общественной благотворительности, ни одной рубашки, ни одного бинта. „Мы", говоритъ г. Абаза,—„ни на кого не сѣтуемъ, а объясняемъ. Персоналъ барака работалъ до изнеможенія и, благодаря лишь крайне напряженнымъ и добросовѣстнымъ трудамъ его, былъ достигнутъ тотъ важный результатъ, что ни одинъ раненый не прошелъ черезъ Ясскій пунктъ, не бывъ накормленнымъ, осмотрѣннымъ и перевязаннымъ. Это былъ истинный подвигъ всего персонала". Съ особенною признательностью г. Абаза говоритъ о качествахъ сестеръ милосердія, работавшихъ при эвакуаціонномъ баракѣ и въ другихъ врачебныхъ учрежденіяхъ района. „Онѣ явили свое необыкновенное самоотверженіе; онѣ не дѣлали различія между страждущими, будь они русскіе или турки, всѣ пользовались одинаково заботливымъ уходомъ. Задыхаясь въ вонючей и пропитанной міазмами атмосферѣ, онѣ всѣми возможными мѣрами старались облегчить страданія несчастныхъ плѣнныхъ; но за то и дорого же онѣ поплатились за свой великій подвигъ христіанскаго человѣколюбія: 60 сестеръ заразились тифомъ и четыре изъ нихъ лишились жизни".

Мы не имѣемъ возможности изложить хотя бы въ общихъ чертахъ всю исторію организаціи частной помощи въ тылу арміи, ея учрежденій и дѣятельности района, картинно представленную въ отчетѣ г. Абазы. Одинаково недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ передать содержаніе весьма любопытной главы (VII-й) въ отчетѣ, посвященной обстоятельному изложенію транспортировки больныхъ и раненыхъ военноплѣнныхъ турокъ и развитію тифозной эпидеміи, какъ слѣдствію этой транспортировки. Достаточно сказать, что въ книгѣ г. Абазы весь ходъ дѣла изложенъ документально, точно и правдиво. Рядъ приведенныхъ въ книгѣ документовъ и цифровыхъ данныхъ позволяетъ судить о цѣлесообразности распоряженій, произведенныхъ затратъ, и составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о дѣлѣ, возбуждавшемъ въ свое время столько различныхъ толковъ и противоположныхъ сужденій.

Чтобы судить о научномъ значеніи разсматриваемаго отчета, который, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣненъ по достоинству спеціалистами, мы перечислимъ только санитарно-статистическія таблицы, тщательно составленныя на основаніи данныхъ, какія собраны главноуполномоченнымъ о дѣятельности „Краснаго Креста" въ районѣ, находившемся въ его вѣдѣніи. Къ такого рода матеріаламъ принадлежатъ таблицы, показывающія число всѣхъ вообще прибывшихъ въ Яссы и отправленныхъ изъ Яссъ поѣздовъ и партій съ больными и ранеными со дня открытія барака до конца эвакуаціи; таблица дѣятельности узкоколейныхъ и ширококолейныхъ санитарныхъ поѣздовъ, изъ которыхъ видно, что санитарные поѣзды вывезли въ предѣлы имперіи лишь одну третью часть всего числа раненыхъ и больныхъ, остальные же двѣ трети достались на долю случайныхъ транспортныхъ средствъ. Далѣе подробно вычислены расходы на эвакуацію, общее движеніе раненыхъ и больныхъ черезъ Ясскій баракъ съ 21 іюля 1877 и по 15 августа 1878 г., составлена таблица движенія турокъ черезъ Ясскій пунктъ, поименованы употреблявшіяся перевозочныя средства и группы болѣзней. Но особенно полный отчетъ о распредѣленіи по времени прибытія и отправленія всѣхъ перешедшихъ черезъ Яссы раненыхъ и больныхъ, по родамъ болѣзней и по званіямъ, представленъ въ превосходно исполненной діаграммѣ. Нельзя не признать, что сравнительныя цифры раненыхъ и больныхъ, оказавшихся способными къ дальнѣйшей транспортировкѣ, имѣютъ первостепенное значеніе, какъ одна изъ важнѣйшихъ основъ, на которыхъ могутъ быть построены проекты организаціи частной помощи и всего военно-

врачебнаго дѣла во время войны. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть также и о рисункахъ, иллюстрирующихъ данныя отчета г. Абазы, каковы, напримѣръ, схематическое изображеніе порядка доставленія врачебными заведеніями свѣдѣній о свободныхъ больничныхъ мѣстахъ, наглядно показывающее сложность практиковавшейся системы.

Ѳ. Б.

Дѣятельность Археографической Коммиссіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880 г.

Дѣятельность Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1880 г.

Вышеприведенныя брошюры содержатъ въ себѣ отчеты о дѣятельности двухъ учено-издательскихъ корпорацій, составленные по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея нынѣшняго царствованія. Обѣ корпораціи преслѣдуютъ однородныя цѣли, издавая старинные памятники отечественнаго бытописанія, хотя существенная разница между ними та, что Археографическая Коммиссія—учрежденіе оффиціальное, основанное еще въ 1834 году, а Общество Любителей Древней Письменности возникло по частному почину и существуетъ всего три года, всецѣло на частныя средства. Сверхъ того, Общество имѣетъ въ виду главнымъ образомъ собираніе, сохраненіе и приведеніе въ подлинную извѣстность письменныхъ памятниковъ древней Россіи, а Коммиссія, при обнародованіи этихъ памятниковъ, преслѣдуетъ преимущественно строго ученыя цѣли, занимаясь критической разработкой своихъ изданій. Такимъ образомъ дѣятельность одного учрежденія облегчается и дополняется другимъ, и потому сопоставленіе результатовъ этой дѣятельности обѣихъ корпорацій мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ. Особое вниманіе Археографическая Коммиссія, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, обратила на изданія памятниковъ XVI и XVII вѣковъ, доселѣ почти нетронутыхъ.

Расширеніе предѣловъ Московскаго государства, внѣшнія сношенія по дѣламъ политическимъ и торговымъ, а также вслѣдствіе потребностей образованія, всѣ отрасли государственнаго управленія, дѣла церковныя, разнообразныя черты народныхъ нравовъ и обычаевъ—таково богатое содержаніе тѣхъ изданій Археографической Коммиссіи, которыя заключаютъ въ себѣ собственно русскіе историческіе акты изъ второй половины XVII вѣка. Письменные памятники политическаго развитія русскаго государства наиболѣе, значитъ, занимаютъ Коммиссію. Общество Любителей Древней Письменности, съ самаго основанія своего, также обратило преимущественное вниманіе на памятники XVI—XVII столѣтій. Но оно остановилось главнымъ образомъ на памятникахъ внутренней бытовой жизни и народной словесности. Изъ юбилейнаго отчета видно, что въ числѣ выпущенныхъ изданій Общества выдающееся мѣсто занимаютъ „житія святыхъ", особенно русскихъ,—одинъ изъ наиболѣе обширныхъ отдѣловъ древне-русской письменности, означеннаго періода. Если Археографическая Коммиссія снискала себѣ славу изданіемъ лѣтописей, то Обществу предстоитъ, судя по первымъ шагамъ его дѣятельности, составить почетное имя изданіемъ „Житій", которыя служатъ дополненіемъ и распространеніемъ лѣтописей, прибавляя къ крупнымъ историческимъ фактамъ множество подробностей изъ частной жизни набожныхъ и благочестивыхъ людей древней Россіи. Не ограничиваясь изданіемъ самыхъ памятниковъ по отдѣлу житій святыхъ, Общество заботилось составленіемъ сборнаго каталога рукописей, въ которыхъ помѣщены „житія русскихъ святыхъ", и въ настоящее время уже располагаетъ такимъ каталогомъ, представляющимъ результаты тщательныхъ изысканій одного изъ его членовъ-корреспондентовъ въ московскихъ

патріаршей библіотекѣ, Чудовѣ монастырѣ, въ публичномъ музеѣ, главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ типографской библіотекѣ, въ епархіальной библіотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ и въ наиболѣе извѣстныхъ частныхъ библіотекахъ, не говоря уже о собранныхъ въ катологѣ свѣдѣніяхъ изъ описаній рукописей, приведенныхъ въ извѣстность, въ московской синодальной, императорской публичной библіотекѣ, въ библіотекахъ Троицо-Сергіевской лавры, Соловецкаго монастыря и академіи наукъ. Трудъ весьма кропотливый и, какъ справочный, нетолько полезный, но и необходимый для издательскихъ цѣлей Общества.

Но выборомъ упомянутыхъ памятниковъ не ограничивается дѣятельность Общества Любителей Древней Письменности, расширяющая поле научныхъ изслѣдованій въ области отечественнаго бытописанія, которую разрабатываетъ Археографическая Коммиссія. Какъ эта послѣдняя посвятила особыя изданія актомъ, относящимся къ исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей нашего отечества, такъ и Общество повидимому придаетъ важное значеніе литературнымъ памятникамъ родной старины, въ которыхъ нашелъ себѣ выраженіе элементъ мѣстный. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, издаваемыя Обществомъ повѣствованія о мѣстныхъ святыняхъ Русской земли, вмѣстѣ съ выраженіемъ религіознаго настроенія народа, отражающія въ себѣ цѣлые политическіе моменты народной жизни, не говоря уже о зачастую встрѣчающихся элементахъ народной поэзіи.

Но весьма отрадная черта въ дѣятельности обоихъ разсматриваемыхъ учрежденій и особенно въ дѣятельности Общества Древней Письменности, это—стремленіе, помимо служенія дѣлу чистой науки, не забывать и о потребностяхъ современнаго общества въ изученіи своего прошлаго. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что самая жизненность и плодотворность учрежденія, ставшаго посредникомъ между наукою и обществомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ отечественною древностью и стариною, въ значительной степени обусловливается его вниманіемъ къ запросамъ, какіе предъявляются жизнью историческому изученію. Чуждаясь же этихъ запросовъ, учено-издательская, какъ и всякая дѣятельность на пользу общественную, скоро превращается въ безплодное гелертерство и мертвящую работу буквоѣдства, все болѣе, по мѣрѣ удаленія отъ жизни, съуживающую кругъ своего вліянія и значенія. Безъ всякой почвы для дальнѣйшаго развитія, результаты такой дѣятельности перестаютъ быть предметомъ живого интереса, отчего, безъ сомнѣнія, самая наука становится чѣмъ-то кастичнымъ, доступной развѣ немногимъ единичнымъ личностямъ, на подобіе мудрости кудесниковъ и кабалистическихъ гаданій жрецовъ. Вотъ почему всякая отзывчивость на требованія окружающей дѣйствительности, въ предѣлахъ, конечно, такой спеціальности служитъ доказательствомъ ея силы и значенія, а слѣдовательно и залогомъ ея прочнаго существованія и развитія.

Съ этой точки зрѣнія небезъинтересно отмѣтить въ дѣятельности Археологической Коммиссіи фактъ, свидѣтельствующій о плодотворности такого отношенія къ дѣлу ея спеціальности. Впервые извлекши изъ отечественныхъ архивовъ богатый запасъ актовъ, представляющихъ въ истинномъ свѣтѣ исторію западной и южной Руси въ тотъ періодъ, когда она явилась яблокомъ раздора между Россіей и Польшей,—Коммиссія возвысила и свой голосъ въ тотъ еще недавно пережитый нашимъ отечествомъ историческій моментъ, когда, подъ вліяніемъ польскихъ смутъ, въ западной Европѣ распространились совершенно ложные въ историческомъ и этнографическомъ смыслѣ свѣдѣнія о западной Руси. Изданные Коммиссіею въ 1865 году документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ Польшѣ, съ переводомъ на французскій языкъ, должны были содѣйствовать разсѣянію этихъ заблужденій и, дѣйствительно, составляютъ важное и надежное пособіе для правильнаго пониманія даннаго вопроса.

Документальный матеріалъ, какимъ располагаетъ Общество Любителей Древней Письменности для своихъ изданій, не имѣетъ такого близкаго и осязательнаго отношенія къ вопросамъ дня, какое могутъ имѣть, напримѣръ, акты по русской дипломатикѣ, и потому издательская дѣятельность Общества повидимому далека отъ жизненныхъ интересовъ современной дѣйствительности. Но, служа, такъ сказать, отдаленнымъ цѣлямъ русскаго общественнаго образованія на прочныхъ основахъ безпристрастнаго изученія нашего прошлаго, дѣятельность эта все таки является весьма плодотворной и жизненной. Такъ, Общество, избирая списки рукописей для изданія по преимуществу лицевые, имѣетъ въ виду не только раскрыть собственные родные источники для изученія древне-русскаго искусства и нашего умственнаго развитія, но и способствовать разрѣшенію весьма важнаго вопроса объ оригинальной дѣятельности русскаго народа въ сказанной области. Сверхъ того, наряду съ памятниками старинной русской живописи, вниманіе Общества обращено и на неразработанное богатство русскихъ рукописей по древней музыкѣ. Помимо научнаго, историческаго интереса, общаго для всей Европы, отъ цѣлесообразной разработки русскихъ музыкальныхъ сокровищъ зависитъ наше самобытное музыкальное развитіе. Задача Общества въ настоящемъ случаѣ, конечно, не имѣетъ въ виду замѣны господствующей теоріи устарѣлой. Оно старается содѣйствовать собиранію матеріаловъ для изученія древне-русской музыки, внѣ котораго русское искусство не можетъ занимать самодѣятельнаго положенія въ музыкальномъ мірѣ и, слѣдовательно, въ этой области русскіе люди не могутъ быть довольны сами собою. Наконецъ, существенная и, безспорно, жизненная цѣль, преслѣдуемая Обществонъ, выражается изданіями такихъ памятниковъ, которые имѣли бы непосредственный интересъ для русской школы и ея дѣятелей.

Сопоставляя дѣятельность Общества Древней Письменности и Археографической Коммиссіи, мы не перечисляемъ всѣхъ изданій, ими обнародованныхъ въ каждой изъ вышеупомянутыхъ областей историколитературнаго вѣдѣнія. Въ этомъ мы не видимъ нужны, такъ какъ спеціалисты знаютъ о нихъ и безъ насъ, а общеобразованному читателю одни названія не представятъ рѣшительно никакого интереса. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы указать направленіе, въ какомъ дѣйствуютъ обѣ учено-издательскія корпораціи, и намѣтить существенныя черты въ ихъ дѣятельности, служащія къ ея упроченію и расширенію. Оба учрежденія, какъ мы видѣли, служатъ одному общему дѣлу, содѣйствуя ознакомленію русскихъ людей съ историческимъ прошлымъ Россіи на основаніи документальныхъ данныхъ. Оба они взаимно помогаютъ одно другому и взаимно облегчаютъ достиженіе этой цѣли. И потому то нельзя не пожелать, чтобы это взаимодѣйствіе росло, крѣпло и развивалось непрерывно, поддерживая въ русскомъ обществѣ интересъ къ историческому изученію и отзываясь на требованія современной жизни.

Ѳ. Б.

Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго, П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880 г.

Мы такъ не богаты матеріалами для исторіи русскаго театра, что должны дорожить всякимъ новымъ пріобрѣтеніемъ по этому предмету. Въ особенности важны въ такомъ отношеніи указанія людей, которые близко стояли къ дѣлу и съ любовью къ искусству соединяли наблюдательность и безпристрастіе. Не только фактическая сторона дѣятельности нашихъ театровъ, но даже анекдотическіе разсказы артистовъ и театраловъ важны тѣмъ, что выясняютъ и положеніе нашего драматическаго искусства, и отношеніе къ нему общества,

и слѣдовательно характеризуютъ наше развитіе въ данную эпоху. Исторія театра во многомъ соприкасается съ исторіею самого общества. Вотъ почему нельзя было не обратить вниманія на записки П. А. Каратыгина, который болѣе полустолѣтія провелъ на столичной сценѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ ея дѣятелей, пережилъ различныя эпохи въ нашемъ театральномъ мірѣ, отличался обширными связями въ аристократическихъ и литературныхъ кружкахъ, былъ одаренъ бойкимъ и наблюдательнымъ умомъ, горячо любилъ и тонко понималъ искусство. И тѣмъ болѣе можно было ожидать интереса отъ воспоминаній этого человѣка, что онъ по рожденію принадлежитъ къ артистической семьѣ, въ которой хранилось много сценическихъ преданій, получилъ образованіе въ театральной школѣ, самъ былъ драматическимъ писателемъ и до самыхъ преклонныхъ лѣтъ не покидалъ страстно любимой сцены.

И дѣйствительно, записки П. А. Каратыгина, съ которыми наша публика отчасти познакомилась уже по выдержкамъ, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ", представляютъ цѣнный вкладъ для нашей литературы и исторіи русскаго театра. Не смотря на то, что покойный артистъ писалъ свои мемуары въ недавніе годы и слѣдовательно большею частію по воспоминаніямъ, это не повредило ихъ полнотѣ и не повліяло на ихъ правдивость. Кто зналъ, какой богатой памятью одаренъ былъ П. А. Каратыгинъ, и въ какой степени дорожилъ онъ правдою, тотъ нисколько не усомнится въ вѣрности не только сообщаемыхъ въ мемуарахъ его фактовъ и характеристикъ, но и приводимыхъ авторомъ разговоровъ, отзывовъ и замѣчаній тѣхъ или другихъ извѣстныхъ лицъ.

Каратыгинъ начинаетъ свои записки семейными воспоминаніями и при этомъ приводитъ много интересныхъ свѣдѣній, слышанныхъ имъ отъ родныхъ. Таковъ, напримѣръ, разсказъ его о постановкѣ на Эрмитажномъ театрѣ исторической драмы императрицы Екатерины II „Олегово управленіе", въ которой участвовала мать нашего артиста. Такъ же интересенъ разсказъ его о томъ, какъ въ 1812 году французская труппа разыгрывала въ Петербургѣ переведенную кѣмъ-то на французскій языкъ трагедію Озерова „Димитрій Донской", въ которой, какъ извѣстно, было много намековъ на тогдашнія политическія событія, и русская публика сравнивала походъ Наполеона съ нашествіемъ Мамая. Личныя воспоминанія автора становятся полнѣе съ поступленіемъ его въ театральную школу. Тутъ онъ рисуетъ живые портреты тогдашнихъ театральныхъ дѣятелей—балетмейстера Дидло, капельмейстера Кавоса, актера А. С. Яковлева, извѣстныхъ театраловъ: Катенина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, князя Шаховского, знаменитой К. С. Семеновой. Подробно описываетъ онъ дебюты своего брата Василія Андреевича, свой выходъ изъ школы и первые шаги и успѣхи на сценѣ. Такъ же любопытны разсказы его о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, графѣ Милорадовичѣ, извѣстномъ декабристѣ Якубовичѣ. П. А. Каратыгинъ, въ продолженіе своей полувѣковой сценической дѣятельности, зналъ болѣе или менѣе коротко всѣхъ, сколько нибудь выдающихся артистовъ петербургской труппы и всѣхъ знаменитостей, наѣзжавшихъ въ столицу изъ Москвы и изъ-за границы, и передаетъ не только свои личныя сужденія о нихъ, но и много характерныхъ подробностей о ихъ игрѣ, о пріемѣ ихъ публикой, а также разные случаи и анекдоты изъ театральнаго и закулиснаго міра. Къ сожалѣнію записки не доведены до пріѣзда въ Петербургъ знаменитой Рашели, о которой, сколько мы знаемъ, покойный любилъ вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ.

Слѣдуетъ прибавить, что воспоминанія П. А. Каратыгина не ограничиваются одной сценой и могутъ интересовать не однихъ театраловъ. Вмѣстѣ съ замѣтками о театрѣ, артистахъ и литературныхъ знакомствахъ, въ запискахъ его много другихъ разсказовъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе или былъ очевидцемъ. Читатели найдутъ въ книжкѣ его описаніе извѣстной карусели 1816 года въ Павловскѣ, петербургскаго наводненія 1824 г., тревож-

наго дня 14 декабря 1825 г., пріѣзда Хозрева-мирзы въ Петербургъ и проч. Все это связано въ запискахъ съ разными анекдотическими случаями, которыя успѣлъ подмѣтить наблюдательный артистъ. При этомъ, нельзя не замѣтить, что врожденный комическій талантъ, доставившій ему почетную извѣстность, какъ актеру, и выразившійся въ его комедіяхъ и водевиляхъ, преобладаетъ и въ его мемуарахъ: онъ умѣетъ найти въ предметѣ смѣшную сторону, подмѣтить забавное положеніе, схватить тонкую комическую черту. Нѣкоторые упрекаютъ Каратыгина за излишнее и не всегда натуральное остроуміе, за неумѣренную игру словами и страсть къ каламбурамъ. На самомъ дѣлѣ упрекъ этотъ не справедливъ: если мѣстами остроуміе артиста и кажется нѣсколько утомительнымъ, то во всякомъ случаѣ оно было не искуственнымъ, а прирожденнымъ оригинальному складу его ума. Кто зналъ покойнаго П. А. Каратыгина, тому конечно извѣстно, что онъ въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ отличался тѣмъ же самымъ юморомъ и замѣчательной способностью къ каламбурамъ. Много бойкихъ выраженій и остротъ его сохранилось въ памяти его друзей.

Чтобы показать читателямъ, незнакомымъ еще съ записками П. А. Каратыгина, какъ интересны его воспоминанія, мы позволимъ себѣ привести одинъ изъ разсказовъ, характеризующій положеніе актера передъ начальствомъ и показывающій, какія страшныя драмы разыгрываютъ иногда на театральной сценѣ, помимо самой пьесы. Вотъ что случилось въ Москвѣ, во время пріѣзда туда К. С. Семеновой. Для перваго выхода ея назначена была трагедія „Семирамида", и за нѣсколько дней до представленія всѣ билеты были разобраны. „Накануне спектакля актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ однако поутру на репетицію и предупреждалъ режиссера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режиссеръ бросился къ директору съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно пріѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни за что не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ съ своей стороны пугнулъ бѣднягу и далъ ему замѣтить, что если изъ за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозилъ отставить его отъ службы. Нечего дѣлать! Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ покорился необходимости: кое-какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду, и какъ гладіаторъ пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства. Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталъ... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ за кулисъ всѣ бросились къ нему, но онъ уже окончилъ свою земную драму... апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни". Публику извѣстили, что по болѣзни актера Кондакова спектакль не можетъ быть оконченъ, но нашлись и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ.

При запискахъ П. А. Каратыгина приложенъ списокъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ его, съ 1830 по 1879 годъ. Всѣхъ ихъ шестьдесятъ восемь. Жаль, что издатель поскупился приложить къ книжкѣ портретъ покойнаго артиста, за что безъ сомнѣнія многіе были бы очень благодарны.

А. М.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѳ. Корша. Спб. 1880 г., выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480).

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ уже къ самому предпріятію подобнаго труда — перваго у насъ въ своемъ родѣ (если не считать переводныхъ). Но трудность предпріятія должна заранѣе подготовлять и снисхожденіе къ неизбѣжнымъ тутъ слабымъ сторонамъ.

Почтенный редакторъ во вступительной статьѣ отстаиваетъ важность историко-литературныхъ вопросовъ въ наше время, „рѣшительнаго, подавляющаго преобладанія матеріальныхъ, промышленныхъ интересовъ“ въ жизни и „полнаго господства естественныхъ наукъ“ въ теоріи.

Вполнѣ признавая всю важность и въ настоящемъ и въ будущемъ химическихъ и физіологическихъ изслѣдованій, редакція полагаетъ однакожъ, что „то цѣльное органическое существо... которое называется человѣкомъ, не можетъ жить умственно и нравственно безъ вдохновенія, безъ идеаловъ, безъ отвлеченныхъ задачъ, безъ готовности трудиться и жертвовать собою для великихъ цѣлей будущаго“. Въ этомъ сказывается тотъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, который совершенно напрасно собирались было у насъ сдать въ архивъ. „Все великое, все движущее, все обновляющее въ исторіи человѣческаго развитія, умно и тепло продолжаетъ редакція, создано не однимъ только разсудкомъ, но совокупнымъ напряженіемъ и дѣятельностью всѣхъ природныхъ способностей человѣка... Этимъ-то цѣльнымъ человѣкомъ и занимается литература“... Мы видимъ тутъ вполнѣ вѣрное по своей широтѣ обоснованіе образовательнаго значенія литературы и ея изученія. Что касается исторіи литературы, то сущность ея не менѣе вѣрно и опредѣлительно усматривается редакціею въ томъ, что она „излагаетъ процессъ нарожденія, развитія, упадка и обновленія умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ человѣчества, по скольку они выражаются въ словѣ“. Но почтенная редакція далека отъ наклонности преувеличивать значеніе литературы до той, такъ сказать, чудодѣйственности, признаніе которой сказывается нерѣдко и въ современныхъ трудахъ, на ряду съ другими, также не всегда сразу замѣчаемыми фактами умственнаго „переживанія“ (survival). „Внимательное изученіе исторіи литературы неизбѣжно приводитъ къ тому общему выводу, что... не она является причиной политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, пережитыхъ народами въ разное время... Литература всегда была по преимуществу выразительницей такихъ идей и стремленій, которыя уже существовали и жили въ обществѣ и которыя только выяснялись ею въ художественныхъ образахъ или теоретическихъ изслѣдованіяхъ“.

При такой дѣльности основного взгляда редакціи, странностью представляется то, что ей показалось нужнымъ доказывать кому-то, какъ важно для европейскаго народа (какимъ являемся и мы) не быть оторваннымъ отъ того, что „сказано и сдѣлано до него другими историческими народами“ (т. е. тѣми же европейскими по преимуществу). „Эту-то преемственность и солидарность (говорится далѣе), которую могутъ отвергать только близорукіе или усталые умы, ищущіе покоя на лонѣ мнимо-народной самобытности, мы и намѣрены прослѣдить въ нашемъ историческомъ трудѣ“. Желая редакціи полнаго успѣха, можно предостеречь ее отъ дальнѣйшей излишней затраты силъ на борьбу съ вѣтряными мельницами. Тѣ „ищущіе покоя на лонѣ мнимой народной самобытности“, на которыхъ она намекаетъ, давно и цѣнятъ и изучаютъ литературу, какъ и историческую жизнь, не только своего, но и другихъ народовъ, хотя и не дѣлаютъ прозвище „историческихъ“ какою-то монополіею для народовъ собственно европейскихъ (Хомяковъ въ свою всемірную

исторію включилъ въ самомъ дѣлѣ весь міръ). Они желаютъ только своему народу занять во всемірномъ пантеонѣ вполнѣ самостоятельное мѣсто.

„Предлагаемый трудъ не есть учебникъ, поясняетъ редакція. Ни размѣры его, ни принятый нами способъ изложенія не отвѣчаютъ такому назначенію. Мы назначаемъ его для общаго чтенія". Въ этомъ смыслѣ на самомъ дѣлѣ задуманы и выполнены первыя три главы, принадлежащія самому редактору: 1) языкъ, какъ явленіе природы и орудіе литературы, 2) происхожденіе и исторія письменности, 3) общіе законы историческаго развитія литературъ: авторъ добросовѣстно изучилъ литературу предмета и живо передалъ ея итоги. Казалось бы только, что, не будучи самъ спеціалистомъ въ языкознаніи, онъ могъ бы остаться болѣе объективнымъ относительно борющихся въ немъ направленій. Между тѣмъ, въ самое заглавіе 2-го отдѣла главы о языкѣ включено имъ категорическое заявленіе: „вѣрная постановка вопроса принадлежитъ филологамъ-реалистамъ". На самомъ же дѣлѣ нѣкоторыя изъ возраженій съ ихъ стороны Максу Мюллеру, передаваемыхъ г. Коршемъ, могутъ представиться шаткими и не довольно продуманными. Что касается главы объ общихъ законахъ развитія литературы, то при всей удовлетворительности ея изложенія, лучше бы было обойтись безъ нея: законы развитія не должны подаваться впередъ. Къ уразумѣнію ихъ читатель долженъ быть приводимъ постепенно, по мѣрѣ ознакомленія его съ фактическою стороною литературы. Конечно, этому мѣшаетъ то, что разбираемый трудъ принадлежитъ не одному лицу, а многимъ. Снѣться на столько, чтобы изъ совокупной работы получилась въ видѣ конечнаго итога стройная система законовъ литературнаго развитія, было бы очень мудрено. Но участіе въ трудѣ разныхъ рукъ представляетъ и другія неудобства. Не всѣ участники одинаково способны писать такъ, чтобы выходилъ „не учебникъ, а книга для общаго чтенія", популярная, но въ то же время научно-обоснованная. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ труда, вошедшихъ уже въ появившіеся выпуски, нельзя признать ни научной удовлетворительности и полноты, ни живости общедоступнаго изложенія. Они и мало даютъ и скучны. А между тѣмъ, въ числѣ сотрудниковъ есть имена, пользующіяся заслуженною извѣстностью. Санскритская литература изложена И. П. Минаевымъ, иранская—К. Г. Залеманомъ, египетская и ассирійско-вавилонская—Эд. Мейеромъ, еврейская литература—И. С. Якимовымъ, китайская излагается В. П. Васильевымъ. Послѣдняя только начата въ 3 вып. (все же раньше, чѣмъ можно было ожидать по вступительной статьѣ редакціи, думавшей, что ей придется издать работу нашего знаменитаго синолога отдѣльнымъ дополнительнымъ выпускомъ). Изъ того, что пока напечатано, можно заключить только, что свой обзоръ китайской литературы проф. Васильевъ задумалъ довольно широко и что онъ будетъ имъ выполненъ совершенно самостоятельно, исключительно по источникамъ. Вкладомъ въ науку трудъ этотъ несомнѣнно будетъ; увидимъ потомъ, будетъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ для „общаго чтенія". Наиболѣе удовлетворительными въ смыслѣ и научности, и популярности, представляются въ вышедшихъ выпускахъ работы Эд. Мейера (иностраннаго ученаго) и проф. Якимова. Жаль только, что у послѣдняго въ его довольно живомъ изложеніи еврейской литературы замѣчается подчасъ смѣшеніе историко-литературнаго съ историческимъ вообще.

Въ слѣдующихъ выпускахъ должны появиться труды самого редактора, В. И. Модестова, А. И. Кирпичникова, бар. В. Р. Розена, А. Я. Гаркави и молодого добросовѣстнаго ученаго П. О. Морозова. Жаль, что въ числѣ столькихъ почтенныхъ именъ не встрѣчается Александра и Алексѣя Николаевичей Веселовскихъ. Оба были бы тутъ на своемъ мѣстѣ. Пожелаемъ читателямъ встрѣтить въ дальнѣйшихъ выпускахъ усиленіе интереса—зависящее не только отъ самаго предмета, но и отъ изложенія.

Ор. Миллеръ.

Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть 1. Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Мы имѣемъ право, судя по такому заглавію, ожидать отъ автора цѣлаго ряда подобныхъ монографій. Нельзя не порадоваться этому, если всѣ онѣ будутъ также дѣльно и живо написаны, какъ перепечатанная въ 1 ч. монографія о Шишковѣ, сперва появившаяся въ „Вѣстникѣ Европы". Тотъ, про кого сказалъ Пушкинъ:

Сей старецъ дорогъ намъ;—онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года

конечно, заслуживалъ добросовѣстнаго изученія и въ самомъ дѣлѣ дождался его отъ г. Стоюнина. По своему умный и честный чудакъ-литераторъ и администраторъ, Шишковъ поставленъ у него на чисто историческую почву и мѣткими чертами обособленъ, какъ своеобразная личность, отъ разношерстной плеяды александровскихъ знаменитостей. И вся вообще эпоха со всѣми холостыми зарядами своего либерализма, предвозвѣщавшими заранѣе Аракчеевыхъ, Магницкихъ и Фотіевъ, понята и освѣщена авторомъ вѣрнѣе чѣмъ у многихъ до него. Образчикомъ можетъ служить его мнѣніе о рьяныхъ застрѣльщикахъ либерализма въ самомъ началѣ оттепели послѣ смерти императора Павла: „Увлекаясь крайними преобразовательными идеями, они не покидали мысли, что новыя учрежденія слѣдуетъ привязывать къ нашимъ древнимъ учрежденіямъ, и что новое уложеніе должно вытекать изъ истиннаго народнаго духа. Но эта справедливая мысль должна была остаться только въ теоріи. Кто же изъ нихъ, да и изъ всѣхъ чиновныхъ дѣльцовъ, зналъ народный духъ? Въ тайныхъ комитетахъ ничего не можетъ дѣлаться на основаніи народнаго духа". Шишковъ оставался всегда отъявленнымъ врагомъ этихъ либеральныхъ дѣльцовъ и воображалъ себя пропитаннымъ истинно народнымъ духомъ; но авторъ вѣрно указываетъ на то, что и онъ на самомъ дѣлѣ не зналъ народа. Въ самомъ дѣлѣ къ Шишкову можно бы было отнести извѣстные стихи Воейкова про С. Н. Глинку:

Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

Духъ этотъ дѣйствительно оставался для „патріотовъ" того времени неоткупореннымъ. Такимъ образомъ они лишали самихъ себя возможности вдыхать его настоящій запахъ, боясь какъ бы онъ, разъ откупоренный, не испарился! Народность представлялась имъ чѣмъ то обязательно лишеннымъ вольнаго воздуха, и они при этомъ никакъ не смекали, что она можетъ наконецъ разорвать стклянку и выпалить. Между тѣмъ любовь Шишкова къ отечеству была и горяча и искренна. Авторъ блистательно выставилъ его смѣлую роль во время отечественной войны, когда онъ даже рѣшился вычеркнуть въ приказѣ императора войскамъ обѣщаніе „ни въ какое время отъ нихъ не отлучаться и всегда быть съ ними". Дѣло въ томъ, что Шишковъ не видѣлъ пользы, а видѣлъ скорѣе вредъ отъ пребыванія Александра Павловича при арміи, и у него уже было заготовлено къ государю письмо, въ которомъ онъ склонялъ его быть „среди своего народа". Ссылаясь и опираясь на народъ,— этого „знакомаго незнакомца", Шишковъ какъ и Растопчинъ, руководился въ своей страстной ненависти къ Наполеону между прочимъ и опасеніемъ, какъ бы это „исчадіе революціи" не озаботилось уничтоженіемъ у насъ крѣпостного права. Шишковъ смотрѣлъ на это послѣднее какъ на своего рода охранительную „стклянку" для народнаго духа. А между тѣмъ этотъ крѣпостникъ по принципу, какъ оно подробно разсказано у нашего автора, не бралъ никогда никакого оброка со своихъ крестьянъ (пожалованныхъ ему Павломъ Петровичемъ), такъ что они, зная ограниченность его средствъ, сами пришли къ нему и сказали: „положи на насъ за прежніе льготные годы хоть по тысячѣ рублей, а впредь

будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь". Но Шишковъ и тутъ ото всего отказался, ограничившись тѣмъ удовольствіемъ, какое доставили ему слова крестьянъ, напоминающія языкъ старинныхъ грамотъ (стр. 117—118).

Фактъ этотъ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что упоминается у г. Стоюнина въ третьей главѣ его біографіи Пушкина („Историч. Вѣстн." Іюнь, стр. 251—252) про проф. Куницына, оставшагося извѣстнымъ своему великому ученику только со своихъ казовыхъ сторонъ. Куницынъ, какъ помнятъ читатели, по свидѣтельству директору лицея, правдиваго Энгельгардта, „на каѳедрѣ безпрестанно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полусмерти бивалъ".

Подобные „Мирабо", способные „хлестать старика Гаврилу и въ усъ и въ рыло" (по выраженью Дениса Давыдова) въ новомъ видѣ имѣются и теперь. Но они хлещутъ мужика не грубой барской ладонью, а интеллигентнымъ барскимъ перомъ, выставляющимъ нашего простолюдина животнымъ, тоже, подите!—изъ либерализма.

Ор. Миллеръ.

Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію. И. Бѣлоруссова. Воронежъ. 1880.

Г. Бѣлоруссовъ задался цѣлью представить взглядъ Пушкина на поэта и поэзію и объяснить то противорѣчіе, которое существуетъ въ разновременныхъ воззрѣніяхъ Пушкина на этотъ предметъ. Обыкновенно переходъ Пушкина на сторону искусства для искусства объясняютъ вліяніемъ нѣмецкой художественной теоріи, съ которою онъ познакомился въ 1826—1827 гг. чрезъ своихъ московскихъ друзей и изъ статей „Московскаго Вѣстника". Но г. Бѣлоруссовъ почему-то не удовлетворился этимъ объясненіемъ и началъ искать другого, результатомъ чего было открытіе въ характерѣ Пушкина „двойственности": „въ извѣстное время Пушкинъ бывалъ однимъ человѣкомъ, а въ другое совершенно инымъ; одно время настроеніе его души—свѣтлое, спокойное, невозмутимое, тогда какъ въ другое—чело его покрывается мрачными думами, и поэтъ является какою-то демоническою натурою (?!)" (стр. 3—4). Происхожденіе этой двойственности объясняется совмѣщеніемъ въ нашемъ поэтѣ двухъ различныхъ типовъ: русскаго (по отцу) и африканскаго (по матери), а въ доказательство ея существованія приводятся различные отзывы о Пушкинѣ Энгельгардта („его сердце холодно и пусто") и Пущина („доброе, нѣжное и по преимуществу любящее существо"), разгульная жизнь поэта въ Петербургѣ и Кишиневѣ и произведенія эпикурейскаго и сатирическаго характера на ряду съ такими произведеніями, „въ которыхъ выражается его трезвая и спокойная поэтическая работа" (стр. 13), тоска и отчаяніе его въ Михайловскомъ, „не смотря на развлеченія и удовольствія, доставляемыя тригорскими сосѣдями и пріѣзжавшими друзьями" (стр. 191, и 7). Противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Пушкина на поэта и поэзію объясняется такъ: „въ минуту спокойнаго и ничѣмъ невозмутимаго вдохновенія, Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Пророкъ", въ которомъ признаетъ себя посланникомъ неба и учителемъ человѣчества; въ минуты раздраженнаго состоянія, когда голосъ его остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, онъ отказывается какъ будто отъ своего назначенія и вмѣсто того, чтобы исправлять и учить общество, клеймитъ его и считаетъ недостойнымъ своей музы" (стр. 41). И такъ, все дѣло сводится къ тому, что Пушкинъ бывалъ иногда въ хорошемъ расположеніи духа, иногда въ дурномъ и что его поэтическія произведенія носили на себѣ отпечатокъ этой „двойственности" его характера, такъ что, когда Пушкинъ былъ въ хорошемъ расположеніи

духа, онъ хотѣлъ „глаголомъ жечь сердца людей", а когда былъ въ дурномъ, то кричалъ „черни":

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

„Вотъ изрядное объясненіе!" скажемъ мы, какъ Фонъ-визиновскій Милонъ.

Кстати нѣсколько словъ о байронизмѣ. Слѣдуя г. Анненкову („Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху", стр. 170 сл.), г. Бѣлоруссовъ видитъ въ кишиневскихъ безобразіяхъ Пушкина и въ его демонической поэмѣ слѣдствіе вліянія на него Байрона, хотя самъ же говоритъ, что „жизнь лицейская подготовила Пушкина къ эпикурейскимъ увлеченіямъ „Большого Свѣта" [1], и эта (sic), въ свою очередь, подготовила къ разгульной и безнравственной жизни въ Кишиневѣ" (стр. 14); мало того, по его мнѣнію, Пушкинъ и въ Михайловскомъ „испытывалъ еще нѣкоторые слѣды байронизма", которые заключались въ томъ, что онъ изъявлялъ презрѣніе къ отечеству (стр. 21); даже въ Петербургѣ въ 1828 году „байроническое состояніе тлѣло еще въ душѣ поэта" (!!!), „иначе, къ чему бы высказывать мрачные взгляды на жизнь?" (стр. 24). Г. Бѣлоруссовъ забылъ, что кишиневское общество, въ которомъ безобразничалъ Пушкинъ, и само безобразничало не менѣе его, хотя не испытало на себѣ, конечно, вліянія Байрона; онъ также не догадался, что для того, чтобы хандрить, Пушкинъ всегда имѣлъ гораздо болѣе существенныя причины, чѣмъ какое бы то ни было литературное вліяніе...

А. С—скій.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Томъ III. Кіевъ. 1880.

Професоръ Кіевскаго университета Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (родился въ 1804, умеръ въ 1873 году) извѣстенъ своею обширною и разнообразною научною дѣятельностью. Первоначально ботаникъ, онъ занялся потомъ языкознаніемъ, исторіей, археологіей, этнографіей, даже педагогіей, и результатомъ его многолѣтнихъ занятій былъ рядъ замѣчательныхъ книгъ и статей, которыя въ свое время высоко цѣнились спеціалистами. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи сталъ собирать памятники народной поэзіи, и его сборники малорусскихъ народныхъ пѣсенъ обратили на себя вниманіе Пушкина и Гоголя, особенно послѣдняго, который по поводу одного изъ нихъ (изданнаго въ 1834 г.) написалъ свою извѣстную статью о малорусскихъ пѣсняхъ. Въ первыхъ двухъ раньше вышедшихъ томахъ сочиненій Максимовича находятся его статьи историческаго, историко-топографическаго, археологическаго и этнографическаго содержанія, настоящій же 3-й томъ посвященъ языкознанію и исторію русской литературы. Относительно статей по языкознанію (о русскомъ языкѣ) надо сказать, что писанныя въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ (къ началу шестидесятыхъ относятся только „Новыя письма къ М. П. Погодину о старобытности мало-россійскаго нарѣчія"), онѣ были очень замѣчательны въ свое время и не прошли безслѣдными въ наукѣ (ими, напримѣръ, установленъ общепринятый терминъ „полногласіе"), но теперь уже почти совсѣмъ потеряли научный интересъ. Немного больше интереса представляютъ и статьи по исторіи русской литературы, начинающіяся 1833 и кончающіяся 1872 годомъ. Въ первой изъ нихъ—„Исторіи древней русской словесности", говорится болѣе о дѣленіи русской литературы на періоды и о русскомъ языкѣ [2]),

---

[1]) Г. Бѣлоруссову почему-то угодно писать эти два слова съ прописныхъ буквъ.

[2]) То, что говорится въ „Исторіи" о русскомъ языкѣ, есть безспорно самое лучшее изъ всего, что написано Максимовичемъ по языкознанію. Здѣсь онъ съ замѣчательною для своего времени тонкостью опредѣлилъ нарѣчія и говоры велико-

чѣмъ о самой литературѣ, такъ что эту статью вѣрнѣе было бы назвать „Введеніемъ въ исторію русской словесности". За нею слѣдуютъ письма къ М. П. Погодину „О народной исторической поэзіи въ древней Руси", тѣсно связанныя рядомъ послѣдующихъ статей о Словѣ о полку Игоревѣ, памятникѣ, которымъ съ особенною любовію занимался покойный Максимовичъ и который онъ перевелъ стихами на малороссійскій языкъ; имъ составленъ одинъ изъ лучшихъ историческихъ комментаріевъ къ Слову; имъ же впервые высказана мысль о близости Слова съ русскою народною поэзіею, мысль, такъ прекрасно, хотя односторонне, развитая впослѣдствіи г. Буслаевымъ въ его статьѣ „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской народной поэзіи" въ (1-мъ томѣ его Историческихъ очерковъ русской народной поэзіи и искусства). Далѣе слѣдуетъ неоконченная статья „Книжная старина южно-русская", въ которой Максимовичъ впервые представилъ перечень и отчасти описаніе книгъ, напечатанныхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ въ Кіевѣ, Львовѣ, Острогѣ, Почаевѣ и другихъ городахъ южной Россіи; здѣсь между прочимъ описаны Панегирики Стефана Яворскаго и Филиппа Орлика, извѣстнаго любимца Мазепы. Перечень русскихъ книгъ южно-русской печати, составленный Максимовичемъ, цѣликомъ вошелъ въ составъ позднѣйшихъ библіографическихъ трудовъ П. Каратаева и Ундольскаго. Слѣдующія затѣмъ мелкія статьи: „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ мнимомъ и дѣйствительномъ", „О первомъ изданіи Дидаскаліи Сильвестра Коссова", „Библіографическое объясненіе г. Гильдебрандту" (объ Апокризисѣ Христофора Филалета) „О двухъ стихотвореніяхъ Плачъ малой Россіи и Милость Божія", приписанныхъ Максимовичемъ Ѳеофану Прокоповичу, „О стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича", гдѣ онъ беретъ назадъ свое мнѣніе о принадлежности Ѳеофану Плачъ малой Россіи, и наконецъ „Извѣстіе о книгѣ Благоутробіе Марка Аврелія", имѣютъ слишкомъ спеціальный интересъ, но за то представляютъ новинку для значительнаго большинства нашей публики, потому что большая часть ихъ была до сихъ поръ зарыта въ мало кѣмъ читаемыхъ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ".

А. С—скій.

Svod zákonuv slovanskych (Сводъ законовъ славянскихъ) Zporadal. D-r Hermenegild Jirecek. V. Pvaze 1880. Nákladem. F. Tempského.

Исторія славянскихъ законодательствъ обращаетъ на себя вниманіе только очень ограниченнаго числа ученыхъ; у насъ въ Россіи большинство университетовъ до сихъ поръ не можетъ замѣстить имѣющуюся въ нихъ каѳедру этого предмета. Съ цѣлію облегчить его изученіе, д-ръ Герменегильдъ Иречекъ, извѣстный чешскій юристъ и издатель Codex juris bohemici (его не слѣдуетъ смѣшивать съ его братомъ, филологомъ Іосифомъ Иречкомъ, авторомъ „Исторіи Болгаръ"), представилъ въ настоящемъ трудѣ сборникъ важнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего помѣщены договоры русскихъ съ греками, „Русская Правда" (по двумъ спискамъ), договоры: новгородцевъ съ нѣмцами, смолянъ съ Ригою, двинская уставная грамота, псковская судная грамота; за ними слѣдуютъ памятники русскаго и русско-литовскаго законодательства XV—XVI вѣковъ: статутъ короля Владислава, судебникъ короля Казиміра, литовскій статутъ, судебники Іоанна III и Іоанна IV. Далѣе идутъ юридическіе памятники, сперва сербовъ: законникъ

русскаго и малорусскаго языка, указавъ важнѣйшія особенности каждаго изъ нихъ (главы IV и V), и прекрасно охарактеризовалъ значеніе церковно-славянскаго языка въ древней Руси и его вліяніе на русскій языкъ (гл. VIII).

царя Стефана Душана (по двумъ спискамъ), четыре договора дубровчанъ съ сербскими государями и два новѣйшихъ черногорскихъ законника; потомъ хорватовъ: Загребскій законъ 1273 года, законы Виндольскій и Полицкій; наконецъ новѣйшія сербскія законоположенія о задругѣ (родовой общинѣ). Отъ южныхъ славянъ Иречекъ переходитъ къ чехамъ и приводитъ цѣлый рядъ памятниковъ, относящихся до ихъ древняго права, начиная съ Зеленогорской рукописи и кончая уставомъ земскаго права (Rad práva zemského). Сборникъ оканчивается польскими статутами Вислицкимъ и Вартскимъ. Всѣ находящіеся въ **Сводѣ** памятники были уже напечатаны въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, такъ что Иречку должно вмѣнить въ заслугу только то, что онъ собралъ ихъ въ одну книгу. Кромѣ краткихъ введеній, поясняющихъ значеніе и исторію каждаго памятника, имъ не представлено никакихъ объясненій; впрочемъ, онъ обѣщаетъ издать, въ дополненіе къ настоящему своему труду, словарь юридическихъ терминовъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, не мало обяжетъ всѣхъ интересующихся не только славянскимъ правомъ, но и славянскою исторіею и филологіею.

Должно пожалѣть, что Иречекъ помѣстилъ въ **Сводѣ** такъ называемую Зеленогорскую рукопись (Любушинъ судъ и отрывокъ „vsiak ot svej celedi vojevodi"), подлинность которой сильно оспаривается въ настоящее время. Чешскіе и русскіе ученые (въ особенности гг. Шембера и Ламанскій) представили очень вѣскіе доводы противъ подлинности, какъ другихъ открытыхъ Ганкою древне-чешскихъ памятниковъ, такъ и этого, и эти доводы не опровергнуты до сихъ поръ вполнѣ; по этой причинѣ Иречку слѣдовало бы удержаться отъ внесенія Зеленогорской рукописи въ свой солидный ученый трудъ.

А. С—скій.

В. И. Немировича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880.

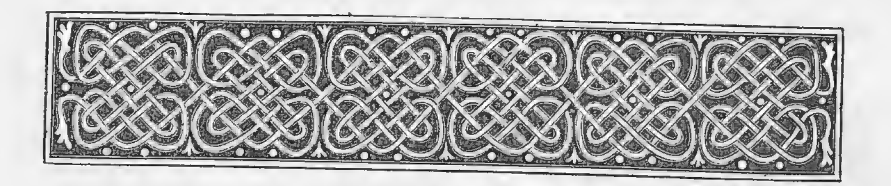
Дѣло освобожденія Болгаріи, обстоятельства, его сопровождавшія и тѣ формы, въ какихъ оно завершилось пока, до сихъ поръ еще остаются далеко не выясненными вполнѣ для русскаго общества. Многое опутывалось тенденціозной сѣтью извѣстной части нашей печати, но многое, безъ сомнѣнія, ускользало отъ вниманія, вслѣдствіе небрежности и самомнѣнія, какими отмѣчены были недавно наши отношенія къ возрожденной странѣ. Вотъ почему, вѣроятно, о современныхъ болгарскихъ учрежденіяхъ составилось у насъ какое-то странное, ошибочное понятіе; даже конституція княжества, объ отмѣнѣ которой у насъ разсуждали, ни разу не была напечатана въ нашихъ изданіяхъ въ полномъ составѣ. Этотъ пробѣлъ отчасти восполняется въ настоящее время вышеприведенною книгою г. Немировича-Данченко.

Въ ряду наблюденій автора переданы между прочимъ вопіющія похожденія русскихъ администраторовъ, мнившихъ себя въ освобожденной странѣ чуть не Зевсами-громовержцами. Попадались и такіе освободители, которые только и думали о наполненіи собственныхъ кармановъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, лишь бы удовлетворить своимъ хищническимъ инстинктамъ. По словамъ г. Немировича-Данченко, самые достовѣрные люди разсказывали ему, какъ нѣчто весьма обыкновенное, такія вещи, отъ которыхъ „волосы становятся дыбомъ". Люди, вызванные княземъ Черкасскимъ, выдѣлили нѣсколько субъектовъ, имена которыхъ сдѣлались нарицательными въ народѣ. Но не въ этихъ фактахъ существенный интересъ разсматриваемой книги или, если они и имѣютъ значеніе, то отнюдь не въ отдѣльности взятые отъ всего, что приходилось наблюдать автору.

Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть иначе тамъ, гдѣ самый принципъ освобожденія и его конечная цѣль не были сознаны ясно? Если князь Черкасскій „всюду и вездѣ“ повторялъ, что онъ пріѣхалъ въ Болгарію для „русскаго дѣла“, что ничего болгарскаго онъ не признаетъ, тѣмъ паче мелкотравчатымъ устроителямъ „Болгарскаго царства“ оставался не доступнымъ девизъ болгарскихъ патріотовъ „Болгарія—для болгаръ“. Это, однако, понимали выдающіеся борцы за политическую свободу болгарскаго народа. Словейковъ, напримѣръ, ни разу, по отзыву автора „Послѣ войны“, не упрекнулъ русскихъ ни единымъ словомъ, тогда какъ другіе насъ проклинали и „искренно желали освободиться отъ дланей и нагаекъ нашихъ храбрыхъ администраторовъ“.

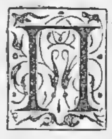
Но, помимо вышеприведенныхъ фактовъ, книга г. Немировича-Данченко въ живыхъ очеркахъ знакомитъ насъ съ богатствомъ страны, ея нравами, учрежденіями, замѣчательнымъ стремленіемъ болгарскаго народа къ образованію и со взглядами выдающихся болгарскихъ общественныхъ дѣятелей на дѣло развитія своей страны. Г. Немировичъ-Данченко особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что наша образовательная система сильно пугаетъ болгарскую интеллигенцію. „Изъ Россіи“, замѣтилъ автору одинъ „весьма образованный и знающій докторъ“,—„возвращаются наши дѣти чиновниками, людьми чуждыми намъ совсѣмъ... Они мечтаютъ о дворянствѣ, о выдѣленіи себя и своихъ присныхъ изъ народа, о мундирахъ, формахъ, отличіяхъ“. Вообще же книга „Послѣ войны“ содержитъ въ себѣ много любопытныхъ замѣчаній и мѣткихъ отзывовъ о разныхъ сторонахъ жизни болгарскаго народа и, безъ сомнѣнія, прочтется каждымъ съ большимъ интересомъ.

Ѳ. Б.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письма графа Сегюра къ князю Потемкину.



ПЕЧАТАЕМЫЯ ниже въ русскомъ переводѣ письма къ Потемкину графа Сегюра, французскаго посла при петербургскомъ дворѣ съ 1788 по 1789 г. обязательно сообщены намъ во французскихъ подлинникахъ П. Я. Дашковымъ. Письма эти, касаясь тѣхъ же предметовъ, о которыхъ говорится и въ „Запискахъ" Сегюра (издан. въ русск. перев. въ 1865 г.) могутъ служить дополненіемъ къ нимъ и имѣютъ то преимущество, что рисуютъ отношенія Сегюра къ Потемкину безъ тѣхъ сглаживаній, которые неизбѣжны въ книгѣ, предназначаемой для всѣхъ.

Въ каждомъ письмѣ, напримѣръ, Сегюръ клянется Потемкину въ дружбѣ, увѣряетъ въ любви, удивляется его уму и дѣяніямъ, а между тѣмъ въ „Запискахъ" высказываетъ о немъ мнѣніе далеко не лестное. Но такъ какъ всесильный фаворитъ Екатерины II болѣе всѣхъ другихъ царедворцевъ могъ быть полезенъ Сегюру, но послѣдній, разумѣется искалъ его дружбы и льстилъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ.

I.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1786.

Любезный князь.

Приношу вамъ тысячу благодарностей—только не за пріемъ, который вы оказали принцу Нассаусскому уже познакомившись съ нимъ, но за то, что вы были расположены это сдѣлать для него по моей просьбѣ прежде вашего съ нимъ знакомства. Я увѣренъ, что теперь вы любите его ради него самого; онъ сохранилъ характеръ древнихъ нашихъ рыцарей, благороденъ, обходителенъ, гордъ, впечатлителенъ, откровененъ. Онъ созданъ для того, чтобы питать къ вамъ любовь и уваженія и всѣ ваши помыслы найдутъ въ немъ живое сочувствіе и пониманіе [1]).

---

[1]) Знакомство Сегюра съ принцемъ Нассау-Зигеномъ началась ссорою и дуэлью, послѣ которой они заключили дружбу. Нассау, какъ извѣстно, потомъ служилъ въ русской службѣ.

Ваша любезная, прекрасная, добрая и обожаемая племянница, только что насъ покинула [1]). Я этимъ доволенъ и огорченъ. Я любилъ ее какъ сестру, но находилъ ее слишкомъ прекрасною чтобы не опасаться болѣе чѣмъ братской любви. Я поручилъ ей осыпать васъ упреками, за которые съ восторгомъ стану просить прощенія.

Я полагалъ, что вы меня забыли, что ваши губерніи, фабрики, флотъ, ваши осушительныя предпріятія, лагери, распоряженія и обширные замыслы, о которыхъ, въ качествѣ посланника, я не могу говорить свободно, надолго изгнали меня изъ вашей памяти, но теперь вижу, что чѣмъ бы вы ни были заняты, что бы вы не предпринимали, у васъ всегда достанетъ времени на все.

Черезъ двѣ недѣли мы отправляемся въ путь [2]), чтобы снова свидѣться съ вами. Нашъ славный, добрый и обожаемый начальникъ каравана, оставляетъ намъ немного хлопотъ по сборамъ въ путь; онъ насъ повезетъ, будетъ кормить, позаботится о нашемъ помѣщеніи, освѣщеніи и уже снабдилъ насъ великолѣпными шубами. Г. Бецкій разъ въ свою жизнь будетъ въ правѣ сказать, что не такъ путешествовали въ его время, когда ему доводилось ѣздить курьеромъ въ Константинополь. Императрица везетъ съ собою также библіотеку, которую благосклонно предоставляетъ въ наше распоряженіе, такъ что я надѣюсь прочесть съ вами нѣсколько греческихъ трагедій, анакреонтическихъ одъ и даже переложить въ стихи нѣкоторые ихъ отрывки, если только вы потерпите ихъ въ риѳмованномъ видѣ.

Не стану разсказывать вамъ новостей. Послѣ того какъ чалмы, на зло старому муфтію, у котораго борода длиннѣе ума, уладили дѣла съ желательною для меня учтивостію, новостей болѣе не существуетъ. Только Моссъ [3]), какъ-то на дняхъ довольно забавно и зло выразился о голландскихъ дѣлахъ, сказавъ что „le Stadhouder étoit mal en cour". Никто изъ умныхъ людей, сочиняющихъ газеты, еще не говорилъ столь забавнаго и колкаго, какъ этотъ шутъ.

Впрочемъ, думаю, что съ моей стороны было бы благоразумнѣе не докучать всѣмъ этимъ вздоромъ человѣку, которому предстоитъ въ столь короткое время совершить столь многое. Я чувствую, что ваше время и мое благоразуміе требуютъ окончанія письма. Будьте вполнѣ увѣрены, любезный князь, что знаки вашей дружбы навсегда запечатлѣны у меня въ сердцѣ, которое никогда не отдается легко или наполовину.

Благодарю васъ отъ имени Нассауской земли и нассаускаго флага и надѣюсь въ скоромъ времени поблагодарить васъ—хотя вы мнѣ ничего не говорили—еще отъ имени Россіи и Франціи за то, чего я, какъ вы знаете, столь искренно желаю [4]).

Имѣю честь пребыть, съ нѣжнѣйшею привязанностію и отмѣннѣйшимъ уваженіемъ къ вамъ, князь,

Вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга
графъ Сегюръ.

---

[1]) Графиня Екатерина Васильевна Скавронская (род. 1761 † 1820 г.), четвертая дочь подполковника Василія Андреевича Энгельгардта и Марѳы Александровны, сестры кн. Потемкина. Вышла замужъ въ 1781 г. за графа П. М. Скавронскаго, бывшаго полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Статсъ-дамою пожалована 17 августа 1786 г., по просьбѣ князя Потемкина. Относительно этого пожалованія существуетъ слѣдующій разсказъ. Въ спальнѣ князя Потемкина на столикѣ лежалъ портретъ императрицы, имъ носимый; 26-ти лѣтняя гр. Скавронская, шутя, взяла его и, подойдя къ зеркалу, приколола на себя. „Катенька", воскликнулъ Потемкинъ, „поди благодарить императрицу; ты—статсъ-дама", и написавъ записку принудилъ ее идти съ этою запискою къ императрицѣ. Екатерина II была очень недовольна этимъ и, написавъ записку къ Потемкину, молча отпустила графиню. Вскорѣ однако же гр. Скавронская стала пользоваться большимъ расположеніемъ Екатерины.

[2]) Сегюръ собирался сопровождать Екатерину въ ея путешествіи въ Крымъ.

[3]) Шутъ Потемкина.

[4]) Сегюръ намекаетъ на торговый договоръ между Россіею и Франціею ратификованный 31 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.).

II.

С.-Петербургъ, 15 августа 1787.

Любезный князь.

Когда я былъ въ Харьковѣ, то у васъ было столько дѣла, что я могъ только вскользь поговорить о двухъ дѣлахъ, которыя однако, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вашего вниманія. Одно касается интересовъ человѣка, которому вы желаете добра и для котораго вы сдѣлали уже многое—это Антуанъ [1]). Другое касается развитія херсонской торговли. Торговцы этого города составили записку и просили меня передать ее вамъ, не смотря на то, что по ихъ мнѣнію, большая часть содержащихся въ ней замѣчаній теперь оказывается безполезною, и что вы уже составили проектъ всего, что нужно для ея утвержденія. Я доселѣ надѣялся и ждалъ вашего возвращенія, чтобы передать вамъ обѣ эти записки, но теперь рѣшился ихъ переслать, такъ какъ, повидимому, несомнѣнно, что ваши занятія задерживаютъ васъ въ Кременчугѣ съ гораздо большею силою, чѣмъ съ какою дружба влечетъ васъ въ Петербургъ. Если вы захотите быть добрымъ и прикажете окончить дѣло Антуана, то это будетъ новымъ одолженіемъ, которое, присоединю ко всему, чѣмъ я уже вамъ обязанъ.

Имѣю честь пребыть съ чувствами отмѣннѣйшаго уваженія и пр.

III.

С.-Петербургъ, 25 августа 1787.

Любезный князь.

Мою лѣность извинитъ развѣ сознаніе въ ней и прощеніе, о которомъ теперь васъ умоляю. Покрайней мѣрѣ будьте увѣрены, что я каждый день думаю о васъ, постоянно говоримъ о васъ съ принцемъ де-Линемъ и вашею племянницею и досадуемъ на ваше безжалостно продолжающееся отсутствіе. Боюсь, чтобы эти докучливые турки еще болѣе не замедлили вашего возвращенія. Меня увѣряютъ, будто они все еще немогли образумиться. Какъ бы не желалъ я для васъ славы, однако я долженъ слишкомъ сильно желать мира, и не молиться, чтобы Магометъ и Шаузель открыли имъ глаза и вразумили. Но они во всякомъ случаѣ достигнутъ успѣха слишкомъ поздно, такъ какъ я уѣду изъ Петербурга, прежде чѣмъ вы возвратитесь [2]).

На время моего отсутствія сюда посылаютъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, графа де-Сенъ-Круа, уже выполнившаго съ успѣхомъ нѣсколько порученій. Говорятъ, что это человѣкъ весьма умный и даровитый; поручаю его вашей добротѣ и прошу черезъ него время отъ времени извѣщать меня о себѣ, ибо я слишкомъ люблю васъ, чтобы примириться съ мыслію, что буду вами забытъ.

Я расчитываю вернуться въ Россію въ іюлѣ. Впрочемъ я замѣчаю, что надъ Голландіей и Брабантомъ надвигаются большія тучи; тамъ уже сосредоточено нѣсколько англійскихъ и французскихъ судовъ и нѣсколько прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ батальоновъ—и потому мое возвращеніе въ Петербургъ вѣроятно ускорится.

Вы съ моимъ отцомъ служители войны, славы и крови, станете оттачивать свои шпаги, тогда какъ мы, бѣдные жрецы Януса, займемся скучнымъ чиненіемъ перьевъ. Но если всѣ наши писанія останутся безуспѣшными, то

---

[1]) Антуанъ, негоціантъ изъ Марселя, жившій тогда близь Херсона; впослѣдствіи баронъ Сенъ-Жозефъ.

[2]) Сегюръ испросилъ отпускъ, полагая что въ зиму 1787 и первую половину 1788 года не можетъ случиться въ политикѣ Европы ничего такого важнаго, что потребовало бы его присутствія при с.-петербургскомъ дворѣ. 5 сентября онъ уже простился съ императрицею и черезъ недѣлю думалъ выѣхать изъ С.-Петербурга. Но объявленіе войны турками заставило его отказаться отъ отпуска.

легко можетъ статься, что я брошу перо для сабли и, Богъ свидѣтель, какъ буду радъ, очутившись въ Германіи или другомъ мѣстѣ въ арміи съ русскими и французскими батальонами и эскадронами, подъ начальствомъ фельдмаршала Потемкина. Однако, какъ честный человѣкъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы мои желанія не сбылись.

Я не пожалѣлъ бы ничего, ради возможности поговорить съ вами до отъѣзда, ибо вы, какъ прозорливый другъ, надѣюсь, вполнѣ убѣждены, что, посильно исполнивъ свой долгъ французскаго посланника въ Россіи, я съ тѣмъ вмѣстѣ по внушеніямъ сердца буду немножко русскимъ посланникомъ во Франціи. Я съ большимъ удовольствіемъ опишу тамъ всѣ тѣ великолѣпныя картины, которыя вы намъ показывали: торговлю, привлеченную въ Херсонъ не смотря на зависть и болота, чудомъ созданный въ два года флотъ въ Севастополѣ, вашъ Бахчисарай изъ тысячи и одной ночи, вашу Темпейскую долину, гдѣ, надѣюсь, посадите, какъ обѣщали, дерево, которое будетъ носить имя вашего молодого друга, ваши почти сказочныя празднества въ Карасубазарѣ, вашъ Екатеринославъ, куда въ три года вы собрали болѣе монументовъ, чѣмъ сколько могли ихъ собрать въ теченіе трехъ вѣковъ многія изъ столицъ, пороги, расчищенные вами какъ бы для того, чтобы вводить въ заблужденіе историковъ, географовъ и журналистовъ, и ту гордую Полтаву, гдѣ вы аттакою 70 батальоновъ отвѣчали на тѣ нападки, которымъ подвергалось ваше устроеніе Крыма со стороны невѣжества и зависти. Если мнѣ не повѣрятъ, то это будетъ ваша вина зачѣмъ вы сдѣлали столько чудеснаго, въ столь короткое время, не разу не похвалившись, пока не показали всего разомъ. Согласитесь, что моя повѣсть будетъ нѣсколько походить на сказку о геніяхъ и вы даете мнѣ новыя доказательства, подкрѣпляющія знаменитое изрѣченіе, что истинное иногда можетъ не быть вѣроятнымъ.

Я уѣзжаю исполненный мыслями объ этихъ чудесахъ и щемящею печалію въ сердцѣ, что удаляюсь отъ васъ и покидаю императрицу, осыпавшую меня столькими милостями. Она обладаетъ троякою тайною исторгать удивленіе, привлекать сердце и возбуждать довѣріе, столь рѣдко соединяемое съ благоговѣніемъ. Но нынѣ она дѣлаетъ то, что должно меня вовлечь въ большую ошибку и исполнить самолюбіемъ; она приказываетъ играть въ Эрмитажѣ „Коріолана", присутствуетъ при всѣхъ репетиціяхъ и по своей снисходительности (истинная печать превосходства) находитъ въ этой пьесѣ много красотъ, которыхъ я не подозрѣвалъ. Если немножко не возгордиться ея похвалами, то не знаю что можетъ... Прощайте, князь; говорю вамъ это пошлое слово, съ великою печалью, увѣряю васъ.

Меня весьма сильно огорчаетъ разлука съ вашею очаровательною племянницею, которую люблю, какъ сестру, за ея чарующую грацію и умъ, приводящій меня въ полнѣйшее отчаяніе. Она сама объяснитъ, что вызвало меня на смѣшную—какъ это можетъ вамъ показаться,—но тѣмъ не менѣе необходимую откровенность.

Прощайте, князь; обычные комплименты я приберегу для дѣлового письма, а это продиктовано сердцемъ, съ которымъ комплименты не уживаются. Я говорю вамъ въ немъ лишь то, о чемъ сердце желаетъ твердить вамъ постоянно — о своей признательности и нѣжной дружбѣ, которая прекратится лишь съ жизнію.

Графъ Сегюръ.

IV.

С.Петербургъ, 20 декабря 1787.

Любезный князь.

Если ваше сердце не безпокоится отвѣчать дружбѣ, то быть можетъ вашъ умъ захочетъ отвѣтить политикѣ. Я заявилъ министрамъ императрицы о же-

ланіи короля заключить съ нею договоръ о союзѣ [1]) и имѣлъ самый благопріятный отвѣтъ и самый обязательный пріемъ. Я уполномоченъ сдѣлать только одно это предложеніе, и потому могу вамъ высказать лишь свои частныя воззрѣнія. Мы можемъ въ этомъ договорѣ условиться, какъ въ 1756 году [2]), о взаимной помощи въ Германіи, при чемъ вы сохраните нейтралитъ между нами и англичанами, какъ мы между вами и турками. Но быть можетъ найдется другой способъ заключенія договора, болѣе соотвѣтственный вашимъ великимъ замысломъ. Для того, чтобы сдѣлать ихъ осуществленіе болѣе вѣроятнымъ, вамъ слѣдовало бы сообщить мнѣ о тѣхъ предложеніяхъ, которыя здѣсь могутъ мнѣ сдѣлать. Дадите ли намъ помощь противъ англичанъ и закроете ли вы имъ свои порты, если мы станемъ дѣйствовать съ вами противъ турокъ? Я не уполномоченъ дѣлать подобныя предложенія, но ставлю вамъ этотъ вопросъ только по дружбѣ и довѣрію. Вы, конечно, очень хорошо понимаете, что для завершенія столь великаго измѣненія системы мнѣ нужно имѣть прочныя основанія и знать намѣренія вашего двора столь же хорошо, какъ своего. Вы часто бесѣдовали со мною объ этихъ великихъ замыслахъ въ то время, когда положеніе дѣлъ и расположеніе умовъ обязывали меня слѣдовать системѣ противоположной съ вашею. Теперь настало время, когда я могу, соблюдая свой долгъ, дѣйствовать какъ вы желаете. Я какъ нельзя болѣе доволенъ довѣріемъ мнѣ оказаннымъ министрами ея императорскаго величества, но вы особенно посовѣтуйте имъ дать мнѣ самыя откровенныя и самыя подробныя объясненія. Отъ большей или меньшей подробности ихъ по моему мнѣнію можетъ зависѣть дать большій или меньшій объемъ нашему договору.

Не будьте не справедливы къ французамъ, теперь находящимся у турокъ [3]). Я не сомнѣваюсь, что въ настоящее время король избѣгаетъ всего, что будетъ непріятно императрицѣ; но разсчитайте числа—они были посланы въ то время, когда мы систематически вамъ противодѣйствовали, опасаясь нападенія съ вашей стороны. Хотя теперь все измѣнилось, однако на доставку приказовъ нужно время. Скорая доставка приказовъ въ Очаковъ затруднительна. Къ тому же безопасность этихъ офицеровъ требуетъ принятія нѣкоторыхъ предосторожностей, чтобы выручить ихъ отъ турокъ, не подвергая опасности. Я еще сегодня писалъ объ этомъ предметѣ въ Версаль—вотъ все, что могу сказать. Потерпите немножко, недѣль шесть, и вы получите мой отвѣтъ.

Я надѣюсь, что кромѣ васъ никто не увидитъ этого письма, писаннаго мною съ полнѣйшею къ вамъ довѣрчивостію, которая внушена мнѣ вашею дружбою и добротою. Такъ какъ я теперь тружусь на пользу вашей системы, то, надѣюсь, что по мѣрѣ возможности вы окажите мнѣ содѣйствіе. Станете ли вы еще обвинять меня въ пристрастіи къ мелочной политикѣ и къ полумѣрамъ?

Я не сталъ бы вамъ говорить комплиментовъ, если бы ваше молчаніе не заставило меня опасаться забвенія съ вашей стороны и не походило столь сильно на равнодушіе; оно побуждаетъ меня заявить вамъ объ отмѣнномъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь пребыть и пр.

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о четверномъ союзѣ между Россіею, Франціею, Австріею и Италіею. Заключенію его помѣшали внутренія волненія во Франціи.

[2]) По этому трактату договорившіяся стороны обязывались по требованію той изъ нихъ, на которую было бы сдѣлано нападеніе, выставить вспомогательный корпусъ изъ 18,000 пѣхоты и 8,000 конницы или давать деньгами соотвѣтственную субсидію. Освобождались отъ обязанности выставлять вспомогательныя войска, Россія—въ случаѣ войны Франціи съ Англіею или Итальянскими державами, а Франція—въ случаѣ войны Россіи съ Турціею.

[3]) Въ турецкихъ войскахъ въ то время служило нѣсколько французскихъ офицеровъ. Защитою Очакова также руководили французскіе инженеры, изъ которыхъ трое даже поплатились жизнію при штурмѣ Очаковскихъ укрѣпленій. Кн. Потемкинъ часто жаловался Сегюру на то, что французское правительство дозволяетъ своимъ офицерамъ служить въ турецкихъ войскахъ.

V.

Парижъ, 19 октября 1789.

Любезный князь.

Я только что извѣщенъ письмомъ изъ Варшавы, что вы завершили успѣхи вашего славнаго похода взятіемъ Бендеръ. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстны мои чувства, чтобы сомнѣваться въ томъ участіи, какое я принимаю въ вашей побѣдѣ. Слѣдуйте вашему прекрасному призванію, дополните славу нами обоими любимой и уважаемой государыни, заключивъ миръ, котораго желать вы принуждаете своихъ враговъ, и вы соедините тогда всѣхъ геніевъ славы. Но, чтобы дѣйствительно стяжать всѣ роды славы, вы должны быть также славны постоянствомъ въ дружбѣ; это хотя не самая блестящая, но за то самая пріятная и, быть можетъ, самая рѣдкая изъ славъ; я дерзновенно обѣщаю подавать въ этомъ примѣръ въ теченіе всей моей жизни.

Имѣю честь пребыть съ чувствомъ нѣжнѣйшей привязанности и отмѣннѣйшаго уваженія къ вамъ

князь,

Вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга

графъ Сегюръ.

Приписка. Не отошлете ли вы ко мнѣ моего дорогого Божера?

Сообщено **П. Я. Дашковымъ**.

Апокрифическое стихотвореніе.

Празднества въ память Пушкина вызвали изъ подъ спуда, вмѣстѣ съ множествомъ анекдотовъ и разсказовъ о великомъ поэтѣ, нѣсколько стихотвореній, до нынѣ хранившихся въ рукописи—по не цензурности содержанія, или по своей маловажности. Между таковыми, безъ всякаго сомнѣнія, попали въ печать произведенія совершенно чуждыя перу незабвеннаго творца „Онѣгина" и, вѣроятно, пущенныя въ обращеніе кѣмъ либо изъ его болѣе или менѣе талантливыхъ современниковъ, можетъ быть даже и послѣ его кончины. Подобнаго рода литературные подлоги во всякомъ случаѣ неуловимы для экспертизы; выдастъ ли золотая посредственность свою мишуру за чужое золото, или чужое за свое—искусная подделка, можетъ ввести въ заблужденіе и самаго опытнаго рецензента. Какъ бы то ни было, но эти фальшивыя монеты заслуживаютъ вниманія любителей русской литературы.

Перебирая бумаги покойнаго моего отца П. А. Каратыгина, я нашелъ между ними довольно ветхій лоскутокъ, на которомъ, карандашемъ и мнѣ незнакомой рукою набросано прилагаемое стихотвореніе. Когда и кѣмъ было оно сообщено моему отцу—этого я рѣшительно не знаю; замѣчу только, что покойный отецъ мой не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія и конечно не допускалъ мысли, чтобы оно могло быть написано Пушкинымъ. Очевидно это поддѣлка; однако же на столько ловкая, что я позволяю себѣ отдать ее въ печать:

26 іюня, 1821 года. Кишиневъ.

Ты пишешь: „на брегахъ Тавриды
Овидій въ ссылкѣ угасалъ..."
И я, по твоему Овидій
За то, что царь меня сослалъ?
Потомъ... о, льстецъ мой вдохновенный:
„Ты Тассъ—безумнымъ оглашенный!"
Да ужъ прибавь: Наполеонъ—
На островѣ святой Елены!

Но кто-жъ я? Тассъ, или Назонъ?...
Я, даже, въ ссылкѣ не дерзаю
Себя съ Овидіемъ ровнять—
И „вѣкомъ Августа" назвать
Нашъ вѣкъ себѣ не позволяю;
Хотя и онъ, какъ говорятъ,
Зѣло талантами богатъ—
И съ Римомъ выдержитъ сравненье
Россія въ этомъ отношеньи!
У насъ— Титъ Ливій—Карамзинъ
Нашъ Федръ—Крыловъ; Тибуллъ—Жуковскій;
Варронъ, Витрувій—Каразинъ,
А Діонисій [1]) Каченовскій!
Пропорцій—томный Мерзляковъ...
За нимъ идутъ аристократы:
Виргиліи и Меценаты:
Князь Шаликовъ и графъ Хвостовъ,
Князь Вяземскій, Плетневъ, Шишковъ,
Василій Пушкинъ, Муравьевъ—
И мой Катенинъ скучноватый!
Но съ кѣмъ же мнѣ себя сравнить?
Нѣтъ, не Овидій я носатый...
Орфей и Тассъ... ужъ такъ и быть!
Среди неистовыхъ цыганокъ,
Я, какъ Орфей, въ толпѣ вакханокъ,
Въ кругу кокетокъ—молдаванокъ
Пожалуй—тазъ между лахановъ!
За то межъ грузныхъ молдаванъ
Не Даніилъ въ оврагѣ львиномъ:
Вѣрнѣе—левъ межъ обезьянъ,
Иль конь арабскій—„альгазанъ" [2])
Въ смиренномъ табунѣ ослиномъ!

Въ обширной своей монографіи „Пушкинъ въ южной Россіи" (Русскій Архивъ 1866 г., стр. 1125) г. Анненковъ приводитъ двустишіе Пушкина:

Михаилъ Иванычъ Лексъ
Прекрасный человѣкъ-съ!

Но не многимъ извѣстны его стихи на того же М. И. Лекса, написанные въ тридцатыхъ годахъ, когда Лексъ занималъ какую-то важную должность по министерству внутреннихъ дѣлъ:

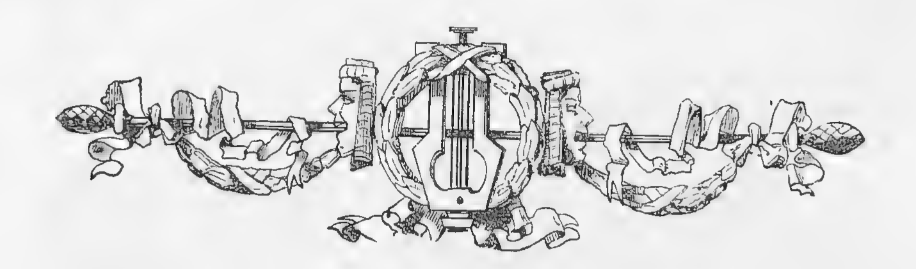
Была пословица у римскаго народа:
Sit dura lex—sed sex, у насъ не такъ:
У насъ и dura lex и Лексъ—дуракъ!

Эти стихи С. А. Соболевскій написалъ въ альбомѣ К. П. Брюллова, ручаясь ему, что они — Пушкинскіе. Дѣйствительно ли оно такъ? вопросъ открытый.

Сообщено **П. П. Каратыгинымъ**.

---

[1]) Діонисій Галикарнасскій, авторъ „Римскихъ древностей".
[2]) См. Boiste: alhazan: étalon, cheval courageux et de bonne race.



СМѢСЬ.

Китайскій Бисмаркъ. Съ недавняго времени оригинальные сыны Небесной имперіи, о которыхъ прежде думали развѣ одни дипломаты, стали предметомъ всеобщаго любопытства. Дѣло въ томъ, что извѣстные переговоры, допущенные Россіею съ представителемъ Срединнаго государства, повидимому, дали пищу китайской надменности. Опала, постигшая несчастнаго Чунгъ-Хоу, явилась лишь прелюдіей къ открытому проявленію высокомѣрнаго шовинизма придворныхъ интригановъ, какими окруженъ теперешній богдыханъ. И вотъ въ настоящее время китайцы принимаютъ вызывающій тонъ. Будетъ или нѣтъ война Россіи съ Китаемъ, — объ этомъ только можно гадать. Не даромъ же про китайцевъ говорятъ дипломаты, что они лучшій народъ въ мірѣ для сокрытія своихъ дѣлъ во мракѣ неизвѣстности. Пока есть основаніе полагать, что и въ самомъ Китаѣ далеко не всѣ желаютъ войны. Ея добивается консервативная партія, которая крѣпко держится старой идеи, что богдыханъ есть владыка всего міра, что ему болѣе или менѣе подчинены всѣ народы. Эта партія имѣетъ во главѣ двухъ императрицъ, признаваемыхъ настоящими регентшами, хотя ни одинъ китаецъ и не съумѣлъ бы опредѣлить, каковы ихъ собственно права и вліяніе на направленіе государственной политики. Съ ними за одно дѣйствуетъ отецъ нынѣшняго императора-ребенка, а увѣренность ихъ въ успѣхѣ поддерживается Цзо-Цзунъ-Таномъ, генералъ-губернаторомъ сосѣдней съ Сунгаріей провинціи, войскамъ котораго впервые пришлось бы встрѣтиться съ непріятелемъ въ случаѣ объявленія войны. Это—дѣйствительно, замѣчательнѣйшій изъ современныхъ сановниковъ Небесной имперіи, и мы считаемъ не лишнимъ охарактеризировать его личность, насколько позволяетъ сдѣлать это недавно вышедшій трудъ г. Пясецкаго „Путешествіе по Китаю [1]).

Важный и надменный, но утонченно-вѣжливый, генералъ Цзо—небольшаго роста, довольно полный, лѣтъ около шестидесяти, и своимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ нѣсколько напоминаетъ Бисмарка только въ смугломъ видѣ, и не съ голубыми глазами и рыжими волосами, а черноглазаго брюнета. Знаменитые „три волоска“ растутъ у Цзо-Цзунъ-Тана не на головѣ, а на бородѣ, въ видѣ намека на эспаньолку. Такова его наружность.

---

[1]) Разборъ этой книги въ полномъ составѣ см. выше въ отдѣлѣ „Критика и Библіографія“.

По словамъ г. Пясецкаго, Цзо принадлежитъ къ тому разряду говоруновъ, которые, какъ соловьи, слушаютъ самихъ себя, вовсе не заботясь о томъ, слушаетъ ли ихъ кто нибудь или нѣтъ. Хотя нашему путешественнику, по несовершенному знакомству съ китайскимъ языкомъ, приходилось часто едва отгадывать, о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ не менѣе онъ, по собственному признанію, не могъ оторваться отъ увлекательнаго разговора Цзо и „слушалъ его, какъ пѣсню". Цзо, можно сказать, не говорилъ, а игралъ на своей гортани, сопровождая эту музыку игрою своей физіономіи: то онъ говорилъ медленно, тихо, съ серьезнымъ и задумчивымъ выраженіемъ лица; то одушевлялся и тогда слова лились быстрѣе; лицо принимало гнѣвное или доброе выраженіе, смотря по содержанію рѣчи.

Однажды—разсказываетъ г. Пясецкій—рѣчь зашла о религіяхъ. Цзо говорилъ что-то съ откровенной злобою противъ миссіонеровъ и переходящихъ въ христіанство китайцевъ, высказывая свой взглядъ, что крестившимся китайцамъ ужъ и не надо оставаться въ Китаѣ.

— Принялъ другую вѣру, такъ ступай вонъ изъ своего государства,—ты ужъ здѣсь не нуженъ.

Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ о Кунъ-Фу-Цзы, ставилъ его выше Я-су (Іисуса) и никакъ не могъ согласиться съ заповѣдью Христа о прощеніи враговъ.

— Развѣ не лучше простить человѣку, который насъ, напримѣръ, ударилъ?—спросилъ г. Пясецкій.

— Нѣтъ, ударить его самого—лучше,—отвѣтилъ Цзо.—Я-Су былъ великій учитель, но когда у насъ есть Кунъ-Фу-Цзы, — продолжалъ Цзо — не надо намъ Я-Су.

Не выразивъ симпатіи ни къ христіанству, ни къ переходящимъ въ него китайцамъ, Цзо коснулся въ той же бесѣдѣ новѣйшихъ открытій въ области естественныхъ наукъ и ихъ практическимъ примѣненіямъ. Онъ немного зналъ о нихъ; но себѣ не желалъ изъ этихъ открытій ничего.

— Не надо намъ—говорилъ онъ—ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, потому что первые народъ будетъ безпрестанно портить, а вторыя сдѣлаютъ то, что множество людей останется безъ работы и умретъ съ голоду.

Г. Пясецкій передаетъ, между прочимъ, весьма любопытную бесѣду, которую ему пришлось слышать за обѣдомъ у Цзо. Рѣчь завелъ самъ генералъ о людяхъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ. „У людей великихъ государствъ" (по размѣру)—говорилъ онъ—„сердце прямое и, напротивъ, у людей государствъ маленькихъ—оно кривое". Потомъ онъ сталъ проводить паралелль между Россіей и Китаемъ и, между прочимъ, предложилъ вопросъ: кто изъ насъ кого побѣдитъ, если бы у насъ произошла война.

— Ну, какая же война съ нами, изъ за чего намъ ссориться! возразили русскіе собесѣдники генерала. Намъ надо быть друзьями въ общихъ интересахъ и мы вѣрно никогда съ вами воевать не будемъ.

— Конечно; я самъ такъ думаю; но мнѣ все-таки хочется знать ваше мнѣніе, такъ какъ вы видѣли много нашихъ войскъ. Чьи солдаты побѣдятъ, если взять равныя количества?—любопытствовалъ Цзо-Цзунъ-Танъ.

Собесѣдники генерала отвѣтили ему уклончиво, что, вѣроятно, силы окажутся равными, потому что китайская армія многочисленнѣе, но наши люди крѣпче и, можетъ быть, вооружены лучше; но что храбрость войскъ, вѣроятно, одинаковая. Но Цзо не довольствовался и настаивалъ на прямомъ отвѣтѣ, на прямо поставленный вопросъ:—кто кого побѣдитъ, если бы была война, словно онъ въ самомъ дѣлѣ собирался предпринять ее. „И онъ, говоритъ г. Пясецкій, попросилъ отвѣчать искренно, какъ мы думаемъ, оставивъ въ сторонѣ деликатность, которая, конечно, велитъ намъ сказать ему любезность". Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣтилъ ему, что, въ случаѣ войны, Россія одержитъ верхъ. Генералъ спросилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, какъ онъ дума-

етъ? Тотъ отвѣчалъ, какъ и первый. Потомъ генералъ отобралъ мнѣніе у всѣхъ по очереди,—и отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ, что русскіе побѣдятъ китайцевъ. Старикъ, повидимому, никакъ не ожидалъ этого, и на нѣсколько минутъ даже упалъ духомъ, вдругъ задумался и какъ будто загрустилъ... И эта внезапная грусть, которой Цзо не въ силахъ былъ скрыть, изобличала какіе-то замыслы противъ Россіи, которые онъ, очевидно, имѣлъ въ своей головѣ.

Въ видѣ иллюстраціи къ отвѣту русскихъ собесѣдниковъ Цзо можетъ служить между прочимъ слѣдующее описаніе маневровъ, видѣнныхъ г. Пясецкимъ въ Лань-Чжоу, — описаніе, по которому не трудно составить себѣ понятіе о китайскомъ войскѣ.

На плацу находились войска пѣхоты и конницы, всѣ одѣтыя въ яркоцвѣтное платье; и вскорѣ они начали свои передвиженія, построенія, нападенія, отступленія и стрѣльбу залпами и бѣглымъ огнемъ,—словомъ, для непосвященнаго все тоже, что всегда бываетъ на маневрахъ. Послѣднія продолжались около трехъ часовъ съ перерывами, въ теченіи которыхъ солдаты садились на землю отдыхать, разсѣявшись группами, и тогда равнина казалась издали покрытою многочисленными клумбами яркихъ цвѣтовъ. Когда кончился смотръ настоящимъ солдатамъ, на сцену явились представители потѣшной арміи,—солдаты-дѣти, лѣтъ десяти, двѣнадцати,—такъ называемые Юй-бинъ, въ числѣ пятнадцати или двадцати человѣкъ, обучаемыхъ, по мысли Цзо, военному дѣлу. Одинъ изъ генераловъ сдѣлалъ имъ перекличку, причемъ каждый выбѣгалъ впередъ и крикнувъ, кань-уо! (посмотри на меня) возвращался на свое мѣсто. Послѣ переклички они стали показывать нѣкоторыя гимнастическія упражненія, стрѣляли изъ лука и небольшихъ ружей; но при этомъ всѣ ихъ движенія сопровождались какими-то странными ужимками и кривляньями, совершенно приличными клоунамъ, но вовсе не идущими къ солдату. Послѣ упомянутыхъ воиновъ-маріонетокъ, которымъ, однако, Цзо придаетъ серьезное значеніе, „передъ нами—говоритъ г. Пясецкій—явились стрѣлки съ особаго рода потѣшными ружьями· Послѣдніе представляютъ одни стволы безъ прикладовъ и служатъ выраженіемъ самой безжалостной насмѣшки англичанъ надъ китайцами, которымъ были проданы старые ружейные стволы и передѣланы по особому, нигдѣ не виданному образцу. Курокъ въ этихъ ружьяхъ находится не сбоку, а наверху ствола, у казенной части; собачки нѣтъ, а онъ спускается посредствомъ придѣланной сбоку пружинки, которую надо придавить. Солдатъ беретъ такой ружейный стволъ въ обѣ руки, какъ акробатъ свой балансъ, потомъ сгибаетъ руки въ локтяхъ, плотно прижимаетъ послѣднія къ туловищу и онъ поднеся ружье близко къ лицу, смотритъ влѣво, вдоль ствола и такимъ образомъ прицѣливается; затѣмъ нажимаетъ боковую пружину и дѣлаетъ выстрѣлъ...

Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о ружьѣ и способѣ стрѣльбы изъ него, тотъ пойметъ всю нелѣпость описаннаго ружья, и пріема, а также все неудобство и трудность стрѣльбы; пойметъ, сколько выстрѣловъ кряду можно сдѣлать изъ такого ружья и каково должно быть рукамъ несчастныхъ солдатъ... По словамъ г. Пясецкаго, китайцы мало обращаютъ вниманія и на обученіе стрѣльбы въ цѣль; въ ихъ арміи почти не существуетъ этого, самаго существеннаго упражненія и нашъ путешественникъ не видѣлъ ни одного солдата изъ всѣхъ, кого только ни заставлялъ прицѣливаться, который бы имѣлъ понятіе о правильномъ держаніи ружья и умѣлъ бы вѣрно наводить его. А такихъ опытовъ г. Пясецкій сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, до ста въ разныхъ мѣстахъ. Большинство изъ нихъ даже прямо признавалось, что они умѣютъ стрѣлять только не цѣлясь; дѣйствительно, они стрѣляютъ изъ ружей, держа ихъ такъ, какъ будто намѣреваются идти въ штыки и во время выстрѣла смотрятъ вдаль на предметъ, въ который хотятъ попасть... И въ массу людей, говорятъ, попадаютъ, если только она стоитъ не внѣ выстрѣла китай-

скихъ ружей! Г. Пясецкій ружейной пальбы пулями не видалъ; за то онъ видѣлъ, какъ солдаты стрѣляли въ цѣль изъ упомянутыхъ безприкладныхъ ружей. Мишень представляетъ насаженное на палку металлическое кольцо, въ поларшина въ діаметрѣ, и находящееся приблизительно на уровнѣ головы стрѣлка; въ срединѣ кольца привѣшенъ кожанный кругъ меньшей величины и онъ свободно качается въ кольцѣ, если его вывести изъ равновѣсія. Мишень ставятъ отъ стрѣлка шагахъ въ пяти, шести и стрѣляютъ холостыми зарядами; а удачнымъ выстрѣломъ считается тотъ, отъ котораго кожанный кругъ въ кольцѣ закачается... Не хитро, кажется, хорошо стрѣлять при такихъ условіяхъ; но, по увѣренію автора „Путешествія", солдаты и тутъ нерѣдко дѣлали промахи, то есть, кругъ оставался неподвижнымъ.

Послѣ этого, дѣйствительно, страннымъ представляется вопросъ Цзо-Цзунъ-Тана: „кто кого побѣдитъ?"

Посѣщеніе Императоромъ Александромъ II липецкихъ минеральныхъ водъ. Въ „Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ" помѣщенъ не лишенный интереса разсказъ г. Григоровича о посѣщеніи нынѣ благополучно царствующемъ государемъ императоромъ, въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ, въ 1837 г., липецкихъ минеральныхъ водъ. Въ это время директоромъ водъ былъ нѣкто М. Ф. Мамановичъ, ветеранъ 1812 года, человѣкъ очень честный, добродушный и хорошій хозяинъ; но судьбѣ угодно было жестоко подшутить надъ старикомъ.

Царевичъ прибылъ въ Липецкъ, въ самый разгаръ лечебнаго сезона, 4 іюня, въ семь часовъ вечера.

Выслушавъ молебствіе въ соборѣ, онъ направился прямо въ нижній садъ минеральныхъ водъ, къ главному подъѣзду галлереи; отсюда въ сопровожденіи своей свиты, директора водъ и многочисленной толпы народа, наслѣдникъ пошелъ осматривать все устройство заведенія, разспрашивая о встрѣчавшихся на пути остаткахъ Петровскихъ заводовъ. Все шло какъ нельзя лучше; цесаревичъ выражалъ свое удовольствіе, а Мамановичъ, упоенный мыслью, что его долголѣтніе труды обращаютъ на себя вниманіе высокаго гостя, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но вотъ, одно неожиданное обстоятельство совершенно измѣнило картину общаго восторга и радости, омрачивъ и разстроивъ розовыя мечты Мамановича. Цесаревичъ, посѣтивъ и осмотрѣвъ главный колодезь, направился къ зданію ваннъ; но лишь только онъ съ своею свитой прошелъ по деревянному мостику, перекинутому чрезъ р. Липовку, какъ сзади раздался ужасный трескъ и шумъ, а вслѣдъ затѣмъ послышались пронзительные крики, охи и вздохи, слѣдовавшей за августѣйшимъ посѣтителемъ толпы народа. Старый деревянный мостикъ, давно уже не ремонтированный, не выдержалъ тяжести и напора многолюдной толпы любопытныхъ, обрушился и провалился въ рѣку. Была минута общаго смятенія; вскорѣ однако объяснилось, что дѣло обошлось безъ несчастій, такъ какъ воды въ рѣкѣ всего было по колѣно, и случай этотъ оказался скорѣе комичнымъ, чѣмъ печальнымъ и серьезнымъ. Дѣйствительно, когда жертвы внезапнаго паденія, особенно дамы, стали вдоль береговъ карабкаться на сушу, обнаруживая жалкое состояніе своихъ костюмовъ и нарядовъ, картина вышла вполнѣ забавная. Цесаревичъ улыбался, снисходительно выслушивая объясненія и извиненія обезкураженнаго директора водъ, для котораго случай этотъ былъ роковымъ сюрпризомъ. Замѣтивъ это, цесаревичъ, при дальнѣйшемъ осмотрѣ водъ, старался успокоить и обласкать его, разговаривая съ нимъ крайне милостиво и благосклонно, освѣдомившись даже о его личномъ положеніи, семейный ли онъ или холостой. Мамановичъ отвѣтилъ, что имѣетъ семейство, и получилъ позволеніе представить цесаревичу свою супругу. Но тутъ снова надъ головою бѣднаго директора разразилась жалкая неудача. Въ торопяхъ, смущенный и разстроенный первою неудачею, Мамановичъ не замѣтилъ, какъ жена его, все время державшаяся съ нимъ рядомъ, случайно отстала отъ него; не взглянувъ

въ лицо находившейся подлѣ него дамѣ, совершенно увѣренный, что это его жена, Мамановичъ беретъ ее за руку и представляетъ его высочеству. Но дама, которой досталась честь быть такъ неожиданно представленной вмѣсто г-жи Мамановичъ, когда уже представленіе кончилось, замѣтила тутъ же:—„Помилуйте, Максимъ Федоровичъ, откуда вы взяли, что я ваша жена?!“ Неизвѣстно замѣтилъ ли цесаревичъ эту сцену или нѣтъ, но Мамановичъ въ это время окончательно потерялся; его старческую грудь тѣснили слезы досады и огорченія, онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, и только неизмѣнная доброта и любезность высокаго посѣтителя удержали его на ногахъ.

На этомъ однако не кончились неудачи Мамановича. Цесаревичъ, осмотрѣвъ воды и городъ, посѣтилъ также верхній садъ и долго любовался открывающимся отсюда восхитительнымъ видомъ на окрестности Липецка; говорятъ, что В. А. Жуковскій, находившійся при цесаревичѣ, пытался даже срисовать этотъ видъ съ натуры. Изъ сада цесаревичъ позвалъ директора Мамановича къ своему чайному столу. Тамъ, узнавъ изъ разговора съ Мамановичемъ о скудности средствъ минеральныхъ водъ, его высочество предложилъ ему изъ собственныхъ денегъ тысячу рублей ассигнаціями на постройку обвалившагося мостика. Мамановичъ, все еще не собравшійся съ духомъ и не пришедшій въ себя, и при этомъ случаѣ не нашелся и продолжалъ свои неудачи: взявъ деньги въ руки, онъ, вмѣсто выраженія благодарности его высочеству, принялся усердно считать ихъ, какъ бы выражая этимъ сомнѣніе въ точности и вѣрности пожалованной суммы. Присутствовавшіе при этомъ замѣтили неловкій пріемъ директора и кто-то изъ нихъ сказалъ ему: „можете не считать; его высочество не станетъ обманывать васъ.“ Слова эти отрезвили растеряннаго старика; онъ понялъ всю неловкость своего поступка и не могъ никогда простить себѣ этого.

Когда на слѣдующій день, въ 7 ч. утра, великій князь оставилъ Липецкъ, продолжая свой путь къ Воронежу, Мамановичъ вдругъ заболѣлъ. Бѣдный старикъ не могъ вынести стыда и у него открылась нервная горячка. Прошелъ мѣсяцъ; болѣзнь все усиливалась, а Мамановичъ и не думалъ прибѣгать къ врачебной помощи. Послѣднія неудачи убили въ немъ всякое уваженіе къ себѣ; онъ отказывался болѣе жить на свѣтѣ и скоро отдалъ Богу душу. Когда цесаревичъ, на обратномъ пути, былъ снова въ Липецкѣ, его встрѣчали уже новыя лица; его высочество освѣдомился насчетъ Мамановича и, узнавъ, что онъ уже умеръ, не мало пожалѣлъ о немъ.

Языкъ и литература современныхъ болгаръ Извѣстный славистъ, профессоръ Берлинскаго университета, а нынѣ избранный на мѣсто И. И. Срезневскаго, по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій въ петербургскомъ университетѣ, В. В. Ягичъ помѣстилъ въ журналѣ „Deutsche Rundschau“ любопытную статью „О языкѣ и литературѣ нынѣшнихъ болгаръ“. Глава, посвященная языку заключаетъ въ себѣ—для людей, незнакомыхъ съ славянскими нарѣчіями—нѣсколько интересныхъ замѣчаній о разныхъ грамматическихъ особенностяхъ современнаго болгарскаго языка. По языку, болгаринъ наиболѣе сродни остальнымъ двумъ южнославянскимъ народамъ: сербамъ съ хорватами и словенами съ одной стороны и русскимъ—съ другой. Онъ занимаетъ между ними средину нетолько въ географическомъ, но и въ лингвистическомъ отношеніяхъ. Однако, нынѣшній болгарскій народный языкъ нѣсколько болѣе приближается къ сербскому, чѣмъ къ русскому; въ письменномъ языкѣ, впрочемъ, русское вліяніе проявляется съ бо̀льшею силой не въ одной орѳографіи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и цѣлыхъ оборотахъ; объясняется же это тѣмъ, что большинство болгарскихъ писателей если и не получило образованія въ Россіи, то училось по русскимъ книгамъ или переводило ихъ.

Что болгары будутъ стараться освобождать свой письменный языкъ отъ чуждыхъ элементовъ, это—по словамъ г. Ягича—можно было бы предполо-

жить, хотя бы на то и не существовало уже положительныхъ доказательствъ. Съ 1878 года въ Софіи издается летучій листокъ „Наковальня", задача котораго—замѣнять вошедшія въ болгарскій языкъ греческія, турецкія, русскія, сербскія выраженія, чисто болгарскими. Листокъ этотъ постоянно исправляетъ слогъ другихъ газетъ, конечно не исключая и правительственныхъ изданій. „Редакторъ, повидимому, человѣкъ съ радикальными наклонностями: ко всѣмъ иностраннымъ словамъ онъ относится такъ строго, что у него не находятъ пощады ни „почта", ни „телеграфъ", ни „банкиръ", ни „министръ". Все это должно быть выражено чисто по болгарски".

Въ главѣ о литературѣ профессоръ Ягичъ особенно подчеркиваетъ одно обстоятельство, характеризующее болгаръ. Это стремленіе къ водворенію національнаго элемента въ области воспитанія, а слѣдовательно и литературы, стремленіе пробудившееся въ началѣ тридцатыхъ годовъ, нынѣшняго столѣтія и до послѣдняго времени съ возможною энергіею поддерживаемое, не смотря на политическія невзгоды.

Первая болгарская школа была учреждена въ Габровѣ въ 1835 году; другіе города поспѣшили послѣдовать такому примѣру. Въ теченіи десяти лѣтъ, число школъ, устроенныхъ на частныя или городскія средства, дошло въ Болгаріи до 53-хъ. Въ 1871 году Габрово (городокъ съ 1300 домами) насчитывалъ уже шесть школъ для мальчиковъ и двѣ для дѣвочекъ, и школы эти посѣщало 1500 дѣтей. Для обученія въ школахъ потребовались, конечно, учебники и ихъ принялись переводить съ разныхъ языковъ, нерѣдко, конечно, на удачу, а не по разумному выбору. Печатаніе этихъ переводовъ встрѣчало не мало препятствій, такъ какъ въ самой Болгаріи типографіи долго не разрѣшались. Первая книга—молитвенникъ епископа врацкаго, Софронія—вышла въ 1806 году, въ Рымникѣ (въ Валахіи), а нѣсколько другихъ, вслѣдъ затѣмъ, были отпечатаны въ Будахъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, Сербія оказала болгарамъ дружескую услугу: учебники, составленные для первой габровской школы первымъ учителемъ въ ней, нѣкіимъ Неофитомъ, изданы на счетъ сербскаго правительства въ Крагуевацѣ и Бѣлградѣ. Вскорѣ потомъ въ Смирнѣ учреждена была болгарская типографія. Съ пятидесятыхъ годовъ Константинополь считался средоточіемъ болгарской литературы, но много книгъ печаталось и въ Вѣнѣ. Политическія брошюры издавались преимущественно въ Румыніи. Только съ 1866 года разрѣшено было печатать кое что въ Рущукѣ. Послѣ новѣйшей войны въ Болгаріи и Румеліи завелись уже десять типографій, если не болѣе, въ Софіи, Филиппополѣ, Рущукѣ, Трновѣ, Сливнѣ и Свищовѣ.

Изъ переводчиковъ образцовыхъ произведеній иностранныхъ литературъ, наиболѣе славится у болгаръ Михайловскій, но въ новѣйшей болгарской литературѣ нѣтъ недостатка и въ оригинальныхъ произведеніяхъ, входящихъ въ сферу беллетристики и драмы. Изъ нувелистовъ особенно выдавался покойный Каравеловъ, который былъ замѣчательнымъ публицистомъ, а изъ драматурговъ Войниковъ, написавшій, еще два десятилѣтія назадъ, когда вошло въ моду представленіе пьесъ на болгарскомъ языкѣ любителями, нѣсколько оригинальныхъ произведеній на сюжеты, заимствованные изъ отечественной исторіи. По части патріотическихъ стихотвореній и сатирическихъ статей въ народномъ духѣ, большою популярностью и до сихъ поръ еще пользуется Славейковъ.

Для научнаго изслѣдованія языка своего, болгаре, по словамъ профессора Ягича, сами до сихъ поръ почти ничего не сдѣлали. Практическихъ граматикъ у нихъ, правда, очень много, но лучшею изъ нихъ и до сихъ поръ остается та, которую издавалъ въ Вѣнѣ, въ 1862 году, Цанковъ на нѣмецкомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ.

Наибольшую дѣятельность болгаре съ тѣхъ поръ, какъ въ средѣ ихъ началось національное движеніе, выказали въ области журналистики. Потребность въ чтеніи газетъ распространилась между ними очень быстро, но существова-

ніе газетъ, большею частью, было недолговѣчно. Попытки основанія ежемѣсячныхъ научныхъ и литературныхъ журналовъ также имѣли слабый успѣхъ, по неимѣнію способныхъ и подготовленныхъ къ дѣлу сотрудниковъ. По замѣчанію профессора Ягича, въ болгарской литературѣ вкоренилась между журналистами дурная привычка: при всей слабости наличныхъ литературныхъ силъ, постоянно конкурировать другъ съ другомъ и полемизировать между собою. Такими перебранками и питается, главнымъ образомъ, тотъ десятокъ политическихъ газетъ, которыя выходятъ въ Болгаріи.

Изъ всѣхъ явленій болгарской литературы, наибольшую цѣну или, по крайней мѣрѣ, наибольшее научное значеніе имѣютъ изданія народныхъ пѣсень, разсказовъ и поговорокъ. До сихъ поръ отпечатано отъ четырехъ до пяти тысячь болгарскихъ народныхъ пѣсень, частью разсѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, частью вошедшихъ въ особыя сборники.

Упоминая объ этомъ, г. Ягичъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ выводомъ: „не блистательна картина, нарисованная мною. Средневѣковая западная Европа съ ужасомъ и отвращеніемъ произносила имя болгаръ, какъ нечистыхъ еретиковъ; лучше та роль, которую привелось имъ играть на востокѣ Европы, гдѣ они предшествовали русскимъ и сербамъ работою въ области церковно-славянской письменности. Тотъ капиталъ, который древніе болгарскіе славяне помѣстили у древнихъ русскихъ славянъ ссуженіемъ этихъ послѣднихъ письменнымъ и церковнымъ языкомъ, потомки получившихъ ссуду, возвратили въ наше время съ громаднѣйшими процентами. Отъ болгаръ зависитъ теперь доказать, что они умѣютъ самостоятельно и умно распоряжаться полученнымъ обратно капиталомъ. То короткое пространство времени, которое обнимаетъ ихъ новая литература, было недостаточно, чтобы оказалось возможнымъ произвести больше, чѣмъ произведено на самомъ дѣлѣ. Болгарскіе литературные дѣятели обладаютъ зрѣлостью сужденій въ незначительной степени; оригинальностью—еще меньше; они обнаруживаютъ больше прилежанія и еще больше торопливости и суетливости. Болгарамъ необходимо теперь твердое, сознающее свои цѣли правительство, для того чтобы они могли перейти съ неправильныхъ путей, по которымъ направлялись ихъ усилія до сихъ поръ, на правильно устроенную дорогу общественнаго порядка.“

Армянская историческая литература. Въ армянскомъ журналѣ „Бардцъ“ („Опытъ“) помѣщена обширная статья профессора с.-петербургскаго университета К. П. Патканова, объ исторической литературѣ Арменіи, причемъ, въ сжатомъ видѣ изложена исторія армянскаго государства съ древнѣйшихъ временъ и, сверхъ того, приведены свѣдѣнія о книгохранилищахъ произведеній армянской словесности и объ ученыхъ трудахъ, ей посвященныхъ. Древняя армянская литература въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, по словамъ г. Патканова, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду литературъ другихъ націй; можно сказать даже, что между азіатскими народностями нѣтъ націи (за исключеніемъ развѣ арабовъ), которая бы оставила по себѣ столько письменныхъ памятниковъ, причомъ послѣдніе знакомятъ насъ не только съ исторіею Арменіи, но и съ исторіею пограничныхъ съ нею государствъ. Армянская литература началась переводами богослужебныхъ книгъ и сочиненій, пользовавшихся міровою извѣстностью; изъ оригинальныхъ же сочиненій—чисто праздничными проповѣдями, объясненіями текстовъ священнаго писанія, а равно и нѣсколькими историческими хрониками. Борьба за независимость армянскаго народа, подъ давленіемъ двухъ противоположныхъ вліяній—Византіи и Персіи—борьба, окончившаяся въ V-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ паденіемъ армянскаго царства, вызвала множество народныхъ сказаній, воспѣвавшихъ подвиги княжескихъ родовъ. Объ этихъ сказаніяхъ сохранились свидѣтельства и отрывки въ книгѣ византійскаго историка IV-го вѣка, Фаустоса, котораго достовѣрность и авторитетъ г. Паткановъ усиленно старается защитить въ своей статьѣ. По мѣрѣ развитія интереса къ армянской литературѣ,

въ послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлались извѣстными и такія произведенія, о которыхъ мало кто зналъ прежде, и въ настоящее время число изданій армянскихъ историковъ дошло до почтенной цифры 57. Въ числѣ причинъ, по которымъ до послѣдняго времени армянская литература была не доступна ученымъ изслѣдователямъ, г. Паткановъ указываетъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что армяне не избрали опредѣленнаго центра для печатанія своихъ книгъ: онѣ были изданы и продолжаютъ издаваться въ Амстердамѣ и Константинополѣ, Венеціи и Эчміадзинѣ, Парижѣ и Іерусалимѣ, Мадрасѣ и Москвѣ, Калькутѣ и Смирнѣ, Ливорно и Петербургѣ.

Переводы и выдержки изъ армянскихъ историковъ печатаются и въ другихъ городахъ Европы и нерѣдко въ спеціальныхъ журналахъ или сборникахъ малораспространенныхъ. Зная это, г. Паткановъ собралъ все, что въ настоящее время извѣстно изъ армянской исторической литературы. По его мнѣнію, слѣдующія сочиненія могутъ служить руководствомъ къ изученію армянской литературы:

По достоинству и времени первое мѣсто занимаютъ:

1) Quadro della Storia litteraria di Armenia estesa da Monsign. Placido Suvias Somal, Arcivescovo di Siouia et abbate generale della Congregazione dei monachi armeni Mechitaristi di st. Lazzaro, Venezia 1829.

2) Versuch einer Geschichte der armenischen Litteratur nach den Werken der Mechitaristen, frei bearbeitet von C. F. Neumann. Leipzig 1836.

3) Бѣглый взглядъ на исторію гайканской литературы до конца XIII ст., Ст. Назаріанца. См. ученыя записки казанскаго университета за 1844 г. стр. 46—95.

4) Обозрѣніе гайканской письменности въ новѣйшія времена, Ст. Назаріанца. См. ученыя записки казанскаго университета за 1846 г. кн. II, стр. 1—158.

5) Beiträge zur armenischen Literatur, von C. F. Neumann. Lieferung München 1849.

6) Catalogue of all works knoppto existe in the armenian language of a date carliez than the seventeentz centur by ker. H. G. Dwigt. Jn. Journal of american oriental society, III. Vol Numb. II. New Jork. M. Dceesm.

7) Исторія ар. лит. (періодъ, когда не было письменъ) отецъ Іосифъ Гатрджіанъ Мхитаристъ.

Вѣна 1851.

8) Catalogue de la litterature armenienne, depuis le commencement du IV siècle jusque vers le milieu du XVII, par M. K. Patkanian 1860 Bullet. de l'Acad. de St. Petersb. II p. 44—91.

9) Исторія ар. лит. для ар. школъ I т. Древняя исторія. Гарегинъ Зарбаналіанъ. Венеція 1865 г.

10) Исторія армянъ для ар. школъ II т. Новая исторія Г. Зарбаналіанъ, Венеція 1878 г. Трудъ этотъ сообщаетъ намъ прелюбопытныя свѣдѣнія о литературѣ новѣйшаго времени и ея настоящемъ положеніи, но къ сожалѣнію онъ страдаетъ немного поспѣшностью, а съ библіографической стороны даже неудовлетворителенъ.

11) Report on Armenian, by Prof. Hübschemann въ годичномъ отчетѣ лингвистическаго общества.

Что касается изученія армянскаго языка и литературы, имъ посчастливилось больше всего во Франціи, менѣе—въ Германіи и Англіи и еще менѣе въ Россіи.

„Очень естественно—говоритъ г. Паткановъ, что русское образованное общество индиферентно къ литературѣ, неимѣющей мірового значенія; но въ каждомъ государствѣ есть такъ называемый интелегентный кружокъ лицъ, для котораго интересна жизнь, исторія и литература вообще даже мало извѣстныхъ націй“.

Къ сожалѣнію, въ Россіи недостаточно великъ этотъ кружокъ:

„Даже ученые и спеціалисты, отъ которыхъ, по роду ихъ занятій, слѣдовало бы ожидать больше интереса къ такого рода изслѣдованіямъ, смотрятъ на него такъ равнодушно, что только сильная воля и большой трудъ не дозволяютъ еще имъ остыть къ интересующему насъ предмету“.

До какой степени незначительно знакомство съ армянскою словесностью, даже въ средѣ нашихъ ученыхъ, можетъ служить доказательствомъ изданіе петербургскаго академика Броссе „Collections des historiens armeniens“, которое, по словамъ профессора Патканова, отличается невѣрнымъ переводомъ текста и недостаточнымъ знакомствомъ съ армянскимъ нарѣчіемъ, а также непониманіемъ выраженій, заимствованныхъ у мохамеданъ.

Изъ архивовъ, гдѣ въ настоящее время собрано большое количество рукописей, первое мѣсто принадлежитъ Эчміадзинскому монастырю. Эчміадзинская библіотека помѣщается въ пяти большихъ комнатахъ, изъ которыхъ въ двухъ стоятъ 14 шкафовъ съ рукописями, двѣ заняты печатными книгами, а послѣдняя предназначена для занятій. Число рукописей простирается до 2,726, число книгъ на армянскомъ языкѣ 835 томовъ и 231 на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Далѣе, въ венеціанскомъ мхитаристскомъ монастырѣ св. Лазаря рукописей насчитывается до 450; въ вѣнскомъ мхитаристскомъ соборѣ 305, въ парижской національной библіотекѣ собраніе армянскихъ рукописей достигаетъ 260, въ библіотекѣ московскаго лазаревскаго института 130, въ берлинской королевской библіотекѣ 80, въ мюнхенской „болѣе 40“, въ библіотекѣ севанскаго монастыря 180. Сверхъ того, армянскія рукописи хранятся еще во многихъ другихъ мѣстахъ; но объ этомъ г. Паткановымъ приведены неполныя свѣдѣнія, что заявлено, между прочимъ въ газетѣ „Мшакъ“ архимандритомъ Бастамовымъ.

Владимірская епархіальная библіотека. Владимірская епархіальная библіотека, по своему богатству и разнообразію находящихся въ ней книгъ, рукописей, плановъ, картъ и эстамповъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Начало ея положено вскорѣ по пріѣздѣ преосв. Іакова во Владиміръ—библіотекою, купленною имъ у наслѣдниковъ умершаго профессора владимірской семинаріи, М. М. Соловьева, книги котораго, за исключеніемъ немногихъ,—богословскаго содержанія. М. М. Соловьевъ былъ родной братъ преосвященнаго волынскаго Агаѳангела, и, благодаря этому, въ книгахъ профессора Соловьева попали въ епархіальную библіотеку печатные и непечатные труды этого архипастыря. Къ книгамъ Соловьева присоединены были книги, весьма цѣнныя по содержанію, придворнаго протоіерея І. Рождественскаго, присланныя на благоусмотрѣніе мѣстнаго епископа. Имѣя подъ руками эти двѣ, довольно, впрочемъ, не малыя библіотеки, преосвященный Іаковъ, въ концѣ февраля 1874 года приказалъ открыть двери вновь устроенной подъ Крестовой церковью библіотеки желающимъ пользоваться безплатнымъ чтеніемъ книгъ какъ въ залѣ библіотеки, такъ и внѣ ея. Это расположило очень многихъ къ посильнымъ пожертвованіямъ. Отвсюду понеслись весьма разнообразныя по качеству и содержанію книги. Не было дня, чтобы библіотекарь не записалъ во входящій журналъ нѣсколькихъ пожертвованій. Въ 1874 году знаменитая библіотека преосвященнаго Аполлинарія, викарія кіевской епархіи, умершаго въ 1858 году, почти всецѣло была подарена въ епархіальную библіотеку родной сестрой покойнаго. Въ 1875 году фундаментальная библіотека при владимірской духовной семинаріи подѣлилась съ епархіальной библіотекой частію своихъ дубликатовъ. Въ 1876 г. московская епархіальная библіотека, помня и цѣня труды преосвященнаго Іакова въ устройствѣ ея, не замедлила выслать почти всѣ свои дубликаты нашей епархіальной библіотекѣ. Справедливость требуетъ сказать, что даръ московской епархіальной библіотеки своимъ количествомъ и качествомъ въ лѣтописяхъ владимірской епархіальной библіотеки займетъ видное мѣсто. Въ 1877 году С. С. Волчковъ прислалъ въ даръ нашей библіо-

текѣ свою библіотеку, фоліанты которой, почти всѣ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, напечатанные въ прошломъ столѣтіи, служатъ украшеніемъ епархіальной библіотеки. Въ недавнее время поступили двѣ фамильныя помѣщичьи библіотеки, Горчакова и Гамбурцова, бывшія въ эпоху помѣщичьихъ правъ украшеніемъ русскихъ помѣщичьихъ палатъ.

Наконецъ, 1879 годъ былъ самымъ счастливымъ годомъ для епархіальной библіотеки. Въ лѣтніе мѣсяцы этого года поступили въ нее библіотеки профессора московскаго университета И. Д. Бѣляева, умершаго въ 1873 году, и предсѣдателя владимірской земской управы, П. И. Николаева, умершаго въ 1879 году. Не говоря о качествахъ этихъ двухъ послѣднихъ библіотекъ, опредѣлить которыя составитъ не маловажный трудъ, скажемъ, что количествомъ своимъ онѣ превышаютъ трехтысячную цифру. Первая изъ нихъ пріобрѣтена библіотекою на деньги, пожертвованныя исключительно на эту библіотеку Р. А. Кайсаровымъ [1]), а вторая, въ количествѣ около 500 томовъ, поступила по завѣщанію владѣльца оной. Кромѣ этихъ крупныхъ пожертвованій, въ библіотеку поступали и мелкія, отъ лицъ разнаго званія и пола. Въ спискѣ библіотеки можно видѣть слѣдующія фамиліи: Н. Артлебенъ, К. Булгаковъ, В. Непарокомовъ, еписк. Платонъ, К. Тихонравовъ, А. Шишковъ, архіеп. Алексій, Н. Никулинъ, еписк. Ѳеофанъ, кн. Мещерскій, еписк. Хрисанфъ, А. Невскій, П. Мухановъ, А. Голяшкинъ, К. Юрковъ, Каретниковъ, С. Гарѣлинъ, игуменъ Исаакій и друг.

Въ настоящее время въ епархіальной библіотекѣ насчитываютъ болѣе 12,000 книгъ, имѣющихъ не малую цѣну и распредѣленныхъ въ систематическомъ порядкѣ на 22 отдѣла, изъ коихъ 9 занимаетъ духовная литература, а остальные—свѣтская. Особенное вниманіе обращаютъ на себя отдѣлы—Св. писанія и изъясненія его, исторіи, правовѣдѣнія и энциклопедіи.

Отдѣлъ Св. писанія замѣчателенъ разнообразіемъ форматовъ, разновременностію выходовъ, разнообразіемъ печати и наконецъ разнообразіемъ нарѣчій: есть на еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. По изъясненію Св. писанія изъ нашихъ русскихъ современныхъ толковниковъ занимаютъ видное мѣсто: пр. Ѳеофанъ, Никаноръ, Михаилъ и др., а изъ иностранныхъ—Розенмюллеръ (28 томовъ), Дитмаръ, Лангенъ, Алліоли, Ольсгаузенъ, Шнаппнгеръ и др.

Отдѣлъ исторіи заключаетъ въ себѣ слишкомъ 1,000 томовъ. Въ немъ по обилію и цѣнности занимаютъ первое мѣсто сочиненія по русской исторіи, въ числѣ коихъ находятся лѣтописи различныхъ изданій, государственныя грамоты, акты, россійская вивліоѳика, дѣянія съ дополненіемъ Петра Великаго, дворцовые разряды и другія цѣнности этого рода. Изъ историковъ здѣсь встрѣчаются Щербатовъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Погодинъ, Устряловъ, Полевой и другіе.

Отдѣлъ исторіи церкви очень богатъ матеріалами: цѣлыя полки, напримѣръ, занимаетъ описательный отдѣлъ — житія святыхъ (есть за нѣсколько мѣсяцевъ Четій-миней митроп. Макарія), описаніе церквей, монастырей, иконъ, мощей, церковныхъ принадлежностей, путешествія къ св. мѣстамъ и др.

Въ отдѣлѣ энциклопедіи по красотѣ и цѣнности изданій, въ настоящее время едва ли не составляющихъ библіографическую рѣдкость, считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе любителей и цѣнителей рѣдкихъ сочиненій на фоліанты, относящіеся до архитектуры и искусствъ классической древности Греціи и Рима. Фоліанты эти, числомъ 11, на толстой прекрасной бумагѣ, самой лучшей, отчетливой печати, съ прекрасно-выполненными во весь листъ ри-

[1]) Библіотека профессора Бѣляева раздѣлялась на двѣ части: 1-я часть состояла изъ рукописей, которыя въ полномъ своемъ составѣ проданы въ моск. румянцовскій музей (черновой списокъ этихъ рукописей имѣется въ епарх. библіотекѣ), а 2-я часть, въ числѣ болѣе 2-хъ тысячъ томовъ печатн. книгъ, продана въ епарх. библіотеку.

сунками древнихъ статуй, архитектурныхъ сооруженій, колоннъ, портиковъ, развалинъ и т. п., съ итальянскимъ и французскимъ текстомъ,—изданы въ прошломъ столѣтіи въ Неаполѣ и Парижѣ. Но особенное вниманіе въ этомъ отношеніи заслуживаетъ амстердамское изданіе 1734 года (7 томовъ) — историческій, географическій и хронологическій атласъ со множествомъ картъ и рисунковъ.

Не маловажную цѣнность составляютъ рукописи и славянскія старопечатныя книги, числомъ около двухъ сотъ. Къ сожалѣнію, въ библіотекѣ нѣтъ полнаго католога этимъ цѣнностямъ. Рукописей, попавшихъ въ каталогъ—55; но мы знаемъ, что ихъ будетъ гораздо болѣе. Старопечатнымъ книгамъ существуютъ отдѣльные списки. Между первыми есть не мало произведеній конца XV а начала XVI стол. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: почти полный кругъ мѣсячныхъ миней, судя по подписямъ на листахъ относящихся къ концу XV вѣка, полулистовое евангеліе, расположенное по евангелистамъ, и рукопись уставная съ подписями разныхъ временъ, по одной изъ коихъ она относится къ началу XVI вѣка. Изъ рукописей на пергаментѣ, выдѣляется нѣсколько польскихъ грамотъ, съ 1579 по 1626 годъ, съ подписью „Сигизмундъ" и съ хорошо сохранившимися сургучными печатями. Есть, между прочимъ, много рукописей чисто раскольничьяго содержанія, которыя, впрочемъ, почти всѣ—компиляція съ древнихъ книгъ или измышленія самихъ раскольниковъ конца XVIII вѣка.

Изданіе словацкихъ народныхъ пѣсенъ. Въ ряду западнославянскихъ народовъ самый близкій и родственный намъ народъ—словаки. Ихъ народныя пѣсни, по отзыву компетентныхъ лицъ, по своему поэтическому и музыкальному достоинству могутъ быть поставлены на ряду съ русскими и сербскими. Недавно въ турчанскомъ Святомъ Мартинѣ (Thurocz Szent Márton) въ Венгріи образовался, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго словацкаго патріота Ивана Францисци, комитетъ для изданія „Словацкихъ народныхъ пѣсенъ" съ мелодіями. Комитетъ этотъ составилъ воззваніе къ любителямъ славянской народной поэзіи и музыки въ Россіи, которое мы и приводимъ здѣсь, въ тѣхъ видахъ, что русская публика безъ сомнѣнія не откажетъ въ поддержкѣ литературнаго предпріятія словаковъ. Вотъ это воззваніе:

„Словацкія народныя пѣсни давно уже возбуждали въ знатокахъ вниманіе и даже удивленіе своею оригинальностью, глубокой старобытностью и высокимъ музыкальнымъ достоинствомъ. Это настоящій драгоцѣнный кладъ не только словаковъ, но и всего славянства. И этотъ кладъ сокрытъ, что алмазъ, въ землѣ, никто имъ не наслаждается и не пользуется, такъ какъ онъ не извѣстенъ еще и не доступенъ желающимъ. Было сдѣлано нѣсколько скромныхъ попытокъ сдѣлать словацкія народныя пѣсни доступными въ печати, какъ славянскому, такъ и вообще музыкальному обществу; но попытки эти не имѣли успѣха по причинѣ финансовыхъ затрудненій въ предпріятіи, соединенномъ съ расходами, столь значительными.

„Въ видахъ спасенія этого народнаго клада отъ опасностей забвенія, случайныхъ искаженій и намѣренной порчи, нѣсколько словацкихъ патріотовъ задались цѣлію издать возможно обширное собраніе словацкихъ пѣсенъ съ ихъ мелодіями и возложили исполненіе этого предпріятія на нижеподписавшихся членовъ составленнаго для этой цѣли комитета.

„Желая оповѣстить объ этомъ предпріятіи не только словацкую, но по возможности всю славянскую публику и въ виду общеславянской важности этого дѣла, комитетъ рѣшилъ обратиться и къ русской публикѣ съ покорною и вмѣстѣ настоятельною просьбою принять посильное участіе въ этомъ предпріятіи и поддержать его своимъ содѣйствіемъ.

„Мы откровенно сознаемся, что намъ прежде всего необходимы денежныя средства для осуществленія нашего обширнаго и дорого стоящаго предпріятія, такъ какъ много пѣсенъ находится уже въ нашемъ распоряженіи и запасъ

этотъ непрерывно приращается. Особенно въ началѣ предпріятія необходимо сдѣлать значительныя затраты. Къ тому же намъ необходимо знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ долженъ быть печатанъ сборникъ словацкихъ пѣсенъ.

„Сборникъ этотъ будетъ издаваться выпусками въ 4 –5 печатныхъ листовъ средней четвертки. Объемъ его не можетъ быть еще опредѣленъ, такъ какъ много матеріаловъ не доставлено еще комитету. Теперь мы можемъ заявить то, что печатаніе сборника начнется въ первой половинѣ 1880 г. и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока матеріалъ не будетъ по возможности исчерпанъ.

„Было бы желательно, чтобы лица, желающія получать сборникъ „словацкихъ пѣсенъ“, по мѣрѣ его печатанія, выслали нѣкоторую сумму денегъ, послѣ чего имена ихъ занесены будутъ въ списокъ препумерантовъ. По мѣрѣ выхода выпусковъ сборника изъ печати, подписчики будутъ получать ихъ въ франкированныхъ посылкахъ, пока стоимость высланныхъ выпусковъ не сравнится съ суммою подписного вклада. Всѣ вклады подписчиковъ будутъ вноситься въ свято-мартинскую акціонерную сберегательную кассу и расходоваться съ особой отчетностью. Всѣ заявленія о подпискѣ „на словацкія народныя пѣсни“ и подписные вклады должны быть высылаемы (и по возможности раньше), на имя Ивана Францпски, по адресу: An Herrn Iohann Francisci in Thurácz Szent Marton in Ungarn“.

Подъ этимъ воззваніемъ подписались члены комитета для собранія и изданія „Словацкихъ народныхъ пѣсенъ“: директоръ акціонернаго типографскаго общества въ турчинскомъ Святомъ Мартинѣ Иванъ Францисци, адвокаты: Павелъ Мудрень и Андрей Галаша, профессоръ и редакторъ „Словацкихъ народныхъ пѣсень“ Иванъ Кадавый.

Внутреннее убранство будущаго историческаго музея въ Москвѣ. Хотя окончательная отдѣлка историческаго московскаго музея отсрочена на неопредѣленное время и къ будущему юбилейному торжеству Россіи проектирована лишь кафельная облицовка главнаго фасада зданія на Красную площадь, тѣмъ не менѣе архитекторъ музея, г. Шервудъ, продолжаетъ выработку проектовъ внутренняго убранства залъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, каждая будетъ посвящена отдѣльному историческому періоду. Главными руководителями художника, намѣчающими, какіе моменты и характеры культурной жизни русскаго народа должны быть выяснены и въ какихъ приблизительно формахъ, были наиболѣе видные представители русской науки—Ѳ. И. Буслаевъ и покойный С. М. Соловьевъ. Многіе проекты, достигшіе окончательной отдѣлки, были одобрены августѣйшимъ предсѣдателемъ музея, Государемъ Наслѣдникомъ; поэтому есть теперь надежда на ихъ осуществленіе, хотя, можетъ быть, и не скорое.

Представляемъ краткій очеркъ этихъ проектовъ.

Первая большая входная аванзала обѣщаетъ быть убранной со вкусомъ и великолѣпіемъ, еще невиданнымъ въ Москвѣ. Ея русскія архитектурныя формы будутъ изображены кафельными эмальированными плитами бирюзоваго цвѣта съ накладными посеребренными разводами и цвѣтами, представляющими точную копію съ узоровъ мороза на стеклахъ; на панеляхъ и рамахъ положены будутъ хрустальныя шестиугольныя звѣзды въ видѣ кристалловъ снѣга; карнизъ будетъ убранъ орнаментами, напоминающими ледяныя сосульки; кувшинообразныя русскія колонки выложены хрустальными накладками разныхъ причудливыхъ формъ. Такое убранство хорошо принаровлено къ неособенно сильному освѣщенію аванзалы. Мраморныя панели, пьедесталы и площадки лѣстницъ предполагается уставить бронзовыми статуями. Надъ входною дверью — Геродотъ, отецъ исторіи и писатель, сообщившій первыя достовѣрныя свѣдѣнія о современныхъ ему обитателяхъ Россіи; прямо противъ входа—колоссальная статуя апостола Андрея Первозваннаго, перваго проповѣдника христіанства въ Россіи. Позади статуи—огромный пролетъ, сквозь который видны по-

злащенные куполообразные своды слѣдующей залы, посвященной византійскимъ древностямъ и убранной въ стилѣ храма св. Софіи въ Константинополѣ. Вокругъ статуи св. Андрея размѣщены фигуры, характеризующія культурный бытъ древней Россіи: скиѳъ пьющій изъ черепа, скиѳъ стрѣляющій изъ лука, земледѣлецъ, Баянъ, мать съ ребенкомъ, рыбакъ и многія другія. На стѣнахъ шесть большихъ фресокъ, прекрасно гармонирующихъ съ общимъ тономъ залы. Три съ лѣвой стороны выясняютъ главныя черты арійскихъ религіозныхъ воззрѣній: богъ — громовникъ, поражающій молніей духовъ тьмы, богатырь, поражающій трехглавое чудовище, и патріархальная семья, поклоняющаяся огню; справа—первобытная жизнь славянъ въ Россіи, изображенная въ нѣсколькихъ группахъ; внутренность избы, въ которой парень раненъ подкравшимся къ нему дикаремъ; битва осѣдлыхъ обитателей лѣсовъ со степными кочевниками и развитіе земледѣлія. Мы остановились такъ подробно на этой первой аванзалѣ, какъ представлявшей, по скудности ученыхъ матеріаловъ, особыя трудности и нынѣ уже окончательно обдуманной. Проекты, исполненные въ краскахъ въ довольно крупномъ масштабѣ представляютъ, не говоря уже объ ученомъ и художественномъ значеніи, еще выдающійся техническій интересъ, образецъ акварельнаго искусства и безподобной гармоніи подобранныхъ красокъ. Послѣдними достоинствами рѣдко отличаются новыя произведенія въ русскомъ стилѣ.

Изъ слѣдующихъ залъ, помѣщеніе, отведенное собраніямъ періода Кіевской языческой Руси, все будетъ облицовано дубомъ. Верхнія части стѣнъ убраны раскрашенными рѣзными фигурами, заимствованными изъ украшеній, найденныхъ въ приднѣпровскихъ курганахъ (преимущественно изъ раскопокъ варшавскаго профессора г. Самоквасова). Переплетающіяся змѣи, драконы, уродливыя рогатыя фигуры норманскаго стиля исполнены въ очень крупномъ масштабѣ и дѣлаютъ залу похожей на чертоги какого нибудь колдуна, въ родѣ Черномора. Низкій потолокъ составленъ изъ деревянныхъ крышекъ и въ срединѣ его вставлены картины, изображающія миѳы финновъ, литовцевъ и славянъ: міроздаціе по Калевалѣ, морское чудо, лѣшій, русалки, соловей-разбойникъ и др. На стѣнахъ фрески: извѣстный обрядъ погребенія языческаго князя, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана, умыканіе невѣстъ, Ольга въ Византіи, свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ, Владиміръ и Рогнѣда и друг.; свѣтлымъ пятномъ на темноватомъ дубовомъ фонѣ этой залы является бѣлая мраморная статуя св. Ольги.

Продолговатая суздальская зала расположена параллельно новгородской между ними большой пролетъ, въ который вставлена конная статуя Александра Невскаго. Суздальская зала исполнена въ романскомъ стилѣ; большія и малыя полукруглыя арки, ряды колонокъ, опирающихся на животныхъ, медальоны съ звѣрями и птицами скопированы съ извѣстныхъ украшеній Дмитровскаго собора XII вѣка. Орнаментъ вездѣ золотой на темно-лиловомъ бархатѣ. Своды потолковъ здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ залахъ, представляютъ замѣчательныя сочетанія; но эти особенности могутъ быть понятны лишь техникамъ, поэтому мы на нихъ не останавливаемся. Потолокъ росписанъ травами и украшенъ изображеніемъ Владимірской Богоматери, которое будетъ повторено и во всѣхъ прочихъ залахъ среднихъ вѣковъ русской исторіи, потому что дѣйствительно появленіе въ Кіевѣ этой иконы и ея послѣдовательное перенесеніе въ Суздаль, Владиміръ и Москву сопровождалось развитіемъ, передвиженіемъ и укрѣпленіемъ централизаціи Русскаго государства.

Въ залѣ, предназначенной для древностей XVI вѣка, главное мѣсто займетъ статуя Ивана Грознаго, помѣщенная подъ шатромъ, скопированнымъ съ такъ-называемаго Мономахова трона, хранящагося въ Успенскомъ соборѣ. Этотъ шатеръ и соотвѣтствующія украшенія на карнизахъ залы окрашены въ синій цвѣтъ. У подножія трона — сидящія статуи царей казанскаго и сибирскаго; здѣсь же статуя Ермака.

Не касаясь многихъ другихъ, еще не выработанныхъ эскизовъ, мы не можемъ въ заключеніе не упомянуть о прекрасной залѣ XVII вѣка. Въ ней уже замѣтно сильное западное вліяніе, стиль—французскій борокко, детали взяты съ наружныхъ орнаментовъ трапезной церкви въ Троицкой лаврѣ. Въ залѣ проектировано поставить рядомъ, въ полныхъ царскихъ орнатахъ, статуи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и надъ ними портретъ царевны Софьи-вписанный въ большомъ золотомъ орлѣ (такова была мысль самой правительницы).

Два главные этажа музея, предназначенные для помѣщенія коллекцій-представляютъ пространство въ 2,000 квадр. саженъ и г. Шервуду или его будущимъ сотрудникамъ предстоитъ композиція убранства еще цѣлыхъ десятковъ залъ и переходовъ. Современное простонародное мастерство, столь сходное въ основаніи со многими лучшими произведеніями прошлыхъ вѣковъ и даже являющееся какъ бы послѣднимъ отблескомъ эпохи процвѣтанія національнаго искусства, имѣетъ всѣ права на выраженіе его мотивовъ въ тѣхъ же залахъ историческаго музея. Есть основаніе надѣяться, что художникъ не минуетъ и съумѣетъ воспользоваться узорами на полотенцахъ, полушубкахъ, оригинальными орнаментами сѣверныхъ и особенно сибирскихъ инородцевъ, начертаніями на кожѣ, берестѣ, разною рѣзьбой на деревѣ, курьезными формами пряниковъ и проч., и, какъ архитекторъ, не забудетъ отмѣтить въ музеѣ особенное архитектурное движеніе Россіи въ XVI вѣкѣ, которому принадлежатъ самые лучшіе памятники религіознаго зодчества. Судя по направленію и и таланту г. Шервуда, можно надѣятрся, что его трудъ займетъ видную страницу въ исторіи русскаго искусства.

Преображенскій дворецъ. Еще въ недавнее время изслѣдователи старины спорили о томъ, на какой сторонѣ Яузы находится Преображенскій дворецъ, въ которомъ проводилъ юность Петръ Великій. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу правой стороны, но мѣсто, гдѣ находился дворецъ, указано не было. Открытіе мѣста Преображенскаго дворца вѣроятно отдалилось бы еще надолго, если бы недавно въ дѣлахъ московскаго губернскаго архива не было найдено нѣсколько плановъ на участки городской земли, находящейся на берегу Яузы, близь Сокольниковъ, и проданной въ началѣ нынѣшняго столѣтія частнымъ лицамъ. На одномъ изъ такихъ плановъ, составленномъ въ 1802 году на участокъ, проданный въ томъ же году женѣ полковника Алексѣевой, значится „разрушенное и безъ крыши строеніе стараго Преображенскаго дворца". Планъ этотъ по своей точности не отличается отъ подобныхъ ему плановъ прежнихъ лѣтъ, даже менѣе точенъ, чѣмъ другіе; но участокъ земли, на который составленъ этотъ планъ, не подвергался въ своихъ границахъ никакимъ измѣненіямъ со времени составленія плана, и достовѣрно извѣстно, что теперь онъ находится во владѣніи фабриканта Борисовскаго; вслѣдствіе чего для опредѣленія мѣста дворца явилась возможность ограничиться весьма незначительнымъ пространствомъ. Сопоставивъ упомянутый планъ съ нѣкоторыми другими планами, а также принявъ во вниманіе мѣстныя условія, съ достаточною достовѣрностью можно утверждать, что дворецъ находился на дворѣ фабрики г. Борисовскаго, противъ флигеля занимаемаго директоромъ фабрики; также можетъ быть, что дворецъ стоялъ на лѣвой сторонѣ двора, противъ новаго фабричнаго корпуса; но первое предложеніе вѣроятнѣе; нахожденіе же вообще на дворѣ фабрики не подлежитъ сомнѣнію. Дворецъ этотъ пришелъ въ ветхое состояніе вѣроятно еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, такъ какъ на планѣ генеральнаго межеванія 1766 года его не значится. Въ 1802 году еще можно было видѣть половину разрушеннаго его остова, имѣвшаго въ то время форму буквы Г, но въ 1803 году этихъ развалинъ уже не было. Близь дворца еще въ 1766 году было кладбище съ деревянною церковью; судя по планамъ, оно должно было находиться въ правой части (считая отъ воротъ) имѣющагося на фабрикѣ парка, почти на границѣ двора и парка.

Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи. Въ XVI-мъ томѣ „Correspondance de Napoleon I" помѣщено, между прочимъ, письмо Наполеона I-го, 1808 года за № 13731, къ министру народнаго просвѣщенія о томъ, въ какомъ духѣ долженъ быть составленъ учебникъ исторіи, — предметъ, которому Наполеонъ придавалъ большое значеніе въ школьномъ преподаваніи. Въ этомъ письмѣ прежде всего указывается на необходимость „поощрять благонамѣренныхъ составителей учебниковъ исторіи" и забота объ этомъ возлагается на министра полиціи. „Нужно — говорится въ письмѣ, — чтобы въ каждой строчкѣ учебника проглядывали, какое вліяніе имѣли римскій дворъ, его свидѣтельства о говѣніи, уничтоженіе нантскаго эдикта, смѣшной бракъ Людовика XIV съ Ментенонъ. Нужно, чтобы слабость, которая заставила Валуа потерять тронъ и слабость Бурбоновъ, обусловливавшая ихъ паденіе, производили одинаковое впечатлѣніе на читателей. Нужно быть справедливымъ къ Генриху VI, къ людовику XIII—XV, но безъ лести. Убійства сентябрьскія и ужасы революціи нужно писать тою же кистью, какъ и инквизицію, и кровопролитія XVI-го вѣка. Говоря о революціи, нужно пройти молчаніемъ вопросъ о реакціи. Вѣдь никто не могъ противодѣйствовать революціи, за то не слѣдуетъ клеймить позоромъ ни тѣхъ, которые пережили революцію, ни тѣхъ, которые погибли. Сила одного человѣка не можетъ измѣнить дѣйствія коренныхъ причинъ или предупредить ходъ событій, складывавшихся подъ вліяніемъ самой природы вещей и неотразимыхъ обстоятельствъ. Говоря о королевствѣ и республикѣ, нужно поставить на видъ читателямъ учебника исторіи постоянныя разстройства финансовъ, хаосъ областного собранія, посягательства парламента, недостатокъ правильности и энергіи въ администраціи. Нужно представить эту пеструю Францію безъ единства законовъ и администраціи, скорѣе похожую на соединеніе нѣсколькихъ королевствъ, чѣмъ на одно политическое тѣло. Нужно вести изложеніе такъ, чтобы читатель отдыхалъ, приближаясь къ той эпохѣ, когда Франція стала пользоваться благами, происходящими отъ единства законовъ, администраціи и территоріи. Нужно, чтобы постоянная слабость правительства Людовиковъ XIV — XVI внушала читателю необходимость поддерживать то, что сдѣлано въ новѣйшее время. Нужно, чтобы возстановленіе религіи и алтарей внушало нѣкоторое опасеніе на счетъ вліянія чужеземнаго попа и честолюбиваго исповѣдника, который могъ бы нарушить покой Франціи. Нѣтъ труда болѣе полезнаго какъ вышеуказанный способъ составленія учебника по исторіи. Когда этотъ трудъ хорошо составленный и написанный, явится въ свѣтъ, ни у кого не хватитъ охоты и терпѣнія браться за новый, тѣмъ болѣе, что полиція не станетъ поощрять новыхъ попытокъ, а напротивъ будетъ мѣшать имъ".

Новый опытъ евангельской хронологіи. Вопросъ объ исправленіи христіанскаго лѣтоисчисленія, признаваемаго, какъ извѣстно, издавна небезошибочнымъ, продолжаетъ разрабатываться европейскими учеными. Разрѣшеніемъ этой задачи занимался, между прочимъ, шведскій профессоръ Люнгбергъ, и его весьма любопытное, оригинальное изслѣдованіе появилось недавно въ переводѣ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Хронологія жизни Іисуса" („Chronologie de la vie de Jésus"). Сочиненіе Люнгберга состоитъ изъ двухъ частей. Первая озаглавлена: „Историческій день смерти Іисуса". Въ ней авторъ пытается разъяснить вопросъ: іудейская пасха въ годъ смерти Іисуса предшествовала пятницѣ— дню распятія, или же слѣдовала за нимъ? Для успѣха такого изслѣдованія, необходимо, съ одной стороны, опредѣлить, какой существовалъ еврейскій календарь въ то время, и съ другой стороны, какимъ образомъ понимались и примѣнялись предписанія закона Моисеева относительно отправленія праздниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хронологія жизни Іисуса находится въ тѣсной связи со временемъ правленія первыхъ римскихъ императоровъ, такъ какъ принятая хронологія императоровъ, основанная, главнымъ образомъ, на авторитетѣ Клавдія, Птоломея и Діона Кассія, полна, по мнѣнію автора, ошибокъ; необходимо, слѣ-

довательно, исправить ихъ. Такимъ образомъ, вопросы поставленные Люнгбергомъ повели автора къ цѣлому ряду самыхъ сложныхъ изслѣдованій. Въ концѣ своего длиннаго и точнаго изслѣдованія, авторъ утверждаетъ, что, по его мнѣнію, смерть Іисуса Христа. послѣдовала 30-го марта 31 года нашего лѣтоисчисленія. Вторая часть труда имѣетъ главнымъ предметомъ опредѣленіе дня рожденія Іисуса Христа Изслѣдованіе основывается преимущественно на Евангеліи отъ Матѳея. Сверхъ того, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на поклоненіи волхвовъ и на избіеніи младенцевъ въ Виѳлеемѣ. Послѣднее событіе авторъ связываетъ съ преданіемъ суду Антипатра и опредѣляетъ, что оно послѣдовало лѣтомъ 5-го года до Р. Х. Далѣе принимая во вниманіе возрастъ избіенныхъ младенцевъ, онъ восходитъ еще на два года, то-есть, къ 7-му году до Р. Х., и объясняетъ появленіе звѣзды волхвовъ согласно съ Кеплеромъ. Такимъ образомъ, шведскій профессоръ ртверждаетъ, что рожденіе Спасителя послѣдовало въ ночь послѣдняго числа сентября на первое число октября 7-го года до нашего лѣтоисчисленія. Подтвержденіе своего мнѣнія онъ находитъ даже въ Евангеліи отъ Луки. Какъ не ошибоченъ смѣлый приговоръ автора, но его разностороннія изслѣдованія о хронологіи и вопросахъ, касающихся еврейскаго календаря, по своей новизнѣ, полнотѣ и основательности, уже обратили на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ.

Оригинальная резолюція. Въ „Архангельскихъ Вѣдомостяхъ“ находимъ слѣдующій историческій документъ, рисующій нравы начала XVIII столѣтія.

Въ августѣ 1738 года, канцелярія архангелогородскаго гарнизона устюжскаго пѣхотнаго полка, донесла архангелогородской губернской канцеляріи, что упомянутаго полка находящейся въ г. Колѣ команды капралъ Михаилъ Рекуновъ, когда отъ него потребовали въ воеводской канцеляріи уплаты казенной за отца его недоимки, объявилъ, что не будетъ, да и не подлежитъ платить; когда же подканцеляристъ Толстиковъ замѣтилъ ему, „чтобы не кричалъ при засѣданіи судейскомъ и говорилъ искусно и назвалъ его „сукинымъ сыномъ“, то онъ, Рекуновъ, возразилъ, что „я-де не сукинъ сынъ, и моя-де матушка императрица Анна Ивановна“. При допросѣ, въ губернской канцеляріи, Рекуновъ объяснилъ, что упомянутыя слова имъ были сказаны въ томъ собственно смыслѣ, „что-де наша матушка императрица Анна Ивановна всѣмъ намъ мать“. Затѣмъ дѣло поступило на рѣшеніе въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которая постановила: „подканцеляристу Толстикову, за то, что назвалъ капрала Рекунова сукинымъ сыномъ, и хотя оное важности не касается, однакожь при засѣданіи въ судебномъ мѣстѣ бранныхъ словъ произносить ему не подлежало, и къ тому же къ онымъ браннымъ словамъ и отъ онаго Рекунова продерзостныя слова произошли, — учинить наказаніе — бить батоги, а капрала Рекунова, за происшедшія отъ него продерзостныя слова, чего говорить бы ему не подлежало, бить плетьми“.

Столѣтіе Казанской губерніи. Въ будущемъ году исполнится столѣтіе Казанской губерніи. По этому поводу газета „Волга“ приводитъ слѣдующія историческія данныя:

„Казанскій край со времени подчиненія Московскому государству, подъ названіемъ „Царства Казанскаго“, составлялъ особое вѣдомство, именовавшееся „приказомъ казанскаго дворца“. Въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи первоначально организованы были только два уѣзда — Казанскій и Свіяжскій. Съ возникновеніемъ Чебоксаръ, Козмодемьянска, Цивильска, Царевококшайска и Ядрина, образованы были изъ этихъ городовъ три уѣзда. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, состоявшемся при Петрѣ-Великомъ, въ 1708 году, подъ именемъ Казанской губерніи осталась вся та территорія, которою прежде завѣдывалъ „приказъ казанскаго дворца“, съ присоединеніемъ многихъ другихъ земель, лежащихъ къ сѣверу, западу и востоку отъ нынѣшней Казанской губерніи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ предѣлахъ тогдашней Казанской губерніи всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ насчиты-

валось до 72-хъ. Спустя десять лѣтъ, въ 1719 году, при второмъ разграниченіи Россіи на губерніи и раздѣленіи на провинціи, наша губернія въ территоріальномъ отношеніи значительно сократилась, будучи раздѣлена на четыре провинціи: Казанскую, Свіяжскую, Пензенскую и Уфимскую. Провинціи эти, кромѣ нынѣшняго состава губерніи, заключали въ себѣ губернію Уфимскую, часть Вятской и Пензенской, а позднѣе причислены были сюда еще провинціи Вятская и Соликамская, состоявшая въ районѣ Симбирской губерніи. Въ такихъ предѣлахъ Казанская губернія оставалась до 1781 года, когда было учреждено намѣстничество, получившее нынѣшнія границы губерніи. Въ отношеніи административномъ образовавшееся намѣстничество раздѣлено было на тринадцать уѣздовъ. По повелѣнію императора Павла, въ 1795 году, уѣзды Арскій, Спасскій и Тетюшскій были упразднены и города ихъ обращены въ заштатные, но въ 1802 году Спасскій и Тетюшскій уѣзды были снова возстановлены. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время въ административномъ раздѣленіи Казанской губерніи перемѣнъ не происходило, исключая того, что въ 1830 году, въ уѣздѣ Козмодемьянскомъ образованъ былъ посадъ „Троицкій", а въ 1856 году въ уѣздѣ Чебоксарскомъ—посадъ „Маріинскій".

родину — все это монеты стараго времени, которыя уже почти вышли изъ употребленія.

Наступило общее молчаніе. Трудно было возражать что либо противъ неумолимой логики графа Ульриха. Всѣ шансы были на сторонѣ того, что молодой Бурдонъ воспользуется правами, которыя предоставлялъ ему законъ и что Гондревиллямъ грозитъ потеря всѣхъ наслѣдственныхъ помѣстій.

Маркизъ съ отчаяніемъ бросился на стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ, это невозможно! Неужели Веньяминъ Бурдонъ, мой крестникъ, могъ сдѣлаться масономъ и республиканцемъ!... Нѣтъ, вы положительно ошибаетесь, графъ Ульрихъ!...

— Библейскій Веньяминъ смирился передъ отцомъ своимъ Іаковомъ и покорно вышелъ къ нему на встрѣчу, сказала маркиза;—я убѣждена, что и Веньяминъ Бурдонъ почтительно встрѣтитъ насъ у порога нашего дома, зная, что онъ получитъ за это отъ насъ приличное вознагражденіе.

— Но сперва нужно еще рѣшить сестра, какимъ образомъ вы переступите порогъ вашего дома! отвѣтилъ графъ Ульрихъ.—Имя маркиза вычеркнуто изъ списка французскихъ гражданъ; вашъ сынъ сражается въ Испаніи противъ Бонапарта.

— Да благословитъ его Господь! сказала набожно маркиза.

— Я отъ всего сердца желаю ему всего хорошаго, сказалъ графъ но въ глазахъ Бонапарта поведеніе сына еще болѣе увеличиваетъ вину отца. Чтобы вернуться на родину, маркизъ долженъ подчиниться узурпатору и просить его помилованія.

— Я никогда не сдѣлаю этого! воскликнулъ маркизъ.—Революція можетъ ограбить насъ, лишить жизни, но не чести...

— Несомнѣнно! замѣтилъ баронъ Пухгеймъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ графъ,—было бы чрезвычайно полезно, какъ для общаго дѣла, такъ и для насъ самихъ, если бы мы могли послать надежнаго человѣка въ Парижъ, но такого, который бы не могъ возбудить противъ себя подозрѣнія и, который бы самъ не зналъ для какой цѣли онъ посланъ. Таинственность, которою по неволѣ долженъ былъ окружать себя несчастный Бурдонъ, больше всего привлекла на себя вниманіе французскихъ шпіоновъ. Къ сожалѣнію благоразуміе всегда является у насъ слишкомъ поздно!

— Кто по вашему мнѣнію, графъ, могъ совершить это ужасное убійство? спросилъ Пухгеймъ.—Не подозрѣваете ли вы кого нибудь...

— Не подлежитъ сомнѣнію, что убійство совершено по инициативѣ Фуше. Онъ, вѣроятно, отдалъ приказъ французскому посланнику въ Вѣнѣ слѣдить за Бурдономъ, а посланникъ въ свою очередь поручилъ кому нибудь задержать Бурдона на дорогѣ и украсть у него бумаги. Убійство конечно не входило въ планъ дѣйствій и было вызвано сопротивленіемъ со стороны несчастной жертвы. Происшествіе это покрыто тайной, но сущность дѣла для меня ясна. Я хочу

еще разъ разспросить молодыхъ людей, которые оказали такую безкорыстную помощь умирающему. Можетъ быть, я узнаю отъ нихъ нѣкоторыя новыя подробности, которыя помогутъ мнѣ напасть на слѣдъ.

Маркиза сдѣлала нетерпѣливое движеніе и отрицательно покачала головой.

— Я разсчитываю на вашу помощь, сестра, сказалъ графъ,—потому что иначе это будетъ имѣть видъ допроса. Вы попросите Эгберта Геймвальда разсказать вамъ подробно всю исторію и онъ ничего не подозрѣвая охотно будетъ говорить о ней.

— Вы слишкомъ милостивы къ этимъ бюргерамъ, Ульрихъ, сказала маркиза, не скрывая своего неудовольствія. Судя по вашему обращенію съ ними вчера вечеромъ, можно подумать, что это принцы крови. Впрочемъ, со времени революціи было не мало примѣровъ, что мѣщане дѣлались министрами, послами, чуть ли не герцогами!.. Но бюргера всегда можно сразу отличить отъ природнаго аристократа.

— Да, но для этого нужно имѣть такіе зоркіе глаза, какъ у моей сестры, отвѣтилъ съ улыбкой графъ Вольфсеггъ.—Но при такой разборчивости нельзя заниматься заговорами, а слѣдуетъ оставаться на высотѣ идеальной и мирной жизни. Я лично придаю большое значеніе бюргерству; имъ держится нѣмецкая нація. Наша обязанность поднять эту облѣнившуюся массу и воодушевить ее любовью къ родинѣ. У насъ только тогда будетъ настоящее народное войско, когда бюргеры послѣдуютъ за нами; противъ такого войска не устоять французскіе легіоны.

— Преклоняюсь передъ вашею мудростью, Ульрихъ, отвѣтила иронически маркиза,—и готова исполнить ваши приказанія. Но во всякомъ случаѣ искренно сожалѣю, что революція проникла въ Австрію и нашла себѣ пріютъ въ замкѣ Вольфсегга.

— Такъ вы считаете Эгберта революціонеромъ? спросилъ съ удивленіемъ графъ.

— Его отецъ былъ масономъ. Какъ будто я не знаю, что всѣ революціи начинаются сліяніемъ сословій. Такъ было во Франціи. Знатные люди сами подходили къ буржуа и жали имъ руки. Такой способъ дѣйствія, разумѣется, привелъ къ печальному концу. Народъ разучился уважать короля и дворянство. Наше добродушіе погубитъ насъ; мы идемъ тѣмъ же путемъ, что и Франція...

Маркиза остановилась, видимо ожидая отвѣта, но графъ молчалъ.

— Мнѣ кажется, Ульрихъ, продолжала маркиза,—тѣмъ же самоувѣреннымъ тономъ, что у васъ есть еще другая цѣль, почему вы желаете сблизиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ... Меня не легко обмануть.

Графъ вопросительно посмотрѣлъ на свою сестру, какъ будто желая прочесть на ея лицѣ: дѣйствительно ли она такъ проницательна, что угадала его мысли.

— Если у меня и есть такая цѣль, сказалъ онъ, протягивая ей руку въ знакъ примиренія, то маркиза, какъ добрая сестра, должна помочь своему брату.

— Я готова исполнить ваше желаніе, Ульрихъ, если оно не будетъ идти въ разрѣзъ съ моею совѣстью, отвѣтила маркиза, все еще не совсѣмъ успокоенная.

— Нѣтъ, тутъ дѣло самое простое. Я просилъ бы мою сестру изъ дружбы ко мнѣ быть такой же привѣтливой сегодня и завтра съ моими гостями, какъ вчера вечеромъ. Я былъ въ восхищеніи отъ васъ. Вы вѣдь отлично умѣете разыграть комедію, когда захотите; этому искусству вы научились въ Тріанонѣ... Но почему наша Антуанета сидитъ, какъ будто нѣмая? Какого она мнѣнія о вчерашнихъ незнакомцахъ?

Антуанета сидѣла въ глубокой задумчивости. Глядя на ея лицо трудно было сказать — размышляла ли она о смерти Бурдона и о внезапной перемѣнѣ въ судьбѣ ея родителей, или же вспоминала слова Цамбелли, которыя какъ музыка все еще раздавались въ ея ушахъ.

Когда графъ обратился къ ней съ вопросомъ, она слегка вздрогнула.

— Вы спрашиваете моего мнѣнія дядя? Что могу я вамъ отвѣчать на это?.. На одного я совершенно не обратила вниманія, а другой...

Антуанета остановилась въ нерѣшимости, не зная какъ лучше характеризовать Эгберта.

— О немъ я и спрашиваю тебя, сказалъ графъ—какъ онъ тебѣ понравился?

— Онъ красивъ, какъ сказочный герой и робокъ какъ дѣвушка; тѣмъ не менѣе...

— Что же ты остановилась? Договаривай до конца.

— Онъ должно быть очень упрямъ и вы сами убѣдитесь въ этомъ.

— Ты думаешь? Я радъ, по крайней мѣрѣ, что онъ не показался тебѣ ничтожествомъ и ты нашла его достойнымъ изученія!.. Я думаю задержать молодыхъ людей въ замкѣ до прибытія окружнаго начальника изъ Линца, котораго я увѣдомилъ о печальномъ происшествіи и во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ пока не кончится церемонія погребенія Бурдона.

— Развѣ вы думаете устроить торжественныя похороны, Ульрихъ?— спросила маркиза.

— Да, я думаю похоронить Бурдона на кладбищѣ въ Гмунденѣ. Ты, сестра, будешь также присутствовать при этомъ, и всѣ мы. Патеръ Марсель скажетъ надгробную рѣчь. Погребая съ честью преданнаго слугу, мы подаемъ хорошій примѣръ, а съ другой стороны, благодаря этому, преступленіе получитъ большую огласку. Будутъ толковать о

томъ, что французы или приверженцы Бонапарта, въ угоду ему напали на безоружнаго человѣка и что вотъ какъ они уважаютъ права австрійской націи и соблюдаютъ миръ! Повѣрьте мнѣ, что такія вещи больше дѣйствуютъ на массы, чѣмъ всякія оскорбленія, наносимыя австрійскому королевскому дому или чести всего государства. На похороны соберется всякій народъ изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ; всякій сочтетъ нужнымъ сообщить свои догадки о преступленіи. Кто знаетъ, не откроется ли что нибудь, что послужитъ къ разъясненію тайны?..

— Идутъ! Вотъ они твои protegés!—воскликнулъ баронъ Пухгеймъ, стоявшій у окна.

— Надѣюсь, вы не потребуете, графъ Ульрихъ, чтобы я показался въ этомъ видѣ при бюргерахъ!—воскликнулъ маркизъ, взглянувъ украдкой на молодыхъ людей, которые подходили въ это время къ замку въ сопровожденіи слуги.—Красивые и статные юноши, особенно блондинъ; жаль что онъ не дворянинъ.

— Какъ вы думаете, не послать ли мнѣ его въ Парижъ?—спросилъ неожиданно графъ.

— Не Эгберта-ли?—сказала презрительно маркиза, недоучившагося доктора. Вотъ былъ бы хорошій представитель и посланникъ...

— Онъ можетъ быть вполнѣ представителемъ молодой Германіи! Это человѣкъ честный и надежный. Онъ долженъ познакомиться съ Люциферомъ въ центрѣ его власти.

— Чтобы сдѣлаться его поклонникомъ.

— Нѣтъ, чтобы возненавидѣть его горячей, непримиримой ненавистью. Молодость чутка ко всякой лжи; она можетъ быть ослѣплена великолѣпіемъ и блескомъ этого человѣка, пока она видитъ его издали; но встрѣтившись лицомъ къ лицу съ его безсердечіемъ и эгоизмомъ...

— Они уже вошли въ домъ!—воскликнулъ Пухгеймъ.

— Я исчезаю, сказалъ маркизъ.

— Мнѣ кажется, что и я буду здѣсь лишняя,—сказала Антуанета, поднимаясь съ мѣста.

— Конечно! отвѣтилъ улыбаясь графъ Ульрихъ. — Твои глаза приведутъ въ замѣшательство моего Эгберта и онъ вмѣсто того, чтобы разсказывать о Жанѣ Бурдонѣ, будетъ только думать о чародѣйкѣ опутавшей его сердце. Ты вѣдь опасная красавица! Фея изъ заколдованнаго лѣса!..

— Вы всегда, дядя, находите особенное удовольствіе поддразнивать меня, сказала Антуанета, вырываясь изъ рукъ графа Ульриха, который насильно удерживалъ ее.

Въ этотъ моментъ дверь отворилась и слуга ввелъ молодыхъ людей. Такимъ образомъ Эгберту удалось увидѣть мелькомъ даму своего сердца, которая тотчасъ-же исчезла въ противоположную дверь, бросивъ на него недовольный и мрачный взглядъ.

Она сердилась на Эгберта, зачѣмъ онъ увидѣлъ ее, помимо ея воли.

ГЛАВА IV.

Четыре дня спустя послѣ смерти Жана Бурдона, за долго до полудня, стала собираться огромная толпа около приходской церкви въ Гмунденѣ и на улицахъ примыкающихъ къ деревянному Траунскому мосту, потому что черезъ этотъ мостъ должна была двинуться погребальная процессія изъ капуцинскаго монастыря. Было не мало и такихъ, которые предпочли заблаговременно расположиться на кладбищѣ и хотя имъ пришлось ждать долѣе другихъ, но за то они стояли у самой могилы и знали, что не пропустятъ ни одного слова изъ надгробной рѣчи патера Марселя.

Цѣль графа Вольфсегга была вполнѣ достигнута. Вѣсть о преступленіи быстро разнеслась въ окрестностяхъ до Эбензе и въ горахъ до Линца и Феклабрука; каждый по своему разсказывалъ исторію убійства, преувеличивая жестокость и таинственность преступленія. Эгбертъ и его товарищъ въ этихъ разсказахъ обратились въ какихъ-то сказочныхъ героевъ, убивающихъ дракона, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время приходскіе священники и нищенствующіе монахи при всякомъ удобномъ случаѣ сравнивали Бонапарта съ чудовищнымъ дракономъ, который покрываетъ цѣлыя страны своимъ сильнымъ чешуйчатымъ тѣломъ, а хвостомъ своимъ достигаетъ до Австріи. Многимъ было достовѣрно извѣстно, что юноши обратили въ бѣгство убійцъ и помѣшали полному ограбленію ихъ жертвы. Прислуга графа Вольфсегга разсказывала всѣмъ по секрету, что при Бурдонѣ были не только важныя бумаги, но драгоцѣнности и жемчугъ, принадлежащій королевѣ Маріи Антуанетѣ. Такимъ образомъ, скромный и вѣрный слуга Гондревиллей обратился послѣ смерти въ важнаго политическаго дѣятеля. Графъ не только не опровергалъ, но еще болѣе распространялъ это мнѣніе. По его словамъ во Франціи не было человѣка болѣе опаснаго для Бонапарта, какъ Жанъ Бурдонъ; и Бонапартъ могъ избавиться отъ него только посредствомъ убійства, какъ онъ сдѣлалъ это съ герцогомъ Энгіенскимъ и Пишегрю, такъ какъ обязанъ своимъ возвышеніемъ цѣлому ряду кровавыхъ и ужасныхъ преступленій...

Всѣмъ было ясно, что преступленіе совершено съ политическою цѣлью и всѣхъ одинаково занималъ вопросъ: куда скрылись убійцы? Несомнѣнно, что это были французы или итальянцы, наемные помощники корсиканскаго тирана; но странно, что никто не замѣтилъ ихъ ни до, ни послѣ преступленія. Какъ могли они ускользнуть такимъ образомъ отъ общаго вниманія? Подъконецъ все-таки на сцену выступилъ всадникъ, на ворономъ конѣ, котораго видѣлъ собственными глазами мельникъ изъ Рабена и готовъ былъ поклясться въ этомъ. По его словамъ всадникъ былъ среднихъ лѣтъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ людей, и весьма вѣроятно, что онъ офицеръ, потому что

очень увѣренно сидѣлъ на конѣ. Странно было только то, что онъ закрылъ себѣ лицо сѣрымъ плащемъ, когда мельникъ проходилъ мимо него. Затѣмъ всадникъ ушелъ въ лѣсъ вмѣстѣ съ Бурдономъ и исчезъ неизвѣстно куда. Правда въ день несчастія было мало людей въ лѣсу и на поляхъ между Гмунденомъ и мельницей Рабенъ, но все-таки онъ могъ попасться кому нибудь на глаза; равнымъ образомъ никто не видѣлъ его ни въ окрестныхъ деревняхъ, ни на большой дорогѣ. Работники съ пильной мельницы, которые помогали молодымъ людямъ перенести раненаго, поговаривали между собою втихомолку, что черная Кристель вѣроятно знаетъ объ этомъ больше другихъ людей, потому что знакома съ нечистымъ. Они не смѣли называть ее вслухъ колдуньей, потому что боялись ее, и вдобавокъ приходскій священникъ въ Моосѣ, учившій ее грамотѣ, горячо защищалъ свою воспитанницу отъ злыхъ толковъ. Но и онъ не могъ отвергать, что Кристаль плохо воспользовалась его ученіемъ и что она ведетъ странную жизнь, проводя большую часть времени въ лѣсу или горахъ.

Для всѣхъ было неразрѣшимою загадкою, какимъ заработкомъ или ремесломъ живетъ Кристель со своимъ отцомъ Флоріаномъ? До 1805 года Флоріанъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ сосѣдей и акуратно велъ свое хозяйство на небольшомъ клочкѣ земли, который отдалъ ему въ аренду баронъ Пухгеймъ. Хотя онъ былъ робкаго и сосредоточеннаго нрава, но пользовался уваженіемъ въ своей деревнѣ, какъ трудолюбивый и богобоязненный человѣкъ. Но въ 1805 году его постигло несчастіе. Его единственнаго сына взяли въ солдаты, а вслѣдъ затѣмъ онъ былъ убитъ на повалъ при Аустерлицѣ. Флоріанъ помѣшался съ горя, его природная склонность къ меланхоліи увеличивалась изъ года въ годъ. Хозяйство его пришло въ полный упадокъ и онъ принужденъ былъ продать свою лошадь и корову. Если бы баронъ Пухгеймъ былъ строгій и разсчетливый человѣкъ, то вѣроятно Флоріанъ остался бы безъ крова. Но у Пухгейма не было дѣтей, а своихъ дальнихъ родственниковъ, которые должны были унаслѣдовать его имѣніе, онъ ненавидѣлъ за ихъ преданность Наполеону. Онъ не заботился о томъ, что мѣсто, на которомъ жилъ Флоріанъ, не приноситъ ему никакого дохода.

— Оно и прежде было пустопорожнее, отвѣчалъ Пухгеймъ, когда его упрекали, что онъ держитъ тунеядца арендаторомъ. — Оставьте въ покоѣ этого человѣка! Онъ всѣмъ пожертвовалъ для нашего императора и родины. Что удивительнаго въ томъ, что поле его стало также пусто, какъ его голова. На развалинахъ ничто не можетъ вырости кромѣ сорной травы.

Жена Флоріана давно умерла, и Кристель, не имѣя матери, совсѣмъ одичала при полуумномъ отцѣ. Она больше жила въ лѣсу, чѣмъ въ своей хижинѣ. Лѣтомъ она собирала ягоды и травы, а зимою хворостъ. Благодаря такому образу жизни, Кристель слыла знахаркой между мѣстными крестьянами, которые прозвали ее черной

Кристель, за ея черные волосы и глаза и смуглый цвѣтъ лица. Они приписывали ей даръ узнавать болѣзни людей и животныхъ, угадывать будущее и были убѣждены, что она находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чортомъ.

Въ толпѣ стоявшей у воротъ кладбища шли оживленные толки о бѣдной Кристель. Особенно безпощадно бранили ее женщины и говорили, что убійство вѣроятно не обошлось безъ ея участія.

— Что вы болтаете всякій вздоръ, сказалъ пожилой человѣкъ въ полудеревенской и полугородской одеждѣ, управляющій мызой барона Пухгейма.—Бѣдняжка Кристель никому не дѣлаетъ зла, а вы ее порочите, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ видѣли какъ она вылетаетъ изъ трубы на метлѣ.

Женщины замолчали, но за нихъ заступился Рупрехтъ, богатый крестьянинъ изъ Ауракирхена, въ длиннополомъ голубомъ сюртукѣ съ серебреннными пуговицами, который, сообразно своему высокому положенію въ деревнѣ, стоялъ въ сторонѣ отъ толпы.

— Какъ будто не всѣмъ извѣстно, сказалъ онъ съ ядовитой улыбкой,—что она вѣдьма. Грѣхъ и стыдъ позволять такой дряни оставаться съ простодушными христіанами. Эта Кристель давно заслуживаетъ хорошихъ розогъ. Только Пухгеймы могутъ покровительствовать подобнымъ людямъ!

Слова эти задѣли за живое управляющаго Пухгейма, который счелъ нужнымъ заступиться за честь своего господина:

— Что же онъ не договариваетъ! воскликнулъ онъ запальчиво, указывая пальцемъ на своего противника.—Самъ похожъ на турецкаго пашу, а корчитъ изъ себя барина! Вѣрно Кристель не достаточно низко поклонилась ему, міроѣду!

— Міроѣды не мы, а господа! отвѣтилъ Рупрехтъ внѣ себя отъ ярости.—Они заѣдаютъ и губятъ людей, строятъ разныя козни и завариваютъ кашу, а намъ приходится расхлебывать ее. Ему досадно, что я не слѣпъ и все вижу. Всякій разъ, когда соберутся знатные господа, для веселья устраивается или охота или война и всегда на крестьянскій счетъ. Вотъ баронъ приказалъ посылать Флоріана какъ будто на рубку лѣса, а на дѣлѣ Кристель и Флоріана посылаютъ въ другія мѣста. Тутъ дѣло не совсѣмъ чисто.

Ссора, не смотря на близость церкви, грозила окончиться дракой, потому что между крестьянами Ауракирхена и слугами барона Пухгейма существовала давнишняя непримиримая вражда; но этому помѣшало восклицаніе одной старухи: Пресвятая Богородица, вотъ и она идетъ несчастная!

Черная Кристель робко подошла къ оградѣ кладбища, расположеннаго на откосѣ горы. Она ни на кого не глядѣла и ни съ кѣмъ не здоровалась, но чувствовала какъ всѣ взгляды тотчасъ же устремились на нее. Между тѣмъ въ ея наружности не было ничего особеннаго. Это была худенькая, смуглая дѣвочка съ босыми ногами, въ

коричневой шерстяной юбкѣ со множествомъ заплатъ, которая едва покрывала ей колѣни. На плечахъ ея былъ накинутъ небольшой шелковый платокъ, въ который она нарядилась по случаю предстоящаго торжества. Черные вьющіеся волосы были распущены; большіе каріе глаза имѣли мечтательное и грустное выраженіе. Вся фигура ея отличалась стройностью, но движенія были порывисты и она видимо спѣшила проскользнуть скорѣе черезъ толпу, которая отстранялась отъ нея. Но сегодня по крайней мѣрѣ ее не преслѣдуютъ мальчишки и она не слышитъ бранныхъ словъ. Какъ она боялась идти сюда, но что-то гнало ее изъ дому къ этимъ людямъ, которые такъ недоброжелательно относились къ ней и отъ которыхъ она никогда не видала ни одной ласки.

Но теперь она должна пройти мимо богатаго крестьянина Рупрехта, который особенно ненавидитъ ее. Сердце бѣдной дѣвочки замираетъ отъ страха, но она надѣется, что онъ не замѣтитъ ее.

— Прочь съ дороги, чортово отродье! закричалъ на нее Рупрехтъ и поднялъ кулакъ, чтобы ударить ее.

Но управляющій Пухгеймъ выхватилъ дѣвочку изъ-подъ его рукъ.

— Встань тутъ, Кристель, у ограды, сказалъ онъ, загораживая ее собой и размахивая во всѣ стороны своей тростниковой палкой съ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

На счастье дѣвочки въ этотъ моментъ съ противоположнаго берега раздался колоколъ капуцинскаго монастыря; ему вторилъ колоколъ кармелитокъ, а вслѣдъ затѣмъ дружно ударили оба колокола приходской церкви.

Все стихло на кладбищѣ. У всѣхъ сжалось сердце отъ какого-то боязливаго ожиданія; смолкли суетные помыслы передъ грознымъ голосомъ, предвѣстникомъ смерти.

Но это настроеніе продолжалось всего одинъ моментъ и толпа опять вернулась къ обыденнымъ интересамъ.

На дорогѣ ведущей къ кладбищу, показался вблизи быстро несущійся экипажъ, запряженный четырьмя лошадьми.

— Это карета Вольфсегговъ, послышалось въ толпѣ.

— На запяткахъ два лакея.

— Должно быть дамы.

— Маркиза съ дочерью.

— Говорятъ дочь необыкновенно хороша собою и ученѣе всѣхъ нашихъ священниковъ и лекарей.

— Такъ и должно быть; она изъ Вѣны...

— Карета остановилась у церкви; вотъ онѣ выходятъ.

— Ихъ вѣдь не увидишь безъ особеннаго случая. Говорятъ, онѣ обѣ такія гордыя, что не приведи Богъ.

— Ну, съ тобой онѣ конечно разговаривать не станутъ. Ты и самъ не зналъ бы, что отвѣчать имъ.

— Смотрите, у нихъ вѣнки въ рукахъ; онѣ чуть не плачутъ.

— Прелюбопытная исторія случилась съ этимъ покойникомъ. Вѣрно онъ былъ какой нибудь важный господинъ.

— Что за важный господинъ, просто лакей.

— Неужели!

Кругомъ раздался хохотъ.

— А ты и повѣрилъ этому. Они разсказываютъ это, чтобы надуть насъ, потому что никто не долженъ знать имя покойника.

— Это знаетъ одинъ только императоръ въ Вѣнѣ.

— Да развѣ покойникъ былъ наслѣдный принцъ?

— Тише, онѣ идутъ.

Маркиза съ дочерью въ это время подходили къ кладбищу. Обѣ онѣ были одѣты въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ, съ креповыми вуалями, прикрѣпленными къ волосамъ, и съ вѣнками иммортелей въ рукахъ. За ними шли два лакея въ зеленыхъ ливреяхъ съ серебряными нашивками и въ треугольныхъ шляпахъ. Ризничій шелъ впереди, чтобы очистить имъ дорогу, хотя это было совершенно лишнее, потому что толпа добровольно разступалась съ обѣихъ сторонъ. Всѣ сняли свои шляпы и шапки передъ знатными дамами и даже крестьянинъ изъ Ауракирхена низко поклонился имъ, не смотря на свою ненависть къ дворянамъ. Обѣ дамы вскорѣ скрылись за липами кладбища изъ глазъ толпы и только время отъ времени виднѣлись концы ихъ вуалей, развѣваемые вѣтромъ. Между тѣмъ шествіе при непрерывномъ звонѣ колоколовъ перешло мостъ и вступило въ небольшую улицу, которая вела отъ церкви къ кладбищу. Впереди шелъ хоръ мальчиковъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ, за которыми несли церковную хоругвь съ образомъ Богоматери. Затѣмъ слѣдовалъ черный деревянный гробъ, окованный серебромъ и увѣшанный вѣнками, въ которомъ покоились смертные остатки несчастнаго Бурдона. Гробъ поперемѣнно несли графскіе слуги, одѣтые въ черное съ головы до ногъ и съ крепомъ на рукѣ и на шляпѣ. За ними выступалъ священникъ изъ Гмундена съ большимъ серебрянымъ распятіемъ въ рукахъ, окруженный капуцинами, опоясанными бѣлыми шнурами съ поднятыми капюшонами и въ сандаліяхъ. За духовенствомъ шелъ графъ Вольфсеггъ съ маркизомъ Гондревилль и барономъ Пухгеймомъ, за ними графъ Ауерспергъ съ Эгбертомъ и его пріятелемъ, такъ какъ участіе выказанное молодыми бюргерами несчастному Бурдону, дало имъ право на почетное мѣсто въ процессіи. Затѣмъ слѣдовали въ томъ же порядкѣ представители всѣхъ дворянскихъ родовъ, имѣвшихъ помѣстья у озера Траунъ и въ сосѣднихъ горахъ. Цамбелли долженъ былъ также участвовать въ процессіи по приглашенію графа Вольфсегга. Онъ шелъ рядомъ съ графомъ Гаррахъ, владѣльцемъ небольшого замка на холмахъ Альтмюнстера. Оба они были въ полномъ невѣдѣніи относительно заслугъ Жана Бурдона и потому слушали очень внимательно господина шедшаго рядомъ съ ними, который считалъ своимъ долгомъ разсказать до мельчайшихъ подробностей исторію Гондре-

виллей и ихъ слуги. Исторія эта такъ заинтересовала Цамбелли, что онъ забылъ все окружающее и невольно вздрогнулъ когда позади его раздался пронзительный крикъ и кто-то схватилъ его за руку. Онъ оглянулся и увидя, что это была Кристель, сдѣлалъ такое движеніе какъ будто хотѣлъ стряхнуть повисшаго на немъ червя. Но дѣвочка сама выпустила его руку, испугавшись непріятнаго выраженія его черныхъ блестящихъ глазъ. Она закрыла лицо руками и дрожа всѣмъ тѣломъ бормотала что-то непонятное.

Шествіе вступило на кладбище и остановилось передъ вырытой могилой. Началась торжественная церемонія погребенія. Молча и благоговѣйно стояла толпа; многіе преклонили колѣни, громко повторяя за священникомъ молитву объ успокоеніи души усопшаго.

Вслѣдъ затѣмъ у могилы появился патеръ Марсель; его можно было разглядѣть издали, такъ какъ онъ стоялъ на возвышеніи и солнечный лучъ, выглянувъ изъ темныхъ нависшихъ облаковъ, на нѣсколько минутъ ярко освѣтилъ его рыжую бороду. Онъ высоко поднялъ серебряное распятіе, взявъ его изъ рукъ священника, и сказалъ, протягивая лѣвую руку:

„Онъ лежитъ тутъ, у нашихъ ногъ, мертвый, пораженный пулей измѣнника. Это былъ вѣрный, достойный и храбрый человѣкъ. Онъ прибылъ къ намъ изъ страны безбожныхъ французовъ, гдѣ поруганы церкви, разрушены алтари и изображенія святыхъ;—онъ думалъ найти убѣжище среди насъ, у которыхъ еще сохранилось уваженіе къ святынѣ, повиновеніе и вѣрность властямъ. Господь проститъ Жану Бурдону всѣ его прегрѣшенія; пресвятая Богородица будетъ его заступницей. Онъ палъ какъ воинъ на полѣ брани, сражаясь съ Вельзевуломъ. Одни могутъ заслужить царствіе небесное дѣлая добро и живя по законамъ церкви и императора; другіе борьбой съ силами ада. Всюду людямъ разставлены силки и сѣти, вырыты ямы; берегитесь набожные христіане, чтобы не попасть въ нихъ, будьте день и ночь на стражѣ, какъ этотъ человѣкъ, котораго мы погребаемъ сегодня. Пока онъ былъ живъ, его гласъ возвѣщалъ намъ—„Остерегайтесь! Вельзевулъ идетъ!“ А кто этотъ Вельзевулъ? Это Бонапартъ, тотъ самый, который три года тому назадъ прошелъ черезъ наши благословенныя поля съ своими войсками, занялъ Вѣну и разстрѣлялъ картечью вашихъ сыновей и братьевъ въ ужасный день Аустерлицкой битвы! Теперь Бонапартъ свирѣпствуетъ въ Испаніи, срываетъ вѣнцы и ризы съ образовъ Пресвятой Богородицы. Нашъ императоръ заключилъ миръ съ Бонапартомъ, но Господу не угоденъ этотъ миръ. По волѣ Божьей, противъ Бонапарта возсталъ воинственный народъ—испанцы. Тамъ всѣ взялись за оружіе—мужчины, женщины, дѣти. Господь благословилъ ихъ на боробу за святое дѣло, Его ангелы направляютъ ихъ удары. Послѣдуемъ возлюбленные христіане примѣру храбрыхъ испанцевъ! Развѣ Бонапартъ соблюдаетъ обѣщанный намъ миръ! Вотъ вамъ доказательство на лицо...“

Марсель указалъ на гробъ.

„Бонапартъ вмѣсто обѣщаннаго мира посылаетъ въ нашу страну грабителей и убійцъ. До сихъ поръ мы могли утѣшаться, что только во Франціи господствуютъ грѣхъ и пороки. Но Бонапартъ хочетъ и нашу Австрію сдѣлать вертепомъ разбойниковъ! Неужели вы потерпите чтобы у насъ водворились богохульники, убійцы короля, санкюлоты, кровопійцы?—Вотъ дѣяніе достойное ихъ! жертва передъ вами съ пулей въ груди. Убійцы отняли у него послѣдніе деньги и будутъ на нихъ пить и веселиться въ Парижѣ. Бонапартъ выжимаетъ сокъ изъ народовъ, его клевреты упиваются кровью отдѣльныхъ людей. Долго ли это будетъ продолжаться благочестивые христіане? Близокъ часъ, когда и васъ могутъ призвать на защиту святой церкви, австрійскаго императора, женъ и дѣтей вашихъ. Развѣ вы не учились владѣть оружіемъ, не умѣете дѣйствовать топоромъ? Бонапартъ, это исчадіе ада, жаждетъ крови и плоти людской. Но не робейте, Господь пошлетъ вамъ на помощь Архангела Михаила, своего лучшаго небеснаго борца...

„Берите примѣръ съ усопшаго. Онъ былъ непоколебимъ, набоженъ и честенъ. Къ его рукамъ не пристало неправедно нажитое добро; онъ защищалъ своею жизнью замокъ и имущество своихъ господъ. Вотъ это былъ человѣкъ и я желаю, чтобы каждый изъ васъ былъ такимъ-же! Въ священномъ писаніи говорится „Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное!“ Поэтому не сѣтуйте объ усопшемъ и не проливайте слезъ. Бренное тѣло человѣка послѣ смерти обращается въ прахъ, но душа живетъ вѣчно. Весь вопросъ въ томъ благочестивые христіане, гдѣ будетъ находиться душа? Отъ васъ зависитъ—будетъ ли ваша душа вѣчно горѣть въ аду или прогуливаться въ раю. Слѣдуйте примѣру Жана Бурдона и держитесь вѣрной стези. Будьте благочестивы и точите косы, молитесь и лейте пули. Вельзевулъ ходитъ по свѣту какъ рыкающій левъ и ищетъ себѣ добычи и потому ни одинъ христіанинъ не долженъ пренебрегать оружіемъ. Будемъ на стражѣ день и ночь всегда вооруженные и готовые явиться на зовъ. Тогда мы наслѣдуемъ Царствіе Небесное, подобно Жану Бурдону. Тогда благословеніе Господне будетъ надъ нами во вѣки вѣковъ. Рано или поздно черви источатъ наше тѣло, но душа, освобожденная отъ земныхъ оковъ, будетъ испытывать блаженство и пѣть въ хорѣ ангеловъ: Аллилуйя! In saecula saeculorum, Аминь!“

Женщины громко плакали; мужчины смотрѣли въ землю, чтобы скрыть волненіе, произведенное на нихъ надгробною рѣчью. Ораторъ сошелъ съ возвышенія. Всякій спѣшилъ отдать честь покойнику, бросивъ горсть земли на его гробъ. Дошла очередь до Цамбелли. Графъ Ульрихъ все время внимательно наблюдавшій за нимъ, замѣтилъ, что итальянецъ, наклоняясь къ землѣ, сказалъ что-то стоявшей возлѣ него Кристель, но это показалось ему на столько невѣроятнымъ, что онъ рѣшилъ болѣе не думать объ этомъ и отправился вслѣдъ за дру-

гими господами къ берегу озера, гдѣ ихъ ожидалъ длинный рядъ экипажей. Мало по малу разошлась и остальная толпа, громко толкуя между собою о богатомъ погребеніи и рѣчи Марселя. Большинство отправилось въ ближайшій питейный домъ, гдѣ благодаря щедрости графскихъ слугъ и богатыхъ крестьянъ, которые не хотѣли отстать отъ нихъ, скоро устроилась шумная попойка.

Кладбище опустѣло и только старый могильщикъ съ слугой молча оканчивали свою работу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла Кристель подъ деревомъ и казалось считала пригоршни земли, падавшія съ ихъ лопатъ. Правая рука ея была крѣпко сжата, какъ будто она боялась выронить изъ нея какую-то дорогую вещь.

— Чего стоишь тутъ, обезьяна! крикнулъ ей могильщикъ. — Ужъ не хочешь ли сосчитать, сколько нужно песчинокъ, чтобы зарыть покойника? Лучше сбѣгай-ка къ трактирщику и прикажи ему налить эту бутылку.

Кристель поспѣшно опустила руку въ карманъ и подошла къ могильщику.

— Что ты вытаращила на меня глаза, какъ помѣшанная! проворчалъ онъ съ досадой.

Кристель взяла изъ его рукъ бутылку и боязливо заглянула въ могилу, гдѣ гробъ уже былъ закрытъ землею.

— Говорятъ вы умный человѣкъ, дѣдушка Игнасъ! Скажите пожалуйста, что думаетъ теперь покойникъ?

— Благослови Господи и помилуй! проговорилъ съ испугомъ старикъ. Чего ты не выдумаешь! Плохая была бы исторія, еслибы мертвецовъ мучили разныя мысли. Слава Богу, они не думаютъ и не говорятъ. Мы достаточно насыпаемъ на нихъ земли, чтобы они замолкли на вѣки.

— Священникъ говорилъ, что всѣ мертвецы встанутъ, когда наступитъ страшный судъ, замѣтила Кристель.

— Это правда, подтвердилъ могильщикъ, поправляя свою ермолку.— Святые будутъ нашими заступниками на страшномъ судѣ. Но онъ еще не скоро будетъ и неизвѣстно, доживемъ ли мы до этого... Ну а ты сбѣгай скорѣе и принеси вина. Ты сама дрожишь отъ холоду, я тебѣ непремѣнно дамъ глотокъ.

Но Кристель противъ своего обыкновенія медленно шла по кладбищу, погруженная въ глубокую задумчивость. Вотъ тутъ, у воротъ, она схватила за руку человѣка съ странными черными глазами, которыхъ она не могла забыть, потому что этотъ человѣкъ не походилъ ни на одного изъ тѣхъ, кого она встрѣчала въ своей жизни. Не ослышалась ли она?... Онъ шепнулъ ей: „Когда поднимется мѣсяцъ надъ Траунштейномъ, приходи къ замку и жди меня у садовой ограды“... Что онъ хочетъ сказать ей? При этой мысли вся кровь бросилась ей въ голову; у ней вырвался торжествующій возгласъ, но она тотчасъ же оглянулась на могилу и чувство торжества смѣни-

лось смертельнымъ испугомъ. Она бросилась съ кладбища, какъ лань, преслѣдуемая охотниками; но сзади ея никого не было; на кладбищѣ царила мертвая тишина, прерываемая только бранью могильщика, который называлъ ее лѣнивой, негодной тварью.

Между тѣмъ въ замкѣ за поминальнымъ обѣдомъ, который графъ Ульрихъ счелъ нужнымъ устроить, чтобы не отступать отъ старыхъ обычаевъ, шли оживленные толки о надгробной рѣчи капуцина. Всѣ гости безусловно хвалили ее, даже Витторіо Цамбелли, который, хотя и слылъ за поклонника Бонапарта, по горячѣе всѣхъ защищалъ ее противъ хозяина дома, крайне недовольнаго запальчивостью монаха.

— Онъ напомнилъ мнѣ сегодня бѣшеную лошадь, сказалъ графъ Ульрихъ, которая закусила удила и несется неизвѣстно куда.—Разумѣется онъ сдѣлалъ это изъ усердія, но мнѣ прійдется поплатиться за его неосторожность. Генералъ Андраши въ Вѣнѣ дня черезъ три получитъ самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что произошло здѣсь, да къ тому же еще молва, по своему обыкновенію, изъ мухи сдѣлаетъ слона. Начнутся безконечные запросы и я получу формальный выговоръ отъ имени императора. Почтенному патеру разумѣется безпокоиться нечего; онъ выспится съ похмѣлья и будетъ по прежнему собирать милостыню на свой монастырь.

Тѣ изъ гостей, которые считали Цамбелли французскимъ шпіономъ, были увѣрены, что онъ обидѣлся словами графа, принявъ ихъ на свой счетъ и ожидали съ его стороны дерзкаго отвѣта.

Но итальянецъ не выказалъ ни малѣйшаго неудовольствія.

— Вы вѣроятно говорите это въ шутку, графъ, сказалъ онъ своимъ обычнымъ вѣжливымъ тономъ, съ цѣлью развеселить насъ послѣ печальной церемоніи. Мы, слава Богу, находимся въ мирной Австріи, а не въ Испаніи въ Сіерра Морена, гдѣ безумная рѣчь монаха можетъ стоить нѣсколько сотенъ жизней и гдѣ нужно взвѣшивать каждое слово. Графъ позволитъ мнѣ замѣтить, что его безпокойство не имѣетъ никакого серьезнаго основанія. У генерала Андраши много другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, нежели чтеніе проповѣди какого нибудь капуцина. Наконецъ патеръ совершенно правъ съ своей точки зрѣнія. Онъ долженъ ненавидѣть Наполеона, отъявленнаго врага монастырей и папы. Вполнѣ естественно, что онъ приписываетъ ему всякое преступленіе; если стогъ сѣна загорится на полѣ, то патеръ и тогда скажетъ, что его подожгли слуги Бонапарта. Онъ даже поступаетъ такимъ образомъ съ предвзятою цѣлью; но я не вижу въ этомъ ничего опаснаго для французскаго императора.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ Пухгеймъ, не обращая никакого вниманія на неудовольствіе, выразившееся на лицѣ графа Ульриха.

— Положимъ этотъ капуцинъ не въ своемъ умѣ и пьяница. Развѣ Равальякъ былъ многимъ лучше его?

— Позвольте вамъ замѣтить, баронъ, отвѣтилъ Цамбелли, что онъ

былъ французъ. Но мы, нѣмцы, долготерпѣливый, спокойный и безстрастный народъ. По временамъ мы видимъ, что какъ будто у насъ все небо покрыто заревомъ, а на дѣлѣ выходитъ что горитъ простая солома.

— Но и горящая солома при бурномъ вѣтрѣ можетъ сдѣлаться гибельною, возразилъ баронъ. Тогда каждый пучекъ обращается въ краснаго пѣтуха, который охватываетъ крышу за крышей.

— Мнѣ кажется, сказалъ Цамбелли, что въ нашей Австріи никогда не будетъ такого бурнаго вѣтра. Мы нѣмцы — моя мать была нѣмка—лучше всѣхъ умѣемъ пользоваться дарами мира; мы покорили свѣтъ заступомъ и перомъ. Почему же не предоставить другимъ народамъ военную славу? Развѣ вы ставите Марса выше Аполлона? Еще недавно графиня Антуанета прочла намъ превосходное стихотвореніе Шиллера — хвалебную пѣсню миру, гдѣ поэтъ воспѣваетъ Цереру, земледѣліе и жатву. Мнѣ тогда невольно пришло въ голову: вотъ вѣрное изображеніе нашей плодородной, богатой хлѣбомъ и виномъ Австріи, поэзія кроткаго и миролюбиваго народа, похожая на прозрачный источникъ, бьющій изъ скалы.

Благодаря ловкому итальянцу, разговоръ незамѣтно перешелъ на другіе предметы и маркиза съ дочерью, единственные дамы, присутствовавшіе за столомъ, приняли въ немъ дѣятельное участіе.

Какъ хозяинъ, такъ и гости, избѣгали теперь всякаго намека на похороны Жана Бурдона. Разсуждали о предстоящей охотѣ за сернами у герцога Іогана въ Штиріи, о скоромъ возвращеніи въ Вѣну, столичныхъ празднествахъ и удовольствіяхъ, о катаньи на саняхъ и т. п. Мало по малу всѣ пришли въ наилучшее расположеніе духа, не исключая и Гуго, которому графъ Ауерспергъ сообщилъ много интересныхъ подробностей о столичныхъ актрисахъ и пѣвицахъ. Такимъ образомъ къ концу обѣда не осталось и слѣда того мрачнаго и серіознаго настроенія, съ которымъ всѣ сѣли за столъ.

Послѣ обѣда графъ взялъ Эгберта подъ руку и предложилъ ему прогуляться по саду. Нѣкоторые изъ гостей послѣдовали ихъ примѣру, другіе остались у бутылокъ и продолжали на свободѣ прерванный споръ.

— Значитъ, вы непоколебимы въ своемъ рѣшеніи, Эгбертъ? спросилъ графъ, когда они очутились одни въ длинной аллеѣ.

— Да, графъ, завтра мы должны непремѣнно отправиться въ Вѣну. Я уже давно изъ дому и вѣрно тамъ уже накопилось много дѣлъ, требующихъ моего присутствія.

— Вамъ можно позавидовать Эгбертъ! Вы, бюргеры, живете для самихъ себя и хлопочете только о своихъ личныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ на насъ, дворянахъ, лежатъ всѣ заботы и затрудненія общественной жизни. Я разумѣется не одобряю этого и нахожу, что мы были неправы, систематически удаляя бюргеровъ отъ государст-

венныхъ дѣлъ. Теперь трудно исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ ошибки многихъ лѣтъ... Но вы кажется не любите политическихъ разговоровъ и потому прошу извиненія...

— Нѣтъ, они всегда интересуютъ меня, когда вы участвуете въ нихъ.

— Быть можетъ вы избрали себѣ благую часть — продолжалъ графъ, занятый своими мыслями. Вы молоды, богаты, щедро одарены природою, зачѣмъ будуте вы тратить время, трудъ, рисковать всѣмъ для такой невѣрной дѣвы, какъ политика! Разумѣется гораздо пріятнѣе построить себѣ домъ въ Гицингѣ и заниматься музыкой съ хорошенькой сосѣдкой. Кстати, какъ она поживаетъ? У ней отличный голосъ.

— Я не въ перепискѣ съ фрейлейнъ Магдалиной. Недѣли четыре тому назадъ я получилъ въ Прагѣ письмо отъ ея старика отца. Тогда все было благополучно у нихъ.

— Ну, а какъ содержится теперь вашъ домъ въ городѣ? Старикъ замѣчательно честный и безкорыстный человѣкъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ тяжелыхъ обстоятельствахъ моей жизни. Я говорилъ это вашей покойной матери, когда бѣдняга водворился въ вашемъ домѣ съ женою и дочерью.

— Это дѣйствительно очень милые люди, и ихъ общество было для меня большой поддержкой послѣ смерти матери. Я надѣюсь, что всегда останусь съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ.

— Надѣсь, что такъ будетъ и со мною, сказалъ графъ пожимая руку Эгберту. Вы и Магдалина всегда можете считать меня своимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Я вполнѣ понимаю ваше желаніе вернуться къ своимъ тихимъ занятіямъ и удовольствіямъ, но не могу помириться съ мыслью, что вы хотите такъ скоро оставить насъ.

— Вы очень милостивы къ намъ, графъ, и я тѣмъ болѣе цѣню это, что мы съ пріятелемъ явились сюда совершенно неожиданно.

— Поэтому я вдвойнѣ досадую на вашъ скорый отъѣздъ. Вы застали насъ въ горѣ и хлопотахъ по случаю печальнаго событія съ Бурдономъ и уѣзжаете, когда все успокоилось и представляется возможность повеселиться нѣсколько дней. Но я надѣюсь, что вы посѣтите меня въ Вѣнѣ. Помните, что и тамъ мой домъ всегда открытъ для васъ обоихъ. Вашъ молодой пріятель положительно нравится мнѣ, хотя я не вполнѣ вѣрю его сценическимъ дарованіямъ.

— Тѣмъ не менѣе Гуго хочетъ непремѣнно поступить на сцену, сказалъ Эгбертъ, который хотѣлъ воспользоваться замѣчаніемъ графа чтобы заручиться его покровительствомъ для своего друга.—Онъ уже дебютировалъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ; но честолюбіе его гонитъ въ Вѣну, тѣмъ болѣе, что при нынѣшнихъ безпокойныхъ временахъ театральное искусство можетъ процвѣтать въ одной столицѣ. При этомъ Гуго человѣкъ образованный...

— Да, онъ могъ бы сдѣлаться украшеніемъ науки, еслибы не

битва при Іенѣ. Какъ забавно разсказывалъ онъ намъ это вчера. Дѣйствительно, какимъ только случайностямъ не подвергаются теперь люди, благодаря тому, что простой смертный разыгрываетъ изъ себя полубога. Бонапартъ расшатываетъ міръ, начиная отъ королевскаго дворца и кончая хижиной. До послѣдней минуты мы не можемъ быть увѣрены, что намъ удастся собрать жатву съ нашихъ полей. Отъ мановенія этого Юпитера зависитъ судьба милліоновъ людей. Богъ или демонъ далъ ему это власть, но человѣчеству не легче отъ этого.

У Эгберта впервые явилось желаніе возражать графу. Рѣчь капуцина сильно не понравилась ему, но онъ не рѣшался высказать своего мнѣнія за обѣдомъ и вмѣшаться въ споръ людей, которые были старше его годами и съ которыми онъ не могъ сравниться по своему скромному положенію въ свѣтѣ; но теперь графъ самъ вызывалъ его на откровенность.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, графъ, что человѣчество можетъ проклинать Бонапарта, что онъ сдѣлалъ много зла и нашему дорогому отечеству; но тѣмъ не менѣе мы должны признать его великимъ человѣкомъ. Кто подобно мнѣ наблюдалъ издали ходъ всемірныхъ событій, тотъ невольно преклоняется передъ дѣяніями, блескомъ и необыкновенной судьбой французскаго императора. Онъ ослѣпляетъ васъ какъ огненный метеоръ; такіе люди—исключеніе; только Александръ Македонскій и Юлій Цезарь могутъ сравняться съ нимъ. Онъ не только великій полководецъ и государственный человѣкъ, но совмѣщаетъ въ себѣ всѣ свойства, которыя поэты приписываютъ своимъ любимымъ героямъ. Сколько нужно было ума и силы воли, чтобы подняться изъ ничтожества и изъ бѣднаго артиллерійскаго поручика сдѣлаться обладателемъ чуть ли не полміра? Ему благопріятствовало счастье, говорятъ его противники, какъ будто это можетъ уменьшить его славу. Разумѣется, судьба помогала ему; но когда же боги покровительствовали лѣнтяямъ, ничтожнымъ и тупоумнымъ людямъ? Я не понимаю, какъ можно такого человѣка называть отверженцемъ, исчадіемъ ада и считать его атаманомъ разбойниковъ или обыкновеннымъ плутомъ!

— Вы намекаете на сегодняшнюю рѣчь патера Марселя, сказалъ графъ;—вы правы, мнѣ она также не понравилась. Но что дѣлать! Примѣръ испанскихъ монаховъ увлекъ патера, хотя живая фантазія испанца рисуетъ ему адъ совершенно иными красками, чѣмъ воображеніе нашего добродушнаго народа. Но, если я не ошибаюсь, по понятіямъ католиковъ Люциферъ, князь подземнаго царства, былъ также нѣкогда ангеломъ.

Въ тонѣ, съ какимъ графъ произнесъ послѣднюю фразу, слышалась иронія, которая показалась оскорбительною Эгберту.

— Вы вѣроятно находите меня наивнымъ, графъ. Я вполнѣ понимаю, что мои сужденія могутъ показаться незрѣлыми политическому дѣятелю, отъявленному противнику Наполеона.

— Вы напрасно такъ думаете, мой милый Эгбертъ, и вдобавокъ приписываете мнѣ какую-то роль въ событіяхъ, совершающихся вокругъ насъ. Я стою въ сторонѣ отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ и для меня скрыты тѣ таинственныя пружины, которыя даютъ имъ то или другое направленіе. Міръ для меня таже сцена, и въ качествѣ заинтересованнаго зрителя, я внимательно слѣжу за борьбой, которую ведетъ одинъ человѣкъ противъ цѣлой Европы. Бываютъ минуты, когда я забываю пролитую имъ кровь, все, что есть ужаснаго и чудовищнаго въ его дѣяніяхъ и вижу въ немъ чуть ли не такого героя, какъ вы Эгбертъ; но я не въ состояніи постоянно восхищаться имъ. Кстати, я желалъ бы знать, случалось ли вамъ встрѣчаться съ Бонапартомъ лицомъ къ лицу?

— Да, я видѣлъ его разъ передъ Аустерлицкой битвой. Онъ дѣлалъ смотръ своей гвардіи въ Шенбруннѣ.

— Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— Онъ стоялъ неподвижно, какъ бронзовая статуя, съ руками заложенными на спину. Его окружали генералы. Можетъ быть это была игра воображенія, но меня поразилъ отпечатокъ какого-то особеннаго величія на его строгомъ, желтоватомъ лицѣ.

— Завидная вещь, молодость—замѣтилъ графъ. Она не видитъ различія между кажущимся и дѣйствительнымъ величіемъ. Маска Зевеса скрываетъ отъ нея безобразіе узурпатора.

— Узурпатора, котораго народъ призналъ первымъ человѣкомъ въ странѣ.

— Да, по какой цѣной! Спросите французовъ черезъ какіе-нибудь двадцать лѣтъ: дорого-ли обошлось имъ владычество новаго Карла Великаго? и вы увидите какой получится отвѣтъ. Допустимъ даже, что французы совершенно довольны своей судьбой и своимъ императоромъ; но я не вижу какой поводъ имѣемъ мы, нѣмцы, радоваться возвышенію Наполеона. За что будемъ мы расточать ѳиміамъ благоговѣнія передъ этимъ человѣкомъ? Не за униженіе-ли, которое потерпѣло отъ него наше государство, или за ограбленіе и разореніе страны, за наши разрушенныя деревни и города, затоптанныя поля, за нашихъ убитыхъ братьевъ, за изгнаніе нашихъ королей!..

— Вы не совсѣмъ поняли меня графъ. Я не думаю забывать униженіе моего отечества, всѣ бѣдствія, испытанныя имъ, и готовъ въ случаѣ надобности пожертвовать для него жизнью. Но мы не можемъ отрицать, что съ великой французской революціей наступила новая эра въ исторіи. Явился новый складъ жизни, иныя политическія условія и другое распредѣленіе власти. Развѣ образованіе новой римской имперіи невозможно въ наше время?

— И въ которой Парижъ замѣнитъ древній Римъ? добавилъ графъ.—Какая же участь въ этомъ случаѣ ожидаетъ Германію?

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, графъ, одинъ разговоръ, которымъ вы удостоили меня однажды въ Вѣнѣ. Вы говорили, что у

каждаго народа своя судьба, предназначенная ему провидѣніемъ, и что онъ неуклонно долженъ выполнить ту роль, которая указана ему въ общей гармоніи міра. Эти слова запечатлѣлись въ моей памяти и я много думалъ о нихъ въ часы досуга. Я сравнивалъ Германію съ Греціей. При римскихъ императорахъ греческіе поэты, художники, ученые и философы сдѣлались просвѣтителями и цивилизаторами человѣчества, распространяли идеи истины, добра и красоты; таково будетъ и назначеніе Германіи въ новомъ всемірномъ государствѣ. Нѣмецкая образованность и искусство, проникая во всѣ страны міра облагородятъ человѣчество и мало по мало вмѣсто народовъ, выступающихъ на полѣ брани, образуются новыя государства на иныхъ началахъ, соединенныя неразрывными узами любви и братства. Тогда для человѣчества наступитъ эра вѣчнаго міра.

— А для достиженія этого блаженнаго состоянія мы должны пережить всѣ ужасы настоящей эпохи! Значитъ вы убѣждены, что Бонапартъ спасетъ человѣчество и дастъ ему все то, что до сихъ поръ казалось недосягаемой мечтой?

— Развѣ грозный Октавій и безпощадный разрушитель Іерусалима не сдѣлался впослѣдствіи кроткимъ Августомъ „утѣшеніемъ человѣческаго рода?“

— Ваша фантазія, Эгбертъ, увлекаетъ васъ въ міръ грезъ и вы совершенно забываете печальную дѣйствительность. Если бы вы узнали поближе этого человѣка, то увидѣли бы на сколько онъ не соотвѣтствуетъ вашему идеалу. Имъ руководятъ только своекорыстныя цѣли.

— Однако вездѣ, гдѣ онъ является въ качествѣ побѣдителя, по его иниціативѣ уничтожаются злоупотребленія, вводятся новые лучшіе порядки. Если Бонапартъ восторжествуетъ въ Испаніи, то заранѣе можно сказать, что онъ избавитъ ее отъ гнета инквизиціи? Развѣ не даны народу новыя права въ тѣхъ странахъ, гдѣ прошли его легіоны? Онъ сдѣлалъ изъ Парижа всемірную столицу, сосредоточилъ въ ней всѣ сокровища наукъ и искусствъ...

— Не увлекайтесь всѣмъ этимъ, Эгбертъ, сказалъ графъ, прерывая его.—Парижъ ограбилъ всю Европу, какъ нѣкогда Римъ полсвѣта. Издали все можетъ показаться прекраснымъ и поэтическимъ; нужно видѣть вещи вблизи, чтобы составить о нихъ вѣрное понятіе. Я совѣтовалъ бы вамъ посѣтить этотъ хваленный Олимпъ...

— Мнѣ ѣхать въ Парижъ? съ удивленіемъ спросилъ Эгбертъ.

— Что можетъ удержать васъ? Вы достаточно богаты, чтобы позволить себѣ такое путешествіе, а я ручаюсь вамъ, что оно принесетъ вамъ большую пользу во всѣхъ отношеніяхъ и вы не даромъ потратите деньги.

— Меня останавливаетъ боязнь затеряться въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ у меня нѣтъ ни друзей, ни знакомыхъ.

— Знакомые и друзья легко пріобрѣтаются въ молодости и отсут-

ствіе ихъ въ первое время по пріѣздѣ не должно быть для весъ препятствіемъ. Я не видалъ императорскаго Парижа; но, судя по разсказамъ, онъ представитъ для васъ громадный интересъ. Поѣзжайте съ Богомъ. Тамъ вы скорѣе, чѣмъ гдѣ либо узнаете жизнь и поймете исторію.

Собесѣдники, увлеченные разговоромъ, и сами того не замѣчая, очутились на пихтовой дорожкѣ передъ гробницей Вольфсеговъ. Лучъ заходящаго солнца, пробиваясь сквозь листву, ярко освѣщалъ Генія Надежды своимъ красноватымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ вся колонна и обѣ могилы подъ плакучими ивами были покрыты тѣнью.

Графъ пригласилъ Эгберта сѣсть рядомъ съ нимъ на скамейку.

Въ это время позади ихъ послышались голоса другихъ гостей, которые подошли къ нимъ другой дорогой.

— Мой дорогой Эгбертъ, сказалъ графъ, поднимаясь съ своего мѣста—я остявлю васъ на свободѣ подумать о нашемъ разговорѣ, а сегодня вечеромъ мы еще потолкуемъ съ вами о вашей поѣздкѣ въ Парижъ. До свиданія.

Графъ ушелъ и, мало по малу, замолкли голоса гостей, такъ какъ графъ повелъ ихъ въ замокъ другой дорогой.

Эгбертъ задумчиво глядѣлъ на Генія Надежды, образъ котораго постепенно исчезалъ изъ его глазъ при наступающихъ сумеркахъ; теперь одна только голова его и концы крыльевъ были освѣщены блѣдно-красноватымъ отблескомъ.

Мысль увидѣть всемірный городъ, о которомъ онъ слышалъ столько разсказовъ, соблазняла Эгберта; но его удерживало то же необъяснимое чувство робости и боязни, какъ и въ ту памятную для него ночь, когда графъ почти насильно привелъ его въ свой замокъ. Между тѣмъ общество, котораго онъ такъ боялся, встрѣтило его съ распростертыми объятіями и во все время его пребыванія въ замкѣ добродушно относилось къ нему. Графъ откровенно говорилъ съ нимъ о семейныхъ дѣлахъ Гондревиллей и не стѣсняясь высказывалъ свои политическія убѣжденія. Юноша былъ глубоко тронутъ и польщенъ такимъ довѣріемъ; ему и въ голову не приходило, что дружба, которую выказывалъ ему графъ, могла имѣть затаенную цѣль и что всѣ эти господа приготовили ему роль въ опасной игрѣ противъ Наполеона I. Припоминая дни, проведенные имъ въ ихъ обществѣ, онъ съ грустью думалъ, что навсегда долженъ проститься съ гостепріимнымъ замкомъ и съ тою, которая составляла теперь главный предметъ всѣхъ его помысловъ и мечтаній. Хотя молодая графиня по-прежнему относилась къ нему свысока, но благодаря условіямъ сельской жизни ему приходилось довольно часто разговаривать съ нею и даже оказать ей нѣкоторыя услуги. Графъ и маркиза видимо старались сблизить ихъ и даже Ауерспергъ былъ доволенъ, когда Эгбертъ оставался съ его кузиной вмѣсто Цамбелли, потому что былъ вполнѣ увѣренъ, что Антуанета никогда не увлечется простымъ бюргеромъ.

Такимъ образомъ между Эгбертомъ и молодой графиней установилась нѣкоторая короткость и безцеремонность отношеній. Хотя Эгбертъ не соотвѣтствовалъ идеалу молодой дѣвушки и она осуждала его за неповоротливость и слишкомъ серьезные разговоры, но не была вполнѣ равнодушна къ его рыцарскому поклоненію; оно льстило ея самолюбію и до извѣстной степени развлекало ее. Помимо неясныхъ стремленій, которыя и до этого волновали ее, она чувствовала теперь сильное безпокойство, узнавъ причину смерти Бурдона, планы своего дяди и предстоящую потерю состоянія. Сравнивая Эгберта съ своими остальными поклонниками — легкомысленными и полуобразованными дворянами, она тѣмъ болѣе цѣнила его и вѣрила, что только въ немъ можетъ она найти себѣ поддержку при тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Между тѣмъ Эгбертъ всецѣло предался обаянію, которое производила на него молодая дѣвушка и наслаждался ея присутствіемъ безъ всякихъ размышленій. Онъ боялся заглянуть въ будущее, зная, что оно навсегда разлучитъ его съ тою, которая стала для него дороже жизни. Теперь это будущее наступило для него; еще нѣсколько часовъ и прелестный образъ исчезнетъ изъ его глазъ и для него останутся одни воспоминанія.

Эгбертъ въ отчаяніи закрылъ себѣ лицо руками.

Въ этотъ моментъ за садомъ послышалось пѣніе и громкій говоръ деревенской молодежи, которая, выйдя изъ питейнаго дома, въ порывѣ пьянаго восторга, рѣшила отправиться къ графу Вольфсеггъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Неожиданный шумъ вывелъ Эгберта изъ задумчивости и онъ поднялся съ своего мѣста, чтобы вернуться въ замокъ; но тутъ его остановили неистовые крики, хохотъ и гиканье, которые раздались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него за низкой оградой сада.

Это была все та же подгулявшая толпа деревенскихъ парней, которые, неожиданно свернувъ съ дороги, бросились къ саду.

— Что-то пробѣжало! воскликнулъ одинъ. — Должно быть бѣлка.

— Нѣтъ, привидѣніе! кричали другіе.

— Это Кристель! ловите ее!

— Ну, ее не скоро поймаешь.

— Остановите ее! Пусть разскажетъ намъ какъ она разъѣзжаетъ на метлѣ.

— Не связывайтесь съ нею. Она кусается какъ дикая кошка.

— Нѣтъ, заставимъ ее разсказать намъ объ убійствѣ.

Поднялась бѣготня, отдѣльныхъ словъ уже нельзя было разслышать; они были заглушены дикими криками, взвизгиваньемъ и хохотомъ.

Сердце Эгберта болѣзненно сжалось отъ сострадапія къ бѣдной дѣвушкѣ и онъ бросился спасать ее. Но онъ напрасно искалъ выхода и, не зная сада, не могъ найти калитки въ стѣнѣ, потому что подъ деревьями была непроницаемая тьма. Ему показалось, будто

что-то упало у стѣны, а вслѣдъ затѣмъ въ кустахъ послышался шорохъ. Неужели дѣвушка въ страхѣ перескочила черезъ стѣну!.. Шумъ за оградой на минуту еще больше усилился.

— Убѣжала! крикнулъ кто-то.—Вѣдь она недаромъ вѣдьма!..

Въ эту минуту Кристель схватила Эгберта за руку.

— Мой добрый баринъ, проговорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ и едва переводя дыханіе послѣ внезапнаго прыжка со стѣны.

Эгбертъ подвелъ ее къ скамейкѣ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Успокойся, моя милая, ласково сказалъ онъ,—здѣсь никто не тронетъ тебя.

Но Кристель, разглядѣвъ его лицо при свѣтѣ луны, вскрикнула и соскочивъ со скамейки, хотѣла убѣжать, такъ какъ увидѣла незнакомаго ей человѣка вмѣсто того, котораго она ожидала.

— Останься, Кристель, сказалъ ей Эгбертъ, удерживая ее.—Что ты сдѣлала имъ, зачѣмъ они гнались за тобой?

Кристель бросилась къ его ногамъ.

— Не бейте меня! Я ни въ чемъ не виновата!... проговорила она рыдая.

— Съ чего ты взяла, что я стану бить тебя? Развѣ у меня такое сердитое лицо?

— Богъ послалъ васъ сюда для мести! продолжала она взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, прижимая свою голову къ его колѣнямъ.

„Она дѣйствительно не въ своемъ умѣ; что мнѣ дѣлать съ нею?" подумалъ Эгбертъ, наклоняясь къ ней и гладя рукой ея волосы.

— Встань, Кристель, уговаривалъ онъ ее.—Пойдемъ со мною въ замокъ, тамъ найдется кто-нибудь, кто проводитъ тебя до деревни.

— Не убивайте меня! Возьмите себѣ это, только не заставляйте меня разсказывать. Я не могу... не смѣю ничего сказать вамъ... Не держите меня!

— Господинъ Геймвальдъ, гдѣ вы? послышалось въ концѣ дорожки и издали показался мерцающій свѣтъ фонаря.

Кристель вскочила на ноги съ быстротою дикой кошки и тотчасъ же исчезла въ густой заросли сосенъ.

— Не сонъ ли это? подумалъ Эгбертъ; но въ рукѣ его очутилось что-то твердое. Онъ увидѣлъ при свѣтѣ луны, что это былъ круглый, гладко обдѣланный камень съ золотымъ ободкомъ,—должно быть набалдашникъ палки или хлыста для верховой ѣзды. Странная догадка мелькнула въ головѣ Эгберта и онъ поспѣшно опустилъ въ карманъ подарокъ помѣшанной дѣвушки.

Къ нему подошелъ Витторіо Цамбелли, въ сопровожденіи слуги, который несъ фонарь.

— Наконецъ-то мы васъ нашли, сказалъ Цамбелли. — Графиня Антуанета послала меня за вами. Мы хотимъ заняться пѣніемъ и музыкой.

— Благодарю васъ, шевалье, — отвѣтилъ Эгбертъ, который еще не могъ прійти въ себя отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него словами Кристель.

— Желаніе дамы равносильно приказанію, и вамъ не за что благодарить меня, отвѣтилъ Цамбелли съ вѣжливой улыбкой, внимательно оглядываясь по сторонамъ.

Но кругомъ все было тихо и темно и только кое-гдѣ сквозь листву пробивались серебристыя полосы луннаго свѣта.

— Я иду за вами, шевалье, сказалъ Эгбертъ.

— Значитъ не даромъ графъ сказалъ мнѣ, что я вѣроятно найду васъ у гробницы. Вы кажется любите бесѣдовать съ мертвецами.

— Разумѣется! отвѣтилъ полушутя Эгбертъ. Отъ нихъ можно больше узнать, нежели отъ живыхъ.

— Вы вѣроятно хотите узнать отъ нихъ, что дѣлается на небѣ и въ аду? насмѣшливо спросилъ Цамбелли.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Но развѣ не любопытно было бы подчасъ узнать отъ мертвецовъ нѣкоторыя подробности объ ихъ смерти?

Цамбелли ничего не отвѣтилъ и они молча дошли до терассы замка.

— Гдѣ правда, гдѣ обманъ? думалъ Эгбертъ, поднимаясь съ Цамбелли на широкую, ярко освѣщенную лѣстницу.—Неужели человѣкъ всю жизнь долженъ блуждать во макѣ, никогда не чувствуя подъ собою твердой почвы!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

ПОЗВОЛЬТЕ мнѣ войти Жозефъ. Надѣюсь, что вы не забыли освѣжить комнаты.

— Войдите, фрейлейнъ Армгартъ. Посмотрите какъ все вымыто и прибрано у насъ, не хуже, чѣмъ у герцога. Вы спрашиваете: освѣжены ли комнаты? вѣрно думаете, что я опять накурилъ своей трубкой. Покойникъ Геймвальдъ, котораго вы не знали...

— Пожалуйста, не угощайте меня разсказами о старомъ докторѣ. Вы уже достаточно напѣли мнѣ о своемъ молодомъ господинѣ.

— Напѣлъ! Да развѣ поютъ въ мои годы!... Однако не угодно ли вамъ войти, фрейлейнъ.

Молодая дѣвушка тотчасъ же воспользовалась приглашеніемъ и послѣдовала за старикомъ, который провелъ ее по всѣмъ комнатамъ, важно выступая передъ нею въ своемъ коричневомъ фракѣ съ золотыми пуговицами, напудренныхъ волосахъ съ косичкой и черныхъ башмакахъ съ блестящими пряжками.

— У васъ маленькая трубка, Жозефъ, я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы курили, но мнѣ всегда бываетъ досадно, когда пріятель г-на Геймвальда начнетъ дымить изъ своего длиннѣйшаго чубука. Тогда остается только отворять окна, чтобы не задохнуться.

— Онъ пруссакъ и лютеранинъ. Тѣ всегда курятъ безъ памяти...

— Куда дѣлись молодые господа, Жозефъ? я не понимаю какое можно находить удовольствіе подъ открытымъ небомъ въ половинѣ ноября, да еще при такомъ вѣтрѣ, туманѣ и дождѣ!

— Г-нъ Эгбертъ хотѣлъ показать г-ну Гуго свое помѣстье и лѣсъ. Они вѣроятно ходятъ на охоту, катаются верхомъ...

— Неужели имъ не надоѣло путешествіе! Благоразумные люди сидятъ осенью по домамъ. Здѣсь въ городѣ всѣ знаютъ г-на Эгберта и ему бояться нечего, но въ лѣсу съ нимъ легко можетъ случиться несчастіе. Какъ это ему не приходитъ въ голову!

— Вѣдь они оба взрослые люди, фрейлейнъ, отвѣтилъ улыбаясь старикъ,—нельзя же ихъ вѣчно держать на помочахъ. Вотъ, напримѣръ, покойная г-жа Геймвальдъ, ужъ какая была превосходная женщина, настоящій ангелъ, но все-таки не умѣла воспитывать своего сына какъ слѣдуетъ. Г-нъ Эгбертъ едва не сдѣлался нѣженкой, трусомъ, матушкинымъ сынкомъ, а въ наше время развѣ годятся такіе люди! По моему мнѣнію женщины не должны воспитывать мужчинъ.

— Вы не можете судить объ этихъ вещахъ, Жозефъ. Вы старый холостякъ и, вдобавокъ, ненавидите женщинъ.

— Что вы это говорите фрейлейнъ! возразилъ старикъ и его добродушное полное лицо освѣтилось ласковой улыбкой, которая явно показывала, что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ красотѣ фрейлейнъ Армгартъ.

— Ну, успокойтесь! сказала она со смѣхомъ положивъ свою маленькую ручку на плечо старика.—Я не думаю упрекать васъ, потому что давно потеряла надежду обратить васъ на путь истины, равно какъ и вашего господина.

— Развѣ онъ похожъ на меня!... Но что же это я до сихъ поръ не попросилъ васъ сѣсть. Тысячу разъ прошу у васъ извиненія фрейлейнъ, сказалъ старикъ, придвигая стулъ молодой дѣвушкѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мама ждетъ меня, я зашла сюда на одну минуту, чтобы посмотрѣть все ли готово къ пріѣзду господъ.

— Вы видите все въ порядкѣ—полы, оконныя рамы, шкафы; нигдѣ не найдете ни одной пылинки.

Молодая дѣвушка еще разъ обошла комнаты, поправила занавѣси на окнахъ и съ помощью Жозефа переставила кресла въ одной комнатѣ.

— Какъ вы находите г-на Эгберта, Жозефъ? спросила она.—Не замѣчаете ли вы, что онъ сталъ совсѣмъ другой послѣ своего послѣдняго путешествія?

— Пожалуй, что такъ. Графъ Вольфсеггъ сдѣлалъ доброе дѣло, выгнавъ его изъ родного гнѣзда. Развѣ вы не согласны съ этимъ, фрейлейнъ? Г-нъ Эгбертъ сталъ гораздо добрѣе и набрался храбрости.

— На что ему храбрость! Онъ вѣдь не солдатъ.

— Но можетъ сдѣлаться солдатомъ, фрейлейнъ! Бонапартъ также не готовился къ военной службѣ, а теперь онъ императоръ, да еще какой могущественный. Если же у насъ опять будетъ война, то безъ храбрости...

— Ну, а мнѣ кажется, возразила молодая дѣвушка, прерывая старика,—что г-нъ Эгбертъ попалъ въ общество знатныхъ людей и заважничалъ. Вдобавокъ, его пріятель, котораго онъ подобралъ въ Прагѣ, окончательно испортилъ его. Это вѣтренникъ и лгунъ!

— Зачѣмъ вы браните его, фрейлейнъ Магдалена? Я видѣлъ собственными глазами, что вы помирали со смѣху, когда г-нъ Шпрингъ разсказывалъ свои забавныя исторіи.

— Онъ хорошій комедіантъ и умѣетъ смѣшить. Но развѣ подобныхъ людей выбираютъ въ друзья? Нѣтъ, Жозефъ, повѣрьте мнѣ, вашъ господинъ измѣнился не въ свою пользу во время путешествія и вы еще наплачетесь съ нимъ.

Старый Жозефъ ясно видѣлъ причину неудовольствія молодой дѣвушки; не даромъ прожилъ онъ тридцать лѣтъ въ домѣ Геймвальдовъ, принимая сердечное участіе во всемъ, что прямо или косвенно касалось ихъ. Пророчество молодой дѣвушки не пугало его, потому что онъ никогда не былъ такъ доволенъ своимъ молодымъ господиномъ, какъ въ настоящее время. Ему нравилось, что Эгбертъ сталъ жить какъ другіе люди и пользоваться преимуществами независимаго состоянія, молодости и здоровья. Прежняя застѣнчивость замѣнилась въ немъ спокойною увѣренностью; присутствіе постороннихъ людей уже не пугало его. До этого Эгбертъ тяготился дѣлами и по возможности откладывалъ ихъ въ долгій ящикъ, а теперь съ увлеченіемъ занимался ими и даже съ бо́льшимъ участіемъ сталъ относиться къ общественнымъ интересамъ.

Старикъ, радуясь такой перемѣнѣ, вполнѣ сознавалъ, что она не можетъ быть особенно пріятна молодой дѣвушкѣ, такъ какъ Эгбертъ уже не проводилъ съ нею длинныхъ вечеровъ, занимаясь музыкой, чтеніемъ и разговорами. До послѣдняго времени Магдалена была для Эгберта самымъ близкимъ существомъ, къ которому онъ относился съ безграничнымъ довѣріемъ. Онъ дѣлился съ нею всѣмъ, что занимало его—своими надеждами, планами, горемъ и радостями. Мало по малу ея собственные интересы отодвинулись для нея на задній планъ и она стала жить его жизнью и его интересами. Но теперь эти свѣтлыя и хорошія отношенія должны были прекратиться сами собою. Эгбертъ, вернувшись изъ своего путешествія, обошелся съ нею почтительнѣе прежняго, но такъ холодно, что сердце ея сжалось отъ боязливаго предчувствія чего-то недобраго. Встрѣчаясь съ нею на лѣстницѣ или въ саду, онъ видимо избѣгалъ проницательнаго взгляда ея большихъ сѣрыхъ глазъ, какъ будто у него была тайна, которую онъ не хотѣлъ или не могъ сказать ей. Эта мысль не давала покою бѣдной дѣвушкѣ и настолько поглощала ее, что она не въ состояніи была скрыть своего горя и заботы передъ старымъ слугой, который искренно жалѣлъ ее и старался утѣшить по своему.

— Вы напрасно придаете этому такое значеніе, фрейлейнъ, сказалъ Жозефъ,—г. Эбертъ еще очень молодъ, вы также, а жизнь долга. Не мало будетъ въ ней всякихъ бурь и ливней; не всегда же свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ вдоволь помыкается по свѣту, натерпится всякихъ бѣдъ, тогда онъ вдвойнѣ наслаждается спокойнымъ кресломъ и огнемъ въ каминѣ. Вотъ если бы старый Геймвальдъ

былъ живъ, онъ это доказалъ бы вамъ гораздо лучше чѣмъ я, простой и неученый человѣкъ. Только буря и заставляетъ насъ цѣнить настоящимъ образомъ пристань, всегда говаривалъ покойникъ своей женѣ.

— Не всегда корабли достигаютъ пристани; мы знаемъ какъ часто разбиваются они о подводные камни, отвѣтила Магдалена съ печальной улыбкой, выходя въ другую комнату.

Жозефъ не пошелъ за нею въ надеждѣ, что она скорѣе успокоится, когда останется одна.

На сосѣдней церковной башнѣ пробило четыре часа. Короткій ноябрскій день подходилъ къ концу и уже наступали сумерки. Въ домѣ и на улицѣ царила мертвая, подавляющая тишина. Магдалена стояла у окна въ глубокой задумчивости, прижавъ свое пылающее лицо къ холодному стеклу; слеза незамѣтно скатилась съ ея рѣсницъ. Она оглянулась и увидѣла знакомую комнату. Развѣ не все осталось въ ней такъ, какъ прежде, въ счастливые дни недавняго прошлаго!

Уже пятый годъ жила Магдалена съ своими родителями въ верхнемъ этажѣ сѣраго дома, который старикъ Геймвальдъ купилъ вмѣстѣ съ заброшеннымъ садомъ и устроилъ по своему вкусу. Послѣ его смерти верхній этажъ большого дома остался не занятымъ и вдова Геймвальдъ по настоятельной просьбѣ графа Вольфсегга рѣшилась отдать его въ наймы Армгарту, секретарю тогдашняго австрійскаго министра графа Кобенцеля. Сверхъ ожиданія, между жильцами и хозяевами вскорѣ установились самыя дружескія отношенія. Общество образованнаго и умнаго Армгарда и его веселой жены, было большой находкой для г-жи Геймвальдъ при ея печальномъ настроеніи духа, и она съ радостью видѣла возрастающую привязанность Эгберта къ хорошенькой Магдаленѣ, въ надеждѣ назвать ее со временемъ своей дочерью.

Между тѣмъ наступилъ печальный и тяжелый 1805 годъ; французы заняли австрійскую столицу и жителямъ пришлось испытать всевозможныя непріятности отъ побѣдителей. Общая бѣда и опасность, какъ это всегда бываетъ, еще болѣе способствовали сближенію Геймвальдовъ съ ихъ жильцами. Въ домѣ отведена была квартира одному французскому полковнику, по фамиліи Л'Эпинасъ и его двумъ адъютантамъ. Господа эти имѣли мало общаго съ прежними французскими шевалье, представителями старинныхъ дворянскихъ родовъ, которые были настолько же храбры въ битвѣ, насколько рыцарски вѣжливы въ своемъ обращеніи съ женщинами. Это были грубые люди, обязанные своимъ возвышеніемъ революціи и большею частью отличавшіеся ненасытной жаждой крови и добычи. Тѣмъ не менѣе между полковникомъ Л'Эпинасомъ и обитателями сѣраго дома мало по малу установились порядочныя отношенія. Л'Эпинасъ былъ вполнѣ доволенъ судьбой, если у него былъ хорошій обѣдъ, бутылка вина и онъ находилъ поклонника своимъ геройскимъ дѣяніямъ. Такого поклонника

онъ нашелъ въ лицѣ Эгберта, который съ особеннымъ благоговѣніемъ относился къ участнику знаменитыхъ наполеоновскихъ сраженій при Лоди и Арколе, въ Египтѣ, на Дунаѣ и при Ульмѣ, и съ замираніемъ сердца слушалъ его безконечные разсказы. Передъ юношей открывался новый міръ, полный ужасовъ и чудесъ. Разсказы ветерана были для него своего рода Иліадой; въ его воображеніи проносились тѣ же поэтическія картины войны, которыя изобразилъ великій Шиллеръ въ своемъ Валленштейнѣ.

Но не такъ легко было ладить съ двумя товарищами полковника, особенно съ Армандомъ Лойзель, который въ качествѣ побѣдителя не считалъ нужнымъ церемониться съ женщинами и самымъ нахальнымъ образомъ ухаживалъ, то за пятнадцатилѣтней Магдаленой, то за ея красивой матерью. Не проходило дня, чтобы Лойзель не поссорился изъ-за этого съ Эгбертомъ или отцомъ Магдалены и даже съ старымъ Жозефомъ, такъ что уже не оставалось иного исхода, какъ удалить молодую дѣвушку изъ дому. Но къ счастью въ это время французамъ отданъ былъ приказъ выступить изъ Вѣны къ Аустерлицу и обитатели сѣраго дома были наконецъ избавлены отъ непрошенныхъ гостей. Они опять зажили прежней мирной жизнью. Теперь уже ничто не мѣшало обѣимъ матерямъ составлять по прежнему планы относительно будущности своихъ дѣтей и мечтать объ ихъ соединеніи. Этотъ бракъ былъ особенно выгоденъ для Армгартовъ при ихъ ограниченныхъ средствахъ; но послѣ неожиданной смерти г-жи Геймвальдъ родители Магдалены сдѣлались крайне осторожны и сдержаны въ своемъ обращеніи съ Эгбертомъ, чтобы не обнаружить своихъ тайныхъ надеждъ. Въ своихъ разговорахъ съ родными и знакомыми Армгартъ постоянно говорилъ, что предоставитъ своей дочери полную свободу устроитъ жизнь согласно ея желанію.

— Ну, а если она вздумаетъ поступить на сцену? возразилъ однажды Армгарту его пріятель, зная, что Магдалена чуть не выучила наизустъ драматическія сочиненія Шиллера, которыя Эгбертъ подарилъ ей въ день ея рожденія.

— Мы ничего не имѣемъ противъ того, отвѣтилъ Армгартъ, который считался масономъ въ кругу своихъ знакомыхъ.—Высшій промыселъ управляетъ людьми; никто не можетъ знать, какая судьба ожидаетъ его и борьба въ этомъ слуаѣ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ.

Благодаря подобнымъ разговорамъ у знакомыхъ и даже родныхъ Армгарта составилось мнѣніе, что онъ и жена его такъ гордятся красотою Магдалены, что не смотря на богатство Эгберта считаютъ его неподходящимъ женихомъ для своей дочери, потому что онъ сынъ бюргера, и надѣются выдать ее за графа или барона.

Но каковы бы ни были планы родителей Магдалены относительно ея будущности, это нисколько не мѣшало сближенію молодыхъ людей. Послѣ смерти матери, Эгбертъ невольно искалъ существа, которое могло

бы пополнить понесенную имъ потерю. Такимъ образомъ, незамѣтно для него самаго, Магдалена заняла въ его сердцѣ мѣсто любимой матери. Она знала всѣ его привычки и слабыя стороны и не смотря на свою молодость всегда могла помочь ему добрымъ совѣтомъ при своемъ трезвомъ отношеніи къ жизни. Незнакомые люди большею частью считали ихъ братомъ и сестрой и нерѣдко случалось, что вслѣдъ за минутами нѣжныхъ изліяній съ его стороны наступали легкія ссоры и она дѣлала ему выговоры тономъ опытной пожилой женщины. Такъ прожили они нѣсколько счастливыхъ мѣсяцевъ въ заоблачномъ мірѣ влюбленныхъ, чуждомъ заботъ и всего, что отравляетъ существованіе большинства людей. Съ возвращеніемъ Эгберта изъ путешествія, для Магдалены прошла пора покоя и безмятежнаго счастья, но еще никогда не чувствовала она такъ своего горя, какъ въ этотъ темный ноябрскій вечеръ, когда она пришла въ комнаты Эгберта подъ предлогомъ осмотра. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на знакомыя картины, фарфоровыя вазы, дорогіе старомодные часы, зеркала, ковры и другіе красивыя вещи. Но все это постепенно исчезало при наступающихъ, сумеркахъ принимая неясныя полуфантастическія очертанія. Она уже никогда не войдетъ больше въ эти комнаты, по крайней мѣрѣ съ тѣми чувствами, отъ которыхъ еще недавно такъ радостно билось ея сердце. Да ей и не слѣдуетъ быть тутъ: дѣвушкѣ неприлично входить въ комнату молодого человѣка...

Почему-же прежде ей не казалось это неприличнымъ? Что случилось, что ея дружба къ Эгберту представляется ей теперь совершенно иною, чѣмъ прежде.

Но тутъ неожиданный свѣтъ изъ сосѣдней комнаты прервалъ нить ея печальныхъ размышленій и заставилъ ее опомниться. Она оглянулась; Жозефъ зажегъ четыре восковыхъ свѣчи въ одномъ канделябрѣ и не довольствуясь этимъ началъ вставлять свѣчи въ другіе подсвѣчники.

— Что значитъ эта иллюминація, Жозефъ? Намъ достаточно было бы и одной свѣчи.

— Все для васъ, фрейлейнъ. Я знаю, что вы любите, когда все сіяетъ огнями.

— Да, любила, но не теперь,—отвѣтила Магдалена сквозь слезы.

Старику стало жаль молодой дѣвушки.

— Лишняя свѣчка никогда не мѣшаетъ, сказалъ онъ, — а тѣмъ болѣе, когда ждешь гостей.

— Какихъ гостей?—спросила она взволнованнымъ голосомъ, стоя у дверей прихожей.

— Неужели вы забыли, моя дорогая фрейлейнъ Армгартъ, что завтра тринадцатое ноября.

— День моего рожденія!—сказала она краснѣя.

— Да моя милая фрейлейнъ, вотъ уже въ пятый разъ какъ въ нашемъ домѣ празднуется этотъ день, не смотря на нынѣшнія тяже-

лыя времена! Чего не натерпѣлись люди въ послѣдніе годы! Вездѣ война, пожары и убійства! Помните ли вы ту страшную исторію объ убитомъ французѣ, которую недавно разсказывалъ г-нъ Эгбертъ? она была потомъ напечатана во всѣхъ газетахъ. При такихъ порядкахъ приходится дорожить каждой минутой, проведенной съ друзьями, потому что никто не поручится за то, что случится въ будущемъ году. Какъ могло вамъ прійти въ голову, фрейлейнъ, что г-нъ Эгбертъ не вернется сюда къ тринадцатому ноябрю!

— Такъ вы думаете, что онъ пріѣдетъ?—спросила Магдалена; и ея хорошенькое лицо просіяла отъ счастья.

— Разумѣется. Рано утромъ я получилъ отъ него записку, въ которой онъ пишетъ, что непремѣнно пріѣдетъ сегодня вечеромъ, только не знаетъ въ которомъ часу. Я увѣренъ, что г-нъ Эгбертъ явится нарочно въ такое время, когда фрейлейнъ будетъ спать чтобы сдѣлать ей сюрпризъ. По этому я совѣтую вамъ лечь сегодня пораньше въ постель и заснуть крѣпкимъ сномъ...

Старикъ не докончилъ своей фразы, потому что въ эту минуту кто-то позвонилъ у парадной двери.

— Кто бы это могъ быть!—воскликнулъ Жозефъ съ недоумѣніемъ.

— Не посланный ли отъ Эгберта? не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія!

Старый слуга съ свѣчей въ рукѣ и Магдалена поспѣшно вышли въ коридоръ.

— Могу ли я видѣть камердинера г-на Геймвальда? — спросилъ снизу сильный и звучный голосъ, а вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ появился незнакомый человѣкъ въ черномъ плащѣ. Увидя стройную прилично одѣтую молодую дѣвушку, онъ снялъ шляпу и бросилъ на нее долгій пристальный взглядъ. Но взглядъ этотъ такъ непріятно подѣйствовалъ на Магдалену, что она невольно содрогнулась.

— Доброй ночи, Жозефъ,—сказала она поднимаясь на лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ.

Старикъ вѣжливо поклонился ей и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу незнакомцу.

— Прошу извиненія, что я обезпокоилъ фрейлейнъ,—сказалъ незнакомецъ заискивающимъ голосомъ.—Я хотѣлъ повидаться съ г-мъ Эгбертомъ Геймвальдъ... мы встрѣтились съ нимъ мѣсяца два тому назадъ въ замкѣ графа Вольфсеггъ.

Магдалена, услыхавъ фамилію графа Вольфсегга, остановилась.

— Мы дали другу другу слово возобновить наше знакомство въ Вѣнѣ...

— Опять новая дружба, о которой Эгбертъ не счелъ нужнымъ сообщить мнѣ,—подумала Магдалена.—Интересно было бы знать, кто онъ.

— Однако изъ насъ двухъ я исполняю первый данное обѣщаніе; но кажется г-на Геймвальда нѣтъ дома,—сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ Магдаленѣ.

— Онъ въ своемъ помѣстьѣ,—отвѣтилъ сквозь зубы Жозефъ, которому посѣтитель сильно не нравился, тѣмъ болѣе что ему приходилось изъ-за него стоять въ холодномъ коридорѣ.

Грубое обращеніе старика разсердило Магдалену. Развѣ можетъ вести себя такъ слуга, который дорожитъ честью своихъ господъ! Какое мнѣніе можетъ себѣ составить этотъ незнакомый господинъ о самомъ Эгбертѣ, встрѣтивъ въ его домѣ подобный пріемъ. Она сочла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Г-нъ Геймвальдъ вѣроятно давно посѣтилъ бы васъ, если бы ему не мѣшало множество дѣлъ. Но съ кѣмъ я имѣю честь говорить?..

— Я шевалье Витторіо Цамбелли, отвѣтилъ незнакомецъ съ глубокимъ поклономъ.

Титулъ шевалье оказалъ свое дѣйствіе на Жозефа и лицо его тотчасъ приняло болѣе любезное выраженіе.

— Не угодно ли вамъ войти, сударь?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Цамбелли отклонилъ это предложеніе и обратившись къ Магдаленѣ сказалъ:

— Я знаю фрейлейнъ, что г-нъ Геймвальдъ очень занятъ; и потому не думаю претендовать на него.

— Онъ пріѣхалъ сюда съ однимъ пріятелемъ, которому хочетъ показать городъ и окрестности. Теперь они въ одномъ помѣстьи за Гицингомъ.

— Вѣроятно это тотъ самый молодой человѣкъ, который былъ съ г-номъ Геймвальдомъ въ замкѣ—онъ кажется пруссакъ...

— Г-нъ Шпрингъ—пояснилъ Жозефъ.

— Я очень жалѣю, что не засталъ г-на Геймвальда, но съ другой стороны благодарю судьбу, потому что это доставило мнѣ возможность познакомиться съ фрейлейнъ Армгартъ.

Однако, не смотря на такое любезное заявленіе, Цамбелли былъ видимо смущенъ отсутствіемъ хозяина дома и стоялъ въ нерѣшимости.

— У меня важное дѣло къ г-ну Геймвальду, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Жозефъ ничего не отвѣтилъ. Онъ могъ пригласить Цамбелли въ кабинетъ и написать письмо Эгберту; но не рѣшился на это, зная, что его молодой господинъ не любилъ чтобы посторонніе люди входили безъ него въ его комнаты. Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что незнакомецъ, не смотря на свой дворянскій титулъ, внушалъ старому слугѣ какое-то странное недовѣріе, смѣшанное съ физическимъ отвращеніемъ.

Что же касается Магдалены, то первое непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее Цамбелли совершенно разсѣялось, благодаря его любезности и красивой наружности. Отъ ея женскихъ глазъ не ускользнули и нѣкоторыя подробности его моднаго костюма, начиная съ чернаго платья и кончая шелковымъ вышитымъ галстукомъ.

— Если шевалье не сочтетъ это навязчивостью съ моей стороны... сказала она.

— Можете ли вы предполагать это, фрейленъ!—воскликнулъ Цамбелли.

— Въ такомъ случаѣ, я попросила бы васъ, шевалье, зайти къ моему отцу. Онъ другъ г-на Геймвальда и вы можете переговорить съ нимъ о вашемъ дѣлѣ... но если это тайна... добавила краснѣя молодая дѣвушка.

— Напротивъ, я съ благодарностью принимаю ваше приглашеніе фрейлейнъ, тѣмъ болѣе, что я не знаю, удастся ли мнѣ побывать надняхъ у г-на Геймвальда. У меня столько дѣлъ по службѣ...

Разговаривая такимъ образомъ, Цамбелли прошелъ мимо озадаченнаго старика и очутился на лѣстницѣ возлѣ Магдалены.

— Я уже давно желалъ познакомиться съ г-номъ Армгартомъ — продолжалъ Цамбелли. — У насъ очень не многіе пользуются такой хорошей репутаціей, какъ вашъ отецъ, моя дорогая фрейлейнъ. Если бы вы слышали какъ графъ Вольфсеггъ восхвалялъ его умъ и ученость.

Армгартъ, несмотря на спѣшныя занятія, былъ видимо польщенъ визитомъ знатнаго гостя и учтиво привѣтствовалъ его, говоря, что слышалъ о немъ какъ объ искусномъ политикѣ и достойномъ ученикѣ Маккіавелли. Цамбелли скромно поблагодарилъ хозяина дома, отвѣтивъ, что хотя и преклоняется передъ умомъ великаго флорентинца, но не считаетъ себя вправѣ называться его ученикомъ, такъ какъ профанъ въ политикѣ.

Магдалена по приказанію отца поставила передъ гостемъ тарелку бисквитовъ и бутылку венгерскаго и уже хотѣла удалиться; но Цамбелли сталъ такъ настоятельно упрашивать ее удостоить его своимъ присутствіемъ, что она принуждена была остаться. Она взяла шитье и сѣла у своего рабочаго столика, между тѣмъ какъ ея отецъ усадилъ гостя на диванъ, налилъ двѣ рюмки вина и первый выпилъ за его здоровье.

Любезное обращеніе хозяина дома сразу ободрило Цамбелли, который начиналъ чувствовать извѣстную неловкость среди незнакомыхъ ему людей. Не менѣе успокоительно подѣйствовала на него и окружающая уютная обстановка, которая не смотря на простоту и отсутствіе украшеній указывала на извѣстный достатокъ и присутствіе заботливой хозяйки. Столъ былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью; полы, мебель, подушки на диванѣ все было чисто до педантизма, бумаги, книги, дѣла, сложены самымъ акуратнымъ образомъ.

Ничто не ускользнуло отъ глазъ Цамбелли, который теперь обратилъ все свое вниманіе ни хозяина дома. Это былъ живой человѣкъ не большого роста, съ сѣдыми, коротко обстриженными волосами, блѣднымъ и умнымъ лицомъ, на которомъ изрѣдка появлялась лукавая насмѣшливая улыбка.—Онъ человѣкъ не глупый и себѣ на умѣ,— рѣшилъ о немъ Цамбелли.

— Простите меня, что я оторвалъ васъ отъ работы, началъ Цамбелли. Когда я пришелъ сюда, то мнѣ казалось, что я имѣю сообщить г-ну Геймвальду нѣчто очень важное, а теперь вижу къ стыду моему, что это не болѣе, какъ простое извѣстіе. Не даромъ говорятъ, что все зависитъ отъ нашего настроенія, а между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе измѣнчиваго и безотчетнаго, какъ наше настроеніе...

Армгартъ молча слушалъ своего гостя, съ лукавой улыбкой поворачивая въ рукахъ золотую табакерку.

— Не угодно ли? сказалъ онъ,—раскрывая ее.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Но откуда у васъ такая превосходная табакерка?

— Это подарокъ его императорскаго величества. Вотъ и собственный портретъ его, сдѣланный эмалью,—отвѣтилъ съ гордостью секретарь.

— Какая художественная работа! — продолжалъ Цамбелли, разсматривая табакерку;—но интересно было бы знать; по какому случаю вы удостоились милости его величества, хотя я не сомнѣваюсь, что подарокъ былъ вполнѣ заслуженный.

— По случаю дипломатическихъ переговоровъ въ Линевиллѣ; я былъ тамъ съ моимъ начальникомъ, графомъ Людвигомъ Кобенцелемъ.

— Въ Люневиллѣ! Вы кажется были тогда въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Волфсеггъ?..

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! я всегда считалъ себя только его слугой—отвѣтилъ Армгартъ.

— Не случалось ли вамъ встрѣчать въ Люневиллѣ одного француза, Жана Бурдона, котораго еще недавно постигла такая ужасная смерть.

— Разумѣется встрѣчалъ и былъ искренно огорченъ, когда услышалъ объ его печальной участи отъ г-на Геймвальда. Какой это былъ прекрасный человѣкъ!.. Я чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе—да и не я одинъ—всѣ относились къ нему такимъ образомъ.

— Душевно радъ, что нашелъ въ васъ человѣка, искренно расположеннаго къ несчастному Бурдону; это по крайней мѣрѣ послужитъ для меня оправданіемъ, что я осмѣлился обезпокоить васъ своимъ посѣщеніемъ. Вамъ извѣстно какую важную роль пришлось играть г-ну Геймвальду въ этой таинственной драмѣ. Мы всѣ были убѣждены, что преступленіе совершено наемными убійцами Бонапарта на подобіе того, какъ въ старину разные монархи Италіи пользовались кинжаломъ bravi для уничтоженія своихъ противниковъ.

— Не открылось ли что нибудь? спросилъ съ живостью Армгартъ, поднимаясь съ своего мѣста, между тѣмъ какъ работа выпала изъ рукъ Магдалены.

— Открыто новое обстоятельство, которымъ опровергаются всѣ наши предположенія. У одного крестьянина близь Гмундена, который пользуется незавидной репутаціей, найденъ кошелекъ убитаго. Убійца

самъ выдалъ себя въ пьяномъ видѣ, показавъ золотую монету своимъ пріятелямъ. Это возбудило подозрѣніе; въ его хижинѣ былъ немедленно произведенъ обыскъ и тамъ подъ кучей хвороста и всякаго тряпья найденъ кошелекъ Бурдона, наполненный золотыми монетами.

— Какая странная случайность! воскликнулъ Армгартъ.

Тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова не особенно понравился Цамбелли, такъ какъ въ немъ былъ легкій оттѣнокъ сомнѣнія.

— Само собою разумѣется — продолжалъ онъ, что преступникъ упорно отнѣкивался, и увѣрялъ, что нашелъ кошелекъ чуть ли не за цѣлую милю отъ мѣста убійства. Но кто же повѣритъ этому! Какъ могъ очутиться кошелекъ съ золотомъ въ открытомъ полѣ!

— Они всѣ оправдываютъ себя такимъ образамъ. Надѣюсь, что этотъ крестьянинъ арестованъ?

— Онъ содержится подъ строгимъ надзоромъ въ Линцѣ, хотя баронъ Пухгеймъ, у котораго преступникъ былъ когда-то арендаторомъ, горячо заступался за него, утверждая, что онъ не въ своемъ умѣ и потому стоитъ внѣ закона.

— Это будетъ запутанное уголовное дѣло и вѣроятно г-на Геймвальда призовутъ въ качествѣ свидѣтеля, замѣтилъ Армгартъ.

— Я собственно и пришелъ сюда чтобы предупредить его объ этомъ, возразилъ Цамбелли.

— Ну, Эгбертъ вѣроятно не ожидаетъ, что у него будетъ столько хлопотъ! Всякому непріятно имѣть дѣло съ правосудіемъ, а тѣмъ болѣе человѣку ни въ чемъ не виновному. Но эта новость во всякомъ случаѣ будетъ крайне пріятна французскому посланнику, такъ какъ смерть Бурдона послужила поводомъ къ разнымъ неблагопріятнымъ слухамъ въ Вѣнѣ.

— Неужели? Между тѣмъ это событіе само по себѣ не имѣетъ особеннаго значенія, хотя я не долженъ былъ бы говорить этого, продолжалъ Цамбелли съ особенной интонаціей въ голосѣ, — зная, что Жанъ Бурдонъ былъ вашимъ другомъ и повѣреннымъ графа Вольфсегга.

— Да, но только въ денежныхъ дѣлахъ, и главнымъ образомъ относительно лотарингскихъ помѣстій Гондревиллей.

— Развѣ у нихъ еще есть помѣстья во Франціи? Я думалъ, что они уже давно проданы, какъ національное имущество.

— Или быть можетъ куплены на австрійскіе дукаты—замѣтилъ Армгартъ. Развѣ во время революціи существуетъ разница между моимъ и твоимъ, собственностью и кражей. Теперь также легко похитить корону, какъ купить замокъ. Все перемѣшалось въ общемъ вихрѣ, который сноситъ съ лица земли людей, дома и государства. Но такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться и рано или поздно это должно кончиться.

— Тогда свѣтъ опомнится и вернется къ прежнимъ порядкамъ.

— Надѣюсь не во всемъ. Многое должно рушиться навсегда.

— А до этого? спросилъ Цамбелли.

— Еще долго будетъ неурядица. Несомнѣнно властелину міра должно быть крайне непріятно, что молва приписываетъ ему такое незначительное происшествіе, какъ гибель путешественника на большой дорогѣ.

— Я не понимаю, какимъ образомъ могутъ люди доходить до такихъ нелѣпыхъ предположеній. Они всегда останутся слѣпы и ни что не исправитъ ихъ отъ суевѣрій и предразсудковъ.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, шевалье, и убѣжденъ, что хотя бы философы трудились цѣлое столѣтіе, но у нихъ еще будетъ вдоволь работы. Благодаря болтовнѣ газетъ, это убійство сдѣлало порядочный переполохъ въ Вѣнѣ и привело генерала Андраши въ дурное расположеніе духа. Но теперь вѣроятно всѣ успокоятся, когда узнаютъ, что это не политическое убійство и что оно совершено съ цѣлью грабежа полуумнымъ человѣкомъ. Кстати, вы были тогда въ замкѣ, скажите пожалуйста, какъ отнесся графъ Вольсфеггъ къ этому событію?

Въ ожиданіи отвѣта, Армгартъ опять налилъ вина въ обѣ рюмки. Цамбелли показалось, что онъ это сдѣлалъ съ тою цѣлью чтобы скрыть отъ него выраженіе своихъ глазъ.

— У графа Вольфсеггъ, отвѣтилъ улыбаясь Цамбелли,—непроницаемое выраженіе лица, какъ говоритъ Горацій въ своей одѣ, а на груди тройной панцырь. Впрочемъ, вы знаете это лучше меня, такъ какъ уже много лѣтъ знакомы съ нимъ. Графъ искусный дипломатъ и превосходный шахматный игрокъ. Кто остается побѣдителемъ на шахматной доскѣ, тотъ можетъ одерживать и болѣе важныя побѣды. Жаль только, что графъ совсѣмъ удалился отъ государственныхъ дѣлъ.

— У него большія помѣстья; онъ долженъ заняться ими, а съ другой стороны всѣмъ извѣстно, что онъ не могъ вести дѣла совмѣстно съ барономъ Тугутомъ и графомъ Кобенцелемъ. Одному онъ казался слишкомъ рьянымъ и свободомыслящимъ, другому—черезчуръ податливымъ и плохимъ патріотомъ.

— Графъ живетъ теперь въ свое удовольствіе, занимаясь чѣмъ ему вздумается, сказалъ Цамбелли. Вы кажется знакомы съ нимъ, фрейлейнъ?

— Да, графъ Вольфсеггъ иногда удостоиваетъ насъ своимъ посѣщеніемъ, отвѣтила она краснѣя.

Армгартъ слегка нахмурилъ брови.

— Я напалъ на больное мѣсто, подумалъ Цамбелли и въ головѣ его возникъ рядъ вопросовъ: какія дѣла могли быть у графа въ этомъ домѣ? Чѣмъ объяснить его дружбу къ бѣлокурому Эгберту и отношенія къ Армгартамъ? Еще недавно Антуанета въ разговорѣ съ нимъ упомянула о поѣздкахъ своего дяди въ Вѣну, которыя не особенно нравились ей, а маркиза нѣсколько разъ выражала свое неудовольствіе,

что графъ Вольфсеггъ дружится съ мѣщанами. Цамбелли не обратилъ тогда на это особеннаго вниманія, но теперь, припоминая различныя обстоятельства, онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что тутъ есть тайна, которой онъ можетъ воспользоваться со временемъ противъ графа, если только ему удастся открыть ее.

Хозяинъ дома прервалъ нить его размышленій, заговоривъ съ нимъ о политикѣ. Магдалена не слушала ихъ. Неожиданный гость на минуту заинтересовавшій ее своей своеобразной и изящной наружностью пересталъ занимать ее, не смотря на свой умъ и образованіе. Она ожидала отъ него чего то необыкновеннаго и увидѣла, что онъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ людей. Теперь всѣ ея помыслы были поглощены Эгбертомъ, который могъ пріѣхать съ минуту на минуту. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась она къ шуму экипажей па темной улицѣ, ожидая, что который нибудь остановится передъ ихъ домомъ и она опять увидитъ дорогія черты любимаго человѣка, услышитъ его знакомый звучный голосъ.

— Рука руку моетъ, продолжалъ Армгартъ, обращаясь къ своему собесѣднику. Это мѣткая пословица. Мы многимъ обязаны графу Вольфсеггу. Онъ всегда былъ милостивъ къ намъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ моя Лени выросла и похорошѣла.

— Что это значитъ, что онъ выставляетъ такимъ образомъ свою дочь? подумалъ Цамбелли,—не хочетъ ли онъ увѣрить меня, что тутъ скрывается любовное приключеніе, и что графъ, не смотря на свои годы, ухаживаетъ за этой дѣвочкой, и что она его возлюбленная!

Цамбелли взглянулъ на Магдалену, которая сидѣла въ полумракѣ, наклонившись надъ своей работой. Бѣлокурые локоны почти скрывали ея лицо; но вся фигура молодой дѣвушки при необыкновенномъ изяществѣ формъ поражала граціей и миловидностью, тѣмъ болѣе, что она повидимому сама не сознавала этого.

— Нѣтъ, она слишкомъ невинна чтобы быть сиреной, подумалъ Цамбелли и, обращаясь къ Армгарту, сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, г. секретарь, то вы прежде служили у графа Вольфсеггъ, а затѣмъ уже перешли на государственную службу?

— Да, къ сожалѣнію. Хотя это было для меня повышеніемъ, но перейдя отъ Мецената къ Тиверію я сразу почувствовалъ разницу между ними.

— Вотъ удачное сравненіе. Судя по слухамъ, баронъ Тугутъ очень походитъ характеромъ на Тиверія.

— Да, это скрытный и коварный человѣкъ, хотя былъ искуснымъ министромъ, который никогда не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія цѣли. Его упрекали въ деспотизмѣ, но развѣ Бонапартъ также не деспотъ и пожалуй еще хуже его. Я поступилъ па государственную службу въ 1793 году по ходатайству графа Вольфсегга и главнымъ образомъ благодаря знанію французскаго языка. Лена была тогда еще совсѣмъ крошкой.

— Вы были во Франціи?

— Я прожилъ тамъ съ графомъ болѣе двухъ лѣтъ, съ осени 1789 до марта 1792, и никогда не забуду этого времени. Хотя наша молодежь утверждаетъ, что никогда не бывало хуже, чѣмъ теперь, но они ошибаются. Вотъ, если бы они видѣли какъ двадцать пять мильоновъ людей ходили на головахъ, какъ это было во время французской революціи, то навѣрное пришли бы къ иному заключенію.

— Разумѣется, отвѣчалъ Цамбелли,—эта заря новой міровой эпохи должна была дѣйствовать одуряющимъ образомъ на современниковъ...

— Броженіе было не только въ городахъ, но и въ отдаленныхъ замкахъ и хижинахъ, продолжалъ Армгартъ.—Совершенно незнакомые люди, при встрѣчѣ на улицѣ, бросались другъ другу въ объятія. Всѣмъ казалось, что наступилъ золотой вѣкъ свободы, братства и вѣчнаго мира. Много перемѣнъ переживаетъ человѣкъ, но воспоминаніе объ этихъ дняхъ никогда не изгладится изъ его памяти. До сихъ поръ, когда видишь хорошенькую женщину, то такъ и хочется назвать ее citoyenne и заключить въ свои объятія!

Цамбелли улыбаясь протянулъ руку секретарю и невольно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Магдалена; но стулъ ея опустѣлъ, такъ какъ она незамѣтно вышла изъ комнаты. Старикъ говорилъ безъ умолку, такъ какъ вино замѣтно развязало ему языкъ. Но какъ различить гдѣ правда, гдѣ притворство въ этой полупьяной болтовнѣ стараго дипломата, который не даромъ славился своей хитростью. Неужели эта дѣвочка любитъ графа? Спачала эта мысль казалась Цамбелли невозможной, но теперь онъ почти вѣрилъ этому. Ему случалось видѣть въ жизни подобные примѣры.

— Французскіе солдаты своими разсказами поддерживаютъ у насъ традиціи великой революціи, сказалъ Цамбелли.—Четыре года тому назадъ они были въ Вѣнѣ.

— И опять явятся сюда въ будущемъ году, сказалъ Армгартъ.— Развѣ вы сами не убѣждены въ томъ?

— Я не приверженецъ политики графа Стадіона, отвѣтилъ уклончиво Цамбелли. По моему мнѣнію Австріи необходимо во что бы то ни стало поддерживать дружбу съ Бонапартомъ и предоставить ему перестроить міръ по своему усмотрѣнію. Изъ многихъ европейскихъ народовъ долженъ составиться одинъ народъ, и новый Карлъ Великій...

— Скажите лучше Юлій Цесарь, замѣтилъ Армгартъ.—Онъ и его клевреты управляютъ міромъ. У насъ въ Вѣнѣ не мало людей, которые служатъ интересамъ Франціи.

— Вы правы, сказалъ Цамбелли—всѣмъ извѣстно, что планы и приготовленія нашего правительства сообщаются Бонапарту. Даже вновь испеченные короли: баварскій и виртембергскій, имѣютъ здѣсь своихъ шпіоновъ.

— Которые получаютъ самое скудное содержаніе, возразилъ Армгартъ. Мы знаемъ какъ плохо оплачивается служба у этихъ карточныхъ королей.

— Быть можетъ самъ императоръ платитъ щедрѣе, пробормоталъ Цамбелли, но тотчасъ-же раскаялся въ своихъ словахъ, потому что лицо его собесѣдника приняло какое-то особенное торжествующее выраженіе.

— Что это значитъ! подумалъ Цамбелли — ужъ не попалъ-ли я въ ловушку!..

Въ это время послышался внезапный крикъ, а затѣмъ стукъ экипажа, который остановился передъ домомъ. Цамбелли поспѣшно взялъ свою шляпу, довольный тѣмъ, что можетъ прервать разговоръ, который началъ принимать непріятный для него оборотъ.

— Къ вамъ пріѣхали гости, сказалъ онъ, раскланиваясь передъ хозяиномъ дома.—Позвольте мнѣ проститься съ вами.

— Зачѣмъ? Это наши молодые люди вернулись изъ путешествія. Они вѣрно прозябли и не откажутся выпить рюмку вина. Останьтесь съ нами и мы вчетверомъ проведемъ отличный вечеръ. Г-нъ Геймвальдъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

Это приглашеніе было крайней непріятно Цамбелли, такъ какъ ему приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Эгбертомъ и тогда неизбѣжно должны были обнаружиться ихъ настоящія отношенія.

Между тѣмъ шумъ въ домѣ все болѣе и болѣе увеличивался; прислуга бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ; немного погодя въ сосѣдней комнатѣ послышался говоръ и какая-то странная суета.

— Ужъ не случилось ли какого нибудь несчастія! воскликнулъ Цамбелли, выискивая предлогъ чтобы избавиться отъ пожатія рукъ и увѣреній Армгарта.

Но тотъ какъ будто нарочно удерживалъ его.

— Интересно было-бы знать, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо Цамбелли—во что обойдется будущая весенняя кампанія Бонапарту, предполагая, что онъ вернется цѣлымъ и невредимымъ съ Пиринейскаго полуострова?..

— Вѣроятно не дешево, отвѣтилъ Цамбелли съ нетерпѣніемъ, отворяя дверь и быстро спускаясь съ лѣстницы. Но въ коридорѣ онъ столкнулся почти лицомъ къ лицу съ Эгбертомъ, который, стоя среди слугъ отдавалъ приказанія, и торопилъ своего управляющаго, чтобы тотъ скорѣе шелъ за докторомъ.

— Честь имѣю кланяться — сказалъ Цамбелли, протягивая руку удивленному Эгберту.—Вы не ожидали меня видѣть?

— Шевалье Цамбелли! Въ моемъ домѣ!

— Мнѣ необходимо было переговорить съ вами. Я ждалъ васъ нѣсколько часовъ у г-на секретаря.

— Слишкомъ много чести! Вы вѣроятно по дѣлу. Чѣмъ могу я служить вамъ?

— Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Вы только что вернулись изъ путешествія и, вдобавокъ, у васъ кажется больные въ домѣ. Надѣюсь, что не случилось ничего дурного съ вами и вашимъ другомъ?

— Съ нами лично ничего не случилось; но мы переѣхали нашимъ экипажемъ нищую.

— Что, она опасно ранена?

— Она въ обморокѣ. Къ счастью это случилось у самаго дома и мы могли внести ее сюда. Она изъ Гмундена, вы должны знать ее... Это Черная Кристель.

У Цамбелли сжалось сердце; но въ комнатѣ было такъ темно, что Эгбертъ не могъ видѣть выраженія его лица.

— Какже, помню. Это сумашедшая дѣвушка, которая вѣчно бродитъ по лѣсу, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ. Но какъ могла она попасть въ Вѣну! Не обмануло ли васъ случайное сходство съ нею?

— Взгляните сами.

Цамбелли нехотя послѣдовалъ за Эгбертомъ въ комнату, гдѣ на мягкомъ диванѣ лежала неподвижно Черная Кристель въ своей разорванной коричневой юбкѣ и стоптанныхъ башмакахъ. На колѣняхъ передъ нею стояла Магдалена тщательно обмывая рану на лбу несчастной дѣвушки.

— Ну что, развѣ я ошибся! сказалъ Эгбертъ, стоя въ дверяхъ.

Итальянецъ покачалъ головой.

— Какъ это случилось? спросилъ онъ.

— На дворѣ такой туманъ, что кучеръ могъ не замѣтить ее, при быстрой ѣздѣ. Услышавъ внезапный крикъ, мы выскочили изъ экипажа, но уже было поздно, такъ какъ мы нашли ее полумертвою на мостовой. Она ушибла себѣ голову и плечо и кажется не опасно; но въ этихъ случаяхъ кто поручится за исходъ?

Эгбертъ подошелъ къ больной вмѣстѣ съ Цамбелли.

Магдалена робко поднялась на ноги и уступила имъ свое мѣсто.

— Позвольте мнѣ испробовать одинъ способъ леченія, который я видѣлъ въ Миланѣ, отвѣтилъ Цамбелли, и съ этими словами началъ водить руками по воздуху надъ головой и грудью Кристель. Затѣмъ онъ положилъ правую руку ей на сердце и казалось прислушивался къ ея дыханію или шепталъ что-то на ухо; только она неожиданно раскрыла глаза и пробормотала: это ты Витторіо! но такъ тихо, что только одна Магдалена, стоявшая ближе другихъ слышала это. Послѣ того Кристель снова впала въ безсознательное состояніе.

— Не безпокойтесь, г-нъ Геймвальдъ. Перевяжите ей раны и оставьте ее въ покоѣ. Я ручаюсь, что она проснется здоровая.

— Вы магнетизировали ее? спросилъ Эгбертъ.

— Я вѣрю въ этотъ способъ леченія, сказалъ уклончиво Цамбелли,—потому что видѣлъ какъ одинъ знаменитый врачъ примѣнялъ его съ большимъ успѣхомъ.

— Благодарю васъ за оказанную помощь, шевалье, сказалъ Эгбертъ.

— Я исполнилъ обязанность простаго человѣколюбія, отвѣтилъ

Цамбелли — и тѣмъ охотнѣе, что мнѣ вдвойнѣ жаль эту бѣдняжку. Ея отецъ въ тюрьмѣ.

— За что?

— Я разскажу вамъ это въ другой разъ. Но пока дѣвочка не должна знать объ этомъ.

— Будьте покойны, я позабочусь о ней.

— Что вы хотите дѣлать съ нею?

— Она останется въ моемъ домѣ. Я не хочу чтобы она сдѣлалась бродягой.

Цамбелли хотѣлъ возражать, но удержался. Какое право имѣлъ онъ мѣшать доброму дѣлу своими размышленіями.

— Покойной ночи, сказалъ онъ, укутываясь въ свой плащъ, и дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Что съ вами, шевалье? спросилъ Эгбертъ, провожая его по лѣстницѣ.

— Мнѣ представилась ужасающая картина! Вашъ экипажъ могъ совершенно раздавить ее.

— Благодаря Богу этого не случилось. Она внѣ опасности.

— Покойной ночи, повторилъ Цамбелли—выходя на улицу.

ГЛАВА II.

Въ сѣромъ домѣ еще долго шли толки между прислугой о колдунѣ, который такимъ страннымъ образомъ воскресилъ нищую. Даже Эгбертъ и Гуго чувствовали нѣкоторое смущеніе, такъ какъ не могли дать себѣ яснаго отчета въ видѣнной ими сценѣ.

Между тѣмъ мнимый колдунъ шелъ неровнымъ шагомъ по пустынной улицѣ, направляясь къ центру города. Кругомъ былъ непроницаемый туманъ и только изрѣдка виднѣлся слабый отблескъ фонарей. Цамбелли былъ недоволенъ собой и испытывалъ странное безпокойство; страхъ придавалъ ему крылья; его пугали фигуры, которыя чудились ему въ туманѣ и распадались вновь при его приближеніи. Наконецъ мало по малу мысли его пришли въ порядокъ и онъ пошелъ болѣе медленнымъ шагомъ.

Онъ спрашивалъ себя: разумно ли было съ его стороны оставить дѣвушку въ домѣ ненавистнаго для него человѣка, къ которому онъ чувствовалъ хотя необъяснимое, но сильное отвращеніе съ первой минуты ихъ знакомства. Съ тѣхъ поръ явились и довольно основательныя причины, которыя еще болѣе усилили эту непріязнь и должны были рано или поздно повести къ борьбѣ между ними на жизнь и смерть. Если бы позднія размышленія могли исправить дѣло, то съ

какимъ бы наслажденіемъ Цамбелли вырвалъ Кристель изъ рукъ своего врага. Но что оставалось ему дѣлать при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ онъ былъ поставленъ! Увезти ее съ собой? Но этимъ онъ могъ только возбудить противъ себя лишнія подозрѣнія.

— Положимъ я былъ магнитомъ, который притянулъ ее изъ лѣсу,— сказалъ про себя Цамбелли,—но этого никто не знаетъ и она никому не откроетъ своей тайны. Чѣмъ я виноватъ, что эта нищая влюбилась въ меня и прицѣпилась ко мнѣ какъ репейникъ. Будь она проклята! Да наконецъ куда я могъ увезти ее? Съ тѣхъ поръ какъ я въ Вѣнѣ меня окружаютъ шпіоны Стадіона. Они вѣроятно подозрѣваютъ меня въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами? Развѣ не достаточно ясны были намеки секретаря? Онъ чуть ли не въ лицо сказалъ мнѣ: ты союзникъ Андраши и слуга Наполеона. Они хвастаются своимъ патріотизмомъ и безкорыстіемъ, но развѣ они сами не креатуры Англіи! Они получаютъ англійское золото, я — французское, какая разница между нами? И я даже считаю себя честнѣе ихъ. Что привязываетъ меня къ ихъ императору Францу или къ Австріи? Я итальянецъ и великій Наполеонъ, освободитель Италіи, мой соотечественникъ. Они всѣ пигмеи передъ нимъ... Но во всякомъ случаѣ моя тайна открыта и слухи обо мнѣ дошли до секретаря...

— Какое счастье, что я нигдѣ не показывался вмѣстѣ съ этой дѣвочкой! Тогда она привлекла бы всѣхъ шпіоновъ и мнѣ негдѣ было бы укрыться отъ нихъ. Если бы даже ее заперли въ тюрьму какъ бродягу, то на допросѣ она вѣроятно наговорила бы много лишняго по своей неопытности и пожалуй запутала бы меня. Бѣда не велика, если она сама погибнетъ; это случится рано или поздно, но я не имѣю никакого желанія пропадать изъ-за нея. Такимъ образомъ едва-ли не всего безопаснѣе, если она останется въ домѣ Эгберта. Полиція не рѣшится войти въ жилище богатаго, всѣми уважаемаго бюргера, а сама Кристель будетъ насторожѣ съ Эгбертомъ и даже съ графомъ Вольфсеггъ и не проговорится при нихъ. Да наконецъ кто-же мѣшаетъ мнѣ слѣдить за нею? они не посмѣютъ отказать мнѣ отъ дому... Я могу выдать нѣкоторыя вещи, которыя они тщательно скрываютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у графа какія-то особенныя дѣла съ Армгартомъ. Люди эти живутъ сверхъ состоянія. Я слышалъ, что секретарь проигрываетъ большія деньги въ фараонъ. Дочь получила хорошее воспитаніе и носитъ дорогія платья. Все это разумѣется не изъ служебныхъ доходовъ отца и не изъ взятокъ. Шкатулка Вольфсегга вѣроятно служитъ главнымъ источникомъ. Старикъ Армгартъ хотѣлъ увѣрить меня, что тутъ замѣшана любовь. Но какой отецъ будетъ такъ цинично относиться къ позору своей дочери! Какъ могъ я повѣрить этому хотя одну минуту. Если Антуанета и маркиза предполагаютъ нѣчто подобное, то вѣроятно на основаніи ложныхъ слуховъ, которые старикъ намѣренно распространяетъ, чтобы скрыть истину. Но гдѣ же истина? Не наводитъ ли графъ справки у секретаря отно-

сительно намѣреній и плановъ министра? Нѣтъ, графъ настолько друженъ съ Стадіономъ, что можетъ узнать отъ него все, что ему угодно. Оба одинаково ненавидятъ Наполеона и мечтаютъ объ его низверженіи. Какую тутъ роль можетъ играть секретарь? Вѣдь онъ то же, что простой писарь. Нѣтъ, не политика, а нѣчто другое привлекаетъ графа въ домъ Армгарта... Вѣроятно какая нибудь семейная тайна и я долженъ узнать ее. Они оба были въ Парижѣ во время революціи и судя по тону, съ которымъ говорилъ Армгартъ, имъ весело жилось тамъ. Съ этого времени начинается ихъ дружба и можетъ быть сообщничество... Я не даромъ пріѣхалъ сюда; помимо честолюбія и надежды составить себѣ карьеру, теперь еще предвидится возможность удовлетворить мою месть. Гибель графа поможетъ мнѣ пріобрѣсти руку и сердце Антуанеты.

Размышляя такимъ образомъ, Цамбелли незамѣтно прошелъ предмѣстье и достигъ внутренняго города, гдѣ въ узкихъ улицахъ при сильномъ туманѣ онъ долженъ былъ постоянно обращать вниманіе чтобы не попасть подъ экипажъ или не столкнуться съ какимъ нибудь пѣшеходомъ. Освѣщенныя окна домовъ, стукъ быстро несущихся экипажей, шумъ и говоръ толпы, наполнявшей улицы, настолько развлекли Цамбелли, что вскорѣ внѣшній міръ окончательно поглотилъ его.

Витторіо родился въ епископальномъ городѣ Тріентѣ, гдѣ итальянскій элементъ соприкасается съ нѣмецкимъ и, гдѣ старинный замокъ Цамбелли въ теченіи ста тридцати лѣтъ составлялъ собственность его рода. Замокъ этотъ, построенный во вкусѣ Палладіо [1]) и, рѣзко отличавшійся отъ окружающихъ зданій своимъ мрачнымъ видомъ, пользовался дурной славой у мѣстныхъ жителей. Они говорили, что въ немъ являются привидѣнія и, если кому изъ нихъ случалось проходить мимо въ полночь, тотъ крестился и читалъ молитву. Въ народѣ замокъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „чортова дворца“ и получилъ это прозвище, благодаря дѣду Витторіо, который былъ алхимикъ и считался заклинателемъ духовъ. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ какія-нибудь сношенія съ нечистымъ, но во всякомъ случаѣ въ результатѣ оказалось, что занимаясь своей таинственной наукой, онъ дошелъ до полнаго раззоренія. Отецъ Витторіо до нѣкоторой степени поправилъ свое состояніе, женившись на богатой нѣмкѣ изъ Мерана, но опять запутался въ дѣлахъ, такъ какъ семья его увеличивалась изъ года въ годъ и требовала большихъ затратъ. Наконецъ, ему удалось пристроить нѣкоторыхъ изъ своихъ сыновей на службу; одинъ поступилъ въ духовное званіе, а старшему должны были перейти по наслѣдству немногія уцѣлѣвшія помѣстья, обремененныя долгами, съ обязательствомъ дать приданое двумъ сестрамъ. Такимъ образомъ Витторіо,

---

[1]) Палладіо, знаменитый архитекторъ, соорудившій въ Венеціи дворецъ дожей и нѣсколько великолѣпныхъ зданій въ городѣ Виченцѣ.

младшій изъ сыновей, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію и только благодаря ходатайству своего дальняго родственника былъ принятъ въ Мальтійскій орденъ. Но въ это время орденъ доживалъ свои послѣдніе дни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по прибытіи Витторіо Цамбелли на островъ Мальту явился Наполеонъ и принудилъ послѣдняго гроссмейстера Гомпеша къ сдачѣ сильной крѣпости, много разъ и всегда напрасно осаждаемой турецкими войсками. Рыцари разсѣялись по свѣту; большинство сочло себя свободными отъ даннаго обѣта; въ числѣ ихъ былъ и Витторіо, котораго еще не успѣли посвятить въ рыцари съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей. Очутившись вторично безъ денегъ и положенія въ свѣтѣ, молодой рыцарь поступилъ въ австрійскую военную службу. Но и тутъ счастье не улыбнулось ему. Его отправили въ гарнизонъ въ небольшую трансильванскую крѣпость на турецкой границѣ. Два или три раза участвовалъ онъ въ стычкахъ съ непріятелемъ, но такихъ незначительныхъ, что трудно было отличиться или пріобрѣсть славу. Товарищи не любили его, такъ какъ онъ казался имъ слишкимъ вѣжливымъ и благовоспитаннымъ, а начальникъ не терпѣлъ его за злой языкъ. Въ тѣ времена Витторіо еще не привыкъ къ притворству и по своей горячности выказывалъ такую же необдуманность въ рѣчахъ, какъ и въ дѣйствіяхъ. Ему приходилось не разъ драться на дуэли, благодаря разнымъ любовный приключеніямъ; водились за нимъ и карточные долги.

Но все это скоро наскучило Цамбелли. Онъ тяготился однообразной гарнизонной службой среди малообразованныхъ людей, въ полуварварской странѣ. Къ этому примѣшивалось еще тяжелое чувство разочарованія и оскорбленнаго самолюбія, такъ какъ ему казалось, что недостаточно цѣнятъ его заслуги и отдаютъ преимущество передъ нимъ людямъ ничтожнымъ изъ за ихъ богатства или знатнаго происхожденія. Такимъ образомъ Цамбелли только выжидалъ удобнаго случая, чтобы выйти изъ военной службы и подалъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ Пресбургскаго мира, хотя враги его утверждали, что онъ былъ вынужденъ сдѣлать это, чтобы избѣжать постыднаго увольненія.

Послѣ этого Витторіо на нѣкоторое время смѣшался съ безъименной массой, какъ онъ выражался, а затѣмъ неожиданно явился въ Миланѣ при дворѣ итальянскаго вице-короля подъ предлогомъ ускоренія процесса своей семьи о ломбардскихъ помѣстьяхъ. Здѣсь ему больше посчастливилось, чѣмъ у венгерскихъ и австрійскихъ магнатовъ. Онъ былъ окруженъ людьми, изъ которыхъ большинство было обязано своимъ возвышеніемъ революціи и войнѣ; это были такіе же искатели приключеній, какъ и онъ самъ съ тѣми же взглядами и убѣжденіями. Женщинамъ нравилась его красивая меланхолическая наружность; мужчины хвалили его за отсутствіе какихъ либо предразсудковъ и рѣшительный способъ дѣйствій. Они съ любопытствомъ

слушали его разсказы о Молдавіи, Валахіи и Сербіи, вѣчныхъ битвахъ между христіанами и турками, о цыганскихъ деревняхъ, замкахъ венгерскихъ магнатовъ и т. п. Разсказы эти представляли тѣмъ большій интересъ, что въ это время всѣ были убѣждены, что Бонапартъ вскорѣ поведетъ свою армію въ эти страны и даже быть можетъ въ Константинополь.

Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Цамбелли вернулся въ Вѣну. Никто не могъ понять причины, почему онъ такъ неожиданно оставилъ Миланъ и не искалъ службы у вице-короля Евгенія. Самъ Цамбелли отвѣчалъ уклончиво на всѣ вопросы по этому поводу.

— Я скиталецъ по свѣту, говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. — Меня не удовлетворяютъ почести и никакое мѣсто не привязываетъ меня. Что такое счастье или спокойствіе? Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Судьба бросаетъ меня изъ одной страны въ другую, помимо моего выбора или желанія. Хотя ничто особенно не печалитъ меня, но я постоянно чувствую себя несчастнымъ и недовольнымъ...

Подобныя фразы подчасъ вызывали насмѣшливую улыбку въ слушателяхъ, такъ какъ въ нихъ была не малая доля рисовки и преувеличенія, но тѣмъ не менѣе онѣ обаятельно дѣйствовали на публику. То же недовольство и разочарованіе въ большей или меньшей степени испытывалъ каждый въ ту несчастную переходную эпоху.

Приверженцы старыхъ порядковъ были недовольны паденіемъ многихъ династій, притѣсненіемъ дворянства и отмѣной свѣтской власти папы. Роптали и поклонники революціи, мечтавшіе о свободѣ и равенствѣ. Они пережили тяжелыя минуты, когда вслѣдъ за уничтоженіемъ директоріи Бонапартъ захватилъ власть въ свои руки и, сдѣлавшись императоромъ, создалъ вокругъ себя новый дворъ и новое дворянство. Г-жа Роланъ погибла вслѣдъ за Маріей Антуанетой; якобинскій клубъ окончилъ свое существованіе, какъ и общество Тріанона. Наступила пора общей апатіи и бездѣйствія, скучнаго и безцѣльнаго существованія, которое казалось не имѣло будущности.

Но помимо этой неопредѣленной скорби, которую болѣе или менѣе ощущало все тогдашнее общество и которая была прямымъ слѣдствіемъ неосуществившихся идеаловъ, Витторіо Цамбелли испытывалъ еще всѣ мученія бѣдности и неудовлетвореннаго честолюбія.

Между тѣмъ, люди, знавшіе его въ былыя времена, сравнивая его прежнее положеніе съ настоящимъ, завидовали его счастью и удивлялись его успѣхамъ въ свѣтѣ. Витторіо можно было встрѣтить въ самыхъ знатныхъ домахъ Вѣны. Никто не зналъ, какъ онъ проникъ сюда и каждый считалъ долгомъ пригласить его въ свою очередь. Но тѣмъ не менѣе многіе подозрительно относились къ Цамбелли, такъ какъ было извѣстно, что онъ впервые появился въ салонахъ французскаго и русскаго посланниковъ. Одни говорили, что онъ подкупленъ Россіей и вырабатываетъ проэкты покоренія турецкой имперіи; другіе, отрицая это, утверждали, что онъ на жалованьи у Бона-

парта и доставляетъ ему подробныя свѣдѣнія объ австрійскомъ вооруженіи, перемѣнахъ въ войскѣ, планахъ и дѣйствіяхъ Tugendbund'a. Всѣ эти предположенія въ свою очередь служили поводомъ къ разнымъ толкамъ и шуткамъ, и какой-то острякъ распространялъ слухъ, что такъ какъ оба императора — русскій и французскій, очень дружны и преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, то они содержатъ сообща Цамбелли, какъ любовницу, которая порознь обошлась бы слишкомъ дорого для каждаго изъ нихъ.

Витторіо уже нѣсколько лѣтъ вращался въ высшемъ столичномъ обществѣ, какъ равноправный членъ его и наконецъ всѣ привыкли къ этому; но дурная слава осталась за нимъ. Хотя существовавшее противъ него обвиненіе не подтверждалось никакимъ осязательнымъ фактомъ, но тѣмъ не менѣе всѣ считали его опаснымъ человѣкомъ, искателемъ приключеній и шпіономъ. Подобное мнѣніе разумѣется не вредило ему въ глазахъ массы, которая всегда поклоняется успѣху, а тѣмъ болѣе въ эпоху сильныхъ государственныхъ переворотовъ, гдѣ скромныя добродѣтели, самоотверженіе и честность теряютъ значеніе, а мужество, хитрость и военныя доблести неизбѣжно поднимаются въ цѣнѣ.

Однако денежныя дѣла Цамбелли были далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ гласила молва, и это служило для него источникомъ большихъ огорченій, особенно въ присутствіи тѣхъ, которымъ, подобно графу Вольфсеггъ, были извѣстны его стѣсненныя обстоятельства. Но передъ людьми менѣе близкими съ нимъ, онъ умѣлъ окружать себя кажущимся богатствомъ и казаться расточительнымъ, одѣвался по послѣдней модѣ и держалъ превосходныхъ лошадей. Цамбелли не имѣлъ никакой оффиціальной службы, и потому знакомыхъ его естественно занималъ вопросъ объ его средствахъ къ существованію. Но Франція или Россія снабжала его, или же крупная и большею частью счастливая карточная игра составляла источникъ его доходовъ, оставалось тайной для всѣхъ.

Цамбелли пробираясь между экипажами и людьми, вышелъ наконецъ изъ лабиринта маленькихъ улицъ, отдѣляющихъ соборъ св. Стефана отъ улицы Graben и остановился передъ великолѣпной колонной, воздвигнутой Леопольдомъ I, въ память избавленія Вѣны отъ чумы. Но кромѣ двухъ фонтановъ, съ правой и лѣвой стороны памятника, невозможно было различить что либо въ сѣромъ туманѣ. Фонари, далеко разставленные другъ отъ друга, освѣщали улицы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и только время отъ времени вспыхивалъ на подобіе молніи красноватый отблескъ факеловъ въ рукахъ слугъ, стоявшихъ на подножкахъ придворныхъ и дворянскихъ каретъ.

— Наконецъ-то я нашелъ васъ, шевалье Витторіо, сказалъ какой-то человѣкъ подходя къ нему.

— Это вы Анахарсисъ?

— Какъ видите. Я былъ на вашей квартирѣ, въ надеждѣ застать васъ.

— Это было крайне неосторожно съ вашей стороны. Васъ легко могли узнать! Секретарь французскаго посольства лицо довольно извѣстное въ Вѣнѣ.

Они говорили въ полголоса и на французскомъ языкѣ и, какъ бы недовольствуясь этой предосторожностью, отошли отъ колоны, гдѣ они могли обратить на себя вниманіе прохожихъ и пошли медленнымъ шагомъ вдоль улицы Graben.

— Вы ужъ слишкомъ трусливы, шевалье. Сколько разъ насъ видѣли вмѣстѣ въ обществѣ! Пожалуй, еще можно было бы бояться если бы опять наступилъ грозный 1793 годъ. Ну, а теперь, что могутъ отнять у васъ!

— То, что и для васъ имѣетъ цѣну. Каждый изъ насъ дорожитъ своей головой, отвѣтилъ Цамбелли.

— Вы бы не боялись смерти, если бы пережили революцію. У васъ еще поются оперныя аріи, тогда какъ мы знаемъ только одну пѣсню—марсельезу.

— Однако приступимъ къ дѣлу, мой дорогой другъ, сказалъ Цамбелли, которому не нравилось грубое обращеніе бывшаго якобинца, хотя онъ не показывалъ этого изъ боязни раздражить его такъ какъ Анахарсисъ былъ правой рукой генерала Андраши.

— Вы говорили мнѣ, что совсѣмъ отреклись отъ политики.

— Да, политика капризная дѣва и годится только молодымъ людямъ. Возившись съ нею, я состарѣлся и посѣдѣлъ раньше времени и бросилъ ее. Все, что теперь совершается, пустяки сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлано великой французской революціей. Теперь насъ занимаютъ только деньги, вино и женщины. Но у васъ еще молодыя ноги, шевалье, и вы можете гоняться за политикой.

— Однако вы до сихъ поръ не сообщили мнѣ: нѣтъ ли какихъ извѣстій изъ Парижа?

— Какже, есть, и притомъ самыя благопріятныя для васъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ прибылъ сюда курьеръ изъ Парижа къ графу Андраши съ депешами отъ императора, который теперь уже долженъ быть за Пиринеями. Радуйтесь, Испаніи наступилъ конецъ. Маленькому капралу стоитъ только махнуть своей сѣрой шляпой и испанцы съ своими монахами улетятъ къ черту, какъ воробьи.

— Вы говорили, что получены благопріятныя для меня извѣстія, сказалъ Цамбелли, который въ этотъ вечеръ уже вдоволь наслышался политическихъ разглагольствованій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, чтобы перейти на фактическую почву.

— Да, правда!... Я долженъ вамъ сказать, что ваши донесенія получены и одобрены. Талейранъ въ восхищеніи отъ вашей прозорливости...

— Телейранъ!—повторилъ Цамбелли, тономъ обманутаго ожиданія.

Анахарсисъ засмѣялся; его широкое лицо съ густыми бровями большимъ ртомъ и толстыми губами приняло лукавое выраженіе.

— Вы кажется недовольны... Это вполнѣ естественно, потому что въ извѣстномъ дѣлѣ вы дѣйствительно оказали большую услугу.

Какихъ только униженій не выноситъ честолюбецъ для достиженія своихъ цѣлей! Эта похвала изъ устъ плебея, принимающаго на себя роль покровителя, показалась крайне оскорбительною Цамбелли, но на лицѣ его не видно было и тѣни досады или неудовольствія.

— Французскій императоръ, продолжалъ бывшій якобинецъ— вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе относительно вашихъ способностей. Его величество приказалъ добавить къ сегодняшнимъ депешамъ нѣсколько словъ крайне лестныхъ для васъ. Генералъ Андраши желаетъ самъ передать вамъ ихъ вмѣстѣ съ брильянтовымъ кольцомъ, которое даритъ вамъ французскій императоръ. Но что всего лучше—его величество хочетъ видѣть васъ и лично познакомится съ вами.

— Со мною!... французскій императоръ...

— Разумѣется, вы не ожидали ничего подобнаго! Я увѣренъ, что вы понравитесь Бонапарту; недаромъ въ васъ обоихъ течетъ итальянская кровь. Еще немного и шевалье Цамбелли...

— Тише, ради Бога! не называйте меня...

— Извольте, больше не назову ни одного имени! Вы сдѣлаетесь графомъ, герцогомъ, или даже маршаломъ... Ну, а мы старики, пережившіе 1793 годъ, не нуждаемся въ этихъ кличкахъ и не скинемъ нашихъ деревянныхъ башмаковъ.

— Потому что другихъ и носить не умѣемъ, подумалъ Цамбелли и добавилъ вслухъ:

— Вы не уступаете Аристиду въ безкорыстіи.

— Вамъ нечего надсмѣхаться надъ нами, милостивый государь. Мы трезвѣе васъ смотримъ на жизнь. Императоръ можетъ наградить васъ почетомъ, титулами, маршальскимъ жезломъ, крестами, а намъ онъ долженъ платить чистымъ золотомъ. Безкорыстіе, умѣренность, справедливость и другія добродѣтели умерли съ Робеспьеромъ. Деньги и женщины...

— Онъ хочетъ меня видѣть? сказалъ Цамбелли, возвращаясь къ занимавшему его вопросу.—Гдѣ приказано мнѣ явиться къ нему и когда?

— Не сегодня и не завтра. Въ данный моментъ Испанія больше интересуетъ его, нежели Австрія. Погодите немного, мой дорогой другъ, дойдетъ и до васъ очередь и тогда вы отправитесь въ Парижъ.

— Но отпустятъ ли меня отсюда?

— Господа австрійцы врядъ ли охотно разстанутся съ вами. Вамъ конечно прійдется обмануть ихъ и придумать какой нибудь ловкій способъ, чтобы выбраться изъ Вѣны.

— Могу ли я вполнѣ расчитывать па хорошій пріемъ въ Сенъ-Клу?

— Вы можете вторично услышать все это отъ Андраши, если вамъ недостаточно моего ручательства.

— Вы не поняли меня, Анахарсисъ. Я ни минуты не сомнѣвался въ вашей дружбѣ и въ томъ, что вы говорите. Но Бонапартъ не отличается постоянствомъ. Если онъ спровадитъ меня, то послѣ этого мнѣ нельзя будетъ показаться ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ.

— Когда мы шли на Тюльери, отвѣтилъ презрительно якобинецъ,— въ памятный день 10-го августа, 1792 года, никто изъ насъ не зналъ удастся ли намъ взять его приступомъ, или мы всѣ сложимъ наши головы. Развѣ можно останавливаться передъ такими соображеніями!

— Каждый поступаетъ по своему.

Они дошли до улицы „Herrengasse". Цамбелли остановился.

— У васъ тутъ дѣла, шевалье? Значитъ мы должны разстаться?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ я не задерживаю васъ. До свиданія. Приходите послѣ завтра въ красную комнату гостиницы „Kugel". Только принесите съ собой докладную записку. Намъ хотѣлось бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ.

— Я употреблю всѣ старанія чтобы угодить вашему императору, отвѣтилъ Цамбелли.

— Только не забывайте, наши личные интересы должны быть на первомъ планѣ. До свиданія. Нѣтъ подождите. Чуть было не забылъ...

При этихъ словахъ Анахарсисъ вынулъ изъ кармана узкую полоску бумаги.

— Это изъ префектуры полиціи... Подробныя свѣдѣнія о личности Веньямина Бурдона. Совѣтую вамъ провѣрить ихъ. Право смѣшно вспомнить этого добраго Жана Бурдона. Теперь онъ уже не захохочетъ по прежнему.

Секретарь французскаго посольства исчезъ въ туманѣ и Цамбелли остался одинъ на улицѣ.

— Дерзкій, назойливый плебей! проговорилъ онъ ему вслѣдъ, но чувство досады вскорѣ смѣнилось радостнымъ ощущеніемъ, когда онъ припомнилъ, что удостоился вниманія самого Бонапарта. Развѣ похвала такого человѣка не равносильна одобренію сотенъ тысячъ людей! Если даже Анахарсисъ усилилъ краски, чтобы придать себѣ больше значенія, то фактъ былъ на лицо и сдѣланъ новый шагъ къ достиженію счастья.

— Вольфсегги не всегда будутъ смотрѣть на меня свысока, думалъ Цамбелли.—Теперь они пренебрегаютъ мной, но если я вернусь сюда въ свитѣ Наполеона, то быть можетъ и не покажется такимъ безуміемъ, если Витторіо посватается къ графинѣ Антуанетѣ.

Размышляя такимъ образомъ, Цамбелли не замѣтно для него самого дошелъ до городскаго дома графа Вольфсегга въ концѣ „Her-

rengasse". У главнаго входа горѣлъ фонарь. Цамбелли при свѣтѣ его прочелъ записку, данную ему Анахарсисомъ. Содержаніе ея опять возбудило въ немъ прежнія мысли и сомнѣнія, и онъ готовъ былъ вернуться назадъ, однако пересилилъ себя и вошелъ на крыльцо. Но слуги пришли въ странное замѣшательство когда онъ спросилъ ихъ: можетъ ли онъ видѣть графа Вольфсеггъ или маркиза Гондревилль? и видимо затруднялись отвѣтомъ. Но когда Цамбелли спросилъ: принимаютъ ли дамы?—то услышалъ къ своему величайшему удовольствію, что дамы дома и готовы принять его, по крайней мѣрѣ графиня Антуанета.

— Мужчины вѣроятно рѣшаютъ на словахъ или на бумагѣ участь Бонапарта, засѣдая въ которой нибудь изъ отдаленныхъ комнатъ, подумалъ Цамбелли,—маркиза не рѣшится выйти къ постороннему человѣку въ домашнемъ платьѣ и мнѣ быть можетъ удастся пробыть наединѣ нѣсколько минутъ съ Антуанетой. Вся кровь бросилась ему въ голову отъ этой мысли и онъ почти бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу.

Между Антуанетой и Цамбелли существовала давнишняя симпатія, такъ какъ оба были одинаково честолюбивы и недовольны жизнью. Этой симпатіи также не мало способствовали и внѣшнія причины, какъ, напримѣръ, встрѣчи въ обществѣ, разговоры, споры и особенно пребываніе обоихъ молодыхъ людей въ замкѣ у озера съ опасною прелестью деревенскихъ удовольствій, и неожиданными встрѣчами въ лѣсу и саду. Самъ графъ Вольфсеггъ простосердечно покровительствовалъ имъ, пользуясь умомъ и красотой своей племянницы, чтобы отвлечь вниманіе шевалье отъ политическихъ козней и переговоровъ, которые велись вокругъ него. Графъ былъ убѣжденъ, что племянница его слишкомъ умна и проникнута дворянскою гордостью, чтобы унизиться до безумной страсти къ малоизвѣстному авантюристу.

Такая увѣренность была бы вполнѣ основательна, если бы любовь Антуанеты не встрѣтила взаимности со стороны Витторіо. Но итальянецъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ молодой графиней, чувствовалъ къ ней все бо̀льшую нѣжность и страсть, по мѣрѣ того, какъ она все сильнѣе подчинялась его вліянію.

Это вліяніе было вполнѣ естественно, потому что Цамбелли, помимо красивой наружности и недюженнаго ума отличался еще рыцарскими манерами, утонченностью рѣчи и искусствомъ казаться лучше и значительнѣе, нежели онъ былъ въ дѣйствительности. Задача приковать къ себѣ такого человѣка могла интересовать умную дѣвушку и дѣйствовать раздражающимъ образомъ на ея самолюбіе.

Они сидѣли теперь въ маленькой уютной комнатѣ другъ противъ друга; она на диванѣ, онъ на креслѣ съ круглой рѣзной спинкой. Свѣтлая обивка мебели, занавѣси скрывавшіе наглухо закрытыя окна, комфортъ богатаго дома, свѣтъ и теплота, были особенно пріятны Цамбелли послѣ уличной сырости и мрака. Не менѣе гармоническое впечатлѣніе производила на него и Антуанета, въ своемъ бѣломъ шер-

Въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» продаются слѣдующія книги:

Н. С. Лѣскова, романъ „Некуда". Въ 3-хъ книгахъ, 4-е изданіе. Спб. 1879. Ц. 3 р.

Г. В. Есипова, Люди стараго вѣка, разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи. Содержаніе: Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. — Слово и дѣло. — Березка и корабликъ. — Кабачекъ Мартышка.— Серпуховскіе калачники. — Русская чревовѣщательница XVIII столѣтія.— Самосожигатели. — Старовѣръ Васильевъ. — Капуцины въ Россіи. — Чернецъ Ѳедосъ. — Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова. — Грекъ Серафимъ.— Самозванцы — царевичи Петръ и Алексѣй Петровичи. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Д. Л. Мордовцева, Наносная бѣда, историческая повѣсть. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

В. Я. Стоюнина, историческія сочиненія часть 1-я. Александръ Семеновичъ Шишковъ. Спб. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Л. Мордовцева, Соловецкое сидѣнье, историческая повѣсть изъ временъ начала раскола на Руси. М. 1880. Ц. 80 к.

Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній русскихъ и славянскихъ писателей и прозаическихъ характеристикъ, относящихся къ Москвѣ, Кремлю, московскимъ событіямъ, московскому быту и проч., пословицы, относящіяся къ Москвѣ, библіографія книгъ и статей литературнаго содержанія, имѣющихъ своимъ предметомъ Москву, перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Сборникъ составленъ **С. И. Пономаревымъ**, редактировавшимъ послѣднее полное собраніе стихотвореній Некрасова. Цѣна книгѣ 1 р. 25 к., на обыкновенной хорошей бумагѣ. Кромѣ того, для любителей напечатано 100 экз. нумерованныхъ на слоновой бумагѣ большого формата—3 р. за экз.

Фридриха Гельвальда, Въ области вѣчнаго льда, исторія путешествій къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Ц. 60 к.

Альфонсъ Додэ, Королева Фредерика, романъ. Ц. 1 р. 50 к.

С. С. Шашкова, Исторія русской женщины. Ц. 1 р. 75 к.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Вѣнокъ на памяникъ Пушкину. Памяти А. С. Пушкина. — Пушкинское торжество въ Москвѣ, Петербургѣ и провинціи.—Рѣчи, чтенія, стихи, адресы, телеграммы и привѣтствія по поводу открытія памятника Пушкину.—Отзывы нашей печати о значеніи и итогахъ Пушкинскаго праздника. — Пушкинская выставка.—Новыя данныя о Пушкинѣ. Ц. 1 р. 25 к.; веленевые экз. 2 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОКТЯБРЬ, 1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1880 г.

Стр.

I. КАРЛЪ ШАЙНОХА. **Ф. К. Неслуховскаго** 217

II. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ. Глава VI. Въ селѣ Михайловскомъ. **В. Я. Стоюнина** 245

III. ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ. Главы I—III. **В. И. Модестова** 282

IV. ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Е. А. Бѣлова** 306

V. ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ. Глава III. Тамбовское отжившее чиновничество. **И. И. Дубасова** 320

VI. ПОЛЬ БРОКА—ОСНОВАТЕЛЬ АНТРОПОЛОГІИ. **В. Н. Майкова** 331

VII. ЛЕГЕНДА О ВЕЛИЗАРІИ. **В. Н. Корнiевскаго** 342

VIII. НОВЫЕ МЕМУАРЫ О РЕВОЛЮЦІОННОЙ ЭПОХѢ XVIII ВѢКА. **Н. С. Корелина** 353

IX. ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЕРЪ. Часть II. **В. З—а** 372

X. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: 1. Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. Москва 1880. **К. Н. Бестужева-Рюмина.** — 2. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879. II. Періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880. **Его-же.**—3. Der polnische Kriegsschauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880. **В. З.** — 4. Русскій Архивъ. 2-я книга. Москва. 1880.—5. Соціальные реформаторы.—6. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. Москва. 1880.—7. Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. Москва. 1880.—8. Историческая записка 75-ти-лѣтія Спб. 2-й гимназіи. Ч. I. Спб. 1880. **Ѳ. Б.** . . . 399

XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Именные указы императрицы Елизаветы Петровны. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**—Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II. Сообщено **Л. Н. Майковымъ.**—Непреклонный маіоръ (картинка административной неурядицы александровскихъ временъ). Сообщено **В. Ѳ. Михневичемъ** 410

XII. СМѢСЬ: Празднованіе 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды.—Послѣднее слово о мѣсторожденіи А. С. Пушкина. — Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. — Въ какой день происходила Куликовская битва.—Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ.—Анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ.—Археологическія находки въ Елабужскомъ уѣздѣ.—Археологическая находка близъ Херсонеса. — Казакъ о происхожденіи Яицкой общины 422

По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я. Аристовымъ. **А. К.** 432

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. **К. Френцеля.** Часть II. Главы 3—5.—2) Портретъ **Карла Шайнохи.**

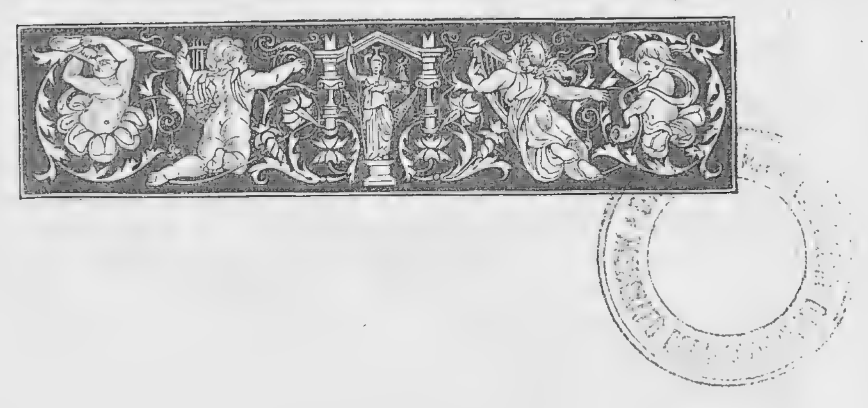
При настоящей книжкѣ гг. подписчикамъ разсылаются вновь сдѣланные портреты: **С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и Мицкевича.**

КАРЛЪ ШАЙНОХА.

Съ гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.



КАРЛЪ ШАЙНОХА.

Николаю Ивановичу Костомарову.

Въ политической исторіи народовъ русскаго и польскаго, нельзя найти такого момента, когда окончательно прерывались бы между ними связь и отношенія.

Въ такой же тѣсной связи и взаимнодѣйствіи шло развитіе умственной и бытовой стороны жизни этихъ двухъ соплеменныхъ народовъ. Вамъ, болѣе чѣмъ кому либо, извѣстны точки соприкосновенія, степень родства и причины разлада.

Въ области литературныхъ явленій обоихъ народовъ можно указать параллель умственнаго движенія, сопоставляя: Державина—Нарушевичу, Карамзина — Лелевелю, Пушкина — Мицкевичу, если судить по современности ихъ жизни и по заслугамъ каждаго на родной ему почвѣ.

Путь сближенія обоихъ народовъ и ихъ народнаго самосознанія освѣщается наукою, въ которой такое почетное мѣсто занимаете вы и польскій историкъ Карлъ Шайноха. Есть много общаго между нимъ и вами: въ призваніи—освѣтить историческія событія свѣтомъ безпристрастной критики; въ характерѣ творчества — создать живыя и рельефныя историческія личности; въ самой, наконецъ, жизни васъ обоихъ—жизни, ознаменованной глубокою вѣрою, горячею любовію къ наукѣ и къ труду и обильно усѣянной терніями.

Я полагаю, что нельзя болѣе достойнымъ образомъ почтить память усопшаго польскаго историка, какъ поставивъ ваше имя на первой страницѣ его жизнеописанія. Сожалѣю, что очеркъ жизни Шайнохи не сдѣланъ болѣе самостоятельною и искусною рукою.

Примите посильный трудъ въ память сороколѣтняго нашего знакомства и въ знакъ моей къ вамъ любви и уваженія.

Ф. Неслуховскій.

Іюля 9-го дня, 1880 года.
Павловскъ.

Карлъ Шайноха, пользующійся заслуженною извѣстностію въ польской литературѣ, какъ историкъ, поэтъ и публицистъ, мало извѣстенъ русской публикѣ; въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ появилось извлеченіе изъ лучшаго его историческаго сочиненія: „Ядвига и Ягелло“; но оно прошло какъ-то не замѣченнымъ и притомъ одно извлеченіе не даетъ надлежащаго понятія о характерѣ и значеніи историческихъ трудовъ Шайнохи. Прежде чѣмъ появятся въ печати переводы и извлеченія изъ сочиненій Шайнохи, не безполезно познакомить русскихъ читателей съ біографіею польскаго историка, составленною по матеріаламъ, приложеннымъ къ X-му тому его сочиненій.

Жизнь этого честнаго труженика, не падавшаго духомъ въ постоянной борьбѣ съ ударами судьбы, представляетъ зрѣлище, которое по выраженію Сенеки, „утѣшаетъ самихъ боговъ“. Какъ историкъ, Шайноха можетъ быть поставленъ на ряду съ Тьери, Маколеемъ, Прескоттомъ и другими историками, создавшими на западѣ историческую живописную школу. Неутомимый въ изученіи фактовъ, одаренный поэтическимъ творчествомъ и фантазіей, Шайноха въ своихъ произведеніяхъ выводилъ на сцену совершенно реальныя, живыя, историческія личности. Съ раннихъ лѣтъ Шайноха испытывалъ свои силы въ разныхъ отрасляхъ поэтическаго творчества; онъ писалъ стихи, повѣсти, драмы и въ то же время историческіе очерки, пока наконецъ исторія не сдѣлалась исключительнымъ предметомъ его занятій; счастливое сочетаніе поэтическаго творчества съ глубокою эрудиціей составляютъ отличительную черту его историческихъ произведеній. Критика упрекала какъ Маколея, такъ и Шайноху, въ излишней идеализаціи героевъ, излюбленныхъ авторами. Здѣсь не мѣсто входить въ пренія съ учеными критиками, но несомнѣнно, что между Маколеемъ и Шайнохою есть много общаго. Шайноха не уступаетъ Маколею въ художественномъ воспроизведеніи историческихъ личностей, но обставляетъ ихъ всегда обширнымъ и разнообразнымъ подборомъ фактовъ; за то онъ часто уступаетъ Маколею въ широтѣ взгляда на политическія событія. Маколей жилъ въ странѣ пользующейся широкими правами политической свободы и потому въ его произведеніяхъ виденъ взглядъ государственнаго человѣка и общественнаго дѣятеля такой страны.

При иныхъ условіяхъ развивалась жизнь Шайнохи; вступленію его въ ученую дѣятельность предшествовало заключеніе въ тюрьму, затѣмъ онъ былъ вынужденъ посвятить время свое на педагогическія занятія и завѣдываніе библіотекой, въ которой работалъ, какъ ученый и администраторъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что просвѣщенный, политическій дѣятель, принимаясь за перо, часто являлся замѣчательнымъ историкомъ, но отъ человѣка, исключительно зарывшагося въ архивы, трудно ожидать широкихъ взглядовъ и практическаго такта, когда ему придется выступить на политическую сцену.

При этомъ случаѣ невольно вспоминается Лелевель, какъ политическій дѣятель 1831 года.

Дѣдъ Шайнохи былъ родомъ чехъ и занималъ должность бурграфа въ замкѣ князя Лобковица; сынъ этого бургграфа Вацлавъ, по профессіи медикъ, переѣхалъ въ Галицію, отказался по какимъ-то соображеніямъ отъ своей профессіи, поступилъ въ гражданскую службу въ Галиціи, и здѣсь женился на Маріи Лозинской. Чехи въ то время занимали административныя мѣста въ Галиціи наравнѣ съ нѣмецкими чиновниками, и оставили по себѣ дурную память въ народѣ: до сихъ поръ о нѣмецко-чешской бюрократіи помнятъ въ Галиціи, какъ евреи помнятъ о семи казняхъ египетскихъ. Отецъ историка Вацлавъ Шхейнога Втлинскій составлялъ счастливое исключеніе: онъ вполнѣ честно исполнялъ должность областного судьи, сроднился съ новымъ своимъ отечествомъ, въ совершенствѣ владѣлъ польскимъ языкомъ и воспитывалъ дѣтей въ духѣ польской народности; безспорно, что въ этомъ дѣлѣ главную роль играла жена судьи, женщина умная, образованная и горячо любившая своихъ дѣтей, особенно Карла, родившагося 20-го ноября 1818 года въ восточной Галиціи, въ мѣстечкѣ Коморнѣ, близь Самбора. Новорожденному суждено было сдѣлаться замѣчательнымъ польскимъ историкомъ. Самая тѣсная дружба и взаимная любовь связывала сына съ матерью отъ колыбели до могилы. Эти чувства къ матери высказалъ Шайноха въ стихотвореніи, обращенномъ къ ней, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ:

Mnie, gdy bywało, ranne już życie
W czesnym dojęło cierpieniem.
Ty do swej piersi tuląc mię skrycie,
Byłaś mi skrzydłem i cieniem.

т. е. бывало, когда въ ранніе годы жизни меня постигали непосильныя по лѣтамъ страданія, ты, прижимая меня тайкомъ къ своей груди, была для меня крыломъ и покровомъ.

Подъ этимъ-то крыломъ любящей матери прожилъ Шайноха дома до одиннадцати лѣтъ. Слабый, болѣзненный отъ природы, нѣсколько неловкій, вѣчно задумчивый Карлуша (какъ его называли домашніе) съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ не только любовь, но и страсть къ чтенію; эта страсть постепенно развивалась, благодаря разнообразію домашней библіотеки, составленной изъ произведеній нѣмецкихъ и польскихъ писателей, которыми мальчикъ пользовался съ полною свободою. Онъ читалъ безъ указанія и запрета все, что попадало ему въ руки; читалъ Жиль Блаза, Донъ Кихота, повѣсти, романы, путешествія; но сидячая жизнь дурно вліяла на здоровье слабаго отъ природы мальчика. Отецъ былъ недоволенъ этой усидчивостію сына и заставлялъ его насильно рѣзвиться. Однажды Карлуша, катаясь со сверстниками на каткѣ, упалъ, вывихнулъ руку, но скрылъ отъ родителей случившееся съ нимъ несчастіе; скоро болѣзнь

приняла такой серьозный характеръ, что пришлось прибѣгнуть къ операціи, которую Карлуша вынесъ съ терпѣніемъ, рѣдкимъ для его лѣтъ. Послѣ операціи больнаго уложили на нѣсколько недѣль въ постель; но это его не очень огорчало, такъ какъ никто теперь уже не отрывалъ его отъ чтенія подъ предлогомъ прогулокъ и моціона.

Центромъ оффиціальной дѣятельности отца Шайнохи и мѣстомъ его жительства было имѣніе помѣщицы Семяновской — „Конюшки". Между домомъ судьи и вдовою помѣщицею съ двумя ея взрослыми дочерьми начались самыя тѣсныя дружескія отношенія. Судья сталъ завѣдывать дѣлами помѣщицы, велъ ихъ честно, былъ человѣкъ веселый и хорошій собесѣдникъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ домашнихъ развлеченіяхъ, по преимуществу состоявшихъ изъ домашнихъ спектаклей и живыхъ картинъ, для которыхъ брались сюжеты изъ миѳологіи и легендарной исторіи Польши. Панъ судья всегда умѣлъ выручить молодыхъ барышень изъ затруднительнаго положенія. Однажды онѣ не могли придумать въ чемъ долженъ пылать огонь предъ алтаремъ литовскаго бога Знича; судья притащилъ изъ кухни большую чугунную ступу, въ которой къ общей радости запылалъ огонь въ честь литовскаго бога. Шайноха, вспоминая о дѣтствѣ, проведенномъ въ семьѣ и въ домѣ Семяновской, всегда считалъ это время лучшими минутами своей жизни. Въ автобіографіи Шайнохи, набросанной къ сожалѣнію въ отрывочныхъ замѣткахъ, встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Съ невыразимымъ удовольствіемъ до сихъ поръ вспоминаю о хозяйкѣ дома и ея дочеряхъ, особенно объ одной изъ нихъ, проникнутой горячею любовью и состраданіемъ къ бѣднымъ; до сихъ поръ живо рисуются мнѣ эти театры, живыя картины, въ которыхъ изрѣдка я самъ принималъ участіе; я помню тотъ восторгъ, который ощущалъ, получивъ отъ хозяйки дома въ подарокъ сочиненіе о приключеніяхъ Робинзона".

Безспорно, что живыя картины историческаго содержанія благотворно вліяли на развитіе воображенія впечатлительнаго ребенка. На одиннадцатомъ году Карлъ окончилъ курсъ трехъ приготовительныхъ классовъ и съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ польскаго языка, изъ котораго получилъ отмѣтку „mittelmässig" (посредственно); затѣмъ онъ поступилъ въ число учениковъ гимназіи города Самбора. По соображеніямъ начальства, судья Вацлавъ Шхейнога Втлинскій былъ перемѣщенъ на штатную должность въ окрестности Львова и сынъ послѣ четырехлѣтняго ученія въ Самборѣ, перешелъ въ львовскую гимназію. Въ 1833 году имя Карла Шхейнога встрѣчается въ спискахъ учениковъ 5-го класса, какъ получившаго при переходѣ въ этотъ классъ награду за отличные успѣхи въ наукахъ; въ этихъ спискахъ Карлъ названъ не Шхейнога де-Втлинскій (какъ обыкновенно подписывался на оффиціальныхъ бумагахъ судья), а Карлъ Шайноха. Неизвѣстно почему произошла эта метаморфоза чешской фамиліи въ польскую, но съ тѣхъ поръ

польскій историкъ сталъ навсегда называться Карломъ Шайнохою. По свидѣтельству школьныхъ товарищей, Шайноха былъ всегда молчаливъ, сосредоточенъ, постоянно сидѣлъ за книгами и учился отлично; въ математикѣ онъ былъ слабѣе и оказывалъ въ ней хорошіе успѣхи, только благодаря своему труду и усидчивости; въ особенный же восторгъ приходилъ Шайноха, когда попадалась ему въ руки старинная рукопись или фоліантъ историческихъ актовъ.

Въ 1834 году Шайноха былъ уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи. Между учениками гимназіи возникло общество съ цѣлью изучать и розыскивать древніе, историческіе памятники, относящіеся къ исторіи и археологіи Галиціи; объ этомъ обществѣ провѣдала полиція и Шайноха вмѣстѣ съ товарищами очутился подъ ея надзоромъ. 14 декабря того же 1834 года, въ костелѣ Отцевъ Бернардиновъ были найдены на полу польскіе стихи патріотическаго содержанія; они были немедленно доставлены въ полицію, у которой находился уже въ рукахъ именной списокъ лицъ, принадлежащихъ къ тайному обществу; въ этомъ спискѣ противъ каждой фамиліи были поставлены особыя, загадочныя отмѣтки. Полицейскіе эксперты сличили почеркъ Шайнохи съ почеркомъ найденныхъ стиховъ, заглянули въ списокъ съ замѣчаніями, и признали, что какъ стихи, такъ и замѣтка въ спискѣ, написаны одною и тою же рукою — рукою Шайнохи.

Такимъ образомъ, Шайноха былъ признанъ виновнымъ, какъ главный членъ политическаго общества. У него нашли бумаги, писанныя его рукою: хронологическій перечень событій изъ польской исторіи, нѣсколько стихотвореній, драма, подъ заглавіемъ „Наше счастье"; во всѣхъ этихъ произведеніяхъ усмотрѣнъ революціонный, патріотическій, польскій духъ автора. Начались розыски, аресты, слѣдствіе; было арестовано много лицъ изъ поляковъ, руссиновъ и даже нѣмцевъ.

Спустя 14 лѣтъ, а именно въ 1848 году (памятномъ для австрійской имперіи) Шайноха получилъ возможность напечатать въ газетахъ весь ходъ своего ареста, слѣдствія и заточенія.

„На разсвѣтѣ, пишетъ Шайноха, явился въ мое скромное жилище полицейскій коммиссаръ, забралъ всѣ бумаги и книги и отвезъ меня въ арестантскую при полиціи. Мнѣ едва исполнилось 17 лѣтъ, я любилъ все прекрасное и таковымъ мнѣ казался весь міръ, жизнь и люди; прошедшее, настоящее и будущее рисовались мнѣ въ самомъ радужномъ свѣтѣ, но со дня заточенія все облеклось темною тучею, осталось воспоминаніе лишь о тюрьмѣ и объ испытанныхъ страданіяхъ".

Просидѣвъ нѣсколько недѣль въ арестантской при полиціи, Шайноха былъ переведенъ въ пресловутую тюрьму кармелитовъ. Сторожъ съ фонаремъ въ рукѣ повелъ узника по корридору, открылъ боковую дверь и втолкнулъ въ комнату; затѣмъ, молча указалъ на кувшинъ съ водою, на скамью съ тюфякомъ, набитымъ сѣномъ, заперъ на ключъ дверь и задвинулъ ее желѣзнымъ засовомъ; не прошло часу, дверь

вновь отворилась, вошелъ тотъ же сторожъ и надѣлъ цѣпи на руки и на ноги заключеннаго. Въ тюрьмѣ было темно, только отъ 9-ти часовъ утра до 3-хъ пополудни мерцалъ кое-какой свѣтъ.

Узникъ пролежалъ нѣкоторое время на скамьѣ, потомъ пожелалъ встать и приблизился къ окошку, но скамья отъ движенія тѣсно скованныхъ его ногъ опрокинулась; Шайноха упалъ и разбилъ лицо до крови. Было темно, тѣсно, на ногахъ цѣпи — прохаживаться по комнатѣ не было никакой возможности: оставалось лежать или сидѣть. Шайноха отломилъ кусокъ проволоки отъ рѣшетки у окна, которое выступало немного повыше земли, тогда какъ вся комната углублялась въ землю. Вооружившись кускомъ проволоки, онъ царапалъ стѣну, писалъ на ней слова поэмы, носившіяся у него въ воображеніи; а когда утомленная фантазія переставала работать, узникъ вытягивалъ изъ простыни нитку и старался разсучить ее. Въ тюрьмѣ было сыро, холодно, воздухъ спертъ; кормили отвратительно: въ кушаньѣ, приготовляемомъ въ общемъ котлѣ для всѣхъ заключенныхъ, попадались тараканы, сверчки и даже мыши.

Скоро обнаружились послѣдствія такого тяжелаго заточенія; у заключеннаго сдѣлалась цынга, флюсъ, зубная боль и ревматизмъ во всѣхъ членахъ. Призванный докторъ, вмѣсто помощи, обругалъ Шайноху за то, что онъ осмѣлился безпокоить его особу такими пустяками. Съ горечью въ сердцѣ, писалъ впослѣдствіи Шайноха о своемъ заточеніи: „О счастливые люди, вы, изнѣженные господа и любезныя дамы, понимаете ли вы, что значитъ холодъ, голодъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, голодъ осужденнаго на одиночное заключеніе. Мысль не въ силахъ ни на одну минуту отдѣлаться отъ настоящаго положенія, о немъ ежеминутно напоминаетъ холодъ, голодъ, смрадъ, боль души и тѣла“. „Отъ отчаянія — говоритъ далѣе Шайноха — я переходилъ къ злобѣ; наконецъ всѣ мысли и чувства, утомленныя безплодною борьбою, слились въ чувство религіозное и излились въ молитвѣ; въ ней я нашелъ успокоеніе и отраду; цѣлые дни и ночи я стоялъ на колѣняхъ, плакалъ и молился; я чувствовалъ потребность въ чтеніи религіозныхъ книгъ, просилъ, чтобы мнѣ дали ихъ, но и въ этомъ было отказано. У меня была французская грамматика; на первой ея страницѣ помѣщалось „Отче нашъ“ и молитва Богородицѣ, я читалъ ихъ безпрестанно и молитва укрѣпила меня. Я прогналъ отъ себя мысль выдать своихъ товарищей и тѣмъ получить какое либо облегченіе и болѣе ласковое обращеніе“.

Прошелъ годъ предварительнаго тюремнаго заключенія, и 3 іюля 1836 года состоялся приговоръ суда, начинавшійся слѣдующими словами: Wegen Verbreitung aufrührischer Sehmähschriften, als des ver brechens der Störung der öffentlichen Ruhe“, (за распространеніе сочиненій возмутительнаго содержанія, клонившихся къ нарушенію общественнаго спокойствія). Судъ приговорилъ Шайноху къ строгому, шести-мѣсячному заточенію, но срокъ сталъ считаться не со дня

приговора, а со дня отказа на поданную просьбу о помилованіи т. е. съ 27 декабря 1837 года.

Хлопоты матери о помилованіи сына только продлили срокъ его заточенія и подвергли ее новымъ страданіямъ и оскорбленіямъ. Мать Шайнохи была еще женщина молодая и очень красивая; когда она обратилась съ просьбою о сынѣ къ директору полиціи Шахеръ-Мазоху (отцу современнаго писателя), то онъ осыпалъ ее любезностями и комплиментами, увѣряя, что быть не можетъ, чтобы такая молодая и красивая женщина могла быть матерью столь взрослаго и преступнаго сына; также неуспѣшны были хлопоты матери у начальника губерніи Криге, котораго можно назвать типомъ нѣмецкихъ чиновниковъ, управлявшихъ въ то время Галиціей. Профессоръ Татцауеръ вѣрно обрисовалъ губернатора въ стихотвореніи, въ которомъ война изображалась въ образѣ человѣка. Цензура какъ-то просмотрѣла и пропустила это стихотвореніе, но при чтеніи стиховъ:

„Es lebe der Frieden, es sterbe der Krieg!
Sehet auf dieses grinsende Gerippe!“

(Да здравствуетъ миръ, да погибнетъ война. Взгляните на этотъ скрежещущій скелетъ), всякій узнавалъ фигуру губернатора.

Шестимѣсячное заключеніе по приговору суда не было уже такъ тяжело для Шайнохи, какъ предварительное заключеніе, во время слѣдствія: кормили лучше, сняли цѣпи, чрезъ нѣсколько дней разрѣшалась часовая прогулка въ садикѣ, по дорожкѣ въ тридцать шаговъ длины; изъ книгъ дозволялись: грамматики, лексиконы и сочиненія, предварительно одобренныя начальствомъ, дозволялись даже газеты за 1812 годъ. Въ тюрьмѣ Шайноха окончательно изучилъ новые языки и въ томъ числѣ испанскій, что и помогло ему впослѣдствіи произвести ученое розысканіе о славянахъ въ Андалузіи.

„Тюрьма, говорилъ впослѣдствіи Шайноха, пріучила меня къ терпѣнію и научила мириться со всѣми невзгодами жизни“. Но если тюрьма укрѣпила въ немъ волю и силу характера, то изъ нея вынесъ Шайноха зародышъ будущихъ болѣзней. Судьба, казалось, хотѣла заранѣе пріучить этого человѣка къ терпѣнію, готовя ему въ жизни всякаго рода борьбу и лишенія.

Дѣйствительно, нужно было имѣть необыкновенную силу воли и мужество, чтобы пройти безъ ропота тотъ жизненный путь, который прошелъ Шайноха. Къ нему лучше всего идутъ его же слова, сказанныя имъ въ утѣшеніе другу, лишившемуся любимой жены: „въ возвышенныя души, какъ и въ высокостоящіе предметы, чаще всего ударяютъ громы“.

Въ концѣ іюня 1837 года, девятнадцатилѣтній Шайноха вышелъ на свободу. Въ эти годы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ легко залечиваются раны. Мысль, что счастье и несчастья подобно приливу и отливу морскому попеременно приливаютъ къ берегу, давала надежду Шайнохѣ, что послѣ тяжелыхъ испытаній его ожидаютъ на-

конецъ болѣе свѣтлыя минуты въ жизни. Съ такимъ чувствомъ спѣшилъ онъ въ домъ родителей, но увы, мать, принявъ въ объятья любимаго сына среди слезъ и рыданій, объявила, что отецъ лишился мѣста, содержался подъ арестомъ и съ горя умеръ; что сама она проиграла процесъ, обѣднѣла и должна содержать семейство выручкою изъ аренды скромнаго помѣстья; что наконецъ съ сына сняты лишь цѣпи, но не возвращена ему нравственная свобода: онъ не имѣетъ права проживать ни въ столицѣ, ни во Львовѣ, не имѣетъ права поступить на службу или въ какое либо высшее заведеніе для окончательнаго образованія.

Казалось, что изобрѣтательность враждебной нашему герою судьбы, должна была наконецъ исчерпаться въ пріисканіи новыхъ ударовъ. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Сестра Шайнохи заболѣла и умерла въ умопомѣшательствѣ; младшій братъ Августъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Конечно, всѣ эти несчастія случились не вдругъ, но постепенно, съ систематическою послѣдовательностію.

Шайноха по своей натурѣ не могъ долго оставаться въ деревнѣ. Умъ его требовалъ работы, пищи; мать и семья нуждались въ его помощи. Шайноха просилъ начальство дозволить ему поступить въ университетъ для изученія хиругіи; на это прошеніе послѣдовалъ положительный отказъ; пришлось приняться за сельское хозяйство, а къ этому у Шайнохи не было ни малѣйшей склонности, ни охоты.

Между тѣмъ въ Галиціи и во всей имперіи, страдавшей подъ гнетомъ Меттерниховской системы, повсюду образовались тайныя общества; въ Галиціи составилось общество „Новая Сарматія“, въ которомъ принимали участіе извѣстный въ Галиціи Смолка и нынѣшній министръ Земялковскій. Нашлись пріятели которые старались вовлечь въ общество и Шайноху. Онъ вступилъ въ сношенія съ членами общества, но чтобы скрыть это отъ матери, видѣлся съ ними въ городѣ, въ полѣ, въ лѣсу, или же велъ съ ними секретную переписку. Прозорливъ былъ однако глазъ матери; она, какъ насѣдка, зорко слѣдила за появленіемъ ворона изъ подъ облака. Ея материнское сердце тревожила мысль, что сынъ неизбѣжно вновь очутится въ тюрьмѣ кармелитовъ, да еще при болѣе тяжкихъ обвиненіяхъ; она рѣшилась объясниться съ нимъ и успѣла на столько, что сынъ отказался принимать участіе въ какихъ-бы то ни было политическихъ заговорахъ; но въ то же время, вопреки правительственному запрещенію, онъ рѣшился ѣхать въ Львовъ искать средствъ къ жизни и проложить себѣ дорогу. Съ пути онъ писалъ матери: „Прошу тебя, маменька, не безпокойся обо мнѣ; твои тревоги и заботы волнуютъ меня, а при такихъ условіяхъ я не въ силахъ идти спокойно и разумно къ избранной цѣли... Любовь твоя ко мнѣ и вѣра твоя въ мое благоразуміе подкрѣпили и отрезвили мой умъ. Я съ своей стороны даю тебѣ слово, что не сдѣлаю никакого поступка, который былъ-бы причиною новыхъ для тебя страданій“.

Поселившись во Львовѣ, Шайноха прежде всего думалъ жить литературнымъ трудомъ. Въ то время за литературные труды платили очень скудно, даже лицамъ пользовавшимся извѣстностію; оставалось одно средство—искать частныхъ уроковъ и бѣгать по городу, озираясь во всѣ стороны, чтобы не быть захваченнымъ полиціей. „Весь день, писалъ Шайноха,—приходилось бѣгать по урокамъ, получая за урокъ по нѣсколько грошей, или же переводить поварскія книги для книгопродавцевъ за самое ничтожное вознагражденіе“. Въ этомъ критическомъ положеніи помогъ Шайнохѣ бывшій его школьный товарищъ Рудковскій; онъ рекомендовалъ Шайноху своему отцу, который искалъ учителя исторіи для сына и дочери. Шайноха занялся дѣломъ съ свойственнымъ ему усердіемъ и ученики его сдѣлали такіе блестящіе успѣхи, что отецъ пригласилъ къ экзамену Фредра, извѣстнаго драматическаго писателя и графа Скарбека. Добросовѣстный трудъ и познанія преподавателя, равно какъ и блестящіе успѣхи воспитанниковъ, были оцѣнены по достоинству. Шайноха получилъ извѣстность, заручился знакомствомъ и покровительствомъ сильныхъ, а затѣмъ и полиція стала смотрѣть снисходительно на пребываніе его во Львовѣ и выдавала ему срочные билеты на жительство.

Бѣгая весь день по урокамъ, Шайноха спѣшилъ въ свою квартиру, которая находилась за городомъ, вдали отъ городского шума. Это былъ домикъ, осѣненный липами, березами и бузиною; квартира состояла изъ одной комнаты съ глинянымъ поломъ; въ ней была скромная мебель и огромный столъ, заваленный книгами и рукописями. Лѣтомъ, въ каникулярное время, Шайноха обыкновенно отправлялся въ деревню, въ имѣніе Рудковскихъ; вставалъ рано, до восхода солнца, и ходилъ въ паркѣ съ книгою по одному и тому же направленію, такъ что протопталъ торную тропу, которую прозвали „дорожкою Шайнохи“.

„Я здоровъ, писалъ въ это время Шайноха матери, и весьма пріятно провожу время въ моей комнатѣ; я счастливъ, когда остаюсь одинъ и могу читать и работать; всѣ меня называютъ отшельникомъ, а я сижу себѣ въ своемъ уединеніи, учусь и читаю. Къ вамъ, маменька, постараюсь пріѣхать, но при двухъ условіяхъ: первое, чтобы при домикѣ былъ непремѣнно садикъ, а во вторыхъ, чтобы вы меня избавили отъ свиданія съ вашими знакомыми“.

Педагогическая дѣятельность тяготила Шайноху; она отрывала его отъ ученыхъ занятій и разстраивала его здоровье; при всемъ томъ всю жизнь онъ не могъ избавиться отъ учительской обязанности; даже и тогда, когда онъ уже былъ слѣпъ, читалъ лекціи сыновьямъ своего благодѣтеля и друга графа Дзѣдушицкаго и не могъ отбиться отъ предложеній великосвѣтскихъ дамъ, которыя, не столько по убѣжденію, сколько изъ моды, желали чтобы ихъ взрослыя дочери взяли хотя нѣсколько уроковъ у знаменитаго историка. Эти назойливыя предложенія не давали покоя ученому слѣпцу. „Вы знаете, маменька, пи-

салъ Шайноха, мое отвращеніе къ рабскому труду педагога; это занятіе раздражаетъ мои разстроенные нервы; я испытываю постоянные приливы къ головѣ, которые такъ вредно отзываются на моемъ постепенно угасающемъ зрѣніи".

Шайноха не имѣлъ обыкновенія помѣчать чиселъ ни на своихъ письмахъ, ни на своихъ произведеніяхъ, и потому очень трудно соблюсти послѣдовательность въ его жизни и указать время появленія въ свѣтъ его произведеній. Несомнѣнно, что до 1843 года имя его мало было извѣстно въ литературѣ, хотя ранѣе этого года Шайноха писалъ стихи, повѣсти и драматическія пьэсы: нѣкоторыя изъ послѣднихъ появились на сценѣ. Шайноха крайне строго относился къ своимъ произведеніямъ: многія долго лежали въ портфелѣ и потомъ сожигались; по словамъ лицъ близко знавшихъ Шайноху, онъ сжегъ нѣсколько драматическихъ произведеній, не лишенныхъ высокихъ, поэтическихъ достоинствъ; такъ сожжены: разсказъ о Коссовской битвѣ, исторія Греціи и Рима въ поэтическихъ разсказахъ безъ хронологіи; Шайноха считалъ хронологію отдѣльною наукою и совѣтовалъ изучать ее отдѣльно, когда въ умѣ воспитанника запечатлится общая картина жизни народа. Какъ бы то ни было, но въ 1843 году имя Шайноха сдѣлалось уже извѣстнымъ читающей публикѣ. Редакція Львовской Газеты пригласила Шайноху принять участіе въ этомъ изданіи. Онъ обязался еженедѣльно доставлять въ редакцію печатный листъ убористаго шрифта для еженедѣльнаго прибавленія къ газетѣ. Редакція требовала отъ него интересныхъ анекдотовъ, повѣстей и эффектныхъ сценъ изъ уголовныхъ процессовъ; за этотъ трудъ полагалось жалованье въ годъ 400 ренскихъ злотыхъ, что составляло около 240 рублей. Такое скромное вознагражденіе привело въ восторгъ Шайноху. Заручившись опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ пересталъ гоняться за грошевыми уроками, находилъ болѣе свободнаго времени для кабинетныхъ занятій; да и самая работа въ редакціи болѣе соотвѣтствовала его призванію. „Волею, неволею, писалъ онъ матери, я долженъ разстаться съ моей уединенной жизнію, заводить знакомства, посѣщать литературные вечера. Изъ всѣхъ знакомствъ болѣе всего доволенъ знакомствомъ съ поэтомъ Полемъ. Замѣтьте, маменька, что пишу эти строки съ сигарою въ зубахъ и кромѣ обѣда у меня найдется свободная деньга̀ для удовлетворенія моихъ скромныхъ прихотей; выйдетъ ли изъ всего этого что-нибудь для меня хорошее, сомнѣваюсь; впрочемъ, поживемъ, увидимъ".

Въ Львовской Газетѣ работалъ Шайноха до 1847 года, т. е. до времени, когда правительство сочло нужнымъ изъять газету изъ частныхъ рукъ и принять ее въ свое завѣдываніе; въ это время Поль сдѣлался редакторомъ журнала, издаваемаго при публичной библіотекѣ имени Оссолинскихъ. Поль далъ новое направленіе журналу оживилъ его, пригласивъ къ участію молодыя силы; Шайноха занялъ въ журналѣ видное мѣсто. Съ этихъ поръ стали постепенно являться

его историческіе этюды. Онъ сталъ на твердую почву, шелъ твердыми шагами впередъ и обогатилъ польскую литературу художественными изображеніями историческихъ дѣятелей. Конечно многое сдѣлано для исторіи Шайнохою, и было бы сдѣлано больше, если бы болѣзнь и затѣмъ смерть не свели его такъ рано въ могилу. Не буду утомлять читателей перечнемъ всего, что вышло изъ-подъ пера Шайнохи; укажу только на болѣе выдающіяся произведенія, придерживаясь по возможности хронологическаго порядка ихъ появленія. Къ концу сороковыхъ годовъ были уже написаны Шайнохою: поэма „Янъ III въ соборѣ св. Стефана“, „Исторія народовъ славянскихъ“, „Эпоха перваго возрожденія Польши“, „Состояніе Европы въ концѣ XIV вѣка, „Казиміръ Великій“, драмы: „Юрій Любомірскій“ и „Болеславъ Храбрый“.

Появленіе въ печати „Болеслава Храбраго“ отдѣльнымъ изданіемъ, можетъ служить характеристикою, какъ самаго Шайноха, такъ и книгопродавца Вильда. Въ концѣ 1848 года, Шайноха, будучи вовсе незнакомъ съ книгопродавцемъ Вильдомъ, явился къ нему съ предложеніемъ напечатать его историческій трудъ: „Болеславъ Храбрый“. Вильдъ пересмотрѣлъ трудъ и спросилъ автора, явившагося въ назначенный день за отвѣтомъ:

— Сколько желаете получить за вашъ трудъ?

— Сколько дадите, отвѣчалъ Шайноха.

— Могу вамъ дать 50 ренскихъ злотыхъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Шайноха.

Съ тѣхъ поръ завязалась между авторомъ и издателемъ самая тѣсная дружба. Переговоры между ними велись въ обратномъ отношеніи, т. е. издатель всегда давалъ, больше нежели запрашивалъ авторъ; за то когда Шайноха пользовался уже большою извѣстностью— напрасно книгопродавцы Вольфъ, Гликсбергъ и другіе предлагали ему свои издательскія услуги: Шайноха на отрѣзъ отказывалъ всѣмъ и имѣлъ дѣло исключительно съ Вильдомъ.

Темныя тучи, повисшія надъ Шайнохою съ дѣтства до 24 лѣтъ жизни, начали, казалось, рѣдѣть, горизонтъ прояснился; такой человѣкъ какъ Шайноха могъ мириться съ такими скромными условіями жизни, и считать себя счастливымъ.

„Я теперь покоенъ и счастливъ, пишетъ онъ къ матери, имѣю возможность трудиться“.

Вотъ какой образъ жизни велъ тогда Шайноха; обыкновенно съ вечера онъ ложился спать, и вставалъ въ 12 часовъ ночи. Подъ квартирою его помѣстился сапожникъ; стукъ молотка сапожника мѣшалъ заниматься историку; слухъ Шайнохи, вслѣдствіе раздраженія нервъ, былъ такъ впечатлителенъ, что малѣйшій шумъ отвлекалъ его; пока стучалъ молотокъ, Шайноха ложился отдыхать; въ 12 часовъ, когда утихалъ молотъ сапожника, историкъ вставалъ работать, и работалъ до обѣда; только послѣ обѣда онъ прекращалъ трудиться,

читалъ обыкновенно Вальтеръ-Скотта и затѣмъ отправлялся на прогулку, избирая мѣста болѣе уединенныя. Такимъ образомъ Шайноха ночь обращалъ въ день, а день въ ночь; этимъ онъ разстраивалъ здоровье и зрѣніе, такъ что въ то время могъ читать только въ очкахъ и при сильномъ освѣщеніи.

Какъ ни поглощала наука нашего ученаго историка, въ немъ однако не переставало биться человѣческое сердце и заявляло свои права на жизнь. Онъ полюбилъ достойную дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью. Съ полученіемъ мѣста надѣялся онъ получить согласіе отца дѣвушки на бракъ. Поэтому Шайноха желалъ найти опредѣленное положеніе въ свѣтѣ, занять оффиціальную должность при библіотекѣ Оссолинскихъ и заручившись средствами къ жизни, жениться.

Для полученія мѣста при библіотекѣ нужно было представить на конкурсъ какое нибудь ученое сочиненіе. Съ одушевленіемъ работалъ молодой человѣкъ надъ такимъ сочиненіемъ. Въ это время онъ писалъ къ матери:

„Стремлюсь къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній, но вполнѣ увѣренъ, что мечты мои не осуществятся. Такъ думаю, и вѣрно такъ оно и будетъ: судьба никогда не баловала меня, навѣрно не пощадитъ и въ настоящемъ случаѣ; но я снесу ударъ безъ ропота и жалобъ“.

Предсказанія Шайнохи сбылись. Правительство не дало мѣста человѣку, неблагонадежному въ политическомъ отношеніи; отецъ дѣвицы отказалъ дать согласіе на бракъ дочери съ бѣднымъ труженикомъ. Скорбь души своей излилъ Шайноха въ поэтическомъ посланіи къ матери, о которомъ мы сказали выше.

Мать не менѣе сына была пріучена къ неудачамъ въ жизни. Она старалась успокоить его, но чувствуя постепенный упадокъ силъ своихъ и здоровья, совѣтовала сыну искать себѣ подругу жизни, выражаясь „чтобы послѣ моей смерти было около тебя существо, любящее тебя“.

Время шло и сынъ, убѣждаясь въ разумности совѣтовъ матери, писалъ къ ней: „Желанія ваши въ теченіи этого года должны исполниться. Одинокая жизнь мнѣ надоѣла, и я хоть и привыкъ къ свободѣ и самостоятельной жизни, но, по примѣру всѣхъ смертныхъ, намѣренъ жениться; прошу васъ только ко дню свадьбы быть совершенно здоровой. Приступаю къ этому дѣлу съ полнымъ хладнокровіемъ, безъ всякой, свойственной этому состоянію, экзальтаціи и увлеченія. Моя суженая красива, образована, трудолюбива, бѣдна и молода; но болѣе всего меня влечетъ къ ней ея круглое сиротство и одиночество. Это ея сиротство дороже мнѣ ума, красоты и всѣхъ ея несомнѣнныхъ качествъ; если правду сказать, то я одинаково покоенъ и равнодушенъ къ ней, при ней и безъ нея“.

И этимъ желаніямъ Шайнохи не суждено было исполниться,— невѣста заболѣла и вскорѣ скончалась.

Среди всѣхъ неудачь, Шайноха не падалъ духомъ, работалъ въ двухъ газетахъ, рылся въ архивахъ и продолжалъ свои кабинетныя занятія, обогатившія впослѣдствіи польскую исторіографію. Къ этому времени относится письмо его къ Рыльскому, которое заслуживаетъ нашего вниманія въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ со взглядомъ Шайнохи на дѣло обученія молодежи.

„Намѣреніе твое — пишетъ Шайноха — представить всю исторію Польши въ краткихъ по объему, богатыхъ по содержанію, рельефныхъ по изложенію, очеркахъ и въ хронологическомъ порядкѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія. Я самъ думалъ, когда-то, написать въ этомъ духѣ учебникъ исторіи, и около десяти печатныхъ листовъ, изготовленные мною къ печати, лежатъ до сихъ поръ въ моемъ портфелѣ. Спрашиваю тебя, почему юноша, которому въ теченіи 10 и 15 лѣтъ набиваютъ голову массою фактовъ и отрывочныхъ свѣдѣній изъ всѣхъ возможныхъ наукъ, выходитъ въ концѣ концовъ въ свѣтъ безъ всякаго разумнаго знанія, безъ всякой любви къ наукѣ? Отвѣтъ на это весьма простъ; преподаваніе всѣхъ наукъ въ школахъ идетъ до сихъ поръ схоластическимъ путемъ. Зазубриваются факты безъ системы, они не проникнуты философскою мыслію, не согрѣты чувствомъ и живымъ изложеніемъ; мысль сохнетъ подъ бременемъ словъ, фразъ, безжизненныхъ истинъ, убивая въ юношѣ всякую самодѣятельность и любознательность. Учебникъ исторіи, богатый содержаніемъ и рельефнымъ изложеніемъ, дастъ богатый матерьялъ для самодѣятельности мысли, развитія ума и любознательности въ юношѣ.

„Въ добрый часъ! продолжай начатое дѣло и будь увѣренъ, что дѣти твои и дѣти всей земли скажутъ тебѣ великое спасибо“.

Мы довели біографію Шайнохи до 1848 года, съ котораго начинается новая эпоха его жизни, болѣе богатая по содержанію, но столько же обильная страданіями, хотя и съ мимолетнымъ проблескомъ счастья. Революціонное движеніе 1848 года, единовременно и единодушно потрясло государственный и соціальный строй государствъ Западной Европы; съ необыкновенной силой оно проявилось и въ разноплеменной Австрійской имперіи и ея столицѣ, гдѣ прежде создалась Метерниховская система реакціонныхъ мѣръ, враждебныхъ прогресу и свободѣ. Движеніе, охватившее отдѣльныя личности и народныя массы, не могло не коснуться Шайнохи и выдвинуло его какъ публициста на сцену политической дѣятельности. Во все время революціоннаго движенія въ Австріи, Шайноха стоялъ во главѣ редакціи польской газеты „Недѣля“—„Tygodnik Polski“. Три капитальныя личности въ польской литературѣ: Шайноха, Балинскій, (извѣстный своими историческими трудами) и поэтъ Уейскій согласились издавать газету подъ заглавіемъ „Крестъ и Мечь“.

Вмѣсто газеты, въ ночь, послѣ бомбардировки города Львова австрійскими войсками, явились только стихи Уейскаго подъ этимъ же заглавіемъ.

Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Австріи положило конецъ революціонному движенію въ имперіи Габсбурговъ; но Шайноха, въ издаваемой имъ газетѣ, имѣлъ достаточно времени высказать свое confession de foi. Мы не будемъ вдаваться въ критическій разборъ политическимъ воззрѣній Шайнохи, выступившаго изъ скромной арены ученаго на арену политической жизни; изложимъ лишь краткое содержаніе его взглядовъ, высказанныхъ въ газетѣ, предоставивъ каждому дѣлать свои заключенія о Шайнохѣ, какъ о публицистѣ. Сдѣлавшись редакторомъ газеты, Шайноха писалъ матери:

„Часъ отъ часу у меня менѣе и менѣе остается свободнаго времени. Кромѣ редакторства несу службу солдата. Третьяго дня цѣлую ночь простоялъ на часахъ у воротъ зданія библіотеки Оссолинскихъ; вчера участвовалъ въ ученіи на городской площади, а сегодня былъ на плацу предъ ратушою, въ которой подъ ружьемъ разыграется первый актъ нашей публичной жизни“.

Спустя нѣкоторое время, Шайноха извѣщаетъ мать, что хотя онъ избранъ въ члены городскаго совѣта, но отказался отъ этой чести, „иначе пришлось бы волею, неволею, соглашаться со многимъ, что противно моему убѣжденію, пришлось бы терять понапрасну время, а время и свобода убѣжденій дороже всего на свѣтѣ“. „Не трудно предвидѣть, что достопочтенная реакція вскорѣ опрокинетъ всѣ эти конституціонныя затѣи“, кончаетъ свое письмо Шайноха.

Отказавшись отъ фактическаго участія въ политическихъ событіяхъ, Шайноха выступаетъ въ газетѣ, какъ публицистъ, съ цѣлію руководить общественнымъ мнѣніемъ страны. Онъ проповѣдуетъ умѣренность, сдержанность и уравненіе правъ сословій. Онъ глубоко вѣруетъ въ успѣхъ праваго дѣла народовъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, если они будутъ идти къ цѣли подъ этимъ знаменемъ.

„Не допустимъ, говоритъ Шайноха, чтобы къ здоровымъ корнямъ нашей народной жизни, къ нашему земству, честно служившему въ прошедшемъ и настоящемъ, стали прививаться тлетворныя, демагогическія начала“.

Въ повѣсти „Баричъ и крестьянка“ Шайноха проводитъ такіе взгляды, что простой народъ, сближаясь и смѣшиваясь съ высшими слоями общества, утрачиваетъ лишь черты народнаго духа, вѣрованій и преданій, и взамѣнъ ихъ усваиваетъ пороки цивилизованнаго общества, не воспринимая въ то же время лучшихъ элементовъ культуры. Стремленіе прыгать изъ холоповъ въ князья и обратно—есть вѣрное доказательство потери любви къ свободѣ. Должно достигать свободы и благоденствія личнаго, сословнаго и общественнаго, не выходя изъ своего круга. Въ истинно просвѣщенномъ и свободномъ обществѣ, гдѣ существуетъ полная свобода и равенство предъ закономъ, всякій на своемъ мѣстѣ гордится своимъ положеніемъ и, не выходя изъ него, завоевываетъ имя, значеніе, славу и состояніе.

Въ спорѣ между руссинами и поляками въ Галиціи, Шайноха со-

вѣтуетъ полякамъ дать руссинамъ полную возможность пользоваться законною свободою и въ этомъ смыслѣ сдѣлать ихъ желаніямъ всевозможныя уступки.

Воззрѣнія Шайнохи на вопросъ обще-славянскій представляютъ какое то колебаніе въ убѣжденіяхъ. Съ одной стороны онъ глубоко сочувствуетъ дѣлу славянъ,—съ другой, при мысли о единодушномъ движеніи славянъ къ разрѣшенію славянскаго вопроса, у Шайнохи является сомнѣніе: онъ не ожидаетъ благихъ результатовъ въ случаѣ успѣха панславизма. Когда франкфуртскій сеймъ опредѣлилъ включить Познань въ число нѣмецкихъ земель, Шайноха, ссылаясь на судъ исторіи, требовалъ, чтобы славянамъ были возвращены ихъ родовыя земли до столбовъ Болеслава Храбраго, такъ какъ земли эти не законно захвачены нѣмецкимъ оружіемъ; но въ то же время панславизмъ казался ему дѣломъ враждебнымъ цивилизаціи. По его словамъ:—„торжество панславизма въ Европѣ, повернуло бы цивилизацію человѣчества къ началу среднихъ вѣковъ, когда греко-римская цивилизація стерта была варварами германскаго племени".—„Потребовалось бы, говоритъ онъ, много вѣковъ для того, чтобы изъ этого хаоса возникъ фениксъ новой цивилизаціи человѣчества и потому не совѣтую брататься съ славянскимъ или вѣрнѣе, чешско-кроатскимъ движеніемъ".

Вслѣдствіе такихъ убѣжденій, Шайноха, подъ предлогомъ глазной болѣзни, отказался принять личное участіе въ съѣздѣ славянъ въ Прагѣ; но выражалъ желаніе ввести въ земляхъ католическихъ славянъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, такъ какъ этотъ языкъ былъ искони языкомъ богослужебнымъ у всѣхъ славянъ и на немъ долго совершалось богослуженіе въ Краковѣ.

Затѣмъ Шайноха писалъ въ своей газетѣ:

„Мы должны оставаться вѣрными идеямъ романскаго запада; нашъ долгъ не разрывать связи съ нашимъ прошедшимъ, тѣсно связаннымъ съ католицизмомъ".

Шайноха отдаетъ полную справедливость многимъ прекраснымъ качествамъ, присущимъ нѣмецкой націи; преклоняется передъ нѣмецкимъ трудолюбіемъ, стойкостью, любовью къ наукѣ, которая такъ много обязана нѣмецкому уму, создавшему научную систему во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія; но онъ признаетъ сухость нѣмецкой мысли, убившей всякое воодушевленіе, этотъ деспотизмъ въ области знанія, въ силу котораго всякій нѣмецъ вѣритъ, что если не всякій нѣмецъ великій человѣкъ въ мірѣ. то всякій великій человѣкъ непремѣнно нѣмецъ. Въ Гегелѣ Шайноха видѣлъ апостола милитарной монархіи, колыбелью которой сдѣлается со временемъ Пруссія. Онъ считалъ средневѣковую католическую церковь, защитницею народной свободы противъ деспотизма свѣтской власти; онъ вооружался противъ реформаціи, которая по его мнѣнію, пріостановила общій ходъ просвѣщенія, создавъ въ теченіи цѣлаго вѣка ужасы междоусобныхъ и международныхъ политическихъ и рели-

гіозныхъ войнъ. Реформація, по мнѣнію Шайнохи, не внесла въ душу человѣчества новаго органическаго начала для прогресса; созданная ею религія есть по преимуществу религія разума; она вымираетъ отъ внутренней нищеты и исключительности; она не въ силахъ воспитывать человѣчества, котораго многіе члены коснѣютъ еще въ первобытномъ состояніи.

Не разумъ создаетъ религію; разумъ есть одинъ лишь изъ могучихъ органическихъ элементовъ религіи. Шайноху волнуетъ возрастающее торжество атеизма—плодъ нѣмецкой доктрины,—это право не вѣрить въ каждую вѣру и стремленіе поставить человѣка внѣ связи и зависимости отъ воли промысла. Система Метерниха, потрясенная въ своихъ основаніяхъ революціоннымъ движеніемъ, вновь воскресла. Хотя творецъ ея Метернихъ и сошелъ навсегда, ко благу человѣчества, съ поприща политическаго дѣятеля, но реакція по его системѣ вновь прибѣгла къ самымъ крутымъ репрессаліямъ.

При такомъ порядкѣ вещей, Шайноха, какъ публицистъ революціоннаго времени, хотя и самаго умѣреннаго направленія, долженъ былъ отказаться отъ должности редактора газеты. Пришлось опять добывать насущный хлѣбъ уроками. На этотъ разъ судьба благопріятствовала Шайнохѣ; ему пришлось снова принять на себя обязанности учителя и педагога, но при лучшей обстановкѣ. Нѣкто Якубовичъ, очень богатый землевладѣлецъ, уѣзжая съ женою за границу на продолжительное время, поручилъ Шайнохѣ воспитаніе своихъ двухъ сыновей на очень выгодныхъ условіяхъ. Шайноха отправился въ имѣніе Якубовича, гдѣ пользовался всѣми удобствами и комфортомъ деревенской жизни. Эта свободная и привольная жизнь благотворно подѣйствовала на его здоровье.

„Извѣщаю васъ, маменька, писалъ онъ, что живется отлично, я веселъ, нахожусь въ хорошемъ расположеніи духа, только въ родномъ домѣ я могъ бы найти такое спокойствіе".

Описывая пріятелю подробно весь свой образъ жизни въ деревнѣ, Шайноха прибавляетъ:

„Пользуемся свѣжимъ воздухомъ, находимся въ постоянномъ движеніи, такъ что ланиты мои расцвѣтаютъ и тучнѣютъ безпредѣльно".

У Шайнохи подъ руками не было архивовъ и библіотеки; умъ его, привыкшій къ дѣятельности, въ свободныя минуты отъ педагогическихъ занятій обращался къ воспоминаніямъ о прочитанномъ. Въ его творческомъ воображеніи воскресали историческія лица и онъ набрасывалъ ихъ эскизы въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ.

„Очерчиваю, писалъ Шайноха, личности Сигизмунда Августа и Ляха Гослицкаго, убитаго татарами, которые погружали въ кровь его свое оружіе и одежды, чтобы проникнуться его мужествомъ и силою. Пишу о польской канцеляріи гетмана Замойскаго, гдѣ не нашлось ни пера, ни чернилъ, когда пришлось заключить условія сдачи въ плѣнъ эрцъ-герцога Максимиліана, разбитаго подъ Бычиною: условія

сдачи, и подписи были тогда написаны карандашемъ. Пишу о туманахъ привислянскихъ, на которые жалуется въ своемъ сочиненіи нашъ астрономъ Коперникъ; они то омрачаютъ на польскомъ небѣ блескъ „Меркурія", а планета эта, по ученію астрологовъ, покровительствуетъ торговлѣ, гешефтамъ и наживѣ; поэтому то полякъ, не подчиняясь вліянію этой планеты, навсегда останется не способнымъ къ торговлѣ и наживѣ; онъ никогда не будетъ поклонникомъ золота, но будетъ мастеръ промотать, прожить его".

Образъ императора Сигизмунда I изъ дома Люксенбургскаго, такъ живо обрисованный Шайнохою въ его „Исторіи Ядвиги и Ягелло", носился тогда уже въ воображеніи нашего историка. Въ письмѣ къ пріятелю, въ видѣ вступленія, Шайноха рисуетъ слѣдующую сцену:

„12 іюля 1417 года, во время Констанскаго собора, предстали предъ лицомъ императора Сигизмунда на третейскій судъ, съ одной стороны польскіе послы, съ другой—рыцари меченосцы. Сигизмундъ, по словамъ очевидцевъ, былъ настоящій типъ Донъ-Кихота своего времени. При видѣ явившихся къ нему на судъ представителей двухъ не подвластныхъ ему народовъ, императоръ выросъ до небесъ и драпируясь въ признаки величія павлина, взиралъ на подсудимыхъ, какъ Зевсъ Громовержецъ, рѣшающій судьбу міра, боговъ и людей! Чтобы вполнѣ удовлетворить своему тщеславію, императоръ приступилъ къ дѣлу предложеніемъ такого вопроса подсудимымъ:

— Вы, представшіе предъ моимъ судомъ, признаете ли себя подчиненными священной римской имперіи?

Произнеся эти слова съ величавою важностію, Сигизмундъ, прежде всего за отвѣтомъ обратился къ посламъ польскимъ. Эти простодушные и прямые люди, смотрѣли съ удивленіемъ прямо въ глаза императору, пожимая плечами, и сказали:

— Сохрани насъ Богъ! Наши короли и нашъ народъ изъ вѣка въ вѣкъ не подвластны, не подчинены. Римскій императоръ для насъ добрый сосѣдъ и пріятель нашему королю.

— А когда такъ, ну такъ хорошо, отвѣчалъ ласково Сигизмундъ.

Императоръ былъ на сколько заносчивъ, на столько-же робокъ и по своей нервной впечатлительности уклонялся отъ такихъ людей, у которыхъ глаза горѣли отвагою, а на языкѣ была готовность дать смѣлый отвѣтъ. Императоръ обратился къ меченосцамъ:

— А вы, господа, что скажете? Наслышанъ я, что вы ловкіе плуты: папу вы увѣряете, что вы вассалы Римскаго императора; императору-же докладываете, что вамъ сузеренъ папа. Что-же наконецъ скажете на мой вопросъ?

— Мы, великій государь, началъ одинъ изъ меченосцевъ,—мы и папу и императора Римскаго и всѣ Богомъ установленныя власти одинаково чтимъ и уважаемъ и всѣмъ душевно рады служить и повиноваться кромѣ короля польскаго Владислава.

Императоръ ободрился. Горделивое величіе вновь засіяло на его

челѣ. Онъ принялъ прежнюю осанку, допустилъ меченосцевъ къ рукѣ и произнесъ:

— Das war eine kluge und liebe und heilige Antwort. Sie wird euch mehr trummen, als wenn ihr einen mächtigen Sieg gewonnen hättet". (Вотъ истинно благочестивый, поучительный отвѣтъ. Изъ этого отвѣта вамъ болѣе пользы, нежели отъ громкой побѣды).

Шайноха прожилъ въ деревнѣ въ теченіи почти цѣлаго 1849 года въ качествѣ учителя и воспитателя. Мы знаемъ, его нелюбовь къ педагогическому дѣлу; поэтому интересно знать какъ онъ его исполнялъ. Нести обязанность вопреки своему призванію и исполнять ее разумно и добросовѣстно — черта несомнѣнно человѣка съ сильною волею и чистою совѣстью. Послушаемъ отзывъ ученика его о своемъ учителѣ.

Вотъ что пишетъ Іосифъ Рудковскій, одинъ изъ первыхъ питомцевъ педагогической дѣятельности Шайнохи:

„Въ теченіи четырехъ лѣтъ, я бралъ у него уроки исторіи ежедневно по два часа; преподавалъ онъ ее какъ истинный знатокъ и артистъ своего дѣла".

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Шайноха пишетъ о своихъ занятіяхъ съ воспитанниками:

„По общему добровольному соглашенію съ воспитанниками, встаетъ въ 6 часовъ утра, въ 7 пьемъ кофе, затѣмъ слѣдуетъ кратковременная прогулка, послѣ которой садимся заниматься, жаль только, что всего на два или на три часа; такъ будемъ продолжать, пока не пресытимся деревенскими развлеченіями, а потомъ увеличимъ число учебныхъ часовъ; совмѣстное чтеніе избранныхъ сочиненій, игру въ шахматы и бесѣды научнаго содержанія я не считаю серіознымъ занятіемъ. Такимъ образомъ учимся не только по книгамъ, но и во время отдыха. Живемъ въ любви и согласіи, питомецъ мой радъ быть всегда со мною; послѣ кратковременной разлуки, чуть увидитъ меня, сейчасъ стремглавъ бѣжитъ ко мнѣ. Это меня радуетъ. Нужно замѣтить, что мальчикъ очень впечатлителенъ, нервнаго темперамента и склоненъ насмѣхаться надъ другими. Я стараюсь укрѣпить его волю и нервы, радуюсь, когда онъ старается побороть свои недостатки, сдерживаясь отъ вспыльчивости и склонности къ насмѣшкамъ. Такимъ образомъ ведемъ дѣло — укрѣпляемъ нашу волю съ помощію самодѣятельности и самообладанія".

Безпристрастная справедливость требуетъ однако-же замѣтить, что по словамъ ученика Шайнохи, Рудковскаго, учитель его нерѣдко выходилъ изъ терпѣнія и не шутя дралъ его за ухо, и тогда нижняя губа Шайнохи, изсохшая и блѣдная, дрожала и наливалась кровію. Не нужно упускать изъ вида, что педагогическія занятія Шайнохи съ Рудковскимъ были первымъ дебютомъ въ его учительской практикѣ, вскорѣ послѣ освобожденія его изъ тюрьмы. Шайноха былъ въ то время еще слишкомъ молодъ, притомъ раздраженъ и боленъ; мысли

его отрывались отъ скучныхъ занятій съ дѣтьми и неслись въ область отвлеченныхъ идеаловъ; при такихъ условіяхъ не удивительно, что невниманіе ученика выводило изъ терпѣнія педагога, не обладающаго ослинымъ терпѣніемъ—этимъ необходимымъ качествомъ для всякаго педагога.

Не смотря на всѣ удобства, Шайноха не могъ болѣе года оставаться въ деревнѣ, гдѣ за отсутствіемъ библіотеки и архива, долженъ былъ прервать свои ученыя занятія. Въ 1850 году онъ переѣхалъ во Львовъ. Въ это время Вильдъ сталъ издавать Львовскую Газету и предложилъ Шайнохѣ быть ея редакторомъ. Шайноха отказался отъ редакторства, но принималъ участіе въ газетѣ и помѣстилъ въ ней „Завоеваніе Червонной Руси Казиміромъ Великимъ“, „Жизнь св. Колумбана“ и статью „О современномъ направленіи польской поэзіи“.

Имя Шайнохи было уже извѣстно ученому міру. Краковскій университетъ избралъ его профессоромъ исторіи, но австрійское правительство не утвердило этого избранія. Шайноха отнесся къ этой неудачѣ, какъ къ обычному явленію въ его жизни; онъ занятъ былъ въ то время лучшимъ и самымъ обширнымъ трудомъ изъ всѣхъ его произведеній—„Исторіей Ядвиги и Ягелло“; но необходимость давать уроки или писать статьи для газетъ ради куска хлѣба, безпрерывно отрывали его отъ ученыхъ занятій, требовавшихъ свободнаго времени и сосредоточенности. Было на что досадовать и отъ чего приходить въ отчаяніе.

О такомъ критическомъ положеніи ученаго историка узналъ графъ Дзѣдушицкій, его старинный знакомый. Онъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Еще въ 1847 году графъ, желая помочь историку и дать ему возможность исключительно посвятить время на литературныя занятія, предложилъ Шайнохѣ заключить съ нимъ формальное условіе, состоявшее въ слѣдующемъ: историкъ обязуется ежегодно приготовить три тома къ печати; графъ за каждый томъ платитъ гонорара по 500 флориновъ, печатаетъ на свой счетъ и за выручкою затраченныхъ денегъ, остальная сумма отъ продажи сочиненій и самыя сочиненія остаются собственностію автора. Шайноха подписалъ условіе, но не въ силахъ былъ исполнить принятыя обязательства пунктуально, и скоро вынужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Въ настоящемъ положеніи Шайнохи, графъ вновь обратился къ нему съ своими услугами. На этотъ разъ онъ предложилъ ему переѣхать въ его имѣніе Неслухово, въ четырехъ миляхъ отъ Львова, и жить тамъ на всемъ графскомъ содержаніи. Такимъ образомъ у Шайнохи оказалась подъ рукою библіотека графа и сверхъ того онъ могъ ѣздить во Львовъ пользоваться тамошними библіотеками и видѣться съ учеными и литераторами.

Шайноха согласился, но съ условіемъ, что онъ будетъ преподавать уроки изъ языковъ и исторіи дѣтямъ графа.

Переселившись въ деревню, Шайноха писалъ матери:

„Я и мой хозяинъ прослыли за чудаковъ. Казалось, что два чудака вмѣстѣ не проживутъ и трехъ дней, а вышло на оборотъ; мы живемъ ладно, угождаемъ другъ другу, не стѣсняемъ одинъ другого. Мнѣ здѣсь привольно и спокойно; въ свободныя минуты всегда могу найти пріятную бесѣду, а пожелаю—всегда могу оставаться одинъ“.

Шайноха прожилъ въ деревнѣ слишкомъ два года, и приготовилъ къ печати два тома „Исторіи Ядвиги и Ягелло“, а затѣмъ возвратился въ Львовъ и сталъ издавать въ 1852 году научно-литературный журналъ подъ заглавіемъ „Dziennik Literacki“. Журналъ этотъ, какъ по разнообразію статей, такъ и по достоинству ихъ содержанія, могъ равняться съ лучшими журналами въ Европѣ; но Шайноха не нашелъ содѣйствія со стороны литераторовъ, ни сочувствія со стороны польской публики. Причина была въ томъ, что Шайноха сталъ въ разрѣзъ съ направленіемъ литературы и общественнаго мнѣнія.

Послѣ рокового возстанія 1830 года, польская литература въ теченіи двадцати лѣтъ представляла рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ исторіи. Мысль народная проявилась въ разнообразныхъ, своеобразныхъ, самостоятельныхъ произведеніяхъ. Въ каждой землѣ, входившей въ составъ бывшей Рѣчи Посполитой: въ Познани, Галиціи, Литвѣ, Украйнѣ и Царствѣ Польскомъ, высказался особый характеръ и особое направленіе польской литературы. Здѣсь не мѣсто ни входить въ объясненіе причинъ этого явленія, ни дѣлать его характеристики; мы здѣсь говоримъ только о совершившемся фактѣ. Каждая такая мѣстная литература, имѣла очень даровитыхъ представителей, но самые даровитые писатели польскіе, люди высокаго таланта, въ области творчества и науки, удалились на западъ—иные по необходимости, въ качествѣ эмигрантовъ, другіе добровольно. Тамъ, среди броженій умовъ, какъ на зыбяхъ океана вулканическій островъ, возникла колонія польской эмиграціи, туда поплыли изъ края огромные капиталы и лучшія молодыя польскія силы, весь цвѣтъ польской интеллигенціи.

Довольно указать на Лелевеля, Мицкевича, Залѣскаго, Славацкаго, Красинскаго—творца „Не божественной комедіи“.

Среди массы эмигрантовъ явился накопецъ Андрей Товьянскій.

Этотъ человѣкъ нуженъ былъ Мицкевичу—Мицкевичъ нуженъ былъ Товьянскому — они дополняли другъ друга. Мицкевичъ подчинился вліянію Товьянскаго и призналъ его пророкомъ на томъ основаніи, что и геніи бываютъ не разумны; мистицизмъ былъ потребностію натуры Мицкевича и сталъ такою же потребностію большей части эмигрантовъ по ихъ положенію.

Подъ вліяніемъ Мицкевича, литература за предѣлами родины приняла мистическое направленіе и это направленіе, не смотря на всѣ мѣры, принятыя цензурою и полиціею, проникло во всѣ углы польской земли. Польскій умъ былъ парализованъ и польская литература, какъ и вся общественная жизнь, въ общей сложности, пред-

ставляла болѣзненныя явленія, не смотря на временные проблески здраваго смысла. Противъ такого направленія выступилъ въ своемъ журналѣ Шайноха. Онъ осмѣялъ Дашкевича, который, какъ другъ и сотоварищъ Мицкевича, считалъ своею обязанностію выяснить настоящій смыслъ и значеніе мессіанизма.

„Нужно намъ, прежде всего, говоритъ Шайноха, отказаться отъ погони за недосягаемыми идеалами, стать на твердую почву, выработать характеръ и силу воли, успокоить нервы общественнаго мнѣнія, приходящіе въ потрясеніе при малѣйшемъ скрипѣ дверей. Между тѣмъ въ литературѣ слышимъ или плачъ Іереміи, или мистическія бредни“.

Слезы и мечты, по словамъ Шайнохи, убаюкиваютъ лишь нервы и ведутъ общество къ усыпленію и застою; сарказмъ и критика явленій въ общественной жизни, возбуждаютъ энергію и даютъ толчекъ прогрессивному движенію. Для спасенія человѣка прибѣгаютъ къ ножу и ампутаціи, противъ болѣзней въ общественномъ организмѣ цѣлебной силой является сатира, сарказмъ и критика. Въ числѣ массы тлетворныхъ идей, разъѣдающихъ организмъ общественной жизни, пущенныхъ въ ходъ послѣдователя мессіанизма, было въ ходу слѣдущее ученіе Товьянскаго:

„Литва безъ торговли, безъ ремеслъ, безъ изобрѣтеній, нищаетъ, но за то не отдаетъ своей души, ея сердце свободно къ воспріятію закона Божія. Иные народы гордятся торговлей, богатствами, за то у нихъ нѣтъ души, она потеряна“.

Герои повѣстей, поэмъ и романовъ, явившіеся въ литературѣ, какъ носители этой сумазбродной мысли, встрѣтили въ критикѣ Шайнохи строгаго судью и порицателя. Въ теченіи цѣлаго года велъ онъ борьбу противъ зла, вкравшагося въ польскую жизнь и литературу и на немъ оправдались слова Писанія: „Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“.

„Все, что заключается въ журналѣ, пишетъ Шайноха пріятелю—особенно за пять послѣднихъ мѣсяцевъ, есть плодъ моего пера. Я долженъ былъ вести полемику, писать повѣсти, слѣдить за ходомъ литературы отечественной и иностранной, писать критики, привлекать и воодушевлять сотрудниковъ, которыхъ у насъ такъ мало, особенно безъ возможности платить за трудъ, и при маломъ числѣ подписчиковъ на журналъ. Въ началѣ года была еще поддержка со стороны нашихъ литераторовъ: но теперь я рѣшительно работаю одинъ, выбился изъ силъ, прекратилъ свои кабинетныя занятія и дай Богъ силъ довести дѣло до конца года. Прибавь къ этому, что при упадкѣ моего зрѣнія я могу работать только днемъ“.

Въ концѣ года Шайноха оставилъ редакцію журнала.

Два года, съ 1853 по 1855, принадлежатъ къ самымъ счастливымъ годамъ въ жизни Шайнохи; въ это время онъ получилъ офиціальное мѣсто при публичной библіотекѣ имени Оссолинскихъ, из-

далъ въ свѣтъ 3 тома „Исторіи Ядвиги и Ягелло", которая упрочила его славу и доставила чистой выручки 13,500 польскихъ злотыхъ; въ это же время Шайноха нашелъ и семейное счастіе, женившись на Бѣлинской, достойной особѣ. Но горе не любило на долго оставлять своего любимца въ покоѣ; вскорѣ онъ лишился матери и зрѣніе его такъ сильно угасало, что черты новорожденнаго своего сына онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ; затѣмъ насталъ самый тяжелый періодъ его жизни, продолжавшійся до самой могилы. Эти три момента жизни нашего историка составляютъ послѣдній актъ его жизненнаго поприща. Но сохранимъ послѣдовательность разсказа.

Бѣлевскій, ходатайствуя объ опредѣленіи Шайнохи директоромъ публичной библіотеки имени Оссолинскихъ, писалъ попечителю библіотеки, князю Юрію Любомірскому: „У всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ видныя общественныя должности вручаются людямъ извѣстнымъ въ литературѣ. У насъ на оборотъ; стоитъ сдѣлаться писателемъ, чтобы тѣмъ самымъ лишиться права на занятіе виднаго мѣста, даже въ учрежденіяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ учеными занятіями. Въ Англіи и Франціи каждый министръ прежде нежели занять этотъ постъ, былъ уже извѣстенъ въ литературѣ; такимъ образомъ, когда на западѣ политика и администрація находятся въ рукахъ людей науки, у насъ ихъ отстраняютъ не только отъ дѣлъ политики, но и мѣстъ, тѣсно связанныхъ съ ученостію, какъ напримѣръ завѣдываніе библіотекою".

6-го октября 1852 г. Шайноха подалъ прошеніе о своемъ опредѣленіи на должность. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, не смотря на сильныя ходатайства, не было отвѣта. Одни не хотѣли допустить къ должности человѣка „неблагонадежнаго въ политическомъ отношеніи", другіе не могли простить Шайнохѣ его обличеній въ дурномъ управленіи публичною библіотекою, напечатанныхъ въ журналѣ; наконецъ всѣ препятствія были устранены и 22-го января 1853 года Шайноха опредѣленъ исправляющимъ должность директора съ жалованьемъ 700 рен. зл. т. е. 420 руб.

Со свойственною ему любовію къ дѣлу и усердіемъ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ библіотеки. Нужно было составить каталоги по алфавитамъ, пересмотрѣть рукописи, предназначенныя къ печати, держать корректуру по лексикону Линде, наблюдать за перестройками въ зданіи и удовлетворять требованіямъ публики. Въ началѣ все это дѣло лежало на плечахъ одного Шайнохи, потомъ ему было дано пять помощниковъ. Въ отчетѣ попечителя о состояніи библіотеки за время управленія Шайнохи, выражена ему благодарность:

„Публичная библіотека, гласитъ отчетъ, приведена въ возможноотличное состояніе".

Какъ занятъ былъ въ это время Шайноха, видимъ изъ его письма къ матери:

„Въ два часа выхожу изъ библіотеки, обѣдаю въ отелѣ и въ это время читаю газеты, выкуриваю двѣ или три сигары, въ три часа являюсь домой, отъ четырехъ до восьми даю уроки, или отправляюсь на бесѣды къ знакомымъ, затѣмъ спѣшу домой на отдыхъ; встаю въ 4 часа утра и работаю дома до 9 часовъ утра".

Скоро обнаружились послѣдствія такихъ тяжелыхъ трудовъ. Чтеніе рукописей, корректура, архивная пыль, окончательно разстроили зрѣніе и нервы Шайнохи; сверхъ того у него появился сильный ревматизмъ. Шайноха просилъ отпуска для пользованія водами; отпускъ былъ данъ при слѣдующемъ отзывѣ начальства: „чтобы леченіе и отдыхъ возвратили здоровье и силы, которыхъ онъ не щадилъ для пользы учрежденія и науки".

Весною 1855 года умерла мать Шайнохи. Онъ писалъ по этому поводу къ одному изъ друзей:

„Богъ взялъ у тебя ребенка, а у меня взялъ то, чего мнѣ не далъ, что было моею собственностію прежде, чѣмъ дарована была мнѣ жизнь—Богъ взялъ у меня дорогую мать мою. Я начинаю новый періодъ жизни, періодъ грустнаго одиночества. Я упалъ духомъ, состарѣлся, какъ будто цѣлый вѣкъ прожилъ на свѣтѣ".

Пользуясь водами, Шайноха окончилъ третій томъ „Исторіи Ядвиги и Ягелло". Свобода, прекрасный воздухъ, купанье, укрѣпили его здоровье и возвратили ему бодрость духа. Находясь на водахъ, онъ писалъ книгопродавцу Вильду:

„Напечатаемъ Ядвигу и Ягелло въ 5000 экземплярахъ. Пушкинъ говоритъ: „блаженъ кто въ 30 лѣтъ женатъ, а въ 40 богатъ". Если мнѣ не удалось достигнуть перваго, авось наконецъ сдѣлаюсь богатымъ: мнѣ вѣдь нѣтъ еще сорока лѣтъ".

Мечты Шайнохи не сбылись; всю жизнь онъ оставался бѣднякомъ и почти на сороковомъ году женился. Объ этой женитьбѣ разскажемъ словами самаго Шайнохи.

„Прошло три или четыре года съ тѣхъ поръ, какъ передъ мною восхваляли дѣвушку, которой суждено было стать моею женою. Мнѣ особенно понравилось, по разсказамъ о ней, то спокойствіе, съ которымъ она переносила всѣ несчастія жизни. Личность съ такимъ характеромъ, подумалъ я про себя, по душѣ мнѣ; но долго не приходилось мнѣ встрѣтиться съ ней, и я уже забылъ о ней. Спустя полгода мнѣ случилось побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я могъ легко встрѣтиться съ моею суженою. Признаюсь, этаго я желалъ и въ душѣ радовался; встрѣтиться однако не пришлось и я опять забылъ о ней. Встрѣчаю въ одномъ домѣ мать съ дочерью. Мнѣ, ни съ того, ни съ сего, пришло въ голову, что это Бѣлинская; сблизившись, я сильно разочаровался въ ожиданіяхъ и досадовалъ на себя. Барышня была—существо весьма обыкновенное и по наружности и по качествамъ. Оказалось, я ошибся, — встрѣченная мною особа была вовсе не Бѣлинская. Опять прошло полгода. Мнѣ удалось, между тѣмъ, случайно

оказать услугу семейству Бѣлинскихъ и этимъ открывалась возможность познакомиться; но я устыдился этой мысли, какъ будто за услугу я ищу награды и добиваюсь благодарности и знакомства: я уклонился отъ знакомства и забылъ о моей суженой. Пріѣхавши на воды, вдругъ слышу, что появилась на водахъ красавица, по фамиліи Бѣлинская со своимъ опекуномъ, а моимъ другомъ Валевскимъ. Я познакомился, спустя двѣ недѣли сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Невѣста моя красива, но не красавица, весела, остроумна, нельзя назвать ее ученою; немного горда, но натура любящая и способная спокойно перенести всѣ невзгоды жизни".

Женившись, Шайноха сознавалъ, что семейная жизнь требуетъ больше средствъ. Сверхъ прежнихъ занятій онъ принялъ участіе въ одной газетѣ и въ теченіи 1856 года поставилъ ее на ноги. Трудъ и семейная жизнь дѣлали его вполнѣ счастливымъ.

„Въ Польшѣ—говаривалъ въ то время Шайноха—весна бываетъ обыкновенно холодна, она лишена той мягкости и прелести, какую замѣчаютъ въ другихъ странахъ; за то осень нигдѣ не бываетъ такъ хороша, какъ въ нашей странѣ. Не похожа ли жизнь моя на климатъ моего отечества"?

Не долго, однако, пришлось нашему историку пользоваться свѣтлыми днями счастія; вскорѣ настала осень, но не свѣтлая и теплая, а сумрачная и темная, какъ бываетъ ночь осенняя. 25 мая 1857 г. Шайноха долженъ былъ просить четырехъ-мѣсячнаго отпуска вслѣдствіе болѣзни глазъ. Онъ отправился въ Брюссель, гдѣ былъ съѣздъ окулистовъ. Всѣ европейскія знаменитости осмотрѣли глаза Шайнохи и пришли къ заключенію, что время упущено, нѣтъ никакихъ средствъ спасти угасающее зрѣніе; остается одно — укрѣпить разстроенные нервы морскими купаніями.

Тяжелы были минуты жизни Шайнохи въ Брюсселѣ; онъ находилъ единственную отраду въ знакомствѣ съ Лелевелемъ и томъ сочувствіи, какими окружили его всѣ знаменитости — не только соотечественники, но и чужіе; эмигранты, проживающіе въ Парижѣ, приглашали Шайноху въ столицу Франціи, къ славившемуся тогда окулисту изъ эмигрантовъ, но Шайноха отказался; онъ не любилъ Парижа и Варшавы. Побывавъ въ Остенде и въ Эмсѣ, онъ возвратился въ Галицію. Пришлось 30 декабря 1857 года подать въ отставку, которая послѣдовала вскорѣ съ назначеніемъ въ пенсію, половины получаемаго жалованья, т. е. 220 р. На эти средства жить больному и семейному человѣку не было возможности. Графъ Дзядушицкій просилъ его принять отъ него другую половину получаемаго жалованья пожизненно; Шайноха согласился, но съ тѣмъ, чтобы читать лекціи исторіи дѣтямъ графа.

Въ 1859 году Шайноха едва видѣлъ однимъ глазомъ, а въ 1861 г. ослѣпъ окончательно и въ такомъ состояніи прожилъ еще семь лѣтъ. Въ теченіи одинадцати лѣтъ своей слѣпой жизни, Шайноха не пе-

реставалъ трудиться, пользуясь воспоминаніями изъ прочитаннаго прежде, или слушая чтеніе жены и нанятыхъ чтецовъ. Многіе изъ студентовъ университета и люди ученые спѣшили къ нему съ предложеніемъ безвозмездныхъ услугъ, но часто попадались изъ наемныхъ чтецовъ такіе, которые своимъ невѣжествомъ мучили ученаго слѣпца. Шайноха, пока владѣлъ руками, писалъ съ помощію простого снаряда: на доску, замкнутую съ трехъ сторонъ замками, накладывался листъ бумаги, сверхъ листа клались линейки въ ровномъ другъ отъ друга разстояніи; первая линейка снималась и по обнаруженной полосѣ бумаги писалось удобно до предѣловъ рамки, затѣмъ снималась другая линейка и т. д. Письмо выходило четкое, а иногда попадалось одно слово на другомъ или буква на буквѣ. Листъ перечитывался, исправлялся и переписывался. Шайноха работалъ безъ устали за исключеніемъ обѣда и прогулки; — вставалъ когда вздумается,— ночь и день были для него безразличны. Къ такому образу жизни, на случай полнаго лишенія зрѣнія, Шайноха подготовлялся заблаговременно: вставалъ ночью, одѣвался и раздѣвался безъ помощи другихъ, отыскивалъ въ потьмахъ нужные ему предметы, ходилъ съ помощію палки, къ которой пристрастился, какъ Беранже къ своей блузѣ, и сильно горевалъ, когда палка выпала изъ повозки и пропала. Всѣ, которые помогали заниматься слѣпому, свидѣтельствуютъ о громадной памяти Шайнохи. Онъ отлично помнилъ не только хронологію, но даже страницы, параграфы и главы читанныхъ книгъ. Въ одномъ письмѣ онъ сравнивалъ себя со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, который все что-то пишетъ и говоритъ, что писать дѣло не трудное—„но прочитать написанное, прибавляетъ Шайноха, — вещь невозможная для насъ обоихъ!“

Въ періодъ своей слѣпой жизни, Шайноха написалъ „Lechicki początek Polski“ — „Начало польскаго государства отъ вторженія ляховъ“, въ которыхъ онъ видѣлъ не славянское племя. Затѣмъ онъ приступилъ къ изложенію царствованія Іоанна Собѣскаго. Разсказъ этотъ долженъ былъ заключаться въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, составляющихъ цѣлую эпопею борьбы съ магометанами. Къ сожалѣнію только одинъ эпизодъ изъ этой эпопеи успѣлъ написать слѣпецъ-историкъ. Наконецъ явилось сочиненіе „Dva lata dziejów naszych 1646—1648“. (Два года изъ исторіи Польши 1646—1648). Это было послѣднее произведеніе Шайнохи. Появленіе въ свѣтъ этого сочиненія сопровождалось событіями, не безъ интересными и для насъ.

Конецъ 1858 и начало 1860 годовъ представляли рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ умственнаго движенія въ нашихъ губернскихъ городахъ. Правительство призвало дворянство обсудить мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Всюду закипѣла жизнь и умственная работа; карты и обѣды отодвинулись на второй планъ и всѣ умы приняли участіе въ общественномъ дѣлѣ; но врядъ ли въ какомъ либо изъ губернскихъ городовъ общественная жизнь обнаружила столько энер-

гіи и дѣятельности, какъ въ Житомірѣ. Не было слышно о вечерахъ, обѣдахъ и балахъ. Всѣ заняты были не только крестьянскимъ вопросомъ, но учрежденіемъ благотворительныхъ обществъ, пожертвованіемъ суммъ на поддержку мѣстнаго театра, и пр. Душою этого движенія въ Житомірѣ былъ почетный попечитель гимназіи Крашевскій, извѣстный польскій писатель. Онъ стоялъ во главѣ людей, желавшихъ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ. Враждебная ему партія рѣшилась заболотировать его на должность попечителя, но въ залъ собранія вошла депутація отъ студентовъ Кіевскаго университета и учениковъ гимназіи и школъ, съ просьбою о выборѣ Крашевскаго вновь попечителемъ гимназій. Оваціл имѣла полный успѣхъ. Популярность Крашевскаго задѣла самолюбіе Качковскаго. Онъ рѣшился затмить популярность Крашевскаго и выступилъ съ проектомъ основать общество для изданія разныхъ литературныхъ произведеній и пустить ихъ по дешевой цѣнѣ въ продажу. Мысль пошла въ ходъ, акціи быстро были разобраны на 27,000 руб.

Это-то общество обратилось къ Шайнохѣ съ предложеніемъ уступить ему свои неизданныя сочиненія или написать новыя за положенное по условіямъ вознагражденіе. Шайноха согласился и обязался представить два упомянутыя сочиненія: „—Іоаннъ Собѣскій“ и „Два года изъ исторіи Польши“.

Хотя общество, по распоряженію правительства было закрыто, но послѣднее сочиненіе Шайнохи было напечатано на суммы общества. По этому случаю Шайноха писалъ къ членамъ общества:

„Тружусь при моихъ недугахъ такъ, какъ мало кто трудится изъ здоровыхъ людей; но если трудъ мой не идетъ такъ быстро и успѣшно, какъ этого требуетъ обоюдная наша польза, то не моя въ томъ вина“.

Оканчиваемъ жизнеописаніе Шайнохи сказаніемъ о страданіяхъ и кончинѣ ученаго слѣпца.

Мы воспользуемся письмомъ Шайнохи къ Качковскому, основателю общества для изданія книгъ, въ которомъ онъ описываетъ ходъ своей болѣзни:

„Благодарю васъ за теплое сочувствіе ко мнѣ и за участіе къ моему горю. Считаю лучшимъ для себя предаться съ вѣрою и смиреніемъ волѣ Божіей. На двадцатомъ году, я уже страдалъ глазами, въ теченіи десяти лѣтъ медленно, но потомъ постепенно угасло мое зрѣніе. Не смотря на это я изнурялъ глаза постояннымъ чтеніемъ, работою среди пыли въ архивѣ и библіотекѣ; почти 15 лѣтъ занимался убійственною для глазъ корректурою; не мало содѣйствовали къ упадку зрѣнія годы тюремнаго заключенія.

„Окончивъ исторію Ядвиги и Ягелло, я могъ заниматься не болѣе четырехъ часовъ въ день; теперь уже три года какъ я не въ силахъ читать и безъ проводника не могу сдѣлать ни шагу; правымъ глазомъ ничего не вижу, лѣвый постепенно угасаетъ. Медики въ Брюс-

селѣ и Берлинѣ объявили мнѣ о томъ, о чемъ я и безъ нихъ давно зналъ, что зрѣніе утрачено на вѣки. Совѣтуютъ протянуть на шеѣ заволоку, другіе признаютъ это средство безполезнымъ. Одно мое спасеніе—вѣра и твердость характера, которыми такъ щедро надѣлило меня Провидѣніе. Пишу о моемъ несчастіи единственно потому, что вы сами этого желали".

Въ 1860 году, когда зрѣніе было совершенно утрачено, Шайноха писалъ:

„Въ теченіе двадцати лѣтъ приближаясь къ этому удару, можно было наконецъ свыкнуться съ неизбѣжнымъ несчастіемъ. И такъ съ Божіею помощію поплетусь къ послѣднему предѣлу въ потемкахъ".

Кромѣ слѣпоты, Шайноха страдалъ отъ ревматизма и лишился движенія рукъ и ногъ, но пока могъ держать въ рукахъ карандашъ, старался писать; выходили уже не слова и буквы, а какія то непонятные іероглифы; съ 1865 года онъ слушалъ чтеніе и пробовалъ диктовать кое-что, носившееся въ его умѣ, но выходилъ бредъ совершенно разбитаго организма. Еще прежде, въ 1862 году, Шайноха былъ глубоко тронутъ, когда къ нему явилась депутація отъ студентовъ Краковскаго университета съ предложеніемъ (не смотря на его слѣпоту и недуги) занять каѳедру польской исторіи въ Ягелонскомъ университетѣ. Шайноха отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Друзья мои! вы желаете, чтобы я повѣдалъ вамъ о судьбѣ и дѣяніяхъ нашихъ предковъ. Видитъ Богъ, что я не въ силахъ исполнить вашихъ желаній: я слѣпъ, немощенъ, лишенъ движенія, голоса, лишенъ всего, кромѣ любви къ наукѣ и труду, которые составляли единственную отраду и цѣль моей жизни. Съ помощію чужой руки я перелистываю страницы книгъ, съ помощію чужихъ глазъ дочитываюсь до истины и хотя медленно, но все же постепенно подвигаюсь впередъ. Слѣдуйте въ этомъ случаѣ моему примѣру: трудитесь, работайте, друзья мои!

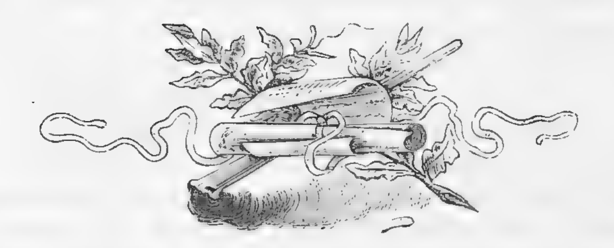
„Да, братья мои! Есть что-то общее между мною и вами: у васъ на Ягелонской каѳедрѣ, а у меня въ глазахъ — не достаетъ свѣта. Счастливы очи, сіяющія свѣтомъ, счастливы юноши, воспріемлющіе свѣтъ науки съ каѳедръ, занятыхъ свѣтлыми умами, — но какъ для моихъ глазъ не доступенъ свѣтъ солнца, такъ трудно теперь у насъ замѣстить каѳедры яркими и богатыми знаніемъ умами. Дружно-же братья, вмѣстѣ со мною среди тьмы, при кое какомъ мерцаніи, станемъ работать безъ устали, опираясь на собственныя силы, пользуясь всякимъ сподручнымъ средствомъ и пособіемъ.

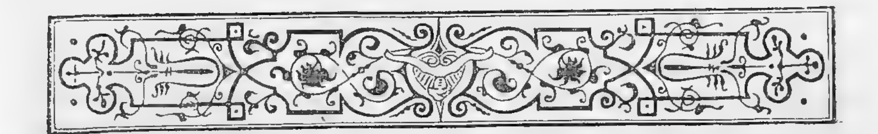
„Истина доступна всякому; достигнуть ее можно безъ помощи громкихъ именъ, блестящихъ фразъ и общихъ философскихъ взглядовъ. Истина кроется по преимуществу въ мелочахъ и частныхъ случаяхъ, которые всѣмъ одинаково доступны и понятны. Труду я обязанъ той чести, которою вы въ настоящую минуту меня удостои-

ваете. На такой же трудъ благословляетъ васъ, любезные друзья, вашъ недужный другъ и братъ!"

Шайноха, 10 января 1868 года, умеръ въ Львовѣ. Прахъ его преданъ былъ землѣ съ торжественностію, которой никогда не испытывалъ этотъ бѣдный труженикъ въ теченіи всей своей жизни. Тѣло провожалъ епископъ, все духовенство города, цехи, власти, ученыя вѣдомства, учебныя заведенія, массы народа различнаго состоянія и религіи. Жена воздвигла на его могилѣ памятникъ; но болѣе прочный, нерукотворный памятникъ воздвигъ себѣ самъ покойный историкъ своими историческими трудами, честною жизнью и тѣми страданіями, которыя онъ умѣлъ вынести безъ ропота.

Ф. Неслуховскій.





АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

VI.

Въ селѣ Михайловскомъ.

ЕЩЕ
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ.

Вотъ въ какомъ настроеніи духа прибылъ Пушкинъ въ деревню,

где Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ
Скрывался прадѣдъ мой, Арапъ [1]).
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ алей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей.

Подъ сѣнью михайловскихъ рощъ слишкомъ два года пришлось прожить нашему поэту. Здѣсь онъ нашелъ всю свою семью, съ которой не видался болѣе четырехъ лѣтъ. Хотя онъ и былъ не совсѣмъ доволенъ своими родными, думая, что его забыли въ изгнаніи, хотя въ своихъ письмахъ къ брату не разъ высказывалъ неудовольствіе на отца, что не получаетъ отъ него денежныхъ пособій, но по его жалобамъ мы не можемъ заключать, что кто либо въ семьѣ былъ къ нему равнодушенъ.

---

[1]) Арабъ Ибрагимъ Ганнбалъ получилъ деревни въ Псковской губерніи отъ императрицы Елизаветы, которая произвела его въ генералъ-аншефы и пожаловала ему александровскую ленту. Одну изъ псковскихъ деревень, село Михайловское, Зуево то жъ, получила въ приданое внука его, мать Пушкина.

Судя по разсказамъ Липранди, который въ 1822 году видѣлъ въ Петербургѣ всю семью Пушкиныхъ, исполняя порученіе поэта, мы напротивъ убѣждаемся, что онъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ отцу, который, какъ извѣстно, самъ всегда былъ безъ денегъ. Правда, онъ любилъ поворчать на нерасчетливаго сына, но будучи довольно тщеславенъ, не могъ втайнѣ не гордиться его талантомъ. Отецъ и сынъ могли бы жить въ мирѣ, особенно въ Михайловскомъ, гдѣ и не требовалось большихъ денегъ, если бы совершенно посторонняя сила не внесла въ семью неестественныя отношенія. Пушкину было поставлено на видъ, что онъ отставляется отъ службы за дурное поведеніе. Отставка могла его только обрадовать, такъ какъ она снимала съ него всякую тѣнь чиновничества, которымъ онъ тяготился. Причина отставки также не могла печалить его, потому что ему и всѣмъ было извѣстно, что на оффиціальномъ языкѣ д у р н о е п о в е д е н і е не означало дѣйствительно дурного поведенія въ смыслѣ нравственномъ. Въ извѣстномъ кругу съ такой аттестаціей Пушкинъ могъ даже выиграть. Но логическому уму его трудно было найти причинность между его ссылкою и тремя строками, прочитанными въ частномъ его письмѣ, гдѣ не угрожалось никакимъ зломъ никому. Набожный человѣкъ, прочтя его, могъ бы только глубоко пожалѣть автора. Но въ немъ не было и тѣни преступленія. Выставляли на видъ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и отъ вліянія которыхъ будто бы нужно было спасти все общество. Но въ этомъ виноваты были тѣ, которые читали его письмо въ обществѣ, тогда какъ авторъ очевидно и не предназначалъ его для такого чтенія. Между тѣмъ ни откуда не было обвиненій, что Пушкинъ лично своими разговорами совращалъ другихъ. Его винили въ нескромности и невоздержности его пера; но жизнь въ отцовскомъ имѣніи подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, нисколько не ограничивала его въ этомъ средствѣ, если бы у него въ самомъ дѣлѣ было намѣреніе имъ пользоваться. Такимъ образомъ въ этомъ насильственномъ распоряженіи своей личностью Пушкинъ не могъ видѣть и тѣни справедливости. Отсюда онъ не могъ и разсчитывать на какой нибудь лучшій исходъ дѣла въ ближайшемъ будущемъ. Ожесточеніе его дѣлается намъ понятно, и онъ считалъ себя вправѣ говорить:

Злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
К у д а п о д у е т ъ с а м о в л а с т ь е:
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ въ глухомъ изгнаньѣ
Влачу томительные дни...

Возвратясь подъ отеческій кровъ, Пушкинъ, по собственнымъ его словамъ, былъ обласканъ; но забылъ о распоряженіи, переданномъ ему еще въ Одессѣ—явиться къ псковскому губернатору, о чемъ черезъ нѣсколько времени ему напомнили вызовомъ въ Псковъ. Затѣмъ ока-

залось, что мѣстный надзоръ надъ нимъ былъ очень обширенъ. Въ правительственные и духовные опекуны къ нему попали не только псковскій губернаторъ Адеркасъ, но и начальникъ западнаго края, къ которому была причислена псковская губернія, маркизъ Паулуччи, и предводитель дворянства опочецкаго уѣзда, въ который входило село Михайловское, Пещуровъ, и настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря. Но и этого казалось мало: какъ было слѣдить властямъ за молодымъ неугомоннымъ человѣкомъ, жившимъ на свободѣ въ деревнѣ? Рѣшились прибѣгнуть къ средству наиболѣе практическому: пригласили отца-Пушкина, польстили его именемъ честнѣйшаго и добронравнѣйшаго человѣка, напугали его безнравственностью и развращенностью сына, котораго правительство можетъ покарать еще болѣе, если отецъ не поможетъ ему исправить молодого человѣка; словомъ убѣдили недальновиднаго Сергѣя Львовича принять на себя ближайшій надзоръ за сыномъ, т. е быть какъ бы полицейскимъ агентомъ. Конечно отецъ до этого времени и не подозрѣвалъ, что сынъ его такой опасный человѣкъ въ глазахъ правительства; а извѣстіе объ его признанномъ атеизмѣ должно было сильно напугать и взволновать его, хотя онъ и не отличался особенной набожностью. Старикъ поддался совѣту начальства, не разсудивъ, что ему не слѣдуетъ ставить себя въ семьѣ въ такое ложное положеніе — обратиться въ правительственнаго шпіона при своемъ родномъ сынѣ, съ правомъ перехватывать его переписку и читать адресованныя къ нему письма. Опасаясь за нравственность своей дочери и младшаго сына, которымъ „это чудовище и сынъ погибели“ можетъ проповѣдывать безвѣріе, онъ приказываетъ имъ удаляться отъ него. Положеніе нашего Пушкина сдѣлалось дѣйствительно невыносимо: считаться какимъ-то зачумленнымъ въ своей родной семьѣ, видѣть въ отцѣ шпіона, постоянно слышать упреки и опасенія — нѣтъ, лучше ужъ просить заключенія въ крѣпости или самой дальней ссылки. Такія мысли приходили Пушкину. Будь его натура болѣе спокойная, онъ нашелъ бы возможность показать отцу безнравственную сторону его поступка и непристойность начальственныхъ покушеній на водвореніе семейнаго разлада. Но арабская кровь нашего поэта мѣшала спокойному объясненію. Чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ безнравственную основу всего этого дѣла, тѣмъ болѣе закипала эта кровь, тѣмъ больше дерзостей отецъ находилъ въ сынѣ, и тѣмъ меньше былъ расположенъ уступить ему. Произошелъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые иногда находили на нашего поэта отъ его неукротимаго темперамента и о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ нѣкоторые изъ его современниковъ. Отцу показалось, что сынъ хочетъ его бить. Обвиненіе, вынесенное на весь домъ, готово было перейти въ жалобу правительству. Пушкинъ увидѣлъ себя на краю полной погибели. И въ самомъ дѣлѣ, какое оправданіе могло быть человѣку, противъ котораго были такъ предубѣждены всѣ власти? Со стороны отца достаточно было малѣйшаго

намека, чтобъ стали считать сына тяжкимъ преступникомъ. Въ такомъ положенiи Пушкинъ рѣшился обратиться къ посредству стараго прiятеля Сергѣя Львовича, Жуковскаго, съ возгласомъ „спаси меня!“ Самъ Сергѣй Львовичъ одумался и отрекся отъ своего обвиненiя. Семейная трагическая сцена не дошла до крайняго своего развитiя. Старикъ-Пушкинъ увезъ свою семью на зиму въ Петербургъ и оставилъ ссыльнаго поэта одного; а затѣмъ прислалъ формальный рѣшительный отказъ отъ правительственнаго опекунства надъ сыномъ.

Пушкинъ успокоился, хотя конечно горечь отъ всего этого надолго должна была остаться въ сердцѣ. Кромѣ этого печальнаго факта все остальное въ теченiе двухъ лѣтъ не представляетъ, повидимому, ничего такого, что давало бы ему поводъ жаловаться на свою тяжелую судьбу. Прослѣдивъ всѣ факты въ подробностяхъ, едвали можно не назвать эти два года наиболѣе счастливыми въ его жизни. Онъ зналъ и „трудъ и вдохновенье“, которыми всегда такъ дорожилъ, зналъ и удовольствiя въ кругу дружеской семьи — обитательницъ сосѣдняго Тригорскаго, имѣлъ свободную переписку съ своими столичными прiятелями. Прослѣдивъ всѣ его работы умственныя и поэтическiя за эти годы, невольно удивляешься, какъ у него достало времени на все это; кажется не могло пропасть ни одной минуты праздно. Такою непрерывною и разнообразною дѣятельностью отличались его духовныя силы. Ея наиболѣе мы и коснемся, обозрѣвая эти годы его жизни.

Въ первую пору своего пребыванiя въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнiя отъ прежняго времени. Такъ политическiя бури послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазiи въ образѣ Аквилона въ прекрасномъ стихотворенiи, озаглавленномъ этимъ же именемъ.

Здѣсь поэтическая фантазiя удачно сблизила политическiя потрясенiя съ бурными движенiями въ природѣ, послѣ которыхъ очищается атмосфера и настаютъ красные дни. Поэтъ и для политической жизни ждетъ того же:

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Такихъ дней онъ могъ желать и для себя: и онъ много потерпѣлъ отъ налетѣвшаго аквилона, и онъ, также величавый русскiй дубъ, былъ вполовину низвергнутъ.

Въ первое же время въ Михайловскомъ Пушкинъ задумалъ издать первую главу Евгенiя Онѣгина и вмѣсто предисловiя къ нему написалъ извѣстный „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, который показываетъ, какимъ жизненнымъ вопросомъ для него былъ вопросъ о поэзiи и какъ настойчиво онъ старался разъяснять его, смотря на на него какъ на задачу жизни. Въ немъ онъ выказалъ уже зрѣлый умъ, умѣющiй примирять тѣ кажущiяся противорѣчiя, которыя дру-

гихъ приводятъ въ недоумѣніе. Онъ выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству, будто онъ пишетъ стихи для денегъ. Друзья конечно не хотѣли ему вѣрить, считая это за одну изъ его оригинальностей и странностей, которыми онъ любилъ отличать себя. Вдохновеніе, всегда почитавшееся основною силою поэзіи, и метерьяльныя разсчеты и выгоды, ни какъ не могли соединиться въ ихъ понятіи. Языкъ боговъ, какъ до тѣхъ поръ называли поэзію, и языкъ комерціи—два языка, совершенно несродные. У Пушкина легко соединилось все это, лишь только онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни. Многіе съ мыслію о платѣ соединяли что-то низкое, ремесленное, исключающее вдохновеніе. Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матерьяльную цѣнность. По его взгляду поэзія есть чистое творчество, зависимое только отъ впечатлѣній жизни, гдѣ бы она ни проявлялась; самый процесъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ. Живой вдохновенной рѣчью представляетъ Пушкинъ этотъ творческій процессъ въ часы ночнаго вдохновенія:

Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.

Это дѣйствительно „пиръ воображенья". И можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какая нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ:

Въ безмолвіи трудовъ
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ.
Я былъ хранитель ихъ скупой...

И такъ творчество есть потребность поэтической души и слѣдовательно цѣлью его не можетъ быть матеріальная выгода или разсчетъ; ближайшее слѣдствіе его есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполнѣ свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ. Обыкновенно говорили, что поэзія не без-

користна, что поэту нужна слава, и что ни одинъ поэтъ не взялся бы за перо, если бы не надѣялся имѣть читателей, что въ этомъ случаѣ наука безкорыстнѣе поэзіи: ученый будетъ заниматься и на необитаемомъ островѣ ради одной истины, а поэтъ будто бы откажется отъ своей поэзіи. Слѣдственно мысль о славѣ не отдѣлима отъ поэзіи, а эта мысль должна подчинить поэта требованіямъ читателей и сдѣлать его ихъ угодникомъ. Гдѣ же тутъ вопросъ о свободномъ творчествѣ? Въ вопросѣ о славѣ Пушкинъ болѣе чѣмъ кто либо могъ имѣть голосъ. Онъ сталъ знакомиться съ нею со школьной скамьи, пріобрѣталъ ее безъ всякаго труда, и самъ стремился къ ней, хотѣлъ ее, и наконецъ послѣ разныхъ превратностей жизни, увѣрился, что слава расходится со счастіемъ, которое только и дорого человѣку. Послѣ многихъ лѣтъ славы поэту приходилось не разъ задумываться надъ ея опредѣленіемъ:

Что слава? Шопотъ ли чтеца,
Гоненье-ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

—

Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ...

Опредѣленія въ родѣ этихъ попадаются и въ письмахъ Пушкина къ пріятелямъ за то же время. Извѣдавъ славу, поэтъ находитъ, что не стоитъ дорожить ею, отрекается отъ нея, и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творчествѣ:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей какъ отъ могилъ
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ.

Затѣмъ поэзію часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеалъ, которой поклонялись и подчиняли свое творчество. Пушкинъ отъ ранней юности увлекался женской красотой и какъ страстная натура мучился и въ любви и въ ревности; много хвалебныхъ стиховъ сложилъ онъ въ любовныхъ признаніяхъ; но не хотѣлъ и за любовью признать власти надъ поэтическимъ творчествомъ. Любовь соединяется только съ юностью и черезъ нея можетъ быть временно цѣлью поэзіи. Оглядываясь назадъ на „своихъ идоловъ“, нашъ поэтъ сдѣлалъ самое печальное о нихъ заключеніе:

Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется.

Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой вѣтряной души;
Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога—вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?...

Не возвышенный образъ женщины въ русской средѣ создался у нашего поэта, но не онъ виноватъ, если только такія впечатлѣнія оставила ему жизнь. Правда, рядомъ съ этимъ образомъ онъ ставитъ и идеальное представленіе, которое онъ нашелъ только въ одномъ женскомъ существѣ; но

Земныхъ восторговъ изліянье
Какъ божеству не нужно ей.

Такимъ образомъ отказавшись отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей для поэзіи, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу. Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго начатъ „Разговоръ“ — къ вопросу о платѣ за поэтическій трудъ:

Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

Можно отречься отъ славы: она „яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца“; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ; и тогда уже нѣтъ свободы. Забота о физическомъ существованіи человѣка соединяется съ трудомъ, который долженъ обезпечивать его самостоятельность въ жизни и давать твердую опору его свободѣ, ограждая ее отъ всякой посторонней зависимости и отъ всякихъ притязаній другихъ силъ. Полная свобода творчества можетъ быть только при свободѣ человѣка независимаго; а независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ. Вотъ какъ поэтъ дошелъ до рѣшенія этого вопроса. Въ зависимость отъ него онъ ставитъ самый важный для себя вопросъ о свободѣ творчества, съ которой у него соединилось понятіе объ истинной поэзіи, какъ объ искусствѣ. Здѣсь Пушкинъ является не какъ теоретикъ, который съ помощью отвлеченныхъ выводовъ отъискиваетъ общіе принципы, а какъ чуткій, геніальный артистъ, который въ самомъ себѣ ощущаетъ эти принципы. Вопросъ для Пушкина былъ рѣшенъ навсегда. Онъ почувствовалъ себя на твердой почвѣ зрѣлымъ поэтомъ. и съ этихъ поръ уже никакія теоріи, никакія вліянія и внушенія не могли совратить его съ дороги: онъ, какъ увидимъ, пошелъ прямо по своему пути, и до конца остался себѣ вѣренъ.

Съ этого времени Пушкинъ сталъ критически и вполнѣ самостоятельно со своей опредѣленной точки зрѣнія относиться ко всѣмъ литературнымъ авторитетамъ. Байронъ пересталъ имѣть даже и слабое вліяніе на его творчество; отъ него онъ уже пересталъ сходить съ ума, какъ было за два года; за то сталъ лучше понимать его и судить о немъ. „Тебѣ грустно, писалъ онъ князю Вяземскому, грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью. Въ своихъ трагедіяхъ, не исключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чальдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Чальдъ-Гарольда, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ“ [1]). И въ это-то время, когда Пушкинъ, такъ сказать, совсѣмъ разсчитался съ Байрономъ, нѣкоторые изъ его пріятелей настойчиво хотѣли видѣть въ немъ повтореніе англійскаго поэта не только въ его поэзіи, но и въ образѣ жизни. Рылѣевъ въ своихъ письмахъ умолялъ его бросить желаніе быть русскимъ Байрономъ, а сдѣлаться лучше Пушкинымъ, называя его въ то же время чудотворцемъ, чародѣемъ, геніемъ. Впрочемъ и самъ Пушкинъ иногда подавалъ поводъ къ такому сближенію. Такъ въ письмѣ къ Дельвигу, онъ называетъ Евгенія Онѣгина, пока еще ненапечатаннаго, повѣстью въ родѣ Верро Байрона, хотя на самомъ дѣлѣ ни одна изъ написанныхъ тогда главъ романа не имѣла рѣшительно ничего общаго съ шутливою и малосодержательною повѣстью британскаго поэта; развѣ только частыя отступленія отъ разсказа; но ихъ много

---

[1]) Какъ бы въ знакъ того, что Байронъ навсегда отдѣлился отъ его творчества, Пушкинъ отслужилъ въ Святогорскомъ монастырѣ панихиду по „болярину Георгію“. На эту выходку смотрятъ только какъ на легкомысленную шалость. Но намъ она представляется образнымъ выраженіемъ того, что совершилось въ душѣ поэта.

также и въ Чальдъ-Гарольдѣ и въ Донъ-Жуанѣ, чѣмъ вообще отличаются поэмы Байрона. Пушкинъ усвоилъ себѣ этотъ способъ, потому что, по его взгляду, романъ требуетъ болтовни, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Ал. Бестужеву. Въ письмѣ къ князю Вяземскому онъ говорилъ: „я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница — въ родѣ Донъ-Жуана". Тотъ же Бестужевъ сравнивалъ первую главу Онѣгина также съ Донъ-Жуаномъ, противъ чего уже сильно возсталъ Пушкинъ. „Никто болѣе меня не уважалъ Донъ-Жуана, писалъ онъ, но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, душа моя, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бы коснулся я сатиры. Самое слово сатирическій не должно находиться въ предисловіи". А между тѣмъ это предисловіе при первой главѣ Онѣгина было написано самимъ Пушкинымъ, который назвалъ себя сатирическимъ писателемъ и указалъ при этомъ на, то, что по его мнѣнію, составляло достоинство сатиры: „отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ". Такимъ образомъ критики, благодаря самому же поэту, сбивались въ своихъ сужденіяхъ о новыхъ произведеніяхъ Пушкина и не могли сразу понять того рѣзкаго поворота, который сдѣлалъ нашъ поэтъ. Въ то время какъ онъ, отдавшись самостоятельному творчеству, считалъ Евгенія Онѣгина своимъ лучшимъ произведеніемъ, никто съ нимъ не хотѣлъ согласиться; иные ставили его романъ даже ниже Руслана и Людмилы. А между тѣмъ самъ поэтъ заявлялъ, что въ этомъ романѣ онъ намѣренъ войти въ поэтическое состязаніе съ Байрономъ, какъ равный съ равнымъ: „кто выйдетъ милѣе и прелестнѣе, Татьяна или Юлія (въ Донъ-Жуанѣ)" [1]). Съ байронизмомъ у Пушкина было уже совершенно покончено, но не вслѣдствіе настоянія и убѣжденій пріятелей, а вслѣдствіе того, что онъ самъ понялъ тайны истиннаго поэтическаго творчества и глубоко увѣровалъ въ него, какъ въ существенный принципъ поэзіи. Этимъ онъ сталъ выше своихъ критиковъ, которые шатались въ своихъ безпринципныхъ сужденіяхъ, толкуя о слогѣ да о мѣстномъ его колоритѣ. Теперь никакія критики не могли подѣйствовать на Пушкина и навести сомнѣніе въ неправотѣ его взглядовъ. Только изъ наблюденій надъ собственнымъ творчествомъ онъ могъ назвать поэзію „исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни" [2]). Вотъ эта-то страсть и составляетъ сущ-

[1]) Письмо къ Бестужеву въ Лейпцигскомъ изданіи Матерьяловъ для біографіи Пушкина".

[2]) „Московскій Телеграфъ" 1825 г. О предисловіи Лемоне къ переводу басенъ Крылова.

ность геніальной артистичности Пушкина. Она-то и повела его къ полной самостоятельности, связала его поэзію съ жизнію, и ввела его въ живую сферу общенародной жизни.

Разойдясь съ Байрономъ въ своихъ поэтическихъ міросозерцаніяхъ, Пушкинъ въ послѣдствіи, въ болѣе зрѣлые годы любилъ часто о немъ заговаривать и объяснять нѣкоторыя черты его жизни, какъ бы съ цѣлью оправдать разные бурные порывы своей собственной юности, вызывавшей осужденія со стороны такъ называемыхъ благоразумныхъ и степенныхъ людей. Чувствовалось Пушкинымъ что-то общее между своею и другою геніальною натурою, какова была натура Байрона.

Уяснивъ себѣ сущность поэтическаго творчества, Пушкинъ очень скоро разобрался со всѣми русскими литературными авторитетами стараго времени. Это сдѣлать ему было необходимо, чтобы вполнѣ опредѣлить ту дѣйствительную сферу, въ которую онъ вносилъ трудъ своей жизни и съ которою связывалъ ея главные интересы. Онъ разбиралъ не правила, которыхъ держались или должны были держаться эти авторитеты, ни слогъ, о которомъ болѣе всего толковали критики, а ту степень творчества, какая выказывалась въ ихъ произведеніяхъ. Онъ искалъ въ нихъ золота и отдѣлялъ отъ нихъ мишуру, которыя до того смѣшивались. Онъ, такъ сказать, налагалъ пробу на таланты и опредѣлялъ истинную цѣнность русской литературы. Она оказывалась очень невысокою. Здѣсь Пушкинъ въ своихъ взглядахъ расходился со всѣми критиками и въ пріятельскихъ письмахъ вступалъ даже въ полемику, въ особенности съ Ал. Бестужевымъ, который печаталъ свои критическія обозрѣнія въ ежегодномъ альманахѣ „Полярная звѣзда“, гдѣ встрѣчались имена лучшихъ тогдашнихъ писателей, преимущественно изъ молодыхъ. Видя, какъ безъ разбора смѣшивались у насъ писатели талантливые и безталантные въ одну кучу авторитетовъ, Пушкинъ дошелъ до отрицанія всякой критики въ нашей литературѣ, вопреки мысли Бестужева, будто у насъ есть критика и нѣтъ литературы. „Нѣтъ, говорилъ Пушкинъ, литература еще кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ... Отселѣ репутація Ломоносова и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно не отъ критики Мерзлякова [1]). Кумиръ Державина 1/4 золотой, 3/4 свинцовый донынѣ еще не оцѣненъ. Ода Фелица стоитъ наряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой На смерть Мещерскаго [2])... Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также. Мы не имѣемъ ни единаго коментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который сталъ уже выше Лафонтена, какъ Державинъ — выше Ж. Б. Руссо. Что же ты

---

[1]) Мерзляковъ разбиралъ Россіаду Хераскова въ журн. Амфіонъ въ 1817 г.

[2]) Т. е. въ Вельможѣ и На смерть Мещерскаго видится истинный поэтъ, а въ Фелицѣ и въ одѣ Богъ—риторъ.

называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? Но признайся, что все это не можетъ установить какого нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. Каченовскій [1]) тупъ и скученъ, Гречъ и ты—остры и забавны—вотъ все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика?" Въ другомъ письмѣ Пушкинъ упрекаетъ Бестужева за то, что тотъ не высказалъ своего откровеннаго мнѣнія объ Евгеніи Онѣгинѣ, и прибавляетъ, „покамѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ"...

Забота о критикѣ, основанной на какихъ нибудь опредѣленныхъ принципахъ, съ этого времени сдѣлалась однимъ изъ завѣтныхъ стремленій Пушкина.

Въ то время, какъ Рылѣевъ въ письмѣ къ Пушкину увѣрялъ его, что онъ сталъ выше всѣхъ русскихъ писателей, что остался только одинъ Державинъ, съ которымъ онъ еще можетъ равняться, но и то навѣрно не на долго, Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвигу дѣлалъ такую оцѣнку Державину: „Перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе: этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка, (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова); онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, не можетъ выдержать и строфы. Что-жъ въ немъ: мысли, картины и движенія—истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по-татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ".

Въ небольшой статейкѣ Московскаго Телеграфа въ 1825 г. Пушкинъ оцѣниваетъ и Ломоносова все съ той же точки зрѣнія. Онъ видитъ въ немъ генія, который, соединивъ необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія; но въ его стихотворныхъ произведеніяхъ не видитъ творчества и лучшими его произведенія въ этомъ родѣ считаетъ только переложенія псалмовъ и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ: „они останутся вѣчными памятниками русской словесности, замѣчаетъ онъ, по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему. Но странно жаловаться, прибавляетъ Пушкинъ, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова и требовать,

[1]) Редакторъ Вѣстника Европы.

чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужно для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя".

Много спорилъ Пушкинъ о И. И. Дмитріевѣ съ княземъ Вяземскимъ, который въ 1823 году напечаталъ большую статью „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева". Въ ней онъ, превознося Дмитріева, какъ поэта, ставитъ его въ образцовые русскіе классики. Пушкинъ вообще не находилъ поэзіи въ стихахъ Дмитріева, а превозносить его басню послѣ басень Крылова, ему казалось не цѣнить послѣдняго. Нѣсколько разъ Пушкинъ принимался оспаривать мнѣніе князя Вяземскаго о Дмитріевѣ. Объ этомъ спорѣ князь Вяземскій вспомнилъ не задолго до своей смерти, и въ виду того, что „судъ Пушкина былъ для него многозначителенъ, дорогъ и могъ задирать его совѣсть за живое", онъ написалъ въ поясненіе нѣсколько интересныхъ строкъ, которыхъ мы не можемъ обойти молчаніемъ. Онъ объясняетъ нелюбовь Пушкина къ Дмитріеву, какъ поэту, личными отношеніями. „Дмитріевъ, какъ классикъ, не очень ласково привѣтствовалъ первые опыты Пушкина, а особенно поэму его Русланъ и Людмила. Онъ даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вѣроятно, отзывъ этотъ дошелъ до молодого поэта и тѣмъ онъ былъ ему чувствительнѣе, что приговоръ исходилъ отъ судіи, который возвышался надъ рядомъ обыкновенныхъ судей и котораго въ глубинѣ души и дарованія своего, Пушкинъ не могъ не уважать. Пушкинъ въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ. Но умомъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бывалъ онъ злопамятенъ, не только въ отношеніи къ недоброжелателямъ, но и къ постороннимъ и даже къ пріятелямъ своимъ". Хотя мы и не имѣемъ основанія оспаривать предположеніе князя Вяземскаго и готовы принять, что у Пушкина было личное нерасположеніе къ Дмитріеву, но намъ кажется, что самъ князь Вяземскій не ясно понималъ, на основаніи какого критерія, въ то время Пушкинъ дѣлалъ оцѣнку русскихъ писателей. Поэтъ, и такой какъ Пушкинъ скорѣе всего можетъ распознать поэта. Онъ не находилъ въ стихахъ Дмитріева, того творчества, какое не проглядѣлъ однако въ стихахъ Державина между множествомъ тяжелыхъ реторическихъ строфъ и стиховъ, и имѣлъ полное основаніе причислить Дмитріева къ Хераскову, Богдановичу и другимъ развѣнчаннымъ имъ авторитетамъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и не могъ произнести другого суда, чтобъ остаться вѣрнымъ самому себѣ. Непремѣнно онъ сдѣлалъ бы тоже самое, еслибы у него и не было никакой непріязни къ Дмитріеву. „Споры наши о Дмитріевѣ часто возобновлялись, еще приписываетъ князь Вяземскій, и какъ обыкновенно въ спорахъ бываетъ, отзывы, сужденія, возраженія становились все болѣе рѣзки и заносчивы. Были мы оба натуры спорныя и другъ передъ другомъ ни на шагъ отсту-

пать не хотѣли. При задорной перестрѣлкѣ нашей мы горячились: онъ все ниже и ниже унижалъ Дмитріева; я все выше и выше поднималъ его. Однимъ словомъ, оба были мы не правы. Помню, что однажды въ пылу спора сказалъ я ему: „да ты, кажется, завидуешь Дмитріеву". Пушкинъ тутъ зардѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ; съ выраженіемъ глубокаго упрека взглянулъ на меня и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказалъ: какъ, я завидую Дмитріеву? Споръ нашъ этимъ кончился".

Зная, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на критику и какого безпристрастія требовалъ отъ нея даже по отношенію къ самому себѣ, мы поймемъ, какъ должно было оскорбить его пріятельское подозрѣніе въ низкой страсти. Самъ князь Вяземскій сознается, что его вспышка была оскорбительна и несправедлива.

„Изъ всѣхъ современниковъ, замѣчаетъ далѣе князь Вяземскій, кажется, Карамзинъ и Жуковскій одни внушали Пушкину безусловное уваженіе и довѣріе къ ихъ суду. Онъ по влеченію и сознательно подчинялся нравственному и литературному авторитету ихъ. Съ ними онъ не считался. До конца видѣлъ онъ въ нихъ не совмѣстниковъ, а старшихъ и, такъ сказать, воспріемниковъ и наставниковъ. Сужденія другихъ, а именно даже образованнѣйшихъ изъ арзамасцевъ, были ему ни по чемъ" [1])...

Признавъ свободу творчества за главное основаніе истинной поэзіи, Пушкинъ не могъ и стѣснять свою поэтическую мысль какими бы ни было цензурными требованіями. Онъ не думалъ о цензурѣ въ то время, когда обрабатывалъ свое произведеніе. Ему было все равно, будетъ ли оно напечатано или нѣтъ, лишь бы только вполнѣ выразило то, что создавалось въ его артистической душѣ. Нѣкоторыя произведенія онъ писалъ съ полной увѣренностью, что цензура не позволитъ ихъ напечатать; но это нисколько не ослабляло его творчества, онъ всегда былъ далекъ отъ мысли — поддѣлываться подъ цензуру. Къ нему цензора были особенно строги, какъ къ писателю съ замаранной репутаціей. Еще въ 1821 г. изъ Кишинева, въ посланіи къ Дельвигу, Пушкинъ замѣтилъ:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ,
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

Тимковскій, Бируковъ, Красовскій—эти имена тогдашнихъ цензоровъ были на языкѣ у всей пишущей братіи. Въ 1823 г. благонамѣреннѣйшій изъ арзамасцевъ, Дашковъ писалъ къ благонамѣреннѣйшему изъ стихотворцевъ Дмитріеву: „Цензоры съ бѣдными авторами суровѣе, нежели когда нибудь. Одна отъ нихъ бываетъ поживка, а именно,

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. I стр. 158.

когда Бируковъ поссорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ, тогда онъ пропускаетъ на зло между позволеннымъ иногда и сомнительное. Но у Красовскаго всякая вина виновата: самому Агамемнону въ Иліадѣ запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него замужъ дѣвою, и если какой нибудь рифмачь заговоритъ въ восторгѣ о чуждой землѣ и чуждомъ небѣ, разсудительный цензоръ тотчасъ остановитъ его, напомнивъ, что небо одно и земля — одна. Такихъ анекдотовъ много“ [1]). Одну уступку цензурѣ позволялъ себѣ Пушкинъ: стихи уже въ обработанномъ стихотвореніи, которые по его мнѣнію не могли пройти въ цѣлости черезъ придирчивую цензуру, онъ замѣнялъ точками, или вмѣсто своего имени подписывалъ какую нибудь букву, или ставилъ звѣздочку; а чаще совсѣмъ не отдавалъ въ печать, довольствуясь малымъ пріятельскимъ кругомъ читателей. Пушкинъ обыкновенно любилъ подсмѣиваться надъ цензурой. Еще въ 1822 г. онъ писалъ Бестужеву: „кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ... Предвижу препятствіе въ напечатаніи стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ: она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено...“

Сообщая князю Вяземскому объ Евгеніи Онѣгинѣ, Пушкинъ прибавляетъ: „о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить кругъ своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать. А если брать, такъ брать; не то что и когтей марать.

Находясь постоянно подъ впечатлѣніемъ разныхъ цензурныхъ выходокъ, Пушкинъ понималъ, какой страшный вредъ наносятъ онѣ литературѣ, и въ концѣ 1824 года написалъ два посланія къ Аристарху, двѣ сатиры, въ которыхъ показалъ, какъ близки его сердцу интересы отечественной литературы. Конечно, онъ былъ увѣренъ, что онѣ не дойдутъ до публики, но, какъ мы сказали, онъ не заботился о томъ, когда его мысль созрѣвала въ образѣ; онъ только отвѣчалъ своей потребности высказаться. Пушкинъ явился здѣсь на сторонѣ угнетенной силы, которая считалась силою общественною и которая была стѣснена со всѣхъ сторонъ. Поэтъ выразилъ общее настроеніе литературной среды:

Тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,

---

[1]) Рус. арх. 1868 № 4, 5.

Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно:
Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;
Но извини меня, мнѣ было не въ терпежъ.

Въ первомъ посланіи Пушкинъ представляетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи была русская литература, отданная въ руки глупыхъ людей; поэтъ хотѣлъ бы имя цензора соединить съ идеаломъ гражданина, выставляя въ немъ такія черты, которыя были какъ разъ противуположны дѣйствительнымъ чертамъ тогдашнихъ цензоровъ.

Припоминая время Екатерины, когда распространялись идеи Наказа о гражданскихъ правахъ, равно „дней Александровыхъ прекрасное начало", Пушкинъ находилъ, что тогда положеніе русскихъ писателей было значительно легче, и въ этой напасти винитъ невѣжественныхъ цензоровъ, прибавляя:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

На все это цензоръ отвѣчаетъ: „жена и дѣти!"

Жена и дѣти, другъ, повѣрь, большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
Домой тебѣ убраться осторожно
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

Второе посланіе посвящено преимущественно надеждамъ на министерство Шишкова, который въ этомъ году смѣнилъ тяжелое министерство князя Голицына, и на первыхъ порахъ разрѣшилъ поэтамъ употреблять разные метафоры, преслѣдуемыя цензурой. Но надежды Пушкина оказались обманчивы.

Чтеніе у Пушкина шло непрерывно и было весьма разнообразно: одна книга смѣняла другую. Но при этомъ его фантазія не оставалась праздною; его геніальная артистическая натура высказывалась и здѣсь. Подъ впечатлѣніемъ отъ той или другой книги его фантазія тотчасъ же создавала образъ, который тогда же или потомъ вырабатывался въ какомъ либо поэтическомъ произведеніи. Такъ, читая алкоранъ, онъ увлекся духомъ жгучей арабской поэзіи и въ девяти маленькихъ стихотвореніяхъ прекрасно передалъ поэтическую сторону священной книги мусульманъ. Читая римскаго писателя IV вѣка Аврелія Виктора, онъ создалъ блестящій образъ Клеопатры, которымъ потомъ воспользовался въ Египетскихъ ночахъ. За чтеніемъ римскаго историка Тацита въ его фантазіи своеобразно рисовался образъ императора Тиверія. Чтеніе русскихъ лѣтописей отразилось нѣсколькими живыми типами древне-русской жизни, которые тогда же вошли въ сцены Бориса Годунова. Чтеніе стихотвореній французскаго поэта, жертвы революціи Андре Шенье, вызвало прекрасную элегическую піесу Андрей Шенье, въ которой высказывается завѣтная мысль

Пушкина о высокомъ назначеніи поэта въ общей гражданской жизни народа:

Гордись и радуйся поэтъ!
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя,
Твой свѣточъ грозно пламѣнѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей...
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ:
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву—Эвмениду...
Гордись, гордись пѣвецъ.

Такое разнообразіе произведеній за одно и то же время объясняется той творческой душой, въ которой быстро перерабатывались всѣ впечатлѣнія, откуда бы они ни приходили. Отсюда же вытекаетъ и рѣдкая способность нашего поэта усвоивать себѣ колоритъ мѣстности и языка разныхъ историческихъ эпохъ русской жизни, что особенно начало выказываться въ немъ въ эти годы, когда онъ сталъ обращаться къ русскимъ лѣтописямъ и русскимъ сказкамъ, записывая ихъ по пересказамъ своей старушки-няни, раздѣлявшей его уединеніе, и когда наконецъ сталъ прислушиваться къ народному говору. Особенно два небольшія стихотворенія „Зимній вечеръ" и „Зимняя дорога", нѣкоторыя строфы изъ Евгенія Онѣгина и разговоры въ Борисѣ Годуновѣ заставляютъ удивляться, какъ живо и вѣрно воспринимала фантазія поэта всѣ впечатлѣнія отъ русской жизни и русской природы.

Чтеніе только что вышедшихъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина, особенно заняло Пушкина. Его фантазію наиболѣе привлекла исторія Бориса Годунова. Съ этимъ именемъ у него связалось нѣкоторое представленіе, какъ мы видѣли, еще въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ подмосковной родительской деревнѣ Захаровѣ, сосѣдней съ селомъ Вяземомъ, сохранившимъ нѣкоторыя преданія о Годуновѣ. Но, конечно, не это было главною причиною, если онъ теперь остановился съ особеннымъ вниманіемъ на личности несчастнаго московскаго царя. Намъ представляется достаточно болѣе сильныхъ связей поэта съ эпохой Годунова для того, чтобы въ нихъ найти удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: почему изъ всей старой русской исторіи именно это лицо такъ заняло его фантазію? Мы уже упоминали, что онъ любилъ задумываться надъ фактами изъ русской исторіи XVIII столѣтія, съ которыми былъ знакомъ болѣе по преданію; съ ними онъ связывалъ свою мысль о значеніи стараго русскаго родовитаго дворянства, оттѣсненнаго отъ двора новыми лицами, попадав-

шими въ случай. Это старое дворянство или боярство, какъ сословіе, потеряло свою силу, а между тѣмъ у него было болѣе историческихъ связей съ народомъ; могли бы быть и сильныя нравственныя связи, если бы не крѣпостное рабство разрывало ихъ. Въ исторіи русскаго дворянства или боярства, время Бориса Годунова представляетъ весьма видный и важный моментъ, который не могъ не остановить вниманія Пушкина по вопросу его занимавшему.

Въ это время авторитетъ родового боярства оказался подточеннымъ. Не изъ ихъ среды выбранъ царь, когда прекратилась многовѣковая династія, а явился случайный человѣкъ, вчерашній рабъ, татаринъ, сильный лишь своимъ умомъ, ловкостью, смѣлостью, умѣвшій и страхомъ, и любовью, и славою народъ очаровать. Прежніе же совѣтники московскихъ князей, освободители и собиратели русской земли, многіе сами природные князья, иные Рюриковой крови давно обратились лишь въ царскихъ подручниковъ. Не столько царь Иванъ Васильевичъ своими лютыми казнями ослабилъ ихъ, сколько Годуновъ въ мирной роли царскаго совѣтника, показавъ, что и безъ нихъ царь можетъ править кротко и безъ смутъ. И Годуновъ выбранъ всѣмъ Великимъ соборомъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ соборъ свободно выбиралъ этого случайнаго человѣка? Собственно народу нуженъ былъ только православный царь, а кто именно будетъ, ему было все равно, лишь бы только защищалъ его отъ поганыхъ. Значитъ, на соборѣ дѣйствовала скрытная сила, которая направляла народъ. Это та сила, изъ которой потомъ стало выходить новое дворянство черезъ личныя свои качества—духовенство и приказный людъ; представителями ея были патріархъ и дьякъ Щелкаловъ. Они собственно, опираясь на равнодушную массу, возвели Бориса въ цари, а бояре, застигнутые въ расплохъ, не приготовились для дѣйствія и оставались въ сторонѣ.

Существенный ударъ нанесъ имъ и Борисъ, закрѣпостивъ крестьянъ и разорвавъ всякую нравственную связь между тѣми и другими. Боярство осталось по видимому безъ значенія. Но опомнившись, хоть нѣсколько и поздно, оно вступило въ тайную борьбу съ новымъ царемъ, избраннымъ всенародно, и подточило его престолъ. Оно показало свою силу и значеніе самымъ печальнымъ образомъ, и скрѣпя сердце, должно было признать надъ собою царемъ бродягу. Правда, оно погубило и его, но не поддержало своего достоинства, выставивъ наконецъ царя изъ своей среды. Онъ не защитилъ московскаго царства отъ враговъ, а долженъ былъ уступить свой престолъ чуждому королевичу, изъ націи, враждебной всему русскому народу. Послѣ многихъ бѣдствій и раззореній, боярство въ лицѣ Ляпунова и князя Пожарскаго, уже въ тѣсной связи съ народомъ, очистило Москву и дало Россіи царя изъ своей среды, въ лицѣ Романова, избраннаго дѣйствительно всенароднымъ соборомъ. Боярство еще нѣсколько десятковъ лѣтъ силилось поддерживать свое значеніе, но не доблестями, а родовою спѣсью, которая наконецъ получила сильный ударъ въ уничтоженіи

разрядныхъ книгъ. Затѣмъ, съ Петра Великаго пошли новые случайные люди, а табель о рангахъ вывела новое дворянство, у котораго съ народомъ не было уже никакой связи и которому выгодно было жить на счетъ народа.

Симпатіи Пушкина, какъ мы видѣли, были на сторонѣ стараго боярства, хотя онъ и старался относиться къ нему безпристрастно. Такъ, между мелкими его замѣтками, сохранившимися въ его бумагахъ, мы читаемъ: „Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur) очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя расприи. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились, ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ".

По исторіи Карамзина Пушкинъ могъ познакомиться не со всею эпохою междуцарствія, такъ какъ послѣдній томъ исторіи былъ изданъ уже послѣ смерти Карамзина; но онъ интересовался продолженіемъ его труда даже не безкорыстно: въ ту эпоху играли роль его предки, въ особенности же Гаврило Пушкинъ занималъ его фантазію, введенный и въ самую его драму. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года Пушкинъ спрашивалъ Дельвига: „видѣлъ ли ты Николая Михайловича (Карамзина), идетъ ли впередъ исторія? гдѣ онъ остановится? Не па избраніи ли Романовыхъ? Неблагодарные! Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту; да два руку приложили за неумѣньемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?.. [1])"

Изъ этого видно, что Пушкину уже въ то время былъ не чуждъ вопросъ объ его предкахъ, вопросъ, который у него соединился съ общимъ вопросомъ о старомъ дворянствѣ.

Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили...

Вотъ какими связями связывалась мысль Пушкина съ началомъ XVII столѣтія нашей исторіи. Но кромѣ того, самое лицо Бориса Годунова должно было привлечь его фантазію своимъ особеннымъ

[1]) Лейпцигское изданіе Матеріаловъ для біографіи Пушкина.

положеніемъ. Изъ всей допетровской русской исторіи эта личность должна была быть особенно симпатична новѣйшему времени по раздвоенности своей натуры, по тѣмъ внутреннимъ противорѣчіямъ, какими отличались и большинство новыхъ людей, ставшихъ выше толпы своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Такія лица являлись даже и на престолѣ, не смотря на полную повидимому возможность дѣйствовать согласно съ своимъ высокимъ идеаломъ. Страстное желаніе внести этотъ идеалъ въ жизнь и въ то же время чувство безсилія исполнить это на почвѣ, которая была для того не подготовлена, и производило то томительное внутреннее противорѣчіе, при которомъ не возможенъ былъ вопросъ о счастіи. Въ поэзіи, чуткой ко всѣмъ явленіямъ жизни, не могли не отражаться такіе типы.

Мы видѣли, что всѣ герои Пушкинскихъ поэмъ отличаются этимъ противорѣчіемъ. Понятно, отчего и Борисъ Годуновъ привлекъ вниманіе поэта. Человѣкъ, возвысившійся надъ толпою умомъ, понятіями и талантами, вкусившій не только сладость власти, но и сладость дѣлать добро, съ идеаломъ властителя-благодѣтеля народа, этотъ человѣкъ покупаетъ себѣ право примѣнять съ престола свой идеалъ къ дѣйствительной жизни, покупаетъ цѣною своей совѣсти, кровавымъ преступленіемъ. Правда, въ свое время оно было скрыто, человѣческій законъ не покаралъ его; но это обстоятельство не снимало съ совѣсти преступленія. Вотъ то противорѣчіе, съ какимъ Годуновъ вступилъ на престолъ; оно не изгладилось массою добра, сдѣланнаго имъ, а росло все болѣе и болѣе. Народныя бѣдствія, являвшіяся отъ стихійныхъ силъ, за которыя никто не могъ отвѣчать, давали ему возможность благодѣтельствовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но та почва, на которой стоялъ онъ, была полита невинной кровью царевича. Борисъ не былъ названъ благодѣтелемъ. На всѣ бѣдствія народъ смотрѣлъ какъ на Божью кару, а по его понятіямъ, Богъ казнитъ народъ за грѣхи царей. И вдругъ откуда-то всплылъ этотъ царскій грѣхъ; кто-то шепнулъ о немъ, и быстро пошла ходить молва... Заговорило въ царѣ чувство самосохраненія, по неволѣ пришлось брать строгія, крутыя и даже преступныя мѣры; добро сдѣлалось невозможнымъ, при всемъ желаніи дѣлать его; посѣянное зло разросталось въ зло и не давало всходить сѣянному добру. Пушкинъ понималъ трагичность такой расколотой натуры и остановился на ней, тѣмъ болѣе, что въ преданіяхъ новой русской исторической жизни повторялись факты, сходные съ тѣмъ, который сдѣлалъ Годунова отвѣтственнымъ передъ нравственнымъ судомъ потомства.

Наконецъ, во всей этой исторіи является еще одна личность, которая должна была привлечь вниманіе Пушкина—Гришка Отрепьевъ, какъ представитель той бродячей силы, какая во всѣ времена до послѣдняго момента выдавалась въ русской жизни. Она видна и въ Алекѣ и въ Евгеніи Онѣгинѣ, на что указалъ и г. Достоевскій въ своей горячей рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ, назвавъ ихъ не-

счастными скитальцами въ родной землѣ и историческими русскими страдальцами. Но г. Достоевскій находитъ это скитальчество явленіемъ новымъ въ русской жизни: „человѣкъ этотъ, говоритъ онъ, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы". Мы же говоримъ, что скитальчество составляетъ коренную черту русской жизни отъ самаго начала ея исторіи. Все, что было недовольно установившеюся обыденною жизнью, скованною старыми правилами, порядками и преданіями, все отдавалось скитальчеству, чему благопріятствовала ширь русской земли съ ея степями и лѣсами. Всѣ эти неспокойныя натуры, съ неопредѣленными стремленіями, съ неясными желаніями бродили, чего-то искали и ни на чемъ не успокаивались. Они выразились въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ въ разныхъ типахъ—поленицъ, бродячихъ удальцовъ, каликъ перехожихъ, а въ дѣйствительной жизни являлись и являются въ образѣ странниковъ, богомольцевъ, юродивыхъ, разныхъ бродягъ—нищихъ и монаховъ. Могилы ихъ разсѣяны по всей русской землѣ и даже за рубежами ея. Это же скитальчество перешло и въ новую образованную среду, и тамъ оно вызывается тѣми же причинами: недовольствомъ обыденною жизнію, мертвеннымъ покоемъ, стремленіемъ къ чему-то другому, лучшему, хоть можетъ быть, и мечтательному, и несбыточному.—Вообще душевное безпокойство въ русскомъ человѣкѣ выражается въ охотѣ къ перемѣнѣ мѣстъ, что выказалось и въ самомъ Пушкинѣ. Эта черта прошла и въ Кавказскомъ плѣнникѣ, еще рѣзче проявилась въ Алекѣ, подготовлялась въ Евгеніи Онѣгинѣ; она же не могла не привлечь вниманія поэта, уже выразившись какъ сила, давшая лицу историческое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ Григорій Отрепьевъ тѣмъ въ особенности и интересенъ, что является представителемъ вѣковой бродячей силы въ русской землѣ. Изъ роду боярскихъ дѣтей, возвысившись надъ толпой грамотностью, увлекаемый безпокойнымъ духомъ, онъ скитается то по монастырямъ, то среди казаковъ, какъ будто чего-то ищетъ, носитъ какую-то неясную идею, наконецъ перебирается за рубежъ, въ Польшу, и тамъ дѣлается орудіемъ іезуитовъ, прикрытый именемъ русскаго царевича. Обстоятельства помогаютъ ему, и вотъ бродяга быстро является на русскомъ престолѣ, какъ какой-нибудь сказочный удалецъ. Пушкинъ хорошо понялъ, что это былъ не простой плутъ-пройдоха, не обыкновенный искатель приключеній, а та типическая русская натура, не находящая себѣ покоя въ своемъ состояніи, ищущая себѣ исхода въ бродячей жизни, отданной на произволъ случайностей. Гибнутъ наши скитальцы отъ разныхъ случайностей. Одна изъ нихъ довела до гибели и Григорья Отрепьева черезъ Московскій престолъ.

Исторія самозванца сближаетъ двѣ родственныя и враждебныя національности—русскую и польскую. Историческое вѣковое столкно-

веніе между ними составляло жгучій вопросъ и во время Пушкина, какъ и прежде и послѣ него. Тогда была рѣчь о примиреніи, но на условіяхъ, обидныхъ для русскаго самолюбія и патріотизма. Извѣстно, что императоръ Александръ, давъ Польшѣ отдѣльную конституцію, предполагалъ присоединить къ ней Литву и нѣкоторыя области съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Можетъ быть, онъ и сдѣлалъ бы это, если бы не послышался явный ропотъ со стороны русскихъ патріотовъ, которые нашли выраженіе своей мысли и чувства въ извѣстной запискѣ Карамзина о Польшѣ. Понятно, что представленіе одного изъ важныхъ моментовъ столкновенія должно было имѣть интересъ не только историческій, но и жизненныв, современный. Пушкинъ видѣлъ, что могъ прекрасно воспользоваться этой эпохой, поставивъ рядомъ типы старорусскіе и польскіе. Въ изображеніи послѣднихъ высказалась вся сила геніальнаго его творчества: они вышли столько же вѣрные и живые какъ и первые. Видно, что они создались не по отвлеченной идеѣ, ни по разсудочнымъ соображеніямъ, а изъ такихъ же живыхъ впечатлѣній, изъ какихъ фантазія поэта только и брала себѣ матерьялы. Невольно спрашивается: откуда же у него могъ быть такой запасъ впечатлѣній? Конечно, съ современными поляками онъ могъ часто встрѣчаться и въ Кишиневѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ. Но ему нужно было создавать историческіе типы, слѣдовательно хоть нѣсколько познакомиться съ польскими національными писателями стараго времени, чтобы уловить коренныя черты народности. По нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ заключить, что Пушкинъ былъ знакомъ съ польскимъ языкомъ, слѣдовательно и польская литература была ему доступна; но намъ неизвѣстно, что именно изъ нея прочиталъ онъ для созданія нужныхъ ему типовъ. Какъ бы то ни было, но фантазія Пушкина нашла матерьялы, чтобы рѣзко представить польскую національность въ соприкосновеніи ея съ московско-русскою. Мы видимъ у него Польшу, развившуюся подъ сильнымъ вліяніемъ римско-католическаго образованія съ значительной долей іезуитизма, видимъ, что главная точка враждебнаго соприкосновенія двухъ народностей была въ различіи вѣроисповѣданій, видимъ, что вызовъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Польшей, у которой соединялись разсчеты религіозные съ государственными. Но взяла верхъ не польская сила, а русская измѣна въ лицѣ новаго случайнаго человѣка, честолюбиваго Басманова, ради котораго царь „сломилъ рогъ родовому боярству, презрѣлъ и чинъ разрядный и гнѣвъ бояръ“, назначивъ его главнымъ предводителемъ войска и ввѣривъ защиту престола со всей землею. Русская сила сама себя побѣдила и не унижена передъ польскою.

Особенно проявится разница въ типахъ обѣихъ національностей, если поставить рядомъ патера Черниковскаго и простодушнаго и наивнаго патріарха съ игуменомъ и Пименомъ; пановъ Мнишка и Вишневецкаго съ ихъ европейскимъ лоскомъ, съ чувствомъ польской вольности и бояръ Шуйскаго, Воротынскаго, Пушкина; Марину и Ксенію,

служанку Рузю и мамку Ксеніи, піиту предсказывающаго побѣду латинскими стихами и юродиваго, грозящаго бѣдою.

Мы старались показать, что Пушкинъ нашелъ въ исторіи Бориса Годунова, чтобы передѣлать ее въ драму и дать ей интересъ современнаго живого произведенія. Оказалось въ ней много сторонъ, которыя могли вдохновить поэта близкимъ отношеніемъ къ его современности. Руководствуемый разсказами Карамзина, лѣтописями и разными историческими документами, онъ могъ создавать типическіе образы и даже отдѣльныя сцены, но этого было недостаточно для того, чтобы сложилась полная драма. Ему нужно было еще выяснить, въ чемъ заключается драматическое искусство и какихъ правилъ слѣдуетъ держаться драматическому писателю. Онъ былъ хорошо знакомъ съ теоріей французской драмы; но въ ней онъ видѣлъ много фальши и такихъ условныхъ требованій, которыя стѣсняли свободу творчества. Онъ сталъ изучать Шекспира и восхитился тою жизненностью, какою отличаются всѣ его характеры. Сравненіе шекспировскихъ драмъ съ трагедіями Корнеля, Расина, Байрона и съ комедіями Мольера вполнѣ опредѣлило ему недостатки послѣднихъ и выяснило художественныя достоинства первыхъ, гдѣ человѣкъ въ каждую минуту и на каждомъ мѣстѣ является полнымъ человѣкомъ и притомъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть въ своемъ положеніи, а не ходульнымъ олицетвореніемъ какой-нибудь идеи или страсти, чѣмъ отличаются французскія трагедіи и комедіи. Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ разсужденій Пушкина по поводу Шекспира, укажемъ только на выводы, какіе онъ для себя сдѣлалъ: настоящіе законы трагедіи—правдоподобіе положеній, истина разговора, правдоподобіе характеровъ, истина чувствъ. Это устраняетъ всякое субъективное отношеніе къ лицамъ и требуетъ, чтобы каждое лицо жило своею собственною жизнію. „Шекспиру подражалъ я, писалъ Пушкинъ,—въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ“. Но собственно это нельзя назвать подражаніемъ. Точнѣе было бы сказать, что у Шекспира онъ научился изображать характеры; въ самыхъ же характерахъ у него нѣтъ подражанія. Но мы нигдѣ не видимъ, чтобы Пушкинъ выяснилъ себѣ сущность драматическаго искусства, въ чемъ долженъ заключаться главный интересъ драмы. Въ одномъ письмѣ къ Бестужеву въ томъ же 1825 году, когда онъ изучалъ Шекспира и задумывался надъ вопросомъ о драмѣ, говоря о комедіи „Горе отъ ума“, Пушкинъ замѣчаетъ: „Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ“. Слѣдовательно, онъ не полагаетъ никакихъ общихъ законовъ драмы. Это какъ нельзя болѣе согласуется съ той свободой творчества, которую онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ истинной поэзіи. Цѣль драмы, по его взгляду — характеры и рѣзкая картина нравовъ. „Я старался соединить оба эти рода“, говоритъ онъ. А между тѣмъ у Шекспира кромѣ этого въ каждой драмѣ есть глубокій драматическій интересъ, кипучая борьба страстей, отъ которыхъ

и зависитъ судьба личностей. На это Пушкинъ не обратилъ вниманія, отчего у него изъ отдѣльныхъ, прекрасно обработанныхъ сценъ и не вышло драмы. „Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій", говоритъ онъ, значитъ, вся его забота была въ цѣломъ остаться вѣрнымъ Карамзину. Здѣсь онъ добровольно ограничилъ свою свободу авторитетомъ историка и сдѣлалъ большую ошибку, какъ историческую, такъ и художественную. Историческая ошибка произошла отъ смѣшенія взгляда историка со взглядами нѣкоторыхъ современниковъ Бориса Годунова. Но у послѣднихъ эти взгляды вытекали изъ недоброжелательнаго чувства и не возвышались надъ ихъ невѣжественными понятіями, а у историка они обратились въ объясненіе внутреннихъ причинъ событія и приняли уже мистическій характеръ, съ которымъ исторія не можетъ мириться. Отсюда всѣмъ движеніемъ будто бы управляла какая-то высшая таинственная сила въ родѣ судьбы или Немезиды, карающей за преступленіе тѣхъ, которые стали недоступны человѣческому суду. Черезъ это пострадало и искусство: драматическій интересъ въ лицахъ пропалъ, и сдѣлалось невозможнымъ развитіе сильныхъ характеровъ. И вотъ рѣзкое различіе между Шекспиромъ и Пушкинымъ: у Шекспира характеры свободно развиваются и съ этимъ вмѣстѣ исчерпываются до глубины, у Пушкина изображаются какъ готовые типы; отсюда второстепенныя лица вышли у него наиболѣе живыми и художественными; тогда какъ главные Борисъ Годуновъ и Григорій Отрепьевъ, на которыхъ долженъ бы былъ сосредоточиться весь интересъ драмы, вышли слабы. Мы не будемъ разбирать ихъ въ подробности, такъ какъ уже прежде насъ, давно, Бѣлинскій, съ свойственнымъ ему художественнымъ чутьемъ указалъ на этотъ недостатокъ [1]). Прибавимъ только къ этому, что самозванецъ, какимъ онъ явился въ Польшѣ, у Пушкина не имѣетъ ничего общаго съ Григорьемъ Отрепьевымъ: одинъ въ другого никакъ не могъ переродиться — это двѣ разныя личности, выросшія на разныхъ почвахъ, при разныхъ вліяніяхъ. Надо полагать, что на созданіе этого двойственнаго лица имѣли вліяніе кромѣ русскихъ, еще польскіе или какіе нибудь иностранные источники.

Отъ невыясненныхъ общихъ законовъ драматическаго искусства у Пушкина произошло колебаніе, когда ему пришлось дать какое нибудь видовое названіе своему поэтическому произведенію: сначала онъ его назвалъ комедіей о Царѣ Борисѣ, потомъ скоро перемѣнилъ это названіе на трагедію, и наконецъ въ печати уничтожилъ всякое названіе. Бѣлинскій впослѣдствіи называлъ его эпической поэмой въ разговорной формѣ, также драматической хроникой. Это послѣднее названіе стали повторять въ послѣдующемъ поколѣніи, какъ бы изъ желанія отдѣлаться отъ вопроса: къ какому виду драмы слѣдуетъ отнести произведеніе. Но этимъ собственно ничего не опредѣляли, и не

[1]) Сочиненіе Бѣлинскаго, т. VIII.

устранили того неопредѣленнаго чувства или впечатлѣнія, какое оставалось по прочтеніи всѣхъ сценъ. Почти каждая изъ нихъ сама по себѣ говоритъ, что надъ ней работалъ геніальный художникъ; но въ цѣломъ нѣтъ живой опредѣленной идеи и чувствуется какая-то фальшь.

Въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ назвалъ эпоху, имъ выбранную, одною изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Значитъ, драматизмъ ему представлялся не въ лицахъ, а въ цѣлой эпохѣ, т. е. какъ будто бы весь народъ былъ поставленъ въ драматическое положеніе, и напрягалъ всѣ свои силы — физическія и нравственныя въ борьбѣ за существованіе. Кажется, что эта сторона въ особенности и занимала Пушкина: въ Борисѣ Годуновѣ въ самомъ дѣлѣ главною дѣйствующею силою представляется народъ въ широкомъ значеніи этого слова, хотя онъ всею массою рѣдко является на сцену; но его безпокойный, тревожный, иногда бурливый голосъ слышится повсюду; онъ начинаетъ представленіе, онъ и кончаетъ его, какъ будто идетъ вездѣ вопросъ о его судьбѣ, а не объ интересахъ какихъ нибудь личностей, какія обыкновенно изображаются въ драмахъ. Съ этой точки зрѣнія произведеніе Пушкина дѣйствительно могло бы представить особый видъ драмы, еслибы въ немъ выразилась вся та эпоха, которую онъ назвалъ драматическою. Но въ немъ мы видимъ только первое дѣйствіе, конецъ же долженъ бы быть въ народномъ соборѣ выборныхъ отъ русской земли 1613 года. Не эта ли мысль была у Пушкина, когда онъ освѣдомлялся, чѣмъ Карамзинъ думаетъ закончить свою исторію, доведетъ ли ее до избранія Романовыхъ? У насъ есть свѣдѣнія, что его дѣйствительно занимала мысль представить въ особыхъ пьесахъ Василія Шуйскаго, Марину Мнишекъ, и слѣдовательно изобразить всю драматическую эпоху. Тогда, можетъ быть, и Борисъ Годуновъ получилъ бы особое для насъ значеніе, какъ часть цѣлаго; тогда, можетъ быть, еще съ большей силой дѣйствовало бы это народное молчаніе въ отвѣтъ на вызовъ кричать „да здравствуетъ царь Димитрій". Тогда вышла бы и народная драма, надъ которой задумывался Пушкинъ.

„Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить", писалъ Пушкинъ въ сознаніи своихъ могучихъ силъ, работая надъ Борисомъ Годуновымъ. Но эта работа принесла ему еще нравственную пользу: онъ почувствовалъ сердцемъ свою кровную связь съ русской стариною, съ давно-прошедшею жизнью, развившеюся при особенныхъ историческихъ условіяхъ, живѣе почувствовалъ себя гражданиномъ своей земли, понялъ, что нельзя безпочвенному человѣку быть безкорыстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, а пока онъ не проникъ въ исторію своего народа, онъ человѣкъ безпочвенный. Съ этого времени Пушкинъ сталъ больше углубляться въ изученіе исторической русской жизни, и въ ней укрѣплять корни русской поэзіи. Она была возвращена на свою настоящую почву.

Благодаря Борису Годунову, Пушкинъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на народный русскій языкъ, на колоритъ старинной русской рѣчи. Надъ языкомъ вообще онъ задумывался и прежде. Еще изъ Одессы писалъ онъ князю Вяземскому: „Я желалъ бы русскому языку оставить нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристала. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе". Этого Пушкинъ уже не могъ сказать о языкѣ въ Борисѣ Годуновѣ. Онъ выработанъ артистически, возвращенный къ первобытной простотѣ нашей народной рѣчи, въ немъ выражается не только складъ русскаго ума, но и типическія сословныя черты, сколько ихъ можно уловить въ старинныхъ памятникахъ русской письменности: языкъ боярскій, дьяческій, монашескій, простонародный, каждый отличается своими особенностями и свидѣтельствуетъ, что надъ нимъ работалъ еще небывалый художникъ.

Особенно производительны для Пушкина были первые мѣсяцы по пріѣздѣ его въ Михайловское. Какъ будто съ новыми впечатлѣніями, съ новой обстановкой фантазія его получила особенную силу. По свидѣтельству г. Анненкова, сцена въ Чудовомъ монастырѣ была имъ набросана въ началѣ января 1825 года, слѣдовательно надо полагать, что до этого было соображено все произведеніе по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, причемъ и много перечитано. Съ этимъ вмѣстѣ были окончены Цыганы, были почти на готовѣ III и IV главы Онѣгина, кромѣ тѣхъ произведеній, на которыя мы уже указали прежде. Припомнимъ, что въ Михайловское онъ явился въ августѣ мѣсяцѣ, что въ концѣ осени долженъ былъ пережить мучительное столкновеніе съ отцомъ, что̀ конечно должно было отвлекать его отъ работъ. Но и тутъ далеко не все время поэтъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ или приготовленію къ нимъ. Его подвижная, нервная натура требовала разнообразія, развлеченій. На его счастье въ близкомъ сосѣдствѣ мирно жило помѣщичье семейство, которое занимаетъ въ біографіи Пушкина видное мѣсто. Владѣтельница села Тригорскаго, вдова Прасковья Александровна Вульфъ-Осипова, женщина съ образованнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, жила тамъ съ двумя взрослыми дочерьми отъ перваго брака съ Вульфомъ и съ двумя малолѣтними отъ второго — съ Осиповымъ и съ падчерицею, также взрослою. Семья иногда увеличивалась пріѣздомъ племянницъ Прасковьи Александровны и дерптскаго студента Вульфа, родного ея сына. Пушкину легко было сблизиться съ этимъ семействомъ, такъ какъ еще прежде оно было въ дружескихъ отношеніяхъ съ его семьею. Зная, какъ легко привязывался онъ къ женщинѣ, какъ любилъ вести бесѣду въ женскомъ обществѣ, въ которомъ всегда являлся неистощимымъ въ остроумныхъ словахъ, въ шуткахъ, въ разсказахъ, мы можемъ себѣ представить, какъ онъ проводилъ время въ этомъ шум-

номъ, веселомъ кругу молодыхъ особъ. Намъ не приходится входить въ подробности его отношеній ко всѣмъ членамъ семьи, такъ какъ о томъ говорили уже другіе [1]). Имя Тригорскаго не разъ попадается въ его стихотвореніяхъ съ выраженіемъ самаго теплаго чувства. Первое время по пріѣздѣ въ Михайловское, сердце Пушкина было еще занято одесскими сердечными привязанностями; но впечатлѣнія отъ прошедшаго скоро уступили мѣсто настоящему. Поэтъ сталъ слегка увлекаться по очереди каждою изъ молодыхъ хозяекъ Тригорскаго, пока наконецъ сильная страсть снова не вспыхнула въ немъ, какъ увидимъ далѣе. Повидимому, для болѣе полной жизни ему не доставало только общества друзей; но этотъ недостатокъ отчасти вознаграждался частою перепискою съ ними, въ которой, какъ мы видѣли, поэтъ касался очень серьезныхъ предметовъ. Впрочемъ и тутъ судьба раза два сжалилась надъ нимъ. Въ началѣ 1825 года къ нему на одни сутки пріѣзжалъ лицейскій его товарищъ Пущинъ, написавшій впослѣдствіи свое воспоминаніе объ этой дружеской встрѣчѣ. Съ самаго выхода изъ лицея онъ попалъ въ члены тайнаго общества и оставался вѣренъ намѣченной себѣ цѣли до самаго 14 декабря. Пушкинъ еще живя въ Петербургѣ, подозрѣвалъ его въ этомъ соучастіи, всегда настойчиво выспрашивалъ, но ничего не могъ добиться. „Образъ его мыслей всѣмъ былъ извѣстенъ, говоритъ Пущинъ, но не было полнаго къ нему довѣрія“, т. е. всѣ смотрѣли на него какъ на легкомысленнаго юношу, который противъ воли, по одной опрометчивости, могъ проболтаться въ разговорахъ или даже въ стихахъ. Говоря о неумолкаемой бесѣдѣ въ Михайловскомъ, Пущинъ замѣчаетъ: „Незамѣтно коснулись опять подозрѣній насчетъ общества (т. е. тайнаго). Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Вѣрно все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать“. Потомъ успокоившись, продолжалъ: „Впрочемъ я не заставлю тебя говорить“ [1]). Пушкинъ хорошо понималъ, что находясь подъ тройнымъ надзоромъ, онъ не можетъ быть дѣятельнымъ членомъ какого бы ни было общества; а о надзорѣ ему только что напомнилъ настоятель Святогорскаго монастыря, прервавшій своимъ визитомъ бесѣду его съ другомъ, пріѣздъ котораго возбудилъ монашеское любопытство. Пушкинъ долженъ былъ ловко выживать незваннаго гостя, ублаготворяя его пуншемъ. У поэта въ головѣ въ это время гнѣздилась своя тайная мысль, вызываемая чувствомъ неволи.

„Мочи нѣтъ, хочется Дельвига“ взывалъ Пушкинъ въ Петербургъ и весною того же года онъ увидѣлъ своего Дельвига; а вскорѣ потомъ чувство дружбы, наполнявшее его сердце, уступило мѣсто чувству

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г., № 139—168, статья Семевскаго.
[1]) Лейпцигское изданіе Матеріаловъ для біографіи Пушкина.

любви, которое перешло въ бѣшеный порывъ страсти. Арабская кровь снова закипѣла отъ встрѣчи, которая еще за нѣсколько лѣтъ произвела на поэта сильное впечатлѣніе. Въ семейство Осиповой на лѣто пріѣхала замужняя племянница Анна Петровна Кернъ, мужъ которой, старый генералъ, былъ рижскимъ комендантомъ. Она была племянница извѣстнаго петербургскаго мецената Оленина, у котораго Пушкинъ въ первый разъ встрѣтился съ нею не задолго до своей ссылки, былъ пораженъ ея красотою, но напрасно старался обратить на себя ея вниманіе. Она едва замѣтила его и сильно уязвила его юное самолюбіе. Но тогда она сама была еще застѣнчивая, несмѣлая... Время и жизнь развили ее. Странствуя со своимъ старымъ и нелюбимымъ мужемъ по командировкамъ и по смотрамъ, она обратила на себя вниманіе даже императора Александра Павловича, цѣнителя женской красоты, и благодаря этому обстоятельству, мужъ ея, впавшій было въ немилость, получилъ спокойное мѣсто рижскаго коменданта. Все еще красивая и молодая, веселая, она затмила постоянныхъ обитательницъ Тригорскаго. Пушкинъ припомнилъ свою первую встрѣчу съ нею, съ которою соединялось и воспоминаніе объ оскорбленномъ самолюбіи, и это-то вѣроятно раздуло первую искру, которая вспыхнула въ его сердцѣ. Какъ сильно подѣйствовала на Пушкина эта красавица, видно изъ его стихотворенія, отнесеннаго къ ней: „Я помню чудное мгновеніе“—

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...
Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Въ дополненіе къ этой поэзіи у насъ есть письма влюбленнаго поэта, писанныя уже тогда, когда Прасковья Александровна, опасаясь бѣды, увезла свою красавицу-племянницу къ мужу въ Ригу. Пушкинъ получилъ отъ нея позволеніе писать, и тутъ-то высказалась вполнѣ эта страшная натура. Прочитавъ его письма, каждый скажетъ, что ихъ пишетъ не только влюбленный до безумія человѣкъ, но и человѣкъ необыкновенный. Тутъ раскрывается вся душа его, какъ и у всякаго въ порывѣ страсти. Всѣ вообще его пріятельскія письма отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, неожидаемыми оборотами рѣчи, шутливымъ тономъ, даже и тогда, когда, кажется, совсѣмъ бы не до шутокъ; но въ письмахъ къ любимой женщинѣ все это еще усиливается; а между тѣмъ здѣсь слышатся и бѣшеная любовь, и

нѣжность, и опасенія, и подозрѣнія, и ревность, и ничего нѣтъ натянутаго, фальшиваго, придуманнаго. Воспользуемся переводомъ нѣкоторыхъ отрывковъ этихъ писемъ, писанныхъ по французски [1]).

„Переписка ни къ чему не ведетъ, но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное хорошенькою вашею ручкою. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ... Прощайте божественная, бѣшусь и падаю къ вашимъ ножкамъ... Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете его опять у себя на груди".

Переписка началась 25 іюля и продолжалась до конца года. 14 августа Пушкинъ писалъ: „перечитываю ваше письмо вдоль и поперегъ и говорю: милая, прелесть, божественная! а потомъ: ахъ мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя, но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны, но иногда въ васъ не случается здраваго смысла; еще разъ простите и утѣшьтесь, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе... Вы говорите, что я не знаю вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло; очень я о немъ думаю, и развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное: глаза, зубы, ручки и ножки... Что подагра вашего супруга?.. Божественная, ради Бога постарайтесь, чтобъ онъ игралъ и чтобъ у него была подагра, подагра! Въ этомъ вся моя надежда!"...

Черезъ двѣ недѣли, вотъ ужъ какое предложеніе пишетъ влюбленный: „Если вашъ почтенный супругъ слишкомъ надоѣдаетъ вамъ, бросьте его, но знаете ли какъ? Оставьте вы ваше семейство, возьмите почтовыхъ въ Островъ и пріѣзжайте... куда? въ Тригорское? Ни чуть не бывало,—въ Михайловское! Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастіе. Вы скажете: а огласка? а скандалъ? Кой чортъ! Разставаясь съ мужемъ, дѣлаютъ полнѣйшій скандалъ, и все прочее—ничто или очень мало. Но сознайтесь, что проэктъ мой романическій... Увижу ли я васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣшьтесь! Очень хорошо, но чѣмъ и какъ? Влюбиться невозможно. Прежде всего надобно позабыть ваши прелести. Бѣжать въ чужіе края, удавиться, жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями и все это мнѣ отвратительно... Не правда ли я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ съ глазу на глазъ. Но если вы пріѣдете, я обѣщаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности—я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, ловокъ и прытокъ въ четвергъ; въ пятницу, субботу и воскресенье буду чѣмъ вамъ угодно, и всю недѣлю у вашихъ ногъ".

А вотъ слышится и голосъ ревности: „Вы мнѣ клянетесь всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете; а между тѣмъ вы на ты

[1]) Вполнѣ они напечатаны въ „Русск. Старинѣ", 1879, Ноябрь.

съ вашимъ кузеномъ. Не говорите мнѣ о томъ, что восхищаетесь мною: восхищеніе не есть чувство. Говорите мнѣ о любви, вотъ чего я жажду. Но въ особенности не говорите мнѣ о стихахъ... Не стану я проповѣдывать морали, но опять же къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ... Весьма желательно мнѣ знать, почему двоюродный вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15 числа текущаго мѣсяца, и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ вашемъ письмѣ ко мнѣ? Нескромность въ сторону: нельзя ли это узнать".

Въ письмѣ отъ 8 декабря повторяются все тѣ же страстныя рѣчи: „Опять берусь за перо, чтобъ сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасныя вещи, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что цѣлую ихъ еще въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны".

Изъ всего сказаннаго нами о жизни Пушкина въ Михайловскомъ нельзя заключить, что она текла однообразно, вяло; натура обыкновенная была бы пожалуй даже довольна ею, но геніальная натура Пушкина требовала себѣ не того для жизни; тѣ треволненія, которыя случались, не могли удовлетворить его стремленіямъ. Ему нужна была дѣятельность широкая, общественная; онъ могъ успокоиться только въ буряхъ. Къ нему какъ нельзя лучше примѣнимъ стихъ Лермонтова о парусѣ: „онъ, несчастный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой". Такимъ натурамъ нужна открытая борьба, безъ которой имъ некуда дѣть запаса своихъ громадныхъ силъ. Въ ранніе, юные годы эта, пока еще безсознательная, потребность борьбы выразилась у него въ стремленіи къ военной службѣ ради войны, какъ мы уже видѣли; другой борьбы, кромѣ военной ему не представлялось. Онъ приводитъ и своего героя, утомленнаго жизнію кавказскаго плѣнника на Кавказъ для борьбы съ горцами. Написавъ въ Кишиневѣ стихотвореніе „Война" по поводу греческаго возстанія, онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Мечта воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи". Съ большей ироніей нельзя было выразиться о своемъ положеніи. Чѣмъ, какъ не жаждой борьбы, можно лучше объяснить тѣ столкновенія, на которыя онъ часто какъ бы напрашивался, даже самое столкновеніе съ графомъ Воронцовымъ? Въ Михайловскомъ присоединилось еще чувство неволи, тяжелое для всякаго, а для такой натуры мучительное. Безъ позволенія начальства онъ не могъ даже пріѣхать въ городъ. Это чувство прекрасно выразилось въ стихотвореніи „Узникъ", написанномъ въ концѣ 1824 года. Его мысль, какъ „вскормленный въ неволѣ молодой орелъ", взываетъ къ нему:

Давай улетимъ!
Мы вольныя птицы, пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,

Туда, гдѣ синѣютъ морскія края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ да я!

Этотъ послѣдній стихъ показываетъ, какую широкую свободу представляла поэту его фантазія.

„Давай улетимъ!“ было въ мысляхъ Пушкина и прежде, когда въ его глазахъ отплывали корабли изъ одесскаго порта. Желаніе путешествовать въ чужихъ краяхъ было его любимою мечтою въ самыхъ юныхъ годахъ. Въ 1822 г. онъ писалъ князю Вяземскому: „Говорятъ, Чадаевъ ѣдетъ за границу. Давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать“. А черезъ годъ у него была мысль сѣсть на корабль безъ вѣдома начальства, но какая то сердечная привязанность, „могучая страсть“ какъ онъ выражается въ стихотвореніи „Къ морю“, удержала его отъ этого:

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ.

Въ Михайловскомъ снова заняла его мысль—бѣжать на чужбину, чтобы освободить свой духъ отъ чувства неволи, чтобы насладиться сознаніемъ свободы. Другого средства онъ не представлялъ себѣ—получить возможность жить такъ, какъ хочется душѣ. Много горечи слышится въ словахъ Пушкина, обращенныхъ къ кн. Вяземскому: „вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора! Грѣхъ гонителямъ моимъ“ [1]). Въ письмѣ къ Ал. Бестужеву онъ замѣчаетъ: „ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ бы былъ ихъ образумить“. Этому примѣру хотѣлось и ему слѣдовать, но въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же было учиться въ деревенской глуши? И вотъ у Пушкина сталъ созрѣвать планъ бѣгства. Въ немъ приняли участіе сама П. А. Осипова и сынъ ея студентъ Вульфъ, съ которымъ Пушкинъ очень подружился. Нужно было прежде всего попасть въ Дерптъ, откуда уже не представлялось большихъ затрудненій перешагнуть черезъ границу. Для этого слѣдовало указать на какую нибудь серьезную болѣзнь, которая требовала бы помощи искусныхъ медиковъ; а въ Дерптѣ, какъ университетскомъ городѣ, можно было найти ихъ. Болѣзнь нашлась. Еще въ Одессѣ въ письмѣ объ отставкѣ Пушкинъ писалъ: „Вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ 8 лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть. Могу представить свидѣтельство, котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится“. Казалось ли Пушкину, что у него дѣйстви-

[1]) Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ дѣлаетъ приписку: „нѣкто Вибій Серекъ по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“

тельно была эта болѣзнь, или то былъ невинный вымыселъ, мы не знаемъ, но только на этой самой болѣзни былъ основанъ и планъ бѣгства. Пушкинъ написалъ императору письмо „дѣльное и благоразумное“, какъ онъ говоритъ, съ просьбою позволить лѣчиться ему въ Дерптѣ или въ какой нибудь столицѣ. Но письмо не дошло по назначенію. Оно только всполошило всю семью Пушкина, не знавшую настоящей дѣйствительности. Мать его написала чувствительное письмо государю, подняла на ноги Жуковскаго, Карамзина и друг. И вотъ въ то время, какъ поэтъ писалъ къ отсутствующей П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаніи мирномъ оставаться,
Вздыхать о мирной старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться,
Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,

онъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что ему позволено лѣчиться но только во Псковѣ, куда его родные черезъ посредство Жуковскаго приглашали изъ Дерпта знаменитаго хирурга Майера. Не ожидая такого рѣшенія, Пушкинъ былъ внѣ себя и объявилъ рѣшительно, что отъ Пскова онъ отказывается. Не останавливаясь на подробностяхъ всего этого дѣла [1]), мы только воспользуемся нѣкоторыми отрывками письма князя Вяземскаго, который въ качествѣ друга накинулся на поэта за его странное и двусмысленное поведеніе [2]). Оно показываетъ, какъ близкіе къ поэту люди, не понимая его психическаго состоянія, стали смотрѣть на него. Оно писано 28 августа 1825 года: „Твоя мать узнала, что у тебя аневризмъ въ ногѣ: она совѣтуется съ людьми, явно въ твою пользу расположенными—Карамзинымъ, Жуковскимъ. Жуковскій вызывается доставить тебѣ помощь Майера, извѣстнаго искусствомъ своимъ. Государь назначаетъ тебѣ Псковъ. Кто же тутъ виноватъ? Каждый дѣлалъ свое дѣло, одинъ ты не дѣлаешь своего и портишь дѣло другихъ, а особливо же свое. Отказываясь ѣхать, ты наводишь подозрѣніе на свою мать, что она хотѣла обольстить довѣренность царя и вымышленнымъ аневризмомъ насильно выхватить твою волю. Портишь свое положеніе для будущаго времени, ибо этимъ отказомъ подаешь новый поводъ къ тысячѣ заключеній о твоихъ намѣреніяхъ, видахъ, надеждахъ. И для насъ, тебя знающихъ, есть какая то таинственность, несообразность въ упорствѣ не ѣхать въ Псковъ. Что же должно быть въ умѣ тѣхъ, которые ни времени, ни охоты не имѣютъ ломать голову себѣ надъ разгадываніемъ твоихъ своенравныхъ и сумасбродныхъ логогрифовъ?

---

[1]) Онѣ изложены у г. Анненкова въ книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“.
[2]) „Русск. Арх.“ 1874 г. № 1.

Они удовольствуются первою разгадкою, что ты человѣкъ неугомонный, съ которымъ ничто не беретъ, который изъ охоты идетъ на перекоръ власти, друзей, родныхъ и котораго вѣрнѣе и спокойнѣе держать на привязи, подальше... Зачѣмъ же затягивать новый узелъ? Не могу понять, да вѣроятно ты и самъ не понимаешь, а любуешься въ суматохѣ: тебѣ хочется жаловаться на судьбу, на людей, и гдѣ они тебѣ благопріятствуютъ, тамъ ты исподтишка путаешь все, что они ни сдѣлаютъ. Будь доволенъ. Ты не на пуховикахъ пронѣжилъ свою молодость и не въ оранжереяхъ взростилъ свои лавры. Можно войти погрѣться въ избу и поваляться на лежанкѣ. Уже довольно былъ ты въ раздражительности и довольно искръ вспыхнуло изъ этихъ электрическихъ потрясеній. Отдохни. Попробуй плыть по водѣ, ты довольно боролся съ теченіемъ. Разумѣется, не совѣтую плыть по водѣ къ грязному берегу, чтобъ запачкаться въ тинѣ; но въ новой стезѣ, открываемой передъ тобою, ничто не задѣнетъ совѣсти твоей, ничто не запятнаетъ характера... Душа должна быть тверда, но не хорошо ей и щетиниться при каждой встрѣчѣ. Ты можешь почерствѣть въ этой недовѣрчивости къ людямъ, которою ты закалиться хочешь. И какое право имѣешь ты на недовѣрчивость? Развѣ одну неблагодарность свою? Лучшіе люди въ Россіи за тебя. Имя твое сдѣлалось народною собственностью. Чего тебѣ не достаетъ? Ты ли одинъ терпишь и на тебѣ ли одномъ обрушилось бремя невзгодъ, сопряженныхъ съ настоящимъ положеніемъ не только нашимъ, но вообще европейскимъ? Если приперло тебя потѣснѣе, то вини свой пьедесталъ, который выше другого... Не самъ ли ты частью виноватъ въ своемъ положеніи? Ты сажалъ цвѣты, не сообразясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и все... Ты любуешься въ гоненіи. Оно у насъ, какъ и авторское ремесло еще не есть почетное званіе. Оно—званіе только для не многихъ; для народа оно не существуетъ. Гоненіе придаетъ державную власть гонимому только тамъ, гдѣ господствуютъ два раскола общественнаго мнѣнія. Ты можетъ быть силенъ у насъ только одною своею славою, тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностью; но несчастіе у насъ не имѣетъ силъ ни на грошъ. Хоть будь въ кандалахъ... ихъ звукъ не разбудитъ ни одной новой мысли въ толпѣ, въ народѣ, который у насъ мало чутокъ... У насъ никому нѣтъ мѣста почетнаго... Опозиція у насъ пустое и безплодное ремесло во всѣхъ отношеніяхъ... Оно не въ цѣнѣ у народа... Поклоняемся мы одному счастію, и благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцесловѣ народа ребяческаго... Пушкинъ по характеру своему, Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ; за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворная отрыжка... Донъ-Кишотъ новаго рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь передъ вѣтренною мельницею, въ которой не только Бога или святого, но и мельника не бывало“...

Такимъ языкомъ нужно было говорить съ Пушкинымъ, чтобы укрощать кипучую его натуру. Это языкъ твердый, прямой, безпощадный, но въ то же время и дружескій, доброжелательный, и онъ могъ сдерживать ярость страстнаго человѣка и доводить до минуты хладнокровнаго разсужденія. На всѣ укоры Вяземскаго Пушкинъ отвѣчалъ нѣсколькими словами, въ которыхъ слышатся и глубокая грусть, и иронія: „ты вбилъ въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя, меня тошнитъ. Но предлагаемое, да ѣдятъ“. Это было написано 15 сентября, а черезъ недѣлю Пушкинъ писалъ къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ: „Вашъ совѣтъ написать его величеству тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы обо мнѣ думали—благодарю тебя за него на колѣняхъ; но послѣдовать ему не могу. Участь моего существованія должна рѣшить судьба; я въ это дѣло не хочу вмѣшиваться“.

Изъ этихъ словъ видно, что невольникъ нѣсколько примирился со своей неудачей, конечно не на долго. „Экой ты неуимчивый!“ говорила ему его няня, и точнѣе слова нельзя было подобрать для опредѣленія его характера. Пушкину самому такъ оно понравилось, что онъ передалъ его въ письмѣ князю Вяземскому. Положившись на судьбу, онъ въ то же время старается увѣрить себя, что исходъ его неволи близокъ. Такъ въ стихотвореніи 19-го октября, представляя себѣ пирующихъ въ этотъ день лицейскихъ товарищей и жалуясь на свое одиночество, онъ прибавляетъ:

Пора и мнѣ... Пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните-жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній.
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

Но поэтъ конечно не предчувствовалъ, какія событія осуществятъ его завѣтную мечту. Умеръ императоръ Александръ Павловичъ. На тронѣ провозглашенъ Константинъ Павловичъ. Пушкинъ въ письмѣ къ Катенину радостно привѣтствовалъ его восшествіе: „бурная его молодость, писалъ онъ, напоминаетъ Генриха V; отъ новаго царствованія я ожидаю много хорошаго“. Взглядъ его на умершаго правителя выразился въ письмѣ къ Жуковскому: „Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра I. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа; слѣдовательно, я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба“.

Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о 14-мъ декабря и его послѣдствіяхъ. Оно поразило Пушкина. Первый его порывъ былъ

самовольно оставить Михайловское и мчаться къ Петербургу: но благоразуміе взяло верхъ. Онъ остался выжидать другихъ новостей. И онѣ были очень неутѣшительны. Много друзей, пріятелей, знакомыхъ, людей даровитѣйшихъ, умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ, сдѣлались жертвами событія. Пушкинъ почувствовалъ себя въ двусмысленномъ положеніи. Онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ и даже не зналъ о немъ, значитъ, онъ не сознавалъ въ себѣ вины передъ новымъ правительствомъ и могъ просить его о своемъ освобожденіи; но съ другой стороны прошедшее его было далеко не безупречно въ глазахъ государственной власти, которая могла дѣлать заключенія не въ его пользу. Нужно было очистить себя отъ всякихъ подозрѣній. Судя по нѣкоторымъ его письмамъ, можно думать, что они были писаны съ особеннымъ намѣреніемъ: предполагалось, что частныя письма распечатываются на почтѣ и такимъ способомъ пріобрѣтаются нужныя для правительства свѣдѣнія. Пушкинъ думалъ употребить эту почтовую нескромность въ пользу свою и даже своихъ друзей. Такъ въ письмѣ его къ Дельвигу видится совсѣмъ не то дружеское перо, какимъ обыкновенно писались его письма: „Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь, и дай Богъ, чтобъ было понапрасну. Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности—но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна“...

Замѣчательно письмо его къ Жуковскому, гдѣ видится прямой, честный человѣкъ, который не вступаетъ ни въ какія сдѣлки со своей совѣстью: „Мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ: легко можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно. Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу: съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы), но вамъ рѣшительно говорю: не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc... Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: В. В. если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться“.

Въ то же время Пушкинъ писалъ Дельвигу: „просить мнѣ какъ-

то совѣстно, особенно нынѣ: образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдовалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ... Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ. и конечно, это ни отъ кого, кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны".

Кажется, не нужно никакихъ поясненій, чтобы ясно представить себѣ этотъ могучій характеръ, выработанный несчастіями и гоненіемъ. Ими онъ завоевалъ себѣ положеніе, и не признавая за собою никакой гражданской вины, не хотѣлъ отступить, склонивши покорную голову; не хотѣлъ просить и милости, а ждалъ должнаго — справедливости. Мы можемъ сказать, что у насъ поэтъ первый вырабатывалъ въ самомъ себѣ, въ своемъ характерѣ идеалъ гражданина, отказавшись отъ чести быть чиновникомъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ вліятельныя лица стали хлопотать въ пользу освобожденія Пушкина. По словамъ Липранди весною 1826 г. онъ слышалъ отъ отца поэта, что уже обѣщано въ скоромъ времени дозволить ему вернуться въ Петербургъ за отцовскимъ поручительствомъ. А братъ его Левъ даже сдѣлалъ нѣкоторое самопожертвованіе въ его пользу. Кто-то просилъ за Пушкина графа Бенкендорфа, лицо, сдѣлавшееся весьма сильнымъ при новомъ правительствѣ. Бенкендорфъ обѣщалъ принять въ немъ участіе, предложивъ въ то же время брату его вступить въ дивизіонъ жандармовъ, который въ то время только что формировали и шефомъ котораго былъ назначенъ самъ Бенкендорфъ. Противъ такой службы были какъ отецъ, такъ и сынъ. Но лицо, ходатайствовавшее передъ Бенкендорфомъ за ссыльнаго поэта, напугало ихъ, что отказомъ отъ предлагаемой службы могутъ окончательно повредить Александру Сергѣевичу, такъ какъ графъ можетъ принять такой отказъ за личное оскорбленіе. Этого было достаточно, чтобы побѣдить въ юношѣ, страстно любившемъ брата, нерасположеніе къ жандармской службѣ: онъ поспѣшилъ записаться юнкеромъ въ новый дивизіонъ. Самъ старикъ Пушкинъ не сопротивлялся, оцѣнивъ благородный порывъ младшаго сына. Такимъ образомъ всѣ люди, близкіе нашему поэту въ Петербургѣ, дѣлали все, чтобы направить его дѣло къ желанному концу. Въ началѣ лѣта онъ и самъ рѣшился подать о себѣ голосъ. Въ прошеніи на высочайшее имя онъ указалъ на причину своей ссылки, заявилъ о твердомъ намѣреніи болѣе не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку и просилъ позволенія ѣхать въ Москву или въ Петербургъ или въ чужіе края, чтобы возстановить свое разстроенное здоровье. Къ прошенію вмѣстѣ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ

отъ псковской врачебной управы, онъ присоединилъ отдѣльное обязательство не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ. Представивъ всѣ эти бумаги псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу, Пушкинъ сталъ спокойно ожидать конца дѣла. Болѣе всего плѣняла его мысль о заграничной поѣздкѣ. „Если царь дастъ мнѣ слободу, писалъ онъ князю Вяземскому, то я мѣсяца не останусь... Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы или парижскіе театры, то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство". На просторъ рвалась душа поэта, хотѣлось ей свободно подышать воздухомъ просвѣщенныхъ странъ Европы. Минутами ему казалось, что онъ ненавидитъ свое отечество; но на самомъ дѣлѣ онъ ненавидѣлъ отечественное невѣжество, тотъ нравственный гнетъ, который вытекалъ изъ офиціальныхъ порядковъ родной земли. Еще въ самые юные годы Пушкинъ соединилъ съ чужими краями такія идеальныя представленія, почвы для которыхъ не находилъ на родинѣ:

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: „въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?"
Отечество почти я ненавидѣлъ!..

Поэтъ дѣйствительно многое ненавидѣлъ въ отечествѣ; но въ то же время и глубоко любилъ его, только съ этой любовью не соединялось ничто свѣтлое, успокоительное, отрадное, а наоборотъ, что-то грустное, страдательное. Такъ любитъ мать своего искалѣченнаго но все же милаго ребенка. Не могъ не любить отечества тотъ человѣкъ, который съ такой сердечной горечью писалъ слѣдующія строки:

„Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича [1]); предъ madame Stael заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: мальчикъ, забавляй Гектора (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это

[1]) Пушкина, дядю нашего поэта.

чувство"... Вотъ эта-то досада и выдавала патріотизмъ нашего поэта, который не хотѣлъ въ немъ признаться.

Все лѣто 1826 г. у Пушкина прошло въ ожиданіи свободы. Тригорское общество оживилось еще болѣе пріѣздомъ студента-поэта Языкова, съ которымъ Пушкинъ дружески сошелся. Но шумныя бѣсѣды и веселыя пирушки не помѣшали фантазіи поэта создать въ то же время грандіозный образъ пророка, гдѣ у него мысль возвышается до религіознаго настроенія. Ему открылось то высшее служеніе міру, до котораго человѣкъ можетъ дойти путемъ высшаго духовнаго просвѣщенія, путемъ томленія и страданія. Его единственнымъ орудіемъ дѣлается горячее слово, которымъ онъ будетъ жечь сердца, указывая высшія цѣли жизни. Прежній образъ поэта, выработанный Пушкинымъ, какъ общественнаго пѣвца, какъ участника славныхъ подвиговъ, теперь уже потерялъ свое значеніе. Произошло крушеніе; всѣ пловцы погибли; остался только одинъ „таинственный пѣвецъ", выброшенный на берегъ [1]). Не кому уже пѣть ему, не кого ободрять и одушевлять на подвиги своими пѣснями. И вотъ вмѣсто него возникаетъ одинокій, величественный образъ библейскаго пророка, у котораго уже другое назначеніе. Онъ не идетъ на ряду съ общественными дѣятелями-героями; онъ одиноко выходитъ изъ мрачной пустыни, просвѣтленный, одинъ несетъ въ сердцѣ горе людское и ждетъ высшаго призыва. Въ фантазіи нашего поэта призывъ этотъ совершается: пророкъ съ именемъ „пророка Россіи" долженъ явиться передъ царемъ, „облекшись позорной ризой и съ вервіемъ на выѣ [2])". Вотъ какая роль предназначалась ему въ предѣлахъ родной земли. Но въ дѣйствительности вышло иначе. Самъ царь протянулъ руку одинокому пророку Россіи. 4 сентября Пушкинъ узналъ о перемѣнѣ своей судьбы. Неволя его повидимому окончилась; а его фантазія расширила предѣлы дѣятельности пророка—моря и земли. Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ подробностей освобожденія Пушкина, такъ какъ онѣ довольно извѣстны по разсказамъ другихъ.

В. Стоюнинъ.

---

[1]) См. стихотвореніе Аріонъ (1830):

Насъ было много на челнѣ...

[2]) По первоначальной редакціи стихотворенія „Пророкъ". См. въ „Русской Старинѣ" 1879 г.

ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ.

(По поводу книги г. Гастона Буассье).

I.

Жизнь отдаленныхъ вѣковъ и заключившихъ свое существованіе гражданскихъ обществъ, всегда имѣла для образованныхъ и любящихъ углубляться въ судьбы человѣчества людей много привлекательнаго. Чѣмъ таинственнѣе для насъ эта прошедшая жизнь, чѣмъ болѣе загадочнаго представляютъ для насъ ея нѣмые памятники, тѣмъ неудержимѣе наше стремленіе постигнуть то, что хранится подъ развалинами исчезнувшихъ городовъ, какой смыслъ таится въ дошедшихъ до насъ скудныхъ и иногда мало понятныхъ письменахъ, что думали, что чувствовали и какъ жили люди, которые ихъ намъ оставили. Самые ничтожные предметы обыденной жизни, которымъ мы въ нашемъ быту обыкновенно не придаемъ значенія, затрогиваютъ въ сильной степени наше любопытство, коль скоро эти предметы дошли къ намъ изъ временъ далекихъ, какъ слѣды жизни минувшихъ поколѣній, не существующихъ болѣе гражданскихъ обществъ, исчезнувшихъ народовъ. Какая-нибудь ничего не стоющая монета, никуда не годный теперь предметъ домашней утвари, осколокъ разбитой вазы, кусокъ надгробной плиты съ остатками нѣсколькихъ буквъ бывшей на ней надписи, заржавѣвшая шпилька, сломанная пряжка—все это насъ интересуетъ, все это мы помѣщаемъ на видныхъ мѣстахъ въ своихъ домашнихъ коллекціяхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ предметовъ, хранимъ въ государственныхъ и общественныхъ музеяхъ, на ряду съ драгоцѣнными произведеніями ваянія и живописи. Десятки тысячъ людей всякаго званія и образованія ежегодно приходятъ въ эти музеи и съ молчаливымъ вниманіемъ разсматриваютъ вынутую изъ древней могилы серьгу, булавку, ожерелье, найден-

ный въ землѣ мѣдный котелокъ, какое-нибудь орудіе пытки и т. п. Самый необразованный простолюдинъ, самый лѣнивый и невнимательный человѣкъ навостряетъ уши, когда слышитъ разсказъ о томъ, какъ жили люди въ далекую старину, что они пили и ѣли, какъ одѣвались, чѣмъ занимались, во что̀ вѣрили, чего боялись и чему покланялись.

Но проникать въ смыслъ сохранившихся памятниковъ древности дано не всякому. Требовалась бездна ума, проницательности и терпѣнія, чтобы заставить заговорить предъ нами египетскіе іероглифы, ассирійскія клинообразныя надписи, чтобы возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, преемственную исторію культуры народовъ, въ отдаленнѣйшія времена смѣнявшихъ, вытѣснявшихъ и истреблявшихъ другъ друга въ передней Азіи, въ этой колыбели европейской гражданственности. Но никакія усилія не помогли до сихъ поръ разгадать, напр., письмена одного изъ самыхъ любопытныхъ народовъ древности, обитавшаго въ Средней Италіи, этрусковъ или тирренцевъ, какъ ихъ называли греки, и даже самое происхожденіе этого народа, исторія котораго такъ тѣсно была связана съ судьбами Рима, до сихъ поръ остается неразгаданнымъ. Ни Ланци, ни Отфридъ Миллеръ, ни Ноэль де Верже, ни Корсенъ, ни Декке, никто не могъ здѣсь завоевать себѣ славы Шампольона и вознаградить себя успѣхами, какіе достались на долю новѣйшихъ египтологовъ, Бругша и Маріэтта, и изслѣдователей ассирійской древности—Раулинсона, Леярда, Георга Смита, Опперта, Ленормана, Шрадера и другихъ неутомимыхъ дѣятелей на поприщѣ ассиріологіи. Но даже и при изученіи памятниковъ быта тѣхъ народовъ, знакомство съ которыми намъ облегчено обширной и вполнѣ доступной литературой, встрѣчаются на каждомъ шагу трудности, возникаетъ бездна сомнѣній и открывается масса неизвѣстнаго. Цѣлыя сотни археологовъ работаютъ надъ разъясненіемъ памятниковъ, сохранившихся на классической почвѣ Италіи, а до сихъ поръ неизвѣстна даже въ точности топографія римскаго форума и не опредѣлено, какъ слѣдуетъ, назначеніе сохранившихся въ разрушенномъ видѣ зданій Палатина, гдѣ положено было начало вѣчному городу Ромула и гдѣ утвердили потомъ свое мѣстопребываніе римскіе императоры. Съ этими трудностями, сомнѣніями и недоумѣніями борются люди, посвятившіе всю свою жизнь изученію древности, близко знакомые съ литературой, оставленной намъ классическими писателями, изощрившіе свое соображеніе въ вопросахъ археологіи ежедневнымъ созерцаніемъ и изслѣдованіемъ археологическихъ памятниковъ, живущіе мыслію и воображеніемъ болѣе въ древнемъ мірѣ, чѣмъ среди своихъ современниковъ. Что же сказать о массѣ образованной публики, которая знаетъ древнюю литературу развѣ по главнѣйшимъ именамъ ея представителей и для которой каждый памятникъ древняго быта—мраморная или бронзовая статуя, стѣнная живопись, даже нерѣдко предметы домашней утвари — представляетъ явленіе, требующее объясненія? Какъ она знакомится съ древностью? Что видитъ, смотря

на колоссальныя развалины Адріановой виллы и даже на остатки зданій римскаго форума? Что говорятъ ей эти многочисленные памятники древняго быта, такъ краснорѣчивые въ глазахъ людей, умѣющихъ съ ними бесѣдовать? А между тѣмъ по этимъ памятникамъ можно прочесть цѣлую исторію жизни народа, его чувства и помыслы, узнать его вѣрованія и міросозерцанія, понять его привычки и наклонности, изучить жизнь общественную и частную, заглянуть въ эту жизнь такъ глубоко, подойти къ ней такъ близко и осязать ее такъ непосредственно, какъ этого намъ не могутъ дозволить сами по себѣ ни произведенія поэтовъ, ни разглагольствованія ораторовъ, ни краснорѣчивыя повѣствованія историковъ. Книга г. Гастона Буассье — „Археологическія прогулки" (Promenades archéologiques. Rome et Pompei, Paris. 1880) служитъ тому живымъ доказательствомъ.

Имя г. Гастона Буассье не безъизвѣстно русской читающей публикѣ. Много разъ я указывалъ на него въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы", какъ на одно изъ самыхъ видныхъ именъ современной французской учености. Одно изъ его сочиненій, самое обширное, „La religion Romaine d'Auguste aux Antonins (Paris, 1874)", появилось даже въ русскомъ переводѣ. Онъ состоитъ профессоромъ въ Collége de France, въ заведеніи, въ которомъ болѣе трехсотъ лѣтъ находитъ во Франціи убѣжище духъ независимой науки и которое всегда доставляло обширное поприще талантамъ, чуждымъ факультетской рутины и приносящимъ на каѳедру широкое и плодотворное знаніе, преподаетъ въ Нормальной школѣ, снабжающей Францію наиболѣе подготовленными учителями, и недавно удостоился выбора въ сонмъ сорока „безсмертныхъ" Французской академіи, удостоился высшей награды, какая можетъ вѣнчать труды даровитаго ученаго. Эта высокая почесть въ странѣ, гдѣ предоставленъ такой просторъ борьбѣ личныхъ честолюбій, досталась г. Гастону Буассье не даромъ. Длинный рядъ ученыхъ трудовъ создалъ ему славу умнаго и даровитаго ученаго, а рядъ блестящихъ статей въ „Revue des deux Mondes" сдѣлалъ его имя популярнымъ въ средѣ многочисленной и чуткой къ проявленіямъ всякаго истиннаго дарованія французской публики. Г. Буассье можетъ служить типомъ, солиднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнаго ученаго, типомъ, водвореніе котораго въ нашей странѣ мнѣ представляется особенно плодотворнымъ и потому въ высшей степени желательнымъ. Глубокое, но чуждое узкой спеціальности, знаніе, широта воззрѣній, ясность и твердость сужденій, осторожность въ выводахъ и заключеніяхъ, полное художественнаго смысла и доступное всякому образованному читателю изложеніе—вотъ отличительныя черты этого типа, которымъ отличается французскій ученый отъ нѣмецкаго и который былъ бы въ полной гармоніи съ лучшими сторонами нашего національнаго духа, чуждающагося всего узкаго и исключительнаго, равно какъ всего сухого и непривлекательнаго. Первые ученые труды г. Буассье, „Поэтъ Аттій" и „Варронъ",

были составлены въ духѣ факультетской науки и были направлены на доказательство авторомъ своей филологической учености. Они доставили ему извѣстность въ средѣ французскихъ и нѣмецкихъ филологовъ, но были еще далеки отъ того, чтобы создать ему славу въ массѣ образованной публики. Впрочемъ въ сочиненіи о Варронѣ, въ своей докторской диссертаціи, г. Буассье достаточно показалъ, что онъ не будетъ представителемъ той сухой и безцвѣтной учености, которая съ особеннымъ наслажденіемъ лишь собираетъ въ свои книги цитаты изъ чужихъ сочиненій, читанныхъ и не читанныхъ, но не понимаетъ, что сущность дѣла въ настоящемъ ученомъ трудѣ все-таки не въ цитатахъ и не въ нагроможденіи на свои страницы чужихъ мыслей и доказательствъ, а въ усиліяхъ освѣтить своею собственною мыслію и знаніемъ темную сторону вопроса, въ болѣе широкомъ и правильномъ изслѣдованіи того, что не поддавалось ясному рѣшенію у нашихъ предшественниковъ, наконецъ, въ возбужденіи въ другихъ интереса къ самому предмету изслѣдованія. Стоя на уровнѣ современнаго состоянія науки, г. Буассье внесъ въ свое изученіе знаменитаго римскаго полигистора много новыхъ комбинацій на основаніи близкаго знакомства съ исторіей и литературой римлянъ и посредствомъ умнаго и яснаго изложенія предмета сдѣлалъ изъ сухой и скучной во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ о Варронѣ темы интересную и для послѣдующихъ изслѣдователей вполнѣ необходимую книгу. Слѣдовавшій за тѣмъ его трудъ подъ заглавіемъ „Цицеронъ и его друзья“ былъ капитальнымъ трудомъ французской ученой литературы въ области классической филологіи и доставилъ своему автору громкую извѣстность и широкое значеніе. Онъ вскорѣ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и вездѣ былъ признанъ за одно изъ важнѣйшихъ изслѣдованій, касающихся послѣдняго времени римской республики. Тутъ авторъ является не только ученымъ, глубоко изучившимъ интереснѣйшую въ исторіи эпоху, но и первокласнымъ писателемъ, обладающимъ зрѣлостью политической мысли, широкимъ пониманіемъ задачи и самымъ отчетливымъ изложеніемъ. Это была книга, которая привлекла къ себѣ вниманіе всей образованной публики и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указывала, въ чемъ заключается сила французскаго ученаго, занявшаго такое видное мѣсто среди своихъ собратій въ последніе годы имперіи. Г. Гастонъ Буассье сдѣлался однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сотрудниковъ „Revue des deux Mondes“, гдѣ рядъ умныхъ и талантливыхъ статей по римской литературѣ и исторіи живѣйшимъ образомъ свидѣтельствовалъ, какой животрепещущій интересъ могутъ получить историческіе и литературные вопросы, касающіеся древняго міра, подъ перомъ умныхъ и даровитыхъ ученыхъ, болѣе питающихся произведеніями самой древности, чѣмъ схоластическими диссертаціями и александрійскими трактатами второстепенныхъ и третьестепенныхъ представителей нѣмецкой учености. Его статьи о „Римской исторіи“ Моммзена, о Сенекѣ, разные этюды отно-

сительно лицъ и событій перваго вѣка имперіи были въ своемъ родѣ образцовыми и находили массу внимательныхъ читателей. Въ 1872 году, когда я лично познакомился съ г. Гастономъ Буассье, онъ былъ занятъ большимъ трудомъ о римской религіи, который и вышелъ въ 1874 году въ двухъ томахъ подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Два года спустя было издано имъ новое, составленное большею частію изъ ряда этюдовъ, появлявшихся на страницахъ „Revue des deux Mondes“: большое и интересное сочиненіе, подъ заглавіемъ „L'opposition sous les Césars“. Продолжая свои занятія римскою древностью, г. Буассье сталъ въ послѣдніе годы заниматься археологическими вопросами; результатомъ этихъ занятій и явилась книга, подавшая поводъ къ нашей бесѣдѣ съ читателями „Историческаго Вѣстника“. Книга эта составлена также изъ статей „Revue des deux Mondes“, начало которыхъ относится къ концу 1876 года; но, рѣшившись собрать ихъ въ одну книгу, авторъ предпринялъ нарочно новое путешествіе въ Италію, чтобы все, что говорится имъ относительно раскопокъ, производящихся ежедневно въ Римѣ, въ Помпеяхъ и въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствовало о состояніи ихъ въ послѣдніе мѣсяцы.

„Археологическія прогулки“ г. Гастона Буассье—превосходная, въ высшей степени интересная книга. Главная часть ея посвящена Риму, а въ Римѣ форуму, Палатину и христіанскимъ катакомбамъ; изъ Рима французскій ученый ведетъ своихъ читателей въ тибуртинскую виллу Адріана, затѣмъ предпринимаетъ съ ними экскурсію въ Остію, въ морской портъ всемірной столицы и, наконецъ, удаляется въ Помпеи. Мѣста, которыя посѣщаетъ авторъ „Археологическихъ прогулокъ“ многимъ изъ насъ хорошо знакомы. Кто изъ путешествовавшихъ по Италіи не видалъ развалинъ римскаго форума? кто не поднимался на Палатинъ посмотрѣть на жилища римскихъ кесарей? кто, проживая зиму въ Неаполѣ, не ѣздилъ нѣсколько разъ погулять по узкимъ улицамъ воскресшихъ изъ подъ пепла Везувія, съ своими домами, стѣнною живописью, всею домашнею утварью, Помпей? Но въ томъ-то и дѣло, что тамъ, гдѣ многіе изъ насъ видѣли только развалины, читая книгу г. Буассье, мы видимъ уже цѣльныя зданія, въ пустыхъ домахъ мы видимъ полную обстановку, видимъ, какъ хозяева принимаютъ гостей, какъ жильцы дома сидятъ за столомъ, читаютъ книги или слушаютъ, какъ читаютъ другіе, видимъ, гдѣ они спятъ, какъ они встаютъ, выходятъ изъ дома, встрѣчаются съ знакомыми, видимъ, какъ они сидятъ въ циркѣ, принимая живѣйшее участіе въ томъ, что происходитъ на ристалищахъ, освистывая возницу одного цвѣта и апплодируя другимъ, присутствуютъ въ амфитеатрѣ при бояхъ гладіаторовъ, убивающихъ другъ друга или вступающихъ въ схватку съ львами, тиграми, леопардами, гіенами и тому подобными свирѣпыми животными. Древній Римъ оживаетъ, и передъ нашими глазами происходятъ шумныя сцены форума. Мы слышимъ ораторовъ, голосъ которыхъ громко раздается по всей площади съ высоты трибуны, укра-

шенной корабельными носами и видимъ многочисленную публику, толпящуюся, за неимѣніемъ мѣста на площади, на ступеняхъ храмовъ, на капитолійскомъ спускѣ или на крышахъ сосѣднихъ зданій. Мы отправляемся въ Остію, и передъ нами уже не развалины, а роскошный и богатый городъ, въ гавани котораго не достаетъ мѣста для множества судовъ изъ Греціи, Малой Азіи и Африки; мы видимъ, какъ многочисленная толпа шумно привѣтствуетъ появленіе на горизонтѣ парусовъ, подъ которыми идутъ суда изъ Египта, нагруженныя хлѣбомъ, котораго уже давно ждетъ, привыкшее жить на счетъ казны римское населеніе. Помпеи теперь для насъ уже не мертвый городъ, состоящій лишь изъ домовъ и улицъ: по этимъ улицамъ такъ и снуетъ народъ, шумный, крикливый, какъ и теперешній народъ Неаполя; передъ нами воскресаютъ магазины, пекарни, лавки съ горячими напитками, постоялые дворы и гостинницы; вотъ толпа читаетъ афиши, рекомендующія кандидатовъ въ городское управленіе, вотъ школьники выбѣжали изъ училища и чертятъ острымъ грифелемъ на стѣнахъ стихи изъ Виргилія или Овидія, вотъ молодые и праздные люди, ищущіе любовныхъ приключеній; а вотъ идетъ и мѣстный тузъ Голькопій, который не пожалѣлъ денегъ на перестройку обрушившагося театра, котораго почтительно привѣтствуетъ толпа и который постоянно выбирается населеніемъ въ почетныя должности.

Перенестись на время цѣликомъ въ эту далекую отъ насъ жизнь такъ и подстрекаетъ любопытство. Пойдемте же, читатель, и посмотримъ на эти столь краснорѣчивыя теперь развалины ближе. Насъ приглашаетъ пойти съ нимъ чичероне, на котораго можно положиться, г. Буассье, профессоръ въ Collége de France, членъ французской академіи. Онъ правда, съ вами мало знакомъ и писалъ свою книгу не для русской, а для французской публики, у которой не тотъ вкусъ къ древности, какъ у насъ, и болѣе чуткое пониманіе. Но я самъ бывалъ не разъ въ Римѣ и Помпеяхъ; также, какъ и онъ, многое видѣлъ и коечто изучалъ, хотя и не съ такими средствами. Вѣдь у насъ нѣтъ въ Римѣ, какъ у французовъ, ни академіи художествъ, ни археологической школы. Мы, русскіе, вездѣ предоставлены самимъ себѣ; даже и въ посольство, въ которомъ трудно бываетъ найти человѣка, говорящаго по русски, никогда не заглядываемъ. Мы принуждены всюду сами себя рекомендовать и считаемъ за особенную благодать, если капитолійскія нѣмцы пускаютъ насъ въ свою библіотеку и грубо не отказываютъ принять насъ въ свою свиту при обозрѣніи музеевъ.

II.

Итакъ, до встрѣчи съ г. Гастономъ Буассье послѣдуйте за мной. Вотъ мы пріѣхали въ Римъ. Выходимъ изъ вокзала желѣзной дороги и видимъ колоссальныя мрачныя развалины. Это ѳермы, или попросту,

бани, построенныя императорами Діоклитіаномъ и Максиміаномъ. Онѣ были такъ обширны, что въ нихъ могли мыться, натираться оливковымъ масломъ и купаться въ бассейнахъ одновременно три тысячи двѣсти человѣкъ. Въ былое время это громадное зданіе было украшено великолѣпными портиками; внутри его были роскошныя залы, широкіе дворы, сады, алеи, школы для атлетическихъ упражненій; въ немъ помѣщалась великолѣпная библіотека, перенесенная Діоклетіаномъ съ форума Траяна, картинная галлерея — словомъ, это было одно изъ замѣчательныхъ зданій, въ которомъ римская публика IV вѣка нашей эры могла проводить день съ удовольствіемъ и съ пользою. Теперь внутри этого зданія устроены между прочимъ двѣ церкви — св. Бернарда и св. Маріи Ангельской (Santa Maria degli Angeli). Но намъ некогда разсматривать громаднаго Діоклитіанова сооруженія. Мы садимся въ омнибусъ и спускаемся съ Квиринала къ Марсову полю, на мѣстѣ котораго находится главная часть теперешняго Рима, и направляемся къ площади Минервы. Храма римской богини, построеннаго Помпеемъ, мы тамъ не увидимъ; на его мѣстѣ и изъ его развалинъ сооруженъ храмъ Богородицы. Мы просто хотимъ основать въ знаменитой гостинницѣ Минервы, содержимой обществомъ іезуитовъ, свое мѣстопребываніе въ вѣчномъ городѣ, чтобы быть вблизи Пантеона, и, главное, Капитолія. Мы устали съ дороги, но отказываемся отъ обѣда и отдыха, желая немедленно взглянуть хоть однимъ глазомъ на вблизи насъ находящіяся мѣста, съ именами которыхъ соединены вся слава и величіе великаго Рима. Мы выходимъ изъ гостинницы и черезъ пять минутъ подходимъ къ Капитолію. Грудь наша волнуется, насъ охватываетъ священный трепетъ.

Такъ, съ спертымъ дыханіемъ и усиленно бьющимся сердцемъ, поднимался я 26 августа 1863 года въ первый разъ на священную гору, сѣдалище Юпитера капитолійскаго, которому со временъ Ромула римскіе полководцы посвящали „жирную добычу", spolia opima, и къ ногамъ котораго тріумфаторы клали вѣнокъ, въ знакъ торжественной благодарности за могущественное покровительство римскому народу, величавшему своего великаго бога эпитетами Optimus, Maximus. Ни двѣ колоссальныхъ статуи Діоскуровъ, ни такъ называемыя трофеи Марія, ни даже великолѣпная бронзовая статуя Марка Аврелія на конѣ, украшающая середину площадки, составляющей центральный пунктъ Капитолія, меня не останавливаютъ дольше нѣсколькихъ мгновеній. Передъ святостью мѣста, передъ величіемъ историческихъ о немъ преданій теперешнія украшенія его теряютъ значеніе. Нѣтъ желанія идти немедленно и въ капитолійскій музей съ его знаменитымъ Фавномъ краснаго цвѣта и Венерой изъ паросскаго мрамора, копіей Книдской Венеры Праксителя, съ его умирающимъ гладіаторомъ и со множествомъ другихъ неоцѣнимыхъ сокровищъ древняго искусства. Не до единичныхъ предметовъ, когда историческія воспоминанія о судьбѣ великаго народа, съ высоты своей священной горы смотрѣвшаго на

разстилавшуюся у его ногъ вселенную, давятъ голову. Два шага въ лѣво, спускъ на другую сторону и передо мной картина, о которой едва смѣло когда-либо мечтать воображеніе—римскій форумъ, съ его арками, колоннами и развалинами, съ видомъ Колизея прямо передъ глазами и съ дворцами императоровъ вправо на Палатинѣ. Голова моя буквально закружилась и я, опершись на перила, долго стоялъ въ нѣмомъ молчаніи. Когда я, нѣкоторое время спустя, пришелъ въ себя отъ остолбенѣнія, вспомнился Гёте, писавшій изъ Рима друзьямъ: „ну, теперь вы можете думать, что я счастливъ". Былъ счастливъ и я въ эту минуту. На глаза навернулись слезы.

Вотъ куда мы съ вами пришли, любезный читатель! Передъ нашими глазами памятники величавой исторіи. Ихъ не истребили въ конецъ тысячелѣтія, они будутъ стоять новыя тысячелѣтія, и человѣчество будетъ созерцать ихъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ. Посмотримъ же на нихъ ближе, коль скоро судьба привела насъ своими глазами видѣть мѣста, имена которыхъ языкъ нашъ привыкъ произносить съ ранняго дѣтства, мѣста, на которыхъ болѣе тысячи лѣтъ разыгрывалась одна изъ величайшихъ драмъ человѣческой исторіи. Мы будемъ дѣлать нашу прогулку не одни; съ нами на всякій случай руководитель, на котораго я указалъ вамъ въ самомъ началѣ.

Грандіозныя развалины, представляющіяся нашимъ глазамъ съ Капитолійскаго спуска, эти восемь гранитныхъ колоннъ храма Сатурна, три мраморныхъ колонны портика храма Веспасіана, арка Септимія Севера, три изящныхъ колонны изъ пентелійскаго мрамора, поддерживающія капители храма Діоскуровъ, мраморный полъ Юліевой базилики, остатки мостовой священной улицы, развалины разныхъ храмовъ и другихъ сооруженій, какъ у подножія Капитолія, въ равнинѣ, составлявшей пространство римскаго форума, такъ и по ея окружности въ сторону Палатина, Эсквилина и Виминала въ одинъ мигъ переносятъ насъ въ древность; но въ этой древности надобно разобраться. То, что мы называемъ римскою древностью, обнимаетъ собой періодъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать съ половиною столѣтій и всѣ эти столѣтія оставляли свой слѣдъ въ этихъ мѣстахъ, которыя у насъ теперь передъ глазами и которыя всегда служили центромъ жизни древняго Рима. Было время, когда римскій форумъ, впослѣдствіи средоточіе политической жизни народа, подчинившаго себѣ вселенную, былъ грязнымъ болотомъ, въ водахъ котораго въ первые дни существованія города утонулъ сабинянинъ Курцій, сражаясь съ римлянами, похитившими женъ и дочерей его племени. Только восточная, возвышенная часть долины, отдѣляющей Палатинъ отъ Капитолія, въ то отдаленное время могла служить надежнымъ мѣстомъ сообщенія. Въ этой-то части будущаго форума, поражавшаго величіемъ своихъ памятниковъ, и былъ устроенъ Комицій (comitium), мѣсто первоначальныхъ народныхъ собраній, въ которыхъ сначала принимали участіе только патриціи. На этомъ мѣстѣ была воздвигнута

первая ораторская трибуна, небольшая возвышенная терраса, впослѣдствіи украшенная носами съ кораблей, отбитыхъ у Антіатовъ, и потому называвшаяся просто носами или клювами (Rostra); это была та самая трибуна, съ которой оглашался форумъ до самаго конца республики, съ которой говорили и Катонъ, и Гракхи, и Цицеронъ, пока Юлій Кесарь не воздвигъ новой (Rostra Julia) въ концѣ форума, на которой послѣ Филиппикъ Цицерона и было погребено республиканское краснорѣчіе. Мѣсто этого комиція, гдѣ собирался римскій народъ, гдѣ находилась ораторская трибуна и гдѣ помѣщался также преторскій трибуналъ, если смотрѣть на форумъ съ Капитолія, находилось нѣсколько дальше того мѣста, гдѣ впослѣдствіи была воздвигнута, сохранившаяся до сихъ поръ, тріумфальная арка Септимія Севера. Выше ростръ, т. е. старой трибуны, къ сторонѣ древней церкви св. Адріана, третьимъ царемъ Рима, Тулломъ Гостиліемъ, была построена Курія, гдѣ собирался сенатъ. Это древнѣйшее общественное зданіе города Ромула, находилось, какъ теперь полагаютъ, именно на томъ мѣстѣ гдѣ стоитъ эта церковь, построенная въ V вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Выше комиція ближе въ сторону Капитолія, въ раннее время республики было устроено мѣсто для иностранныхъ, именно греческихъ пословъ и называвшееся потому Грекостояніе, Graecostasis. Противоположная комицію югозападная часть форума, гдѣ теперь остатки Юліевой базилики, колонны храма Кастора и Поллукса, колонна Фоки, часть въ началѣ грязная и болотистая, была осушена еще въ царскій періодъ, послѣ того какъ Тарквиній Древній посредствомъ подземной трубы, знаменитой большой клоаки (cloaca maxima), уцѣлѣвшей частію до нашего времени, спустилъ въ Тибръ воду болотистой низменности. Черезъ это площадь для собраній народа расширилась, открылось достаточно мѣста для присутствованія при отправленіи общественныхъ дѣлъ мелкому римскому населенію, плебеямъ, получившимъ со времени Сервія Туллія права политическія въ мѣру имущества каждаго. Въ этой низменной части скоро возникъ гостиный дворъ. Были построены лавки, носившія въ послѣдующее время названіе старыхъ лавокъ (Tabernae veteres), когда были построены на противоположной сторонѣ, тамъ, гдѣ пролегала священная улица, новыя лавки. Такимъ образомъ мѣстность, занимаемая теперь развалинами форума была въ древнѣйшее время не только средоточіемъ политической жизни города, но и центромъ торговли, которая никогда и впослѣдствіи не оставляла вполнѣ прежняго своего мѣстопребыванія, а лишь только удалилась нѣсколько въ его окрестности. Будучи главнымъ мѣстомъ политической жизни, центромъ торговли и мѣстомъ суда, притягивая къ себѣ постоянно съ утра до ночи народное движеніе, форумъ не имѣлъ удобнаго помѣщенія, гдѣ бы толпящійся народъ могъ при нуждѣ укрыться отъ дождя, отъ солнечнаго жара, гдѣ бы публика могла свободно вести рѣчь о дѣлахъ и проводить время въ ожиданіи, когда начнется то или другое инте-

ресное дѣло въ судѣ или выступитъ на старую трибуну ораторъ, защищающій новый законъ или старающійся представить гражданамъ вредныя отъ него послѣдствія, гдѣ могъ бы съ удобствомъ происходить судъ по дѣламъ гражданскимъ, гдѣ, наконецъ, могли бы совершаться, какъ теперь на биржѣ, торговыя операціи. Такое помѣщеніе было устроено Катономъ Старшимъ, который первый воздвигнулъ въ сѣверовосточномъ углу форума базилику, извѣстную подъ именемъ Порціевой (родовое имя Катоновъ) и помѣщавшуюся тамъ, гдѣ теперь находится древняя церковь св. Мартина. Этимъ была положена мода на устройство этого рода роскошныхъ и дорого стоющихъ архитектурныхъ сооруженій. По лѣвую сторону форума, если смотрѣть на него съ Капитолія, за комиціемъ и старыми рострами появилась вскорѣ новая базилика Эмиліева, а по другую сторону къ Палатину, было начато Юліемъ Кесаремъ и окончено уже Августомъ роскошнѣйшее зданіе—базилика Юліева, мраморный полъ который такъ пріятно выдается среди другихъ развалинъ форума. Зданіе это помѣстилось между храмомъ Діоскуровъ, три колонны котораго составляютъ лучшее украшеніе развалинъ форума и храмомъ Сатурна, рѣзко выдвигающимся теперь своими восемью гранитными колоннами съ іоническими капителями, у подножія Капитолія. Въ этомъ древнемъ храмѣ хранилась, какъ извѣстно, гражданская казна республики, тогда какъ военная помѣщалась, въ построенномъ выше Сатурнова храма, на склонѣ Капитолія, въ знаменитомъ въ римской исторіи храмѣ Согласія, о которомъ намъ теперь свидѣтельствуютъ лишь ничтожныя развалины. Не подалеку отъ храма Діоскуровъ, ближе къ Палатину, стояли зданія, отличавшіяся между другими своей глубокой древностью и особенно священнымъ значеніемъ: это храмъ Весты съ монастыремъ для Весталокъ и дворецъ главнаго Понтифика, называвшійся Regia (подразумѣвается domus). Полагаютъ, что теперешняя церковь св. Маріи Освободительницы (Santa Maria Liberatrice) стоитъ именно на мѣстѣ храма Весты, рядомъ съ которымъ стояла и Regia.

Видъ форума, загроможденнаго теперь развалинами, но еще далеко не вполнѣ раскопаннаго, значительно измѣнился со времени имперіи. Прежде всего возникъ въ концѣ его, противоположномъ Капитолію, храмъ Юлію Кесарю, освященный Августомъ, подлѣ мѣста, гдѣ устроена была диктаторомъ новая ораторская трибуна Rostra Julia. На западѣ, вблизи храма Сатурна, при поворотѣ священной улицы къ капитолійскому спуску (Clivus Capitolinus), была воздвигнута тріумфальная арка Тиберію, неподалеку отъ нее новая трибуна, носившая названіе Капитолійской (Rostra Capitolina), полукруглое основаніе которой видно до сего времени; рядомъ съ ней стоялъ позолоченный верстовой столбъ, milliarium aureum, отъ котораго начинался счетъ миль по всѣмъ главнымъ путямъ, ведущимъ изъ Рима; далѣе при выходѣ на Капитолій главной вѣтви священной улицы, стояла арка Септимія Севера, сохранившаяся до сего времени. На самомъ

форумѣ, украшеніемъ котораго въ прежнее время была колонна съ корабельными носами, Columna rostrata, воздвигнутая въ честь знаменитой морской побѣды Дуиллія надъ карѳагенянами, равно какъ и болѣе древнія колонны, какъ Pila Horatia, столбъ, на который были возложены отнятые у врага доспѣхи извѣстнымъ побѣдителемъ Куріацієвъ, колонна побѣдителя латинянъ Г. Менія, пилястровая статуя сатира Марсіи подлѣ судебной эстрады, тріумфальная арка Фабія, побѣдителя аллоброговъ, на самомъ форумѣ, говоримъ мы, появилась съ первыхъ временъ имперіи колонна, воздвигнутая Юлію Кесарю предъ его храмомъ, колоссальная конная статуя Домиціана, съ такимъ раболѣпнымъ чувствомъ описанная Стаціемъ и даже сохранившаяся до нашихъ дней колонна въ честь императора Фоки, воздвигнутая экзархомъ Италіи Смарагдомъ въ 608 году христіанскаго лѣтосчисленія. Далѣе, къ сторонѣ Колизея, форумъ стали окружать новые храмы, какъ храмъ Рима и Венеры, построенный Адріаномъ, храмъ Антонина и Фаустины, обращенный потомъ въ существующую нынѣ церковь св. Лаврентія in Miranda, храмъ Ромула, сына Максентія, составляющій нынѣ церковь св. Козьмы и Даміана. За ними виднѣлась базилика Константина, о громадности которой свидѣтельствуютъ до сихъ поръ колоссальныя развалины. Противъ нея у Палатина возвышалась и теперь возвышается тріумфальная арка Тита, а тамъ дальше, при поворотѣ въ улицу, отдѣляющую Палатинскую гору отъ Целія, арка Константина, прямо же передъ лицомъ зрителя, смотрящаго на форумъ и то, что за нимъ, съ Капитолія, гордо поднимается и замыкаетъ картину колоссальнѣйшее зданіе древняго Рима, Флавіевъ Амфитеатръ, названный Бедой (въ VIII столѣтіи) Колоссеемъ (Colosseum), а теперь извѣстный подъ именемъ К о л и з е я. Но мы уже далеко вышли за предѣлы форума.

Можно себѣ представить, какъ великолѣпна, какъ ослѣпительна была эта картина слѣдующихъ одна за другою тріумфальныхъ арокъ, храмовъ, базиликъ, колоннъ, колоссальныхъ статуй, слѣдующихъ безъ перерыва отъ Колизея до Капитолія, вѣнчаннаго храмомъ Юпитера Капитолійскаго, со статуями трехъ верховныхъ боговъ—Юпитера, Минервы и Юноны на вершинѣ священнаго зданія царской эпохи. Поднимавшійся по священной улицѣ, бравшей свое начало близь Колизея, къ Капитолію, гдѣ она оканчивалась, путешественникъ, не видя конца грандіознымъ монументамъ, изъ которыхъ многіе соединены были съ самыми важными и глубокими историческими преданіями, чувствовалъ себя какъ бы въ волшебно-очаровательномъ мѣстѣ, не имѣвшемъ ничего себѣ подобнаго ни на одной точкѣ земного шара, и ясно понималъ только одно, что онъ находится въ центрѣ столицы міра, превзошедшей всѣ остальные города своимъ монументальнымъ величіемъ. Передъ этимъ величіемъ останавливались въ нѣмомъ изумленіи самые варвары, дѣлавшіе набѣги на столицу имперіи и расхищавшіе накопленныя въ ней вѣками богатства. Картина ослѣпительнаго ве-

ликолѣпія форума и его окружности пережила нашествія Вестготовъ и Вандаловъ, передъ ней не останавливались только внутреннія партіи, раздиравшія Римъ въ средніе вѣка и пользовавшіяся храмами и арками, какъ крѣпостями въ борьбѣ съ противниками; и форумъ, подъ управленіемъ папъ, мало дороживших остатками языческой древности, приходя въ постепенный упадокъ, дошелъ, наконецъ до такого плачевнаго состоянія, что потерялъ свое древнее названіе и превратился въ Campo Vaccino, въ Коровье Поле: и это его названіе имѣло свое оправданіе вплоть до послѣднихъ лѣтъ правленія Пія IX. Еще въ то время, когда въ 1863 году, я въ первый разъ посѣтилъ развалины форума, на мѣстѣ древняго комиція находился деревянный скотопригонный дворъ, подлѣ котораго мирно лежали на солнцѣ волы, нисколько не подозрѣвая, что это то самое мѣсто, на которомъ во времена оны рѣшались судьбы государствъ и народовъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Такъ преходитъ слава міра сего.

Преходитъ слава внѣшняго блеска и великолѣпія, но остается слава великихъ историческихъ преданій, о которой краснорѣчиво свидѣтельствуютъ эти мощныя развалины, эти слабые остатки давно уже угасшаго величія. Тишина и ничѣмъ не возмущаемое спокойствіе царствуютъ теперь на этой небольшой площади, гдѣ когда-то раздавались шумныя воззванія народныхъ трибуновъ, гдѣ Цицеронъ громилъ Верреса, Катилину, Клодія и Антонія, гдѣ приговорами сената цари низводились съ своихъ троновъ и независимыя государства обращались въ римскія провинціи, гдѣ пролегалъ путь на Капитолій торжествующему побѣдителю, ѣхавшему на тріумфальной колесницѣ, среди привѣтственныхъ криковъ безчисленной толпы народа, гдѣ, наконецъ, происходили кровавыя битвы разъяренныхъ партій, погубившихъ республику.

Великія историческія преданія, вызываемыя созерцаніемъ развалинъ форума, относятся ко временамъ свободной жизни римскаго народа, къ пяти столѣтіямъ создавшей славу и могущество Рима республики. Съ ея паденіемъ центръ политической жизни всемірной столицы перешелъ на Палатинъ, на гору, гдѣ положено было начало вѣчному городу, гдѣ много вѣковъ стояла, сберегаемая какъ святыня, „избушка“ Ромула и гдѣ семьсотъ лѣтъ спустя заблестѣли мраморомъ и золотомъ дворцы императоровъ.

III.

Колыбель Рима и мѣстопребываніе власти въ періодъ имперіи, Палатинъ представляетъ собой самую богатую послѣ форума, преданіями мѣстность древняго Рима и усѣянъ историческими памятниками. Дѣятельно веденныя въ послѣднія двадцать лѣтъ, подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, Петра Розы, раскопки привели

къ открытіямъ необыкновенной важности въ области римской археологіи. Передъ нами не только воскресла въ своихъ роскошныхъ памятникахъ и въ живыхъ воспоминаніяхъ эпоха императорскаго Рима, но и появились на свѣтъ монументальные остатки той древнѣйшей эпохи вѣчнаго города, которую со временъ Нибура стали-было считать почти совсѣмъ баснословною. Шутка-ль дѣло, передъ нашими глазами выступаютъ теперь развалины древнѣйшей стѣны, которою окруженъ былъ Римъ во времена Ромула или въ періодъ своего основанія, тотъ Римъ, который носилъ потомъ названіе квадратнаго (Roma quadrata)! Даже древнія ворота въ эту священную ограду новопостроеннаго города, почти баснословныя porta Mugonia, и тѣ являются теперь нашимъ глазамъ, или покрайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ находились эти главныя, послѣ подновленныя, ворота города Ромула, сдѣлалось теперь извѣстно любителямъ древности. Выступили на свѣтъ основанія древнѣйшаго въ Римѣ храма Юпитера Останавителя (Jupiter Stator), воздвигнутаго по обѣту Ромуломъ въ честь бога, остановившаго его, бѣжавшее отъ сабинской рати, войско и доставившаго побѣду основателю города на Палатинѣ. Съ большою вѣроятностью опредѣляютъ теперь мѣсто круглой избушки, которая служила дворцомъ Ромулу и первымъ царямъ возникающаго Рима. Мнѣ очень пріятно замѣтить, что, указывая на остатки памятниковъ несомнѣнно царскаго періода, г. Гастонъ Буассье, у котораго описанію Палатина посвящена одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ его книги, предается размышленіямъ объ исторической достовѣрности преданій древнѣйшаго періода Рима, такъ часто подвергавшейся насмѣшкамъ со стороны кабинетныхъ историковъ германскаго происхожденія. Замѣтивъ, что легко у себя въ кабинетѣ считать историческія повѣствованія за миѳы, французскій ученый говоритъ: „Тамъ (въ Римѣ, на мѣстѣ) это прошедшее, которое казалось столь отдаленнымъ, столь сомнительнымъ, становится къ намъ ближе; мы осязаемъ его и видимъ. Оно оставило по себѣ слѣды, столь глубокіе и столь живые, что нѣтъ возможности отказывать ему во всякомъ довѣріи“. Онъ идетъ дальше и высказываетъ безъ всякаго колебанія, особенно въ виду письменъ, сохранившихся на нѣкоторыхъ камняхъ, принадлежащихъ къ постройкамъ несомнѣнно царскаго періода, что Римляне въ эпоху основанія города знали письмо и пользовались имъ даже въ обыкновенныхъ потребностяхъ жизни [1]). Мнѣ пріятно отмѣтить этотъ фактъ потому особенно, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда я въ своей докторской диссертаціи „Римская письменность въ періодъ царей“ доказывалъ и достовѣрность главныхъ фактовъ древ-

[1]) Il est donc certain aujourd'hui que les fondateurs de Rome connaissaient et pratiquaient l'écriture, et qu'ils l'employaient aux usages ordinaires de la vie. Elle n'était pas chez eux le privillège de quelques classes, des nobles ou des prêtres: les entrepreneurs des travaux publiques, et peut-être même les ouvriers, s'en servaient (p. 61).

нѣйшей римской исторіи и употребленіе письма въ самую раннюю пору римскаго государства, такъ не думали или покрайней боялись думать, не думалъ даже и самъ г. Буассье, которому я въ 1872 году доставилъ свою книгу, появившуюся тогда въ нѣмецкомъ переводѣ. Изъ нѣмецкихъ рецензентовъ выразилъ цѣликомъ свое согласіе съ моими заключеніями одинъ, покойный теперь, старикъ Герлахъ, Базельскій профессоръ; у насъ же, гдѣ люди, именующіе себя филологами, не могутъ шагу сдѣлать безъ нѣмецкой указки, я ничего не встрѣтилъ, кромѣ самыхъ невѣжественныхъ выходокъ. Прошу читателя извинить меня за это невольное отступленіе въ сторону.

Но какъ ни интересны для насъ остатки эпохи Ромула на Палатинѣ, они ничтожны въ сравненіи съ монументальными остатками времени имперіи, какъ ничтожны въ сравненіи съ этими послѣдними развалины построекъ временъ республики. Можно сказать даже, что республиканскихъ преданій, связанныхъ съ сохранившимися памятниками и съ опредѣленными мѣстами Палатина менѣе, чѣмъ сколько ихъ осталось отъ первоначальной эпохи. Кромѣ основанія храма Юпитера Остановителя, остатковъ стѣны квадратнаго Рима, построенной изъ туфовыхъ камней безъ цемента, мѣста, гдѣ были главныя ворота, черезъ которыя входили въ новый городъ со стороны форума и Эсквилина, мы имѣемъ указанія на мѣсто избушки Ромула, далѣе на мѣсто Луперкаля, того священнаго грота, посвященнаго Ликейскому пану, гдѣ по преданію, вскормила близнецовъ, сдѣлавшихся основателями Рима, волчица, бронзовое изображеніе которой съ двумя сосущими младенцами было найдено въ этихъ мѣстахъ и помѣщается теперь въ капитолійскомъ музеѣ; указывается, наконецъ, мѣсто памятника, далеко превышающаго своею древностью время Ромула, гдѣ находился большой жертвенникъ, посвященный, по преданію, аркадскимъ переселенцемъ Эвандромъ Геркулесу. Ничего подобнаго столь важнымъ, привязаннымъ къ мѣсту или къ развалинамъ, преданіямъ не сохранилось отъ временъ республики. Мы знаемъ однако, что на Палатинѣ въ періодъ республики было построено не мало храмовъ и жертвенниковъ, между прочимъ храмъ пенатовъ, храмъ матери боговъ, Кибелы, храмъ Юпитера-Побѣдителя. Извѣстно также, что въ республиканское время Палатинъ былъ мѣстомъ, гдѣ воздвигнуто было не мало домовъ знатными римлянами: тутъ жили Гракхи, Кв. Катулъ, Гортензій, Цицеронъ, Катилина, Клодій, Маркъ Антоній и многіе другіе. Но отъ всѣхъ этихъ храмовъ и палатъ римской знати не осталось какихъ-либо значительныхъ развалинъ. Можно только съ приблизительною точностью опредѣлить мѣсто портика Катула и сосѣдняго съ нимъ дома Цицерона, разрушеннаго Клодіемъ и возобновленнаго на общественный счетъ по возвращеніи изъ ссылки знаменитаго оратора. Всѣ эти роскошныя жилища римскихъ магнатовъ должны были уступить мѣсто все болѣе и болѣе расширявшимся постройкамъ кесарей. Такимъ образомъ Палатинъ республики долженъ

былъ стушеваться передъ Палатиномъ имперіи, который и привлекаетъ теперь вниманіе археологовъ и поражаетъ своими колоссальными развалинами воображеніе туристовъ.

Итакъ мы теперь на Палатинѣ. Взошли мы туда со священной улицы близь тріумфальной арки Тита, поднялись по лѣстницѣ и затѣмъ по древней мостовой, составлявшей тотъ спускъ съ Палатина, который носилъ названіе Clivus Victoriae, по имени находившагося тамъ наидревнѣйшаго храма Побѣды. Прежде всего мы приходимъ во дворецъ Калигулы. Вотъ и слѣды моста, переброшеннаго безумнымъ преемникомъ Тиберія изъ своего дворца на Капитолій, чтобы удобнѣе ему было бесѣдовать съ капитолійскимъ Юпитеромъ, съ которымъ онъ помирился послѣ долгой ссоры. Въ свое время дворецъ Калигулы былъ соединенъ также съ храмомъ Діоскуровъ, служившимъ однимъ изъ лучшихъ украшеній форума. Извѣстно, что безумный императоръ питалъ особенную дружбу къ дѣтямъ Леды и Юпитера и нерѣдко, вошедши въ ихъ храмъ, садился между двумя божескими статуями, принимая вмѣстѣ съ ними и самъ поклоненіе отъ молящихся. Огромное зданіе, бывшее мѣстопребываніемъ Калигулы и смотрящее съ одной стороны на форумъ, съ другой на Велабръ[1]), куда и обращенъ главный входъ въ него, сохранилось во внутренней своей части въ столь дурномъ видѣ, что нельзя ничего сказать ни объ украшеніяхъ комнатъ, ни даже о ихъ назначеніи; къ тому же оно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имперіи, не разъ подверглось перестройкамъ, такъ что о первоначальномъ расположеніи въ немъ комнатъ судить теперь нѣтъ возможности. Сохранился однако хорошо тотъ подземный корридоръ, такъ называемый криптопортикъ, въ которомъ не знавшій мѣры своимъ причудамъ и жестокости императоръ былъ убитъ военнымъ трибуномъ Кассіемъ Хереей, когда онъ возвращался изъ Палатинскаго театра къ себѣ домой 24-го января 41 года по Р. Х. Этимъ потаеннымъ ходомъ можно и теперь пройдти вдоль дворца Калигулы и вдоль дворца Тиберія, къ такъ называемому дому Ливіи, одному изъ самыхъ интересныхъ зданій, сохранившихся на Палатинѣ. Отъ Тиберіева дворца, лежавшаго за Калигулинымъ къ сторонѣ Велабра, сохранилось очень не много, нѣсколько узкихъ комнатъ, которыя не могли служить для потребностей самого императора; но отъ сосѣдняго дома, въ которомъ, какъ полагаютъ, жила его мать по смерти Августа, очень хорошо сохранился весь нижній этажъ съ четырьмя комнатами, вокругъ атріума, изъ которыхъ три украшены превосходною стѣнною живописью. Свѣжесть красокъ и живость изображенія въ этихъ древнихъ фрескахъ поразительны. Знатоки увѣряютъ, что древность не оставила намъ болѣе прелестной, болѣе вѣрной природѣ, живописи. Такова картина

[1]) Такъ называлась низменная часть древняго Рима, шедшая отъ Палатина къ Авентину и Тибру.

въ средней залѣ, называемой tablinum (то, что у насъ соотвѣтствуетъ частію пріемной залѣ, частію картинной галлереѣ), представляющая циклопа Полифема, преслѣдующаго нимфу Галатею; такова другая, изображающая Јо, освобождаемую Меркуріемъ отъ Аргуса. Есть, далѣе, картины, представляющія сцены домашней жизни съ видомъ Рима, съ домами въ нѣсколько этажей, съ лицами, смотрящими изъ оконъ или выходящими изъ дверей. Послѣ осмотра очень мало говорящихъ развалинъ дворцовъ Калигулы и Тиберія, четверть часа, проведенныхъ въ покояхъ Ливіи, гдѣ такъ ярко выступаетъ на видъ изящество обстановки древняго аристократическаго дома, доставляютъ какъ археологу, такъ и обыкновенному туристу наслажденіе, которое потомъ долго не изглаживается изъ памяти, оставаясь въ ней, какъ одно изъ наиболѣе живыхъ воспоминаній о древностяхъ Палатина.

Повернувши влѣво отъ дома Ливіи, мы тотчасъ же увидимъ передъ собой развалины самаго роскошнаго дворца, какой когда либо возникалъ на высотахъ горы, бывшей колыбелью вѣчнаго города. Это былъ дворецъ Домиціана. Вокругъ громаднаго перистиля, стѣны котораго были обшиты мраморомъ, отражавшимъ находящіеся въ залѣ предметы, идетъ рядъ комнатъ, большихъ и малыхъ, какія требовались по плану дворца, начертанному на самую широкую ногу. Величина этого перистиля, еще не совсѣмъ открытаго къ сторонѣ виллы Мильсъ, равняется болѣе, чѣмъ 3,000 квадратныхъ метровъ. На южной сторонѣ этого перистиля расположенъ триклиній, по нашему—столовая. Эта столовая была не разъ воспѣваема поэтами, которые, какъ Стацій и Марціалъ, отзываются о ней словно о земномъ раѣ. Марціалъ даже увѣряетъ, что онъ скорѣе бы согласился обѣдать во дворцѣ Домиціана, чѣмъ на Олимпѣ съ Юпитеромъ, если бы тому и другому богу, земному и небесному вздумалось пригласить льстиваго поэта къ своему столу одновременно. Въ сѣверной части дворца, составлявшей лицевой фасадъ зданія, къ которому отъ арки Тита вела палатинская улица, середину занимала пріемная зала императора (tablinum) превосходившая своимъ великолѣпіемъ все, до тѣхъ поръ видѣнное въ римскихъ жилищахъ. Ни шестнадцати коринѳскихъ колоннъ въ двадцать восемь футовъ вышины, которыя шли вокругъ стѣнъ, обшитыхъ драгоцѣннымъ мраморомъ и которыя еще видѣлъ въ 1726 года Бьянкини, ни двухъ желто-античныхъ колоннъ, окаймлявшихъ входную дверь, ни восьми колоссальныхъ базальтовыхъ статуй, стоявшихъ въ великолѣпныхъ нишахъ—ничего такого теперь въ пріемной залѣ Домиціана нѣтъ. Сохранилось только мѣсто, гдѣ возвышался тронъ императора, стремившагося перенести въ свой дворецъ аттрибуты власти восточныхъ монарховъ. По ту и по другую сторону пріемной залы были расположены и сохранились двѣ комнаты, изъ которыхъ находящуюся по правую сторону археологи назвали Lararium, такъ какъ ее считаютъ божницей, въ которой находились и чествовались фамильные боги, а помѣщающаяся по лѣвую сторону пріемной залы была бази-

ликой, въ которой Кесарь отправлялъ правосудіе. Передъ tablinum былъ атріумъ, который не сохранился.

Дворецъ Домиціана, неимовѣрная роскошь котораго воспламеняла воображеніе поэтовъ, оставался во все время имперіи оффиціальнымъ мѣстопребываніемъ римскихъ Кесарей, куда они являлись для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей и для всякаго рода оффиціальныхъ представленій. Такъ какъ въ немъ нѣтъ слѣда комнатъ, необходимыхъ для домашняго быта, то является естественнымъ предположеніе, что жили императоры собственно въ другомъ мѣстѣ, каковымъ, по вѣрному замѣчанію г. Буассье, могъ быть дворецъ Августа или Тиберія. Изъ дворца Тиберія дѣйствительно ведетъ къ дворцу Домиціана подземная галлерея, которыя соединяется съ криптопортикомъ, ведущимъ къ дворцу Калигулы и берущимъ свое начало не подалеку отъ древнихъ Палатинскихъ воротъ, porta Mugonia, около храма Юпитера Остановителя. Это обстоятельство какъ будто рѣшаетъ дѣло въ пользу дворца Тиберія, какъ обыкновеннаго жилища императоровъ; но, вѣроятно, и домъ Августа не стоялъ впустѣ и служилъ также мѣстопребываніемъ или самого императора или кого-либо изъ членовъ его фамиліи.

Домъ Августа находился въ юго-западной части горы, обращенной къ Авентину и въ настоящее время составляетъ принадлежность виллы Миллься, гдѣ находится и территорія построеннаго Августомъ храма Аполлона. Въ настоящее время развалины дворца перваго римскаго императора не представляютъ ничего особеннаго. Но въ то время, когда онѣ были открыты въ первый разъ въ 1775 году аббатомъ Ранкурейлемъ, собственникомъ этой мѣстности, это былъ домъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній сохранился почти въ цѣлости. Убранство комнатъ въ этомъ послѣднемъ сохранилось въ значительной степени и давало достаточную идею о вкусѣ ихъ древнихъ обитателей. Стѣны были обшиты мраморомъ, полы были драгоцѣнной мозаики, потолки были расписаны превосходными фресками, въ нишахъ стояли статуи, еще не тронутыя варварскою рукою и временемъ. Все это убранство исчезло, зданіе раззорено, драгоцѣнные предметы со включеніемъ обломковъ колоннъ были проданы жаднымъ до денегъ хозяиномъ аббатомъ. О состояніи, въ какомъ находилось зданіе сто лѣтъ тому назадъ, при его открытіи, говорятъ только рисунки Пиранези, который тайно пробрался ночью въ садъ Ранкурейля, скрывшаго свою находку отъ любопытства посѣтителей, и архитектора Барбери, который производилъ раскопки по порученію хозяина этой мѣстности.

Имѣя передъ глазами планъ Барбери, г. Гастонъ Буассье описываетъ дворецъ Августа такимъ образомъ. „Онъ былъ похожъ въ своемъ общемъ расположеніи на всѣ римскіе дома. Въ немъ находился внутренній дворъ или перистиль, окруженный колоннами, на который открывались разные дворцовые аппартаменты. Эти аппартаменты со-

стояли изъ ряда круглыхъ, квадратныхъ, и прямоугольныхъ комнатъ, которыя очень точно соотвѣтствуютъ между собою и въ которыхъ архитекторъ, повидимому, старался соединить разнообразіе съ симметріей. Тамъ нашли даже двѣ восьмиугольныхъ залы съ столь причудливыми формами, что онѣ напомнили видѣвшимъ ихъ странныя сооруженія Борронини. Сначала породило нѣкоторое недоразумѣніе то обстоятельство, что хотя эти залы или эти комнаты многочисленны, онѣ вообще очень тѣсны, и что ни одна изъ нихъ не представляется достаточно просторною, чтобы служить для оффиціальныхъ пріемовъ; но Августъ, какъ извѣстно, старался показывать, что онъ живетъ у себя дома, какъ обыкновенный гражданинъ: онъ усиливался слыть за человѣка правильнаго образа жизни, экономнаго и умѣреннаго въ своихъ вкусахъ; онъ спалъ на низкой и твердой постели, носилъ только платье, сотканное его женою или дочерью, никогда не позволялъ готовить къ своему столу болѣе трехъ блюдъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сильно заботится сказать намъ, что онъ постился иногда по утрамъ „съ большей щепетильностью, чѣмъ жидъ, справляющій шабашъ“. Въ этой простотѣ, выставляющей себя на показъ такъ охотно, есть однако нѣсколько лицемѣрія. Хотя Августъ и старался принимать скромный видъ, домъ его, какъ мы только-что видѣли, былъ внутри роскошенъ.

Этотъ скромный снаружи, но роскошный внутри домъ и положилъ собой начало страсти къ постройкамъ на Палатинѣ, которая вскружила голову ближайшимъ преемникамъ Августа и заставляла ихъ бросаться на самыя безумныя предпріятія. Купивши себѣ на Палатинѣ домъ Гортензія, Августъ скоро перестроилъ его и придалъ ему размѣры, болѣе соотвѣтствующія своему положенію, чѣмъ скромное жилище извѣстнаго республиканскаго оратора. Перестроенный и роскошно отдѣланный домъ, находясь среди домовъ обыкновенныхъ гражданъ, показался ему все таки не отвѣчающимъ своему назначенію: онъ даетъ приказаніе скупить сосѣдніе дома и срыть ихъ. Но, не желая возбудить этимъ подозрѣніе въ черезчуръ честолюбивыхъ замыслахъ, онъ воздвигаетъ на расчищенномъ отъ срытыхъ домовъ мѣстѣ храмъ Аполлону и строитъ двѣ библіотеки, греческую и латинскую. Эти новыя зданія затмѣвали своимъ великолѣпіемъ домъ Кесаря. Пожаръ, истребившій купленный у наслѣдниковъ Гортензія домъ, далъ ему поводъ выстроить для себя жилище и больше, и красивѣе прежняго. Овидій, вспоминая на мѣстѣ своей ссылки жилище изгнавшаго его Кесаря, говоритъ о немъ, какъ превосходящемъ всѣ другіе дома на Палатинѣ, и называетъ его „достойнымъ бога“.

Но это „божеское“ жилище, на которое пошло столько мрамору и которое такъ выдавалось на Палатинѣ, гдѣ въ концѣ республики было много домовъ, принадлежавшихъ знаменитымъ и богатымъ гражданамъ, было образцомъ скромности въ сравненіи съ послѣдующими затѣями римскихъ императоровъ. Скоро для частныхъ построекъ уже

не оставалось мѣста на горѣ, избранной своимъ мѣстопребываніемъ Кесарями: дворцы императоровъ и постройки, великолѣпіемъ которыхъ они послѣ Августа старались поражать глаза толпы, заняли всецѣло территорію, гдѣ былъ основанъ первоначальный Римъ, называвшійся квадратнымъ. Первый шагъ къ постройкамъ, выходившимъ изъ предѣловъ нужнаго и разумнаго, былъ сдѣланъ Калигулой, который, построивши себѣ дворецъ въ сѣверо-восточномъ углу Палатина, вздумалъ распространить его предѣлы до форума и превратилъ храмъ Діоскуровъ въ свою переднюю. Для такой причуды, разумѣется, не мало частныхъ домовъ, расположенныхъ по откосу горы, въ направленіи къ форуму, должны были подвергнуться срытію. Не довольствуясь такимъ близкимъ общеніемъ съ дѣтьми Юпитера, храмъ которыхъ онъ сдѣлалъ принадлежностью своего дворца, Калигула построилъ самому себѣ храмъ на Палатинѣ, гдѣ онъ и принималъ жертвы изъ павлиновъ, попугаевъ и другихъ рѣдкихъ птицъ, приносимыя ему какъ настоящему богу. Безумная затѣя построить мостъ, который, вися надъ форумомъ, соединялъ Капитолій съ Палатиномъ, затѣмъ чтобы палатинскому Юпитеру легче было навѣщать, когда вздумается, своего собрата на Капитоліѣ, еще яснѣе давала чувствовать, что для охватившей преемниковъ Августа страсти къ постройкамъ Палатинъ скоро сдѣлается тѣснымъ и что на немъ совсѣмъ уже не останется мѣста ни для кого другого, какъ для владыкъ вселенной. Нерону потребовался уже не дворецъ, а цѣлый городъ для обитанія. Его Золотой дворецъ, построенный имъ послѣ знаменитаго пожара, виновниками котораго были признаны христіане, обнималъ три съ половиной мили въ окружности: внутри занятаго имъ пространства были вырыты пруды, находились засѣянныя пшеницей поля, помѣщались пастбища, сады, лѣса съ дикими и домашними животными. Начинаясь на Палатинѣ этотъ дворецъ спускался въ долину, раздѣляющую Целій отъ Эсквилина и затѣмъ поднимался по Эсквилину, захватывалъ паркъ Мецената и доходилъ до стѣны Сервія Туллія, простираясь далѣе мѣста знаменитой базилики Santa Maria Maggiore. Желая показать нагляднѣе огромное пространство, занятое названнымъ дворцомъ, Амперъ, въ своемъ „L'Empire Romain à Rome“ замѣчаетъ: „это все равно, какъ если бы въ Парижѣ онъ покрылъ гору св. Женевьевы и былъ бы продолженъ до дома Инвалидовъ. Громадность этого дворца была такъ велика, что, по словамъ Марціала, онъ соприкасался со всѣми пунктами города. При входѣ въ него была поставлена колоссальная статуя самого императора, вышиною въ 120 футовъ. Это та самая статуя, которая, впослѣдствіи поставленая Адріаномъ передъ амфитеатромъ Флавіевъ, дала поражающему до сихъ поръ своими необыкновенными размѣрами зданію названіе Колоссея, въ средніе вѣка превратившагося въ Колизей. Построенный же Веспасіаномъ амфитеатръ, этотъ знаменитый Колизей, приходится какъ разъ, гдѣ находился прудъ Неронова дворца, походившій, по замѣчанію Светонія, на море.

Внутренняя роскошь Золотого дворца превосходила всякое вѣроятіе. „Все было покрыто—говоритъ тотъ же Светоній—золотомъ, отдѣлано драгоцѣнными каменьями и раковинами съ жемчужинами“. Великолѣпныя статуи, столы изъ слоновой кости въ столовой, фонтаны, кропившіе гостей благоуханіями, вся возможная роскошь того времени наполняла громадныя залы, въ которыхъ происходили неслыханныя оргіи разврата и безумія. За то когда всѣ постройки и внутренняя отдѣлка дворца были окончены, Неронъ не только нашелъ все въ порядкѣ, но и сказалъ, что „наконецъ-то онъ начинаетъ жить по-человѣчески“.

Но жить въ этомъ чудовищномъ домѣ „по человѣчески“ было невозможно. Постройка его и всѣ относившіяся къ нему прямо или косвенно сооруженія стоили несмѣтныхъ суммъ, для обладанія которыми не только нужно было опустошить государственную казну, но и прибѣгать къ казнямъ и конфискаціямъ, какъ это стало входить въ моду въ императорскомъ Римѣ и какъ это до сихъ поръ практикуется у восточныхъ деспотовъ. Неронъ для удовлетворенія своихъ прихотей раззорилъ государство и въ этой страсти къ постройкамъ, по словамъ Светонія, былъ самый большой вредъ его правленія. Въ своемъ необузданномъ воображеніи онъ мечталъ соединить Римъ съ Остіей, такъ чтобы море доходило до Рима. Поддерживать всѣ его сооруженія требовало въ свою очередь также большихъ денегъ, а дѣлать эти расходы было тѣмъ тяжелѣе, что римское населеніе было полно негодованія, какъ противъ такой безумной траты средствъ государства, такъ и противъ возмутительнаго произвола, съ какимъ огромная мѣстность въ самомъ центрѣ многолюднаго города была обращена въ пруды, сады, поля и лѣса и занята постройками для одного человѣка, въ явный ущербъ интересамъ столичнаго населенія. И вотъ мы видимъ, что чудовищно-огромный дворецъ Нерона не много пережилъ низвергнутаго императора. Онъ былъ разрушенъ, часть занятой имъ мѣстности была возвращена городу, а другая была употреблена для общественныхъ построекъ; построенъ былъ въ долинѣ между Целіемъ и Эсквилиномъ громадный амфитеатръ, воздвигнута у подножія Палатина на священной улицѣ тріумфальная арка Титу, покорителю Іерусалима, были построены бани на Эсквилинѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ золотой дворецъ Нерона представлялъ наиболѣе роскошныя сооруженія, и даже надъ самыми залами Неронова дворца, засыпанными и заколоченными. Это—бани или ѳермы, называемыя Титовыми, развалины которыхъ обращаютъ на себя вниманіе всякаго, кто поднимается отъ Колизея къ знаменитой Эсквилинской базиликѣ Santa Maria Maggiore. Нѣкоторыя изъ Нероновыхъ залъ, надъ которыми возвышались Титовы сооруженія, расчищены, другія до сихъ поръ еще завалены; сохранился и большой корридоръ, гдѣ еще не совсѣмъ исчезла живопись. Сохранилось кое-что изъ предметовъ, украшавшихъ это роскошное жилище сумасброднаго Кесаря: тутъ

найдена знаменитая группа Лаокоона, которую имѣлъ предъ глазами Виргилій, когда писалъ вторую книгу своей Энеиды и находившаяся посреди бассейна колоссальная порфировая чаша, украшающая теперь круглую залу Ватиканскаго музея. Итакъ отъ всей роскоши Неронова дворца осталось не много.

Послѣ уничтоженія Неронова дворца, уничтоженія, совершавшагося съ такою поспѣшностью, что остались не вынесенными изъ него нѣкоторые драгоцѣнные предметы древняго искусства, нельзя было думать, что виновники истребленія Нероновой памяти, два первыхъ императора фамиліи Флавіевъ, Веспасіанъ и сынъ его Титъ, примутся за постройку для себя новыхъ дворцовъ съ роскошью, какая вошла въ моду при ихъ преемникахъ. Веспасіанъ былъ человѣкъ бережливый и степенныхъ нравовъ. Онъ понималъ необходимость возстановить изъ развалинъ пострадавшія во время междуусобной войны, послѣдовавшей вскорѣ за низверженіемъ Нерона, общественныя зданія, не прочь былъ показать щедрость въ расходахъ на сооруженія, имѣющія въ виду пользу или удовольствіе публики: такимъ образомъ имъ возстановленъ былъ сожженный во время нападенія на Капитолій солдатъ Вителлія древній храмъ Юпитера Капитолійскаго, построилъ онъ храмъ Мира, куда были отданы, между прочимъ, золотые сосуды, и свѣтильникъ, взятые въ іерусалимскомъ храмѣ, возстановилъ сгорѣвшій театръ Марцелла, поправилъ на свой счетъ водопроводъ Клавдія, воздвигнулъ, наконецъ, на мѣстѣ Неронова пруда между Целіемъ и Эсквилиномъ самое колоссальное зданіе, оставленное намъ древнимъ Римомъ, амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ до ста тысячъ зрителей. Но тратить большія деньги для домашнихъ потребностей было не въ его духѣ. Таковъ же былъ въ этомъ отношеніи и его сынъ и преемникъ Титъ. Ему много стоило хлопотъ и издержекъ поправить и возстановить послѣ пожара, одного изъ самыхъ страшныхъ, какимъ былъ посѣщенъ Римъ когда-либо, разрушенные храмы и общественныя зданія, для украшенія которыхъ онъ даже пожертвовалъ не мало предметовъ роскоши изъ своего дома; ему нужно было докончить уничтоженіе Неронова обиталища и соорудить надъ лучшей частью его полезное общественное заведеніе; къ тому же, онъ былъ императоромъ не болѣе двухъ лѣтъ. Палатинъ такимъ образомъ не былъ обязанъ ни Веспасіану, ни Титу, никакимъ новымъ дворцомъ, который бы затмилъ великолѣпіе роскошныхъ обиталищъ предшествовавшихъ императоровъ. Вкусъ къ роскошнымъ постройкамъ для мѣстопребыванія Кесаря воскресъ при второмъ Веспасіановомъ сынѣ, Домиціанѣ. Этотъ преступный, высокомѣрный и жестокій императоръ, „господинъ и богъ“, какъ онъ велѣлъ называть себя своимъ прокураторамъ и какъ потомъ изъ страха, по замѣчанію Светонія, его всѣ именовали въ письмѣ и въ разговорѣ, не могъ представлять свое величество народу въ какомъ-нибудь обыкновенномъ домѣ, хотя бы это былъ дворецъ Августа или Тиберія. Ему, конная статуя котораго, поставленная на фо-

румѣ, поднималась выше самыхъ высокихъ храмовъ, ее окружавшихъ, ему нужно было жилище, роскошь котораго приводила бы смертныхъ въ священный трепетъ, дворецъ, среди котораго онъ льстивымъ поэтамъ и царедворцамъ казался бы Юпитеромъ. Дворецъ этотъ, величіемъ котораго по словамъ Марціала, были поражены боги, мы видѣли выше.

Но постройка императорскихъ дворцовъ на Палатинѣ не заключилась дворцомъ Домиціана, роскошь котораго не оставляла желать ничего большаго. Спустя столѣтіе по смерти тиранна, которая была встрѣчена крикомъ радости отъ одного конца Средиземнаго моря до другого, императору Септимію Северу, родомъ африканцу, пришла фантазія построить въ юго-западномъ углу Палатина новый дворецъ. О немъ свидѣтельствуютъ во-первыхъ высокія аркады, служившія фундаментомъ зданію, которое не могло быть выстроено безъ нихъ на отлогостяхъ горы, во вторыхъ нѣсколько высокихъ и прочныхъ стѣнъ, и въ третьихъ остатки ложи, съ которой императорская фамилія смотрѣла на ристалища расположеннаго внизу между Палатиномъ и Авентиномъ цирка, на ристалища, сдѣлавшіяся во время имперіи такою страшною потребностью римскаго населенія (panem et circenses!) Со стороны Целія возвышался передъ дворцомъ, какъ его украшеніе, Septizonium (septem zonae, семь поясовъ), существовавшій еще въ цѣлости въ XVI столѣтіи, пока его матеріаломъ папа Сикстъ V не воспользовался для перестройки Ватиканскаго собора. Теперь видно только мѣсто этого портикообразнаго зданія, не тронутаго ни варварами, ни временемъ до эпохи Возрожденія. Императоры дома Септимія Севера были большіе любители построекъ, хотя строительное искусство ихъ времени было уже въ періодѣ упадка. Объ этомъ упадкѣ всего яснѣе говоритъ тріумфальная арка Септимія Севера, воздвигнутая имъ у подножія Капитолія. Самая мысль поставить арку въ мѣстѣ, наполненномъ древними памятниками, показываетъ паденіе вкуса, одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ пониженія всей культуры, замѣтнаго одинаково и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ государственномъ управленіи. Ни стиль самаго сооруженія, ни, въ особенности, его скульптурные барельефы не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что представляетъ собой арка Тита, за сто съ небольшимъ лѣтъ предъ тѣмъ воздвигнутая на склонѣ Палатина завоевателемъ Іерусалима. Но постройки императорами этого дома продолжались однако внѣ Палатина, уже загроможденнаго зданіями: самую грандіозную изъ нихъ, поражающую зрителя быть можетъ не менѣе Колизея, представляютъ Каракалловы бани, лежащія не подалеку отъ древнихъ южныхъ воротъ Рима, porta Capena.

Палатинская гора заключаетъ въ себѣ столько остатковъ римской жизни, съ ней связано такъ много историческихъ воспоминаній, что, какъ ни долго мы ее осматриваемъ, все еще остаются развалины и мѣста, нами не осмотрѣнныя. Мы не упомянули о сохранившейся

стадіи, устроенной Домиціаномъ для атлетическихъ упражненій. Она находится между дворцомъ Августа и дворцомъ Септимія Севера. Эта стадія была въ маломъ видѣ тоже самое, что было устроено Домиціаномъ для римской публики на мѣстѣ нынѣшней Piazza Navonna. Вотъ при самомъ входѣ въ Палатинъ отъ Титовой арки рядъ небольшихъ и не одинаковой величины компатъ развалившагося зданія, которыя служили, какъ думаютъ, для солдатъ преторіанской когорты, охранявшихъ особу императора; вотъ и другія комнаты за дворцомъ Калигулы, сохранившія нерѣдко штукатурку по стѣнамъ и мозаику на полу, гдѣ обитала, какъ слѣдуетъ полагать, дворня императора, его рабы и вольноотпущенники; вотъ наконецъ къ сторонѣ цирка и цѣлый домъ съ атріумомъ и комнатами съ разными надписями, сдѣланными острымъ грифелемъ, гдѣ жили солдаты и гдѣ также воспитывались молодые рабы для предстоящихъ имъ въ императорскомъ дворцѣ обязанностей. Это былъ своего рода институтъ пажей, носившій у древнихъ названіе paedagogium. Названіе это находится въ одной изъ сохранившихся на стѣнѣ надписей: Corinthus exit de paedagogio (Коринѳъ выходитъ изъ педагогія). Тутъ есть и карикатуры. Одна изъ нихъ, находящаяся теперь въ музеѣ іезуита Кирхера, показываетъ, что въ этомъ училищѣ были дѣти и христіанскаго исповѣданія, служившія для другихъ посмѣшищемъ. Нарисованъ оселъ на крестѣ и человѣкъ, ему поклоняющійся; каррикатура поясняется греческой надписью: Ἀλεξάμενος σέβετε (sic!) θεόν (Алексаменъ поклоняется богу); но Алексаменъ, надъ которымъ смѣялись товарищи, остался вѣренъ своей религіи, ибо въ одной изъ надписей онъ называется вѣрнымъ (Alexamenos fidelis). Неподалеку отъ этого дома, раскрывающаго передъ нами такъ неожиданно одну изъ чертъ жизни близъ кесарскаго дворца, находится небольшой жертвенникъ изъ травертина, поставленный невѣдомому богу съ надписью очень древняго времени, какъ свидѣтельствуетъ ея языкъ и ороографія: sei deo, sei deivae sac. C. Sextius C. f. Calvinus pr. de senati sententia restituit (посвящается или богу, или богинѣ. Г. Секстій, сынъ Гайя, Кальвинъ, преторъ, возстановилъ по сенатскому опредѣленію). Новая черта изъ религіозной жизни Рима, заслуживающая вниманія.

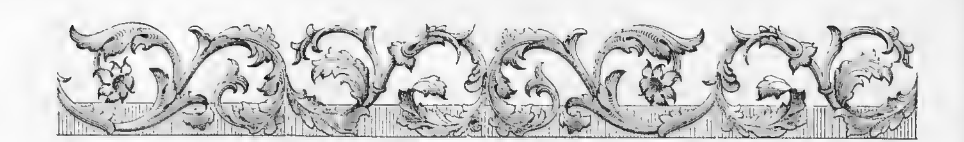
Форумъ и Палатинъ—два мѣста въ Римѣ, наиболѣе обильныя развалинами древнихъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ Капитоліемъ, съ которымъ мѣста эти такъ тѣсно связаны и по топографіи, и по исторіи, они представляютъ наибольшій интересъ для всякаго, желающаго проникнуть въ самое сердце римской гусударственной жизни въ три ея главныхъ эпохи: царскую, республиканскую и императорскую. Но на самомъ Капитоліѣ, имѣвшемъ для Римлянъ священное значеніе и по своей крѣпости, которая спасла городъ Ромула отъ окончательнаго раззоренія Галлами, и по древнему храму Юпитера, на который римскій народъ смотрѣлъ, какъ на свой палладіумъ, почти не сохранилось развалинъ и имѣющіеся на немъ остатки древности заключены по преимуществу

въ его великолѣпномъ музеѣ и затѣмъ общественныхъ зданіяхъ, окаймляющихъ вмѣстѣ съ музеемъ три стороны его небольшой площадки (дворецъ сенаторовъ и дворецъ консерваторовъ). Всѣ остатки древнихъ построекъ на Капитоліѣ заключаются въ фундаментѣ для сенаторскаго дворца, гдѣ теперь засѣдаетъ городская дума, принадлежавшемъ въ древности къ зданію государственнаго архива, которое носило названіе Tabularium, да въ обломкахъ стѣны древнѣйшей кладки, принадлежавшихъ вѣроятно старой крѣпости Капитолія (arx Capitolina). Даже мѣсто Тарпейской скалы до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью. Сохранились остатки древнихъ храмовъ и другихъ сооруженій у подножія горы, обращеннаго къ форуму, да находящаяся въ сторонѣ отъ форума, къ сѣверу-востоку, древняя римская тюрьма (carcer Mamertinus), надъ которою построена небольшая церковь имени св. Іосифа, та самая тюрьма, въ которой были казнены пять сообщниковъ Катилины, гдѣ погибъ Югурта и гдѣ были умерщвляемы важные военноплѣнные, участвовавшіе въ качествѣ трофеевъ, въ тріумфальныхъ процессіяхъ полководцевъ. Остатки древнихъ храмовъ, лежавшихъ у подножія Капитолія, мы уже видѣли при обозрѣніи форума; въ тюрьму же, которая по словамъ римскихъ писателей, была исполнена въ древности невыносимаго смрада и возбуждала ужасъ своимъ видомъ, лучше не заглядывать.

Было бы гораздо интереснѣе сдѣлать прогулку по римскимъ катакомбамъ, гдѣ были погребены милліоны христіанъ, прежде чѣмъ для новой религіи настало время торжества и оффиціальнаго признанія. Но христіанскія катакомбы, куда ведетъ своихъ читателей г. Гастонъ Буассье прямо съ Палатина, предметъ особый и къ развалинамъ древняго Рима не относящійся. Изъ катакомбъ авторъ „Археологическихъ прогулокъ“ отправляется на виллу Адріана, лежащую въ окрестностяхъ Тиволи (по древнему Тибура), одного изъ самыхъ древнихъ городовъ Лаціума, въ сравненіи съ которымъ Римъ представляется такимъ же молодымъ городомъ, какимъ Москва въ сравненіи съ Новгородомъ и Кіевомъ. Изъ Адріановой виллы, г. Гастонъ Буассье отправляется, хотя это ему совсѣмъ не по пути, въ Остію, богатый приморскій городъ, имѣвшій для Рима съ первыхъ лѣтъ его существованія такое же значеніе, какое теперь Кронштадтъ имѣетъ для Петербурга въ торговомъ отношеніи. Прогулки въ эти мѣста, были бы крайне интересны, въ особенности въ Остію, гдѣ раскопки, сдѣланныя въ послѣднее десятилѣтіе подъ руководствомъ г. Петра Розы, уже достаточно обнаружившаго свою опытность въ веденіи работъ этого рода на Палатинѣ, дали вполнѣ наглядное понятіе о богатствѣ и громадной торговой дѣятельности приморскаго города, служившаго для Рима гаванью. Но есть пунктъ, которому въ археологическомъ значеніи, послѣ Рима, нѣтъ равнаго по всей Италіи, это—Помпеи. Туда мы теперь и отправимся.

В. Модестовъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ*).



ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

Мы чтимъ память Карамзина, помнимъ его достопамятное изрѣченіе, что „исторія есть достояніе народа". Но всѣ ли хорошо понимаютъ значеніе его дѣятельности и еще болѣе значеніе только что приведеннаго нами его изреченія?

Что значатъ эти великія слова—исторія есть достояніе народа? Слова эти значатъ, что исторію нельзя отнимать у народа, ибо исторія (разумѣется писанная, а не творимая народомъ) есть развитіе народнаго самосознанія и самопознанія. Мѣшать же развитію народнаго самосознанія—значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ задерживать ростъ и развитіе народа. Если помѣха индивидуальному развитію человѣка можетъ назваться дѣяніемъ преступнымъ, то какъ же назвать помѣху развитію цѣлаго народа?

Между тѣмъ нѣкоторая часть мнимыхъ почитателей Карамзина, подъ видомъ благоговѣнія къ его памяти, готовы были бы задержать развитіе русской исторической науки на двѣнадцати томахъ его исторіи, какъ будто не понимая закона всеобщаго, вѣчнаго движенія, который управляетъ міромъ.

Карамзинъ далъ точку опоры для дальнѣйшаго развитія русской исторіи и въ этомъ его великая заслуга; но онъ не могъ думать, что изъ его исторіи захотятъ сдѣлать преграду развитію исторіи, что его мнѣнія и воззрѣнія захотятъ обратить въ изреченія алкорана для пущаго упроченія умственной неподвижности. По мѣрѣ развитія народнаго мѣняются и видоизмѣняются и воззрѣнія на тѣ или другія историческія событія, ибо открываются новыя точки зрѣнія, не говоря уже объ открытіи новыхъ источниковъ. Воззрѣнія Карамзина на древнюю Русь давно потрясены во всѣхъ ихъ основаніяхъ критикою глубокою и ученою. Не вдаваясь въ болѣе отдаленное время, не восходя ко временамъ Каченовскаго, Полеваго, Надеждина, укажемъ лишь, что въ концѣ сороковыхъ годовъ появленіе трудовъ С. М. Соловьева

(его диссертацій) и К. Д. Кавелина, сдвинули съ основанія всѣ воззрѣнія Карамзина, что однако не мѣшало С. М. Соловьеву питать глубокое уваженіе къ его памяти.

Но никогда русская исторія не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ настоящее время. Наука русской исторіи не забудетъ царствованія императора Александра II.

Безъ знанія новой русской исторіи, съ Петра I до нашихъ дней, развитіе русской исторической науки немыслимо, ибо безъ этого знанія будетъ не точно и не ясно пониманіе общаго ея хода. Безъ этого знанія невозможна и вѣрная оцѣнка самыхъ отдаленныхъ событій, на основаніи извѣстной аксіомы, что всѣ событія исторіи имѣютъ тѣсную, непрерывную связь между собою. Поэтому, какъ безъ древней русской исторіи невозможно пониманіе новой русской исторіи, такъ и на оборотъ.

Новую же русскую исторію мы знали только или анекдотически, или по оффиціальнымъ документамъ; подобное же знаніе крайне не полно, чтобы не сказать, что оно равняется нулю.

Только въ наше время сдѣланъ шагъ къ раскрытію передъ русскимъ человѣкомъ его новой исторіи. Шагъ еще весьма слабый, робкій, но все таки шагъ. Появленіе обширнаго труда С. М. Соловьева, захватившаго даже часть царствованія Екатерины II, и изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, составляютъ, можно сказать, событія въ развитіи русской исторической науки.

На ряду со сборниками, изданными Историческимъ Обществомъ, изъ частныхъ изданій источниковъ по новой русской исторіи, по важности заключающихся въ нихъ матеріаловъ, можно смѣло поставить изданіе обширнаго семейнаго архива князей Воронцовыхъ, XV томъ котораго лежитъ передъ нами. Это изданіе ясно показываетъ какія историческія сокровища скрываются въ частныхъ архивахъ фамилій, стоявшихъ близко къ событіямъ XVIII и XIX вѣковъ.

XV томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ рядъ любопытныхъ матеріаловъ, какъ для исторіи внутреннихъ нашихъ дѣлъ, такъ и для внѣшнихъ отношеній. Особенно обращаютъ на себя вниманіе переписка графа С. Р. Воронцова, бывшаго двадцать лѣтъ, въ томъ числѣ и нѣкоторое время въ началѣ царствованія Александра Перваго, русскимъ посломъ при Сенъ-Джемскомъ кабинетѣ, съ княземъ Чарторижскимъ, завѣдывавшимъ тогда внѣшними сношеніями Россіи. Переписка эта касается преимущественно внѣшнихъ отношеній, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже. Въ этой перепискѣ С. Р. Воронцова выказывается основательнымъ знатокомъ страны, въ которой онъ былъ аккредитованъ, ея нравовъ, обычаевъ и государственнаго строя. Онъ отлично понималъ, какъ мало значатъ въ этой странѣ политической свободы съ крѣпкимъ монархическимъ чувствомъ, личныя симпатіи и увлеченія того или другого министра,

чего въ Петербургѣ дѣльцы того времени, руководившіеся единственнымъ принципомъ—„я такъ хочу“ совсѣмъ не понимали; С. Р. Воронцову не давали покою, требуя, чтобы онъ настаивалъ на очищеніи Мальты. По поводу этого требованія С. Р. Воронцовъ долженъ былъ объяснять то значеніе, какое имѣетъ въ Англіи общественное мнѣніе. Онъ внушительно пишетъ, что даже министерство Аддингтона, который самъ очень боялся войны, не рѣшилось заикнуться объ уступкѣ Мальты, ибо Аддингтонъ зналъ, что вся нація, по внутреннему убѣжденію, рѣшила удержать Мальту.

„Двадцать лѣтъ я въ Англіи, говоритъ С. Р. Воронцовъ, въ продолженіи которыхъ старался изучить страну, правленіе, индивидуальный и національный характеръ жителей, и потому твердо знаю, что сдѣлать означенную уступку—внѣ предѣловъ власти правительства; невозможность сдѣлать эту уступку зависитъ не отъ воли министровъ, или такихъ почтеннѣйшихъ членовъ оппозиціи, какъ графъ Спенсеръ, или лордъ Гренвиль, но отъ единодушнаго чувства всѣхъ лицъ почтенныхъ и независимыхъ, вліяющихъ на общественное мнѣніе“.

Къ этой любопытной перепискѣ мы еще возвратимся и посвятимъ ей особую статью; но, раставаясь съ нею на сей разъ, не можемъ не сказать, что въ ней С. Р. Воронцовъ высказалъ глубокое знаніе людей. Стоитъ только прочесть характеристику герцога Орлеанскаго, царствовавшаго потомъ во Франціи подъ именемъ Луи-Филиппа. С. Р. Воронцовъ мѣтко очертилъ характеръ пронырливаго принца и предсказалъ тогда же, въ началѣ XIX вѣка, что онъ будетъ царствовать. Характеристика эта сдѣлана за долго не только до появленія „Histoire de dix ans“ Луи Блана, но за долго до самаго царствованія Луи-Филиппа и поражаетъ своею мѣткостію. Если бы кто нибудь сдѣлалъ подобную характеристику въ наше время, то непремѣнно бы сказали, что онъ начитался Луи-Блана и смотритъ на Луи-Филиппа его глазами.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены познакомить читателей, главнымъ образомъ, съ любопытной „Запиской С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи“ напечатанной въ томъ же XV т. „Архива князя Воронцова“.

Вопросъ о внутреннемъ управленіи въ Россіи въ XVIII и въ XIX в. тѣсно связанъ съ исторіей и значеніемъ сената, а потому просимъ извиненія за невольное отступленіе и позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ, напомнить исторію сената отъ Петра Великаго до Александра I.

Петръ Великій оставилъ своимъ наслѣдникамъ учрежденіе, на которое возлагалъ большія надежды. Учрежденіе это сенатъ. Замѣняя сначала царя во время его отсутствія, сенатъ поставленъ былъ потомъ во главѣ коллегій, учрежденныхъ Петромъ, и самъ сохраняя коллегіальное устройство, сдѣлавшись, такъ сказать, высшею коллегіею, коллегіею надъ коллегіями, сенатъ долженъ былъ стать противовѣсомъ

единоличному произволу разныхъ сановниковъ, быть охранителемъ и оберегателемъ закона. Проведеніе въ русскую жизнь принципа законности, вотъ великая миссія, которую Петръ возлагалъ на сенатъ. Эта миссія лучше всего показываетъ до какой степени сенатъ былъ прогрессивнымъ учрежденіемъ, отъ чего этому учрежденію впослѣдствіи и не посчастливилось.

Униженіе сената при первыхъ преемникахъ Петра и ближайшія слѣдствія этого униженія ясно выражены въ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны, отъ 12 декабря 1741 года:

„Императрица усмотрѣла нарушеніе государственнаго управленія, какъ оно было при отцѣ ея: пронскомъ нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенъ верховный тайный совѣтъ, потомъ сочиненъ кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ верховный тайный совѣтъ; только имя перемѣнено, отъ чего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло". (см. „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ" С. М. Соловьева, т. XXI, стр. 174).

Естественно, что „нѣкоторыхъ" какъ выражается императрица Елизавета Петровна, происками которыхъ униженъ былъ Сенатъ, было гораздо болѣе, чѣмъ могла думать благодушная императрица.

Меншиковъ и Остерманъ, или вѣрнѣе, Остерманъ и комп., потому что Остерманъ былъ хитрѣе всѣхъ верховниковъ, изобрѣли верховный тайный совѣтъ; тотъ же Остерманъ съ Минихомъ и Бирономъ, уничтоживъ верховный тайный совѣтъ, сочинили кабинетъ, скрывъ свой обманъ подъ этой комической перемѣной названія. Ихъ именно и разумѣла императрица Елизавета Петровна подъ словомъ „нѣкоторыхъ"; но что значили эти лица сами по себѣ, какъ ни были они сильны, если бы они не чувствовали, что за спиною ихъ стоитъ еще болѣе страшная сила, чѣмъ они сами. Эта сила—легіоны чиновныхъ беззаконниковъ, которые чувствовали, что съ униженіемъ сената современемъ и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ. Только опираясь на эту массу и на невѣжество тогдашняго русскаго общества „нѣкоторые" могли такъ нагло издѣваться надъ простодушіемъ народа и обманывать его, играя названіями.

Возстановленіе значенія сената и дѣятельность этого учрежденія въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны—составляютъ лучшія страницы въ исторіи ея правленія. Чтобы выяснить всю важность дѣятельности сената въ царствованіе Елизаветы Петровны, приведемъ для примѣра одинъ фактъ этой дѣятельности, результаты котораго были чрезвычайно важны: именно уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и заставъ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ, не смотря на личное къ нему довѣріе императрицы, могъ провести эту мѣру только какъ сенаторъ, черезъ сенатъ, ибо Елизавета Петровна не утверждала никакихъ важныхъ мѣръ до разсмотрѣнія ихъ сенатомъ. Провести эту мѣру было не такъ легко, какъ кажется намъ теперь, когда дѣло

давно сдѣлано. Тогда противъ этой мѣры были многіе сильные люди и она встрѣчена была враждебно, какъ видно изъ записокъ князя Шаховскаго, честнаго, но близорукаго человѣка. Князь Шаховскій, игравшій видную роль въ царствованіе Елизаветы Петровны, былъ личнымъ врагомъ П. И. Шувалова, и потому охотно передаетъ общую тогдашнюю молву, что уничтоженіе таможенъ было дѣломъ личнаго корыстолюбія П. И. Шувалова, ибо открывало возможность лучшаго сбыта желѣза съ его заводовъ. Конечно, безкорыстіемъ память П. И. Шувалова почтить нельзя; но еще болѣе нельзя одною корыстію объяснять все, что онъ сдѣлалъ. П. И. Шуваловъ, каковы бы ни были его пороки, отличался большимъ и практическимъ государственнымъ умомъ и потому, если даже уничтоженіе таможенъ и заставъ предложено было имъ и изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, то все таки должно сознаться, что корысть его совпала съ выгодами государства и пользою народа; поэтому его предложеніе и прошло черезъ сенатъ.

Уничтоженіе заставъ и таможенъ—весьма крупное историческое событіе, значеніе котораго впервые оцѣнено С. М. Соловьевымъ. Онъ говоритъ, что уничтоженіе внутреннихъ таможенъ закончило объединеніе Россіи, завершило дѣло, начатое Иваномъ Даниловичемъ Калитою. Людямъ не привыкшимъ вдумываться въ значеніе фактовъ и чающихъ найдти ихъ объясненіе только въ офиціальныхъ актахъ, сравненіе С. М. Соловьева можетъ показаться страннымъ, чтобы несказать болѣе; но такихъ людей просимъ сначала перенестись въ эпоху существованія внутреннихъ таможенъ въ Россіи и вспомнить, что купецъ платилъ пошлины въ каждомъ городѣ, черезъ который шли его товары. Каково же было положеніе крестьянина, который везъ въ городъ свой убогій товаръ?—Купецъ и крестьянинъ въѣзжали съ своими товарами въ города точно въ чужія государства; таможенные сборы такъ тяжело ложились на нихъ, что крестьянинъ часто долженъ былъ отдавать таможеннымъ досмотрщикамъ кушакъ, шапку, рукавицы, чтобы ввести въ городъ свой товаръ; купцу относительно было не легче. Таковъ былъ результатъ внутреннихъ таможенъ, этого остатка раздѣленія Руси на удѣлы. Но зло держалось долго, ибо съ этимъ зломъ соединены были выгоды многихъ и многихъ людей, начиная отъ простаго таможеннаго дозорщика и кончая крупными чиновными лицами въ Петербургѣ, которые умѣли это зло выставлять маловажнымъ въ сравненіи съ выгодами, которыя оно давало государству. Поэтому великую честь воздастъ исторія императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что она, понявъ важность дѣла, поручила его разсмотрѣнію сената; великая честь принадлежитъ и сенату, что онъ рѣшилъ это совсѣмъ нелегкое дѣло, когда вопіющихъ и взывающихъ за старое зло былъ легіонъ. Чтобы понять всю важность этого дѣла рѣшеннаго сенатомъ, нужно вспомнить, что во Франціи со временъ Кольбера происходила борьба про-

тивъ внутреннихъ таможенъ и только революція разсѣкла этотъ гордіевъ узелъ, наслѣдіе феодализма, закрѣпленный, какъ и у насъ, корыстію чиновниковъ на цѣлые вѣка. Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ не счастливилось передъ судомъ исторіи до появленія обзора ея царствованія въ обширномъ трудѣ С. М. Соловьева. Съ легкой руки поклонниковъ прусскаго короля Фридриха II, царствованіе Елизаветы Петровны и у насъ изображалось только съ темныхъ его сторонъ, которыхъ, и дѣйствительныхъ, и преувеличенныхъ, было довольно; но лучшія стороны ея царствованія какъ бы не существовали. Елизавета Петровна была не послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе неяснаго пониманія плановъ своего отца, къ памяти котораго она благоговѣла. Такъ она допустила преслѣдованіе синодомъ книгъ, напечатанныхъ при отцѣ ея и большею частію подъ его надзоромъ; по желанію синода подвергла цензурѣ книги, привозимыя тогда изъ заграницы. Пятнадцать или шестнадцать только лѣтъ прошло со смерти Петра Великаго, а между тѣмъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ Россіи нашелся уже государственный человѣкъ, который, хотя и безъ умысла, отстаивалъ свободу мысли. Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ, чтобы книги историческія и философскія были освобождены онъ цензуры. Сѣмена добра, брошенныя Петромъ Великимъ на русскую почву, не пропали даромъ и бироновщина,—эта эпоха крови, грязи и предательства русскихъ интересовъ, не могла заглушить этихъ сѣмянъ, а потому и почва къ добру была воспріимчива.

Возвращаясь къ сенату, позволимъ себѣ сдѣлать еще одну замѣтку о дѣятельности его въ царствованіе Елизаветы Петровны. Извѣстно, что въ ея царствованіе сильно преслѣдовались раскольники; но и тутъ сенатъ смягчалъ эти преслѣдованія, что и приводило его въ столкновеніе съ синодомъ.

О дѣятельности сената въ царствованіе Петра III и Екатерины II весьма мало извѣстно. При Екатеринѣ II вниманіе правительства поглощено было преобразованіемъ провинціальной администраціи; но что касается до развитія въ органахъ правительства чувства законности, то должно сказать, что произволъ нѣкоторыхъ любимцевъ Екатерины значительно мѣшалъ этому развитію.

Характеръ царствованія Павла I извѣстенъ. Безъ сомнѣнія, подобно Петру III, и онъ исполненъ былъ благими намѣреніями; но, къ несчастію, подобно отцу, хотя и выросъ въ Россіи, (преимущество, котораго отецъ его не имѣлъ), онъ также мало зналъ страну, управлять которой ему было суждено.

Павелъ не понималъ разницы своего положенія отъ положенія его отца, не понималъ причины его паденія и предался неосновательному страху за прерогативы верховной власти. Къ этому присоединилась ненависть безразличная и къ хорошему и къ дурному предшествовавшаго царствованія. Все это повело къ тому, что время

Павла I стало символомъ самаго капризнаго произвола. Въ такое царствованіе о той роли, которую сенату назначалъ Петръ Великій не могло быть и рѣчи. Должно однако оговориться, что исторія времени Павла I намъ извѣстна только по иностраннымъ источникамъ, да съ анекдотической стороны. Очень можетъ быть, что когда вскроются государственные архивы и появятся мемуары русскихъ людей, то многое, но не все конечно, въ воззрѣніи на это царствованіе измѣнится.

При Екатеринѣ II сдѣланы были преобразованія въ провинціальной администраціи. Внукъ ея Александръ I, какъ продолжатель дѣлъ Екатерины II, совершилъ преобразованія въ государственномъ управленіи.

Въ манифестѣ, отъ 8 сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ сказано: „Слѣдуя великому духу преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго намъ слѣды мудрыхъ своихъ намѣреній, по которымъ старались шествовать достойные его преемники". Къ несчастію, духъ преобразователя Россіи Петра I не вполнѣ былъ понятъ и не вполнѣ усвоенъ исполнителями намѣреній Александра I, что доказывается тѣмъ, что почти въ одно и тоже время сенатъ и возстановлялся въ его значеніи и подкапывалось самое основаніе этого важнѣйшаго учрежденія Петра I. Изъ этого непониманія вышло слѣдствіе совсѣмъ неожиданное: вмѣсто того, чтобы идти по стопамъ великаго преобразователя Россіи, пошли по стопамъ учредителей верховнаго тайнаго совѣта и кабинета.

Намѣренія Александра I прекрасно поняты были Карамзинымъ. „Мы читаемъ, говоритъ онъ, въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая оныя, такъ сказать, постояннымъ духомъ ревности къ общему благу, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы въ будущемъ отступленіе отъ законнаго пути".

Эти слова Карамзина, характеризуя намѣренія Александра I, въ то же время показываютъ, что Карамзинъ не видѣлъ въ учрежденіи министерствъ и преобразованіи государственнаго совѣта залога къ прогрессивному движенію впередъ и къ исполненію благихъ намѣреній государя.

При сужденіи о внутреннихъ преобразованіяхъ начала нынѣшняго столѣтія, мнѣнія Карамзина разсматриваются слишкомъ односторонне, толкуются черезчуръ буквально; все обыкновенно приписывается ретроградныхъ взглядамъ исторіографа. И дѣйствительно, такъ должно казаться съ перваго взгляда, если въ дѣло не вдумываться:— Карамзинъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, Карамзинъ подсмѣивался надъ толками о конституціи.

Но неужели Карамзинъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность вѣчнаго statu quo всего существующаго, неужели, онъ считалъ крѣпостное состояніе крестьянъ вѣчнымъ?

Карамзинъ, при историческомъ геніи своемъ, при проницательномъ государственномъ взглядѣ, къ несчастію, прежде всего былъ придворный т. е. человѣкъ привыкшій скрывать свой настоящій образъ мыслей въ туманѣ весьма красивыхъ, пѣвучихъ періодовъ своего краснорѣчія. Признать, что Карамзинъ вѣрилъ въ вѣчное statu quo, значило бы признать, что вышеприведенныя слова его сказаны были на вѣтеръ; между тѣмъ все показываетъ, что въ этихъ словахъ онъ высказывалъ то, что думалъ, но по своему обычаю, не досказывалъ.

Изъ его вышеприведенныхъ словъ ясно видно, что онъ не считалъ совершенныя тогда государственныя преобразованія залогомъ утвержденія въ Россіи дѣйствія закона почему и могъ думать, что освобожденіе крестьянъ не уменьшитъ произволъ, а увеличитъ его и что произволъ этотъ всею тягостію упадетъ прежде всего на образованныя сословія, да и освобожденнымъ крестьянамъ, которыхъ тогда хотѣли освободить безъ земли, придется плохо. Точно также такой осторожный человѣкъ какъ Карамзинъ и къ вопросу о конституціи могъ относиться только иронически. Удивительное было время: уже начинали трепетать передъ Аракчеевымъ и ожидали въ тоже время конституціи!

Другой замѣчательный человѣкъ того времени, одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей первыхъ годовъ царствованія Александра I, Трощинскій, въ извѣстной своей запискѣ въ защиту коллегій обстоятельно доказывалъ, что новыя преобразованія, т. е. учрежденіе министерствъ, усилятъ, но не уменьшатъ произволъ.

Карамзинъ говорилъ краснорѣчиво, но не для всѣхъ ясно; Трощинскій заслонилъ разборъ основнаго принципа новыхъ тогда государственныхъ преобразованій, разборомъ частныхъ подробностей, что опять таки мѣшало видѣть дѣло во всей его наготѣ.

Иначе отнесся къ вопросу о началѣ тогдашнихъ преобразованій графъ С. Р. Воронцевъ съ просвѣщенными и либеральными взглядами котораго мы познакомили читателей выше.

С. Р. Воронцовъ въ своей запискѣ о внутреннемъ управленіи въ Россіи, присланной имъ къ его другу, графу В. П. Кочубею, приступаетъ къ вопросу прямо и открыто, разсматривая самый принципъ учрежденія. По этому записка Трощинскаго, вдающаяся въ частности, можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ запискѣ С. Р. Воронцова. Взглядъ послѣдняго однако шире и глубже.

Какъ эта записка С. Р. Воронцова, такъ и переписка его съ кн. Чарторижскимъ, и почти все, что онъ писалъ, писано на французскомъ языкѣ. Но этотъ жалкій и несчастный обычай замѣны родного языка чужимъ, нисколько не умаляетъ патріотическаго чувства, которое сказывается въ каждой его строкѣ.

Манифестомъ 8 сентября 1802 года учреждались министерства, сенатъ возстановлялся въ его значеніи, но въ слѣдъ за тѣмъ сенату

былъ нанесенъ сильный ударъ ограниченіемъ его права надзора за администраціей.

„Какимъ образомъ, могло случиться, пишетъ по этому поводу графъ Воронцовъ къ Чарторижскому, что тотъ же указъ, который возстановлялъ сенатъ въ томъ же значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, его славномъ основателѣ, служитъ теперь источникомъ и причиною униженія, въ какомъ сенатъ не бывалъ со временъ императрицы Анны, управлявшей такъ, какъ управляютъ только подъ широтами Марокко или Шираза“?

Въ этомъ же письмѣ къ Чарторижскому онъ предсказываетъ, къ чему приведетъ самаго Александра униженіе сената.

„Онъ, говорилъ Воронцовъ, слишкомъ добръ и разуменъ, чтобы желать царствовать деспотически, но, работая съ глазу на глазъ съ невѣжами (въ государственномъ управленіи), онъ, самъ того неподозрѣвая, совершитъ дѣла деспотическія“.

Это письмо С. Р. Воронцова писано отъ 6 апрѣля 1803 года, слѣдовательно еще не минуло и семи мѣсяцевъ со дня учрежденія министерствъ, какъ обнаружилось уже отступленіе отъ первоначальнаго плана ихъ учрежденій и доклады министровъ не поступали въ комитетъ министровъ, а дѣлались съ глазу на глазъ прямо государю, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста письма С. Р. Воронцова:

„Что онъ (братъ Семена Романовича, канцлеръ) будетъ дѣлать въ комитетахъ, куда министры не вносятъ, или рѣдко вносятъ доклады, предпочитая толковать объ нихъ съ глазу на глазъ съ императоромъ, отъ котораго получаютъ прямо утвержденіе, вслѣдствіе чего являются указы, дѣлающіеся извѣстными другимъ министрамъ одновременно съ публикою? Предполагая даже, чего впрочемъ на дѣлѣ нѣтъ, что всѣ министры люди съ большими талантами, знаніями, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, и тогда дѣйствія правительства не будутъ ни въ чемъ согласованы между собою, въ нихъ не будетъ единства (d'ensemble). Всякое дѣло внутренней администраціи болѣе или менѣе зависитъ отъ финансовъ, отъ коммерціи, отъ правосудія, а иногда и отъ внѣшнихъ отношеній. Даже дѣла министерствъ военнаго и морскаго, не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно: всѣ отрасли управленія имѣютъ неразрывную связь между собою. Какимъ же образомъ можно трактовать объ нихъ съ однимъ министромъ, не подвергая предлагаемыя мѣры разсмотрѣнію всѣхъ (министровъ)? Зачѣмъ лишать себя совѣтовъ и знаній многихъ? Почему не выслушать различныхъ мнѣній, дабы имѣть выгоду предпочесть лучшее и выгоду свободнаго выбора мнѣній послѣ строгаго ихъ изслѣдованія т. е. зачѣмъ отказываться имѣть подъ руками лучшій способъ оканчивать дѣла? Такъ какъ въ манифестѣ отъ 8 сентября 1802 года, установившемъ новую администрацію, провозглашалось, что министры будутъ докладывать дѣла въ комитетѣ, въ присутствіи государя, то вся Россія и вѣритъ, что дѣла такъ и дѣлаются“.

Въ этомъ же письмѣ С. Р. Воронцовъ скорбитъ о государѣ и слова его дышатъ полною искренностію:

„Я глубоко и искренно сожалѣю государя, ибо его намѣренія чисты; но, къ несчастію, легкость, съ которой онъ дозволяетъ увлекать себя на работы съ глазу на глазъ, лишаетъ его возможности углубляться въ дѣла и быть вразумленнымъ для него и для Россіи, которую онъ хочетъ сдѣлать цвѣтущею и счастливою, но которую онъ никогда не сдѣлаетъ такою, если администрація пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ идетъ нынѣ". (Т. XV, Арх. князя Воронцова, стр. 158 и слѣд. до 161 стр.).

Черезъ два года, С. Р. Воронцовъ, въ письмѣ къ Чарторижскому отъ 6 мая 1805 года, выражаетъ туже скорбь о привычкѣ государя разговаривать о дѣлахъ внѣшней политики съ людьми не свѣдущими.

„Я жалѣю о государѣ, у котораго вошло въ привычку говорить о политическихъ дѣлахъ съ людьми у которыхъ нѣтъ ни нужныхъ знаній, ни того величія духа, изъ котораго исходятъ только совѣты благородные, великодушные, сообразные съ достоинствомъ монарха величайшей имперіи, когда либо существовавшей въ свѣтѣ, и эти люди, не отвѣчая за свои совѣты ни передъ государемъ, ни передъ государствомъ, даютъ совѣты сообразные ихъ неопытности, малодушію, согласно видамъ интригъ партій, или коварства. Ихъ дѣйствія скрыты, они никому не отдаютъ отчета, а общее порицаніе падаетъ на государя".

Эти отрывки изъ переписки С. Р. Воронцова съ Чарторижскимъ отлично вводятъ читателя и въ сущность содержанія „Записки о внутреннемъ управленіи"; они коментируютъ и дополняютъ ее. Отрывки эти любопытны и потому, что писаны единовременно съ запиской, въ томъ же 1803 году. Можетъ быть есть разница въ мѣсяцахъ или числахъ, ибо записка не помѣчена числомъ и мѣсяцемъ; но это обстоятельство особенной важности не имѣетъ.

В. П. Кочубей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому адресована „Записка", въ воззрѣніяхъ на дѣятельность сената и на администрацію, былъ противоположныхъ мнѣній съ С. Р. Воронцовымъ, какъ это видно изъ словъ послѣдняго:

„Прочитавши ваши два письма' говоритъ онъ Кочубею, я остался въ глубокой увѣренности, что наши принципы объ администраціи, о законномъ и рѣшительно необходимомъ наблюденіи сената надъ министерствами, и особенно наши убѣжденія о неизбѣжныхъ злоупотребленіяхъ министерскаго деспотизма, который вы Богъ знаетъ почему считаете невозможнымъ, принципы наши объ этихъ вещахъ діаметрально противоположны. Кто изъ насъ правъ, кто ошибается, не намъ объ этомъ судить; предоставимъ опыту и времени, и притомъ самому короткому времени, рѣшить этотъ вопросъ".

Время Аракчеева и Магницкаго лучшій судья надъ принципами Кочубея и Воронцова.

С. Р. Воронцовъ упрекаетъ В. П. Кочубея въ томъ, что онъ въ своемъ проэктѣ объ инструкціи министру внутреннихъ дѣлъ старается разувѣрить государя относительно возможности министерскаго деспотизма, ибо де министры персоны избранныя.

„Великіе визири въ Турціи, Персіи и Марокко тоже персоны избранныя. Нашли же вы, замѣчаетъ С. Р. Воронцовъ, прекрасную гарантію противъ министерскаго произвола!“ „Раздѣляя, продолжаетъ онъ, функцію губернаторской власти на административную и судебную, вы пишите въ вашемъ докладѣ, что относительно администраціи губернаторы должны отдавать отчетъ министру внутреннихъ дѣлъ, по судебному вѣдомству министру юстиціи. Этимъ почеркомъ пера вашей руки уничтоженъ сенатъ, которому нечего дѣлать, нечего контролировать и которому, по неимѣнію свѣдѣній, нѣтъ возможности предупредить монарха о дѣлахъ противозаконныхъ, нѣтъ возможности предупредить о злоупотребленіи власти, которое дозволятъ себѣ ваши избранные персоны, деспотизмъ которыхъ по вашему химера. Сенатъ дѣлается учрежденіемъ безполезнымъ, существованіе котораго абсурдъ, содержаніе котораго дорого, и чтобы пощадить финансы государства, не лучше ли это учрежденіе уничтожить?“

„Государю никогда не будетъ извѣстно, какъ управляются его подданные, ибо до него будутъ доходить свѣдѣнія изъ рапортовъ тѣхъ избранныхъ особъ, которыя одновременно становятся судьями и подсудимыми въ собственныхъ дѣлахъ; ему не останется никакого средства знать, хорошо ли имъ избраны эти всегда чистыя и непогрѣшимыя особы“. (Архивъ кн. Воронцова, т. XV, стр. 443 и 444).

Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе этой и послѣдующей замѣтки С. Р. Воронцова, должно вспомнить какъ происходило дѣло, о которомъ онъ говоритъ.

Когда одновременно съ учрежденіемъ министерствъ пошла рѣчь объ опредѣленіи правъ сената, то нѣкоторыя изъ лицъ, удостоенныхъ довѣрія государя, предлагали, чтобы генералъ-губернаторы, губернаторы и предводители дворянства, представляли на разрѣшеніе въ сенатъ о всѣхъ предметахъ, выходившихъ изъ круга предоставленной имъ власти и потомъ, чтобы всѣ высочайшіе указы объявлялись министрамъ черезъ сенатъ, и чтобы сенатъ имѣлъ право докладывать государю о могущихъ быть злоупотребленіяхъ министровъ, то на эти предложенія не послѣдовало соизволенія императора Александра I (см. Богдановича, „Ист. Александра I“ т. I, стр. 92 и 93).

Императору Александру I казалось, между прочимъ, что право сената докладывать о злоупотребленіяхъ министровъ уничтожитъ отвѣтственность послѣднихъ; хотя безъ этого права сената министры становились дѣйствительно de facto, если не de jure, сановниками безотвѣтственными, ибо государь могъ знать только то, что угодно было министрамъ. С. Р. Воронцовъ вышеприведенное несоизволеніе государя приписываетъ графу Кочубею. Вотъ его слова:

„Ниже и въ томъ же докладѣ вы говорите, что важныя дѣла вноситься будутъ въ комитетъ, или вашему императорскому величеству, послѣ чего у васъ идетъ длинное исчисленіе случаевъ, въ которыхъ министръ представляетъ о томъ вашему императорскому величеству; это перечисленіе и несчастное или предшествовавшей фразы, уничтожаютъ комитетъ, который становится столь же безполезнымъ, какъ и сенатъ. Все это предложено вопреки смыслу сентябрскихъ манифестовъ 1802 года и виновникъ всего этого вы, увлекшій императора къ идеямъ совершенно противоположнымъ тому торжественному обѣщанію, которое онъ высказалъ передъ своими подданными и передъ всею Европою“.

Впослѣдствіи Сперанскій думалъ отстранить зло поправками въ инструкціяхъ министровъ, но его поправки существа зла не коснулись. Вообще государственныя способности Сперанскаго весьма сомнительны, что бы не толковали о разныхъ благодѣтельныхъ проэктахъ, хранившихся въ его портфелѣ. Сперанскій видимо, напр., не понималъ значенія сената,— не понималъ, что именно сенатъ и могъ служить дальнѣйшею точкою отправленія для послѣдующихъ реформъ, которыя яко-бы предполагались. Онъ же, между прочимъ, проэктировалъ впослѣдствіи планъ раздѣлить сенатъ на сенатъ административный и сенатъ судебный. Если бы этотъ проэктъ состоялся, то подраздѣленіе можно было бы провести и далѣе и тогда оставалось бы только различныя отдѣленія сената переименовать въ комитеты и отъ творенія Петра Великаго не осталось бы и слѣда. Если бы Сперанскій былъ вполнѣ государственнымъ человѣкомъ, то постарался бы представить государю, что для его видовъ чрезвычайно важно, освободивъ сенатъ отъ судебныхъ обязанностей, предоставивъ ему только судъ по политическимъ преступленіямъ и судъ надъ высшими сановниками государства по дѣламъ нарушенія ими законовъ, придать ему или лучше закрѣпить за нимъ то значеніе, которое видимо намѣревался ему дать Петръ Великій, именно создать изъ него цѣльный органъ верховной власти, блюстителя законовъ, охранителя государственныхъ интересовъ, однимъ словомъ создать corps d'etat, именно крѣпкое и самостоятельное.

Александръ I въ послѣдніе годы своего царствованія постоянно находился въ грустномъ настроеніи духа, изъ котораго не могъ извлечь его и мистицизмъ, столь свойственный людямъ его характера въ его положеніи. Это нисколько не удивительно: вмѣсто того, чтобы все привести въ стройный порядокъ, какъ надѣялся и желалъ государь въ началѣ своего царствованія, онъ находилъ всюду противное своимъ надеждамъ и ожиданіямъ; запущенность дѣлъ повсюду была ужасающая.

Оно и немудрено и легко объясняется, если читатель внимательно еще разъ просмотритъ послѣднюю фразу, приведенную нами изъ записки графа С. Р. Воронцова. Союзы: или, но, если, столь почтен-

ные въ грамматикѣ, въ государственныхъ нашихъ дѣлахъ всегда вносили путаницу и противорѣчіе; такъ и въ инструкціи, писанной В. П. Кочубеемъ, союзъ или предоставлялъ широкій произволъ министрамъ, или комитету министровъ. Хорошо также прилагательное важныя къ слову дѣла, да и какія дѣла—государственныя! Какъ хорошо это опредѣленіе по вопросу, какія дѣла должны идти въ комитетъ министровъ, какія къ государю;—и тутъ выходитъ какія будетъ угодно, потому что, кто и какъ можетъ опредѣлить степень важности государственныхъ дѣлъ?

По поводу отчетовъ министровъ, графъ Воронцовъ удивляется, какая нужда была проводить ихъ черезъ сенатъ, когда они докладывались уже государю; у сената нѣтъ данныхъ, нѣтъ никакой возможности провѣрить отчеты.

„Сенатъ, пишетъ графъ Воронцовъ Кочубею, въ этихъ отчетахъ знаетъ не болѣе, чѣмъ тотъ почталіонъ, который вручитъ вамъ эту записку, знаетъ ея содержаніе.

„Нужно было обладать, мой другъ, большою храбростію, чтобы уничтожить вмѣшательство сената въ общую администрацію столь обширной имперіи, какъ Россія“—внушительно замѣчаетъ своему другу графъ С. Р. Воронцовъ.

„Этотъ верховный совѣтъ, т. е. сенатъ, продолжаетъ онъ, этотъ высшій законоблюститель во всѣхъ отрасляхъ управленія, былъ основанъ Петромъ Великимъ, этимъ чуднымъ человѣкомъ и величайшимъ монархомъ, когда либо занимавшимъ тронъ. Онъ учредилъ сенатъ, ибо понималъ, что не смотря на свои таланты и свой высокій геній, или именно лучше потому и понималъ, что обладалъ высокимъ талантомъ и великимъ геніемъ, что самъ государь, одинъ, не можетъ управлять такою обширною имперіей, понималъ, что ввѣрить имперію десяти или двѣнадцати безконтрольнымъ сановникамъ, значитъ создать десять или двѣнадцать деспотовъ, которые по свойству человѣческой натуры будутъ, сознательно или безсознательно, злоупотреблять своею властію и что государь, имѣя дѣло съ этой кучкой индивидуумовъ, будетъ ими обманутъ и никогда не будетъ знать ни ихъ злоупотребленій, ни вреда, который они нанесутъ имперіи. Я всегда ненавидѣлъ министерскій деспотизмъ, который, какъ засуха, можетъ уничтожить весь цвѣтъ благосостоянія въ самой цвѣтущей странѣ, который унижаетъ людей и дѣлаетъ несчастными, какъ подданныхъ, такъ и государей“.

Называя Кочубея виновникомъ созданія министерскаго деспотизма, Воронцовъ упоминаетъ объ оскорбленіи, которое дикій (fougueux) Державинъ нанесъ сенату. Державинъ чуть не обругалъ сенаторовъ идіотами и бунтовщиками и преимущественно оскорбилъ графа Потоцкаго [1]) за то, что сенатъ предложилъ остановить высочайшій

[1]) Не знаемъ, тотъ ли это графъ Потоцкій, который былъ попечителемъ Харь-

указъ и представить соображенія государю о невозможности привести его въ исполненіе.

Должно сознаться, что геніальный поэтъ въ этомъ дѣлѣ показалъ очень мало государственныхъ способностей, и оправдалъ на себѣ свои же стихи, въ которыхъ говоритъ, что рожденнымъ подъ жезломъ трудно парить къ облакамъ.

Графъ С. Р. Воронцовъ въ концѣ записки прямо говоритъ, что Кочубей организовалъ произволъ, которымъ въ былое время пользовались любимцы, притомъ не съ одинаковою наглостію. Потемкинъ и Зубовъ были самые наглые деспоты, но графъ Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Ермоловъ и другіе, пользовались своимъ фаворомъ умѣренно, а послѣдніе трое съ величайшею скромностію...

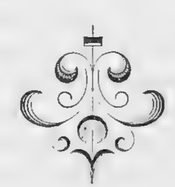
Какой же выводъ можно сдѣлать изъ записки графа С. Р. Воронцова?

Пока выводъ одинъ: отъ одного берега отстали, къ другому не пристали. Представительныя учрежденія, задуманныя Александромъ I, остались въ портфелѣ, а высшее учрежденіе, наблюдавшее за общимъ ходомъ дѣлъ, было почти разрушено.

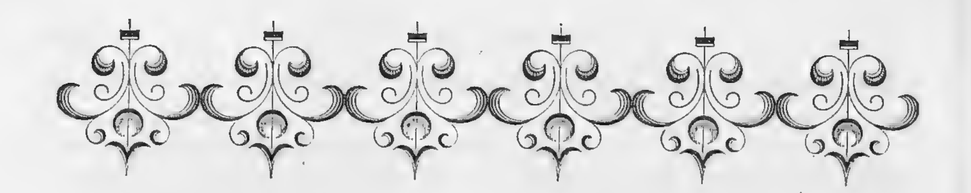
Привела же къ этому результату печальная привычка о всѣхъ дѣлахъ разговаривать съ глазу на глазъ и тѣмъ, какъ выражается графъ С. Р. Воронцовъ, лишать себя возможности, выслушавъ мнѣніе многихъ, выбирать лучшее изъ нихъ.

Въ заключеніе еще разъ скажемъ, что изданіе архива кн. Воронцова составляетъ положительную заслугу передъ наукой. Такіе матеріалы, какъ „Записка графа С. Р. Воронцова", вводятъ читателей въ сферу высшихъ государственныхъ учрежденій, а языкъ и тонъ записки показываютъ, что можно говорить свободно, откровенно, никого не оскорбляя. У насъ, судя объ общественныхъ дѣлахъ, рѣдко различаютъ учрежденія отъ людей и людей обвиняютъ въ томъ, въ чемъ виноваты учрежденія.

Евгеній Бѣловъ.



ковскаго университета? Если тотъ, то оскорбленъ былъ человѣкъ, оказавшій огромныя услуги русскому просвѣщенію въ бытность свою попечителемъ.



ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ [1].

III.

Тамбовское отжившее чиновничество.

Извѣстно, какую силу имѣли въ былыя времена всевозможные провинціальные русскіе чиновники и какъ быстро шли въ гору, въ особенности въ финансовомъ отношеніи, разные подъячіе и протоколисты. Каковъ же былъ личный составъ этого отжившаго и властнаго приказнаго сословія, этихъ великихъ ловцовъ человѣковъ?

Все это были люди большею частію безъ всякаго образованія, а нерѣдко и мало грамотные. Такъ было, напримѣръ, въ Тамбовской губерніи даже въ 1831 году, и объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуютъ служебные формулярные списки того времени.

Приводимъ выдержки изъ этихъ списковъ.

„Судья тамбовскаго совѣстнаго суда надворный совѣтникъ Алексѣй Федоровичъ Федоровъ. Образованіе получилъ въ палатѣ суда и расправы, гдѣ началъ службу копіистомъ, имѣя отъ роду 12 лѣтъ".

„Дворянскій засѣдатель Николай Васильевичъ Федоровъ. Въ школѣ не былъ и учился въ петербургскомъ казначействѣ".

„Дворянскій засѣдатель Павелъ Васильевичъ Степановъ. Нигдѣ не учился, а службу началъ подканцеляристомъ въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи".

„Уѣздный судья Алексѣй Александровичъ Алексѣевъ. Въ школахъ не учился, а службу началъ нижнимъ чиномъ въ гарнизонномъ баталіонѣ".

Засѣдатель тамбовской уголовной палаты Андрей Ивановичъ Ивановъ оказался уже болѣе образованнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ поступилъ на службу въ рязанскій верхній судъ канцеляристомъ и

---

[1]) См. № 9 „Историческаго Вѣстника".

слѣдовательно до своего опредѣленія на должность умѣлъ твердо читать и писать по русски [1]).

Что касается до лицъ болѣе высокаго положенія въ тамбовской администраціи 1831 года, то объ нихъ формулярные отзывы большею частію были въ такомъ родѣ: „Такой то... Образованія домашняго... Окончательное образованіе получилъ въ такомъ то (большею частію гвардейскомъ) полку"...

Нѣкоторые тамбовскіе чиновники прежнихъ временъ ухитрялись достигать вліятельныхъ и такъ называемыхъ теплыхъ мѣстъ и въ то же время сохраняли полную невинность и такъ сказать дѣвственность ума. По просту сказать, они были едва грамотны. Именно таковымъ чиновникомъ въ 1837 году оказался старшій засѣдатель тамбовскаго уѣзднаго суда Я. Булатовъ. Вотъ что писалъ о немъ тамбовскому предводителю дворянства Полторацкому, дворянинъ Зайцевъ:

„Сей еле и кое-какъ пишетъ и читаетъ по русски, имѣя горестную и слабую отъ природы способность, что легко повѣрить даже публичнымъ ему экзаменомъ".

Крайняя умственная не развитость отжившаго тамбовскаго чиновничества съ особенною яркостію выражается въ его канцелярскихъ работахъ, журналахъ, протоколахъ, предписаніяхъ, рапортахъ и подобныхъ литературныхъ опытахъ. Эти опыты прежде всего поражаютъ насъ удивительнымъ многословіемъ. Прежніе канцелярскіе дѣльцы, очевидно, не жалѣли казенной бумаги и изъ пустяковъ исписывали цѣлыя ея кипы. Такъ напримѣръ, въ 1822 году, одна женщина взяла у другой ситцевую юбку на сохраненіе и въ срокъ не возвратила владѣлицѣ, и вотъ объ этомъ казусѣ въ козловскомъ уѣздномъ судѣ пишутся чуть не томы [2])... Такое утомительное многословіе объясняется отчасти литературною неумѣлостію прежнихъ чиновниковъ, а съ другой стороны—ихъ привычкою намѣренно затемнять всякое дѣло... Да и само общество поощряло безполезное многословіе канцелярскихъ писакъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія между темниковскими дворянами нашолся одинъ такой субъектъ, который въ теченіи полутора года только въ уѣздный и земскій суды подалъ болѣе 600 кляузныхъ бумагъ [3]).

Многія „дѣла" старыхъ приказныхъ дѣльцовъ, кромѣ многословія и неизбѣжной малограмотности, замѣчательны еще курьезностію изложенія. Слѣдующіе примѣры покажутъ намъ, на сколько искуственны и странны были литературные опыты тамбовскихъ канцелярскихъ авторовъ.

„Протоколъ тамбовской палаты уголовнаго суда отъ 14 іюля 1820 года. Палата слушавъ дѣло, поступившее на ревизію изъ ли-

[1]) Арх. дворянск. собранія № 97.

[2]) Намъ случалось въ Тамбовскихъ архивахъ видѣть безсодержательныя дѣла листовъ въ 1000 и болѣе.

[3]) Арх. двор. собр. 1830 г. № 9.

пецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзаніи якобы губернской секретарши Марьи Зеленевой дворовыми людьми находящагося находящагося двороваго человѣка Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневской у быка, рыжепестраго уѣзднаго казначея Свѣшникова. По которому дѣлу тотъ судъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ"... и т. д.

Смыслъ этихъ курьезныхъ словъ совершенно внезапно обнаруживается лишь на 3 страницѣ „дѣла". Оказывается, что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшникову.

Даже заглавія иныхъ дѣлъ отличались большею или меньшею курьезностію. Напримѣръ:

„Дѣло кирсановскаго уѣзднаго суда о появившемся въ тамошнемъ уѣздѣ скотскаго рогатаго надежа".

„Дѣло объ учинившемся въ селѣ Красивкѣ рогатомъ скоту падежѣ".

„Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ удавленію".

„Дѣло по прошенію села Трескина священноцерковно-служителей о уничтоженіи діакона (т. е. діаконскаго мѣста)".

„Дѣло объ однодворцѣ Трофимѣ Мордасовѣ въ уязвленіи еретичествомъ однодворку Парфенову".

„Дѣло о представленіи шацкаго дворянскаго депутата Тутолмина къ знаку отличія безпорядочной службы".

„Вѣдомость учиненная находящимся въ губернскомъ домѣ вещамъ, взятыя изъ генералъ губернаторскаго дому, а что именно чего не явилось, о томъ значитъ ниже. Люстровъ 3 и т. д."

Въ 1835 году одинъ повытчикъ Темниковскаго духовнаго правленія такъ началъ рапортъ преосвященному Арсенію о состояніи раскола въ Спасскомъ уѣздѣ: „Вашему преосвященству всеподданнѣйше доношу, что въ Спасскомъ уѣздѣ находятся слѣдующіе раскольники и т. д." А изъ Липецкаго духовнаго правленія на запросъ архіерея о религіозно-нравственномъ состояніи липецкихъ приходовъ отвѣчали: „въ вѣдомствѣ сего правленія суевѣрій нигдѣ не имѣется".

18 іюля 1841 года одинъ изъ вліятельныхъ тамбовскихъ чиновниковъ написалъ на имя губернатора Корнилова слѣдующій рапортъ: „Человѣка называющаго себя военнымъ кантонистомъ Емельяновымъ проживающимъ въ селѣ Любовниковѣ съ бритою на половину бороду и голову поданнымъ ко мнѣ оригенальнымъ прошеніемъ о непринадлежинности въ крестьянство господину Павлу Протасову при семъ вашему превосходительству представляя имѣю честь и т. д."

Даже многіе крупные и знатныхъ фамилій тамбовскіе помѣщики, служившіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія по выборамъ, до того были не грамотны, что подписывались напримѣръ такъ: „Ксему обяленю патпоручикъ князь Николаі Гогаринъ руку прилажилъ".

Крайняя литературная неумѣлость тамбовскаго чиновничества была

замѣчена даже высшимъ правительствомъ и еще въ январѣ 1797 года отъ генералъ прокурора Куракина было формальное предписаніе тамбовскимъ чиновникомъ, что бы они во всѣ судебныя мѣста изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь лучше изъяснять самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгали бы...

Однако, малограмотное и слѣдовательно чуждое всякихъ высшихъ умственныхъ интересовъ, тамбовское чиновничество въ былыя времена отличалось замѣчательною ловкостью въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ формальномъ судопроизводствѣ [1]). Оно умѣло находить для себя источники наживы тамъ, гдѣ повидимому не было никакого мѣста вмѣшательству начальства; а въ случаѣ появленія такъ называемыхъ интересныхъ дѣлъ, въ особенности криминальнаго характера, для приказнаго міра наступала пора самой обильной жатвы. Даже сравнительно мелкіе приказные чины широко пользовались своею властью и въ концѣ своего служебнаго поприща часто оказывались людьми весьма состоятельными. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ помнятъ бывшаго кирсановскаго засѣдателя Андреянова, который ѣздилъ по селамъ своего уѣзда и, желая попользоваться мірскимъ карманомъ, за неимѣніемъ другихъ рессурсовъ, приказывалъ запечатывать въ деревенскихъ избахъ печи.

Припоминается намъ и другой ловкій дѣлецъ, моршанскій засѣдатель Ѳедюхинъ, заставлявшій, въ интересахъ статистики, всѣхъ моршанскихъ пчеловодовъ выгонять изъ ульевъ и считать ихъ пчелъ.

Вотъ передъ нами тамбовскій чиновникъ, совѣтникъ казенной палаты, Гороховскій, который во время рекрутскаго набора 1814 года собралъ со всего губернскаго крестьянства около 170,000 руб. и при этомъ былъ такъ аккуратенъ, что всѣ полученія свои записывалъ въ особую книгу [2]).

Разбирая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамбовскіе архивы, мы нерѣдко случайно знакомились съ такими дѣлами, содержаніе которыхъ ясно указываетъ на служебный характеръ отжившаго тамбовскаго чиновничества. Такъ напримѣръ, въ 1808 году, въ селѣ Алеевѣ, Шацкаго уѣзда, проживалъ помѣщикъ, тайный совѣтникъ Лаптевъ, бывшій тамбовскій губернаторъ. А недалеко отъ Алеева въ небольшомъ по-

---

[1]) До какой степени прежніе тамбовскіе чиновники были поглощены только одною формою всякаго дѣла, видно изъ слѣдующаго. Въ 1803 г. канцеляристъ Машковъ написалъ ругательное письмо своему сослуживцу, чиновнику Попову: «Ты пьяной и безтолковъ и ругатель чести человѣческой, весьма неспособенъ и никуда не годенъ». Всѣ знали, что письмо адресовано извѣстному лицу. И всетаки Машковъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія невредимымъ. «Оная записка, объяснялъ онъ суду, сочинена и переписана мною, но безъ указанія чина съ именемъ и отчествомъ, а Поповыхъ фамилій вездѣ много и почему оный Поповъ на свой счетъ принимаетъ записку — знать не могу».

[2]) Въ записной книгѣ Гороховскаго означено 2000 полученій.

селкѣ жилъ нечиновный помѣщикъ Свищовъ. Почему-то между сосѣдями произошла ссора, которая и выразилась въ слѣдующемъ происшествіи.

Въ ночь съ 28 на 29 августа 1808 года Лаптевъ позвалъ къ себѣ своего вотчиннаго старосту Ивана Васильева и по секрету переговорилъ съ нимъ. Послѣ этого староста собралъ толпу лаптевскихъ крестьянъ и дворовыхъ и въ ту же ночь отправился въ походъ на Свищова. Къ утру весь Свищовскій поселокъ представлялъ уже одни обгорѣлые пни, а лаптевскіе крестьяне возвращались домой, нагруженные добычей.

Конечно, Свищовъ немедленно пожаловался на Лаптева шацкимъ властямъ. По обычаю, судъ потребовалъ въ городъ всѣхъ крестьянъ, участвовавшихъ въ разбоѣ. Но на это требованіе послѣдовалъ такой отвѣтъ отъ Лаптева, успѣвшаго уже повидаться и переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ: „дворовыхъ и крестьянъ моихъ, требуемыхъ въ шацкій уѣздный судъ, нѣтъ въ селѣ Алеевѣ, а находятся они въ настоящее время въ козловскихъ имѣніяхъ моихъ".

Чины шацкаго уѣзднаго суда снеслись тогда извѣстнымъ порядкомъ съ козловскимъ земскимъ судомъ и тотъ не торопясь отвѣчалъ шацкому суду: „въ Козловскомъ уѣздѣ нѣтъ требуемыхъ крестьянъ господина тайнаго совѣтника Лаптева; оные крестьяне теперь въ Темниковскомъ уѣздѣ".

Но и въ Темниковскомъ уѣздѣ, по наведеннымъ справкамъ, лаптевскихъ крестьянъ не оказалось. Тогда Лаптевъ увѣдомилъ шацкій уѣздный судъ, что его крестьяне и дворовые, подлежащіе суду, пребываютъ въ Новгородской губерніи, но въ какомъ уѣздѣ и въ какихъ мѣстахъ — неизвѣстно.

Гдѣ же на самомъ дѣлѣ были подсудные лаптевскіе крестьяне?

Пока тянулось дѣло, Лаптевъ спокойно укрывалъ ихъ именно въ шацкомъ своемъ имѣніи Алеевѣ. Несомнѣнно, шацкая полиція знала объ этомъ, но находила для себя удобнымъ притворяться незнающею. Увѣренность Лаптева въ его безнаказанности и въ судейской продажности простиралась до того, что въ ноябрѣ того же 1808 года поселокъ Свищова, отчасти возобновленный, подвергся вторичному поджогу.

„И я безъ сомнѣнія полагаю, жаловался по этому поводу обиженный помѣщикъ, что и сей злодѣйскій поступокъ произведенъ не иначе кѣмъ, какъ тѣми жъ укрываемыми преступниками".

Переписка разныхъ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ по дѣлу Лаптева и Свищова тянулась до апрѣля 1810 года и не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Такой приказной волокитѣ отчасти содѣйствовало и то, что, по совѣту шацкихъ канцелярскихъ дѣльцовъ, Лаптевъ началъ противъ Свищова встрѣчный искъ: проходу-де и проѣзду людямъ моимъ Свищовъ не даетъ [1]).

---

[1]) Архивъ губернскаго правленія 1809 г. № 1779.

Въ 1815 году въ козловскій земскій судъ послѣдовала со стороны крестьянъ помѣщика Мутовкина слѣдующая жалоба: „баринъ бьетъ насъ безъ всякой жалости, кого ударитъ желѣзнымъ аршиномъ или каретнымъ ключемъ, у кого переломитъ руку чубукомъ или же велитъ кого-нибудь изъ насъ бить на своемъ господскомъ дворѣ палками. Кромѣ того, давилъ пальцами глаза, такъ что изъ оныхъ шла кровь, вертѣлъ руки назадъ, грызъ зубами уши и жогъ горячимъ желѣзомъ тѣло. А билъ и мучилъ онъ насъ часто за то, что по его приказу не ходили мы воровать чужихъ лошадей и телятъ“.

Не смотря на важность и основательность этой жалобы, требовавшей немедленнаго и скораго судопроизводства, земскій судъ, по весьма понятнымъ причинамъ, продержалъ ее подъ сукномъ ровно семь лѣтъ. Когда же дѣло это перешло по распоряженію высшаго начальства въ козловскій уѣздный судъ, то члены суда, повидавшись съ Мутовкинымъ, нашли возможнымъ обвинить пострадавшую сторону и нѣкоторые изъ крестьянъ Мутовкина были публично высѣчены за недѣльную жалобу [1]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ на одного тамбовскаго уѣзднаго судью была подана дворяниномъ Зайцевымъ такая жалоба: „въ судѣ при ономъ судьѣ никакой судебной власти не существуетъ, а замѣнена оная волею судьи Ж. Но таковое состояніе и движеніе дѣлъ наречено лихоиманіемъ, которое есть идолопоклоненіе“.

Далѣе говорится о томъ, что вышеозначенный судья нажилъ большія деньги, до 100 тысячъ рублей и выстроилъ себѣ огромный каменный домъ, окропленный слезами беззащитныхъ и могущій обличить его въ недозволенномъ стяжаніи [2]).

Нечистые на руку служилые люди прежняго времени при случаѣ любили и умѣли проявлять самое необузданное самоуправство. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ приведемъ слѣдующіе.

4 апрѣля 1826 года, унтеръ-офицерша Михайлова привела въ одну Борисоглѣбскую церковь двухъ маленькихъ дѣтей своихъ съ тою цѣлью, чтобы пріобщить ихъ и во время пѣнія Херувимской подошла къ правому клиросу. Въ это время вошелъ въ церковь борисоглѣбскій городничій Рожанскій и немедленно приказалъ полицейскому солдату прогнать Михайлову съ дѣтьми назадъ. Та стала говорить солдату: „погоди немного, пріобщу дѣтей и тогда уйду назадъ, на свое мѣсто“. Но Рожанскій стоялъ уже около нея и принялся бить солдата за то, что не вдругъ исполнилъ приказаніе начальника, а Михайлову съ дѣтьми вытащилъ вонъ изъ церкви. Все это совершилось съ такимъ шумомъ, что самая церковная служба остановилась на полчаса [3]).

Бывали случаи самоуправства со стороны чиновниковъ и еще болѣе

---

[1]) Архивъ губернскаго правленія 1824 г. № 378.
[2]) Арх. двор. собр. за 1840 г. № 37.
[3]) Арх. дух. конс. № 428.

рѣзкаго характера. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія было возбуждено дѣло о жестокихъ поступкахъ козловскаго исправника Федоровича, который, производя слѣдствіе по поводу убійства крестьянина Кононова, позволилъ себѣ пытать арестованныхъ имъ козловскихъ однодворцевъ, причемъ собственноручно билъ ихъ плетью, вышибалъ имъ съ особенною старательностью зубы, вѣшалъ ихъ къ потолку и по веревкѣ билъ палкою.

Въ дѣлѣ исправника Федоровича особенно замѣчательно то, что оно тянулось съ января 1828 года до марта 1845 года и окончилось для подсудимаго совершенно благополучно [1]).

Изъ тамбовскихъ архивныхъ источниковъ видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ грабительствахъ и дерзкихъ похожденіяхъ мелкихъ уѣздныхъ властей принимали слишкомъ откровенное участіе и важные губернскіе сановники.

Въ концѣ XVIII столѣтія, съ тамбовскихъ крестьянъ собиралась т. н. хлѣбная подать. За усманскимъ и липецкихъ крестьянъ взялся ставить хлѣбъ козловскій купецъ Месилинъ, полагая съ души по 60 коп. И когда Месилинъ приводилъ уже къ концу свою операцію, на него нагрянули два стряпчихъ, губернскій Хвощинскій и липецкій Каверинъ, арестовали его, а подрядъ отдали другому купцу, который сталъ брать съ крестьянъ уже по 80 коп. съ души... Въ прошеніи по этому поводу на высочайшее имя Месилинъ жаловался такъ: „означенные стряпчіе не могли бы тѣснить коронныхъ крестьянъ и его Месилина, если бы господинъ правитель намѣстничества Неклюдовъ для жаднаго своего корыстолюбія не избралъ ихъ самыми лучшими насосами, глотающими въ его пользу кровавый крестьянскій трудъ, и отъ сего наглаго разоренія стонаютъ крестьяне, а онъ Месилинъ вздыхаетъ о погибшемъ капиталѣ. И какъ узналъ правитель о моихъ жалобахъ, то пріѣхалъ въ Козловъ и посадилъ меня въ тюрьму и велѣлъ выключить изъ купечества для отдачи въ солдаты или для отсылки на поселеніе“ [2]).

При отсутствіи законнаго порядка и правосудія въ тамбовской администраціи и судахъ, и при извѣстномъ характерѣ прежнихъ тамбовскихъ чиновниковъ, естественно, развивалось самоуправство и сознаніе безнаказанности и въ массахъ народныхъ. Это видно изъ слѣ-

---

[1]) Арх. губернск. правл. № 2685. Бывали и такіе случаи. Лѣтомъ 1803 г. дворянинъ Осиповъ шелъ по Тамбовской улицѣ. Вдругъ наѣхалъ на него городничій Клементьевъ и закричалъ: „какъ ты смѣешь ходить по этому мѣсту, въ полицію!“ И взяли Осипова въ полицію...

[2]) Неклюдовъ былъ отставленъ отъ должности съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы. Вообще этотъ правитель отличался взяточничествомъ и самодурствомъ. За деньги онъ освобождалъ отъ суда разбойниковъ и смертоубійцъ. Солдатамъ не выдавалъ ремонтныхъ денегъ. Особенно наживался Неклюдовъ во время рекрутскихъ наборовъ, причемъ главными его помощниками были городничій Еринъ и дворецкій Ивановъ (Арх. губ. пр. № 2564).

дующаго: 13 ноября 1819 года Матызлеевскій (Темниковскаго уѣзда) бурмистръ Лаврентьевъ въ припадкѣ начальнической горячности убилъ крестьянина Иванова, и послѣ того въ пьяномъ видѣ похвалялся: „ничего я не боюсь, и когда на то пошло — прокормлю всю Темниковскую округу“.

А въ слѣдующемъ году былъ такой случай. Извѣстно, что у нашихъ соотечественниковъ провинціальный антогонизмъ существуетъ искони; чаще всего онъ выражается въ прозвищахъ, имѣющихъ цѣлію выставить ближняго съ смѣшной стороны. Напримѣръ, про жителей городя Кадома въ Тамбовской губерніи, говорятъ, что они въ печкѣ сомовъ ловили; про шацкихъ обывателей существуетъ поговорка, будто они въ мѣшокъ солнышко прятали, усманцевъ обзываютъ гужеѣдами, моршанцевъ — требушниками, лебедянцевъ—сковородниками; жителей Спасскаго уѣзда называютъ кошатниками и живодерами, а про крестьянъ Тамбовскаго уѣзда села Умета, говорятъ, что они комету цѣпами убили [1]). Подобныя отношенія существуютъ не только между жителями разныхъ губерній и уѣздовъ, но и въ одномъ и томъ же уѣздѣ между обитателями сосѣднихъ селъ, и иногда проявлялись въ фактахъ самаго дикаго самоуправства, въ родѣ слѣдующаго.

2 мая 1820 года жители села Алгасова, Моршанскаго уѣзда, совершая по своимъ полямъ крестный ходъ, подошли къ межѣ села Кадыковки. А у кадыковскихъ жителей была давняя вражда съ алгасовцами. На межѣ села Кадыковки крестный ходъ остановился и духовенство стало служить молебенъ. Въ это время изъ-за сосѣдней рощи съ шумомъ выбѣжали кадыковскіе крестьяне, въ числѣ которыхъ однѣхъ женщинъ было болѣе 200, вооруженныхъ, подобно мужчинамъ, дубинами и дрекольями. Не давъ дослужить и половины молебна, толпа кадыковцевъ начала ругать процессію самыми неприличными словами и при этомъ многіе кричали: „вонъ съ нашей межи; мы у васъ всѣ образа переколотимъ, а то отымемъ и возьмемъ къ себѣ въ церковь“. Вслѣдъ затѣмъ кадыковскіе старики вбѣжали въ толпу своихъ противниковъ и начали бить ихъ палками и кулаками. Побоище кончилось тѣмъ, что алгасовскіе крестьяне съ крестами, образами и хоругвями, бѣжали съ поля битвы. Когда узналъ объ этомъ происшествіи моршанскій земскій судъ, то разумѣется члены его поспѣшили пріѣхать въ Кадыковку, покормились тамъ, запаслись приличною данью и вернулись домой. Тѣмъ и кончилось все дѣло [2]).

Въ массѣ тамбовскихъ чиновниковъ изрѣдка встрѣчались, впрочемъ, и такіе люди, которые всецѣло предавались идеямъ служебной чести, но вслѣдствіе слабой своей научной подготовки и непрактич-

---

[1]) Всѣ эти болѣе или менѣе странныя прозвища имѣютъ свое историческое основаніе, о чемъ мы скажемъ въ свое время.

[2]) Арх. губ. правл. 1823 г., № 3994.

ности, а также и вслѣдствіе полнаго своего одиночества, оказывались только посмѣшищемъ для болѣе счастливыхъ въ практическомъ отношеніи своихъ собратьевъ.

Именно такимъ чиновникомъ былъ нѣкто Казанскій, служившій въ 30-хъ годахъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ. Не жалѣя себя, постоянно говорилъ онъ всѣмъ объ отсутствіи правды на свѣтѣ и въ особенности объ отсутствіи этой правды въ чиновномъ мірѣ. „Всѣ то насъ обижаютъ, жаловался онъ, и пора довести до верхняго правительства объ обидахъ".

Отъ словъ къ дѣлу Казанскій перешелъ по слѣдующему поводу. Борисоглѣбскій питейный откупъ настроилъ множество кабаковъ въ неуказанныхъ мѣстахъ и началъ систематически разорять все борисоглѣбское крестьянство, раздавая водку въ долгъ иногда на сумму до 1,000 рублей. А потомъ, при помощи задобренныхъ уѣздныхъ властей, откупъ взыскивалъ долги такъ, что у крестьянъ ломали избы и забирали оттуда всю убогую рухлядь... Тогда Казанскій, въ защиту борисоглѣбскихъ жителей, написалъ самыя откровенныя прошенія тамбовскому губернатору, шефу жандармовъ, министру финансовъ и государынѣ императрицѣ.

„Августѣйшая монархиня, писалъ онъ послѣдней, всемилостивѣйшая государыня! Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ я просилъ мѣстное начальство взойти въ изслѣдованіе злоупотребленій борисоглѣбскаго откупа, отъ коего казенные крестьяне пришли въ крайнее разореніе. Не видя по доносамъ моимъ никакого распоряженія, я нашелъ себя вынужденнымъ отнестись къ его сіятельству А. Х. Бенкендорфу, но и здѣсь успѣлъ не болѣе... Я хотѣлъ просить августѣйшаго супруга вашего, нашего всемилостивѣйшаго государя Николая Павловича, но извѣстенъ будучи о милостяхъ, кои онъ изливаетъ на его сіятельство, я не осмѣлился повергнуть просьбу мою къ стопамъ его. Осмѣливаюся умолять васъ, яко мать благоутробную и не лицепріятную, воззрите благосерднымъ окомъ на угнетаемый народъ свой, гибнущій отъ злоупотребленія власти сильныхъ вельможъ, которые не только не хотятъ употребить данной имъ власти на открытіе существующаго зла, но сверхъ того сами болѣе или менѣе увеличиваютъ оное и забывъ долгъ присяги и христіанства похищаютъ казну вашего величества. Для объясненія же подробно всего существующаго зла желаю быть предъ лицемъ вашего императорскаго величества".

Вступивши въ такую необыкновенную переписку, Казанскій возмечталъ о себѣ, какъ о рѣшителѣ чиновничьихъ судебъ борисоглѣбскаго уѣзда и однажды писалъ такъ одному своему знакомому: „обстоятельства мои заставляютъ нынѣшняго исправника Шпикулова перемѣнить по случаю его неисправности, а какъ вы состоите кандидатомъ на сію должность, то ежели угодно вамъ будетъ занять сію должность, прошу адресоваться ко мнѣ".

Конечно, всѣ борисоглѣбскія власти, въ особенности же управ-

ляющій уѣзднымъ питейнымъ откупомъ купецъ Слетовъ, крайне злобствовали на Казанскаго и вотъ, въ февралѣ 1838 года, когда Казанскій вечеромъ шелъ по одной глухой улицѣ, его схватили неизвѣстные люди, связали, положили въ телѣгу и привезли въ одинъ загородный кабакъ. Кабакъ потомъ заперли и вся питейная борисохлѣбская администрація съ угрозами стала тутъ требовать у Казанскаго, чтобы онъ отказался отъ прежнихъ своихъ доносовъ и сдѣлалъ письменныя показанія въ смыслѣ благопріятномъ откупу...

Казанскій былъ въ полной власти у Слетова и повиновался.

Вслѣдъ за тѣмъ Казанскаго отставили отъ службы. Тогда онъ самовольно отлучился въ Санктпетербургъ и подалъ прошеніе на высочайшее имя. По повелѣнію Императора Николая Павловича, назначено было въ Борисоглѣбскѣ строжайшее слѣдствіе, а между тѣмъ до рѣшенія суда по доносу Казанскаго надъ доносителемъ приказано было имѣть строгій полицейскій надзоръ.

Этотъ послѣдній приказъ борисоглѣбскія власти привели въ исполненіе такъ: они посадили Казанскаго въ полицейскую кутузку и подолгу не давали ему ѣсть и пить... Кромѣ того, нерѣдко охлаждали его служебную ревность побоями. Такое заключеніе Казанскаго продолжалось до 1841 года, до изданія извѣстнаго всемилостивѣйшаго манифеста. Прекращено было также и все дѣло о борисоглѣбскихъ питейныхъ злоупотребленіяхъ [1]).

Въ тоже время на противоположной окраинѣ Тамбовской губерніи, именно въ Елатомскомъ уѣздѣ, появился другой чиновникъ—эксцентрикъ, по фамиліи Потаповичъ. Такъ какъ елатомскія власти сомнѣвались въ душевномъ его здоровьи, то Потаповичъ былъ доставленъ въ Тамбовъ. Въ губернскомъ правленіи стали свидѣтельствовать его умственныя способности и нашли ихъ въ совершенномъ порядкѣ. Между тѣмъ нѣкоторыя рѣчи Потаповича въ присутствіи губернскихъ властей отличались оригинальностію и рѣзкостію.

— Что вы писали въ шацкій уѣздный судъ?—спросили его.

— Я представлялъ суду, чтобы онъ нашелъ средства сдѣлать людей добросовѣстными.

— Не желаете ли вы служить? продолжали допросъ члены тамбовскаго губернскаго правленія.

— Желаю.

— Гдѣ?

— Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо, служа въ статской службѣ, я самъ себѣ дѣлалъ вопросъ, какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я [2]).

---

[1]) Арх. тамб. окр. суда, № 413.

[2]) Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія № 2409.

Въ концѣ 30-хъ годовъ въ городѣ Усмани состоялъ подъ надзоромъ полиціи отставной чиновникъ нѣкто Хиздео.

Не имѣя послѣ довольно продолжительной службы никакихъ средствъ къ жизни, онъ однажды рѣшился на слѣдующій странный поступокъ.

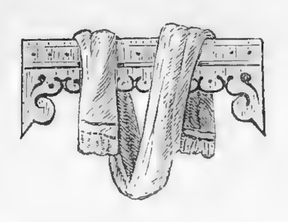
20 декабря 1838 года, встрѣтивъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ императора Николая Павловича, Хиздео всеподданнѣйше просилъ его принять отъ него весьма важный государственный проэктъ. Немедленно прочитали этотъ проектъ и тамъ оказались между прочимъ слѣдующія слова: „не дурно бы выдумать машину для пропитанія отставныхъ чиновниковъ...“

Слѣдуетъ замѣтить, что императоръ Николай I отнесся къ Хиздео чрезвычайно великодушно. Онъ повелѣлъ выдавать ему ежегодно по 200 рублей пенсіи...

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ честномъ чиновникѣ былыхъ временъ. Это былъ спасскій городничій Станицынскій. Онъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и въ особенности любилъ стоять за интересы инвалидныхъ и полицейскихъ солдатъ, положеніе которыхъ въ прежнія времена было однимъ изъ самыхъ несносныхъ. Въ 1802 году Станицынскій настойчиво потребовалъ отъ тамбовскаго губернатора Кошелева, чтобы онъ высылалъ спасскимъ солдатамъ ихъ жалованье сполна... „Солдатъ, писалъ онъ— всегда будетъ неисправенъ, если у него ружье безъ пороха, гербъ безъ сумы, и тесакъ безъ портупеи“.

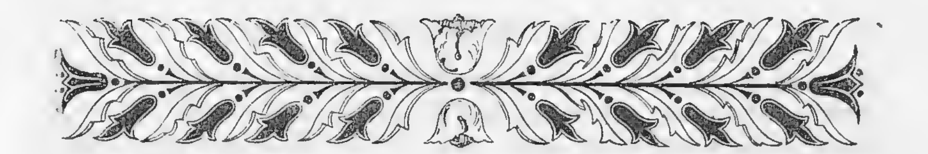
За это письмо Станицынскій былъ отданъ подъ судъ [1]).

И. Дубасовъ.



---

[1]) Прот. тамб. угол. пал. 1803 года 8 дек.



ПОЛЬ БРОКА—ОСНОВАТЕЛЬ АНТРОПОЛОГІИ.

Еще однимъ честнымъ, трудолюбивымъ и талантливымъ, если только не геніальнымъ человѣкомъ стало меньше! 9-го іюля текущаго года, въ Парижѣ, скончался пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, докторъ Павелъ-Андрей Брока, вице-президентъ парижской медицинской академіи и несмѣняемый сенаторъ Французской республики... Наука потеряла въ немъ одного изъ самыхъ даровитыхъ своихъ представителей, человѣчество одного изъ безукоризненно честныхъ людей, Франція одного изъ немногихъ искреннихъ республиканцевъ, одного изъ вѣрныхъ своихъ сыновъ. Счастливая случайность дала мнѣ отрадную возможность быть близкимъ къ этому человѣку, пользоваться его дружбою, а потому, да простятъ мнѣ читатели, если описывая его жизнь, я позволю себѣ иногда вдаться въ субъективность и лиризмъ.

Брока родился въ Жирондѣ, въ С.-Фуа, 28-го іюня 1824 года [1]; такимъ образомъ онъ былъ родомъ гасконецъ. Традиціонная Гасконь отразилась на этомъ человѣкѣ въ томъ отношеніи, что всегда онъ былъ веселъ, обладалъ живымъ гасконскимъ юморомъ, никогда, что называется, не „вѣшалъ носа“ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, а встрѣчалъ горе лицомъ къ лицу, съ высоко поднятою головою, не подчиняясь ни людямъ, ни фактамъ, а, напротивъ того, силою своего характера подчиняя скорѣе себѣ ихъ. Никогда я не видалъ Брока грустнымъ; лицо его всегда было серьозно, даже когда онъ, какъ истый гасконецъ, сыпалъ остроты за остротами, но чтобы когда-нибудь лицо это теряло отпечатокъ какой-то теплой доброты, веселья и вмѣстѣ съ тѣмъ затаенной усмѣшки, то этого не запомнитъ никто изъ знавшихъ его. Родители Брока были не богаты, но тѣмъ не менѣе помѣстили

[1]) Біографическія свѣдѣнія я черпаю изъ сохранившейся у меня рукописной автобіографіи Брока, писанной имъ и переданной мнѣ на прошлогоднемъ съѣздѣ антропологовъ въ Москвѣ. Такая же автобіографія была передана имъ почтеннѣйшему А. П. Богданову. В. М.

его въ мѣстную гимназію, гдѣ онъ обращалъ главное вниманіе на занятія математикою. Французы вообще самымъ невозможнымъ образомъ выговариваютъ латинскія слова, а въ устахъ Брока латинскій языкъ дѣлался рѣшительно невыносимъ; латынь была ему противна еще въ гимназіи и онъ не иначе говорилъ латинскія цитаты, какъ съ улыбочкою, самъ, видимо, потѣшаясь надъ тѣмъ, какъ онъ „искалечиваетъ" языкъ Цицерона; понятно, что нелюбовь его къ классическому знанію должна была направить его умъ въ другую сторону и дѣйствительно онъ особенно охотно и успѣшно занимался математикою. Кромѣ огромныхъ способностей и глубокаго ума, Брока обладалъ какою-то необычайною страстью къ труду; неутомимый работникъ въ гимназіи, онъ остался такимъ и въ теченіи всей своей жизни. Его товарищи по гимназіи дивились всегда его дѣятельной натурѣ и Элизе Реклю говоритъ, что Брока, еще бывши юношею, увѣрялъ, что не вѣритъ въ призваніе. „Человѣкъ, говорилъ онъ,—можетъ, почти закрывши глаза, избрать себѣ карьеру и если только онъ „человѣкъ", то всегда съумѣетъ завоевать достойное мѣсто, себѣ по плечу". Говоря такимъ образомъ, Брока по себѣ судилъ о всѣхъ людяхъ вообще и конечно не совсѣмъ былъ правъ, такъ какъ, что возможно было для него, то было „не по плечу" для другихъ людей. Едва минуло ему 16 лѣтъ, какъ онъ былъ признанъ баккалавромъ математики и сталъ готовиться къ поступленію въ политехническую школу, которая представлялась источникомъ всякой мудрости для тѣхъ, кто хотѣлъ въ то время заниматься. Однако отецъ его никакъ не могъ примириться съ мыслію, что сынъ не пойдетъ по одной съ нимъ дорогѣ, провинціальнаго врача, и въ силу этого сталъ отговаривать сына отъ спеціализаціи на математическихъ наукахъ; долго боролся юноша, но наконецъ уступилъ и сталъ изучать медицину. Прежняя спеціальность не осталась однако совершенно втунѣ и, когда Брока признанъ былъ уже создателемъ новой науки—антропологіи, онъ избралъ именно математическій методъ, который поставилъ антропологію на вѣрный путь и сдѣлалъ ее точною наукою. Брока никогда не признавалъ описанія человѣка по системѣ Катрфажа и другихъ, всегда подсмѣивался надъ выраженіями „носъ нѣсколько сплюснутый", „глаза отчасти приподнятые извнѣ" и когда, бывало, употребишь при немъ такое выраженіе, онъ тотчасъ начиналъ покрикивать: „а уголъ? о т ч а с т и—сколько это выйдетъ на градусы?" Я сообщилъ ему разъ объ одномъ крайне интересномъ измѣреніи, которое я пробовалъ брать на лицѣ живыхъ людей; Брока засмѣялся... „И къ чему тутъ „приблизительно", „предположимъ на время", когда природа дала вамъ математическую, совершенно правильную фигуру, исчислить площадь которой рѣшительно ничего не стоитъ". Однако заинтересовался, проглядѣлъ таблицы мои и сказалъ, что займется этимъ вопросомъ... Было это въ Москвѣ въ 1879 году и заняться ему суждено не было.

Брока и въ медицинской академіи работалъ неустанно; къ вели-

кому его горю, Франція—не Россія и по части труповъ студентамъ иногда приходится рѣшительно бѣдствовать; приходилось и Брока иногда изучать анатомію по готовымъ уже препаратамъ... „Если бы я не былъ врачемъ, шутилъ иногда Брока,—изъ меня бы могъ выйти прекрасный могильщикъ; обѣ профессіи подходятъ другъ къ другу—. вся разница лишь въ томъ, что могильщикъ зарываетъ то, что врачъ потомъ отрываетъ". Брока облюбилъ одно кладбище и постоянно потаскивалъ оттуда „свѣженькихъ" субъектовъ, стараясь всячески скрыть слѣды своего преступленія; со сторожемъ они были въ дружбѣ: онъ лечилъ сторожа отъ какой-то болѣзни и былъ влюбленъ въ его жену или дочь...

Цѣлыхъ четыре года бился Брока съ медициной и наконецъ блистательнѣйшимъ образомъ окончилъ курсъ; на выпускномъ экзаменѣ онъ былъ объявленъ получившимъ всѣ награды и тотчасъ же ему было предложено мѣсто „адъюнкта по анатоміи"; этого званія добивались многіе изъ заслуженныхъ уже врачей, а Брока было всего лишь 22 года отъ роду. Съ той поры Брока былъ замѣченъ ученымъ Парижскимъ міромъ и быстро сталъ подвигаться по ступенямъ академической лѣстницы: въ августѣ 1848 года онъ былъ назначенъ прозекторомъ при кафедрѣ хирургіи въ академіи, а въ апрѣлѣ 1849 году признанъ докторомъ медицины; получивъ эту ученую степень, по рѣшенію совѣта профессоровъ, онъ былъ приглашенъ доцентомъ по кафедрѣ оперативной хирургіи и сталъ заниматься въ разныхъ госпиталяхъ. Въ 1857 году онъ познакомился съ семействомъ доктора Люжоль, на дочери котораго и женился; тесть Брока былъ отнюдь не дюжиннымъ врачемъ, и прославился какъ хирургъ при госпиталѣ С.-Луи и какъ авторъ весьма почтеннаго труда о значеніи іода въ терапіи. Въ 1861 году мы видимъ уже Брока хирургомъ въ Бисетрѣ, въ 1863 г. онъ работаетъ въ Сальпетріеръ, а въ 1866 году академія избрала его профессоромъ по оперативной хирургіи, которымъ онъ и оставался до самой своей кончины.

До 1859 года работы его касались спеціально анатоміи и хирургіи; въ этомъ отношеніи пользуются особою извѣстностью его изслѣдованіе „объ аневризмѣ и способахъ его излеченія" и „трактатъ объ опухоляхъ". Мы не станемъ останавливаться на этихъ раннихъ произведеніяхъ Брока, такъ какъ они совершенно спеціальны; отмѣтимъ однако тотъ фоктъ, что наблюденія юнаго автора надъ ослабленіемъ пульсаціи вполнѣ подтвердились, когда сдѣлалось возможно наблюдать ихъ при помощи изобрѣтеннаго уже впослѣдствіи сфигмографа. Въ этотъ же періодъ онъ написалъ цѣлую массу анатомическихъ и хирургическихъ брошюръ (болѣе 200) и изслѣдованій, которыя всѣ пользуются до сихъ поръ извѣстностью среди спеціалистовъ. Его „Атласъ описательной анатоміи" долго еще останется классическимъ. Посвящая свое время практикѣ и спеціальнымъ трудамъ, Брока не чуждался однако и другихъ отраслей человѣческаго знанія; только

одна политика никогда не прельщала его, такъ какъ онъ увѣрялъ, что „вся политика въ томъ, чтобы у каждаго мужика и рабочаго лежало въ банкѣ не менѣе 4000 франковъ“. „Какое дѣло Блэзу, Мак-Магонъ или Бадингэ (шуточное прозвище Наполеона) сидитъ въ Тюльери? не въ нихъ совсѣмъ дѣло, дѣло, а въ мэрѣ, попѣ, врачѣ, сельскомъ учителѣ“... Вотъ что думалъ Брока по части политики и всѣ уважали его за его невмѣшательство въ политику, такъ какъ знали, что, игнорируя Бадингэ и Гамбетту, онъ всю жизнь свою посвятилъ на благо Франціи и человѣчества, а когда настанетъ нужда, не задумается и съ оружіемъ въ рукахъ стать на защиту своей родины. Наполеонъ заигрывалъ съ Брока и даже предлагалъ ему не разъ Почетнаго Легіона; коммуна поставила у дверей его стражу, чтобы „гражданинъ Павелъ Брока могъ спокойно трудиться на благо Франціи“, какъ сказано въ декретѣ и только Версальцы впродолженіи 4 часовъ времени разстрѣливали его домъ на углу улицы св. Отцовъ и набережной Сены, увѣряя, что уголъ этотъ составляетъ для нихъ необходимый стратегическій пунктъ. Когда восторжествовала наконецъ во Франціи искренне-республиканская партія, то Брока предложили быть сенаторомъ крайней лѣвой; долго онъ отказывался, увѣряя „что онъ гораздо полезнѣе въ препаровочной“, но наконецъ поддался убѣжденіямъ друзей и занялъ сенаторское мѣсто; „мнѣ остается лишь умереть, такъ какъ я уже обрѣтаюсь въ царствѣ тѣней“, говорилъ онъ послѣ перваго же засѣданія;—„такъ мнѣ хочется вскрыть этотъ нарывъ на палатѣ депутатовъ... боюсь лишь зацѣпить какъ нибудь живое мясо“.

Въ первый періодъ своей дѣятельности Брока не оставлялъ и своихъ занятій математикою и нѣкоторыми изъ соціальныхъ наукъ; такъ еще въ 1857 году появилась его брошюра „о пользѣ статистики въ медицинѣ и терапіи“. Уже въ своемъ трактатѣ объ аневризмѣ онъ съ успѣхомъ воспользовался статистическимъ методомъ и затѣмъ не оставлялъ этого метода всегда, когда писалъ о вопросахъ, требовавшихъ приложенія точныхъ цифръ; работы его о „кажущемся вырожденіи французской расы“ и о „смертности среди грудныхъ дѣтей“ доказываютъ, что, если онъ признавалъ всю важность новѣйшаго точнаго статистическаго метода, то не по одной лишь наслышкѣ, а потому, что самъ не разъ испыталъ его. „Статистика“, говорилъ онъ въ медицинской академіи, „есть анатомія и физіологія соціальнаго тѣла; безъ нея мы должны бы были ограничиваться самыми незначительными группами, сужденія наши граничили бы съ простыми личными впечатлѣніями и мы никогда бы не были въ состояніи обобщить добытые нами факты“. Брока впрочемъ не ограничивался математикою и статистикою и когда ему приходилось въ занятіяхъ своихъ натолкнуться на вопросы, составляющіе предметъ какой либо иной точной науки, онъ брался за руководства и въ совершенствѣ изучалъ эту науку. Брока былъ извѣстенъ какъ превосходный химикъ, бота-

никъ и знатокъ по кельтическимъ нарѣчіямъ, такъ что принцъ и кардиналъ Бонапартъ, знатокъ баскскихъ нарѣчій утверждалъ, что онъ далеко „не прочь поучиться у Брока, если бы этотъ странный человѣкъ сдѣлалъ мнѣ честь и отворилъ бы для меня двери своей квартиры“.

Но, конечно, главною заслугою Брока слѣдуетъ считать основаніе имъ антропологическаго общества и постановку этой науки на твердую почву, примѣненіемъ къ ней чисто математическаго метода. Еще будучи адъюнктомъ въ 1847 году Брока избранъ былъ членомъ Парижскаго Біологическаго Общества, которое крѣпко держалось авторитетовъ и въ косности своей не хотѣло никоимъ образомъ признать работы новаго поколѣнія врачей, не державшихся старовѣрческихъ воззрѣній па науку. Признавая все же въ молодомъ человѣкѣ несомнѣнную талантливость, общество не могло не избрать Брока, когда правительство предложило ему назначить кого нибудь въ коммиссію для изученія костей, найденныхъ на берегу Сены, на кладбищѣ Целестинской церкви. Случай указалъ Брока дальнѣйшій путь его работѣ; юноша со рвеніемъ принялся за работу, изучилъ въ совершенствѣ исторію Парижа, измѣрилъ около 4,000 древне-парижскихъ череповъ и костяковъ и выступилъ съ первою и чуть ли не главнѣйшею своею работою по антропологіи, съ мемуаромъ „о черепахъ древне-парижскаго населенія“. Антропологія, какъ наука, тогда еще не существовала и называлась „этнологіею“, вращаясь вокругъ цвѣта глазъ, приблизительной величины носа и т. п. Съ 1838 года существовало въ Парижѣ даже и этнологическое общество, которое пережевывало давнишній споръ о полигенизмѣ и моногенизмѣ и тщательно чуждалось всякаго новаго вліянія, изгоняя изъ своей среды новыя силы. И вдругъ среди этого-то общества заснувшихъ софистовъ раздался мощный голосъ талантливаго юноши, который хотѣлъ разбудить и вызвать къ жизни этихъ мертвецовъ; конечно, голосъ этотъ не былъ услышанъ, Брока былъ признанъ опаснымъ новаторомъ, чуть не „нигилистомъ“ и чудаки снова стали спорить, былъ ли одинъ Адамъ или же ихъ было нѣсколько. „Я воображалъ, разсказывалъ Брока, что о мертвецахъ какъ разъ мертвецамъ и говорить надо, но ошибся, такъ какъ мои Целестинскіе мертвецы были слишкомъ полны жизни для этихъ живыхъ мертвецовъ. Галлы ходили въ Римъ для того, чтобы шлепкомъ по плѣши отправлять въ лучшій міръ выжившихъ изъ ума римскихъ сенаторовъ... и къ чему было ходить такъ далеко? по крайней мѣрѣ дали бы богатый матеріалъ нашему другу Шарко, изучающему кретиновъ“. Такъ проспорило этнологическое общество вплоть до 1863 года, когда оказалось, что членамъ его рѣшительно нечего говорить и они поневолѣ замолчали.

Брока задумалъ внести переворотъ въ Біологическое Общество, которое тоже дремало. Около 1868 года онъ выступилъ въ средѣ его съ мемуаромъ о сводныхъ бракахъ и скрещиваніи. Брока доказывалъ,

въ противность всему, что писали до него присяжные корифеи науки, что метисы отнюдь не страдаютъ безплодіемъ и расшатывалъ такимъ образомъ теорію моногенистовъ, которые продолжали еще вѣрить въ трехъ китовъ, на которыхъ держится міръ. Президентъ общества Байеръ перепугался не на шутку и просилъ лектора прекратить богохульное чтеніе; присутствующіе громко выражали свое негодованіе и Брока вышелъ изъ залы засѣданій, преслѣдуемый чуть не проклятіями. Тутъ только увидалъ онъ, что нельзя „вливать молодое вино въ старые мѣхи“ и рѣшился основать новое, независимое „антропологическое общество“. Сначала къ нему пристали всего лишь 6 членовъ біологическаго общества, да двое изъ этнологическаго, а черезъ годъ новое общество насчитывало уже 19 членовъ. Предстояло испросить разрѣщеніе на собранія; но правительство вовсе и не думало поощрять Брока и его адептовъ и прямо высказалось, что „антропологія опасна“; министръ народнаго просвѣщенія послалъ Брока къ префекту полиціи, а префектъ полиціи къ министру... дѣло тянулось цѣлые мѣсяцы, а между тѣмъ членамъ общества нельзя было собраться. Къ счастью, не всегда мелкая сошка раздѣляетъ убѣжденія сильныхъ міра сего и мѣстный участковый приставъ дозволилъ наконецъ, помимо начальства, собранія, подъ личною отвѣтственностью Брока и подъ условіемъ, что антропологи не будутъ поднимать политическихъ вопросовъ. „Онъ былъ поумнѣе многихъ, говорилъ мнѣ Брока, и право мосье Виршо (такъ называлъ онъ Фирхова) могъ бы у него кое чему поучиться“. Такимъ образомъ основалось Парижское Антропологическое Общество, благодаря либерализму участковаго пристава.

Скоро послѣ того Брока основалъ лабораторію для антропологическихъ работъ, а затѣмъ и практическую школу антропологіи; въ 1872 году вышелъ первый выпускъ „Антропологическаго Обозрѣнія“, а въ 1876 году, не смотря на подкопы, доносы клерикаловъ и всякія уловки министра народнаго просвѣщенія Валлона, Брока открылъ 15 декабря высшую школу антропологіи или антропологическій факультетъ своею лекціею о задачахъ антропологіи. Въ этой высшей школѣ Брока читалъ анатомическую и зоологическую антропологію, Топинаръ — біологическую антропологію, Далли — этнологію, Мортилье—антропологію доисторическую, Овелакъ—лингвистику, а Бертильонъ и Бордье — демографію и медицинскую географію. Успѣхъ школы превзошелъ всѣ ожиданія; совѣтъ департамента Сены и муниципальный совѣтъ города Парижа ассигновали школѣ ежегодную субсидію въ 12,000 франковъ, но министерство и слышать не хотѣло о „выдумкѣ краснаго“ и запрещало учрежденію называться школою, для чего и давали дозволеніе читать публичныя лекціи каждому профессору въ отдѣльности. Наконецъ Франція сбросила съ себя иго клерикаловъ и отставила г-жу Макъ-Магонъ отъ управленія ея мужемъ и страною; палаты немедленно вотировали „высшей школѣ

антропологіи", какъ „учрежденію несомнѣнной національной полезности" 20,000 фр. субсидіи, а нѣкто Журдане далъ школѣ изъ своего кармана 2,000 фр. ежегодной субсидіи. Благодаря энергіи Брока дѣло было поставлено на твердую почву, но не долго пришлось ему радоваться успѣхамъ его дѣтища.

Надо было видѣть Брока въ засѣданіи антропологическаго общества, надо было слышать его рѣчи для того, чтобы понять всю силу его ума и всю массу его познаній. Нѣсколько разъ общество избирало его президентомъ, но онъ рѣшительно откзывался отъ этой чести, желая оставаться генеральнымъ секретаремъ; слѣдуетъ напомнить, что въ антропологическомъ парижскомъ обществѣ всѣ пренія ведутся именно секретаремъ, тогда какъ президентъ по большей части пребываетъ въ созерцаніи своего величія. „Я боюсь даже и сѣсть на президентское мѣсто", шутилъ обыкновенно Брока—„такъ и кажется, что богохульствуешь и разъигрываешь роль святѣйшаго Будды". Какъ сейчасъ помню первое засѣданіе, на которомъ мнѣ привелось присутствовать... Битыхъ два часа разные ораторы толковали о разницѣ между Кельтами и Галлами; всѣ начинали чуть не со временъ Адама. Топинаръ усиленно вертѣлся на своемъ креслѣ и все посматривалъ на Брока, словно вызывалъ его на слово; Овелакъ выставилъ цѣлую лингвистическую батарею и крушилъ Мори, Кальо и другихъ „этнологовъ"; Ами видимо злился, что необходимость быть помощникомъ Катрфажа заставляетъ его молчать; многіе скучали, нѣкоторые начинали засыпать... Я посмотрѣлъ на Брока. Насмѣшливая улыбка виднѣлась на его губахъ; онъ посматривалъ на спорящихъ, какъ отецъ смотритъ на усилія ребенка, не могущаго развязать узелъ на передникѣ... „Ну, довольно!" шепнулъ онъ мнѣ и поднялся съ мѣста. Два три слова, два три факта, доказанныхъ черепами несомнѣнно кельтскими и несомнѣнно галльскими и вопросъ былъ рѣшенъ. Несломимая логика, талантливое сопоставленіе фактовъ и еще болѣе талантливое обобщеніе—и узелъ на передникѣ былъ развязанъ; дѣти поспорили, а Брока уже съ улыбочкой говорилъ мнѣ: „и вотъ такъ всегда! столько знанія, а подчеркнуть и итогъ подвести не умѣютъ". Въ особенности онъ бывалъ интересенъ, когда сцѣпится, бывало, съ какимъ нибудь гасильникомъ; ужъ онъ съ нимъ такъ не разстанется; все соглашается съ нимъ, подсказываетъ дальнѣйшее и ко всеобщему удовольствію доведетъ простака до такого абсурда, что тотъ незамѣтно и выскользнетъ изъ залы. На конгрессѣ 1875 года антропологію включили въ археологію, да еще римскую; Брока явился въ засѣданіе секціи и былъ какъ разъ между Дюрюи и Мори, бонопартистами и сильными міра сего, такъ какъ весь конгрессъ былъ устроенъ „бадингистами". Всѣ мы ждали, что будетъ, такъ какъ Брока заранѣе объявилъ намъ, что онъ „загоняетъ этихъ кретиновъ". Кто то подиялъ вопросъ о нѣкоторыхъ находкахъ, сдѣланныхъ ниже уровня „лагерей Цезаря"... Брока съ самымъ

смиреннымъ видомъ поглядывалъ на присяжныхъ археологовъ, изъ которыхъ большинство старалось какъ нибудь замять только что поднятый вопросъ; вдругъ Бернаръ выпалилъ, какъ изъ пушки, что греки могли посѣщать Бретань и въ то время, когда сражались еще каменнымъ оружіемъ. Такое предвзятое намѣреніе свести все на эллино-римскую древность наконецъ взорвало Брока... „За нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ до Гомера и перваго грека", началъ онъ, почтительно обернувшись къ академикамъ, „а быть можетъ, и до того перваго еврея, котораго принято называть Адамомъ, жилъ человѣкъ, который въ жизнь свою никогда не слыхивалъ ни одного греческаго и латинскаго слова". Въ этомъ юмористическомъ тонѣ онъ произнесъ свою блистательную рѣчь о древности рода человѣческаго, которая цѣликомъ записана и отпечатана въ отчетѣ о конгрессѣ географическихъ наукъ въ Парижѣ въ 1874 году. Генералы отъ науки, которые существуютъ даже и во Франціи, корчились, ежились отъ поминутныхъ: „если позволятъ уважаемые академики", „не въ обиду будь сказано почтеннымъ разбирателямъ греческихъ и римскихъ надписей" и т. п., которые уснащали рѣчь Брока. Послѣ этой рѣчи, засѣданіе отдѣла было прервано и 24 члена этой секціи составили протоколъ о выдѣленіи своемъ въ отдѣльную группу антропологіи, этнологіи и до исторической археологіи; торжественно, съ Брока во главѣ, вышли мы изъ зала засѣданія, предоставивъ присяжнымъ академикамъ корпѣть надъ значеніемъ „чего то подобнаго греческой дигаммѣ на надгробной надписи Публія Сервиколы, мѣдника".

Вѣсть о революціи въ VII секціи тотчасъ же разнеслась по выставкѣ и привела въ смущеніе распорядителей; намъ заявили, что для образованной нами VIII секціи нѣтъ помѣщенія. Главнымъ коммисаромъ Россіи былъ почтеннѣйшій Н. В. Ханыковъ извѣстный своими глубокими знаніями и пользовавшійся въ Парижѣ всеобщимъ уваженіемъ. Какъ помощникъ его, я разсказалъ Ханыкову о случившемся и на другой же день помѣщеніе выставки императорскаго русскаго географическаго общества было предоставлено въ распоряженіе VIII секціи конгресса. Гонимая въ отечествѣ даже наука пріютилась такимъ образомъ въ Россіи и скоро засѣданія этой секціи стали привлекать въ нее отъ 150—200 посторонних слушателей, частью изъ другихъ группъ, а частью изъ публики, такъ какъ мы позаботились, чтобы наши засѣданія были доступны для всѣхъ.

Я нарочно привелъ здѣсь этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудностями приходилось Брока бороться даже и въ свободномыслящей Франціи; не говоря уже о клерикалахъ, которые никакъ не хотѣли признать новой науки, противъ него были всѣ присяжные ученые Франціи, всѣ, чья ученость измѣрялась большимъ или меньшимъ окладомъ. Какъ бы то ни было, но благодаря своей изумительной энергіи, Брока не только умѣлъ побѣдить всѣ препятствія, но и основать антропологическое общество, особый антропологическій

журналъ, наполнявшійся сначала почти цѣликомъ его статьями и наконецъ факультетъ антропологическихъ наукъ; но все же главною заслугою Брока слѣдуетъ считать образованіе кружка учениковъ, хорошо подготовленныхъ къ дѣлу, которые съумѣютъ продолжать, начатое маститымъ покойникомъ, и лишь усугубятъ своими трудами уваженіе къ памяти своего учителя. По всей Франціи ученики Брока разнесли интересъ къ занятіямъ антропологическими науками; во всѣхъ значительныхъ городахъ основались антропологическія общества, которыя начали даже въ послѣднее время какъ бы обособляться отъ парижскаго; въ послѣдній разъ, встрѣтившись въ Москвѣ, мы разговорились объ этихъ сепаратисткихъ наклонностяхъ провинціальныхъ французскихъ обществъ... „Это отлично" сказалъ Брока—„дѣти выросли и хотятъ ходить самостоятельно, безъ помочей—признакъ извѣстной зрѣлости. И никогда Брока не искалъ первенства, главенства, верховодительства; всѣ заботы его стремились къ пользѣ дѣла, дальше чего онъ не шелъ. Вслѣдъ за парижскимъ обществомъ, появились и другія: въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Флоренціи, Москвѣ, Мадридѣ, Лисабонѣ, Пештѣ и другихъ городахъ Европы: каждое изъ этихъ обществъ основано учениками Брока посредственными или непосредственными, которые научились у Брока работать и дѣйствовать столь же энергично какъ и онъ.

Еще яснѣе высказывался характеръ Брока въ лабораторіи за дѣломъ. Работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ; черепъ смѣнялся черепомъ и Топинаръ или другой изъ учениковъ едва успѣвалъ записывать диктуемыя имъ цифры. Каждая новая присылка радовала Брока, какъ ребенка, въ особенности, если присылка являлась изъ интереснаго почему либо мѣста. Никогда не забуду одного казуса. Являюсь я разъ въ лабораторію къ Брока. „Вотъ и отлично!" кричалъ онъ мнѣ издалека.—„У меня новинка! докторъ Абади прислалъ 24 головы Арауканцевъ изъ окрестностей древняго города Анконы. Стали мы съ нимъ вываривать головы, тщательно отдѣляя волоса каждаго субъекта, чтобы потомъ анализировать ихъ при помощи микроскопа; съ Брока весело было работать; шутитъ, остритъ, самъ хохочетъ и тебя по неволѣ заставляетъ смѣяться и забывать о времени и усталости. Когда все было покончено и мы посмотрѣли на часы— оказалось два часа ночи. „Ахъ, да!" вспомнилъ Брока, — „я и позабылъ прочесть письмо Абади"... „Будьте пожалуста осторожнѣе", писалъ докторъ,—„съ посылаемыми головами, такъ какъ всѣ 24 субъекта умерли отъ чумы". Читатель пойметъ какое лицо сдѣлалось у меня при чтеніи этого предостереженія! А мы такъ тщательно еще ухаживали за волосами чумныхъ! Цѣлыхъ три дня Брока чуть ли не каждые 3 часа являлся ко мнѣ, то на выставку, то въ отель, чтобы влить въ меня ложку „potion", которую онъ самъ придумалъ; на вкусъ дрянь была ужасная, я всячески уклонялся отъ пріемовъ, но Брока усиленно ѣздилъ за мною, ловилъ меня даже на улицѣ и приставалъ,

чтобы я выпилъ. Какъ бы то ни было, но мы съ нимъ не „зачумѣли“. Только черезъ нѣсколько недѣль Брока сознался мнѣ, что пичкалъ меня просто какою то желудочною настойкою съ салицилиномъ. „C'est pous vous faire croire—c'est a croyance qui guerit“, объяснилъ мнѣ чудакъ свое поведеніе.

Когда случалось приходить къ Брока въ лабораторію, онъ тотчасъ же съ готовностью старался научить васъ, надоумить, объяснить; чуть бывало Матье сдѣлаетъ по его рисунку какой нибудь новый инструментъ и пришедшій не знаетъ его примѣненія,—„Топинаръ!“ раздается симпатичный призывъ учителя и Топинаръ, занятый въ другой комнатѣ, является на зовъ въ своемъ бѣломъ передникѣ и въ краггахъ.—„Садитесь!“ Топинаръ садится и на немъ, какъ на манекенѣ, показываетъ Брока употребленіе инструмента. И ни когда Топинаръ не возражалъ своему другу и богу, никогда не промелькало и тѣни неудовольствія на его симпатичномъ лицѣ, такъ что Брока шутилъ даже, что: „не достаетъ, чтобы я изобрѣлъ штативъ для черепа... Топинаръ охотно попробовалъ бы штативъ, продѣвъ его въ свое затылочное отверстіе“.

Не помню про кого изъ нашихъ хирурговъ говорили, что у него „ножъ чрезвычайно легкій и пріятный“; но уже если ножъ вообще можетъ быть легокъ и пріятенъ, то этихъ эпитетовъ скорѣе всего заслуживалъ ножъ Брока. Его рѣшительно разрывали на части и практика у него была громадная; говорятъ, что онъ заработывалъ въ годъ около 200 тысячъ франковъ. Цѣлый день, въ свободное отъ факультетскихъ занятій время ѣздилъ онъ по Парижу въ своей кареткѣ въ одну лошадь, которую знали всѣ и каждый. Каретка была, дѣйствительно, особенная. Передъ сидѣньемъ открывался столикъ, на которомъ во время переѣздовъ Брока не только держалъ корректуру своихъ статей, но даже иногда и писалъ ихъ. Первое мое знакомство съ Брока связано именно съ воспоминаньемъ объ этой каретѣ. Пришелъ—говорятъ: сейчасъ уѣзжаетъ. „Извините“, говоритъ, — „иначе принять васъ не могу, какъ въ каретѣ“. Сѣли, поѣхали; Брока пишетъ что то: оказалось статья о баскскихъ черепахъ. А между тѣмъ онъ все время со мною разговаривалъ и не такъ, какъ дѣлаютъ люди, желающіе отдѣлаться по скорѣе, а постоянно вызывая на разговоръ, отвѣчая... такъ мы съ нимъ, не смотря на неоднократныя мои порыванья дать ему свободу, и проѣздили до 2 часовъ, когда наступило время отправляться въ лабораторію. Визитовъ приходилось ему дѣлать цѣлую массу, такъ какъ къ вечеру у него на столѣ накоплялось обыкновенно отъ 40—60 визитныхъ карточекъ съ адресами больныхъ. Онъ далеко не былъ охотникъ до употребленія въ дѣло своего „легкаго и пріятнаго ножа“ и увѣрялъ паціентовъ, что „лишиться руки вы всегда успѣете“. Терпѣть онъ не могъ употреблять хлороформъ и эѳиръ и всегда обращался къ паціенту съ вопросомъ: „Твердо ли вы увѣрены, что желаете выздоровѣть?“ Тотъ конечно, отвѣтитъ, что: да. „Въ такомъ

случаѣ приготовьтесь къ значительнымъ страданіямъ, такъ какъ я противникъ усыпленій и анестезированій; одною рукою я вамъ помогаю, а другою стану подавать ядъ, который отравитъ вашъ организмъ на всю жизнь". И странное дѣло! взглянетъ больной на это смѣлое, умное и честное лицо и откажется отъ усыпленія, а какъ увидитъ, какъ спорится дѣло въ рукахъ у этого человѣка, такъ даже и о боли позабудетъ. Два раза дѣлалъ мнѣ Брока сквозные проколы внутреннихъ нарывовъ голени и, право, я не замѣчалъ боли, хотя ланцетъ проходилъ всквозную — точно фокусникъ Германъ фокусы дѣлаетъ: была въ шляпѣ птица, а теперь графинъ съ водой. Въ послѣднее время Брока довольствовался лишь діагнозомъ, операціею и первымъ временемъ послѣ операціи, а затѣмъ передавалъ своихъ паціентовъ своимъ ученикамъ, такъ какъ антропологическая школа отнимала у него массу времени.

И практика, и состояніе жены дозволяли Брока жить въ полномъ благосостояніи; дѣти его получили превосходное, чисто реальное образованіе, не исключая и дочери. Верхомъ мечтаній всякаго француза является пріобрѣтеніе имъ „шато"; средства Брока позволяли ему эту роскошь и у демократа до конца ногтей близь Крейля былъ замокъ. Счастье благопріятствовало ему; въ горѣ, на которой помѣщался замокъ, найдены были остатки каменнаго и бронзоваго періода, а повыше и остатки „лагеря Цезаря"; въ башнѣ замка Брока устроилъ свой рабочій кабинетъ и голубятню, а подземелья обратилъ въ погребъ, прекрасно снабженный разными винами и въ особенности предательскимъ С.-Фуа, которымъ онъ любилъ „обезноживать" пріятелей. Сюда, въ этотъ красивый уголокъ являлся Брока отдыхать, понимая подъ отдыхомъ все тотъ же постоянный трудъ, но уже на деревенскомъ благорастворенномъ воздухѣ; здѣсь его досуги принадлежали уже не лабораторіи, а семьѣ, съ которою онъ постоянно экскурсировалъ для собиранія геологическихъ, энтомологическихъ и ботаническихъ коллекцій. Замокъ былъ—святая святыхъ Брока, куда допускались лишь хорошіе его знакомые и онъ часто говорилъ, что „c'est ma robe de chambre, tandis que mon cabinet à Paris est une chambre de robe" (это мой халатъ, тогда какъ кабинетъ въ Парижѣ есть комната мундира). Цѣлые дни можно было провести здѣсь съ Брока, встрѣчая въ немъ самаго радушнаго хлѣбосола-хозяина и самаго интереснаго собесѣдника; дѣти никогда не удалялись изъ общества „большихъ", а потому и вышли они всѣ такими серьезными и хорошими людьми.

Кромѣ того, что Брока создалъ антропологію и поставилъ ее, по крайней мѣрѣ во Франціи на надлежащую ступень, примѣнивши къ ея изученію строго математическій методъ изслѣдованія, Брока создалъ и „топографію мозга". Изучая самымъ тщательнымъ образомъ анатомію большого мозга, какъ въ патологическомъ, такъ и въ нормальномъ его состояніи, онъ нашелъ, что афазія или лишеніе способности

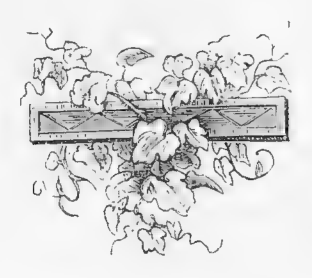
произносить членораздѣльные звуки совпадаетъ у людей съ разрушеніемъ одного изъ районовъ мозга, а именно задней части третьей лобной извилины въ лѣвомъ полушаріи; когда поврежденъ этотъ районъ, рѣчь отсутствуетъ и наоборотъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и теперь еще механизмъ головного мозга представляетъ много темнаго и неразъясненнаго и до того сложенъ, что едва ли возможно опредѣлить теперь время, когда наукѣ удастся разложить его на простѣйшіе механизмы; но, какъ бы то ни было, благодаря Брока, теперь уже несомнѣнно, что въ мозгу имѣются районы, гдѣ возникаютъ и выработываются тѣ или другія интеллектуальныя проявленія человѣческаго существованія. Разъ Брока положилъ начало топографіи головного мозга и локализаціи способностей, наблюдателямъ удастся довести дѣло до желаннаго конца и опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ зарождается та или другая интеллектуальная способность.

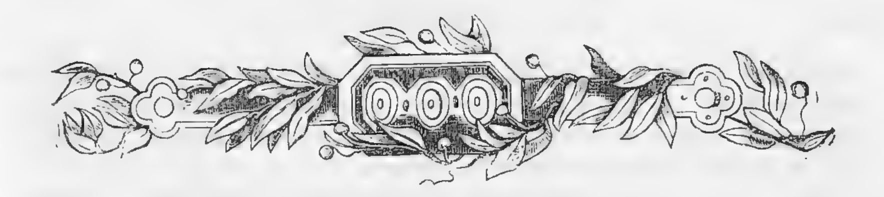
Нѣтъ возможности перечислить всѣ труды Брока по антропологіи, а потому и отмѣтимъ лишь, что всего отдѣльныхъ брошюръ по этой отрасли человѣческаго знанія онъ написалъ 313.

„Часы говорятъ не „тикъ-такъ“, какъ воображаютъ старыя няньки, а повторяютъ „fac! fac!“ (работай, дѣлай!);—это единственное слово, которое обязательно всѣмъ и каждому знать по латыни“, говорилъ Брока и этимъ его завѣщаніемъ мы закончимъ его некрологъ. Вѣчный труженикъ, человѣкъ на 55 году своей жизни, начавшій учиться русскому языку, ходячая энциклопедія, вмѣщавшая въ головѣ своей такую массу знаній, которой хватило бы на цѣлый десятокъ первоклассныхъ антропологовъ, онъ умеръ, какъ истинный воинъ науки, за своимъ рабочимъ столомъ.

Миръ праху твоему великій умъ, истинный работникъ, честный французъ и, главное, честный „человѣкъ“, такъ какъ самъ ты не разъ мечталъ о томъ времени, когда не будетъ „ни Эллина, ни Іудея“, а будутъ лишь люди. Самъ ты своимъ братскимъ поцѣлуемъ въ Москвѣ, въ 1879 году привѣтствовалъ тостъ мой на эту тему! Хотя ты умеръ, но знай, что по тебѣ остались продолжатели и имя твое свято сохранится нами въ поученіе потомству!

В. Майновъ.





ЛЕГЕНДА О ВЕЛЕЗАРІИ. [1]

До сихъ поръ еще не удалось серьознымъ изслѣдователямъ очистить вполнѣ исторію отъ массы апокрифическихъ подробностей, которыя вкрались въ описаніе дѣйствительности и не могутъ не вредить ясному пониманію тѣхъ политическихъ и общественныхъ отношеній, которыя существовали въ моментъ разсказываемаго этимъ апокрифомъ факта. По большей части эти апокрифическія вставки ничего не прибавляютъ, дѣйствительно, цѣннаго для историка и касаются преимущественно частностей; но благодаря имъ иногда исторической личности приписываются такія рѣчи и такія дѣянія, которыя съ особенною охотою запоминаются, но отнюдь не обрисовываютъ характера даннаго лица, а только затемняютъ его историческій портретъ. Когда такія сказки исходятъ изъ самаго народа, когда такая легенда берется прямо изъ народной устной поэзіи, то личность историческая не только ничего не теряетъ, но иногда даже еще рѣзче очерчивается въ такомъ апокрифическомъ случаѣ; но когда фактъ или рѣчи придумываются какимъ нибудь досужимъ монахомъ-лѣтописцемъ или позднѣйшимъ риторомъ или поэтомъ, то выдумка затемняетъ историческую личность и послѣдняя является передъ нами совершенно не въ свойственномъ ей свѣтѣ. Благодаря приписываемому Суворову приказанію солдатамъ копать могилу на Санъ-Готардѣ, личность знаменитаго полководца уясняется намъ еще болѣе; преданіе о просьбѣ, выраженной Петромъ безпоповскимъ депутатамъ, молиться за него какъ „за раба Божія Петра" еще рѣзче очерчиваетъ передъ нами этотъ могучій и строго разумный типъ и напротивъ того, всѣ исторіи о хожденіи Александра Великаго со стихами Гомера по мѣ-

[1]) Erreurs et mensonges historiques. Par. M. Ch. Barthelemy и Ист. Рос. Академіи. Сухомлинова, т. II.

сту былой Трои, о послѣднихъ словахъ Нерона, когда онъ требовалъ рукоплесканій за исполненную имъ комедію жизни и т. п. только скрываютъ сущность этихъ историческихъ типовъ, ничего не разъясняя и лишь затемняя дѣйствительность.

Къ числу такихъ излюбленныхъ почему-то риторами и поэтами личностей относится и полководецъ Велизарій. Пылкое воображеніе фантастовъ сдѣлало изъ него какого-то страдальца за истину, которую онъ, будто бы, слишкомъ охотно высказывалъ сильнымъ міра сего; въ уста его влагалось все то, что философы думали сами; уличенные имъ деспоты и тираны, возмущенные услышанною отъ него правдою, будто бы обрушивали на него свой гнѣвъ и потому явилась легенда о лишенномъ по приказу императора зрѣнія старцѣ Велизаріѣ, который принужденъ былъ выпрашивать себѣ денное пропитаніе на улицахъ и площадяхъ не разъ спасенной имъ отъ гибели Византіи.

Крайне интересно то обстоятельство, что ни одинъ изъ современныхъ великому полководцу писателей не говоритъ ровно ничего объ опалѣ Велизарія и еще менѣе о его ослѣпленіи и нищетѣ; но, какъ бываетъ и до сихъ поръ, достаточно было явиться смѣлому и не особенно стоящему за правду писателю, чтобы публика, позабывъ о молчаніи серьозныхъ историковъ, въ силу увлекательности и романтичности сюжета придуманной имъ легенды, повѣрила ему на слово и стала повторять сочиненную имъ басню. Подобнымъ неразборчивымъ авторомъ оказался нѣкій монахъ Іоаннъ Цецесъ, который при составленіи своихъ Хиліадъ черпалъ свѣдѣнія безъ всякаго разбора отовсюду и въ случаѣ нужды не чуждался даже того, чтобы присочинить кое-что, могущее заинтересовать читателя, Цецесъ жилъ въ XII вѣкѣ, когда вообще историческая литература Византіи переживала періодъ упадка и подобные ему авторы были не въ диковину; понятно поэтому, съ какимъ удовольствіемъ этотъ историкъ ухватился за легенду объ ослѣпленіи и нищетѣ Велизарія, которую онъ не только цѣликомъ привелъ въ своихъ Хиліадахъ, но даже постарался подтвердить, помѣстивъ въ своемъ сборникѣ какіе-то очень плохіе стихи на туже полную романтизма тему. Іоаннъ собственно говоря, былъ скорѣе поэтъ и грамматикъ; никогда не отличался онъ серьозною подготовкою, для серьознаго историческаго труда и зачастую перепутывалъ и имена, и событія; именно подобная путаница случилась у него и съ Велизаріемъ. Онъ слышалъ, а быть можетъ и читалъ нѣчто подобное, случившееся съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, и не имѣя ни времени, ни охоты добираться, съ кѣмъ именно все это случилось, легкомысленный историкъ припуталъ весь эпизодъ къ имени Велизарія и пустилъ его въ ходъ на потребу досужаго люда. Нѣчто подобное дѣйствительно случилось съ Іоанномъ Каппадокійскимъ; будучи префектомъ преторіи, онъ въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ тиранствовалъ въ имперіи и возбудилъ противъ себя все-

общее негодованіе. Наконецъ, насталъ моментъ расплаты за его звѣрства и несправедливости, такъ какъ Іоаннъ былъ брошенъ въ темницу и безжалостно сѣченъ плетьми; тутъ подъ ударами плети принужденъ онъ былъ повѣдать судьямъ всю свою жизнь и всѣ злодѣянія свои, а пытка между тѣмъ не прекращалась и палачъ, быть можетъ, и самъ пострадавшій когда нибудь отъ этого тирана все тѣшился и тѣшился надъ его и безъ того уже исполосованнымъ тѣломъ; въ концѣ концовъ его посадили на судно, отправлявшееся въ Египетъ, и не дали ему съ собою ничего иного, кромѣ тѣхъ рубищъ, которыя едва прикрывали его измученное тѣло; едва только судно приходило въ какой нибудь попутный портъ, какъ ссыльнаго выводили на берегъ и, водя по улицамъ, заставляли просить у проходящихъ милостыню. Такимъ образомъ, унижали этого гордаго человѣка всю дорогу и привезли, наконецъ, на мѣсто его ссылки, въ городъ Антинополь въ Египтѣ. Вотъ тотъ дѣйствительно историческій фактъ, который по неразборчивости Цецеса сдѣлался основою для его сказки о Велизаріи, пришедшейся по вкусу Византійскимъ гуманистамъ; эти послѣдніе ухватились за легенду и главнымъ образомъ за фактъ глубокой несправедливости, оказанной властителями Новаго Рима приверженцу правды и истины, и, изгнанные изъ Византіи въ XV вѣкѣ, они перенесли выдумку въ Италію, а отсюда уже и далѣе въ западную Европу, введя въ заблужденіе многихъ весьма серьозныхъ писателей того времени, которые восхитились возможностью вложить въ уста великому полководцу всѣ философскіе взгляды, выработанные и продуманные ими самими; пристрастіе тогдашняго читающаго люда ко всему романтичному помогло дѣлу и легенда о несчастномъ слѣпцѣ Велизаріи сдѣлалась скоро общенароднымъ достояніемъ; всюду видѣли образъ этого великаго поборника истины и когда открыли чудную античную статую, представлявшую старца, то, не задумываясь ни на минуту, признали въ ней, нищенствующаго Велизарія, хотя по античной красотѣ работы статуя эта и не могла относиться къ VI вѣку, когда жилъ Велизарій и когда искусство находилось уже на степени упадка. Уже въ XVII вѣкѣ легенда о Велизаріи сдѣлалась достояніемъ сцены и до 1681 года, доставила сюжетъ для пяти трагедій, изъ которыхъ двѣ были представлены въ Бургундскомъ дворцѣ въ Парижѣ; публика восторгалась сюжетомъ и отрывки изъ рѣчей Велизарія повторялись многими наизусть, какъ образчикъ гражданскаго мужества и защиты слабыхъ противъ сильныхъ.

Въ XVIII вѣкѣ восхищеніе измышленнымъ типомъ „стояльца за правду“ не только не прекратилось, но напротивъ того заразило людей высокой талантливости и, благодаря ихъ произведеніямъ, Велизарій получилъ еще большую популярность. Случайно, Ванъ-Дикъ увидалъ разъ въ музеѣ Боргези, знаменитую статую „нищенствующаго Велизарія“, увлекся ею и увѣковѣчилъ сказку на одной изъ лучшихъ своихъ картинъ; благодаря геніальному живописцу личность

„несчастнаго полководца“ окружилась еще новымъ ореоломъ. Вся семья Мармонтеля страдала наслѣдственною грудвою болѣзнью; извѣстный Мармонтель былъ въ полной увѣренности, что и онъ страдаетъ тѣмъ же пагубнымъ для его предковъ недугомъ. Въ 1767 году онъ дѣйствительно занемогъ и порѣшилъ, что остатокъ дней своихъ посвятитъ написанію какой нибудь басни съ возвышеннымъ сюжетомъ и подкладкою. На грѣхъ, какъ разъ передъ его болѣзнію, ему подарили гравюру съ картины Ванъ-Дика... „Часто“, говоритъ Мармонтель въ своихъ мемуарахъ (т. III стр. 27 изд. 1804 г.)—„засматривался я на это великое твореніе и невольно удивлялся, что поэты давно не воспользовались такимъ благодарнымъ, высоко-нравственнымъ и интереснымъ сюжетомъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, Мармонтель ничего не зналъ о томъ, что Велизарій давно уже являлся сюжетомъ 5 трагедій и что писано о немъ было не мало. „Меня охватило желаніе воспользоваться этимъ превосходнымъ сюжетомъ и написать на эту тему романъ въ прозѣ; едва лишь мысль эта явилась въ моей головѣ, какъ недугъ мой словно по мановенію волшебнаго жезла вдругъ замеръ, прекратился... О изумительная сила воображенія! Наслажденіе самому придумать фабулу будущаго романа, забота о ея отдѣлкѣ и развитіи... все это вмѣстѣ охватило все мое существо и какъ бы отторгло меня отъ самаго себя до такой степени, что я поневолѣ могъ повѣрить всевозможнымъ разсказамъ объ экстатическомъ восторгѣ, въ который впадаютъ нѣкоторые люди подъ вліяніемъ сильныхъ потрясеній и иныхъ духовныхъ причинъ... Знакомые приходили ко мнѣ, разспрашивали о моей болѣзни, а я отвѣчалъ имъ не впопадъ, говорилъ о другомъ, такъ какъ голова моя была занята другимъ—я думалъ лишь о Велизаріи“...

Никогда свѣтъ не производилъ такихъ любителей историческихъ выдумокъ, какимъ былъ знаменитый фернейскій философъ, а потому, едва лишь разнесся слухъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новаго философскаго романа Мармонтеля, Вольтеръ тотчасъ же написалъ автору самое сочувственное письмо, которое проникнуто было романтизмомъ влюбленнаго юноши... „Я буду ждать вашего Велизарія“ — писалъ Вольтеръ, „сюжетъ этотъ достоинъ вашего пера: онъ интересенъ, нравственѐнъ, полонъ политической мудрости; великія истины разсказываются въ немъ... Если бы мы были болѣе разсудительны, то я посовѣтовалъ бы вамъ написать на этотъ сюжетъ трагедію“. Совѣтъ этотъ не пропалъ даромъ.

Окончивъ своего „Велизарія“, Мармонтель прочелъ рукопись Дидро и наслѣдному принцу Брауншвейгскому, посѣтившему въ то время Францію; оба слушателя восхищались вмѣстѣ съ самимъ авторомъ и книгу отдали въ печать. Самъ Мармонтель нисколько не скрывалъ, что романъ есть ничто иное, какъ плодъ его разъигравшейся фантазіи... „Я знаю“, говоритъ онъ въ предисловіи „и не думаю даже скрывать того, что сюжетъ моего романа основанъ лишь на народномъ пре-

даніи, а не на историческомъ фактѣ; но въ томъ то и дѣло, что это преданіе затмило собою дѣйствительность и иначе Велизарія нельзя себѣ представить, какъ именно такимъ, каковъ онъ обрисованъ въ моемъ романѣ". Не довольствуясь тѣмъ, что положилъ въ основаніе всего своего произведенія завѣдомую ложь, Мармонтель вложилъ въ уста дѣйствующихъ лицъ всѣ возможныя философскія истины, до которыхъ додумался самъ авторъ и его современники и всѣ нападки на религію, королевскую власть и существующій современный порядокъ, которыя были въ ходу въ обществѣ французскомъ и далеко не соотвѣтствовали убѣжденіямъ и воззрѣніямъ VI вѣка. Понятно, что Велизарій былъ запрещенъ Сорбонною и 31 января 1768 года появилось объясненіе этого запрещенія со стороны архіепископа парижскаго.

Достаточно было уже одного этого запрещенія, чтобы романъ Мармонтеля вошелъ въ моду и сталъ раскупаться на расхватъ; энциклопедисты, а съ ними вмѣстѣ и всѣ великіе умы Европы объявили романъ этотъ величайшимъ произведеніемъ вѣка, оставивъ въ сторонѣ основную ложь и всю нелѣпость положенія византійца VI вѣка, говорящаго языкомъ философовъ XVIII вѣка. Первымъ поднялъ кличъ самъ Вольтеръ. „Явился Велизарій",—говоритъ онъ—„мы всѣ на него набросились, какъ обжоры. Пятнадцатая глава всего болѣе обращаетъ на себя наше вниманіе; это глава о терпимости, катехизисъ царей; это свобода мысли, доказанная съ изумительнымъ мужествомъ и знаніемъ дѣла; что можетъ быть умнѣе и смѣлѣе этой главы?" На другой день Вольтеръ писалъ Даламберу, что Велизарій переводится почти на всѣ европейскіе языки, а самъ Мармонтель пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что книга разошлась въ 9000 экземпляровъ и что „письма государей Европы и великихъ умовъ того времени приходили къ нему ежедневно и всѣ были наполнены похвалами роману, который признавался руководствомъ царей". Всѣхъ болѣе восхищалась „Велизаріемъ" наша Великая Екатерина. „Книга эта", писала императрица,—„достойна быть переведенною на всѣ языки; Велизарій убѣдилъ меня вполнѣ, что истинная слава состоитъ въ примѣненіи принциповъ, проповѣдуемыхъ съ такимъ самоотверженіемъ героемъ романа".

Экземпляръ своего Велизарія Мармонтель послалъ императрицѣ черезъ Бецкаго и получилъ очень скоро собственноручное письмо Екатерины, въ которомъ послѣдняя прямо заявляетъ о своемъ намѣреніи перевести романъ на русскій языкъ; черезъ мѣсяцъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру (29 мая 1766) она заявляетъ ему что переводъ уже готовъ. Случилось, что какъ разъ въ это время, императрица, въ сопровожденіи всего своего блестящаго двора, путешествовала по Волгѣ; роскошная галера монархини была приспособлена такимъ образомъ, что составляла какъ бы плавучій домъ и путники не только могли не чувствовать усталости и трудовъ путе-

шествія, но жили на галерѣ съ полнымъ комфортовъ и не мѣняя ни въ чемъ своихъ привычекъ и любимыхъ занятій. Императрица, восхищенная Велизаріемъ, не стала откладывать дѣла въ дальній ящикъ и собравъ свою свиту, предложила приближеннымъ взяться за переводъ „катехизиса царей“. Конечно всѣ поспѣшили согласиться, книга была тотчасъ же раздѣлена по числу сотрудниковъ на одиннадцать частей и всѣ дружно принялись за работу.

Въ переводѣ Велизарія принимали участіе слѣдующія лица: прежде всего сама Екатерина, затѣмъ графъ Андрей Шуваловъ, въ которомъ самъ Вольтеръ признавалъ высоко талантливаго поэта, Елагинъ, графъ Чернышевъ, Козьминъ, графы Григорій и Владиміръ Орловы, Волковъ, Нарышкинъ, Бибиковъ, князь Семенъ Мещерскій и Козицкій. Большинство переводчиковъ въ совершенствѣ обладали языками французскимъ и русскимъ, а нѣкоторые сдѣлались впослѣдствіи и извѣстны въ литературѣ, какъ наприръ Елагинъ, Козицкій, Нарышкинъ, Козьминъ и Шуваловъ; что касается до Бибикова, то самъ Державинъ свидѣтельствуетъ, что онъ издавна и охотно занимался словесностью и весьма хорошо писалъ по русски. Нечего и говорить о Волковѣ, который и при Петрѣ III извѣстенъ былъ своимъ умѣньемъ писать, что доказывается составленнымъ имъ манифестомъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Шуваловъ, Козицкій и Владиміръ Орловъ были членами знаменитой въ исторіи русскаго развитія коммиссіи для перевода иностранныхъ книгъ, а нѣкоторые изъ остальныхъ переводчиковъ, какъ напримѣръ Елагинъ, Козицкій и Нарышкинъ сдѣлались впослѣдствіи членами Россійской Академіи; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ сотрудники въ переводѣ романа Мармонтеля принимали большее или меньшее участіе въ трудахъ законодательной коммисіи, открытой вскорѣ по возвращеніи императрицы изъ поволжской поѣздки.

Волкову пришлось поработать больше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ на его долю пришлось перевести шестую, девятую, одинадцатую и двѣнадцатую главы, т. е. почти четвертую часть всей книги. Великая Екатерина взяла на себя переводъ небольшой по размѣрамъ девятой главы, которая однако представляла цѣлую массу трудностей уже потому, что содержаніе ея было очень щекотливо; самъ Мармонтель долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы императрица сама перевела цѣлую главу и къ тому же такую, въ которой безграничное самовластіе подвергается самымъ ужаснымъ нападкамъ и осуждается, какъ нѣчто незаконное и безнравственное. Самый выборъ императрицы достаточно рѣзко обрисовываетъ характеръ этой великой женщины; слогъ ея отличается силою и во всякомъ словѣ перевода чувствуется, что переводчица вполнѣ сочувствуетъ тексту. Хотя переводъ и былъ нѣсколько разъ напечатанъ, однако мы позволимъ себѣ привести здѣсь именно отрывокъ изъ девятой главы Велизарія, который рѣзко обрисуетъ намъ величіе высокой переводчицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покажетъ, какъ

несообразна съ какимъ либо подобіемъ правды выдумка Мармонтеля, заставляющаго грубаго Велизарія говорить слогомъ своихъ друзей—энциклопедистовъ и думать ихъ мозгами. Приводимый ниже отрывокъ заимствуется нами изъ изданія 1768 года „Велизеръ, сочиненія господина Мармонтеля, члена французской академіи, переведенъ на Волгѣ“ и помѣщенъ на стр. 104—105 и 113—114 этой книги.

Велизарій говоритъ однажды слѣдующее: „Тайность, которую скрываютъ отъ гордыхъ монарховъ, и которую добронравный государь знать достоинъ, есть та, что нѣтъ самовластія кромѣ власти законовъ, и что тотъ, который по своей волѣ царствовать хочетъ, есть невольникъ. Законъ есть соединеніе соглашенныхъ хотѣній въ одно, слѣдовательно власть его содѣйствіе всѣхъ силъ государства. Напротиву того воля одного, когда она не справедлива, имѣетъ противъ себя тѣ же самыя силы, кои должно раздѣлить, обуздать, разрушить или побѣдить. Тогда тираны прибѣгаютъ, то къ льстецамъ, кои прельщаютъ народъ, удивляютъ его, устрашаютъ и повелѣваютъ покориться; то къ подлымъ душамъ, кои, продавая кровь отечества и ходя съ мечемъ въ рукахъ, отрубаютъ головы, свергающія съ себя иго и смѣющія призывать въ помощь права естественныя. Оттуда междуусобныя брани, гдѣ братъ брату говоритъ: умри или покорись мучителю, который мнѣ даетъ плату, чтобы тебя умертвить. Тиранъ, гордясь, что царствуетъ силою оружія или странными ослѣпленіями суевѣрія, похваляетъ самъ себя. Но да трепещетъ, если хотя на мгновеніе ока перестанетъ льстить гордости или подкрѣплять своевольство опасныхъ своихъ участниковъ. Служа ему, они ему грозятъ, или за плату послушанія требуютъ упущенія. И такъ, чтобы утѣшать одну часть народа, дѣлается онъ невольникомъ другой; столь низокъ и подлъ съ сообщниками своими, сколько пышенъ и суровъ съ прочими своими подданными. Да стережется онъ неволить или обманывать въ ихъ ожиданіи тѣ страсти, кои ему вспомогаютъ. Онъ знаетъ, сколько они люты, понеже для него они разрушили всѣ союзы естества и человѣчества... Познавать самого себя, познавать людей; а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію; имѣя въ омерзеніи неосновательные доносы, одобрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именемъ его учиненныя: сіе то называю я любовію къ истинѣ, и симъ то образомъ будетъ любить ее государь, который увѣренъ, что онъ не можетъ быть великимъ какъ по мѣрѣ его правосудія“.

Достаточно прочесть этотъ отрывокъ для того, чтобы понять, почему никто не взялъ на себя перевода девятой главы и почему именно эту главу выбрала для себя Екатерина. Переводъ, благодаря раздѣленію труда, былъ оконченъ весьма скоро, но самое участіе нѣсколькихъ лицъ въ переводѣ должно было оказать на послѣдній свое вліяніе; вліяніе это заключается уже въ способѣ писать самое имя героя, который называется то Велизеріи, то Велизаромъ, то Веліазаромъ, то

Велизаріемъ, то, наконецъ, Велисаріемъ. Сама императрица, которая приняла на себя труды по общей редакціи всего перевода, называла его Веліазаромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она прямо высказалась за то, чтобы Елагинское правописаніе „Велизеръ“ было удержано въ заглавіи и кромѣ того тщательно сохраняла всѣ особенности рѣчи и слога отдѣльныхъ сотрудниковъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, такое охраненіе особенностей могло нагляднѣе всего показать ту цѣль, съ которою люди, никогда не занимавшіеся до того момента переводами, потратили свой трудъ на переводъ именно Велизарія. Екатерина до такой степени предана была идеѣ Велизарія, что предприняла цѣлый рядъ попытокъ и мѣръ для того, чтобы какъ можно болѣе распространить въ публикѣ облюбленную ею книгу, дабы „подданные ея знали о связи существующей между нею и ими“; имѣя въ виду именно эту высокую цѣль, редакція обращала лишь самое незначительное вниманіе на выправленіе слога и на его единообразіе, а заботилась главнѣйшимъ образомъ о томъ впечатлѣніи, которое книга произведетъ на публику своимъ содержаніемъ.

Видимо Екатерина придавала огромное значеніе роману Мартонтеля, а потому и пришлось долго избирать лицо, которое было бы вполнѣ достойно посвященія ему книги. Такимъ лицомъ оказался тогдашній епископъ тверской Гавріилъ. Самое путешествіе императрицы по Волгѣ было начато съ Твери, гдѣ за разнаго рода приготовленіями къ долгому плаванію по неволѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней; въ виду того, что дворца въ городѣ не было, монархиня остановилась въ домѣ епископа Гавріила и скоро успѣла оцѣнить его глубокій философскій умъ и чрезвычайную человѣчность; Гавріилъ сдѣлался необходимымъ собесѣдникомъ императрицы впродолженіи всего ея пребыванія въ Твери, такъ что она посѣтила его и въ загородномъ архіерейскомъ домѣ и убѣдила его еще разъ повидаться съ нею на пути; Гавріилъ, конечно, поспѣшилъ выполнить лестную для него волю мудрой Екатерины и выѣхалъ на встрѣчу императорской галерѣ въ Калязинѣ. Тутъ онъ произнесъ свое замѣчательное слово на посѣщеніе императрицы, и слово это, по словамъ самой Екатерины „запало всѣмъ въ душу, такъ какъ было проникнуто такими же чистыми нравственными началами, какъ и книга Мармонтеля“. Екатерина вполнѣ оцѣнила эту выдававшуюся тогда среди высшаго русскаго духовенства личность и рѣшила посвятить „Велизарія“ именно Гавріилу, такъ какъ онъ и „мыслями, какъ добродѣтелью, съ Велизаріемъ сходенъ“. Самое посвященіе поручено было составить графу Андрею Петровичу Шувалову и мнѣніе, распространенное преимущественно на западѣ, будто бы его писалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ совершенно не вѣрно, что видно уже изъ перваго изданія „Велизарія“.

Такимъ то образомъ басня о Велизаріи попала въ нашу литературу, получила въ ней право гражданства и даже перешла въ учеб-

ники всеобщей исторіи, которые еще такъ недавно составлялись подобно Хиліадамъ Цецеса. Изъ литературы печатной, сказка передалась во Францію и народу, который, страдая самъ, по неволѣ проникся чувствомъ уваженія къ фиктивному страдальцу, сложилъ въ честь его нѣсколько пѣсней, изъ которыхъ одна, принадлежащая перу Непомука Лемерсье [1]) въ переводѣ попала и въ нашу литературу [2]); всякій изъ насъ непремѣнно училъ наизусть когда то высоко цѣнимое произведеніе Мерзлякова, приводившее въ восторгъ нашихъ бабушекъ и вызывавшее на ихъ глазахъ слезы сочувствія, но далеко не всякій изъ насъ зналъ, что типъ этого несчастнаго старца есть ничто иное, какъ плодъ досужей фантазіи не менѣе досужихъ людей, которые, проникнувшись идеями XVIII вѣка, захотѣли сдѣлать изъ Велизарія такого же гуманиста, какими они были сами и окружили его ореоломъ нищеты и несчастья, ради того, чтобы еще сильнѣе повліять на душу своихъ читателей и безъ того уже всегда склонныхъ къ увлеченію всѣмъ, что имѣетъ романическій оттѣнокъ...

На самомъ дѣлѣ, Велизарій, по свидѣтельству хроники Іоанна Малалы, дѣйствительно подвергся опалѣ при дворѣ Юстиніана; жизнь его была пощажена, но все имущество его было конфисковано въ пользу казны и самъ онъ былъ объявленъ подъ домашнимъ арестомъ, который продолжался съ декабря 563 по іюль 564 года. Скоро слѣдствіе надъ великимъ полководцемъ окончилось, и доказало его полную невинность; тогда его немедленно выпустили на свободу и возвратили ему его достояніе. Но не долго прожилъ Велизарій послѣ этого все же грустнаго недоразумѣнія и въ мартѣ 565 года скончался совершенно спокойно въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ.

Не мы одни, европейцы, преклонялись предъ сказкою Цецеса и Мармонтеля, такъ какъ и до сихъ поръ турки помнятъ имя вели-

---

[1]) Вотъ подстрочный переводъ пѣсни:

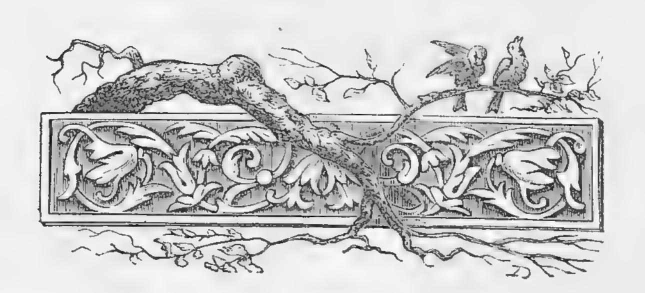
„Юное дитя, со шлемомъ въ рукахъ,
„Ходило, прося на бѣдность
„Слѣпому старцу, оставшемуся безъ хлѣба,
„Но славному въ Римѣ и Византіи.
„Онъ говорилъ всякому прохожему,
„Тронутому его благородною нищетою:
„Дайте оболъ дитятѣ,
„Которое служитъ бѣдному Велизарію“.

[2]) Помѣщаемъ здѣсь ради сравненія съ произведеніемъ Лемерсье и стихотвореніе Мерзлякова:

„Малютка, шлемъ нося,
„Просилъ для Бога пищи лишь дневныя
„Слѣпцу, котораго водилъ,
„Кѣмъ славны Римъ и Византія.
„Тронитесь жертвою судебъ,
„Онъ такъ прохожихъ умоляетъ,
„Подайте мальчику на хлѣбъ,
„Онъ Велизарія питаетъ.

каго полководца и разсказываютъ все ту же баспю о великомъ „Велизаріи“ греческомъ гази. Въ Константинополѣ и теперь еще показываютъ любопытному путешественнику темницу, носящую названіе „башни Велизарія“; башня эта стоитъ у самаго берега моря по дорогѣ изъ великаго сераля къ семибашенному замку и народъ увѣряетъ, что еще недавно изъ одного окошка этой темницы висѣлъ на веревкѣ мѣшокъ, который Велизарій во время своего заточенія спускалъ до земли со словами: „Дайте оболъ Велизарію, возвышенному счастьемъ и ослѣпленному изъ зависти“.

В. Корніевскій.



НОВЫЕ МЕМУАРЫ О РЕВОЛЮЦІОННОЙ ЭПОХѢ XVIII ВѢКА.

(Von den Sevennen bis zur Newa (1740—1805). Ein Beitrag zur Geschichte des 18 Jahrhunderts. Nach handschriftlichen Nachlässen von A. Grafen Thürheim. Wien. 1879. IV—481).

Едва ли какая-либо эпоха всемірной исторіи болѣе богата мемуарами, чѣмъ конецъ прошлаго и начало нынѣшняго вѣка, періодъ французской революціи 1789 года. Представители и сторонники почти всѣхъ существовавшихъ тогда партій оставили потомству записи событій, свидѣтелями которыхъ они были, и впечатлѣній, которыя они пережили. Обиліе такой литературы даетъ возможность позднѣйшему изслѣдователю не только изучить факты со всею ихъ обстановкою, но и познакомиться съ мыслями, чувствами, взглядами современниковъ, ясно представить себѣ живую картину тогдашней жизни. Правда, подобные историческіе источники не всегда надежны: современность слишкомъ сильно захватываетъ автора, вслѣдствіе чего безпристрастіе довольно рѣдко въ мемуарахъ; но обиліе такихъ памятниковъ, написанныхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, съ одной стороны, и искренность авторовъ, часто не имѣющихъ въ виду публики, съ другой, служатъ достаточнымъ критеріемъ истины. Зная религіозныя убѣжденія и политическія стремленія составителя, не трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отличить субъективную окраску въ его запискахъ. Отъ этого общаго почти всѣмъ подобнымъ сочиненіямъ недостатка не свободенъ также и графъ Эстергази, по запискамъ котораго главнымъ образомъ составлена названная выше книга Тюргейма; но здѣсь пользованіе источникомъ осложняется еще тѣмъ, что Тюргеймъ не ограничился простымъ изданіемъ записокъ или прибавленіемъ къ нимъ комментарія. Онъ положилъ ихъ въ основаніе своей книги, дополнивъ заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія своими историческими соображеніями, а также и другими данными, заимствованными частію изъ печатныхъ, частію

изъ рукописныхъ источниковъ. Хотя слова записокъ Эстергази и другихъ рукописей и приводятся иногда буквально, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло не прямо съ источникомъ, но съ обработкою, не чуждою при томъ тенденціозности.

Графъ Тюргеймъ ставитъ себѣ двѣ весьма интересныя задачи. „На этихъ страницахъ, говоритъ онъ, мы пишемъ не исторію, а только историческія картины, портреты и характеристики замѣчательныхъ личностей". Другую его задачу составляетъ „изображеніе отдѣльныхъ важныхъ моментовъ по описаніямъ очевидцевъ и современниковъ" (стр. 287). Къ сожалѣнію, рѣшены эти задачи далеко не удовлетворительно. Дѣйствительно, въ его книгѣ мы находимъ чрезвычайно много описаній разнообразныхъ личностей всѣхъ странъ, но въ большинствѣ случаевъ это не портреты и характеристики, а простые формулярные списки. Бѣдность и сухость изображенія тѣмъ не извинительнѣе, что у автора часто находилась подъ рукой живая рукописная литература въ видѣ дневника, переписки и т. п. Такіе источники имѣлъ онъ, напримѣръ, для характеристики лицъ, окружавшихъ Марію Терезію. Онъ „читалъ съ большимъ интересомъ рядъ писемъ княгини Траутсонъ къ своей сестрѣ, и они представили ему ясную картину эпохи" (101). Но никакой картины читатель не находитъ въ книгѣ; вмѣсто живыхъ характеристикъ тянется на 5 страницахъ перечисленіе придворныхъ въ такомъ родѣ: „графъ Фридрихъ Вильгельмъ Гаугвицъ, государственный министръ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ измѣненій, происшедшихъ съ 1748 года во внутренней политикѣ Австріи; по словамъ современниковъ, онъ первый нанесъ смертельный ударъ старымъ сословнымъ отношеніямъ, аристократіи и федерализму. Въ частной жизни онъ считался другомъ своихъ друзей; умеръ въ 1765 г." (105). Живо написаны у Тюргейма только тѣ характеристики, которыя онъ цѣликомъ заимствуетъ у Эстергази или изъ печатныхъ источниковъ [1]).

Если отсутствіе у автора художественнаго таланта препятствуетъ живо представить симпатичныя ему личности, то односторонній взглядъ на революцію и узкое пониманіе ея причинъ не позволяютъ ему вѣрно оцѣнить революціонныхъ дѣятелей и правильно изобразить важные моменты эпохи. Революція, съ его точки зрѣнія, простой мятежъ, бунтъ противъ королевской власти; сторонниковъ и участниковъ движенія онъ постоянно называетъ „бунтовщиками", „мятежниками" и т. п. Самое ея происхожденіе объясняется у него случайными причинами: „при мудромъ управленіи короля и съ помощію улучшенія существующаго порядка вещей, говоритъ онъ, можно было тогда и

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, весьма схожій, но не представляющій ничего новаго портретъ Ломени де Бріенна, сдѣланный Эстергази (256 и 257); по печатнымъ источникамъ написаны живыя характеристики оригинальной личности графа Лорагэ (193 и слѣд.), Безанваля и вообще гостей салона Полиньякъ (202 и слѣд.).

даже гораздо позже устранить революцію“ (175). Болѣе-же всего, по его мнѣнію, виноваты въ революціи философы. Оказывается, что „секта философовъ желала ввести въ министерство архіепископа тулузскаго“, что они же побуждали молодежь къ участію въ американской войнѣ, „чтобы поддерживая мятежныхъ подданныхъ противъ государя, возбудить революцію во Франціи[1]) (259). Вообще война за независимость была, по мнѣнію Тюргейма одною изъ причинъ французской революціи. Именно, французы, принимавшіе участіе въ этой войнѣ, носили медаль въ память объявленія американской независимости. „Такое новое и республиканское украшеніе блестѣло среди столицы великой старой монархіи и могло навести на нѣкоторыя размышленія (konnte wol Einiges zum Nachdenken geben)“ [2]). Офицеры также носили такую медаль, и „если среди арміи абсолютнаго королевства щеголяли видимымъ знакомъ побѣды мятежнаго народа надъ своимъ законнымъ государемъ, то это было столь же страннымъ, какъ и опаснымъ признакомъ времени“ (222).

Другое обстоятельство, если не прямо обусловившее собою революцію, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ее ускорившее заключалось, по мнѣнію автора, въ англоманіи, развившейся у французовъ въ предреволюціонную эпоху. „Всей знатной молодежью, говоритъ онъ, вдругъ овладѣло общее увлеченіе — страсть къ англійской внѣшности и модамъ. Молодежь не думала о томъ, что, превращая подстриженныя деревья, правильные четыреугольники, прямыя аллеи времени знаменитаго садовника, любимца Людовика XIV, Ленотра, въ англійскіе сады и парки, она вызоветъ сближенія и подражанія въ другихъ направленіяхъ; въ этомъ заключались первые зародыши политическихъ переворотовъ, реформъ, наконецъ общаго разрушенія и великой революціи. Молодежь не замѣчала, что болѣе удобный фракъ, замѣнившій широкіе съ дорогимъ шитьемъ плащи и камзолы стараго двора, обнаруживалъ общую наклонность къ равенству. Такъ какъ тогдашняя молодежь не могла еще блестѣть пылкимъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ въ общественныхъ собраніяхъ, то она хотѣла, по крайней мѣрѣ, отличаться великолѣпіемъ своихъ манежей, роскошью парковъ и быстротою скаковыхъ лошадей“. (191). Возведеніе

---

[1]) Особенно сурово относится авторъ къ Вольтеру. Тріумфъ Фернейскаго патріарха въ Парижѣ даетъ ему поводъ нарисовать такую картину: „Все французское общество спѣшило апплодисментами привѣтствовать Вольтера. Не составляли еще заговора противъ правительства, но отрицали уже всякій принципъ авторитета; играя подкапывались подъ основанія общественнаго порядка, порокъ сталъ краснорѣчивъ, религія онѣмѣла; задолжавшая аристократія протягивала руку къ союзу съ haute finance; высшіе офицеры съ удовольствіемъ садились за одинъ столъ съ философами; чиновники шутили и смѣялись надъ своими собственными постановленіями вмѣстѣ съ тѣми, которые открыто имъ сопротивлялись. Всѣ почтенные старые культы французской монархіи были осмѣяны и опозорены; казалось, что наступило царство богоотступниковъ, и ихъ патріархъ былъ на лицо“. (212).

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

въ причину революціи одного изъ случайныхъ побочныхъ теченій французской общественной жизни, теченія, бывшаго, вѣроятно, результатомъ увлеченія англійскою литературою, производитъ странное впечатлѣніе. Выходитъ, что не раціоналисты, а жокеи внушили французамъ любовь къ политической свободѣ; не книги и идеи, а скаковые лошади и фраки измѣнили настроеніе предреволюціонной Франціи.

При такой узкости пониманія революціи и ея причинъ, неудивительно, что оцѣнка Тюргеймомъ лицъ, игравшихъ видную роль въ этомъ событіи, не отличается глубиною. „Всѣ эти различные дѣятели, говоритъ онъ, не любили другъ друга, и всѣ вмѣстѣ презирали герцога Орлеанскаго; но его деньги были очень по сердцу революціонной партіи и весьма пригодились ей, главнымъ образомъ для того, чтобы испортить духъ арміи, развратить солдатъ и въ концѣ концевъ вооружить всю Францію — обстоятельство, безъ котораго парижская революція осталась бы, какъ думаютъ многіе современники, дѣломъ одной партіи“ (270).

Современникамъ, не понимавшимъ, какъ это доказалъ уже Токвиль, смысла происходившаго передъ ихъ глазами событія, позволительно было приписывать такое важное значеніе герцогу Орлеанскому, но встрѣтить такое мнѣніе въ сочиненіи, вышедшемъ въ прошломъ году, по меньшей мѣрѣ странно. Объясняя многое во французской революціи личными вліяніями, Тюргеймъ сваливаетъ всю вину за ея излишества на враговъ стараго порядка. Она „никогда не получила-бы безъ страстности Мирабо, мстительности герцога Орлеанскаго, суетности и ожесточенности Лафайета, тѣхъ грандіозныхъ и ужасныхъ размѣровъ, какъ это случилось въ дѣйствительности“ (275). Авторъ упускаетъ изъ виду, что всѣ эти лица были монархистами и что если ихъ дѣятельность и принимала направленіе, враждебное Людовику XVI, то это зависѣло не столько отъ нихъ, сколько отъ характера короля и его правительства.

Отношеніе къ революціи ясно показываетъ, куда клонятся симпатіи Тюргейма. Съ одной стороны онъ старается очернить всѣ дѣйствія и всѣхъ дѣятелей революціи—трудъ непроизводительный, такъ какъ въ революціи безъ того достаточно темныхъ сторонъ; съ другой возвеличить старую Францію. Заключеніе книги представляетъ элегію въ формѣ прогулки по Версальскому дворцу и заканчивается восклицаніемъ: il n'y a plus de cour de France!

Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ книги едвали стоитъ знакомить читателя съ воззрѣніями Тюргейма на значеніе того или другого событія, на историческую роль того или другого лица. Мы ограничимся только извлеченіемъ новыхъ и наиболѣе интересныхъ фактовъ, заимствованныхъ авторомъ изъ рукописныхъ источниковъ. Болѣе всего интереса представляютъ, какъ намъ кажется, описаніе посѣщенія знаменитостей эпохи (Вольтера, Руссо и Фридриха Великаго) въ дневникѣ нѣкоего Фрейнда, замѣтки о 7-лѣтней войнѣ, о фран-

цузскихъ и вѣнскихъ салонахъ, о распространеніи революціи въ войскѣ и въ провинціи и наконецъ объ отношеніи къ французской революціи Екатерины II — въ мемуарахъ Эстергази. Отрывочный характеръ книги Тюргейма, сообщающей эти новыя данныя, послужитъ оправданіемъ отрывочности и нашего изложенія.

I.

Несовершеннолѣтній принцъ маленькаго владѣтельнаго дома Эрбахъ-Эрбахъ заканчиваетъ свое образованіе путешествіемъ по Европѣ и посѣщеніемъ знаменитостей эпохи; его сопровождаетъ гофмейстеръ Фрейндъ, который тщательно заноситъ въ свой дневникъ все видѣнное и слышанное во время путешествія. Прежде всего будущій государь желаетъ посѣтить Вольтера; изъ Женевы онъ письменно испрашиваетъ позволеніе у философа явиться въ Ферней и, когда разрѣшеніе было получено, пріѣзжаетъ къ Вольтеру аккуратно въ назначенный часъ. Во время разговора хозяинъ высказываетъ гостю свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Германіи, замѣчаетъ, что „въ Баваріи есть три или четыре лица, которыя начинаютъ мыслить", что у Фридриха Великаго „много талантовъ, много знаній, много военной опытности и деспотизма". Появленіе друга дома, патера Адама, наводитъ разговоръ на религіозные вопросы. „Voilà le père Adam ex-jesuite tolerant", представляетъ Вольтеръ своего гостя. „Если вы, католики, продолжаетъ онъ, то онъ отслужитъ вамъ мессу; если же вы протестанты, то помолится за васъ Богу". Узнавъ, что гости протестанты, Вольтеръ замѣтилъ: „Поздравляю васъ: вы очень счастливы! Лютеръ и Кальвинъ своими глупостями много сдѣлали добра разумнымъ людямъ". Послѣ обѣда, когда хозяинъ удалился отдохнуть, патеръ показалъ принцу и его спутнику Фернейскій домъ и картинную галлерею, гдѣ находились портреты энциклопедистовъ, Екатерины II; рядомъ съ императрицею висѣло изображеніе прачки Вольтера, трубочиста и т. п. особъ (146) [1]. Познакомившись съ Вольтеромъ, принцъ отправился къ Руссо. Точно также и къ этому философу сначала

[1]) Тюргеймъ сообщаетъ, по письму одной современницы Вольтера, слѣдующій, довольно невѣроятный разсказъ объ отношеніи философа къ его посѣтительницамъ. „Представленіе дамъ, а въ особенности молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, сопровождалось у Вольтера весьма страннымъ обычаемъ. Именно, входя въ салонъ, онѣ должны были казаться взволнованными, блѣднѣть и даже падать въ обморокъ. Потомъ бросались въ его объятія, всхлипывали или плакали — словомъ поступали такъ, какъ будто бы ими овладѣло чувство, составляющее средину между невыразимымъ удивленіемъ и страстною любовью. Это называлось у Вольтера этикетомъ представленія женщинъ, и суетный старикъ на столько привыкъ къ такой комедіи, что простая, спокойная и приличная вѣжливость казалась ему грубостью, дерзостью или даже глупостью" (147).

отправили письмо съ просьбою назначить часъ, когда ему угодно будетъ принять путешественниковъ. „Все равно, отвѣчалъ Руссо, всякій часъ хорошъ“, и гости явились утромъ. Завязалась длинная бесѣда, но на этотъ разъ не о религіи или политикѣ, а самъ хозяинъ говорилъ о себѣ. „Онъ сожалѣлъ, пишетъ Фрейндъ, что когда-то композиторствовалъ и писалъ драмы. Первое занятіе — неблагодарно, увлеченіе же драматургіей — опасно: въ обоихъ случаяхъ поэтъ имѣетъ въ музыкантѣ и актерѣ посредника между собою и публикою, который можетъ сдѣлать смѣшнымъ автора. Если же писать историческое или философское сочиненіе, то читатель самъ въ состояніи судить, достигъ ли авторъ цѣли или нѣтъ. О своихъ сочиненіяхъ Руссо сказалъ, что, благодаря своему способу выраженія, онъ никогда не находилъ для нихъ издателя, и считаетъ большимъ счастьемъ, что поздно началъ и во время кончилъ писать: 40 лѣтъ онъ издалъ первое свое сочиненіе, а 50 рѣшился болѣе не браться за перо“. „Весь мой недостатокъ заключается въ томъ, прибавилъ философъ, что я писалъ правду“. Когда онъ говорилъ о музыкѣ, то всѣ его черты оживали, всѣ мускулы приходили въ движеніе. Онъ хвалилъ музыкальный слухъ нѣмцевъ, съ теплотой говорилъ объ итальянскихъ мелодіяхъ и съ гордымъ презрѣніемъ о французской музыкѣ. При этой бесѣдѣ присутствовало удивительно гадкое женское существо, очень не даровитое, судя по тупому и глупому выраженію лица. Хотя она не вмѣшивалась въ разговоръ, но киваньемъ головы показывала въ немъ свое участіе, отвратительно скалила зубы и постоянно выражала свое сочувствіе всему, что говорилъ ея оракулъ-философъ. Это была извѣстная домоправительница Жанъ-Жака — Тереза“ (148—149).

Цари европейской мысли XVIII вѣка были гораздо любезнѣе и разговорчивѣе съ путешественниками, чѣмъ „талантливый деспотъ“, прусскій король Фридрихъ Великій, пользовавшійся почти такою же популярностью въ Европѣ, какъ и французскіе философы. Хотя принцъ и получилъ аудіенцію у короля, но не удостоился разговора Фридриха и только присутствовалъ при его бесѣдѣ съ эксъ-іезуитомъ Каналемъ, представлявшимся королю въ это же время. Пріемъ происходилъ въ сентябрѣ 1773 года, два мѣсяца спустя послѣ обнародованія Климентомъ XIV буллы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена (Dominus redemptor noster). Фридрихъ II не предвидѣлъ еще позднѣйшаго знаменитаго Kulturkampf'а и несочувственно отнесся къ новой мѣрѣ. „Другія державы, сказалъ онъ Каналю, можетъ быть справедливо жалуются на нѣкоторыхъ членовъ общества Іисуса, но мои іезуиты всегда вели себя порядочно, и они не будутъ изгнаны, такъ какъ я считаю жестокостью наказывать невинныхъ вмѣстѣ съ виновными. Я еретикъ и большой еретикъ, поэтому папа не можетъ освободить меня отъ клятвы, по которой я долженъ оставить религіозныя отношенія въ Силезіи въ томъ видѣ, какъ я ихъ тамъ нашелъ. Вы видите, что и у насъ также есть своя религія, и папа въ душѣ не

можетъ на насъ гнѣваться: кто знаетъ, что случится! Можетъ быть когда нибудь снова понадобятся господа іезуиты, и тогда у меня будетъ ихъ разсадникъ“ (168). Пророчество короля исполнилось: іезуиты вскорѣ понадобились папамъ, но едва ли было въ интересахъ короля учреждать ихъ разсадникъ въ Пруссіи.

Дневникъ Фрейнда, наиболѣе важный, послѣ мемуаровъ Эстергази, изъ рукописныхъ источниковъ Тюргейма, заключаетъ въ себѣ только вышеприведенныя свѣдѣнія. Главная же масса фактовъ заимствована авторомъ изъ записокъ Эстергази, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

II.

Графъ Валентинъ Владиславъ Эстергази родился въ 1740 году въ городкѣ Виганѣ въ Севеннахъ. Его отецъ, венгерскій эмигрантъ, былъ офицеромъ французской арміи и собственникомъ гусарскаго полка [1]). Окончивъ свое образованіе въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, молодой Эстергази поступилъ въ 1757 году въ гусарскій полкъ, гдѣ его опекунъ, графъ Берчени, купилъ ему мѣсто капитана. Въ этомъ же году, какъ извѣстно, Франція приняла участіе въ 7-лѣтней войнѣ, и полкъ Эстергази былъ назначенъ въ дѣйствующую армію. Благодаря своей исполнительности и добросовѣстному отношенію къ служебнымъ обязанностямъ, молодой капитанъ пріобрѣлъ расположеніе начальства и во время зимнихъ стоянокъ легко доставалъ себѣ отпуска въ Парижъ и въ Вѣну. Обширныя связи открыли ему доступъ въ парижскіе и вѣнскіе салоны, а также и къ дворамъ Маріи Терезіи и Людовика XV, гдѣ Эстергази прислушивался къ толкамъ о политикѣ. Семилѣтняя война съ самаго начала была непопулярна во французскомъ обществѣ, питавшемъ большое уваженіе къ прусскому королю; участіе въ ней Франціи считалось личнымъ дѣломъ короля, желавшаго отмстить Фридриху за то, что прусскіе гренадеры оскорбили его родственницу, польскую королеву Марію Жозефу. Пораженіе французскихъ войскъ только возвысило въ обществѣ уваженіе къ Фридриху; всѣ неудачи сваливали на корыстолюбіе герцога Ришелье и бездарность Клермона; дѣйствительная же ихъ причина заключалась въ томъ, что въ войскѣ отражались всѣ неурядицы тогдашняго политическаго положенія дѣлъ во Франціи. „Поле битвы, писалъ истый солдатъ, начальникъ швейцарцевъ Рудольфъ де-Кастелла, напоминаетъ дворъ: это мѣстопребываніе интригъ, зависти и недовѣрія“ (69).

[1]) Въ то время во Франціи поручалось отдѣльнымъ лицамъ вербовать полки на свой собственный счетъ; за это учредителю и его потомству предоставлялось право собственности на полкъ, что доставляло денежные доходы и почетное положеніе.

Результатъ семилѣтней войны вызвалъ во Франціи ордонансы герцога Шуазеля, который, руководясь принципами Фридриха Великаго, пытался поднять военную науку и дисциплину; были введены въ армію прусскіе регламенты; появились военные „дѣльцы“ (faiseurs), доводившіе подражаніе до крайности и только мучившіе солдатъ педантизмомъ и строгостями. Эстергази, посланный въ Германію и главнымъ образомъ въ Берлинъ изучать кавалерійское дѣло, всюду находилъ рабское подражаніе прусскому королю. Курфюрстъ Гессенскій завелъ для своихъ солдатъ форму такого же цвѣта и покроя, какъ въ Пруссіи. Но изъ такого подражанія выходило, по крайней мѣрѣ во Франціи, мало толку. Что приносило пользу молодому государству, то оказывалось непригоднымъ для старой монархіи. Реформа не привилась въ войскѣ, и Шуазель оставилъ свой постъ. Его преемникъ, маркизъ Монтейнаръ, приступилъ къ реформамъ въ совершенно иномъ направленіи; онъ доставилъ участіе низшимъ офицерамъ въ хозяйственномъ управленіи полка, которое прежде вполнѣ принадлежало полковнику. „Желая пріобрѣсти популярность среди низшихъ офицеровъ и ослабить вліяніе высшихъ, преданныхъ Шуазелю, говоритъ Эстергази, онъ образовалъ изъ каждаго полка маленькую республику“ (159). Были ли эти нововведенія результатомъ личныхъ разсчетовъ, или представляли собою невольную уступку новому духу — во всякомъ случаѣ они ясно показывали, что примѣръ Пруссіи не годился для руководства во Франціи.

III.

По окончаніи семилѣтней войны Эстергази сдѣлался собственникомъ гусарскаго полка, расположеннаго на югѣ Франціи. Лѣто проводилъ онъ съ своимъ полкомъ, а зимою посѣщалъ парижскіе салоны или дѣлалъ заграничныя путешествія. Близкое его знакомство съ тогдашнею общественною жизнью дѣлаетъ интересною и поучительною ту часть его мемуаровъ, гдѣ онъ разсказываетъ свои приключенія до 1789 года.

Наиболѣе видное мѣсто въ обществѣ занимали въ ту эпоху салоны герцогини Люксембургской, жены маршала Мирепуа, маркизы Деферанъ и m-me Жоффрэнъ. Два послѣдніе, собиравшіе представителей интеллигенціи, еще только начинали входить въ славу, между тѣмъ какъ хозяйки двухъ первыхъ были общепризнанными законодательницами хорошаго тона. Тамъ царили еще старыя преданія: выше всего цѣнились хорошія манеры, внѣшнее благородство въ языкѣ и поступкахъ. Всякое нарушеніе требованій салоннаго приличія, выражалось-ли оно въ вульгарномъ языкѣ, или въ нерыцарскомъ поступкѣ, влекло за собою исключеніе виновнаго изъ grande société. Въ эти старые салоны допускались и ученые, но не столько за свои таланты, сколько

за изящное обращеніе; герцогиня Люксембургская имѣла обыкновеніе дѣлать свою утреннюю прогулку въ сопровожденіи извѣстнаго Лагарпа; такое предпочтеніе академику она потомъ такъ объясняла своей знакомой: Que voulez-vous, ma chére, il donne si bien le bras!

Приговоры салоновъ были суррогатомъ общественнаго мнѣнія, только они отличались большею строгостью и влекли за собою болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ это бываетъ даже въ наше время. Исключенному изъ салона не было мѣста среди образованнаго общества. Салоны, опираясь на свою авторитетность, становились иногда даже въ оппозицію къ королю, и правительству приходилось считаться съ этой силой. Духъ фронды, всегда въ нихъ жившій и привлекавшій къ себѣ вниманіе даже знаменитаго кардинала Ришелье, въ XVIII вѣкѣ получилъ новую пищу. „Казалось довольно страннымъ, говоритъ Эстергази по поводу благопріятнаго отношенія салоновъ къ отставленному Шуазелю, что приверженцы Шуазеля имѣли за себя общественное мнѣніе. Мода, властительница болѣе могущественная во Франціи, чѣмъ гдѣ-либо, высказалась въ ихъ пользу. Они получили право громко, безъ стѣсненія порицать дворъ, нисколько не скрывали своего неудовольствія противъ короля, постоянно съ презрѣніемъ осмѣивали министерство, и можетъ быть, съ этой эпохи начинается несчастіе Франціи. Во всякое время были при дворѣ фрондеры; дворъ и министры осмѣивались во Франціи; но прежде нужно было скрывать порицанія, насмѣшки и пасквили, или за нихъ строго наказывали; теперь-же сопротивляться двору считалось заслугою. Съ того мгновенія, когда министръ одному изъ просившихъ позволеніе отправиться въ Шантелу (куда удалился Шуазель) отвѣтилъ, что такая просьба будетъ непріятна королю,—всѣ, даже мало знавшіе Шуазеля, считали для себя дѣломъ чести испрашивать такое позволеніе, которое, по добротѣ или слабости короля, обыкновенно давалось. Первыми просились къ Шуазелю тѣ лица, которыя стояли наиболѣе близко къ королю и пользовались его особенною милостью; если-же имъ отказывали въ ихъ просьбѣ, то они переставали являться ко двору и между собою дѣлили время“ (157—158). Въ такой формѣ проявлялась странная смѣсь старой фронды съ новой оппозиціей, опиравшейся на идеи просвѣтительной философіи; и чѣмъ болѣе приближалась революціонная эпоха, тѣмъ сильнѣе фрондировало дворянство противъ королевской власти. Въ 1786 году принцъ де-Линь замѣтилъ, что „всѣ сословія, имѣвшія прямой интересъ поддерживать монархію, соединились противъ нея“. Безпринципность этой оппозиціи проявляется иногда весьма рѣзко: смотря по обстоятельствамъ, фрондеры опираются или на свои старыя, феодальныя традиціи, или на прямо противоположные имъ революціонные принципы. Князь Henin, оскорбленный обращеніемъ графа д'Артуа, слѣдующимъ образомъ выразилъ ему свое неудовольствіе. „Monseigneur! прошу васъ не забывать, что если я имѣю честь служить вамъ, то и для васъ въ свою очередь не мень-

шая честь имѣть меня на своей службѣ". Но этотъ гордый аристократъ не упускаетъ случая съ злорадствомъ кольнуть королеву непопулярностью двора въ Парижѣ. Написанная имъ пьеса потерпѣла фіаско въ Фонтенебло и Марія Антуаннета замѣтила ему: „итакъ, князь, ваша комедія совершенно провалилась!"—„Да, при дворѣ, ваше величество; по поэтому она будетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ"—отвѣтилъ Henin, забывая, что радоваться ему нѣтъ никакого основанія, такъ какъ настроеніе Парижа, опасное для королевскаго абсолютизма, представляло гораздо большую опасность для его аристократическихъ притязаній.

Салонная жизнь не ограничивалась однимъ Парижемъ; при обширномъ вліяніи французскаго двора, парижскіе обычаи распространялись по всей Европѣ. Эстергази хорошо зналъ вѣнскіе салоны, но изъ его описанія ихъ видно, что это была только слабая копія французскихъ, копія, напоминавшая свой оригиналъ только по формѣ и совершенно чуждая его духа и значенія. Особенно славились въ Вѣнѣ салоны „пяти княгинь" [1]), постояннымъ посѣтителемъ которыхъ былъ императоръ Іосифъ II. „Тамъ никогда не играли, пишетъ Эстергази, хотя это было еще общепринятымъ обычаемъ въ Вѣнѣ, никогда не занимались музыкой, читали въ слухъ только въ отсутствіе императора. Обыкновенно шелъ общій разговоръ: иногда разсуждали о философіи и морали, сообщали другъ другу свои взгляды на жизнь, говорили о событіяхъ дня, о литературѣ, о придворныхъ обычаяхъ въ разныхъ странахъ Европы, въ особенности же о версальскихъ, но никогда не заходило рѣчи о государственныхъ дѣлахъ, религіи или администраціи; если же разговоръ нечаянно касался этого пункта, то императоръ рѣзко обрывалъ его и быстро заговаривалъ о другомъ" (170). Вѣнскіе салоны не были общественной силой; это было мѣсто отдыха императора, гдѣ все соотвѣтствовало его желанію, отъ него зависѣлъ выборъ гостей, онъ давалъ тему разговорамъ. Въ салоны „пяти княгинь", напримѣръ, допускались только оберкамергеръ Розенбергъ, маршалъ Ласси да нѣкоторые изъ знатныхъ гостей. Совершенно иначе шло дѣло въ парижскихъ салонахъ: тамъ король и королева были простыми, равноправными гостями. Графиня Полиньякъ, креатура королевы, не затруднилась слѣдующимъ образомъ отвѣтить своей покровительницѣ, не желавшей видѣть въ ея салонѣ нѣкоторыхъ личностей: „Я думаю, что если вашему величеству угодно посѣщать мой салонъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вы могли требовать удаленія отсюда моихъ друзей". Эти слова принадлежатъ той графинѣ Полиньякъ, салонъ которой представлялъ во время революціи самую твердую опору ультра-консервативной партіи!

Подчиняясь вліянію старыхъ салоновъ и руководясь личными симпатіями, дворъ и въ особенности королева, часто вмѣшивались въ

---

[1]) Двухъ графинь Кауницъ, княгинь Лихтенштейнъ, Клари и Кинской.

правительственныя дѣла и связывали руки министрамъ, что увеличивало безпорядки уже разстроеннаго управленія. Эстергази описываетъ интересный примѣръ такого вмѣшательства, разсказывая одинъ случай проявленія королевскаго къ нему благоволенія. Его полку была назначена квартира въ мѣстечкѣ Монмеди, которое не понравилось шефу. Ни мало не медля, онъ отправился въ Версаль и просилъ королеву дать другую стоянку для его полка. Тотчасъ же былъ призванъ военный министръ, графъ Сенъ-Жерменъ. „Вы считаете достаточнымъ поводомъ преслѣдовать всякаго человѣка, сказала ему королева, если онъ заслужилъ мое расположеніе. Зачѣмъ вы посылаете полкъ Эстергази въ Монмеди? Это дурное мѣсто для стоянки, и кавалерія никогда тамъ не была расположена. Потрудитесь назначить ему другую квартиру“. „Но распредѣленіе войскъ уже окончено, отвѣчалъ дрожавшій за свое мѣсто министръ, придется отнять мѣсто у какого-нибудь стараго полка. Впрочемъ, какъ вамъ угодно! Графъ Эстергази будетъ удовлетворенъ, и ваше величество не лишитъ меня своей милости Но королева тотчасъ-же обратилась спиною къ министру“ (206). Графъ Эстергази слушалъ весь этотъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, и смущенный лепетъ министра не могъ, конечно, внушить полковнику чувства уваженія къ своему высшему начальству... Эстергази было предоставлено самому выбрать стоянку для своего полка, а Сенъ-Жерменъ все таки потерялъ свое мѣсто. Его преемникъ, князь Монбарри, вскорѣ потерпѣлъ ту же участь: „онъ навлекъ на себя неудовольствіе королевы, предоставивши Понтекулану управленіе Гравелингеномъ такъ быстро, что она не успѣла выпросить у короля это мѣсто для графа Водрейля, друга графини Полиньякъ“ (226).

Чѣмъ болѣе приближался 89-й годъ, чѣмъ болѣе запутывались дѣла, тѣмъ чаще приходилось королевской семьѣ поступаться своими симпатіями при назначеніи министровъ. Уже Ломени-де-Бріеннъ былъ навязанъ королю; воспитателю королевы аббату Вермону стоило большихъ трудовъ уговорить ее не противиться врученію портфейля архіепископу Тулузскому. Точно также Неккеръ, не симпатичный всей королевской семьѣ, былъ сдѣланъ министромъ вслѣдствіе крайней необходимости. Начинали прислушиваться къ нарождающемуся общественному мнѣнію, но было уже поздно: наступала революція.

IV.

Эпоха революціи, представляющая до сихъ поръ еще много темнаго и спорнаго, описывается въ мемуарахъ Эстергази довольно односторонне и только въ первый періодъ своего развитія. Отъ автора, тѣсно связаннаго со старымъ порядкомъ своими интересами, убѣжденіями и симпатіями, нельзя, конечно, ожидать безпристрастія. Тѣмъ не менѣе среди рѣзкихъ отзывовъ, невѣрныхъ характеристикъ, въ за-

пискахъ есть нѣсколько цѣнныхъ указаній наблюдательнаго человѣка, самолично видѣвшаго, какъ развивались революціонныя идеи и страсти не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Провинцію за этотъ періодъ Эстергази знаетъ даже лучше, чѣмъ столицу: еще въ 1786 году онъ былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ въ Геннегау и жилъ по большой части въ Валансьенѣ. Не вращаясь въ кружкахъ, сочувствовавшихъ революціи или принимавшихъ въ ней участіе, онъ мало знаетъ революціонныхъ дѣятелей и еще меньше ихъ понимаетъ. По поводу назначенія Неккера на мѣсто Ломени онъ замѣчаетъ: „невѣжду замѣнили шарлатаномъ". Сіэсъ, въ его глазахъ, „способный метафизикъ, человѣкъ безъ потребностей и безъ всякой религіи, который въ основѣ преслѣдовалъ всякій авторитетъ и съ самолюбивымъ чванствомъ изъявлялъ притязаніе разрушить всѣ алтари и троны" (270). Мирабо—„утонченный, образованный злодѣй", который „былъ равнодушенъ къ ходу дѣлъ, лишь-бы только сохранялось его вліяніе. Онъ въ одно и тоже время обманывалъ и короля, и герцога Орлеанскаго и заставлялъ ихъ обоихъ платить свои огромные долги".

Гораздо лучше знаетъ Эстергази дворъ, поэтому его замѣчанія о недостаткахъ придворной партіи иногда чрезвычайно мѣтки и цѣнны, такъ какъ мы не можемъ заподозрить ихъ безпристрастіе. Сторонникъ стараго режима, приверженецъ короля, искренно привязанный къ облагодѣтельствовавшей его королевской семьѣ, съ болью въ сердцѣ замѣчаетъ по поводу іюльскихъ событій 89-го года: „достаточно было-бы 2000 человѣкъ, чтобы возстановить порядокъ! Вся вина лежала на нерѣшительности двора: дѣйствовали одни только мятежники" (272). Эстергази кажется, что если-бы король обладалъ рѣшительнымъ характеромъ, онъ побѣдилъ-бы революцію при помощи войска и народа даже въ 1790 году. Воодушевленіе народа на Марсовомъ полѣ во время праздника Братства (14 іюля 1790 г.), его восторженные крики vive le roi приводятъ Эстергази къ убѣжденію, что „если-бы король сѣлъ въ этотъ моментъ на коня, объѣхалъ-бы ряды, воодушевилъ-бы ихъ сильною рѣчью, то всѣ депутаты провинцій и арміи и можетъ быть часть національной гвардіи соединилась бы вокругъ него, и этотъ праздникъ, на который такъ разсчитывали приверженцы революціи, снова возстановилъ-бы, вѣроятно, монархію; но этого не случилось!" (348). Какъ ни сомнительно подобное предположеніе, тѣмъ не менѣе упрекъ королю въ нерѣшительности со стороны его приверженца весьма важенъ для характеристики Людовика XVI.

Занимая должность военнаго губернатора, Эстергази имѣлъ возможность наблюдать за развитіемъ революціонныхъ идей въ войскѣ и провинціи. Хотя его замѣтки—суть показанія лица потерпѣвшаго и не чужды слѣдовательно извѣстной окраски, тѣмъ не менѣе всякое новое свѣдѣніе по этому вопросу, въ виду его важности и трудности, особенно интересно.

Еще Мишле замѣтилъ, что до революціи не было страны болѣе

монархической, чѣмъ Франція, и что именно здѣсь произошелъ быстрый переходъ отъ горячей любви къ не менѣе пылкой ненависти къ монарху. Особенно поучительна эта перемѣна настроенія въ арміи. Какъ революціонировалось войско? „Посредствомъ денегъ герцога Орлеанскаго, вина и публичныхъ женщинъ“, говоритъ Эстергази. Объясненіе очень простое, но настолько мало вѣроятное, что даже Тюргеймъ, обыкновенно слѣпо слѣдующій за своимъ источникомъ, считаетъ нужнымъ представить иное объясненіе. „Тяжелый грѣхъ стараго правительства, говоритъ онъ, которое, осыпая часто незаслуженными милостями своихъ любимцевъ, ничего не сдѣлало для солдатъ и унтеръ-офицеровъ, былъ теперь жестоко наказанъ. Всѣ облегченія, сдѣланныя въ положеніи солдатъ, были даромъ національнаго собранія, на которое теперь обращались всѣ ихъ надежды, между тѣмъ какъ король, бывшій до сихъ поръ въ ихъ глазахъ первоисточникомъ всякой силы и милости, все болѣе и болѣе вытѣснялся изъ ихъ представленія“ (327). Несомнѣнно, что доступъ къ высшимъ должностьмъ, отмѣна продажи мѣстъ и чиновъ, дарованіе политическихъ правъ солдату — все это несравненно болѣе, конечно, привязывало армію къ новому порядку, чѣмъ деньги и прочія блага, расточаемыя щедрою рукою герцога Орлеанскаго. Тѣмъ не менѣе переходъ арміи на сторону революціи совершался довольно медленно и сопровождался нарушеніемъ дисциплины и безпорядками. Признаки революціи впервые появились въ Валансьенѣ среди городской черни: появились „эмиссары революціи“, раздались ихъ рѣчи и они начали организовать возстаніе, не щадя при этомъ ни денегъ, ни угощеній. Эстергази выставилъ передъ главною гауптвахтою двѣ пушки, но это не остановило движенія. Толпа безъ сопротивленія овладѣла пушками и „съ тріумфомъ отвезла ихъ обратно въ арсеналъ“; затѣмъ она разломала тюрьмы и выпустила оттуда арестантовъ. Въ войскѣ также начиналось движеніе; во время возстанія, отрядъ, охранявшій пушки, остался совершенно пассивнымъ, „такъ какъ даже среди офицеровъ было много сторонниковъ революціи“; но другіе отряды оставались еще вѣрными своей дисциплинѣ. Съ ихъ помощію Эстергази удалось усмирить возстаніе, снова запереть арестантовъ, „исключая тѣхъ, которыхъ спрятали дурно настроенные граждане (295). „Учрежденіе въ Валансьенѣ національной гвардіи, непосредственно подчиненной муниципальному совѣту, чрезвычайно сильно содѣйствовало развитію въ войскѣ революціонныхъ идей и ослабленію дисциплины. Гвардейцы, а вмѣстѣ съ ними и прочіе солдаты, предавались всевозможнымъ неистовствамъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Они разбивали нѣкоторые частные и общественные дома, всюду отискивая вина, съѣстныхъ припасовъ и кокардъ, которыя получили только національные гвардейцы. „Особенно же разсыпались солдаты по деревнямъ и тамъ безопасно предавались пьянству и насилію“ (310). Поддерживать порядокъ становилось Эстергази тѣмъ труднѣе, что у

военныхъ губернаторовъ была отнята власть надъ жителями. Онъ боялся прибѣгать къ мѣрамъ строгости, потому что не было надежныхъ исполнителей, и кромѣ того, эти мѣры могли еще навлечь непріятности со стороны національнаго собранія.

Эстергази вообще относится несправедливо о конститюантѣ. Онъ считаетъ ее главной виновницей всѣхъ безпорядковъ, происшедшихъ какъ въ городахъ, такъ и въ войскѣ; въ ея интересахъ, по его мнѣнію, было уничтожить дисциплину и ввести дезорганизацію въ армію. Такое обвиненіе совершенно ошибочно. Дѣйствительно національное собраніе въ началѣ относилось снисходительно къ вспышкамъ революціи и къ виновникамъ безпорядковъ: это было проявленіе той силы, на которую она опиралась въ борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но тамъ, гдѣ возстаніе сопровождалось грабежомъ имущества частныхъ лицъ и переходило въ разбой, собраніе одобряло строгія мѣры и само прибѣгало къ нимъ, когда могло. Что это было именно такъ, видно изъ нѣсколькихъ случаевъ, происшедшихъ съ самимъ Эстергази. Въ городкѣ Маріенбургѣ произошло возстаніе; пострадавшія частныя лица подали жалобу полицейскому лейтенанту въ Авенѣ, который отыскалъ виновниковъ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Это вызвало цѣлую бурю въ революціонной арміи, и Эстергази былъ обвиненъ передъ національнымъ собраніемъ. Губернаторъ отправилъ оправдательные документы къ президенту собранія Мунье, а копіи съ нихъ министрамъ военному и юстиціи, а также во всѣ редакціи журналовъ, которые, не зная сущности дѣла, обвиняли или защищали Эстергази. Революціонная партія проиграла процессъ. Жалобы на Валансьенскаго губернатора подавались еще не разъ въ собраніе, но постоянно оставались безъ послѣдствій. Такимъ образомъ Эстергази могъ дѣйствовать противъ безпорядковъ, пока у него были средства; но скоро эти средства исчезли.

Существовало двѣ силы, на которыя можно было опираться въ Валансьенскомъ округѣ при усмиреніи возстаній: крестьянство и извѣстная часть городского населенія съ муниципальнымъ совѣтомъ во главѣ. Насилія, произведенныя солдатами въ окрестностяхъ Валансьена, побудили крестьянъ придти съ жалобами къ Эстергази. Тотъ отправилъ ихъ въ муниципальный совѣтъ, откуда они снова явились къ нему въ сопровожденіи депутаціи отъ городского правленія и всѣ вмѣстѣ просили вооруженной силы для прекращенія безпорядковъ. Губернаторъ выразилъ сожалѣніе, что снисходительность гражданъ послужила причиною излишествъ со стороны солдатъ, сказалъ, что у него почти нѣтъ средствъ для прекращенія безпорядковъ, но что онъ попытается, опираясь на ихъ общее содѣйствіе, сдѣлать, что можетъ. Затѣмъ, собравъ нѣсколько оставшихся спокойными солдатъ, онъ отправился съ ними по окрестнымъ деревнямъ и привелъ оттуда перепившихся и избитыхъ крестьянами гвардейцевъ и ихъ товарищей. Но скоро и крестьянство начало переходить на сторону революціи.

Вскорѣ къ Эстергази пришло извѣстіе, что толпа крестьянъ, подъ предводительствомъ парикмахера и какого то иностранца, отправилась грабить аббатство Вигонь, славившееся своимъ богатствомъ. Мятежники были схвачены на мѣстѣ и съ помощію войска удалось повѣсить зачинщиковъ; но количество солдатъ, не передавшихся еще революціи, все уменьшалось и уменьшалось. На сторонѣ губернатора остался только городской совѣтъ да нѣсколько болѣе зажиточныхъ гражданъ. Но что же они могли сдѣлать? „На улицѣ встрѣчались только отдѣльныя группы пьяныхъ, которые пѣли и кричали, пишетъ Эстергази. Всѣ порядочные люди заперлись въ свои дома, и городской совѣтъ въ полномъ сборѣ всю ночь засѣдалъ въ думѣ. Не было несчастія, котораго нельзя бы было ожидать на слѣдующій день". (300) Эстергази ничего не оставалось дѣлать въ Валансьенѣ; онъ уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда за границу.

Итакъ революція въ Валансьенскомъ округѣ началась въ городѣ, продолжалась въ войскѣ и закончилась въ деревнѣ. Эстергази, не смотря на всѣ старанія, не могъ остановить ея развитія: это было историческое движеніе, уничтожавшее, подобно стихійной силѣ, всѣ препятствія на своемъ пути. Стороннику стараго режима необходимо было или покориться, или бѣжать; Эстергази предпочелъ послѣднее. Оказавшись на службѣ Людовика XVI безсильнымъ остановить революцію внутренними силами, онъ поступилъ, по волѣ короля, на службу къ принцамъ, чтобы найти для той же цѣли внѣшнихъ силъ и былъ отправленъ въ сентябрѣ 1791 года въ Петербургѣ съ дипломатическою миссіей.

V.

Порученіе, данное принцами графу Эстергази, сводилось къ тремъ пунктамъ. Онъ долженъ былъ просить императрицу, чтобы она побудила во-первыхъ, Вѣнскій и Берлинскій дворы выставить войска для нѣкоторыхъ, могущихъ встрѣтиться операцій; во-вторыхъ, назначила бы нѣсколько собственныхъ войскъ для совмѣстнаго дѣйствія со шведами со стороны моря, и поддержала бы, наконецъ, принцевъ необходимыми для нихъ денежными фондами. (395). Личность государыни произвела на посланника чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, и пріемъ въ Петербургѣ подалъ ему надежду на успѣшное исполненіе его миссіи. „Невозможно въ какой нибудь другой чужой странѣ быть принятымъ лучше, дружественнѣе, пишетъ онъ, чѣмъ былъ принятъ я въ Петербургѣ: всѣ относились ко мнѣ къ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ". (390). Но не смотря на это, надеждѣ Эстергази не было суждено осуществиться, по крайней мѣрѣ, вполнѣ. Екатерина II, (czarewna, какъ онъ ее называетъ), ознакомившись съ желаніями принцевъ, немедленно рѣшила исполнить только послѣднее изъ нихъ, относительно же двухъ первыхъ дала уклончивый отвѣтъ, ожидая

прибытія курьера отъ австрійскаго императора, который долженъ былъ сообщить ей взгляды на это дѣло европейской политики.

Повидимому, первоначальный планъ дѣйствій русской императрицы по отношенію къ Франціи заключался въ томъ, чтобы, не оставаясь безучастной зрительницей революціи, дѣйствовать въ общемъ хорѣ державъ. По ея мнѣнію, слѣдовало оказать поддержку эмигрировавшимъ принцамъ деньгами и войскомъ, если они найдутъ хотя какое-нибудь сочувствіе на родинѣ. Но извѣстія изъ Вѣны измѣнили ея намѣреніе. Оказалось, что Людовикъ XVI, обращаясь за помощью къ иностраннымъ государямъ, не только не желалъ видѣть братьевъ во главѣ чужихъ войскъ, но просилъ даже Леопольда II сохранить отъ нихъ въ тайнѣ планъ похода. Не одобряя такой политики, Екатерина отправила принцамъ дружественное письмо, въ которомъ, соглашаясь на денежную субсидію, отказывалась отъ дѣятельнаго вмѣшательства во французскія дѣла. Она ссылалась на отдаленность отъ Франціи своего государства и на не совсѣмъ окончившуюся еще турецкую войну и находила даже, что сосредоточеніе такихъ силъ, какихъ желаютъ принцы, едва ли будетъ полезно, такъ какъ съ нимъ связано чрезвычайно много неудобствъ. Впрочемъ, она обѣщала высказаться на этотъ счетъ болѣе опредѣленно, когда поближе познакомится со взглядами державъ на это дѣло. Въ концѣ письма Екатерина увѣряла принцевъ въ своемъ личномъ расположеніи къ ихъ дѣлу и готовности оказать имъ нравственную поддержку. (396).

Одновременно съ письмомъ, императрица сообщила Эстергази ad referendum мѣры, которыя она имѣла въ виду принять въ пользу принцевъ, и поручила передать имъ нѣсколько совѣтовъ. Екатерина позволяла французскимъ принцамъ упоминать въ своихъ манифестахъ ее, какъ сторонницу ихъ дѣла, обѣщала въ скоромъ времени заключить союзъ съ Швеціей, чтобы Густавъ III могъ спокойно принимать участіе въ французскихъ дѣлахъ. Далѣе она совѣтовала старшему брату короля, графу Прованскому, объявить себя регентомъ страны, обѣщала оффиціально признать его, принять его посла и назначить графа Румянцева представителемъ къ его двору. Планъ дѣйствій она рекомендовала имъ слѣдующій: принцы овладѣютъ сначала хотя бы однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ во Франціи, которое будетъ служить операціоннымъ базисомъ; затѣмъ, по примѣру Генриха IV, они распустятъ національное собраніе, не собирая новаго; у Генриха для этой цѣли было только 400 дворянъ, а у нихъ 6000, да кромѣ того, можно нанять нѣмцевъ и швейцарцевъ. Затѣмъ, не теряя изъ виду независимости и самостоятельности своихъ дѣйствій, принцы непремѣнно возстановятъ дѣленіе на три сословія и старые парламенты, „безъ которыхъ не можетъ существовать во Франціи никакой монархіи; затѣмъ слѣдуетъ даровать общую амнистію, такъ какъ виновныхъ безчисленное количество. Различные манифесты должны быть тщательно редактированы и обнародованы только тогда, когда будетъ

возможно поддержать ихъ вооруженною рукою. Особенно настаивала императрица на томъ, чтобы принцы не вводили въ страну чужеземныхъ войскъ: это составитъ бѣдствіе Франціи, такъ какъ она будетъ обязана своимъ возстановленіемъ внѣшней силѣ, и несчастіе принцамъ, потому что въ такомъ случаѣ противъ нихъ соединятся всѣ партіи (397—98).

Желаніе императрицы поставить братьевъ короля во главѣ операцій, имѣвшихъ цѣлью возстановить старый режимъ, обусловливалось тѣмъ, что она предпочитала междуусобную войну во Франціи общеевропейской войнѣ. Болѣе всего препятствій этому желанію представляли несогласія между Людовикомъ XVI и его братьями, и Екатерина употребляла всѣ усилія, чтобы прекратить эти недоразумѣнія. Она требовала отъ Эстергази свѣдѣній о причинѣ несогласій, просила Густава III, находившагося въ перепискѣ съ Тюльери, дѣйствовать въ смыслѣ примиренія на короля и королеву, поручила графу Румянцеву вести переговоры объ этомъ съ барономъ Бретейлемъ, врагомъ принцевъ. Но все это мало приносило пользы. Письмо, полученное отъ Эстергази королевой, въ которомъ высказывалась желаніе примириться съ Кобленцскимъ дворомъ эмигрантовъ, дало было поводъ надѣяться на возстановленіе добрыхъ отношеній между членами королевскаго дома. Императрица поручила Эстергази написать въ Тюльери, что „она не завязала бы никакихъ сношеній съ принцами, если бы не была убѣждена въ чистотѣ ихъ намѣреній“ (401). Но письмо не дошло, и примиренія не состоялось, что въ значительной степени охладило Екатерину къ дѣлу принцевъ. „Не смотря на дружественные совѣты русской императрицы, пишетъ Эстергази, не трудно было замѣтить, что недостатокъ согласія между Тюльери и принцами весьма ослаблялъ ея участіе и что всѣ дѣла начали представляться ей теперь въ менѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ при моемъ прибытіи въ Петербургъ“ (407).

Поведеніе принцевъ не могло внушить Екатеринѣ особенной къ нимъ симпатіи. Вопреки ея совѣтамъ, они заявили безсильный протестъ противъ принятія королемъ конституціи, написали горячее и дерзкое письмо къ новому австрійскому императору Францу II. Въ Петербургѣ ходили слухи о расточительности принцевъ, такъ что Екатерина къ прежнимъ совѣтамъ, повторяемымъ ею при всякомъ случаѣ, прибавила еще одинъ новый совѣтъ о бережливости. Кромѣ того, русскіе министры и петербургскій дворъ не были расположены къ участію во французскихъ дѣлахъ. „Ихъ вниманіе, говоритъ Эстергази, болѣе привлекалъ вопросъ о раздѣлѣ Польши, такъ какъ они надѣялись получить тамъ большія помѣстья. „Не смотря на это императрица продолжала принимать къ сердцу дѣла принцевъ. Она не признала принятіе королемъ конституціи актомъ свободной воли монарха, какъ это сдѣлали всѣ европейскія державы, и въ этомъ смыслѣ писала австрійскому императору и прусскому королю. Въ письмѣ къ Леопольду II она проводила ту мысль, что Людовикъ XVI по преж-

нему фактически плѣнникъ и принятіе имъ конституціи не имѣетъ поэтому законной силы, что положеніе короля теперь еще болѣе опасно, чѣмъ прежде; что для всей Европы было бы чрезвычайно важно, чтобы императоръ облегчилъ дѣло принцамъ; что пусть лучше произойдетъ междуусобная война, чѣмъ внѣшняя, болѣе опасная и менѣе выгодная. Она объявляла, что немедленно признаетъ графа Прованскаго регентомъ, какъ только онъ приметъ этотъ титулъ, и что она запретила уже своимъ министрамъ входить въ сношеніе съ французскимъ посланникомъ m-r Жене. (400). Когда безтактное письмо принцевъ къ Францу II произвело непріятное впечатлѣніе не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ, императрица снова писала къ обоимъ дворамъ, чтобы извинить передъ ними необдуманность эмигрантовъ.

Хотя Екатерина расходилась во взглядахъ на французскія дѣла съ Австріей и Пруссіей, тѣмъ не менѣе она выразила согласіе принять участіе въ походѣ 1792 года. Французскіе эмигранты съ принцами во главѣ, получивъ позволеніе примкнуть къ одному изъ союзныхъ отрядовъ, просили императрицу послать 15 или 20,000 войска на Рейнъ и выразили желаніе присоединиться къ русскому отряду. Союзныя державы предпочитали получить вмѣсто численнаго подкрѣпленія денежную субсидію, но Екатерина не согласилась на такую комбинацію, хотя и послала небольшую сумму принцамъ. Тогда присланъ былъ въ Петербургъ принцъ Нассаускій съ предложеніемъ вручить ему команду надъ назначеннымъ въ Германію войскомъ, но императрица отклонила и это предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что для команды необходимъ природный русскій генералъ. Войска были посланы, но только не на Рейнъ, а въ Польшу. Когда Эстергази обратилъ на это обстоятельство вниманіе Екатерины, она отвѣтила ему: „Que voulez-vous, la peau est plus près que la chemise“ (425). Тотчасъ же была послана депеша въ Кобленцъ, чтобы принцы не разсчитывали болѣе на обѣщанія изъ Петербурга. Но эмигранты не вполнѣ послушались совѣта своего уполномоченнаго, и послѣ похода 1792 года принцъ Кондэ прислалъ въ Петербургъ герцога Ришелье просить крова и хлѣба для эмигрантовъ. Императрица предложила имъ для поселенія 650,000 десятинъ земли по берегамъ Берды до впаденія ея въ Азовское море, приказала построить тамъ для нихъ дома и снабдить скотомъ.

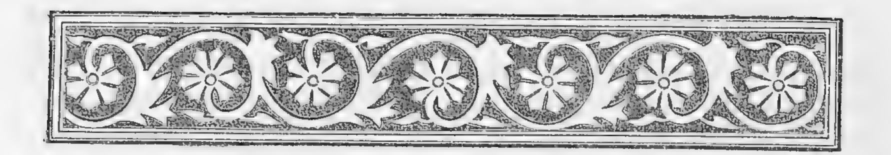
Французская революція, отодвинутая на второй планъ польскимъ вопросомъ, съ начала 1793 года снова овладѣла всѣмъ вниманіемъ Екатерины. Казнь Людовика XVI произвела на нее, по словамъ Эстергази, сильное дѣйствіе, не только нравственное, но и физическое. Оправившись отъ перваго угнетающаго впечатлѣнія, императрица, одна въ цѣлой Европѣ, признала тотчасъ же графа Прованскаго регентомъ, назначила Румянцева полномочнымъ при немъ министромъ, а графъ Эстергази сталъ считаться представителемъ Франціи при петербургскомъ дворѣ. Сверхъ того, былъ изданъ указъ, который строжайшимъ образомъ запрещалъ всякое сношеніе съ французскими

цареубійцами и требовалъ, чтобы каждый, находившійся въ Россіи французъ подъ страхомъ изгнанія принесъ присягу въ вѣрности законному преемнику Людовика XVI. Съ прибытіемъ младшаго брата казненнаго короля въ Петербургъ задуманы были болѣе важныя мѣры противъ революціи.

Графъ д'Артуа, собираясь отправиться въ Россію, просилъ предварительно разрѣшенія на это у императрицы и, не дождавшись ея отвѣта, инкогнито поѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина, хотя и находила это путешествіе слишкомъ дорогимъ, тѣмъ не менѣе выразила желаніе познакомиться съ графомъ и, не допустивъ инкогнито, приняла его съ такою же торжественностью, какъ принца Генриха Прусскаго, не задолго передъ тѣмъ посѣтившаго ея столицу. Она сдѣлала обнищавшему принцу щедрые подарки: великолѣпную золотую шпагу съ діамантомъ на рукояткѣ, освященную самимъ митрополитомъ, богатую коллекцію золотыхъ монетъ и медалей, серебряный столовый сервизъ, 10,000 дукатовъ золотомъ и 300,000 рублей ассигнаціями. Сверхъ того, Екатерина послала ему коробочку съ драгоцѣнностями для подарковъ русскимъ, бывшимъ при немъ для услугъ. По окончаніи различныхъ празднествъ и торжествъ, приступили къ обсужденію средствъ остановить революцію. Только теперь рѣшилась Екатерина оказать поддержку принцамъ военной силой. Она согласилась послать черезъ Англію въ берегамъ Нормандіи или Бретани 15,000 войска, чтобы оно составило центръ, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться эмигранты и прочіе элементы, враждебные революціи. Но для этого необходимо было позволеніе Англіи на проходъ войскъ и весьма желательны ея денежныя субсидіи для этой экспедиціи. Для переговоровъ о томъ и другомъ былъ посланъ въ Лондонъ Воронцовъ, а графъ д'Артуа отправился въ Ревель, чтобы ближе къ мѣсту ожидать ихъ исхода. Переговоры оказались безуспѣшными: Англія отказала не только въ субсидіи, но и въ пропускѣ войскъ. Посѣщеніе русской арміей Франціи отлагалось этимъ лѣтъ на двадцать...

Въ мемуарахъ Эстергази мы не находимъ болѣе никакихъ извѣстій объ отношеніи Екатерины къ французскимъ дѣламъ, и въ скоромъ времени самъ ихъ авторъ сходитъ съ арены общественной дѣятельности. Въ концѣ 1795 года онъ уѣхалъ съ своей семьей въ Украйну, гдѣ императрица подарила ему помѣстье; здѣсь на слѣдующій годъ застала его печальная вѣсть о смерти Екатерины; затѣмъ послѣдовало другое, не менѣе печальное для него извѣстіе о томъ, что ему запрещенъ по какимъ то причинамъ въѣздъ въ Петербургъ и что его малороссійское имѣніе отобрано, а вмѣсто него подарено другое помѣстье въ Литвѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ еще около десяти лѣтъ „сажалъ свою капусту", въ сторонѣ отъ европейской общественной жизни, и только изрѣдка слышалъ глухіе раскаты того движенія, при зарожденіи котораго онъ когда то присутствовалъ.

М. Корелинъ.



ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЕРЪ [1].

II.

Воспоминанія прошлаго и надежды въ будущемъ. — Что легче для женщины: опутать многихъ или сдѣлать счастливымъ одного? — Обожатели платоническіе, эстетическіе и эротическіе. — Общественная жизнь въ Берлинѣ. — Типы почитателей: совѣтникъ Лудольфъ, критикъ Рельштабъ, романистъ Вилибальдъ; придворные, военные, писатели, актеры. — Августъ Вильгельмъ Шлегель. — Докторъ Бирхъ. — Драматургъ Раупахъ. — Юмористъ Сафиръ. — Скрипачъ Буше. — Паганини. — Скульпторъ Раухъ. — Голубой Эдуардъ. — Полковникъ Кенигъ и его матушка. — Графъ Самойловъ. — Любовь камердинера. — Генріета Зонтагъ. — Значеніе ея для искусства. — Памфлетъ Рельштаба. — Королевская благосклонность. — Графъ Росси. — Дипломатическая переписка между Петербургомъ и Туриномъ о пѣвицѣ-посланницѣ — Мужья знаменитостей. — Возвращеніе Зонтагъ на сцену. — Окончаніе музыкальной карьеры въ Мексикѣ. — Что остается отъ пѣвицы потомству? — Поѣздка Каролины Бауеръ въ Петербургъ. — Русскія таможни и чиновники. — Изобиліе князей. — Нѣмецко-петербургская труппа. — Принцъ Леопольдъ Кобургскій. — Интересный вдовецъ. — Признаніе въ любви въ первое свиданіе. — Двоюродный братецъ и наперсникъ. — Привязанность принцевъ. — Затруднительное положеніе. — Кандидатура на греческій престолъ. — Любовь и политика. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Первая встрѣча. — Анонимное письмо. — Голосъ сердца. — Разгадка женскаго чувства.

Жанъ Поль Рихтеръ сказалъ: „воспоминанія—единственный рай, изъ котораго насъ нельзя выгнать“. Это справедливо только для тѣхъ, кому дѣйствительно отрадно вспомнить о своемъ прошедшемъ. Но много ли такихъ людей на свѣтѣ? Если человѣкъ не доволенъ своимъ настоящимъ, онъ еще рѣже бываетъ доволенъ и прошедшимъ. Кому изъ насъ не приходилось сознаваться: если бы я могъ воротить прошлые годы, я бы не такъ провелъ ихъ. Когда старикъ отдаетъ предпочтеніе прежнему времени— онъ дѣлаетъ это потому, что чувствуетъ свою непригодность въ настоя-

[1]) Продолженіе. См. № 3 „Историческаго Вѣстника“.

щемъ. Раемъ воспоминанія являются только когда, въ данную минуту жизнь дѣлается адомъ, а это бываетъ, только въ эпохи реакціи, гоненій, господства обскурантизма. Но такія эпохи въ исторіи встрѣчаются все рѣже. Въ наше столѣтіе движеніе человѣчества на пути прогресса рѣдко замедляется, почти никогда не останавливается на продолжительное время, а возвращается назадъ только въ особенно-исключительныхъ случаяхъ, и въ нѣкоторыхъ, менѣе развитыхъ странахъ. Какъ вѣчному жиду, нашему вѣку шепчетъ таинственный голосъ: иди! иди!—и онъ идетъ, часто колеблясь, иногда не твердыми шагами, порою уклоняясь въ сторону отъ прямого пути, но все-таки идетъ, видя рай далеко впереди себя, но никакъ не позади. Преданьямъ старины, легендарному раю, блаженному состоянію давно минувшаго золотого вѣка не вѣритъ человѣкъ нашего времени, зная, что все это еще въ будущемъ. Въ прошломъ онъ видитъ ясно заблужденія, неосуществившіяся стремленія, несбывшіяся ожиданія. Изъ такого рая человѣкъ мыслящій, сознающій свои ошибки, понимающій, что попытки достигнуть цѣли еще не значатъ, чтобы мы были къ ней близки—самъ уйдетъ охотно, не ожидая, чтобы его прогнали оттуда, здравое пониманіе вещей и серьезное отношеніе къ нимъ. Здраво относится къ нимъ и Каролина Бауеръ, молодость которой мы разсказали по первому тому ея записокъ. Вышедшій лѣтомъ второй томъ этихъ мемуаровъ еще любопытнѣе, и если артистка выбрала къ нему, въ числѣ другихъ эпиграфовъ, и приведенную выше мысль Жанъ Поля, то сдѣлала это вѣроятно въ видѣ риторическаго украшенія, какихъ не мало въ ея запискахъ. Она любитъ рисоваться блестящими фразами, какъ это мы видимъ и въ первой части ея книги. Подробное изложеніе второго тома покажетъ намъ, что она сама вовсе не считаетъ раемъ время отъ 1824 по 1829 годъ, описанное въ этомъ томѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ интересенъ, какъ эпоха ея сценической славы и ея связи съ принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ. Мы передадимъ въ извлеченіи все, что есть замѣчательнаго въ этомъ томѣ, возбудившемъ много шума въ Германіи.

Книга начинается главою, носящею названіе „Разные почитатели“. Очевидно, что артистка только изъ скромности не употребила болѣе правильнаго выраженія „обожатели“. Эпиграфъ этой главы взятъ изъ Тигде и говоритъ что „легко опутать мужчинъ, но высшая цѣль: сдѣлать счастливымъ одного“. Мы увидимъ далѣе—осчастливила ли Каролина хоть того, кому хотѣла дать счастье. Почитателей своихъ она раздѣляетъ на добрыхъ друзей, эстетическихъ и влюбленныхъ, и рисуетъ портреты ихъ бойко, вѣрно, подмѣчая ихъ особенности и характеристическія черты. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ именъ, оставшихся въ литературѣ, искусствахъ, наукѣ, политической жизни. Мы остановимся только на болѣе выдающихся или почему либо замѣчательныхъ личностяхъ.

Общественная жизнь Берлина въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго

столѣтія была очень оживленна и весела. Недостатокъ публичной, политической жизни въ столицѣ замѣнялся удовольствіями въ частномъ и семейномъ кругу. И въ высшемъ и въ среднемъ сословіи почти всѣ знали другъ друга и, сходясь въ извѣстныхъ кружкахъ, веселились отъ души. На этихъ собраніяхъ господствовала простота и непритязательность. О нынѣшней роскоши не было и помина. Дамы являлись въ теченіи цѣлаго сезона въ одномъ и томъ же платьѣ, въ разные салоны, освѣщенные сальными свѣчами и, за простымъ березовымъ или сосновымъ столомъ, пили плохой чай съ тонкими бутербродами. Однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ, уютныхъ и элегантныхъ салоновъ былъ въ домѣ совѣтника юстиціи Лудольфа, страстнаго почитателя искусства, артистовъ и въ особенности артистокъ. Понятно, что при такомъ настроеніи онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ Каролины Бауеръ, а она—самою усердною посѣтительницею его дома, гдѣ не разъ играла въ домашнихъ спектакляхъ, на всѣхъ его балахъ. Объ одномъ изъ такихъ баловъ въ „зеркальной залѣ", гдѣ стѣны, двери и потолокъ были изъ зеркалъ, освѣщенныхъ тысячами восковыхъ свѣчей, Каролина говоритъ подробно, описывая наряды дамъ и свой собственный: изъ радужнаго газа съ гирляндами изъ бутоновъ розъ и буль-де-нежъ, съ такимъ же цвѣточнымъ уборомъ въ волосахъ. Совѣтникъ отъ удовольствія сіялъ ярче огней своего праздника, который ввелъ его въ неоплатные долги. Почти каждый день, изъ засѣданій суда, Лудольфъ приходилъ къ Каролинѣ, жившей съ матерью, играть въ четыре руки на фортепьяно, или болтать. Болтовня эта имѣла однако странный характеръ—для почитателя артистки. Онъ приносилъ ей всякій разъ статьи, написанныя противъ нее, пересчитывалъ лицъ, переставшихъ аплодировать ей въ театрѣ и обратившихся къ другимъ свѣтиламъ сцены. Этотъ поклонникъ театра и актрисъ кончилъ однако очень печально свою веселую жизнь. Разорившись окончательно, онъ утопился въ Рейнѣ. Это былъ не единственный берлинскій совѣтникъ юстиціи, погибшій изъ любви къ театру и театральнымъ богинямъ. Другой, подобный же почитатель актрисъ, растративъ ввѣренныя ему, какъ опекуну, сиротскія деньги, застрѣлился почти въ тоже время.

Въ домѣ Лудольфа Каролина познакомилась съ Лудвигомъ Рельштабомъ, однимъ изъ лучшихъ сценическихъ критиковъ, промѣнявшимъ саблю артилериста на перо драматурга и рецензента. Статьи его, преимущественно по части музыкальной критики, отличались правдивостью, но рѣзкостью тона. Даже хваля кого нибудь, онъ не могъ удержаться отъ сатирическихъ выходокъ. Каролина упросила его никогда не хвалить ее, и онъ вовсе не говорилъ объ ней въ своихъ рецензіяхъ. Чрезвычайно некрасивый собою, съ монгольскими чертами лица, кривымъ носомъ и объемистымъ животомъ, онъ былъ однако же увлекателенъ въ разговорѣ, блестѣвшемъ остроуміемъ. Тамъ же сошлась она съ писателемъ Вильгельмомъ Герингомъ, авторомъ многихъ рома-

новъ и стихотвореній, выходившихъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ подъ псевдонимомъ Вилибальда Алексиса. Въ это время онъ издалъ романъ „Валладморъ“, переведенный будто бы изъ Вальтеръ-Скотта. Въ сущности это была сатира на произведенія автора Веверлея, но Германія прочла ее, увѣренная въ томъ, что читаетъ знаменитаго шотландскаго романиста, пока онъ самъ не объявилъ, что это—„самая смѣлая мистификація нашего времени“. Это придало еще болѣе значенія Герингу; но Каролина Бауеръ жалуется на то, что въ бесѣдахъ съ нею онъ не высказывалъ никакого остроумія, а только вздыхалъ, устремляя на нее сквозь стекла своихъ очковъ меланхолическіе взгляды. Съ другимъ нѣмецкимъ писателемъ Клауреномъ поступилъ его собратъ Гауфъ еще нецеремоннѣе, издавъ въ 1825 году романъ: „Человѣкъ въ лунѣ, или стремленіе сердца есть голосъ судьбы“, сочиненіе г. Клаурена. Эта блестящая пародія, въ которой мастерски былъ переданъ надутый, слащавый слогъ Клаурена, заставила отъ души смѣяться читателей, но оскорбленный Клауренъ началъ процесъ противъ Гауфа и конечно выигралъ, что не помѣшало однако Гауфу преслѣдовать насмѣшками этого редактора официальной газеты и ожегоднаго альманаха „Незабудка“, приносившаго ему 6000 талеровъ дохода. Публика была на сторонѣ сатирика.

Много подобныхъ лицъ проходитъ въ воспоминаніяхъ Каролины. Всѣ они были, по ея словамъ, горячими поклонниками ея—не болѣе. Судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ была печальна. Такъ, изъ двухъ братьевъ Минутоли, старшій, гофмаршалъ герцога Мейнингенскаго, былъ застрѣленъ во время возстанія 1848 года, а младшій, отправившійся въ Персію прусскимъ посланникомъ, умеръ близь Тегерана, всѣми брошенный, въ грязномъ караван-сераѣ. Другіе достигли, впослѣдствіи, громкой извѣстности на разныхъ поприщахъ. Таковъ былъ поручикъ Цастровъ, писавшій нѣжные стихи Каролинѣ въ Шпенперовой газетѣ въ 1825 году, а въ 1866—1870 гг. прославившійся уже какъ генералъ на поляхъ Кениггреца, Шпихерена и Гравелота. И онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ близъ Берлина. Ухаживалъ за ней и извѣстный актеръ Лудвигъ Девріентъ, и Каролина сознается, что онъ „могъ бы ей быть опасенъ“, такъ какъ онъ являлся проходить съ нею страстныя роли. Но ее предостерегли друзья, объяснившіе ей, что онъ „былъ уже развалина, какъ человѣкъ, оттого что предавался пьянству и другимъ постыднымъ страстямъ и, кромѣ того, завязъ по уши въ долгахъ“. Каролина благоразумно отдалилась отъ него и онъ женился на танцоркѣ Брандесъ. Нужно ли говорить, что этотъ бракъ, основанный съ одной стороны на чувственности, съ другой на расчетѣ, былъ несчастливъ.

Каролина познакомилась и съ Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ, надоѣдавшимъ ей своимъ женскимъ тщеславіемъ и своими приторными комплиментами и пошлостями. „Это былъ вертлявый, разодѣтый, раздушеный маленькій человѣчекъ, въ бѣлокуромъ парикѣ съ локо-

нами, съ крашеными губами и щеками, въ нарядѣ приличномъ юношѣ, увѣшанный орденами на разноцвѣтныхъ лентахъ, съ брилліантами на пухлыхъ пальцахъ, постоянно вертѣвшихъ золотую табакерку съ портретомъ г-жи Сталь въ тюрбанѣ и съ зеркальцомъ на внутренней крышкѣ"... Можно ли было повѣрить, что этотъ шестидесятилѣтній, молодившійся франтъ воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ свою первую любовь, Фредерику Бетманъ, такъ долго былъ соединенъ такою нѣжною дружбою съ знаменитою изгнанницею, г-жею Сталь, и такъ вѣрно и поэтически перевелъ всего Шекспира. „Узнавъ его, говоритъ Каролина, я повѣрила анекдоту, который мнѣ разсказывали незадолго до встрѣчи съ писателемъ. Однажды, встрѣтивъ маленькую хорошенькую дѣвочку, онъ обнялъ ее и сказалъ: „Милое дитя, не забывай никогда этой священной минуты, когда тебя поцѣловалъ Августъ Вильгельмъ Шлегель". Въ этой фразѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ сонетъ, который написалъ къ самому себѣ этотъ даровитый, но непомѣрно самолюбивый поэтъ. Вотъ этотъ сонетъ въ дословномъ переводѣ:

„Знатокъ съ молодыхъ лѣтъ народныхъ обычаевъ, многихъ иноземныхъ государствъ и ихъ языковъ, соединившій цѣпью знанія то, что произвели древнія времена и новыя; постоянно пишущій стихи стоя, на ходу, бодрствуя и ложась въ постель, въ путешествіи, какъ подъ кровомъ отеческихъ пенатовъ; побѣдитель и образецъ всѣхъ, кто былъ и кто живетъ теперь, мастеръ писать сонеты; первый, кто осмѣлился на нѣмецкой землѣ бороться съ геніемъ Шекспира и Данте; въ одно время творецъ и образецъ правилъ,—неизвѣстно, какъ его назовутъ уста будущности, но это поколѣніе знаетъ его подъ именемъ Августа Вильгельма Шлегеля".

Врядъ ли какой нибудь писатель доходилъ до такого колоссальнаго самообожанія, какъ этотъ старикъ, потрясавшій своимъ бѣлокурымъ парикомъ, и говорившій Каролинѣ небрежнымъ тономъ: „удивительно какъ быстро растутъ мои волосы, опять придется скоро стричь ихъ!" Нельзя было не смѣяться надъ этимъ ребяческимъ фатовствомъ, но Берлинъ смѣялся надъ Шлегелемъ даже и тогда, когда онъ въ 1827 году читалъ публичныя лекціи объ искусствѣ.

Голубоглазый шведъ, докторъ Христіанъ Бирхъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на Каролину—болѣе всего своею несчастною судьбою. Женившись на подругѣ Каролины, актрисѣ Пфейферъ, онъ долженъ былъ, вслѣдствіе этого брака, оставить свою дипломатическую карьеру и, разойдясь съ женою, жилъ только пособіями своихъ друзей. Только когда онъ ослѣпъ и сдѣлался совершенно безпомощенъ, жена взяла его къ себѣ и онъ умеръ вскорѣ въ ея домѣ. На драматической сценѣ Берлина господствовалъ тогда Эрнстъ Раупахъ. Лучшія трагедіи и драмы той эпохи принадлежатъ ему, но въ нихъ не было ролей для Каролины, чѣмъ она очень огорчалась. Некрасивый собою, грубый въ обращеніи, испытавшій много горя въ жизни, Раупахъ

имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ, поставивъ въ то время драмы: „Эфесская матрона“, „Зимняя ночь“, „Князья Хованскіе“. Послѣднюю пьесу написалъ онъ бывши учителемъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Получивъ каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, онъ женился на гувернанткѣ швейцаркѣ, которая умерла черезъ годъ послѣ свадьбы. Раупахъ сдѣлался совершеннымъ мизантропомъ, не могъ жить въ Петербургѣ и уѣхалъ въ Италію, откуда писалъ письма, полныя сатиры и юмора. Оставивъ Италію, онъ думалъ поселиться въ Веймарѣ, но, холодно принятый Гёте, отправился въ Берлинъ, гдѣ его трагедія „Изидоръ и Ольга“, данная въ 1825 году, имѣла огромный успѣхъ. Сюжетъ ея, взятый изъ русской жизни, заключаетъ въ себѣ горячій протестъ противъ крѣпостного состоянія, съ которымъ поэтъ имѣлъ возможность познакомиться на мѣстѣ. Девріентъ исполнялъ художнически въ этой пьесѣ роль Осипа, принужденнаго исполнять роль шута у своего барина и оплакивающаго смерть своей жены, Аксиньи, которая готовилась принести ему ребенка. „Благодаря Бога, она взяла его съ собою въ гробъ—говоритъ онъ старому Ѳедору: чтожъ! однимъ крѣпостнымъ меньше!“

Роли въ своихъ піесахъ раздавалъ, какъ и слѣдуетъ, самъ авторъ, а не режисеръ, и Каролина, въ разговорѣ съ Раупахомъ, высказала ему однажды, что онъ очень пристрастенъ, пишетъ благодарныя роли для старыхъ актрисъ, а молодымъ не даетъ хода. Тогда онъ далъ ей первыя роли въ своихъ комедіяхъ „Отецъ и дочь“, „Рыцарское слово“ и „Роялисты“. Кончилось тѣмъ, что драматургъ, проходя съ своей ученицей эти роли, сдѣлалъ ей, въ апрѣлѣ 1829 года, косвенное предложеніе—замѣнить ему его покойную жену, схороненную на берегахъ Невы. „Я бы охотно согласилась раздѣлить съ нимъ его судьбу, говоритъ Каролина, если бы не была уже связана другимъ обѣтомъ. Въ маѣ этого же года я уже была въ Лондонѣ“.

Раупахъ написалъ для сцены, большею частью берлинской—117 пьесъ, 19-ю больше, чѣмъ Коцебу. Между ними изъ жизни Гогенштауфеновъ — 14 драмъ, которыми директоръ театра, графъ Редернъ, по королевскому приказанію, угостилъ въ 1837 году терпѣливыхъ берлинцевъ—въ хронологическомъ порядкѣ. Драматургъ получалъ по сорока талеровъ за каждый актъ своей пьесы въ прозѣ и по 50 талеровъ въ стихахъ. Вознагражденіе не блистательное! Когда критика, не смѣвшая громко выражать своего неудовольствія, стала косвенно роптать за этихъ безконечныхъ Гогенштауфеновъ, Раупахъ, чтобы показать, что онъ не придворный поэтъ и что пьесы его имѣютъ успѣхъ не потому только, что имъ покровительствуетъ дворъ и театральная дирекція, написалъ, подъ псевдонимомъ Лейтнера, мѣщанскую драму „Сестры“. Она также была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ. Но въ 1840 году его пьеса „1740 годъ“ такъ торжественно провалилась, что писатель навсегда бросилъ перо. Дворъ не переставалъ, однако, ласкать его. Онъ читалъ лекціи исторіи прус-

скимъ принцамъ и принцесамъ; на литературныхъ вечерахъ короля Фридриха Вильгельма IV мѣсто Раупаха было подлѣ Александра Гумбольдта. Въ 1848 году поэтъ, не смотря на свои 62 года, женился на актрисѣ Паулинѣ Вернеръ — и помолодѣлъ въ этомъ бракѣ. Она также писала для сцены и Раупахъ умеръ въ 1852 году на ея рукахъ, примирившись съ жизнью. Воспоминанія о немъ Каролина оканчиваетъ сожалѣніемъ, что отвергла его любовь.

Мѣсто Раупаха на берлинской сценѣ занялъ Тёпферъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своею пьесою „Германъ и Доротея", заимствованною изъ идиліи Гёте. Послѣ его піесы „Герцогскій приказъ", игранной въ Потсдамѣ въ присутствіи короля Фридриха Вильгельма IV, Каролина тайно, ночью, уѣхала въ почтовой каретѣ по дорогѣ въ Англію. Комедіи Тёпфера, умершаго въ 1871 году, „Лучшій тонъ" и „Розенмюллеръ и Финке" до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ эту же эпоху явился въ Берлинѣ юмористъ Сафиръ, высланный изъ Вѣны за свои остроты, по приказанію Метерниха. Странную фамилію наслѣдовалъ писатель отъ своего дѣда, венгерскаго еврея, котораго звали Израиль. Когда Іосифъ II приказалъ, чтобы всѣ евреи, называвшіеся только по именамъ, выбрали себѣ и фамиліи, Израиль, призванный для этой цѣли къ судьѣ, не могъ придумать, какъ бы назвать себя. „Я вижу у тебя на пальцѣ кольцо съ сафиромъ, сказалъ судья: называйся же поэтому Сафиромъ". Молодой еврей принесъ въ Шпеннерову газету свою первую театральную критику и спросилъ: можетъ ли она быть напечатана. Секретарь редакціи сосчиталъ флегматически строки и сказалъ: „восемь талеровъ и пятнадцать зильбергрошей". Сафиръ заплатилъ улыбаясь, хотя у него было всего за душой тринадцать талеровъ. Статья понравилась и онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ театральнымъ критикомъ. Когда онъ началъ издавать свою газету: „Легкая почта", она нарушила спокойную, охраняемую строжайшею цензурою жизнь берлинцевъ; но въ газетѣ было столько остроты и веселости, что они читали ее на расхватъ. Самъ серьезный Фридрихъ Вильгельмъ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ читателей „Летучей почты" и каждое утро вставая спрашивалъ эту газету, такъ что Сафиръ долженъ былъ выпускать ее часомъ раньше, къ самому пробужденію короля. По утрамъ являлся въ типографію королевскій лакей, ожидая пока первый нумеръ на веленевой бумагѣ будетъ отпечатанъ для представленія его величеству. По высочайшему повелѣнію приказано было цензурѣ быть не такъ строгой къ юмористическому изданію, какъ впослѣдствіи къ „Кладдерадачу". Король не позволялъ ни малѣйшихъ нападокъ только на свою любимицу, Генріету Зонтагъ. Но Сафиръ и тутъ не унимался. Однажды онъ напечаталъ стихотвореніе, наполненное преувеличенными похвалами знаменитой пѣвицѣ. Зонтагъ, удивленная, что врагъ ея и всѣхъ талантовъ, отзывается объ ней такъ восторженно, написала ему благодарственное письмо. Сафиръ напечаталъ его съ замѣткою, что стихо-

твореніе его—акростихъ. Бросились читать начальныя буквы стиховъ— вышла „чудовищная иронія". Въ другой разъ, когда пѣвицу осыпали цвѣтами и стихами на сценѣ, а Карлъ Гольтей разбросалъ по залѣ и сценѣ шесть различныхъ стихотвореній, напечатанныхъ на разноцвѣтныхъ шелковыхъ лентахъ, Сафиръ тоже бросилъ на сцену пьесу въ томъ же восторженномъ тонѣ, въ которой сравнивалъ Зонтагъ съ одной хористкой, пользовавшейся дурною репутаціей. На критика возстали всѣ драматурги и любители искусства въ Берлинѣ. Еще годъ издавалъ онъ свою газету, но за насмѣшку надъ Ниной Зонтагъ, сестрой Генріеты, на него возстала и полиція. Сафиръ бѣжалъ въ Мюнхенъ, гдѣ король Людвигъ сначала принялъ его благосклонно, но писатель вскорѣ принужденъ былъ покинуть и Баварію. Въ Парижѣ онъ сошелся съ Гейне и Берне, потомъ перешелъ въ протестантство, въ 1834 году вернулся въ Вѣну, гдѣ издавалъ своихъ „Юмористовъ", женился, не смотря на свое безобразіе и умеръ въ 1858 году, послѣ мучительной болѣзни. Передъ смертью онъ послалъ въ газату „Fremdenblatt" написанную имъ эпитафію къ самому себѣ, объявивъ, что не требуетъ за нее гонорара, но проситъ, когда придется напечатать эпитафію, отправить ему одинъ даровой нумеръ газеты на небо—до востребованія; poste restante.

Мы привели только самые замѣчательные характеристики писателей, съ которыми была близка Каролина. Онѣ пересыпаны выдержками изъ ихъ статей, письмами, критическими отзывами объ ихъ произведеніяхъ, стихами. Все это представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нѣмецкой литературы, хотя, конечно, автору нельзя вѣрить вполнѣ и ко многимъ изъ ея сужденій слѣдуетъ относиться осторожно. Женское пристрастіе часто сквозитъ въ литературной оцѣнкѣ. Но недостатки писателей, ихъ смѣшныя черты, закулисная сторона ихъ жизни подмѣчены и переданы вѣрно, съ замѣчательнымъ юморомъ. Также любопытны и ея очерки музыкальнаго Берлина. Мы остановимся только на немногихъ личностяхъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Берлинъ столько же интересовался скрипачемъ Буше, какъ нѣсколько лѣтъ спустя—Паганини. Придворный виртуозъ испанскаго короля называлъ себя „Сократомъ скрипачей". Въ Буше поражало, прежде всего его необыкновенное сходство съ Наполеономъ, и онъ любилъ принимать позы, въ которыхъ живописцы изображали императора при Маренго, Аустерлицѣ, Ватерлоо. Игра его на скрипкѣ была дѣйствительно, замѣчательная, но онъ былъ все-таки скорѣе штукарь, чѣмъ артистъ, позволяя себѣ иногда играть на скрипкѣ, держа ея на головѣ, или за спиною. Онъ прибѣгалъ также нерѣдко къ расчитаннымъ выходкамъ, чтобы произвести эфектъ. Такъ, однажды, играя, въ благотворительномъ концертѣ вмѣстѣ съ Веберомъ пьесу, написанную для скрипки и фортепіано, онъ, во время соло, началъ фантазировать на мотивы Веберовскаго „Фрейшюца" и потомъ, швырнувъ скрипку, бросился обнимать композитора, что, ко-

нечно, возбудило восторгъ публики. Однажды, встрѣтивъ въ Тиргартенѣ слѣпого нищаго скрипача, на котораго не обращалъ вниманія никто изъ прогуливавшихся, онъ высыпалъ въ его шляпу, стоявшую на землѣ, свой кошелекъ и, взявъ изъ рукъ нищаго скрипку, игралъ на ней, при огромномъ наплывѣ публики, до тѣхъ поръ, пока шляпа не наполнилась бросаемыми въ нее монетами. Понятно, что концертъ, назначенный имъ на другой день послѣ такого подвига, далъ совершенно полный сборъ. Конецъ Буше былъ также очень грустный. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ парижскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе:

„Старикъ, лишенный рѣшительно всего, проситъ благородныхъ людей купить его послѣднее достояніе—скрипку. Буше, бывшій скрипачъ испанскаго короля“.

Вскорѣ послѣ этого артистъ, бросавшій золото горстями, умеръ отъ бѣдности и лишеній.

Другую скрипичную знаменитость, Николо Паганини, Каролина знала близко. Зимою 1829 года пріѣхалъ онъ первый разъ въ Берлинъ. Ему предшествовали, какъ и вездѣ, фантастическіе разсказы о его удивительномъ талантѣ, о томъ, что въ скрипкѣ его заключена душа убитой имъ жены, или ея обожателя. За это убійство онъ былъ осужденъ на шестилѣтнее заключеніе въ темной подземной тюрьмѣ Генуи. Въ утѣшенье ему оставили скрипку, на которой онъ и игралъ цѣлые дни, достигнувъ, такимъ образомъ, высшаго совершенства на этомъ инструментѣ. Но въ сырой темницѣ одна струна скрипки лопалась за другою,—осталась одна—G, изъ которой онъ и научился извлекать такіе изумительные звуки. Берлинъ пересталъ посѣщать театры и бросился въ концертную залу слушать неподражаемаго артиста. Каролинѣ Бауеръ съ ея товарищами приходилось играть почти въ пустой залѣ. У опернаго режисера встрѣтила Каролина длиннаго, безобразнаго итальянца, до того худощаваго, что платье на немъ качалось, какъ на вѣшалкѣ. Лицо было какъ у муміи обтянуто темной кожей; впалыя щеки; въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ сверкалъ какой-то дикій, черный огонь; густыя, черныя пряди волосъ обрамливали эту мертвую голову. Подлѣ этого страннаго существа была кормилица съ хорошенькимъ ребенкомъ на рукахъ. Каролина поцѣловала его розовыя щечки, на которыя падали темные локоны. Паганини схватилъ ея руку, не граціозно поднесъ ее къ своимъ губамъ, и проговорилъ ломаннымъ языкомъ:

— Не правда ли? это прекрасный, невинный ангелъ. Какой милый ротикъ, какая кроткая улыбка, какое завидное спокойствіе! Этотъ ребенокъ—все мое счастье, радость и утѣшеніе моей бѣдной жизни, мой единственный сынъ Ахиллъ.

Это былъ дѣйствительно сынъ Паганини и пѣвицы Антоніи Біанки, бросившей своего ребенка, потому что она не могла выносить жизни съ его отцомъ.

Объ игрѣ Паганини, Каролина отзывается самымъ восторженнымъ образомъ, хотя и трудно по ея фразамъ составить себѣ понятіе о томъ, въ чемъ же состояла особенность его таланта: „Онъ игралъ, то какъ ангелъ, то какъ демонъ; никогда — какъ человѣкъ. Такихъ звуковъ никто до него не извлекалъ изъ скрипки. Это были даже вовсе не звуки инструмента; они гремѣли какъ перекаты бури, какъ ропотъ моря, какъ призывъ трубы, какъ громъ сраженій, какъ звонъ колоколовъ и щебетанье птицъ, какъ человѣческія муки и отчаяніе, какъ стоны и вздохи, какъ плачъ и рыданія". Все это только сравненія, но не объясненія. Онъ заставлялъ публику плакать въ задушевныхъ адажіо и смѣяться въ фокусахъ „Венеціанскаго Карнавала". Его хроматическія гаммы, флажолетные пасажи, пиццикато, акорды на всѣхъ четырехъ струнахъ, переходы октавами на струнѣ G приводили въ тупикъ виртуозовъ, не слыхавшихъ никогда ничего подобнаго. Каролина приводитъ мнѣнія о Поганини музыкальныхъ критиковъ: Рельштаба, Цельтера, Фарнгагена и др., одинаково восхищавшихся артистомъ и разсказываетъ его исторію, въ которой, и безъ всякихъ убійствъ и темницъ, было не мало романтическаго элемента. Отецъ его, бѣдный торговецъ, рано подмѣтилъ музыкальныя способности въ ребенкѣ и заставлялъ его играть день и ночь, чтобы достигнуть совершенства. Ребенкомъ онъ уже давалъ концерты, обогащавшіе разсчетливаго отца, но разстроивавшіе здоровье маленькаго виртуоза. Юношей онъ еще больше разстроилъ его, когда, послѣ смерти отца, бросился съ жадностью на всѣ удовольствія и излишества. Принцеса Элиза Бачіоки, получившая отъ своего брата Наполеона, во владѣніе княжество Лукка-Піомбино сдѣлала двадцатилѣтняго артиста своимъ придворнымъ музыкантомъ и капитаномъ своей гвардіи, но не могла долго слушать его и всегда оставляла концертную залу, когда онъ начиналъ играть — такъ дѣйствовала на нее эта музыка. Молодой виртуозъ влюбился въ одну придворную даму, также полюбившую его за талантъ; но оба они должны были скрывать свою страсть, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ принцесы. Влюбленный Паганини хотѣлъ однакоже въ музыкѣ выразить свое чувство и написалъ, въ честь дамы своего сердца, пьесу, названную имъ „Любовная сцена", исполненную при всемъ дворѣ— на двухъ струнахъ G и квинтѣ: послѣдняя изображала сдержанныя чувства молодой женщины, первая—страстные порывы ея обожателя. Пьеса передавала нѣжную бесѣду любовниковъ, вспышки ревности, гармоническія жалобы, нѣжный лепетъ страсти, выраженія гнѣва и радости, печали и счастія, и оканчивалась сліяніемъ въ восторженные акорды обѣихъ струнъ. Послѣ этой-то пьесы, принятой съ восторгомъ блестящей аудиторіей, принцеса Элиза сказала артисту:

— Вы дѣлаете невозможное изъ вашего инструмента. Я убѣждена, что вы изъ одной струны извлечете такіе же полные, гармоническіе аккорды.

Артистъ обѣщалъ исполнить желаніе принцесы и написалъ великолѣпную пьесу, подъ названіемъ „Наполеонъ“ для струны G.

Въ Берлинѣ Паганини велъ туже странную жизнь, какъ и вездѣ: цѣлый день лежа на диванѣ, въ состояніи изнеможенія, за обѣдомъ наѣдаясь до отягощенія полусырымъ мясомъ, вечеромъ — если не давалъ концертъ—сидя за карточнымъ столомъ. Скупость его была также феноменальна, какъ и талантъ. Онъ умеръ въ 1840 году, въ страшныхъ мученіяхъ, въ Ниццѣ. Духовенство не хотѣло хоронить его, потому что онъ отказался причаститься передъ смертью. Сынъ увезъ гробъ отца въ его виллу близъ Генуи, но и тамъ епископъ не разрѣшилъ предать трупъ землѣ, и гробъ простоялъ пять лѣтъ въ склепѣ, безъ обряда христіанскаго погребенія. Наконецъ, сынъ умилостивилъ церковь богатыми вкладами, и въ 1845 году совершились въ Пармѣ великолѣпные похороны артиста.

О Мендельсонѣ и Мейерберѣ Каролина не говоритъ ничего новаго и подтверждаетъ только, что Мендельсонъ пересталъ писать оперы потому, что первыя произведенія его въ этомъ родѣ не имѣли успѣха. Что же касается до семейства Бера, то артистка была гораздо больше расположена къ Михаилу Беру, автору трагедій „Парія“ и „Струэнзе“, чѣмъ къ брату его, Якову, наслѣднику богатаго Мейера Бера, имя котораго композиторъ присоединилъ къ своей фамиліи, превративъ и Якова въ Джіакомо.

Изъ жизни скульптора Рауха Каролина приводитъ слѣдующую любопытную черту. Когда онъ былъ уже въ славѣ, король послалъ за нимъ однажды изъ Шарлотенбурга въ Берлинъ своего министра и обер-камергера князя Витгенштейна. Художникъ, сидя подлѣ министра въ придворной каретѣ, задумался и не говорилъ ни слова. Князь спросилъ его о причинѣ задумчивости.

— Я думаю о томъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ художникъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, я ѣхалъ въ первый разъ съ вами, тоже въ Шарлотенбургъ, по приказанію покойной королевы Луизы. Только тогда ваша свѣтлость сидѣли въ каретѣ, а я стоялъ на запяткахъ.

Знаменитый скульпторъ въ молодости былъ дѣйствительно лакеемъ королевы Луизы, и нисколько не стыдился этого.

Глава о почитателяхъ Каролины оканчивается характеристикой двухъ ея обожателей: молодого бѣдняка, прозваннаго „голубымъ Эдуардомъ“, и стараго богача, полковника Кенига, дававшаго въ своей роскошной виллѣ блистательные пиры предмету своего обожанія. Эдуардъ получилъ свое прозваніе оттого, что захворалъ еще въ дѣтствѣ падучей болѣзнью и подвергся такому леченью, послѣ котораго все тѣло его, даже бѣлки глазъ, окрасилось въ блѣдно голубой цвѣтъ, не замѣтный по вечерамъ при огнѣ и искуственномъ свѣтѣ, но придававшій днемъ лицу бѣдняка страшный, могильный оттѣнокъ. Это заставляло его скрываться отъ солнечнаго свѣта и показываться только ночью. Въ 1829 году Эдуардъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ какой-то док-

торъ обѣщалъ возвратить ему прежній цвѣтъ кожи. Бѣднякъ уѣзжалъ въ полной надеждѣ, что Каролина сжалится надъ его страстью, когда онъ вернется, вполнѣ изцѣленный и здоровый. И онъ дѣйствительно вылечился, но вернувшись въ Берлинъ, не нашелъ уже тамъ предмета своей страсти. Она скрылась внезапно и таинственно, никто не зналъ—куда. Бѣднякъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ и не встрѣтясь съ нею.

Исторія другого, обожателя семидесяти-семи лѣтняго полковника, довольно трогательна. Онъ давалъ роскошные обѣды танцоркамъ и пѣвицамъ, одѣвался по модѣ первыхъ годовъ столѣтія, носилъ косу, ходилъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, выражался изъисканнымъ слогомъ, страдалъ одышкою и жаловался на недостатокъ памяти. Старинный домъ его былъ настоящимъ кабинетомъ рѣдкостей, наполненнымъ дорогими картинами, статуями, вазами, роскошною мебелью. Въ столовой висѣлъ длинный рядъ фамильныхъ портретовъ, между которыми выдавалась фигура женщины въ высокой напудренной прическѣ, съ сжатыми губами, съ злымъ выраженіемъ въ худощавомъ лицѣ и въ большихъ сѣрыхъ глазахъ. Это была мать полковника, про которую, сидя за обѣдомъ, онъ разсказывалъ слѣдующее:

— Вы видите портретъ этой суровой женщины? Въ ея холодномъ, безжалостномъ взглядѣ вся исторія моей молодости. Несчастіе всей моей жизни въ томъ, что я не могъ любить свою мать. Сердце ея было убито дворянскою спѣсью, этикетомъ, свѣтскими пересудами. Она хотѣла убить и во мнѣ всякое чувство. Безъ ея позволенія я не смѣлъ подойти къ ней, поговорить съ ней, взглянуть на нее. Я могъ только бесѣдовать съ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, Гансомъ, сыномъ, нашего управляющаго, да и то тайкомъ, прячась отъ моей матери. Какъ завидовалъ я, когда мать Ганса цѣловала своего сына, прижимала къ груди... Я никогда не испыталъ, что такое ласка матери, не слышалъ отъ нея ни одного добраго слова. Она только давала мнѣ цѣловать свою руку по утрамъ, на сонъ грядущій, да послѣ обѣда. Если гувернеръ мой свидѣтельствовалъ, что я хорошо учился, и велъ себя тихо и смирно все время—мнѣ давали нѣсколько конфектъ, которыя я спѣшилъ раздѣлить съ моей собакой. Я очень любилъ ее, но бѣда, еслибы мать моя узнала объ этомъ. Такъ я росъ, какъ цвѣтокъ безъ солнца, слабымъ, молчаливымъ, безпамятнымъ ребенкомъ. Мать называла меня злымъ, упрямымъ, лѣнивымъ. Она узнала, что я очень привязанъ къ Гансу и къ моей собакѣ и вздумала вылѣчить меня отъ этой неприличной привязанности. Разъ, она велѣла позвать меня въ садъ, и тамъ, передъ павильономъ, лакеи, на терасу привели Ганса и тутъ же, на моихъ глазахъ, высѣкли его до крови за то, чтобы онъ „отучился фамильярничать съ бариномъ“, какъ говорила мать моя. Я плакалъ и просилъ за него прощенія. Мать смѣялась и, послѣ экзекуціи, велѣла сослать Ганса въ дальнюю деревню. Но этимъ еще

не кончилась моя пытка... Притащили мою бѣдную собаку и повѣсили на деревѣ. Я не выдержалъ и бросился къ мучителямъ, но мать приказала держать меня. Я не могъ даже зажать ушей, чтобы не слышать визга бѣдной собаки, и могъ только закрыть глаза, чтобы не видѣть ея предсмертныхъ судорогъ. Способъ отучить меня отъ всякой привязанности—подѣйствовалъ. Съ этого дня я сталъ ненавидѣть свою мать, ненавидѣлъ до ея смерти, ненавижу и теперь. Но это неестественное чувство убило во мнѣ всѣ жизненныя силы. Я скоро сдѣлался пустымъ, причудливыхъ старикомъ".

Разсказъ этотъ сильно подѣйствовалъ на Каролину. Она нѣсколько разъ посѣщала чудака, но онъ вскорѣ умеръ, оставивъ завѣщаніе, въ которомъ половину своего имѣнія завѣщалъ танцоркѣ Гоге, за то—какъ буквально сказано въ завѣщаніи — что она умѣетъ удивительно цѣловаться.

Въ особой главѣ описываетъ Каролина свою исторію съ графомъ Самойловымъ. Подъ этимъ именемъ былъ ей представленъ на одномъ балу молодой, красивый петербуржецъ, много съ ней танцовавшій. Онъ очень понравился ей своею элегантною развязностью. Объ немъ разсказывали, что онъ замѣшанъ былъ въ заговорѣ, обнаружившимся при восшествіи на престолъ Николая I и потому долженъ былъ оставить Россію. Но семейство его, имѣвшее связи при дворѣ ждало только, чтобы воспоминаніе о бунтѣ забылось немного—и тогда графъ могъ бы вернуться въ Петербургъ. Получивъ доступъ въ домъ Каролины, русскій графъ вскорѣ же признался ей, что страстно любитъ ее. Она не прочь была сдѣлаться графинею Самойловою и, вмѣсто добыванія средствъ къ жизни на театральныхъ подмосткахъ, обладать обширными помѣстьями и тысячами крестьянъ, о которыхъ небрежно отзывался графъ, жившій въ Берлинѣ на широкую ногу и разъѣзжавшій въ богатыхъ экипажахъ. Мать Каролины была очень довольна такимъ союзомъ. Графъ укрѣпилъ за своей будущей женою доходъ въ шесть тысячъ талеровъ и разрѣшилъ ей не оставлять сцену. Мать потребовала однако согласія родителей графа на этотъ бракъ, и графъ принесъ вскорѣ письмо отъ отца. Старикъ писалъ, что съ радостью даетъ свое благословеніе, самъ думаетъ скоро пріѣхать въ Берлинъ и привезти сыну разрѣшеніе вернуться въ Россію. Тогда Каролина была офиціально объявлена невѣстой графа Александра Самойлова. Ей всѣ завидовали, поздравляли ее; онъ привозилъ ей хорошенькіе, хотя и не блестящіе подарки. Вдругъ, въ одно утро, въ комнату Каролины почти ворвался графъ Гольцъ, другъ жениха и объявилъ, безъ всякихъ подготовленій и предисловій:

— Графъ Самойловъ—мошенникъ! Сейчасъ его взяли подъ стражу. Онъ вовсе не графъ и не Самойловъ. Онъ обманулъ русское посольство на большія суммы, одного петербургскаго фабриканта, пріѣхавшаго въ Берлинъ—на тысячу талеровъ. Всѣ его бумаги подложныя. Какое несчастіе для васъ!

Каролина начала оплакивать свою судьбу. Тотчасъ явились утѣшители. Король прислалъ сказать, что она можетъ нѣкоторое время не являться на сценѣ; но по совѣту друзей, чтобы не дать пищи злымъ языкамъ и не радовать враговъ, она играла на другой же день такъ спокойно, какъ будто никогда не знала никакого графа Самойлова. „Это я могла сдѣлать потому, прибавляетъ она, что сердце мое нисколько не было затронуто въ этой исторіи". Въ этотъ же вечеръ на сцену пришелъ самъ король и сказалъ ей своими обычными отрывистыми фразами:

— Бѣдняжка! Не стоитъ огорчаться. Досадно, очень досадно. Mauvais sujet. Бѣглецъ какой-то. Осудятъ его.

Берлинъ выказалъ участіе своей любимицѣ, осыпалъ ее приглашеніями на вечера и праздники. Всѣ стремились развлечь ее и доказать, что она нисколько не потеряла ни въ чьихъ глазахъ отъ этой исторіи. Но враги ея были очень довольны. Она получила нѣсколько наглыхъ анонимныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что „театральная принцеса вѣроятно для того защищала свою добродѣтель отъ прусскаго принца, чтобы пожертвовать ею—камердинеру".

Самозванецъ, дѣйствительно выѣхалъ изъ Россіи съ однимъ знатнымъ семействомъ, въ качествѣ лакея, но былъ вскорѣ же прогнанъ за какую-то кражу и съ тѣхъ поръ странствовалъ довольно долгое время по Европѣ, живя обманами и называясь громкими именами. Онъ былъ родомъ изъ Риги; настоящая фамилія его была—Гриммъ. На допросѣ въ Берлинѣ онъ держалъ себя очень хорошо по отношенію къ Каролинѣ Бауеръ, и ни однимъ словомъ ни обвинилъ ее. Обманъ свой онъ объяснялъ—страстною любовью къ ней. Онъ былъ присужденъ къ шестилѣтнему заключенію въ крѣпость Шпандау и оттуда писалъ Каролинѣ, прося у нея прощенія. Она не отвѣчала ему. Выпущенный на свободу, онъ продолжалъ вести жизнь авантюриста, попался опять въ какомъ то мошенничествѣ и умеръ въ Мюнхенской тюрьмѣ. Издатель записокъ Каролины Бауеръ, приводитъ довольно длинный разсказъ профессора Эрдмана о своемъ знакомствѣ съ лже-Самойловымъ, но разсказъ этотъ почти ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ самозванца, кромѣ того, что онъ носилъ еще фамилію Кракау, былъ очень мало образованъ и типъ лица его былъ еврейскій.

Отдѣльная глава посвящена также подробной исторіи великой музыкальной знаменитости—Генріетѣ Зонтагъ. Историки театра и музыки найдутъ въ этой главѣ полную біографію пѣвицы, со всѣми отзывами объ ней лучшихъ критиковъ. Начало ея музыкальной карьеры было не блестящее. Критика отзывалась объ ней снисходительно—не болѣе. Только два великихъ композитора, Бетговенъ и Веберъ угадали еще въ 1823 году будущее значеніе Зонтагъ. Въ Берлинъ явилась она въ 1825 году, пріобрѣтя уже извѣстность на вѣнской и другихъ австрійскихъ сценахъ, въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ. Берлинцы сходили съ ума отъ восторга, услышавъ ее въ „Италь-

янкѣ въ Алжирѣ". Весь городъ только и бредилъ ею. Описывая ея пѣніе, Каролина впадаетъ въ тотъ же восторженный тонъ, какъ при воспоминаніи о Паганини, хотя сама сознается, что голосъ пѣвицы не былъ ни силенъ, ни полонъ, но отличался только изумительною чистотою и серебристымъ звукомъ, особенно въ среднихъ нотахъ; трели она выдѣлывала мастерски; особенно очаровательно выходило у нее sotto voce. „Она не кривила ротъ въ трудныхъ пасажахъ, какъ Каталани" и была въ высшей степени привлекательна и граціозна. Серьезные критики находили однако, что она не величайшая, но милѣйшая пѣвица нашего времени. Изумительная отчетливость исполненія, но ни души, ни чувства, ни увлеченія. (Пишущій эти строки слышалъ знаменитую пѣвицу еще 18-ти лѣтнимъ юношей—и вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе). Это былъ первообразъ Патти, но Патти—маркизы, еще не согрѣтой страстнымъ чувствомъ къ своему тенору. Сверхъ того Патти на столько выше своей предшественницы, на сколько искусство пѣнія сдѣлало успѣховъ съ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ. Но въ ту эпоху это была дѣйствительно феноменальная пѣвица, какъ въ наше — Патти, и Берлинъ имѣлъ полное основаніе восторгаться ею. До октября 1827 года онъ прослушалъ ее 211 разъ въ 17-ти разныхъ операхъ и, въ томъ числѣ 42 раза въ „Итальянкѣ въ Алжирѣ".

Каролина близко сошлась съ Генріетой Зонтагъ и ея матерью, что помогло ей узнать, прежде всего, настоящій годъ рожденія пѣвицы—1806 (біографы относятъ ея рожденіе къ 1803 и 180 4) и разныя обстоятельства ея дѣтства и первыхъ дебютовъ. Генріета была очень веселая дѣвушка, любила танцы, прогулки, шалости, верховую ѣзду, но болѣе всего любила—играть въ карты, и просиживала въ Берлинѣ всѣ вечера, когда не была занята на сценѣ, за вистомъ съ русскимъ посланникомъ, графомъ Алопеусомъ и другими поклонниками. Были у нея поклонники и еще выше поставленные. Каролина не называетъ главнаго изъ нихъ и только намекаетъ на то, что пѣвица пользовалась особымъ покровительствомъ во дворцѣ. Стоитъ только вспомнить судьбу бѣднаго Сафира, высланнаго изъ Берлина за безобидную насмѣшку надъ пѣвицею, чтобы понять, кто былъ ея защитникомъ. Слѣдующая исторія еще лучше доказываетъ, какъ ревностно отстраняли отъ нее малѣйшее неудовольствіе.

Въ 1826 году вышелъ въ Лейпцигѣ памфлетъ на Зонтагъ, подъ заглавіемъ „Генріета, хорошенькая пѣвица. Исторія нашихъ дней, Фреймунда — зрителя". Берлинъ пришелъ въ волненіе и искалъ повсюду дерзкаго автора, осмѣливавшагося оскорбить его любимицу. Генріета въ слезахъ бросилась во дворецъ къ своему высокому покровителю, прося его защиты. Король приказалъ тотчасъ же конфисковать книгу и запретить ее для всей Пруссіи. По экстрапочтѣ отправились въ Лейпцигъ и, захвативъ тамъ остальные экземпляры памфлета, торжественно сожгли ихъ. Книга сдѣлалать библіографи-

ческою рѣдкостью, но Берлинъ не переставалъ толковать о „святотатственномъ покушеніи“. Между тѣмъ, просматривая теперь этотъ памфлетъ, можно только улыбнуться, при видѣ его мягкости и безобидности. Наши политическія брошюры и журнальная полемика пріучила насъ не къ такимъ обличеніямъ, а наши знаменитости будутъ напротивъ очень довольны, если объ нихъ напишутъ одинадцать печатныхъ листовъ въ такомъ невинномъ тонѣ. О самой Зонтагъ памфлетистъ отзывается очень хорошо, хотя безъ нѣжностей и преувеличеній и посмѣивается только надъ ея обожателями, да и то нисколько не рѣзкимъ тономъ. Одно время считали авторомъ этого памфлета Сафира, хотя онъ совершенно справедливо замѣтилъ, что написалъ бы гораздо злѣе и острѣе. Не смотря на это, онъ получилъ, вслѣдствіе королевскаго приказа, формальное предписаніе не писать ни слова о Генріетѣ Зонтагъ. Потомъ приписали брошюру Карлу Гольтею, который написалъ ее будто бы въ отмщеніе за то, что пѣвица предпочла нѣмецкому поэту—англійскаго посланника Кланвильяма. Наконецъ убѣдились въ томъ, что памфлетистъ—Лудвигъ Рельштабъ. На него набросилась вся „воскресная гвардія“ (Sontag-Garde) страдавшая „воскресной лихорадкой“ (Sontag-Fieber). Лордъ Кланвильямъ началъ противъ него процесъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Критикъ былъ осужденъ въ двухъ инстанціяхъ, какъ „пасквилянтъ“ и заключенъ на три мѣсяца въ крѣпость Шпандау. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же Рельштабъ сдѣлался самъ горячимъ поклонникомъ Зонтагъ и расхваливалъ ее въ Фоссовой газетѣ.

Въ 1826 году Зонтагъ уѣзжала въ Парижъ. Проводы пѣвицы были самые шумные. Въ послѣднее представленіе восторгъ жителей дошелъ до крайнихъ границъ. Крику, рёву, топанью, хлопанью — не было конца. Изъ театра въ гостинницу „Русскій императоръ“, гдѣ жила пѣвица, несмѣтная толпа провожала съ музыкой и факелами знакомую всему Берлину красную, наемную карету Зонтагъ, по дорогѣ, усыпанной цвѣтами. Почти всю ночь народъ ревѣлъ подъ окнами гостинницы. На другой день, проѣзжая черезъ Потсдамъ, она дала тамъ для двора концертъ. Король нарочно поѣхалъ за нею туда же изъ Берлина и сказалъ ей, прощаясь съ нею на сценѣ:

— Вчера вечеромъ васъ ужъ очень восторженно провожали. Добрые берлинцы въ театрѣ и подъ вашими окнами ужъ очень шумѣли. Я едва могъ уснуть. Вамъ самимъ это, вѣрно, наконецъ наскучило. Для меня, по крайней мѣрѣ, такой шумъ невыносимъ. Я не люблю этого.

— Ахъ, ваше величество, отвѣчала ему Генріета своимъ дѣтскимъ голоскомъ, съ милою улыбкою и свѣтящимися глазками: для васъ въ этомъ не было ничего новаго; но если бѣдная пѣвица встрѣчаетъ подобныя оваціи, можетъ ли она этому не радоваться?

Король простился съ нею, еще болѣе очарованный пѣвицею.

Берлинъ боялся, будетъ ли его любимица имѣть успѣхъ въ Па-

рижѣ. Сафиръ предсказывалъ ей фіаско въ городѣ, гдѣ пѣли Паста и Малибранъ; но парижане съ неменьшимъ восторгомъ приняли пѣвицу. Въ театрѣ и въ газетахъ заявляли о необходимости объявить войну Пруссіи, не для того, чтобы отнять у нея Рейнъ, но чтобы отнять Зонтагъ. На сценѣ ей поднесли вѣнецъ, какъ царицѣ пѣнія. Россини, Керубини, Боэльдье, Перъ, Оберъ объявили себя ея поклонниками. Осенью, возвратившись въ Германію, Зонтагъ была уже всемірною знаменитостью. На возвратномъ пути въ Берлинъ, она дала концертъ въ Майнцѣ, въ память тѣхъ дней, когда она выступила тамъ на театральное поприще безвѣстной артисткой; оттуда она поѣхала въ Веймаръ, чтобы спѣть передъ Гёте, воспѣвавшимъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Первый спектакль ея, по возвращеніи въ Берлинъ, сопровождался однако огромнымъ скандаломъ. Къ оглушительнымъ рукоплесканіямъ и крикамъ присоединились рѣзкіе свистки за то, что она приняла въ Парижѣ ангажементъ на три года. Страшный шумъ поднялся въ театрѣ: между хлопавшими и свиставшими поднялась драка. Испуганный король, нарочно къ этому дню вернувшійся изъ Теплица, послалъ изъ своей ложи двухъ адъютантовъ, одного за другимъ, разнимать побоище. Все было напрасно. Полиція едва справилась съ шумѣвшими, забравъ безразлично и хлопальщиковъ и шикальщиковъ, но волненіе не унималось во время всего спектакля. Однако, вслѣдъ затѣмъ, прежніе восторги возобновились. Графиня Лигницъ, фаворитка короля, начала брать у Зонтагъ уроки музыки. Когда у пѣвицы улетѣлъ любимый попугай, король послалъ ей другого, со своимъ обергофмейстеромъ, княземъ Витгенштейномъ и съ любезнымъ замѣчаніемъ: „посылается, не смотря на то, что графиня Лигницъ будетъ ревновать“.

Въ 1827 году Зонтагъ пѣла въ „Донъ-Жуанѣ“, „Фрейшюцѣ“, „Свадьбѣ Фигаро“, „Севильскомъ цирюльникѣ“, „Жокондѣ“, „Эвріантѣ“, „Жанѣ Парижскомъ“, „Отелло“ и „Танкредѣ“, всего 15 разъ и получила неслыханный по тому времени гонораръ—11,000 талеровъ, и то благодаря своему высокому покровителю, давшему ей званіе придворной пѣвицы, ангажементъ въ королевскую оперу съ жалованьемъ 6,000 талеровъ, пожизненную пенсію въ 2,500 талеровъ и шестимѣсячный ежегодный отпускъ. Она должна была пѣть только два раза въ недѣлю и получала сверхъ того полный бенефисъ безъ вычета расходовъ. Выборъ оперъ предоставлялся ей самой. При спектакляхъ въ Потсдамѣ, она получала тамъ комнату въ отелѣ и экипажъ четверкой для поѣздокъ туда. Во всѣхъ королевскихъ театрахъ имѣла она даровыя мѣста въ первомъ ярусѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принята была на сцену ея мать—плохая актриса, съ жалованьемъ въ 2500 талеровъ и пенсіею въ 1000 и ея сестра Нина—весьма посредственная пѣвица, нигдѣ потомъ не имѣвшая успѣха и съ горя сдѣлавшаяся монахиней. Въ то же время первая драматическая актриса получала только

2700 талеровъ годового содержанія. А какіе подарки посылали Зонтагъ король, наслѣдная принцеса и графиня Лигницъ!

Она пѣла потомъ еще въ Веймарѣ, для Гёте, во Франкфуртѣ, мѣстѣ своего рожденія, гдѣ привела въ восторгъ даже мизантропа Бёрне, наконецъ въ Парижѣ. Тамъ познакомилась она съ сардинскимъ посланникомъ въ Гаагѣ—графомъ Росси, доказавшимъ ей свою любовь самымъ страннымъ образомъ: онъ ждалъ ее, по окончаніи спектакля, въ своемъ экипажѣ, но въ кучерской ливреѣ, посадилъ ее въ карету, а самъ сѣлъ на козлы и отвезъ ее домой. Такому обожанію Генріета не могла противиться и, въ 1830 году, вышла за него замужъ. Въ этомъ же году она пѣла въ послѣдній разъ въ Берлинѣ какъ дѣвица Зонтагъ, хотя была уже графиней Росси. Она простилась съ публикою въ роли „Семирамиды“, одной изъ самыхъ слабыхъ въ ея репертуарѣ. Король далъ ей дворянское званіе и богатый подарокъ. Молодые поселились во Франкфуртѣ, куда Росси былъ переведенъ посланникомъ при Германскомъ сеймѣ. Тамъ пѣла она только въ благотворительныхъ концертахъ и въ церкви. Но графъ, вскорѣ же отправился посломъ въ Петербургъ, по желанію Николая I, большого поклонника пѣвицы. Тамъ она пѣла часто въ интимномъ придворномъ кружкѣ романсы и дуэты съ великими княжнами. На придворномъ театрѣ играла она также „Сонамбулу“ и „Лучію“. Король Сардинскій Карлъ Альбертъ вздумалъ найти это неприличнымъ и прямо приказалъ своему посланнику, чтобы супруга его не являлась ни на какой сценѣ. Началась оживленная дипломатическая переписка между Петербургомъ и Туриномъ. Императоръ Николай I объявилъ энергически, что все, что дѣлаетъ посланница Сардиніи по его желанію и при его дворѣ—ни въ какомъ случаѣ не должно называться неприличнымъ. Сардинскій король долженъ былъ смириться, но никогда не могъ простить графинѣ Росси своего дипломатическаго пораженія.

Дѣла графа, однако, сильно разстроились уже въ сороковыхъ годахъ. Бауеръ говоритъ, что онъ не могъ оставаться посланникомъ въ Петербургѣ, потому что жизнь тамъ очень дорога — и перешелъ въ Берлинъ, гдѣ также ему не доставало средствъ къ жизни. Поэтому графиня должна была опять вступить на сцену. Каролина не прибавляетъ только, что средствъ этихъ не доставало потому, что графъ очень много проигрывалъ въ карты. Исторія съ мужьями знаменитостей и въ то время была таже, что и въ послѣдствіи. И графъ Росси точно также безъ церемоніи тратилъ и проигрывалъ деньги своей жены, какъ Лестрёленъ деньги Нимфодоры Семеновой, какъ князь Трубецкой деньги Тальони, какъ маркизъ Ко деньги Патти. Король Карлъ Альбертъ не соглашался однако, чтобы посланница пѣла на сценѣ за деньги и посовѣтовалъ своему посланнику — разойтись съ женой, будто бы по семейнымъ неудовольствіямъ, а потомъ, когда она соберетъ порядочную сумму—сойтись опять. Но у графини было четверо дѣтей и она любила мужа. На помощь ей явилась револю-

ція 1848 года. Росси потерялъ мѣсто посланника, и въ 1849 году, Генріета Зонтагъ снова появилась на Лондонской сценѣ, послѣ двадцатилѣтняго антракта, въ роли „Линды ди Шамуни". Публика встрѣтила ее съ прежнимъ восторгомъ; голосъ пѣвицы не потерпѣлъ отъ времени; она не теряла ничего, даже въ сравненіи съ возникшею тогда музыкальною звѣздой Женни Линдъ. Она не пѣла только большихъ сильныхъ ролей, какъ донна Анна, Лукреція Борджіа. Многіе припомнили только сужденіе объ ней Каталани, высказанное въ первую эпоху ея тріумфовъ: „она единственна въ своемъ родѣ, но родъ этотъ очень не великъ". За одинъ сезонъ въ Англіи Зонтагъ получила шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ слѣдующемъ году Парижъ принялъ ее съ не меньшимъ энтузіазмомъ. Успѣхъ ея въ Германіи былъ также великъ. Но ей хотѣлось собрать по больше денегъ, чтобы обезпечить судьбу своихъ дѣтей и, въ 1853 году, она отправилась въ Америку. „Пріемъ тамъ былъ тропическій", какъ писала она, но тропическая природа была къ ней немилостива. Посреди тріумфовъ и овацій, она почти скоропостижно умерла въ Мексикѣ, въ 1854 году, отъ холеры, на сорокъ седьмомъ году. Еще при жизни она говорила, что хотѣла бы лежать въ землѣ въ Маріентальскомъ монастырѣ, близъ Герлица, гдѣ сестра ея Нина жила монахиней подъименемъ Юліаны. Желаніе Генріеты было исполнено. Тѣло ея перевезли въ Европу и молодые сыновья ея снесли гробъ матери въ монастырскій склепъ. На гробницѣ вырѣзали слѣдующую надпись:

„Лучшей матери, нѣжной дочери, вѣрной супругѣ, доброй подругѣ, великой пѣвицѣ".

Нина Зонтагъ болѣе полустолѣтія молилась надъ гробомъ своей сестры и умерла въ 1879 году.

Каролина Бауеръ подробно разсказала жизнь знаменитой артистки. Что же и остается потомству отъ сценическихъ дѣятелей, какъ не ихъ біографія? Ихъ искусства, голоса, чувства, вліянія на публику нельзя передать словами. Если фонографъ передастъ потомкамъ голоса нашихъ современныхъ пѣвицъ — онъ никогда не передастъ той жизни, того одушевленія, тѣхъ особенностей таланта, которыя потрясаютъ, волнуютъ тысячи зрителей...

Пребыванію въ Петербургѣ Каролина посвятила не много страницъ. Видно, что въ этой части воспоминаній она очень сдержана и высказываетъ далеко не все, что могла бы сказать. Какая причина этому—мы не знаемъ, но передадимъ вкратцѣ ея главнѣйшія впечатлѣнія въ нашей столицѣ. Ѣхать къ намъ ее заставили — недостатокъ содержанія (она получала всего полторы тысячи талеровъ жалованья, но ея наряды на сценѣ и въ обществѣ стоили очень дорого) и необходимость отдохнуть отъ театральныхъ интригъ. Тогдашнее

путешествіе изъ Берлина въ Петербургъ стоило дорого и сопряжено было со множествомъ затрудненій и лишеній, особенно зимою. Каролина отправилась съ матерью въ мартѣ 1828 года. Въ Мемелѣ русскій консулъ далъ имъ въ провожатые своего секретаря, и наставленіе—давать взятки всѣмъ таможеннымъ.

При вступленіи на русскую землю, карету путешественницъ въ Полангенѣ окружили казаки.

— Не пугайтесь, сказалъ провожатый. Это пограничная стража. Она проводитъ васъ въ таможню. У васъ можетъ быть контрабанда, или сами вы можете казаться подозрительными.

— Очень пріятно! отвѣчала Каролина.

Вояжеровъ ввели въ низенькую комнату, съ двойными рамами, съ душнымъ воздухомъ, съ грязными стѣнами, вдоль которыхъ сидѣло и стояло множество жидовъ. Таможенные начали не торопясь перебирать сундуки и чемоданы. Въ одномъ изъ нихъ грязныя руки досмотрщика откопали атласные башмаки, и онъ началъ говорить что-то секретарю. Тотъ перевелъ вопросъ: зачѣмъ везете вы новые башмаки?

— Не думаетъ ли этотъ неучъ, отвѣчала Каролина, что я буду играть въ старыхъ башмакахъ, передъ ихъ величествами, или тратить время на заказъ новыхъ въ Петербургѣ? Переведите ему пожалуйста слово въ слово, что меня лично приглашала въ Петербургъ играть на сценѣ императрица Александра Өедоровна.

Эти слова произвели свое дѣйствіе и досмотръ продолжался быстрѣе и снисходительнѣе. Вдругъ сзади Каролины раздался звукъ пощечинъ и бранчливый крикъ. Она оглянулась: мальчишка-чиновникъ, лѣтъ 18-ти, билъ по щекамъ стараго, совершенно сѣдого крестьянина, стоявшаго безъ шапки, съ униженнымъ видомъ. Каролина заслонила собою старика и вскричала, забывъ, что ее не можетъ понимать таможенный звѣрь:

— Если онъ въ чемъ нибудь виновенъ, пусть его накажетъ судъ, а не вы. Стыдитесь, молодой человѣкъ! развѣ можно бить слабаго, беззащитнаго старика!

Тогда начался въ таможнѣ невообразимый шумъ: чиновникъ, жиды начали кричать: молодой забіяка потрясалъ кулаками, стража вошла въ комнату. Секретарь поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Что вы дѣлаете! Вамъ не позволятъ ѣхать дальше.

— Тѣмъ лучше, отвѣчала Каролина. Я и сама не хочу ѣхать дальше въ страну, гдѣ мирныхъ путешественниковъ окружаютъ вооруженнымъ конвоемъ, какъ преступниковъ, досматриваютъ, какъ контрабандистовъ и при всѣхъ бьютъ по щекамъ стариковъ. Переведите имъ, что я вернусь въ Мемель и все разскажу вашему консулу. Дайте знать также князю Волконскому, почему я не сочла возможнымъ ѣхать дальше въ Петербургъ. Онъ, вѣроятно, уйметъ этого драчливаго негодяя.

Секретарь перевелъ все это энергическимъ тономъ. Чиновники, видимо, сконфузились, велѣли уйти виновному и быстро кончили досмотръ вещей, особенно когда секретарь сунулъ имъ въ руку нѣсколько рублей. Обиженный старикъ получилъ также „на водку“ и со слезами на глазахъ благодарилъ за заступничество. Дальнѣйшій путь до Петербурга не представлялъ ничего замѣчательнаго. Каролина любовалась русскими ямщиками и унылою однообразною картиною дороги. Только подъѣзжая къ Ригѣ случилось маленькое происшествіе. Ледъ на Двинѣ былъ уже ненадеженъ и черезъ рѣку не пропускали въ тяжеломъ экипажѣ. Надобно было разобрать карету и перевезти на отдѣльныхъ саняхъ кузовъ, колеса, багажъ и путешественницъ. Подъ копытами лошадей трещалъ ледъ, выступала вода, но все обошлось благополучно.

Въ Петербургѣ ее болѣе всего поразилъ „Александроневскій проспектъ“ какъ она его называетъ и упряжь экипажей четверкою съ форейторомъ, оглашавшимъ воздухъ звонкими криками: пади! Директоръ нѣмецкаго театра Гельмерсенъ, встрѣтившій артистку, заботился болѣе всего о томъ, чтобы ее завтра же увидѣла на сценѣ царская фамилія, послѣ завтра уѣзжавшая въ Крымъ.

— Отправляйтесь сейчасъ же, сначала къ оберъ-камергеру императрицы, говорилъ онъ, которому передадите рекомендательное письмо тайнаго совѣтника Тимма изъ Берлина, потомъ къ князю Долгорукому, управляющему французскимъ театромъ, затѣмъ къ князю Кутайсову, управляющему всѣми театрами, потомъ къ князю Волконскому, который скажетъ, можетъ ли быть данъ спектакль и когда именно.

— Господи! зачѣмъ же къ столькимъ князьямъ?

— Необходимо. Нельзя терять ни минуты. Я пошлю за каретой.

— Но я устала съ дороги и хотѣла бы отдохнуть.

— Въ такомъ случаѣ, вы не будете играть при дворѣ. Если сегодня не получится приказаній, театръ въ Зимнемъ дворцѣ не будетъ готовъ къ завтраму, а послѣ завтра царская фамилія уѣзжаетъ.

Надо было одѣвать розовое атласное платье, взбивать локоны, надѣвать беретъ, ѣхать во дворецъ. Оберъ-камергеръ, получивъ письмо Тимма, обѣщалъ сообщить ея величеству о пріѣздѣ артистки. Волконскій, „низенькій, не красивый старикъ“, обѣщалъ въ тотъ же день доложить императрицѣ и далъ Каролинѣ нѣсколько строкъ къ Долгорукому, который обѣщалъ со своей стороны содѣйствовать дебюту; Кутайсовъ — тоже, и дебютъ состоялся. Но о нѣмецкихъ артистахъ Каролина дѣлаетъ очень нелестный отзывъ. Они не играли, а декламировали, и живая, веселая пьеса, идущая въ Берлинѣ полтора часа, въ Петербургѣ тянулась два съ половиной. Особенно невыносимъ былъ толстый Барловъ, нараспѣвъ проговорившій всю свою роль. Каролина, по окончаніи пьесы, сказала Волконскому, вручавшему ей подарокъ отъ императрицы, что высокіе зрители должны были жестоко

скучать. Волконскій согласился съ этимъ, но сказалъ, что она лично очень понравилась.

Публика подтвердила это, и лѣтомъ Каролина играла съ большимъ успѣхомъ, на петербургской нѣмецкой сценѣ. Ей предложили ангажементъ на три года, съ жалованьемъ въ 8,000 и бенефисъ, гарантированный въ три тысячи ассигнаціями. Она вернулась въ Берлинъ, чтобы устроить переходъ на петербургскую сцену. Но въ это время, въ Потсдамъ пріѣхалъ принцъ Леопольдъ Кобургскій, выросшій вмѣстѣ съ матерью Каролины. Ему было тогда 38 лѣтъ, онъ былъ строенъ, хорошъ собою, съ печальнымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, которое приписывали грусти по его рано умершей супругѣ, принцессѣ Шарлотѣ. Каролина взялась разсѣять эту грусть—и успѣла въ этомъ. Принцъ явился къ ней на другой день послѣ спектакля, во время котораго не сводилъ съ нее глазъ. Кромѣ благодарности за ея художественную игру, онъ привезъ ей поклонъ отъ ея двоюроднаго брата, Христіана Штокмара, его лучшаго друга, оставшагося въ Кобургѣ, по дѣламъ принца. Будущій король бельгійцевъ, бывшій въ это время кандидатомъ на греческій престолъ, говорилъ, что его болѣе всего поразило въ Каролинѣ сходство ея съ покойною принцессою Шарлотою. Онъ не очень понравился артисткѣ, съ его утомленнымъ видомъ, блѣднымъ лицомъ, холодною, размѣренною рѣчью и гладкимъ чернымъ парикомъ. Въ первое же свиданіе, попросивъ остаться съ нею вдвоемъ, онъ спросилъ ее, не раскаявается ли она, что вступила на сцену? Каролина увѣрила его, что очень любитъ театръ, что ея будущность обезпечена, такъ какъ она получитъ въ Петербургѣ 5,000 талеровъ содержанія и, послѣ двѣнадцати лѣтъ, пенсіонъ въ тысячу талеровъ. Принцъ спросилъ, неужели ей еще не предлагалъ никто руку, или сердце? она отвѣчала, что это случалось не разъ, но что сердце ея не отвѣчало на эти исканія, а „Лина Бауеръ не хочетъ продать себя — даже мужу, если не будетъ любить его“.

И она разсказала ему всю свою жизнь, исторіи съ принцемъ Августомъ и графомъ Самойловымъ. Принцъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ все это отъ короля и спросилъ:

— Стало быть сердце ваше совершенно свободно и теперь?

— Совершенно! отвѣчала актриса.

Принцъ схватилъ ея руки, привлекъ ее къ себѣ и прошепталъ ей тихо, почти на-ухо:

— И если теперь, утомленный, испытанный судьбою человѣкъ высокому положенію и богатству котораго завидуетъ свѣтъ, но который чувствуетъ себя несчастнымъ, и одинокимъ... еслибы онъ сказалъ вамъ: послѣдуй за мною въ мое роскошное уединеніе, я буду тебя любить и почитать, какъ мою жену, буду охранять тебя отъ всякаго несчастія. Ты не будешь знать никакихъ заботъ, а семья твоя будетъ вполнѣ обезпечена... Но ты должна за это отказаться отъ сцены,

отъ свѣтскаго блеска, отъ славы, отъ поклонниковъ. Ты должна посвятить этому человѣку всю свою жизнь, пополнить своею неизмѣнною любовью его интимный, домашній кружокъ... Какой отвѣтъ дастъ на это ваше сердце?

— Чтобы послѣдовать за этимъ человѣкомъ въ его уединеніе, я должна безгранично любить его, отвѣчала Каролина, со слезами на глазахъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Но можете ли вы, хотя со временемъ, на столько любить меня, чтобы пожертвовать мнѣ свѣтомъ и театромъ?

— Не знаю, ваше высочество, но думаю, что могла бы попробовать... и тогда я сказала бы вамъ всю правду...

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ и подвелъ къ дивану, потому что она едва держалась на ногахъ отъ волненія, а самъ пошелъ въ другую комнату къ ея матери и сказалъ ей, что давно уже ищетъ благородное, любящее сердце, которое своею привязанностью наполнило бы пустоту его блестящей, но скучной жизни. Много красавицъ хотѣли поймать его въ свои сѣти, но онъ видѣлъ въ нихъ одинъ разсчетъ и не чувствовалъ къ нимъ влеченія. Каролина, съ перваго взгляда на нее, произвела на него сильное впечатлѣніе. Какимъ образомъ устроить ея судьбу и, въ тоже время, исполнить желанія его сердца, онъ предоставляетъ родственнику ихъ, Штокмару и проситъ мать и дочь пріѣхать въ Кобургъ, гдѣ онъ останется двѣ недѣли и все обдумаетъ съ своимъ другомъ, которому, конечно, дороги честь и доброе имя его родныхъ. Мать Каролины обѣщала пріѣхать, но положительный отвѣтъ хотѣла дать въ послѣдствіи. Дочь ея должна была еще испытать свое сердце, да и принцу необходимо было убѣдиться: говоритъ ли въ немъ истинное чувство, или минутное увлеченіе. Онъ увѣрилъ еще разъ въ силѣ своего чувства и уѣхалъ обнадеженный, но прося сохранять глубокую тайну, такъ какъ много враговъ слѣдитъ за его общественною и частною жизнью.

Предложеніе, поразившее мать и дочь своею неожиданностью, было однако, далеко не такое блестящее, какимъ казалось съ перваго взгляда. Принцъ Леопольдъ, какъ всѣ кобургскіе принцы, былъ далеко не богатъ; какъ супругъ покойной королевской принцессы Англіи, онъ имѣлъ значеніе въ той странѣ и получалъ отъ нея содержаніе, котораго лишился бы, еслибъ вздумалъ жениться на другой, тѣмъ болѣе на актрисѣ. Онъ могъ жениться только тайно—и бракъ этотъ долженъ былъ оставаться тайною для всего свѣта. Каролина не знала: въ силахъ ли она рѣшиться на такую жизнь, не была увѣрена въ томъ, можетъ ли полюбить принца, но изъ Кобурга, пришло приглашеніе кузена Христіана, пріѣхать по домашнимъ обстоятельствамъ; король далъ отпускъ, и мать съ дочерью отправились на свою родину. Тамъ Христіанъ Штокмаръ объявилъ имъ, что принцъ дѣйствительно, влюбился въ Каролину, на сколько это въ его флегматическомъ характерѣ. Въ молодости онъ былъ большой любитель

хорошенькихъ женщинъ, и послѣдніе связи съ леди Элленборо и австрійской графиней Фикельмонъ, надѣлали много шума, хотя англичанка вскорѣ же бросила его для князя Феликса Шварценберга, а графиня, любившая его изъ расчета, отказалась отъ него, узнавъ, что должна будетъ жить вдали отъ свѣта и что принцъ очень разсчетливъ и экономенъ. Если Каролина отдастъ ему свое сердце, то можетъ обвѣнчаться съ нимъ, только морганатически, съ лѣвой руки, но для свѣта и этотъ бракъ долженъ быть тайной, чтобы объ немъ не узнали какъ нибудь въ Англіи. Если вопросъ объ этомъ поднимется въ парламентѣ. то принцъ можетъ потерять свое блестящее положеніе въ Англіи и 50,000 фунт. стерл. годового содержанія. Кромѣ того, такъ какъ онъ считается кандидатомъ на греческій престолъ, то въ случаѣ избранія его въ короли, ему невозможно будетъ привезти свою морганатическую супругу въ Аѳины и политика потребуетъ его брака съ какой нибудь принцессой изъ владѣтельныхъ домовъ Европы. Тогда бракъ его съ Каролиной долженъ быть также тайно расторгнутъ, какъ онъ былъ тайно заключенъ. Дѣти, если они будутъ, и сама она, во всякомъ случаѣ, будутъ обезпечены, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ. Но передъ свѣтомъ, она никогда не будетъ ни считаться, ни называться женою принца. А что будетъ если онъ вдругъ разлюбитъ ее? Принцы часто мѣняютъ предметы своей привязанности и не дорожатъ ими, а принцъ Леопольдъ, сверхъ того, и по характеру не способенъ къ постоянству.

Положеніе было дѣйствительно затруднительное. Мать совѣтовала Каролинѣ остаться свободной и артисткой, кузенъ просилъ не торопиться окончательнымъ рѣшеніемъ, дать время и ей самой и принцу испытать свои чувства. Она рѣшилась послѣдовать этому совѣту. Принцъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполь, чтобъ быть ближе къ своей кандидатурѣ и познакомиться съ греческимъ вопросомъ. Положили, что онъ будетъ писать къ ней, черезъ Штокмара, и Каролина уѣхала обратно въ Берлинъ. Сначала онъ писалъ къ ней довольно часто, потомъ четыре мѣсяца она не получала отъ него ни строки. Это объяснялось тѣмъ, что слухи объ оставленіи Каролиною Бауеръ сцены и о томъ, что ее ждетъ блестящая участь распространились всюду. Наконецъ, пришло письмо изъ Лондона отъ Штокмара. Онъ писалъ кузинѣ, что если она не перемѣнила ни своихъ чувствъ, ни своего намѣренія, то ее ждутъ въ Лондонѣ. На дорогу присылалось 1,200 талеровъ. Самъ принцъ не писалъ ни слова. Не смотря на это, Каролина рѣшилась ѣхать съ матерью. Въ Кале ихъ долженъ былъ ждать посланный отъ принца, чтобы сопровождать ихъ черезъ Дувръ въ Лондонъ. Но онѣ три дня прождали его въ отелѣ. У принца былъ мигрень, и вѣрный служитель не могъ оставить его въ такомъ положеніи, хотя положеніе двухъ женщинъ, ожидающихъ всякую минуту важнаго извѣстія—было гораздо непріятнѣе. Въ Риджентсъ-паркѣ былъ для нихъ нанятъ котеджъ, но ни принцъ,

ни Штокмаръ не встрѣтили ихъ по пріѣздѣ туда и не написали ни строки. Все это начинало казаться страннымъ. Домикъ былъ очень красивъ, въ немъ было все необходимое, но онъ былъ въ совершенномъ уединеніи. Прислуга очевидно шпіонила за каждымъ словомъ и движеніемъ пріѣзжихъ. Онѣ провели тяжелую ночь и только поздно утромъ, на другой день явился Штокмаръ съ извиненіемъ, что принцъ обѣдалъ вчера у своей сестры, герцогини Кентской и потому не могъ ихъ встрѣтить. Что же касается до того, что онъ не писалъ послѣднее время—это было необходимо. Принцъ очень остороженъ и обязанъ быть осторожнымъ. Что было бы, еслибъ въ какой нибудь газетѣ явилось извѣстіе, что принцъ Леопольдъ, вдовствующій супругъ англійской принцессы привезъ въ Англію берлинскую актрису, свою морганатическую супругу, кузину своего друга, барона Штокмара, который, такимъ образомъ, еще больше приберетъ къ своимъ рукамъ принца. Такое извѣстіе могло бы не только заставить самого Штокмара покинуть Англію и принца, но могло бы серьозно повредить и Леопольду, какъ искателю греческой короны. Политика—прежде любви. Это девизъ и нашего времени и трезваго пониманія вещей.

Доводы эти, не смотря на ихъ справедливость, было мало утѣшительны. Кузенъ вскорѣ уѣхалъ, отговариваясь нездоровьемъ и дѣлами. Принцъ пріѣхалъ въ семь часовъ, когда уже смеркалось. Онъ вошелъ тихими шагами въ гостиную, гдѣ Каролина стояла, прислонившись къ камину и, не протянувъ ей даже руки, сказалъ какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

— Ахъ какъ вы загорѣли на весеннемъ солнцѣ, во время вашей поѣздки!

Слезы брызнули изъ глазъ Каролины. Она хотѣла бѣжать изъ комнаты. Онъ удержалъ ее и спросилъ, о чемъ же она плачетъ?

— И вы еще спрашиваете! вскричала она, взволнованная, раздраженная. Я спѣшу сюда съ чистымъ, преданнымъ чувствомъ, оставляя свою сценическую будущность, рискуя своею дѣвическою честью, а вы, вмѣсто теплаго привѣта, встрѣчаете меня критическимъ замѣчаніемъ о моёмъ загарѣ! Завтра же я оставляю Англію. Еще никто не знаетъ, что я пріѣхала сюда—и для чего?..

— Никто! повторилъ принцъ глухимъ голосомъ: хорошо, еслибъ это было такъ! Но потомъ, видя, что она продолжаетъ рыдать, привлекъ ее къ себѣ, поцѣловалъ и сказалъ нѣжно: зачѣмъ такъ раздражаться! Будьте добры, какъ всегда, посмотрите на меня, какъ смотрѣли въ Кобургѣ.

Она спрятала свое лицо на груди принца. Онъ сталъ ласкать ее. Вошла мать и принцъ сообщилъ ей шутя, что получилъ внушительный выговоръ; мать замѣтила, что дочь ея очень впечатлительна, что отсрочка свиданія разстроила ея нервы, что въ Берлинѣ ее избаловали, исполняя малѣйшія ея желанія. Миръ былъ заключенъ, но въ словахъ, въ манерахъ принца видна была принужденность, недовѣрчи-

вость. Онъ распрашивалъ, какой адресъ дала она своимъ друзьямъ, чтобы писать къ ней, что будетъ отвѣчать на ихъ распросы, разсѣянно подозрительно выслушивалъ ея отвѣты; однако сказалъ, что будетъ завтра въ четыре часа — если что нибудь не помѣшаетъ. Ясно, что у него было что нибудь на сердцѣ, чего онъ не хотѣлъ открыть. Каролина рѣшилась написать подробно Штокмару, просить его совѣта, помощи, объясненія. Пріѣхавъ на другой день онъ разсказалъ, что принцъ получилъ изъ Берлина анонимное письмо, въ которомъ мать и дочь названы интригантками, говорилось, что брошенная принцемъ Августомъ, Каролина вошла въ связь съ русскимъ камердинеромъ, что во время пребыванія въ Россіи она вела нѣсколько интригъ.

— И сынъ моего брата могъ спокойно слушать подобныя обвиненія! вскричала въ негодованіи мать Каролины.

Племянникъ началъ доказывать, что онъ горячо защищалъ ихъ, но не могъ указать ни одного врага ихъ семейства, который зналъ бы всѣ обстоятельства и написалъ анонимное письмо. Тогда ему передали всю исторію принца Августа, и онъ убѣдился, что авторъ былъ никто другой, какъ принцъ. Штокмаръ обѣщалъ все объяснить Леопольду и въ отвѣтъ на выраженное желаніе—вернуться въ Берлинъ, отвѣчалъ, что это внезапное бѣгство ни къ чему бы не послужило, что, напротивъ исторія съ письмомъ, послужитъ къ тому, чтобы принцъ скорѣе назначилъ срокъ своего морганатическаго брака—въ доказательство довѣрія къ Каролинѣ, и что ему надо только дать еще нѣсколько дней, хорошенько все обдумать. Когда же пріѣхалъ принцъ, Штокмаръ поговорилъ съ нимъ наединѣ и, уѣзжая, сказалъ тихо Каролинѣ, что отъ нея зависитъ теперь приковать къ себѣ Леопольда неразрывными цѣпями, что онъ любитъ ее по прежнему, но что она должна быть мудра, какъ змѣй и нѣжна, какъ голубь.

Принцъ однако въ это посѣщеніе не говорилъ ничего о своей любви, а только просилъ Каролину пѣть и самъ пѣлъ съ нею романсы. Когда же прислуга предупредила его, какъ онъ приказалъ, что уже пять часовъ, онъ удивился, какъ скоро проходитъ время въ занятіяхъ музыкою, и уѣзжая обѣщалъ привезти на другой день нѣсколько новыхъ романсовъ и книгъ, такъ какъ онъ очень любитъ слушать хорошее чтеніе.

На этой сценѣ оканчивается второй томъ записокъ Каролины Бауеръ. Изъ этого видно, какая будущность ожидала ее съ этимъ безсердечнымъ принцемъ. Да она и сама хорошо понимала, что ей не должно оставаться съ нимъ, любить его—и все таки осталась, даже не любивши, потому что чувство свое она и сама не рѣшается назвать любовью. Она не старается даже объяснить своего поступка, для котораго не зачѣмъ искать оправданія въ извѣстныхъ стихахъ:

Но сердце женское — загадка
Непостижимая умомъ.

Никакой загадки не было въ этомъ естественномъ стремленіи женщины, жившей своимъ трудомъ—обезпечить свою будущность, узнать другія, высшія сферы общества, пожить въ роскоши, въ довольствѣ, испытать новое чувство, заманчивое положеніе, быть наконецъ принцесой—хоть на часъ, хоть съ лѣвой руки. Чтобы устоять противъ всѣхъ этихъ соблазновъ, надо имѣть слишкомъ много твердости и самоотверженія. Ни того, ни другого не было у Каролины. Она была не болѣе какъ обыкновенная женщина и осуждать ее за это было бы излишнимъ пуританизмомъ. Въ слѣдующемъ томѣ ея записокъ, мы, конечно, найдемъ ея объясненія, оправданія, извиненія. Все это будетъ напрасно; поступокъ ея можно объяснить небольшимъ измѣненіемъ извѣстнаго афоризма Теренція: „Она была женщина—и ничто женское ей не чуждо“.

В. З—въ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. 2. Владимірскій періодъ. Москва. 1880 г.

Четыре года тому назадъ любители русской исторіи привѣтствовали въ первомъ томѣ труда Д. И. Иловайскаго начало предпріятія, которое должно кажется восполнить вѣчно чувствительный недостатокъ въ нашей литературѣ: недостатокъ художественнаго, общедоступнаго изложенія русской исторіи, согласно требованіямъ современной исторической науки. У насъ было одно (хотя и то доведеное лишь до половины) художественное изложеніе исторіи: „Исторія государства Россійскаго"; но не для кого не было тайною, что это монументальное произведеніе имѣетъ свои существенные недостатки; сознаніе этихъ недостатковъ было такъ сильно въ обществѣ, что историкамъ приходилось болѣе оправдывать исторію Карамзина, указывая на ея значеніе, чѣмъ пояснять ея недостатки, всѣмъ кидающіеся въ глаза. Недостатками Карамзина вызвано было появленіе исторіи Соловьева—это произведеніе высокаго ума и громаднаго труда, впервые указавшее внутреннюю связь между различными періодами русской исторіи, оцѣнившее съ необыкновенною проницательностію людей и событія, проникнутое съ начала до конца однимъ чувствомъ—глубокою вѣрою въ русскій народъ и душевнымъ единеніемъ съ нимъ въ его высшемъ сокровищѣ—православной вѣрѣ, тѣмъ не менѣе не было произведеніемъ художественнымъ, всѣмъ доступнымъ: самый объемъ книги ужъ препятствовалъ ея распространенію; способъ изложенія, въ которомъ краснорѣчивыя страницы смѣняются сухими выписками и изящно выраженные глубокіе взгляды стоятъ рядомъ съ мелкими подробностями не слитыми въ одну цѣлую картину; большая подробность въ сообщеніи свѣдѣній новыхъ и значительная краткость въ передачѣ фактовъ уже извѣстныхъ—драгоцѣнны для спеціалиста, для котораго теперь исторія Соловьева служитъ иногда источникомъ (извѣстная добросовѣстность автора позволяетъ за недоступностію самихъ подлинниковъ пользоваться его извлеченіями); но отталкиваютъ отъ его страницъ простого читателя, желающаго встрѣчать въ книгѣ такого рода непополненіе своихъ свѣдѣній, а совокупность всего, что относится къ данному факту; а между тѣмъ не только изложеніе всего извѣстнаго, но даже указаній на то, гдѣ что можно найти, не встрѣтитъ читатель въ книгѣ Соловьева. Вотъ почему это монументальное, составляющее эпоху въ нашей наукѣ произведеніе, не

удовлетворило однако требованіямъ публики и не составило любимаго чтенія для подростающаго поколѣнія, какимъ была въ дни нашего дѣтства „Исторія государства Россійскаго:“ мы были какъ будто лично знакомы и съ Олегомъ и съ Мономахомъ и съ Іоанномъ III и съ Годуновымъ; содрагались отъ ужасовъ временъ Грознаго: съ напряженіемъ слѣдили за Скопинымъ; знали ихъ всѣхъ какъ героевъ Плутарха или Вальтеръ-Скоттовыхъ романовъ. Да, у воспитателя нашего дѣтства было много общаго съ херонійскимъ мудрецомъ и съ аббатфорскимъ отшельникомъ: таже любовь къ прошлому, таже житейская мудрость; какъ много добрыхъ чувствъ будятъ въ душѣ нравственныя разсужденія Карамзина, надъ которыми такъ потѣшались потомъ всѣ, кто только захотѣлъ потѣшаться! Подобнаго вліянія не имѣла и не могла имѣть „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Вотъ почему молодое поколѣніе воспитывалось (я не говорю объ учебникахъ; по нимъ учатся, но на нихъ никто не воспитывается) на легкихъ, полу-фельетонныхъ обзорахъ или на тенденціозныхъ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Такъ продолжалось довольно долго и обличеніе русской старины становилось уже общимъ мѣстомъ; но наступило новое время, потребовалась и исторія, соотвѣтствующая духу этого времени. Стала выходить „Исторія Россіи“ Д. И. Иловайскаго. Между тѣмъ и наука двигалась впередъ, наросли новыя требованія. Когда вышелъ первый томъ исторіи Соловьева (1851 г.), его географическое обозрѣніе, стремившееся въ общихъ чертахъ указать вліяніе территоріи на развитіе государства, было важнымъ нововведеніемъ; но прошло почти 30 лѣтъ и теперь одного общаго очерка мало, нужны подробности; такимъ образомъ историкъ уже долженъ быть лично знакомъ съ разными мѣстами Русской земли. Это чувствовалъ еще Погодинъ; но его поѣздки по Россіи отразились только въ летучихъ замѣткахъ. Далѣе пошелъ Д. И. Иловайскій; въ картинахъ его, изображающихъ ту или другую область, тотъ или другой городъ, въ цѣльномъ образѣ сливаются результаты большой начитанности и личнаго наблюденія: его поѣздки по Россіи, начатыя еще въ ту пору, когда, готовясь къ своей магистерской диссертаціи, онъ пѣшкомъ прошелъ всю Рязанскую губернію (см. „Московскія Вѣдомости“ 1857, „Прогулка по берегамъ Оки“) и продолжаемыя до сихъ поръ, что свидѣтельствуетъ извѣстное не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, его приключеніе въ Галичѣ—дали не одну черту, чрезвычайно оживляющую его разсказъ: вы видите передъ собою Володимірко, смотрящаго съ переходовъ своего дворца, расположеннаго на холмѣ Галича, на отъѣздъ кіевскаго посла; вы понимаете почему Ярославна вышла на забрало въ Путивлѣ: авторъ указалъ вамъ представляющійся и съ той и съ другой мѣстности ландшафтъ. Въ новомъ сочиненіи П. Н. Полевого (о которомъ будетъ сказано ниже) читатель найдетъ также топографическіе очерки, не только городовъ, которые выбраны авторомъ для его спеціальной цѣли, а также и суздальской земли (для объясненія памятниковъ); но число этихъ очерковъ ограничено. Любопытно, что эти два новые труда часто встрѣчаются, но цѣли ихъ различны: г. Полевой излагаетъ бытовую исторію по памятникамъ и группируетъ около памятниковъ извѣстныя мѣстности, которыя и характеризуетъ всѣ свѣдѣнія о бытѣ древней Руси; г. Иловайскій пишетъ общую исторію и какъ фонъ картины беретъ естественныя условія всей страны. Чрезвычайно пріятно указать на то, какое широкое значеніе придаетъ авторъ памятникамъ прошедшаго быта, въ особенности архитектурѣ: еще никогда въ общихъ сочиненіяхъ русское искусство не занимало такого почетнаго мѣста. Пользуясь памятниками давнопрошедшихъ временъ, авторъ изображаетъ намъ людей тѣхъ временъ въ ихъ обстановкѣ; картина получаетъ свойственный ей колоритъ и освѣщеніе: героевъ Карамзина—представителей обще-человѣческихъ страстей и стремленій („у насъ былъ свой Кромвель-Годуновъ“, говоритъ Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“), можно одѣть во что угодно: они напоминаютъ героевъ французской трагедіи, нѣсколько подкрашенныхъ сентиментализмомъ. Въ лицахъ, выводимыхъ Д. И. Иловайскимъ, вы видите не только

обще-человѣческое, но и національное, и временное. Надо признаться, что нѣкоторыя характеристики ему въ особенности удались: Всеволодъ Большое Гнѣздо, который до сихъ поръ сливался съ его потомками въ какой-то общій типъ сѣвернаго князя, вышелъ весьма рельефенъ: авторъ очень удачно успѣлъ подмѣтить въ его политикѣ связь съ требованіями земскаго боярства; въ его характерѣ выступаетъ теперь не только ловкій политикъ въ междокняжескихъ отношеніяхъ, но и умный администраторъ. А какъ хорошо выходитъ Даніилъ Романовичъ, когда его западническія замашки объясняются ранними сношеніями съ сосѣдними народами. Указываемъ на эти двѣ характеристики, какъ на самыя блестящія во всемъ томѣ, напоминающія блестящій образъ Олега Ивановича (въ „Исторіи Рязанскаго княжества"); по характеристикъ много: поставя свои лица въ ярко очерченной мѣстности, среди памятниковъ, оставшихся намъ отъ ихъ быта, авторъ какъ-то полнѣе и отчетливѣе представилъ себѣ и другимъ и самыя свѣдѣнія, передаваемыя намъ письменными источниками. Авторъ не ограничивается воспроизведеніемъ передъ читателями русскихъ отношеній, онъ захватываетъ въ свою картину и сосѣднія страны, на сколько они нужны для его плана: входитъ въ дѣла угорскія и польскія, ведетъ своихъ читателей въ степь половецкую и дальнія степи Монголіи (не могу не указать здѣсь на превосходную характеристику Припонтійскихъ и Прикаспійскихъ степей), ведетъ и къ слабымъ остаткамъ бывшей Хозарской державы. Оттого картина становится полнѣе, рамы ея расширяются. Еще въ первомъ томѣ читатель съ удовольствіемъ видѣлъ, что авторъ не томитъ его однообразными ссорами князей, а указываетъ ему тотъ подвигъ, который людямъ XII вѣка казался наиболѣе славнымъ — борьбу со степью. Эти степныя отношенія, теперь, во второмъ томѣ, при появленіи монголовъ, еще болѣе выдвигаются на первый планъ и читатель понимаетъ, почему и прежде авторъ придавалъ имъ такое большое значеніе. Второй томъ оканчивается тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ Москва и Литва. Изложеніе начальной исторіи двухъ зарождающихся великихъ противниковъ должно найдти мѣсто въ слѣдующемъ томѣ; пожелаемъ же появиться, какъ этому тому, такъ и слѣдующимъ; тогда у русскаго общества будетъ надолго (до новыхъ успѣховъ исторической критики) превосходное воспитательное пособіе. Кой съ чѣмъ можно бы поспорить; напримѣръ, мнѣ кажется, что съѣздамъ при Ярославѣ Галицкомъ и Всеволодѣ Большомъ Гнѣздѣ придано слишкомъ большое значеніе (сл. стр. 35 съ Ипат., 442; а стр. 234 съ Никоновской лѣтописью II, 311; притомъ не мѣшаетъ замѣтить, что извѣстія о съѣздѣ нѣтъ въ Лавр.). Можно было бы замѣтить, что убѣжденія въ томъ, что Татищевъ не выдумывалъ своихъ извѣстій, еще мало для того, чтобы прямо вносить ихъ въ текстъ: правдоподобное не то, что вѣроятное, а вѣроятное не то, что вѣрное; можно было пожалѣть, что оставлены безъ вниманія сомнѣнія въ грамотѣ Бусладина, Сбручскомъ идолѣ, баварскомъ географѣ. Но все это и т. п. не болѣе какъ мелочь передъ значеніемъ и заслугами такой книги, какъ „Исторія Россіи".

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879; II періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880 г.

Изданіе П. Н. Полеваго въ русской литературѣ предпріятіе новое и по замыслу и по исполненію: до сихъ поръ мы имѣли только большія, дорогія и при томъ спеціальныя описанія тѣхъ или другихъ памятниковъ, или статьи, разсыпанныя по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ; но цѣльнаго обзора па-

мятниковъ русской старины, и при томъ въ исторической послѣдовательности, мы не имѣли. Единственная попытка въ этомъ родѣ, имѣющая съ трудомъ г. Полеваго общую только цѣль—популяризацію, но нисколько не напоминающая его ни по изложенію, ни по иллюстраціямъ—„Старина Русской земли“ прекратилась на первомъ выпускѣ [1]). Такимъ образомъ у труда, нами разбираемаго, въ Россіи предшественниковъ нѣтъ. П. Н. Полевой предпринялъ изложить бытовую исторію Россіи до XVIII вѣка, главнымъ образомъ на основаніи сохранившихся вещественныхъ памятниковъ и такимъ образомъ сдѣлать самые памятники общеизвѣстными и, связавъ ихъ между собою и объяснивъ ихъ значеніе въ бытѣ, способствовать къ сознательному пониманію прошедшей жизни. Польза нагляднаго обученія давно уже составляетъ одну изъ аксіомъ педагогической науки какъ въ классахъ, такъ и въ особенности для самообученія. Тѣмъ не менѣе по обширности дѣла никто еще не принимался за наглядное изложеніе русской бытовой исторіи. П. Н. Полевой, препятствій не боится: сынъ своего отца, когда то много и съ честію потрудившагося на пользу распространія просвѣщенія въ русскомъ обществѣ, авторъ извѣстенъ уже многими своими трудами; напр. кто не знаетъ его „Исторіи русской литературы“, вышедшей уже третьимъ изданіемъ и приносящей значительную пользу. Новый трудъ П. Н. Полеваго требовалъ и значительнаго подготовленія и значительныхъ тратъ; но задумавъ разъ дѣло, авторъ не отступилъ отъ своей цѣли и передъ читателями уже два выпуска, составляющіе первый томъ и обнимающіе собою древній періодъ и періодъ XI—XIII вѣковъ (по памятникамъ Кіева и Владиміра). Въ трудѣ г. Полеваго принималъ дѣятельное участіе совѣтами и указаніями Е. Е. Замысловскій, имя котораго, какъ ученаго, добросовѣстнаго въ высокомъ и рѣдкомъ смыслѣ, должно служить полнымъ ручательствомъ за серьезность изложенія и возможную точность сообщаемыхъ свѣдѣній; и дѣйствительно, составитель не только перебралъ весь наличный археологическій матеріалъ, что само по себѣ составляетъ большой трудъ, но повѣрилъ по возможности рисунки самыми памятниками, а нѣкоторые даже были сняты вновь съ самихъ памятниковъ.

Въ первомъ выпускѣ авторъ знакомитъ читателя съ такъ называемымъ доисторическимъ періодомъ и въ ясномъ, отчетливомъ изложеніи передаетъ повѣренныя критикой свѣдѣнія, извлеченныя изъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и изъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлію привести эти раскопки въ связь съ извѣстіями древнихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ читатель находитъ главы о каменномъ вѣкѣ, свайныхъ постройкахъ, бронзовомъ вѣкѣ, скиѳахъ, славянахъ, хозарахъ, Болгаріи и Біарміи. Мы можемъ смѣло сказать, что такого популярнаго, но вполнѣ научнаго обзора всѣхъ этихъ вопросовъ еще не имѣла русская литература. Въ виду постоянно возрастающаго интереса къ древности первобытной, появленіе такого руководства въ высшей степени важно. Само собою разумѣется, что авторъ при настоящемъ состояніи раскопокъ могъ говорить подробно только о тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя уже было обращено вниманіе изслѣдователей. Много еще уголковъ русской земли ждутъ тружениковъ и пройдетъ еще много лѣтъ прежде, чѣмъ наука будетъ въ состояніи представитъ полную, стройную картину и прійдти къ выводамъ болѣе или менѣе точнымъ. Не надо забывать, что и въ Европѣ, а не только у насъ, наука о древности первобытной еще новая наука. У насъ же, хотя и были раскопки довольно давно, но значеніе ихъ уяснилось для общаго сознанія только въ послѣднія 20 лѣтъ, послѣ знаменитой статьи Бера. Благодаря археологическимъ обществамъ и археологическимъ съѣздамъ (т. е. главнымъ образомъ графу Уварову) въ послѣдніе годы изученіе этой древности подви-

1) Большое изданіе „Древней исторіи“ Погодина по цѣнѣ недоступно; по рисункамъ далеко не равно; иные хороши, другіе плохи и не точны. Къ тому же картинки сами по себѣ, а текстъ самъ по себѣ.

гается быстро; но и теперь еще мы въ сущности знаемъ не очень много и потому трудъ сведенія въ одно всего, что знаемъ, весьма важенъ: онъ указываетъ пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ и можетъ служить важнымъ пособіемъ не только для публики и юношества, но и для начинающихъ археологовъ.

Во второмъ выпускѣ авторъ знакомитъ читателя съ древностями Кіева и Владиміра. Въ легкомъ и живомъ изложеніи авторъ знакомитъ читателя съ топографіею этихъ обоихъ городовъ (отчасти и вообще съ топографіею суздальской земли), передаетъ свѣдѣнія о политическомъ и церковномъ устройствѣ и бытѣ разныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества. Серьезный пересмотръ не только всего написаннаго, но и самыхъ источниковъ далъ автору возможность представить весьма интересныя очерки (хорошъ напр. очеркъ кіевскаго торга), иногда новыя толкованія (напр. слова милостникъ), иногда удавалось ему яснѣе очертить уже извѣстное (напр. не лишены интереса его замѣтки о значеніи князя во Владимірѣ). Вообще, очерки читаются съ удовольствіемъ и должны принести большую пользу преимущественно въ семьяхъ; пусть юношество наглядно знакомится съ бытомъ предковъ, пусть узнаютъ, что и у насъ существуютъ памятники древности и что ихъ нужно охранять, а не портить (что случилось съ описанною у автора Покровскою церковью близь Боголюбова). Уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка—пора намъ это понять. При тщательномъ и добросовѣстномъ отношеніи автора къ источникамъ, всѣ факты тщательно повѣрены и недоумѣній сколько я замѣтилъ немного и то мелкихъ; мнѣ попалось два: на 128 стр. говорится, что кіевляне привѣтствовали Изяслава Мстиславича криками: „ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ"; въ лѣтописи (Ипат. 259) это новгородцы; на стр. 172 авторъ высказываетъ предположеніе, что поминать князя на богослуженіи начали во Владимірѣ; а въ „Житіи Өеодосія" (по изданію въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи, 27 об.) мы читаемъ, что Өеодосій велѣлъ поминать Изяслава на эктиніи „яко стольному тому князю".

Мы знаемъ навѣрное, что съ матеріальной стороны изданіе обезпечено и потому убѣждены, что авторъ доведетъ до конца свое важное предпріятіе и опишетъ также отчетливо намѣченные имъ древности Новгорода и Москвы.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Der polnische Kriegs-schauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880.

Въ военной нѣмецкой литературѣ продолжаютъ появляться сочиненія, имѣющія предметомъ изученіе границы Германіи въ стратегическомъ отношеніи. Въ послѣднее время изученіе это обращалось преимущественно на ея восточныя границы и весьма недавно вышла по этому вопросу любопытная книга, очевидно вполнѣ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица, скрывшагося подъ псевдонимомъ Sarmaticus. Книга, явившаяся въ двухъ выпускахъ, носитъ названіе „Польскій театръ войны" (Der polnische Kriegsschauplatz) „военно-географическій этюдъ". Точнѣе было бы сказать: стратегическій — такъ какъ авторъ изслѣдуетъ съ этой точки зрѣнія, соприкасающіяся между собою восточныя владѣнія Пруссіи и западныя Россіи. Въ предисловіи авторъ обращаетъ вниманіе „нѣмецкой арміи" на этотъ „въ высшей степени важный, но до сихъ поръ мало изучаемый театръ войны". Цѣль его книги — бросить яркій свѣтъ на эти границы. Далѣе идутъ довольно темныя и запутанныя фразы о необходимости оцѣнить „настоящее значеніе культурныхъ и военно-историческихъ моментовъ" и т. п. Смыслъ этихъ фразъ ясно высказывается въ послѣсловіи, приложенномъ ко второму выпуску. Тамъ, авторъ взявъ эпиграфомъ извѣстную поговорку „si vis pacem para bellum", говоритъ прямо, что желаетъ обра-

тить вниманіе на извѣстныя случайности (Eventualitäten) „которыя мы, нѣмцы, принуждены имѣть въ виду при нашемъ, со всѣхъ сторонъ угрожаемомъ положеніи“. Выходитъ, что не нѣмцы собираются воевать на изслѣдуемыхъ ими границахъ, а что имъ угрожаютъ войною и они готовятся только дать отпоръ. Но ни тонъ, ни изложеніе этой книги не говорятъ о войнѣ оборонительной. Въ первомъ выпускѣ авторъ съ мельчайшими подробностями описываетъ теченіе Вислы, возможность переходить по ней и ея притокамъ, исторію нѣкоторыхъ изъ этихъ переходовъ, потомъ изслѣдуетъ театръ войны на лѣвомъ берегу Вислы, свойства почвы, орографію и гидрографію, политическія условія, топографію, населеніе, пути сообщеній, желѣзныя дороги, шоссе и приводитъ историческіе примѣры военныхъ дѣйствій на этомъ берегу рѣки. Также тщательно и въ томъ же порядкѣ изслѣдованъ и правый берегъ Вислы на всемъ сѣверномъ театрѣ. Южный — разобранъ еще подробнѣе во второмъ выпускѣ, посящемъ второе названіе „изученіе военныхъ дѣйствій (Operationstudien)“. Тутъ кромѣ разсмотрѣнія театра войны приведены историческія подробности о походѣ 1812 года въ Волыни, военныя дѣйствія въ Минской губерніи въ томъ же году и дѣйствія инсургентовъ въ 1831 году. Въ отдѣлѣ „военныхъ дѣйствій“ разсматриваются прямо случаи войны Россіи и Франціи съ Германіею, которой помогаетъ Австро-Венгрія, война одной Россіи противъ Германіи и Австро-Венгріи противъ Россіи. Авторъ приходитъ ко многимъ весьма любопытнымъ выводамъ, на которые не мѣшало бы обратить вниманіе нашимъ спеціалистамъ и военнымъ людямъ.

В. З.

Русскій Архивъ. II-я книга. Москва. 1880.

Вторая книга „Русскаго Архива“ не менѣе объемиста, какъ и первая; содержаніемъ она также не богата. Не будь въ ней прекрасной статьи г. Корсакова о „Петрѣ Алексѣевѣ, протоіереѣ московскаго Архангельскаго собора“, да еще писемъ къ А. С. Пушкину барона Дельвига, Гоголя и кавалериста-дѣвицы (А. А. Дуровой), можно было бы просто сказать, что, помимо нѣсколькихъ „сырыхъ“, совсѣмъ необработанныхъ и архивныхъ матеріаловъ, вторая книга есть сплошная перепечатка уже появившихся статей въ другихъ изданіяхъ. Правда, въ ней помѣщены еще рѣчи И. С. Аксакова и П. И. Бартенева по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, но сущность этихъ рѣчей также извѣстна читающей публикѣ и ни въ какомъ случаѣ по нимъ, какъ по матеріалу случайному, нельзя судить о содержательности „Русскаго Архива“. Самые же интересные матеріалы — письма Ю. Ѳ. Самарина 1840—1845 годовъ и „новые“ отрывки изъ записокъ Пушкина — уже были напечатаны: первые въ V-мъ томѣ сочиненій Самарина, а вторые, въ журналѣ „Русская мысль“. Одинаково не редакціи „Архива“ принадлежатъ перепечатки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1825 года о сербской фамиліи Текелли въ Россіи — кстати сказать — „не оставившихъ потомковъ мужскаго пола“, и о графѣ С. М. Каменскомъ. На долю редакціи остаются: именной списокъ елизаветинскимъ лейбъ-компанцамъ, занимающій сто сорокъ три страницы, помѣщеніе которыхъ оправдывается развѣ ужь слишкомъ исключительной точкой зрѣнія г. П. Б., выраженной въ слѣдующемъ примѣчаніи его къ списку: „русская исторія должна помнить имена людей, которые освободили Россію отъ нѣмецкаго преобладанія въ управленіи и доставили русскій престолъ дочери Петра Великаго“. Русская исторія безъ сомнѣнія, будетъ помнить и безъ „Архива“, кто, дѣйствительно, достоинъ ея памяти, но читатели разсчитаннаго на общее распространеніе изданія не только не запомнятъ всей массы именъ помѣщенныхъ въ спискѣ съ формулярными примѣтами, а едвали пожелаютъ перелистовать этотъ пространный списокъ. За то навѣрное многіе изъ полу-

чающихъ „Архивъ“ пожалѣютъ о томъ, что пространство, занятое спискомъ, не наполнено чѣмъ нибудь болѣе удобочитаемымъ, хотя бы и не съ такой патріотической цѣлью.

Слишкомъ спеціальный интересъ представляютъ и другіе изъ архивныхъ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсматриваемой книги, а именно: свѣдѣніе о содержаніи умалишенныхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, о Екатерининскихъ пособникахъ — солдатахъ, о наслѣдствѣ А. Д. Ланскаго, рескриптъ Д. С. Ланскому, письмо его же къ князю И. Н. Трубецкому, возраженіе князя В. Н. Волконскаго на книгу графа Стройновскаго и письмо къ Шишкову отъ П. А. Кикина. Что касается „историческихъ анекдотовъ“ то — не въ обиду сказать редакціи „Архива“ — это просто залежавшіяся сплетни, къ тому же иногда мало грамотныя [1]) и большею частью лишенныя всякаго историческаго значенія, за самыми незначительными исключеніями. Анекдотовъ, впрочемъ, немного и главное ихъ достоинство — краткость.

Къ разряду необработанныхъ матеріаловъ и потому не удобочитаемыхъ, относятся также „воспоминанія“ графа Орлова-Давыдова о с.-петербургскомъ совѣстномъ судѣ 1848—1850 годовъ. Бумаги собранныя графомъ по этому предмету, по его словамъ, „заимствуютъ весь интересъ свой отъ ходатайства по одному законодательному вопросу“. Это — приговоръ самаго автора надъ своими воспоминаніями и образчикъ его стиля, а потому мы и не будемъ ихъ касаться. Не большаго вниманія заслуживаетъ извлеченіе свѣдѣній о пребываніи прусскаго министра Штейна въ Россіи изъ книги, вышедшей два года назадъ: „Life and Times of Stein“ Силея; конечно только какъ необходимый балластъ можно объяснить себѣ помѣщеніе „записокъ А. А. Эйлера“, пространныхъ и имѣющихъ частный интересъ.

Остается упомянуть еще о болѣе или менѣе живо написаннымъ г. Трефолевымъ кратенькомъ разказцѣ объ Ярославской старинѣ (изъ быта угличскихъ дворянъ XVIII-го столѣтія) и мы получимъ полное понятіе о новомъ выпускѣ „Русскаго Архива“, къ сожалѣнію, все болѣе оскудѣвающаго по части интереснаго матеріала.

Ѳ. В.

Соціальные реформаторы. Г. Д. Штутгартъ. 1880.

Писательское ремесло проявляется въ различныхъ видахъ, но не всякому изъ такихъ проявленій всегда подыщешь надлежащій резонъ. Бываютъ такіе случаи, когда рѣшительно теряешься въ догадкахъ, какое назначеніе имѣетъ сочиненіе, по замыслу самого сочинителя. Предметъ, избранный сочинителемъ, будто серьезный и важный, способенъ возбудить любопытство, а на дѣлѣ оказываются какіе-то вздорные и безграмотные пустячки, съ какими-то дикими поползновеніями. Къ категоріи такого сорта ретензіозныхъ сочиненій принадлежитъ и брошюра, недавно полученная въ Петербургѣ и изданная въ Штуттгартѣ, о „Соціальныхъ реформаторахъ“. Сочинитель ея счелъ за лучшее скрыть свое имя подъ иниціалами Г. Д., но за то стиль брошюры сразу обличаетъ въ немъ не русское происхожденіе или, говоря опредѣленнѣе, принадлежность къ той космополитической группѣ которая характеризуется словами „изъ нашихъ“. То „соціалисты“ въ родѣ „Сенъ-Симона“, „доискиваются до недостатковъ общественнаго строя“, то Руссо пишетъ сочиненіе „касательно добродѣтельности человѣка“; въ другомъ мѣстѣ брошюры Г. Д. силится доказать, что онъ можетъ „обмѣни-

---

[1]) Напримѣръ, Карамзинъ «выѣхалъ изъ Москвы только наканунѣ ея оставленія».

вать мнѣ принадлежащія силы на предметы, которые мнѣ нужны", а соціальные реформаторы, „пугая капиталъ, его отъ насъ отстраняютъ". Впрочемъ, всего не перечтешь. Да и что за бѣда отъ деревяннаго стиля? Лишь бы содержаніе было любопытно. А какъ не быть любопытнымъ содержанію такой книги, какъ „Соціальные реформаторы"? Ни теоретическія соображенія, ни практическія попытки западно-европейскихъ соціалистовъ, а иныхъ даже самое имя, неизвѣстны большинству нашей образованной публики. Къ тому же сочинитель брошюры имѣлъ въ виду еще чисто практическую цѣль: „нѣсколько лѣтъ тому назадъ — говоритъ онъ—появились въ Россіи соціальные реформаторы, которые хотятъ разрушить существующій строй, основанный на вѣрѣ, семействѣ и собственности. Чтобъ судить о томъ, возможно ли замѣнить эти основы другими, я обратился къ исторіи, которая, уже съ давнихъ временъ, намъ указываетъ на подобныя попытки".

Вотъ и все „введеніе". „Исторія", къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ оказалась безсильной помочь сочинителю. „Коммунизмъ" Миноса, Ликурга, Платона, пиѳагорейцевъ, іессеевъ, терапевтовъ, христіанства, хоть и свалены въ одну кучку на пространствѣ восьми страницъ, вовсе, однако, не представляетъ тѣхъ разрушительныхъ началъ, которыя подтвердить свидѣтельствами „исторіи" взялся Г. Д. Тоже находится и въ болѣе позднихъ системахъ соціальныхъ реформъ. О началахъ и идеяхъ, которыми опредѣлялся ходъ развитія соціализма на Западѣ, читатель, конечно, ничего не найдетъ у Г. Д. Сколько-нибудь обстоятельнаго и яснаго изложенія соціальныхъ ученій также нѣтъ въ брошюрѣ. Тусклость понятій, сбродъ какихъ-то обрывковъ, замѣняютъ серьезное отношеніе къ предмету и сколько-нибудь толковое изложеніе. О Руссо, напримѣръ, сказано: „хотя онъ и защищалъ семейство и отвергалъ общинное владѣніе, однако полагалъ, что человѣкъ созданъ добродѣтельнымъ, но что человѣческое общество образовалось порочное". Но что-жь изъ этого? Очень просто: „мы — говоритъ Г. Д. — можемъ сказать противное тому: человѣкъ родится порочнымъ, а общество его исправляетъ". Овэнъ „предоставляетъ людямъ право жить безбѣдно, но не обезпечиваетъ исполненіе ихъ обязанностей" (?). Тѣ же блажныя истолкованія предлагаетъ Г. Д. и относительно стремленій „жирондинцевъ» (т. е. жирондистовъ) и другихъ „соціалистовъ". "Говоря о революціонерахъ, добивающихся новаго общественнаго строя, интересна программа Пассананте" и пр., и пр. въ томъ же родѣ и стилѣ.

Мы понимаемъ, что можно отвергать радикальныя реформы западныхъ соціалистовъ, быть ожесточеннымъ противникомъ идей ихъ, можно видѣть въ ихъ безуспѣшныхъ стремленіяхъ утопіи, но огуломъ приписывать имъ вздоръ, обвинять непремѣнно въ злобныхъ намѣреніяхъ ихъ мечтанія и предположенія, или дѣлать всѣхъ шутами гороховыми въ состояніи только явная недобросовѣстность или тупоуміе. „Всякій со мной согласится"—говоритъ въ заключеніе авторъ—„въ томъ, что умъ, руки и ноги составляютъ мою личную собственность, подчиняющуюся моей волѣ; я могу ими дѣйствовать по своему усмотрѣнію". Это — самое сильное возраженіе во всей брошюрѣ противъ ученій соціалистовъ, но оно же теряетъ всякое значеніе по отношенію къ самому сочинителю. „Умъ", очевидно, „не составляетъ его личной собственности" и было бы, конечно, лучше и для читателя, и для него самого, если бы Г. Д. не дѣйствовалъ по „своему усмотрѣнію".

Ѳ. Б.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. Москва. 1880.

Небольшое, но замѣчательное изслѣдованіе г. Янжула знакомитъ впервые съ дѣятельностью ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, которая,

не смотря на ея не маловажное значеніе для развитія идей свободной торговли и преобразованія англійскихъ финансовъ, до сихъ поръ не имѣетъ хотя бы легкаго очерка своей исторіи и должной оцѣнки ни въ англійской, ни въ другой европейской литературѣ. Самую любопытную сторону дѣятельности общества представляетъ его критика государственныхъ расходовъ Англіи. Въ изданіяхъ общества подробно разбираются не только всѣ статьи этихъ расходовъ, но и обсуждается нерѣдко значеніе каждой отдѣльной статьи въ государственномъ организмѣ, взвѣшивается ея полезность и цѣлесообразность и изображаются откровенно и часто весьма рѣзко недостатки и злоупотребленія той отрасли управленія, къ завѣдыванію которой относится разбираемая статья. Такимъ образомъ эта критика является интересной даже не въ одномъ лишь финансовомъ отношеніи: знакомя съ слабыми сторонами своей государственной жизни, которая имѣетъ много общаго у всѣхъ націй, она тѣмъ самымъ разумѣется можетъ быть поучительна не для однихъ только англичанъ. Въ видахъ этого интереса, г. Янжулъ, на основаніи трудовъ ливерпульскаго общества, знакомитъ именно съ послѣдней сферой его дѣятельности т. е. съ критикой англійскихъ государственныхъ расходовъ на содержаніе войска, флота и колоній, на содержаніе двора и прочихъ частей управленія.

Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ въ этой области заключается въ томъ, что ливерпульская ассоціація пользуется самой широкой свободой обсужденія всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованія. Не смотря, однако, на всю свою откровенность въ сужденіяхъ и критикѣ общественнаго и государственнаго устройства Англіи, ливерпульское общество ни разу во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трактатахъ не упоминаетъ о положительныхъ злоупотребленіяхъ съ криминальнымъ характеромъ, въ родѣ, напримѣръ, преступленій противъ казеннаго имущества. Эта относительная рѣдкость подобныхъ злоупотребленій служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что, ядро всего англійскаго государственнаго устройства вполнѣ здорово и способно къ постоянному и прочному совершенствованію. „Общественная самодѣятельность и свободная пресса—вотъ тѣ два могучіе фактора, благодаря зоркому наблюденію которыхъ затрудняется и ограничивается появленіе и развитіе всевозможныхъ злоупотребленій“. Второй выводъ изъ знакомства съ трудами ливерпульскаго общества состоитъ въ тѣсной и не разрывной связи всѣхъ финансовыхъ преобразованій вообще и сокращенія государственныхъ расходовъ въ особенности, съ измѣненіемъ административной системы. Слабые пункты организаціи англійскаго управленія заключаются въ существованіи множества синекуръ, плюрализма, кумовства и протекціи. Но какъ ни великъ вредъ такой системы, бороться противъ него нельзя иначе, какъ дѣйствуя на тѣ причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе самаго зла. Одной изъ ближайшихъ являются существующія формы администраціи, и съ преобразованія ихъ, слѣдовательно, должна начинаться всякая серьезная реформа сокращенія расходовъ.

Общее заключеніе, которое вытекаетъ изъ книги г. Янжула, сводится къ тому, что лишь общественная самодѣятельность и частный законодательный почипъ, въ связи съ свободной печатью, какъ доказываютъ всѣ данныя, привели Англію къ цвѣтущему положенію ея финансовъ и тѣмъ самымъ указываютъ единственно вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ.

Ѳ. Б.

Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. Москва. 1880.

Брошюра г. Иловайскаго явилась весьма кстати. Она возобновила въ памяти русскихъ людей подробности знаменательнаго событія нашей исторіи, котораго пятисотлѣтній юбилей исполнился только надняхъ. Но, независимо отъ своего прямого назначенія, разсматриваемая брошюра представляется весьма отраднымъ явленіемъ. Приготовленія къ походу Дмитрія Донскаго, самый походъ, подробности Куликовской битвы,—все это разсказано просто, обстоятельно и живо. Примѣнительно же къ задачамъ „Историческаго Вѣстника", любопытно упомянуть о взглядѣ нашего историка на „Слово о житіи и преставленіи Дмитрія Ивановича, Царя Русскаго", которое вмѣстѣ съ лѣтописными сказаніями о событіи служило источникомъ и г. Иловайскому. По словамъ автора, не можетъ быть сомнѣній, что такое великое событіе, какъ Донской походъ Дмитрія Ивановича имѣлъ своего современнаго пѣвца или сказателя-панегириста, подобно другимъ важнымъ событіямъ древней Руси. Обычай сочинять похвальное слово или пѣснь въ честь князей тотчасъ послѣ совершенія ими какого либо подвига,—этотъ обычай идетъ на Руси изъ глубокой древности. Вскорѣ послѣ самого похода сочинена была похвальная пѣснь о немъ въ честь Дмитрія Ивановича и двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича, и притомъ сочинена не только грамотнымъ, но и начитаннымъ авторомъ, Софоніемъ Рязанцемъ. Сочиненіе это въ числѣ своихъ образцовъ имѣло поэтическое слово о Полку Игоревѣ, и вообще исполнено риторическихъ украшеній. Авторъ его едва ли былъ бояриномъ, по мнѣнію г. Иловайскаго; скорѣе это сочиненіе духовнаго отца. Похвальная повѣсть Софонія не дошла до насъ въ цѣломъ и настоящемъ своемъ видѣ. Но она послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ „Сказаній" и „Словъ". Ею воспользовался и тотъ лѣтописный разсказъ, который вошелъ въ своды Новгородскій, Софійскій и Воскресенскій. Ею вдохновился и изъ нея заимствовалъ свои картины авторъ Слова о Задонщинѣ. Наконецъ, таже самая повѣсть является въ Никоновскомъ сводѣ и въ „Повѣданіи о побоищѣ", но только съ большими передѣлками, пропусками и вставками.

Разсказъ Никоновскаго свода по языку болѣе примѣненъ къ лѣтописному повѣствованію, а Повѣданіе несомнѣнно сохранило по большей части и самый языкъ Софоніева „писанія", реторическій или украшенный. Сказаніе Софоніево, очевидно, получило большое распространеніе въ древней Руси, и часто списывалось. Но позднѣйшіе списатели или переписчики много его искажали или по невѣжеству и недосмотру, или намѣренными передѣлками. Каждой области лестно было заявить о своемъ участіи въ великой Куликовской битвѣ. И вотъ явились, напримѣръ списки сказанія съ длинной вставкой объ участіи Новгородцевъ въ походѣ Дмитрія, „хотя это совершенная басня". Тверскіе списатели вставили разсказъ объ участіи въ походѣ тверичей съ племянникомъ своего великаго князя Михаила Александровича, „хотя это тоже сомнительно". Присутствіе митрополита Кипріана въ Москвѣ во время событія по мнѣнію Иловайскаго есть также позднѣйшая вставка. Точно также если не всѣ, то нѣкоторыя благочестивыя легенды, приводимыя особенно въ Никоновской лѣтописи, вѣроятно, сложились или умножились уже впослѣдствіи, на основаніи какихъ либо краткихъ намековъ первоначальной „Повѣсти". Вообще въ брошюрѣ Иловайскаго разобраны критически спорные вопросы относительно многихъ подробностей Куликовской битвы, представлена оцѣнка источниковъ разсказа объ этомъ событіи и указана литература предмета. Такимъ образомъ въ одной небольшой книжкѣ удачно соединены ученая работа съ популярнымъ, общедоступнымъ изложеніемъ событія.

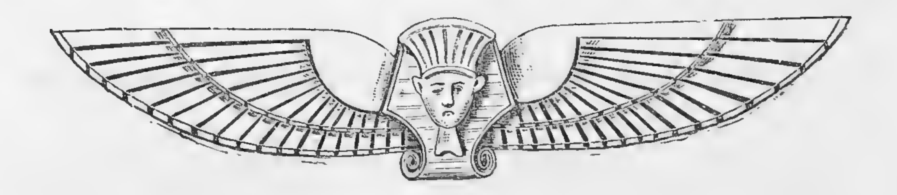
Ѳ. Б.

Историческая записка 75-ти-лѣтія СПБ. 2-й гимназіи. Ч. I. СПБ. 1880.

Это юбилейный отчетъ о первомъ двадцатипятилѣтіи существованія второй С.-Петербургской гимназіи (1805—1830 г.) хотя и составленъ совсѣмъ не популярно. Списки служившихъ въ гимназіи лицъ, списки учившихся въ ней за это время, перечень расходовъ, росписанія уроковъ и самыя краткія свѣдѣнія о внутренней жизни учебнаго заведенія, одни, такъ сказать, слабые контуры этой жизни—таково содержаніе „Исторической Записки" старѣйшей изъ столичныхъ гимназій. Что касается распоряженій и „преобразованій", какія испытала вторая гимназія за указанный періодъ времени, то они давно извѣстны изъ оффиціально составленной „Исторіи среднихъ учебныхъ заведеній" Шмидта и другихъ источниковъ.

Вотъ почему разсматриваемая „Историческая записка" представляетъ лишь исключительный, слишкомъ спеціальный интересъ и не можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе широкое распространеніе даже въ кругу педагоговъ и учебныхъ заведеній.

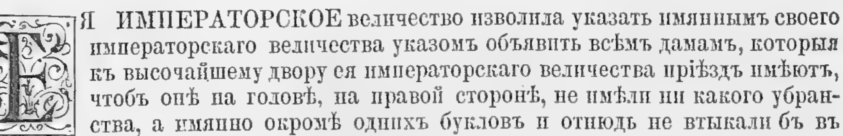
Ѳ. Б.



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императрицы Елизаветы Петровны.

I.



ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ объявить всѣмъ дамамъ, которыя къ высочайшему двору ея императорскаго величества пріѣздъ имѣютъ, чтобъ онѣ на головѣ, на правой сторонѣ, не имѣли ни какого убранства, а имянно окромѣ однихъ букловъ и отнюдь не втыкали бъ въ волосы на оную правую сторону ничего какъ алмазовъ, такъ и цвѣтовъ, но только бъ въ одной лѣвой сторонѣ носили бъ убранства; также не употребляли бъ сверхъ тупея цытерьнаделей и цвѣтовъ и прочаго ничего, и въ тупей ничего не втыкали бъ; и къ томужъ и дофиновъ не носили бъ и тако на всей головѣ не было бъ болѣе убранства, какъ только на одной лѣвой сторонѣ, а тупей и правая сторона были бъ просто въ однихъ завитыхъ волосахъ.

Декабря 13 дня, 1851 г.

II.

Ея императорское величество изволила высочайше указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ: оберъ-гофмейстеринѣ, гофъ-мейстеринѣ, штатсъ-дамамъ, фрейлинамъ и придворнымъ кавалерамъ съ фамиліями, а генералитету первымъ четыремъ классамъ съ фамиліями же, во время высочайшаго ея императорскаго величества въ Петергофѣ присутствія въ курташные дни имѣть платье дамамъ: кафтаны бѣлые, тафтяные, обшлага, опушки и юпки гранитуровые зеленые, по борту только позументъ серебряной; на головахъ имѣть обыкновенной папиліонъ, а ленты зеленые; волосы вверхъ гладко убраны. Кавалерамъ: кафтаны бѣлые же, камзолы, да у кафтановъ обшлага маленькіе разрѣзные и воротники зеленые, кто изъ какой матеріи пожелаетъ, съ выкладкою серебрянаго позумента около петель и при томъ у тѣхъ петель, чтобъ были кисточки серебряныя жъ, небольшія, какъ оныя прежде сего у Петергофскаго платья бывали.

Мая 26 дня, 1752 г.

III.

Высочайше повелѣно съѣзжаться по полудни въ 7-мъ часу всѣмъ придворнымъ и знатнымъ персонамъ и чужестраннымъ и всему дворянству съ фамиліями, а особливо съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ въ ономъ маскарадѣ малолѣтныхъ не было, въ приличныхъ маскахъ, кто похочетъ въ какомъ платьѣ, токмо кромѣ перигримскаго и арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ, неупотреблять; въ убранствахъ хрусталей и мишуры на тѣхъ платьяхъ чтобъ не было, а кто не дворянинъ, тотъ бы въ оной маскарадъ быть отнюдь не дерзалъ.

Февраля 14 дня, 1753 г.

IV.

Ея императорское величество соизволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ чтобы всегда урожаемые сначала весны и лѣта лѣсныя новины, ягоды и другія фрукты, то есть морошку, землянику, грибы, грузди, рыжики и протчее, набирая въ лѣсахъ дворцовыми волостными мужиками, а ежели паче чаянія волостными мужиками набрано и выслано не будетъ, а такія же новины прежде оныхъ могутъ оказаться въ продажѣ у постороннихъ людей, тогда оныя покупать отъ дворцовой канцеляріи неотмѣнно и присылать ко двору ея императорскаго величества сколько когда гдѣ набрать или купить можно, дабы такія новины въ партикулярныхъ домахъ прежде высочайшаго двора ея императорскаго величества ни укого отнюдь оказаться не могли.

Марта 25 дня, 1751 г.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II.

Одну изъ блестящихъ страницъ въ жизни Екатерины II составляютъ ея сношенія съ великими умами современной ей западной Европы. Конечно, однимъ изъ главныхъ побужденій императрицы въ этомъ случаѣ было самолюбіе и желаніе пріобрѣсть себѣ симпатію передовыхъ людей того времени, но все же нельзя не признать, что вмѣстѣ съ личными разсчетами ею руководилъ и дѣйствительный интересъ къ идеямъ, которыя проповѣдывались Вольтеромъ, Дидро, и другими тогдашними вожаками европейскаго просвѣщенія. Въ 1773—1774 годахъ императрицѣ удалось лично познакомиться съ Дидро, который провелъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Объ этомъ личномъ знакомствѣ съ нимъ Екатерины разказано, съ любопытными подробностями, княземъ П. А. Вяземскимъ въ приложеніяхъ къ біографіи Фонъ-Визина, и позже М. Ѳ. Шугуровымъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ первой книгѣ сборника П. И. Бартенева: „Осмнадцатый Вѣкъ“. Новое, законченное только въ 1877 году, изданіе сочиненій и писемъ Дидро, исполненное весьма тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла гг. Ассеза и М. Турне, заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи отношеній знаменитаго энциклопедиста къ русской императрицѣ. Должно замѣтить, что въ теченіе своего пребыванія въ Россіи, Дидро, по видимому, писалъ очень мало писемъ на родину. За то на возвратномъ пути изъ Петербурга во Францію онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гагѣ и въ письмахъ, отсюда посланныхъ разнымъ лицамъ, описалъ свое пребываніе въ гостяхъ у русской императрицы. Къ числу писемъ такого содержанія принадлежитъ и то, которое мы предлагаемъ

здѣсь въ переводѣ, и которое осталось неизвѣстнымъ ни князю Вяземскому, ни г. Шугурову, такъ какъ оно было напечатано, много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ французскомъ библіографическомъ изданіи и не входило до сихъ поръ въ собранія сочиненій Дидро. Письмо это, написанное пылкимъ философомъ къ своей женѣ, имѣетъ совершенно частный характеръ: Дидро отводитъ въ немъ довольно много мѣста даже разсчетамъ о тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя можетъ доставить ему путешествіе въ Россію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Дидро высказываетъ здѣсь съ полною откровенностью и свои мнѣнія объ императрицѣ..

Гага, 9 апрѣля 1774 года.

„Дорогой другъ, я прибылъ въ Гагу 5 апрѣля, проѣхавъ семьсотъ лье въ теченіе двадцати двухъ дней. Князь и княгиня [1]) ждали меня съ нетерпѣніемъ и приняли съ выраженіями самой искренней и трогательной дружбы. Пожелай я только рѣшительно, я могу быть возлѣ тебя черезъ четыре дня; но ея императорское величество поручила мнѣ издать здѣсь уставы разныхъ заведеній, основанныхъ ею на благо своихъ подданныхъ, и я долженъ это выполнить. Если голландскій книгопродавецъ не арапъ, какимъ онъ имѣетъ обыкновеніе быть, то я вскорѣ уѣду въ Парижъ. Если же я прійду къ какому нибудь разумному соглашенію съ нимъ, то останусь здѣсь. Не знаю еще на чей счетъ падутъ расходы моей обратной поѣздки. Чтобы выяснить это, подожду моего провожатаго до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится изъ своей поѣздки по Голландіи [2]).

На канунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга ея императорское величество прислала мнѣ три мѣшечка съ тысячью рублей въ каждомъ. Я отправился къ нашему министру при русскомъ дворѣ, чтобы размѣнять эти деньги на французскія бумаги. Вслѣдствіе учета, который особенно въ настоящее время очень значителенъ въ Петербургѣ, эти три тысячи рублей сократились до 12,600 ливровъ нашей монеты [3]). Если отнести на эту сумму стоимость эмалевой доски и двухъ картинъ, которыя я поднесъ государынѣ, расходы на обратный путь и подарки, которые мы, какъ порядочные люди, должны сдѣлать Нарышкинымъ—они были такъ добры ко мнѣ, обходились со мною какъ съ братомъ, помѣстили у себя, кормили и вообще содержали меня на всемъ готовомъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ,—то намъ остается пять или шесть тысячъ франковъ, пожалуй даже менѣе; но я не могу считать себя увѣреннымъ, что намъ нечего болѣе ожидать отъ государыни, которая есть сама щедрость, ради которой я, уже въ довольно зрѣломъ возрастѣ, совершилъ путешествіе въ 1,500 лье, которая не пренебрегла принять подарокъ, и для которой я трудился всячески день и ночь въ теченіе пяти мѣсяцевъ: въ виду всего этого и мой провожатый намекаетъ мнѣ о противномъ. Но даже еслибъ этого и не состоялось, мнѣ не на что жаловаться. Государыня была ко мнѣ такъ щедра до сихъ поръ, что требовать большаго, значилобъ съ моей стороны проявлять ненасытимую жадность; но во всякомъ случаѣ нужно подождать, и даже довольно долго, прежде чѣмъ высказываться въ какомъ либо смыслѣ. Государыня знаетъ, что ея дары не обогатили меня, и я убѣжденъ, она питаетъ ко мнѣ уваженіе, смѣю даже сказать—дружбу. Нѣкогда я предлагалъ ей передѣлать энциклопедію для нея; она сама завела теперь рѣчь объ этомъ проектѣ, кото-

[1]) Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, русскій полномочный министръ въ Гагѣ, женатый на графинѣ Амаліи—Аделаидѣ (Амаліи Ѳедоровнѣ) фонъ-Шметтау.

[2]) Провожатый этотъ данъ былъ Дидро Екатериной; фамилія его была Бала (Bala); онъ ѣхалъ съ Дидро до Гаги и затѣмъ долженъ былъ возвратиться въ Россію.

[3]) Ливръ=франку.

рый ей понравился; такъ она увлекается всѣмъ, что имѣетъ характеръ величія. Обсудивъ это дѣло со мною въ отношеніе славы, которую оно ей принесетъ, она велѣла мнѣ переговорить съ однимъ изъ своихъ министровъ о денежной сторонѣ предпріятія. Между министромъ этимъ и мною все слажено, и въ ту минуту, какъ я тебѣ пишу, онъ увѣдомляетъ меня, что вскорѣ доставитъ мнѣ средства для начатія дѣла. Средства эти будутъ весьма значительныя: не менѣе сорока тысячъ рублей или двухсотъ тысячъ франковъ; мы теперь же получимъ проценты со всей этой суммы и затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ будемъ пользоваться процентами хотя съ части ея, то есть, около 10,000 франковъ за первые годъ и три мѣсяца, 5,000 за слѣдующіе годъ и три мѣсяца и т. д., все это было бы очень кстати въ прибавку къ нашимъ обычнымъ доходамъ. Нужно только хранить объ этихъ вещахъ глубокое молчаніе: вопервыхъ, потому что дѣло хоть и очень исполнимо, но еще не исполнилось; во вторыхъ, когда деньги будутъ получены, и вообще дѣло сдѣлается, нужно молчать о немъ, имѣя въ виду нашихъ дѣтей, которыя иначе будутъ требовать отъ насъ денегъ для помѣщенія ихъ въ полной неприкосновенности, и вообще многихъ другихъ причинъ, которыя ты сообразишь и сама, безъ моей помощи. И такъ, дорогой другъ, готовься къ переѣзду. Я предупрежу тебя, когда нужно это сдѣлать, чтобы ты могла найдти квартиру въ удобной для нашего дѣла части города. На сей разъ энциклопедія принесетъ мнѣ кое что и не причинитъ огорченій, такъ какъ я буду работать для чужестраннаго двора и подъ покровительствомъ коронованной особы. Французское министерство увидитъ въ этомъ лишь славу и выгоду націи, и я употреблю послѣдніе годы жизни съ пользой для тебя и для дѣтей нашихъ.

„Императрица не только надѣлала мнѣ подарковъ и поручала работы въ Петербургѣ, но и дала мнѣ много порученій, исполненіе которыхъ потребуетъ и многихъ способностей, и значительнаго количества времени. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ менѣе могу повѣрить, чтобъ эта государыня, столь во всемъ великая, уступала мнѣ въ отношеніи соблюденія моихъ интересовъ, такъ какъ надобно тебѣ сказать — я вѣдь самъ связалъ ей руки и удержалъ ея благотворительность. Ты спросишь меня, почему я такъ поступилъ, и вотъ мой отвѣтъ: едва я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ негодяи стали писать изъ Парижа, а другіе негодяи—повторять въ Петербургѣ, что я пріѣхалъ не для того, чтобы отблагодарить государыню за ея прежнія благодѣянія, а чтобы выпросить еще новыхъ; это оскорбило меня, и я сказалъ себѣ: я долженъ зажать ротъ этой сволочи. Поэтому то, когда я откланивался ея императорскому величеству, я представилъ ей нѣчто въ родѣ прошенія, въ которомъ изложилъ свое наипочтеннѣйшее ходатайство, ничего, такъ-таки рѣшительно ничего, не прибавлять къ ея прежнимъ милостямъ, дабы не оскорбить мое сердце. Какъ я и ожидалъ, она спросила о причинѣ такой просьбы. „Я дѣлаю это", отвѣчалъ я, „ради вашихъ подданныхъ и моихъ соотечественниковъ; вашихъ подданныхъ я не желалъ бы оставить въ томъ убѣжденіи, о которомъ они имѣли низость намекать и мнѣ, то есть, что не благодарность, а тайный разчетъ на новыя выгоды подвинулъ меня на путешествіе; я непремѣнно хочу разубѣдить ихъ въ этомъ и прошу ваше величество оказать мнѣ тутъ свою помощь; въ отношеніи же моихъ соотечественниковъ, я хочу сохранить полную свободу слова: когда я буду говорить имъ правду о вашемъ величествѣ, пусть не думаютъ они, что то говоритъ голосъ благодарности, всегда подозрительный. Мнѣ гораздо пріятнѣе заслужить общее довѣріе, когда я стану превозносить ваши великія достоинства, чѣмъ имѣть лишнія деньги". „А вы богаты?" спросила она. „Нѣтъ, не богатъ, государыня, но я доволенъ, а это самое главное". „Что жь мнѣ сдѣлать для васъ?" „Многое: во первыхъ, ваше величество не пожелаете отнять у меня два-три года жизни, которыми я вамъ же обязанъ, и уплатить расходы по моему путешествію, пребыванію здѣсь и возвращенію, впрочемъ имѣя въ виду, что философъ путешествуетъ

не какъ знатный баринъ". Она сказала мнѣ: „Сколько же вы хотите?" „Я думаю, что полутора тысячи рублей будетъ довольно". „Я дамъ вамъ три тысячи". „Во вторыхъ, ваше величество дадите мнѣ какую-нибудь бездѣлку, цѣнную лишь потому, что она была въ вашемъ употребленіи". „Я согласна, но скажите мнѣ, какую бездѣлку вы хотите получить". Я отвѣчалъ: „Вашу чашку съ блюдечкомъ". „Нѣтъ, она разобьется, и вамъ же будетъ жалко; я приберу что-нибудь другое". „Въ третьихъ, ваше величество дадите мнѣ какого-нибудь провожатаго, который доставитъ меня здраво и невредимо домой, или скорѣе—въ Гагу, гдѣ я пробуду три мѣсяца, исполняя порученія вашего величества. „Это будетъ исполнено". „Вчетвертыхъ, ваше величество разрѣшите мнѣ прибѣгнуть къ вамъ въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе ли дѣйствій правительства, или по какой другой причинѣ". На этотъ пунктъ она отвѣчала мнѣ: „Другъ мой (такъ она и сказала), разсчитывайте на меня, я всегда при всякомъ случаѣ готова вамъ помочь". Ты поймешь, что такая доброта вызвала горячія слезы на мои глаза; она тоже почти заплакала. Вечеръ этотъ былъ самый пріятный для насъ обоихъ: она сказала это Гримму, котораго принимала послѣ меня. „Такъ вы скоро ѣдите?" прибавила она. „Если ваше величество позволите". „Да вмѣсто того, чтобъ уѣзжать, отчего бы вамъ не выписать сюда ваше семейство?" „О, государыня", отвѣчалъ я, „моя жена очень немолода и очень болѣзненная женщина, и съ нами живетъ ея сестра, которой скоро будетъ восемьдесятъ лѣтъ! „Она ничего на это не отвѣчала. „Когда же вы ѣдете?" „Когда позволитъ время года". „Такъ не прощайтесь же со мною: прощанье наводитъ грусть". Вслѣдъ затѣмъ она велѣла приготовить новенькую англійскую карету, въ которой я могъ и сидѣть, и лежать какъ въ постели, и снабдила меня всѣмъ, что необходимо для моего удобства и спокойствія въ пути. Она стала искать между своихъ офицеровъ такого, который былъ бы мнѣ по вкусу, и наконецъ выбрала одного очень любезнаго и порядочнаго человѣка, умнаго и образованнаго. Мнѣ хотѣлось бы подарить ему мои часы. Какъ ты думаешь объ этомъ? Этотъ господинъ, служащій въ коллегіи или въ комитетѣ иностранныхъ поселенцевъ и въ канцеляріи князя Орлова, оказывалъ мнѣ всевозможныя одолженія. Скажи мнѣ, что ты думаешь объ этомъ намѣреніи, я такъ и поступлю; только отвѣчай сейчасъ же. Наканунѣ моего отъѣзда, государыня сказала Гримму: „Я въ восхищеніи, я думала, думала, и наконецъ, вспомнила объ одной вещи, которая была у меня въ употребленіи, и которая доставитъ удовольствіе Дидро".

„Утромъ въ день моего отъѣзда она явилась среди своего двора съ кольцомъ на пальцѣ, и сказала одному изъ своихъ приближенныхъ: „Возьмите это кольцо и отнесите его отъ моего имени г. Дидро; скажите ему, что я носила его. Это бездѣлка, какъ онъ и просилъ, но я увѣрена, что она доставитъ ему удовольствіе". Въ этомъ кольцѣ былъ рѣзной камень съ изображеніемъ императрицы. Надобно тебѣ сказать, когда я попросилъ у нея какую-нибудь бездѣлку и упомянулъ о чашкѣ и блюдечкѣ, то прибавилъ также: „или рѣзной камень", и она мнѣ отвѣтила: „Да, былъ у меня отличный, да я отдала его князю Орлову". Я отвѣчалъ: „Можно у него вытребовать". „Я никогда не требую обратно того, что дамъ разъ". „Какъ, государыня вы соблюдаете такія церемоніи съ друзьями"? Она улыбнулась. — Голубушка, я затрудняюсь излагать продолженіе этого разговора и чувствую что душѣ моей становится неловко. Эта женщина также добра, какъ и велика: надо тебѣ знать, что князь Орловъ былъ ея фаворитомъ; впрочемъ выборъ ея былъ прекрасный; это человѣкъ возвышенной души, да и четверо братьевъ его стоятъ его: они-то и возвели Екатерину на престолъ.

„Вотъ, голубушка, какъ ведутся бесѣды съ императрицей Россійскою, и передаваемый мною разговоръ подобенъ шестидесяти другимъ, которые ему предшествовали.

„Та прекрасная карета, которая была для меня сдѣлана, сломалась въ Митавѣ, то есть, въ 230 лье отъ Петербурга.

„Ну, теперь, мой другъ, ты все, все знаешь. Не сжигай этого письма. Послушай, если я отдамъ часы моему провожатому, это, конечно, станетъ извѣстно императрицѣ, да и часы эти такъ мало мнѣ служатъ, что я намѣревался было подарить ихъ г. Нарышкину. Такъ какъ ты все теперь знаешь, скажи мнѣ, что ты думаешь. Полагаешь ли ты, что ея императорское величество будетъ строго держаться нашего договора и ничего для меня не сдѣлаетъ?

Прежде чѣмъ подавать ей мою просьбу, въ которой я самъ полагалъ предѣлы ея благотвореніямъ, я, во избѣжаніе дурного истолкованія, что въ ней кроются корыстные виды подъ прекрасною наружностью, показалъ ее Гримму и двумъ-тремъ порядочнымъ людямъ, настоятельно прося ихъ сказать мнѣ свое мнѣніе; всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали мнѣ, что просьба отличается самою трогательною деликатностью и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дурно истолкована; тогда я рѣшился подать и прочесть ее императрицѣ. А такъ какъ въ ней выражалось мое искреннее убѣжденіе, то прочтеніе просьбы окончательно засвидѣтельствовало истинность выраженныхъ въ ней чувствъ, и государыня была ею вполнѣ тронута.

„Шведскій министръ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я совѣтовался, пришелъ ко мнѣ нѣсколько дней спустя спросить какъ было принято мое прошеніе. „Отлично", казалъ я. А онъ замѣтилъ: „Я былъ увѣренъ въ его успѣхѣ", и добавилъ: „Вы исполнили свой долгъ какъ честный человѣкъ, и я вполнѣ увѣренъ, императрица также выполнитъ свой". „Но, баронъ..." „Я знаю, вы говорили государынѣ вполнѣ серьезно; въ самомъ дѣлѣ думаете то, что сказали ей; но не можетъ же она понять ваши слова въ буквальномъ смыслѣ. Доводы ваши поразили ее своею справедливостью. Она не захочетъ лишить ихъ значенія истины; но послѣ того, какъ вы скажете свое слово, она будетъ дѣйствовать. Покрайней мѣрѣ такъ бы я поступилъ на ея мѣстѣ, да вѣрно, такъ она и сдѣлаетъ: она только отодвинетъ на нѣкоторый срокъ выраженія своей благотворительности, но чередъ ихъ все-таки прійдетъ; я ее знаю, она всегда такъ поступаетъ".

„Ошибается ли шведскій министръ, или нѣтъ, мнѣ, мой другъ, все равно, клянусь тебѣ: я доволенъ собою, и буду всегда доволенъ ею. Мы всѣмъ ей обязаны; что бы я не сдѣлалъ, я всегда до самой смерти останусь въ долгу у нея. Вотъ что я вижу и всегда буду видѣть: надѣюсь, и ты также, я тебя знаю.

„Прощай, моя милая, цѣлую тебя отъ всего сердца; кланяйся всѣмъ отъ меня.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что возвращеніе мое ничего мнѣ стоить не будетъ, и что данному мнѣ провожатому императрица приказала производить всѣ расходы и ничего не брать отъ меня. Это мнѣ очень пріятно, хотя и не удивляетъ меня; я узнаю государыню въ этой щедрости.

Сообщено **Л. Н. Майковымъ.**

Непреклонный маіоръ [1]).

(Картинка административной неурядицы александровскихъ временъ).

I.

Дѣло происходило въ 1811 году, зимою. Гражданскія власти Псковской губерніи (какъ и другихъ) были озабочены производствомъ рекрутскаго набора

[1]) Въ имѣющемся у меня собраніи старинныхъ бумагъ находится, между прочимъ, переписка (въ скрѣпленныхъ копіяхъ, а частію въ подлинникахъ) между воен-

и взыманіемъ податей и недоимокъ. Время было горячее: Россія готовилась къ великой войнѣ и потребность въ людяхъ и въ деньгахъ была неотложная и чрезвычайная. Такъ смотрѣли на это дѣло въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ правительства, и въ такомъ экстренномъ смыслѣ разсылались оттуда въ провинцію вдохновительныя предписанія и циркуляры для „скорѣйшаго“ исполненія. Но—„скоро сказка сказывается“...

Судя по лежащимъ передъ нами документамъ, петербургскія нетерпѣливыя предписанія далеко не вездѣ въ провинціи возбуждали вожделѣнное и единодушное рвеніе. Какъ власти, такъ и общество (не говоря уже о крестьянахъ) относились къ нимъ съ привычной вялостью и пассивностью. Происходило это, отчасти, отъ того, что тамъ никто не зналъ истиннаго положенія вещей и не подозрѣвалъ близости висѣвшей надъ государствомъ грозы. Моментъ патріотическаго возбужденія, отличившаго эпоху „отечественной войны“, еще не наступалъ. Процедура отправленія государственныхъ повинностей и обязанностей совершалась старымъ, по обыкновенію, медленнымъ, безалабернымъ порядкомъ, характеризовавшимся, съ одной стороны, неохотой и уклончивостью плательщика и, съ другой—мертвеннымъ формализмомъ, чиновническимъ соперничествомъ, неспособностью, а часто и недобросовѣстностью низшей администраціи.

Нужно знать еще, что̀ такое былъ въ тѣ времена рекрутскій наборъ, вообще, чтобы понять тѣ тяготы и затрудненія, которыми сопровождалось его исполненіе какъ для населенія, такъ, отчасти, и для властей.

Суровая военная ферула и страшно-долголѣтній срокъ службы внушали ужасъ въ народѣ къ „красной шапкѣ“ и, каждый новобранецъ обрекалъ себя ей, какъ пыткѣ. Все, что могло, правдами и неправдами, избѣжать „рекрутчины“—объявлялось въ бѣгахъ, подкупало чиновниковъ, нанимало охотниковъ, калѣчило себя и проч. Тѣмъ суровѣе были мѣры, принимаемыя властями для противодѣйствія разнообразнымъ уклоненіямъ отъ этой повинности.

Одинъ изъ лично испытавшихъ на себѣ тягость тогдашней солдатской лямки современниковъ, Иванъ Меньшой—авторъ любопытныхъ записокъ, напечатанныхъ въ „Рус. Старинѣ“ 1874 г., разсказываетъ, что, когда въ 1812 г. былъ объявленъ наборъ и съ его семейства потребовали рекрута, то, до представленія сыновей, находившихся въ отлучкѣ, мать автора была закована въ кандалы и посажена подъ арестъ.

„У меня сердце закипѣло, описываетъ онъ волновавшія его въ тѣ минуты чувства,—думалъ я въ это время, что, еслибъ можно было, я эти желѣзы съ материнскихъ ногъ перегрызъ бы зубами“...

Конечно, это былъ заурядный фактъ такого безчеловѣчнаго способа понужденія къ отбыванію тяжелой, ненавистной повинности.

Къ рекрутчинѣ относились антипатично не только лично подлежавшіе ей, напр., крестьяне, но и помѣщики—дворяне. Какъ увидимъ ниже, нерѣдки бывали примѣры, что помѣщики сами способствовали своимъ крестьянамъ всѣми мѣрами уклоняться отъ этой повинности. Наборъ, понятно, отнималъ у нихъ работниковъ, отнималъ живую силу, которая стоила денегъ, и имъ жаль было отдать ее добровольно на алтарь отечества.

Такимъ образомъ, легко представить себѣ—какой переполохъ, какую сумятицу и сколько хлопотъ и тревогъ повсемѣстно вносило въ провинціальную жизнь одно роковое слово: „наборъ“!

ными и гражданскими властями псковской губерніи, относящаяся къ 1811 г. и возбужденная по поводу производства рекрутскаго набора. Къ сожалѣнію, въ моемъ собраніи не достаетъ резолюціи, какая послѣдовала со стороны высшей власти въ завершеніе этой переписки; но фактическая сторона эпизода отъ этого ничего не теряетъ и, самъ по себѣ, онъ даетъ довольно полное впечатлѣніе безъурядицы и розни, царившихъ тогда въ средѣ провинціальной администраціи. Авт.

II.

Псковской губерніей управлялъ въ 1811 году князь Петръ Шаховской. Зная, вѣроятно, по своимъ связямъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, нѣсколько ближе о грозившей Россіи опасности и получая настоятельныя требованія отъ центральной власти—возможно скорѣе произвесть рекрутскій наборъ и собрать подати, князь поставилъ на ноги всю мѣстную земскую полицію. Изъ его канцеляріи стали летѣть къ уѣзднымъ исправникамъ предписанія за предписаніями и, наконецъ, отъ 18-го ноября, явилось „подтверждающее“ предписаніе, въ которомъ требовалось непремѣнно къ 1-му декабря взыскать „всякаго рода доимки“ безъ остатка.

Но этотъ градъ губернаторскихъ предписаній исправники умѣли отражать не менѣе плодовитыми и убѣдительными отписками. Особенно находчивъ былъ, кажется, по этой части тогдашній порховскій исправникъ, нѣкто Бороздинъ.

Получивъ отъ губернатора предписаніе 21-го ноября, онъ 23-го того же ноября уже успѣлъ отписаться къ нему рапортомъ.

„Я, ваше сіятельство, писалъ Бороздинъ,—неоднократно гг. владѣльцевъ ко взносу должныхъ ими въ уѣздное казначейство доимочныхъ денегъ и къ высылкѣ (въ Псковъ) доимочныхъ рекрутовъ понуждалъ и понуждаю, а для лучшаго успѣха нѣкоторыхъ изъ нихъ и подписками обязалъ (словомъ, постарался всеусердно); но и за всѣмъ тѣмъ никакого успѣха не предвидѣлъ“...

Такая мрачная прелюдія рапорта была, отчасти, не болѣе, какъ ловкій отписочно-канцелярскій пріемъ для вящшаго освѣщенія ретивости г. исправника и ея блистательныхъ результатовъ.

„Понужденія“ его „гг. владѣльцевъ“, на самомъ дѣлѣ, не были ужь такъ отчаянно безъуспѣшны, хотя и потребовали, какъ видно, не малаго напряженія полицейской расторопности. Встрѣчая неохоту и упорство со стороны помѣщиковъ въ исполненіи предписанныхъ повинностей, Бороздинъ „вынужденнымъ себя нашелъ“ хватать и ловить въ ихъ вотчинахъ, „подъ разными видами“, первыхъ встрѣчныхъ людей, годныхъ въ рекруты. Надо полагать, что „виды“ эти были какъ нельзя болѣе остроумны и рѣшительны, потому что, благодаря имъ, Бороздину посчастливило нахватать такимъ способомъ надлежащее число рекрутовъ въ вотчинахъ Назара Румянцова, Якова Нартова, Анны Харламовой и друг., чѣмъ онъ и не преминулъ похвалиться передъ начальникомъ.

Это—еще одна недурная подробность для иллюстраціи тогдашней рекрутчины, лишавшейся всякой тѣни законности и правильности, если полиція находила возможнымъ, безъ разбору, вербовать въ солдаты любого, приглянувшагося ей молодца.

Находились, однако, между порховскими помѣщиками такіе дипломаты, которые умѣли перехитрить и ловкаго исправника. Не смотря на „разные виды“ и „всевозможныя средства“, пущенные въ ходъ Бороздинымъ, эти искусившіеся „въ нѣтѣхъ“, какъ говорилось въ старину, плательщики, искусно отлынивали отъ него и довели до полнаго отчаянія.

Выведенный изъ себя, въ безсиліи понудить непокорныхъ къ отбыванію должной повинности, исправникъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію воинской силы... Мѣра, казалось бы, рѣшительная и самая дѣйствительная; но тутъ, сверхъ ожиданія, разсчеты гражданской власти на содѣйствіе военной должны были разбиться о „непреклонность“ представителей послѣдней.

III.

По всѣмъ вѣроятіямъ, командиръ гарнизоннаго батальона, расположеннаго въ Псковской губерніи, будучи независимъ отъ власти мѣстнаго губернатора, былъ съ нимъ не въ ладахъ. Такъ какъ, по исконному свойству русскаго, да ли всякаго другого служилаго класса, каждый чиновникъ непремѣнно и повсе-

часно стремится всячески засвидѣтельствовать, что онъ что-то такое значитъ, и непремѣнно—значеніе свое до-нельзя раздуваетъ и преувеличиваетъ, то подобные нелады, счеты и пререканія между представителями различныхъ вѣдомствъ всегда были въ правахъ нашей, особенно провинціальной, администраціи.

Между тѣмъ, сама собой подразумѣваемая, по логикѣ вещей, солидарность гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ губерніи, тѣмъ болѣе при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, была, сверхъ того, категорически обусловлена „Положеніемъ о внутренней стражѣ“ 1808 г.

„Положеніе“ обязывало начальниковъ гарнизонныхъ командъ оказывать, по всякому законному требованію, всевозможное содѣйствіе мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, а въ особенности въ такомъ первой важности дѣлѣ, какъ рекрутскій наборъ. Такъ, между прочимъ, губернаторамъ предоставлялось требовать изъ губернскихъ ротъ нужное число портныхъ для шитья рекрутскаго одѣянія, „дабы болѣе придать успѣха отбыванію рекрутской повинности“.

Такъ и сдѣлалъ въ описываемый моментъ князь Шаховскій: онъ потребовалъ изъ псковскаго гарнизоннаго батальона 18 человѣкъ портныхъ; но, сверхъ ожиданія, получилъ рѣшительный отказъ.

Здѣсь мы и встрѣчаемся съ „непреклоннымъ“ майоромъ, какимъ аттестовалъ, покрайней мѣрѣ, князь Шаховской передъ начальствомъ командира псковскаго гарнизоннаго баталіона, Циліакуса.

Точно ли майоръ Циліакусъ отличался „непреклоннымъ“ и строптивымъ нравомъ, или же онъ имѣлъ какія нибудь основанія быть въ контрахъ съ губернаторомъ—рѣшить трудно. Несомнѣнно одно, что онъ плохо понималъ свои обязанности, по отношенію къ рекрутскому набору, и еще хуже исполнялъ ихъ, чѣмъ не мало тормозилъ и безъ того не бойко работавшую губернскую административную машину.

Требованіе портныхъ губернаторомъ онъ счелъ за произволъ и за униженіе его достоинства, какъ самостоятельнаго командира, и въ своемъ рапортѣ князю Шаховскому выразился, что онъ, майоръ, „не находитъ нужды, чтобы его сіятельство распоряжалъ въ его баталіонѣ“...

Сверхъ того, „непреклонность“ свою Циліакусъ обнаружилъ еще въ томъ, что ставилъ „излишнія“ затрудненія пріему рекрутовъ въ команду, а „при томъ дѣлалъ всякаго рода непріятности“ князю. Какія „непріятности“—мы не знаемъ; но на нихъ жаловался Шаховской. „Непріятна“ была для обоихъ сторонъ уже сама возникшая между ними переписка, въ канцелярскомъ суесловіи которой сквозили взаимныя личности, счеты и недоразумѣнія отодвигавшія государственный интересъ на задній планъ.

Князь, по своему званію и положенію, считая себя, конечно, выше поставленнымъ какого нибудь гарнизоннаго майора, ждалъ и требовалъ отъ него уступки себѣ и покорности. Когда же послѣдній оказался „непреклоннымъ“, то, по заведенному обычаю, ссора, должна была разрѣшиться классическимъ путемъ, т. е., посылкой съ обѣихъ сторонъ ходатайствъ и доносовъ въ Петербургъ и употребленіемъ связей въ средѣ сильныхъ міра для преоборенія и уничтоженія противника не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Такимъ, именно, финаломъ и кончился описываемый эпизодъ, по крайней мѣрѣ со стороны князя Шаховского. Взыскательный князь ждалъ только удобной оказіи сразить непріятнаго майора петербургскими громами. Оказія такая скоро представилась.

IV.

Когда въ Псковѣ шли раздоры и непріятности по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ между губернаторомъ и Циліакусомъ, въ это самое время — по симпатіи ли къ начальникамъ (если не по ихъ внушенію), или просто случайно—

вышли контры по тому же дѣлу и у порховскаго исправника съ командиромъ порховскаго гарнизона.

Какъ мы уже знаемъ, порховскій исправникъ, стремясь очиститься отъ недоимокъ и рекрутовъ, не сданныхъ уклонившимися отъ повинностей помѣщиками обратился къ содѣйствію мѣстной воинской силы.

„Для экзекуціи къ неисправнымъ плательщикамъ, я—писалъ онъ губернатору—потребовалъ отношеніемъ отъ порховскаго инвалиднаго начальника капитана Дорогова рядовыхъ (4 чел.); но оной не токмо ихъ не далъ, но даже не счелъ за нужное извѣстить меня о причинѣ таковой имъ не дачи, о чемъ вашему сіятельству на разсмотрѣніе рапортую"...

Такимъ образомъ театръ непріязненныхъ дѣйствій между двумя вѣдомствами расширялся. Губернаторъ находилъ сочувственный откликъ и поддержку, въ борьбѣ съ воинскимъ вѣдомствомъ, въ догадливомъ и ретивомъ, подчиненномъ ему, исправникѣ, а „непреклонный" майоръ Циліакусъ укрѣплялся, повидимому, въ своемъ антагонизмѣ къ штатскому элементу однородной непреклонностью подчиненнаго ему капитана Дорогова.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ такомъ, именно, смыслѣ истолковалъ себѣ это кн. Шаховской, обрадовавшись рапорту исправника Бороздина, какъ новой, сильной уликѣ противъ ненавистнаго майора въ глазахъ начальства. Пользуясь этимъ рапортомъ, въ связи съ другими данными, князь не замедлилъ представить начальству „непреклонность" Циліакуса въ видѣ какого-то систематизированнаго злоумышленнаго комплота псковскихъ воинскихъ силъ противъ гражданскихъ властей губерніи.

Не далѣе, какъ 28 ноября (т. е. на другой же день по полученіи рапорта отъ Бороздина), Шаховской уже пишетъ военному министру, Барклаю-де-Толли, офиціальное письмо, исполненное горькихъ жалобъ и обвиненій на Циліакуса, какъ на главнаго и единственнаго виновника неуспѣшности рекрутскаго набора въ Псковской губерніи.

Вычисливъ всѣ беззаконія майора, князь пишетъ, что онъ „довелъ его до крайности, противу воли безпокоить" министра „всепокорнѣйшею просьбою избавить его отъ сего неудовольствія"...

„Ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите,—говоритъ онъ далѣе,—всѣ неудобства, происходящіе въ противность успѣшныхъ моихъ распоряженій отъ непреклонности маіора Циліакуса; въ отвращеніе чего покорнѣйше прошу повелѣть оградить меня по силѣ (такихъ-то узаконеній) и тѣмъ положить конецъ всѣмъ симъ замѣшательствамъ или повелѣть обратить на него (т. е. на Циліакуса) всю отвѣтственность въ медленности и неустройствахъ по рекрутскому набору во ввѣренной мнѣ грберніи"...

Фактическихъ данныхъ для подкрѣпленія своихъ жалобъ и обвиненій князь имѣлъ, однако, немного, а потому онъ горячо ухватился за рапортъ порховскаго исправника и, ссылаясь на него въ письмѣ своемъ министру, старается придать бездѣйствію Дорогова видъ какой-то злонамѣренный оппозиціи, по наущенію Циліакуса.

„А по таковому его, баталіоннаго командира, распоряженію (?),—пишетъ онъ,—видно, и подчиненные ему начальники по уѣздамъ" отказываютъ въ содѣйствіи гражданскимъ властямъ. Въ доказательство приводятся рапорты порховскихъ исправника и земскаго суда.

Такимъ образомъ, подъ горячимъ перомъ губернатора, единичный случай получилъ широкое обобщеніе, какъ повсемѣстное явленіе во всѣхъ уѣздахъ, а „непреклонный" маіоръ разрисованъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что въ Петербургѣ его должны были, по первому впечатлѣнію, счесть за какого-то опаснаго конспиратора, стремящагося дискредитировать гражданскія власти па пространствѣ всей псковской губерніи.

Въ дѣйствительности, ничего такого страшнаго не было. Просто была всеобщая безъурядица, вину которой губернатору хотѣлось, въ данномъ случаѣ,

взвалить на непріятнаго ему представителя другого вѣдомства. Съ этимъ ли разсчетомъ, или въ запальчивости, Шаховской въ письмѣ къ министру позволилъ себѣ завѣдомыя натяжки и преувеличенія фактовъ.

V.

Начать съ того, что нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Циліакусъ дѣлалъ столь несообразное „распоряженіе", какъ внушеніе начальникамъ уѣздныхъ командъ—отказываться отъ содѣйствія гражданскимъ властямъ. Но могло статься, что въ Порховѣ знали о раздорахъ губернатора съ гарнизоннымъ начальникомъ, а отсюда ихъ подчиненные, изъ усердія къ отцамъ-командирамъ, могли вносить и въ отношенія между собою тотъ же духъ враждебности.

По этой-ли причинѣ, или по личнымъ счетамъ, исправникъ Бороздинъ, напр., очень рельефно обнаружилъ свое недружелюбіе къ порховскому начальнику инвалидной команды Дорогому. Вопервыхъ, онъ называетъ его въ официальной перепискѣ,—очевидно, ради уничиженія,—капитаномъ, тогда, какъ самъ Дорогой подписывается маіоромъ, какимъ онъ и былъ въ то время несомнѣнно. Во вторыхъ, Бороздинъ въ своемъ рапортѣ губернатору, жалуясь, что Дорогой не только отказалъ ему въ присылкѣ нижнихъ чиновъ, „но даже не счелъ за нужное извѣстить о причинѣ таковой недачи",—позволилъ себѣ солгать, съ явной цѣлью усугубить виновность Дорогова.

За день до посылки рапорта, самъ Бороздинъ объявилъ въ порховскомъ земскомъ судѣ о полученіи отзыва Дорогова, въ которомъ сей послѣдній весьма обстоятельно изъяснилъ причины „недачи" имъ требуемаго „отряда" изъ четырехъ рядовыхъ для экзекуціи.

Причина эта, по словамъ отзыва Дорогова, состояла въ томъ, что у него „воинскихъ служителей на лицо не имѣется" всѣ до одного „въ расходѣ", такъ что городъ Порховъ находился какъ бы въ совершенно беззащитномъ состояніи.

Въ доказательство своихъ словъ, откровенный порховской военачальникъ не стѣснился подробно изъяснить численность и дислокацію своихъ силъ. Къ отзыву онъ приложилъ вѣдомость „подробнаго расхода" своей команды, въ которой, какъ узнаемъ, состояло всего 40 рядовыхъ и 5 унтеръ-офицеровъ, въ томъ числѣ—1 „слабый падучою болезнію" и даже 1 „умершій"...

Въ вѣдомости обстоятельно показано—гдѣ, на какомъ служебномъ посту и сколько именно приставлено чиновъ команды. Тутъ идутъ разныя уѣздныя учрежденія: острогъ, казначейство, казенные „магазейны", полиція и проч. Сверхъ ожиданія оказывается—5 рядовыхъ посланными во Псковъ „для шитья рекрутской аммуниціи", по приказанію баталіоннаго командира (значитъ, и въ этомъ пунктѣ губернаторъ обвинялъ Циліакуса въ нерадѣніи не совсѣмъ основательно).

Не смотря, однако, на обстоятельность и точность вѣдомости Дорогова, она же показываетъ намъ, что и почтенный маіоръ не совсѣмъ былъ правъ, говоря въ своемъ отзывѣ, что „воинскихъ чиновъ у него, будто-бы, вовсе на лицо не имѣется". Въ выведенномъ имъ итогѣ, показано всего „въ расходѣ" 43 человѣка изъ 45-ти: слѣдовательно, два оставалось „налицо". Затѣмъ, плохо-ли зналъ маіоръ ариѳметику или разсчитывалъ на чужое незнаніе, но только итогъ онъ вывелъ невѣрно—однимъ человѣкомъ больше противъ дѣйствительности. И такъ, „налицо" у него находилось, несомнѣнно, три человѣка къ числу которыхъ недоставало, значитъ, только одного для полнаго укомплектованія экзекуціоннаго „отряда" по требованію исправника. Почему они не были посланы—неизвѣстно, а, между тѣмъ, изъ за этого весь сыръ боръ загорѣлся. Не ошибись маіоръ Дорогой въ счетѣ находившихся у него „налицо" воинскихъ чиновъ и отправь ихъ, по требованію исправника, на „экзекуцію", можетъ быть, тогда не возникло-бы всей этой переписки и высшее начальство

въ Петербургѣ не было-бы обезпокоено необходимостью разбирать междоусобіе псковскихъ гражданскихъ и военныхъ властей.

Конечно, въ существѣ дѣла арифметическая ошибка порховскаго военноначальника и его антагонизмъ къ исправнику были не болѣе, какъ каплей въ омутѣ чиновничьей жизни, соперничества и взаимныхъ пакостей, царившихъ въ административномъ мірѣ Псковской губерніи, отчего и происходила въ дѣлахъ государственной важности такая сумятица и безтолочь...

Сообщено **В. О. Михневичемъ.**

СМѢСЬ.

РАЗДНОВАНІЕ 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды. Торжество пятисотлѣтія Куликовской битвы на мѣстѣ этого великаго историческаго событія, вполнѣ удалось какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Мѣстность, гдѣ расположено село Монастырщина, очень живописная. Церковь, въ оградѣ которой погребены въ общей могилѣ русскіе воины, павшіе въ битвѣ, возвышается вблизи дороги, на берегу рѣки Непрядвы. Съ ранняго утра народъ въ праздничныхъ, разноцвѣтныхъ костюмахъ огромными толпами валилъ въ церковь. Съѣхалось множество окрестныхъ помѣщиковъ съ семьями, мѣстная администрація и войска изъ Тулы. Пятьдесятъ офицеровъ московскаго военнаго округа, производившіе рекогносцировку, прибыли верхомъ съ начальникомъ штаба генераломъ Духовскимъ. Все это—нарядная, пестрая масса, ряды войска, блестящіе кавалеристы— представляло оживленную и яркую картину.

Послѣ заутрени была отслужена панихида надъ могилою убитыхъ воиновъ. Войска были разставлены вокругъ могилы. По провозглашеніи вѣчной памяти. раздались ружейные и пушечные залпы. По окончаніи панихиды двинулся крестный ходъ на самое Куликово поле (отстоящее отъ села на семь верстъ) къ памятнику, построенному въ 1848 году. Памятникъ этотъ помѣщается на Красномъ холмѣ, тамъ, гдѣ была ставка Мамая. Процессія растянулась на семь верстъ; массы народа шли пѣшкомъ, ѣхали на телѣгахъ, на тройкахъ. Вокругъ памятника собралось до десяти тысячъ человѣкъ, раскинувшись тамъ и тутъ оживленными группами: кто у подножія колонны, кто на уступахъ памятника. кто дальше, громаднымъ кольцомъ, обвившимъ всю площадь. Яркое, теплое, совершенно лѣтнее солнце бросало золотые лучи на это чудное зрѣлище, озаряя оружіе войска, блестящія ризы духовенства, пестрые наряды толпы. Послѣдовалъ торжественный молебенъ. По окончаніи его снова ружейные и артиллерійскіе салюты. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, привѣтствуемыя громкимъ „ура“ всего народа.

За этими духовными и военными церемоніями слѣдовалъ обѣдъ офицерамъ и администраціи, устроенный земствомъ. Во время обѣда профессоръ Иловайскій провозгласилъ слѣдующій тостъ за здоровье русскаго войска и за внѣшній и внутренній миръ:

„Нельзя сказать, чтобы въ нашемъ общественномъ сознаніи уже установился ясный, вѣрный взглядъ на то мѣсто и значеніе, которое войны занимаютъ въ исторіи народовъ и даже въ современную намъ эпоху. А между

тѣмъ, стоитъ только попристальнѣе всмотрѣться въ эту исторію, чтобы убѣдиться въ неизбѣжности войнъ и не только въ томъ, что онѣ составляютъ неизбѣжное зло, но и въ томъ, что онѣ являются однимъ изъ главныхъ двигателей человѣческаго развитія. Ни одинъ великій историческій народъ не сдѣлался таковымъ безъ помощи своего оружія, безъ обильнаго пролитія своей крови. Безъ нихъ никому никогда не давались такія блага, какъ національная независимость и внѣшняя безопасность. Мы видимъ, что только тѣ народы сдѣлались историческими, т. е. создали собственное государство, которые отличались необходимыми для того качествами; въ числѣ же ихъ, можно сказать, на первомъ мѣстѣ стоитъ мужественный, воинственный характеръ. Такимъ именно качествомъ, въ высшей степени, обладалъ всегда и русскій народъ.

„А между тѣмъ, нерѣдко вы встрѣтите мнѣніе (особенно въ иноземной печати), которое приписываетъ славянскому племени какія-то исключительно мирныя наклонности и ограничиваетъ его назначеніе только земледѣльческими занятіями; у русскаго же народа находитъ какую-то пассивность и даже апатичность къ вопросамъ политическимъ. Только чужое пристрастіе или собственное невѣдѣніе могутъ распространять подобное мнѣніе. Вся русская исторія доказываетъ тому противное, начиная съ созданія нашего государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русскій народъ самъ, собственными трудами и собственною кровью, основалъ свое великое государство. Изъ своей долгой исторической школы онъ вынесъ ту государственную дисциплину и ту преданность законной власти, которыя являются необходимыми условіями для успѣшнаго развитія всякой національности. Точно также, на основаніи многихъ наблюденій, я смѣло утверждаю, что мы, русскіе, какъ великій историческій народъ, замѣчательно щекотливы въ вопросахъ нашей національной чести и государственнаго достоинства. И если нашъ народъ умѣетъ иногда подчинять свою гордость обстоятельствамъ, умѣетъ съ твердостью переносить разныя политическія неудачи, то въ этомъ я вижу только вѣское доказательство его государственной дисциплины.

„Какъ Русь сама создала свое великое государство, точно также она сама, безъ всякой посторонней помощи, сбросила съ себя то варварское иго, которое наложено было на нее монголо-татарскими ордами. Удобно и легко было западнымъ народамъ развивать европейскую цивилизацію за тѣмъ прикрытіемъ, которое составляли для нихъ наши предки, выносившіе на своихъ плечахъ всю громадную тяжесть борьбы съ темными силами Азіи. Эта долгая борьба, конечно, не могла не отразиться въ нашихъ нравахъ и на временной отсталости въ дѣлѣ цивилизаціи; но она же доказала всю силу нашей упругости и выносливости, всю прочность нашихъ народныхъ основъ. А съ этими качествами мы достигнемъ и всего остального.

„Если обратимся къ тому событію, которое мы празднуемъ сегодня, то надѣюсь, мм. гг., вы согласитесь со мною, что чѣмъ ближе мы знакомимся съ этимъ событіемъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ его величіи и въ томъ, что оно дѣйствительно должно составлять нашу національную гордость во всѣхъ отношеніяхъ. А главный виновникъ его, великій князь московскій Димитрій является передъ нами и замѣчательнымъ политикомъ, и превосходнымъ стратегомъ, и, наконецъ, доблестнымъ воиномъ. Въ настоящее время, когда Россія такъ могущественна, что въ случаѣ нужды можетъ выставить почти трехъ-милліонную армію, снабженную разными усовершенствованіями новѣйшаго военнаго искусства, вы не можете себѣ представить, какихъ трудовъ и усилій стоило пятьсотъ лѣтъ назадъ московскому великому князю, котораго владѣнія обнимали какихъ нибудь три, четыре настоящихъ губерній, какихъ усилій, повторяю, стоило ему собрать, вооружить и вывести въ поле полтораста тысячъ человѣкъ! И не только собрать ихъ, но и сплотить довольно разнообразныя части этого ополченія въ одное цѣльное воинство, одушевленное однимъ духомъ, одною идеею.

„Отъ подвиговъ этого ополченія, отъ заботъ и усилій нашихъ предковъ той эпохи мысль невольно переносится къ нашему времени и къ недавнимъ подвигамъ достойныхъ потомковъ, которые, по замѣчательному совпаденію событій, пять сотъ лѣтъ спустя побѣдоносно довершали за Балканами и за Кавказомъ ту борьбу христіанства съ магометанствомъ и цивилизаціи съ варварствомъ, которая побѣдоносно началась здѣсь, на этомъ Куликовомъ полѣ. Это поле лежало тогда на границахъ Руси со степью; а теперь оно находится въ самомъ центрѣ Россіи. Тогда оно было необитаемо и находилось въ первобытномъ, дикомъ состояніи, а теперь довольно густо заселено и тщательно воздѣлано мирнымъ плугомъ земледѣльца. Послѣднее обстоятельство, т. е. мирный плугъ земледѣльца, напоминаетъ мнѣ, что, благодареніе Богу, въ настоящій моментъ Россія наслаждается полнымъ миромъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ (мелкія, азіатскія столкновенія въ разсчетъ не принимаются). Потому то мы и можемъ спокойно разсуждать о войнахъ и, такъ сказать, на досугѣ вспоминать и праздновать славныя дѣла русскаго оружія. Да продлитъ Господь Богъ этотъ европейскій миръ какъ можно долѣе. Но такое общее наше желаніе не должно, конечно, нисколько ослаблять нашей энергіи и нашихъ заботъ о русской арміи, о совершенствованіи русскаго военнаго искусства. „Si vis pacem para bellum", говоритъ мудрая латинская поговорка. Къ какимъ трудамъ, лишеніямъ и подвигамъ, къ какому геройству способна русская армія, это она блистательно доказала недавно на глазахъ цѣлаго міра. Здѣсь, на знаменитомъ Куликовомъ полѣ, посреди стольких представителей нашего теперь всесословнаго воинства, въ присутствіи многихъ героевъ послѣдней войны, въ виду этихъ славныхъ знаменъ, развѣвавшихся при сдачѣ Османова войска и на берегахъ Мраморнаго моря, позвольте поднять высоко бокалъ за крѣпкую охрану нашей національной чести и спокойнаго внутренняго развитія, за нашу доблестную, геройскую армію!"

На этотъ тостъ отвѣчалъ генералъ Духовскій прочувствованною рѣчью, въ которой провелъ параллель между настоящей „высокославной" арміей и земской ратью Дмитрія Донскаго. „Отличительными качествами русскаго солдата—сказалъ ораторъ — всегда была готовность лечь костьми за царя и свое отечество, беззавѣтная храбрость и удаль въ бою, мягкость и человѣчность по отношенію къ побѣжденнымъ. Питомникомъ нашей арміи былъ народъ, являющій всегда, и особенно въ трудныя минуты исторической жизни, великое мужество, государственную дисциплину и преданность". Ораторъ заключилъ рѣчь здравицей за русскій народъ, которая была принята съ невыразимымъ энтузіазмомъ. — Второй день торжества начался торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ и панихидою въ соборѣ, послѣ чего послѣдовала закладка будущаго инвалиднаго дома, въ присутствіи преосвященнаго, мѣстныхъ властей и представителей всѣхъ сословій.

Послѣднее слово о мѣсторожденіи А. С. Пушкина. Въ №№ 136 и 137 „Московскихъ Вѣдомостей" за текущій годъ были напечатаны двѣ статьи А. А. Мартынова о мѣсторожденіи Пушкина. Г. Мартыновъ полагалъ, что поэтъ родился на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ графини Головкиной, принадлежащемъ нынѣ купцамъ Клюгинымъ. Противъ предположенія этого возраженій не послѣдовало, и къ дому Клюгиныхъ была прибита мраморная доска, на которой означенъ день и годъ рожденія А. С. Пушкина.

Къ такого рода открытію г. Марытновъ пришелъ слѣдующимъ путемъ: „Достовѣрно извѣстно, говоритъ онъ, что Пушкинъ родился во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Скворцова, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ. Но такъ какъ дома Скворцова не числится ни по различнымъ указателямъ Москвы того времени, ни по исповѣднымъ вѣдомостямъ 1799 года вышеупомянутаго прихода, причемъ самъ Скворцовъ по этимъ вѣдомостямъ значится управляющимъ состоявшаго въ томъ же приходѣ дома графини Головкиной, то положительно можно утверждать что мѣстный свя-

щенникъ, записывая въ метрическую книгу о рожденіи Пушкина „во дворѣ Скворцова“, имѣлъ въ виду домъ Головкиной, которымъ распоряжался Скворцовъ“.

На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣлись въ распоряженіи г. Мартынова, трудно было не соблазниться такого рода выводомъ. Но если принять во вниманіе тотъ порядокъ какимъ велись церковныя книги, то едва ли можно было остановиться на сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ прежнее время въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ записывались владѣльцы домовъ по степени ихъ важности, а потому Головкина занимала видное мѣсто въ этихъ вѣдомостяхъ, Скворцовъ же писался вмѣстѣ съ прислугой ея. Можно ли послѣ этого предположить, чтобы мѣстный священникъ, писавшій Скворцова по исповѣднымъ вѣдомостямъ въ числѣ прислуги, и даже не во главѣ ея, могъ бы въ метрической книгѣ, веденной въ томъ же году, совершенно игнорировать имя Головкиной, и жильцовъ ея дома именовать жильцами Скворцова? Кромѣ того по исповѣднымъ вѣдомостямъ 1799 года, въ числѣ живущихъ въ домѣ Головкиной не встрѣчается отецъ А. С. Пушкина, чего не могло бы случиться, еслибъ онъ дѣйствительно квартировалъ въ этомъ домѣ, ибо священникъ, узнавъ о рожденіи А. С. Пушкина и записавъ объ этомъ въ метрическую книгу, естественно долженъ былъ бы вписать отца его жильцомъ дома Головкиной. Нельзя же предположить чтобы священникъ не записывалъ своихъ прихожанъ въ церковныя книги единственно изъ желанія угодить знатнымъ барамъ, старавшимся скрыть, какъ думаетъ г. Мартыновъ, что въ домахъ ихъ отдаются квартиры. А потому скорѣе можно было предположить, что Пушкинъ родился въ собственномъ домѣ Скворцова, но что по какимъ-либо причинамъ Скворцовъ не числился еще офиціально хозяиномъ того дома, вслѣдствіе чего домъ его и не попалъ въ исповѣдныя вѣдомости.

Въ настоящее время предположеніе это вполнѣ оправдалось. Нѣсколько дней тому назадъ въ Московскомъ губернскомъ архивѣ г. Колосовскому удалось найти дѣло „юстицкаго департамента гражданскихъ дѣлъ московскаго городскаго правленія“ за 1799 годъ, „о явкѣ купчей Скворцовымъ“. Изъ дѣла этого видно что 15 іюля 1799 года титулярный совѣтникъ Иванъ Васильевъ Скворцовъ [1]) совершилъ купчую на пріобрѣтенный имъ у англійскаго купца Якова Яковлева Ровапда дворъ въ Басманной части, 3 квартала, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ; по совершеніи купчая эта явлена 15 сентября того же года, съ котораго времени Скворцовъ и сталъ офиціально владѣльцемъ купленнаго двора. Такъ какъ въ найденной купчей не означено ни границъ владѣнія, ни нумера его, а только сказано, что одна часть этого владѣнія перешла къ Ровацду въ 1771 году отъ Оріота, а другая — въ 1788 году отъ князя Гагарина, то для опредѣленія мѣстоположенія бывшаго двора Скворцова г. Колосовскій пользовался указателемъ Москвы 1793 г. [2]), въ которомъ нашелъ владѣніе англійскаго купца Якова Риванта въ третьемъ кварталѣ, Басманной части, по Нѣмецкой улицѣ, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ, подъ № 288; осмотрѣвъ затѣмъ такъ-называемые землемѣрные планы [3]) г. Колосовскій отыскалъ планъ владѣнія подъ № 288, составленный въ 1820 г.; по плану этому владѣніе бывшее подъ № 288 раздѣлено на три участка и принадлежитъ уже не Скворцову. Такъ какъ не удалось розыскать плана оставленнаго въ то время, когда дворъ Рованда принадлежалъ Скворцову, то

[1]) Во время рожденія Пушкина Скворцовъ имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника, а въ метрической книгѣ онъ по ошибкѣ названъ коллежскимъ регистраторомъ.

[2]) Указатель этотъ находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[3]) Землемѣрные планы хранятся въ главномъ архивѣ Московской городской управы. Они начали составляться въ 1803 году, для опредѣленія количества застроенной земли каждаго отдѣльнаго владѣнія. По нимъ опредѣлялся размѣръ сбора на построеніе казармъ.

все изысканіе о мѣстоположеніи этого двора приходилось основывать только на нумерѣ владѣнія, показанномъ въ указателѣ 1793 года. Въ виду того, что въ указателѣ этомъ нумеръ владѣнія могъ быть показанъ невѣрно, а также и того, что въ купчей Скворцова встрѣчается фамилія „Ровандъ", а въ указателѣ „Ривантъ", былъ провѣренъ нумеръ владѣнія по двумъ купчимъ: первой — на переходъ въ 1788 году части владѣнія князя Гагарина къ Рованду, и второй — на переходъ въ 1820 году части бывшаго владѣнія Скворцова къ мѣщанкѣ Филипповой [1]). По провѣркѣ оказалось, что дворъ Рованда числился именно подъ тѣмъ нумеромъ, подъ которымъ онъ значится въ указателѣ 1793 года. Въ настоящее время владѣніе Скворцова, раздѣленное на три участка еще въ 1820 году, принадлежитъ купчихѣ Раззориной, мѣщанкѣ Масловой и г. Клейненбергъ. Оно находится на углу Лефортовскаго переулка и Нѣмецкой улицы, занимая по этой улицѣ $41^1/_2$ саженъ. Прежнихъ построекъ не сохранилось, онѣ сгорѣли въ 1812 году, но мѣстоположеніе дома въ которомъ родился Пушкинъ можно опредѣлить по общему плану Москвы, составленному въ концѣ прошлаго столѣтія; на этомъ планѣ въ разстояніи 13 саженъ отъ Лефортовскаго переулка показано по Нѣмецкой улицѣ каменное зданіе; на мѣстѣ этого зданія въ настоящее время стоитъ домъ Масловой и часть дома Клейненберга.

Доказавъ такимъ образомъ, что Скворцовъ имѣлъ собственный дворъ въ приходѣ Богоявленія, г. Колосовскій указываетъ и на то обстоятельство, что Скворцовъ фактически считался хозяиномъ этого двора прежде совершенія купчей, о чемъ зналъ мѣстный священникъ, вслѣдствіе чего и записалъ въ метрической книгѣ, что Пушкинъ родился во дворѣ Скворцова, а не во дворѣ Рованда, хотя рожденіе произошло прежде совершенія купчей. Такое мнѣніе подтверждается исповѣдными вѣдомостями 1798 и 1799 годовъ; по первой изъ нихъ значится дворъ Рованда, а по второй не числится ни двора Рованда, ни двора Скворцова. Это ясно показываетъ, что священникъ еще въ началѣ 1799 года, когда составлялъ вѣдомости, зналъ о покупкѣ Скворцовымъ двора Рованда, почему и исключилъ изъ вѣдомости Рованда, но Скворцова почему либо вписать въ нихъ не могъ, можетъ быть потому, что Скворцовъ явилъ купчую только 15 сентября 1799 года, а исповѣдныя вѣдомости представляются въ консисторію къ 1 сентября того года, за который составляются.

Всѣхъ приведенныхъ данныхъ и соображеній кажется вполнѣ достаточно, чтобы вопросъ о мѣсторожденіи А. С. Пушкина считать окончательно разрѣшеннымъ.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Одесса, вслѣдъ за Москвою, сооружаетъ монументъ Пушкину. Какъ передаетъ „Одесскій Вѣстникъ", въ городскую управу представлены два фотографическихъ снимка съ проекта фонтана съ бюстомъ Пушкина, для постановки на площади предъ зданіемъ городской думы. Проэктъ составленъ художникомъ Людвигомъ Жорини и весьма эффектенъ. На четыреугольной пирамидѣ возвышается бюстъ поэта въ формѣ Гермеса, наиболѣе подходящей къ линіи пьедестала. На передней части пьедестала лѣстница о трехъ ступенькахъ, надъ которыми на площадкѣ стоитъ женская фигура съ музою въ одной рукѣ и съ рѣзцомъ въ другой, — символъ поэзіи. Она навѣсила уже вѣнки на четырехъ углахъ карниза подъ бюстомъ, написала на развернутомъ свертке имена Данте, Гете, Мольера, Шекспира и Пушкина, и послѣ этого вырѣзываетъ на пирамидѣ имя поэта. На другихъ трехъ сторонахъ пирамиды предполагается написать избранныя стихи Пушкина, выражающіе величіе его мыслей, чтобы сохранить гармонію между архитектурной линіей пирамиды и передней частью ея. Первое подножіе ея украшено съ трехъ сторонъ головами

---

[1]) Первая купчая находится въ книгѣ купчихъ, хранящейся въ Московскомъ губернскомъ архивѣ, а вторая у домовладѣльца Клейненберга.

сатировъ, выбрасывающихъ воду въ раковины, поддерживаемыя морскимъ конемъ. Этотъ памятникъ долженъ быть по проекту вышиною, начиная отъ бассейна, не менѣе 6½ арш., женская фигура 2½ арш. высоты, ширина памятнику у раковинъ 4½ арш., ширина-же самаго бассейна можетъ быть сдѣлана какая угодно. Памятникъ г. Жорини предполагаетъ сдѣлать изъ каррарскаго мрамора и въ такомъ случаѣ онъ будетъ стоить до 10 тыс. руб. Работа можетъ быть окончена въ 15 мѣсяцевъ.

Въ какой день происходила Куликовская битва. 8-го сентября исполнилось ровно пятьсот лѣтъ со дня славной битвы, одержанной въ 1380 году великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ надъ татарскими полчищами, предводительствуемыми Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ, что между рр. Дономъ и Непрядвою, въ Тульской губерніи, Епифанскомъ уѣздѣ,— битвы, хотя и не освободившей тогда Руси отъ монгольскаго ига, но важной по тому нравственному значенію, которое она имѣла на современниковъ, поднявъ народный духъ. Она представляетъ какъ бы историческій, намѣченный провидѣніемъ рубежъ, послѣ котораго совершается не только постепенное освобожденіе нашего отечества отъ татаръ, но и покореніе въ свою очередь послѣднихъ; битва эта, по словамъ Н. Костомарова, стала первообразнымъ событіемъ господства славянскихъ племенъ надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

Въ изданномъ въ 1868 году вѣчномъ православномъ календарѣ на стр. 7 сказано, что помѣщенныя въ немъ свѣдѣнія для годовъ, начинающихся не съ января мѣсяца, а съ марта (слѣдовательно до 1493 года, когда введенъ былъ у насъ сентябрьскій годъ), могутъ служить указаніями только за январь и февраль; для остальныхъ же мѣсяцевъ должны служить №№, выставленные въ хронологической таблицѣ не противъ того года, о коемъ наводится справка, а противъ предшествовавшаго. На этомъ основаніи выходитъ, что 8-е сентября 1380 года падаетъ на четвергъ.

Между тѣмъ въ русской исторіи г. Костомарова, стр. 221, показано, что Куликовская битва происходила 8-го сентября, въ субботу. Въ „Исторіи Государства Россійскаго", Карамзина, изданіе 1852 года, Смирдина, т. V, на стр. 76. также читаемъ: „Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ (Дмитрій Донской), уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія". Что 8-го сентября 1380 года было въ субботу, подтверждается и 70-мъ примѣчаніемъ къ тому же V-му тому, гдѣ между прочимъ сказано, что 28-го августа было во вторникъ, слѣдовательно, 1-е и 8-е сентября приходилось въ субботу.

Невольно рождается вопросъ, когда же дѣйствительно случилось означенное событіе: въ субботу ли, согласно показаніямъ нашихъ извѣстныхъ историковъ, или же въ четвергъ, согласно указанію вѣчнаго календаря?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо припомнить о существовавшемъ у насъ въ разные періоды порядкѣ времясчисленія, которое, по указу Петра Великаго, только съ 1700 года (7208 отъ сотворенія міра) стало считаться отъ Рождества Христова, а начало съ 1-го января; до того же оно велось отъ сотворенія міра, сперва мартовскими годами до 1492 года по Р. Хр. (7,000 лѣтъ отъ сотворенія міра), а затѣмъ сентябрскими годами.

Мартовскій годъ, начинающійся 1-го марта, называется также пасхальнымъ годомъ, потому что онъ служилъ для опредѣленія дня св. Пасхи. Онъ продолжаетъ свое теченіе постоянно безъ всякой перемѣны.

Съ 1493 года, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, начало года отнесено къ 1-му января, причемъ предшествовавшій 1492 гражданскій годъ состоялъ только изъ шести мѣсяцевъ; такимъ образомъ сентябрьскій годъ опередилъ мартовскій на полгода.

Напротивъ того, при введеніи январьскаго года, гражданскій 1699 годъ состоялъ изъ 17 мѣсяцовъ, слѣдовательно, январьскій годъ отсталъ отъ сен-

тябрьскаго на 4 мѣсяца, а опередилъ значитъ мартовскій только на два мѣсяца.

Постепенный переходъ мартовскаго года въ сентябрьскій, а этого послѣдняго въ январьскій, выясняется слѣдующею сравнительною таблицею:

Мартовскій годъ.		Сентябрьскій годъ.			Январьскій годъ.	
7206 отъ С. М. / 1698 отъ Р. Хр.	мартъ					
	апрѣль					
	май					
	іюнь					
	іюль					
	августъ					
	сентябрь	7207 / 1699	сентябрь	Гражданскій 1699 годъ, имѣвшій 16 мѣсяцевъ.		
	октябрь		октябрь			
	ноябрь		ноябрь			
	декабрь		декабрь			
	январь		январь			
	февраль		февраль			
7207 / 1699	мартъ		мартъ			
	апрѣль		апрѣль			
	май		май			
	іюнь		іюнь			
	іюль		іюль			
	августъ		августъ			
	сентябрь	7208 / 1700	сентябрь			
	октябрь		октябрь			
	ноябрь		ноябрь			
	декабрь		декабрь			
	январь		январь		7208 / 1700	январь
	февраль		февраль			февраль
7208 / 1700	мартъ		мартъ			мартъ
	апрѣль		апрѣль			апрѣль
	май		май			май
	іюнь		іюнь			іюнь
	іюль		іюль			іюль
	августъ		августъ			августъ
	сентябрь	7209 / 1701	сентябрь			сентябрь
	октябрь		октябрь			октябрь
	ноябрь		ноябрь			ноябрь
	декабрь		декабрь			декабрь
	январь		январь		7209 / 1701	январь
	февраль		февраль			февраль
	и т. д.		и т. д.			и т. д.

Изъ этой таблицы становится очевиднымъ, что при чтеніи русскихъ лѣтописей, для опредѣленія дней мартовскихъ годовъ по январьскому году, нужно брать тотъ же данный годъ, за исключеніемъ тѣхъ же случаевъ, когда событіе случилось въ январѣ или февралѣ и тогда слѣдуетъ брать послѣдующій январьскій годъ. При опредѣленіи же дней для годовъ, начинающихся съ сентября, надо, если событіе случилось въ сентябрьской трети, т. е. въ послѣднихъ четырехъ мѣсяцахъ года, брать предшествовавшій январьскій годъ, и для остальныхъ мѣсяцовъ тотъ же данный годъ.

Примѣняя настоящее правило къ занимающему насъ вопросу, увидимъ, что противу 1380 г. стоитъ въ вѣчномъ календарѣ № табели 11, которая показываетъ 8-го сентября въ субботу, сходно съ показаніями историковъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ церковномъ счисленіи и до сего времени употребляется сентябрьскій годъ. Чтобы опредѣлить день январьскаго года по сентябрьскому году нужно поступать обратно, т. е. для послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ года брать не предъидущій, а послѣдующій годъ. Такъ, справляясь въ святцахъ, составленныхъ по сентябрьскому году, о днѣ Рождества Христова

въ данномъ году, мы должны брать для этого ключевую букву непосредственно слѣдующаго за нимъ года.

Не лишнимъ считаемъ упомянуть, что согласно постановленіямъ перваго Вселенскаго собора за начало христіанскаго времясчисленія принято созданіе Адама, 1-го марта, въ пятницу перваго года мірозданія; это опредѣленіе для Пасхи основано на такъ называемыхъ лунныхъ и солнечныхъ кругахъ, представляющихъ 19-ти и 28-ми-лѣтніе періоды; — что Пасха повторяется въ одни и тѣ же послѣдовательныя числа въ каждомъ индиктіонѣ, т. е. въ 532-лѣтнемъ періодѣ, происходящемъ отъ умноженія 19 на 28; наконецъ, что началомъ текущаго XIV индиктіона считается 1409 годъ отъ Рожд. Христова, такъ какъ 5508 лѣтъ, время опредѣленное отъ сотворенія міра до Рожд. Хр. по эрѣ 70 толковниковъ съ прибавленіемъ 1,409 лѣтъ составляетъ въ суммѣ 6917, что раздѣленное на 532 даетъ въ частномъ 13 цѣлыхъ индиктіоновъ, но въ остаткѣ 1 выражающій первый годъ XIV индиктіона.

Противъ 1409 года въ вѣчномъ календарѣ выставленъ № табели 5, и 1-е марта дѣйствительно упадаетъ на пятницу.

При опредѣленіи же дней рожденія и распятія Іисуса Христа за основаніе времясчисленія слѣдуетъ принимать Александрійскую эру, по которой отъ сотв. міра до Рож. Хр. считается 5500 лѣтъ. Въ слѣдованной псалтыри сказано, что Рождество Іисуса Христа случилось въ 42 лѣто августа Кесаря, въ лѣто отъ сотв. міра 5500, (а не 5508), въ среду. Раздѣляя 5500 на 532 получаемъ въ остаткѣ 180; прикладывая къ 1408 послѣднему году прошедшаго индиктіона, находимъ что 180 г. текущаго индиктіона соотвѣтствуетъ 1588 г., противъ котораго выставленъ № табели 14 и 25-го декабря упадаетъ на среду.

Для опредѣленія же дня распятія Спасителя къ 5500, прикладывая 33 года Его жизни, получаемъ 5533, что по раздѣленіи на 532 даетъ въ остаткѣ 213. Въ послѣднемъ индиктіонѣ это соотвѣтствуетъ (1408+213)=1621 году, противу котораго выставленъ № табели 11, и изъ ней видимъ, что Пасха, т. е. день Воскресенія Господня упадаетъ па 1 апрѣля. Слѣдовательно іудейская Пасха была 31-го марта, а 30-го марта, наканунѣ, было въ пятницу.

Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ. Хотя Москва рѣшила воздвигнуть у себя памятникъ Гоголю, но городъ Нѣжинъ, въ которомъ Гоголь получилъ образованіе въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (потомъ преобразонной въ лицей, а теперь въ историко-филологическій институтъ) почитаетъ обязанностью воздвигнуть и у себя памятникъ своему знаменитому воспитаннику. Одинъ памятникъ не помѣшаетъ другому. Русскую словесность Гоголь слушалъ въ Нѣжинѣ у профессора П. И. Никольскаго вмѣстѣ съ своими сотоварищами: Кукольникомъ, Рѣдкинымъ, Любичемъ-Романовичемъ, Базили и Гребенкою. Бюстъ Гоголя имѣетъ быть поставленъ въ г. Нѣжинѣ среди сквера предъ соборною церковью. Министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открыть подписку на сооруженіе бюста Гоголя въ Нѣжинѣ. Пожертвованія принимаются въ комитетѣ по сооруженію бюста. Имена жертвователей будутъ объявлены въ газетахъ.

Анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ. Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" г. Вологдинъ разсказываетъ слѣдующей анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ:

Въ первые годы царствованія императора Павла, въ Петербургѣ проживала одна бѣдная вдова—чиновница, обладавшая умѣньемъ гадать надъ чашкою кофе. Разъ она приглашена была показать свои фокусы въ небогатомъ дворянскомъ домѣ, гдѣ пришлось быть двумъ-тремъ офицерамъ. Когда дамы, охотницы до гаданья, удовлетворили свое любопытство, присутствовавшій тутъ артиллерій поручикъ выразилъ желаніе узнать отъ ворожеи, что ожидаетъ его въ будущемъ? Ворожея налила въ чашку кофе, долго глядѣла на нее, наконецъ отворотилась, видимо изумленная чѣмъ-то необыкновеннымъ.

— Ну, что? спрашиваетъ поручикъ.

Женщина снова посмотрѣла въ кофе и снова отворотилась молча, съ явнымъ испугомъ на лицѣ.

Поручикъ, повторивъ свой вопросъ, прибавилъ:

— Вы, сударыня, не отлагайте сказать правды, какова бы она ни была,— я не струшу.

— Не смѣю выговорить, робко отвѣчаетъ Сивилла.

Офицеръ настаиваетъ. Наконецъ получаетъ отвѣтъ, чуть не съ испугомъ:

— Вы будете... вы будете... хоть и не царь, а что-то въ родѣ того...

Компанія гостей апплодировала поручику, совершенно растерявшемуся при столь оригинальномъ предсказаніи. Скрѣпя сердце, онъ тоже засмѣялся, но продолжалъ мучить словами любопытства бѣдную колдунью.

Прошло много лѣтъ послѣ этой сцены. Чиновница состарилась въ нищетѣ и думала уже о другой жизни. Въ одно утро является въ ея квартиру ливрейный лакей и проситъ пожаловать вмѣстѣ съ нимъ къ военному министру Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Старушка растерялась. Лакей вѣжливо повторилъ приглашеніе и какъ могъ старался успокоить бѣдняжку. Дѣлать было нечего, старуха собралась и поѣхала въ присланномъ отъ графа экипажѣ.

Войдя въ пріемную министра, она рѣшительно не знала о чемъ ей предстоитъ объясняться съ знаменитымъ вельможей. Вскорѣ повели ее въ кабинетъ его сіятельства. Только лишь переступила она порогъ, сидѣвшій у письменнаго стола графъ самъ милостиво заговорилъ:

— Здравствуй, старая знакомая!

Старуха сдѣлала глубокій поклонъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ.

— А помните ли, какъ вы ворожили въ домѣ у такихъ-то?

— Извините, ваше сіятельство, не могу привести себѣ на память этого случая.

— Ну, да дѣло не въ томъ; скажите-ка, имѣете ли вы какое нибудь состояніе?

Ободренная ласкою, чиновница созналась въ своей крайней бѣдности, но отъ просьбы о помощи удержалась.

— Вотъ что я вамъ предложу, говоритъ Аракчеевъ:—переходите ко мнѣ въ домъ, получите здѣсь комнату, столъ,—и живите себѣ покойно.

Старуха залилась слезами и готова была упасть въ ноги благодѣтелю.

— Не плачьте, не плачьте; еще спрошу васъ имѣете вы родныхъ?

— Имѣю, ваше сіятельство, одного только внука, молодого человѣка, который обучался въ горномъ корпусѣ, а нынѣ служитъ по горной части въ Перми.

— Какую онъ занимаетъ должность?

— Находится, пишетъ мнѣ, въ канцеляріи бергъ... бергъ-инспектора,— извините, не умѣю назвать.

— Хорошо, я позабочусь и о немъ.

Старуха снова начала плакать и благодарить за милости.

Чрезъ нѣсколько дней старуха переселилась къ благодѣтелю и поступила подъ покровительство сожительницы графа, пресловутой Настасьи.

Въ 1822 году пермскій бергъ-инспекторъ Андрей Терентьевичъ Булгаковъ получаетъ изъ Петербурга письмо такого содержанія: „Въ канцеляріи вашей, милостивый государь, состоитъ на службѣ практикантъ горнаго корпуса Сальмирскій. Примите участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка, я прошу васъ, и дайте ему классную должность, какую онъ по способностямъ и поведенію заслуживаетъ". Подписано: „Графъ Аракчеевъ". Булгаковъ не опомнился при видѣ послѣднихъ словъ подписи. Сальмирскій немедленно потребованъ на-лицо и спрошенъ: какимъ образомъ онъ извѣстенъ военному министру? Практикантъ отвѣчалъ, что не знаетъ и что никогда и ни черезъ кого не могъ быть извѣстенъ графу Аракчееву!

Археологическія находки въ Елабужскомъ уѣздѣ. Елабужскій уѣздъ, какъ извѣстно, чрезвычайно богатъ памятниками древнеисторической культуры, особенно каменнаго и бронзоваго періодовъ. Стоитъ только упомянуть о знаме-

питомъ ананьинскомъ курганѣ (могильникѣ), нѣсколько разъ уже разрываемомъ Алабинымъ, Лерхомъ, Аспелинымъ и другими. Несмотря на то, что эти археологи нашли въ немъ цѣлую массу предметовъ, преимущественно, бронзоваго вѣка, въ нынѣшнее лѣто г. Радакову удалось добыть изъ него много новыхъ предметовъ—бронзовый шейный жгутъ, таковой же цельтъ, прекрасно сохранившійся, до пятнадцати наконечниковъ стрѣлъ различной величины и формы, шесть желѣзныхъ копій, пять каменныхъ нешлифованныхъ ножей, одинъ шлифованный, одну бронзовую серьгу, кусокъ малахита и т. п.; всего до 40 предметовъ. Все это ясно доказываетъ, что ананьинской могильникъ далеко еще не вполнѣ изслѣдованъ, какъ онъ заслуживаетъ по своему изумительному археологическому богатству и значительной древности, относящейся, по Аспелину, къ І-му вѣку до р. х. Нельзя только не пожалѣть, что ни одно изъ нашихъ археологическихъ обществъ не послало особой коммисіи для изслѣдованія могильника, который далъ бы еще обильную дань. Аспелинъ, далеко неразрывшій его вполнѣ, собралъ замѣчательную коллекцію и пожертвовалъ ее гельсингфорскому музею. Къ удивленію, на антропологической выставкѣ въ Москвѣ не было ни одного предмета изъ этого могильника.

Тотъ же г. Радаковъ добылъ въ Елабужскомъ уѣздѣ много другихъ доисторическихъ предметовъ. Такъ, въ селѣ Танайкѣ имъ найдены яшмовое шлифованное долото до двухъ вершковъ длины; въ селѣ Граховѣ бронзовый, превосходно сохранившій ножъ, шести вершковъ длины; наконецъ, въ іюнѣ, близъ деревни Цыгановой, Ильинской волости, открыто имъ цѣлое городище.

Городище это состоитъ изъ холма до семи саженъ вышины, имѣющаго очертаніе половины эллипсиса, котораго вершина обращена къ рѣчкѣ Учѣ. Окружность этого холма на разстояніи, по крайней мѣрѣ, четверти версты имѣетъ ровъ, до 1¹/² саженъ глубины и сажени двѣ ширины. Кромѣ этого рва, посрединѣ холма проходятъ, въ поперечномъ направленіи, еще три такой же глубины и ширины рва съ валомъ. Г. Радаковъ сдѣлалъ раскопку въ одномъ изъ этихъ рвовъ. Крайняя рыхлость земли доказывала, что почва была не материкъ, а насыпная, и только на глубинѣ сажени подъ нею встрѣтилась твердая почва, въ которой и было найдено много углей и осколковъ кирпичей. По своей формѣ и положенію, это городище походитъ на извѣстное, такъ-называемое, „Чортово городище“, близъ Елабуги.

Археологическая находка близь Херсонеса. „Одесскій Вѣстникъ“ разсказываетъ о важной археологической находкѣ въ мѣстности древняго Херсона:

„Съ 25-го ноября 1877 года начатыя археологическія раскопки въ мѣстности, занимаемой херсонскимъ монастыремъ (византійскомъ Херсонѣ, въ которомъ, въ 988 году, принялъ святое крещеніе кіевскій великій князь Владиміръ І-й Святополкъ), при денежномъ пособіи святѣйшаго синода, членами комитета, учрежденнаго при одесскомъ обществѣ исторіи и древностей, сверхъ открытыхъ фундаментовъ двухъ древнихъ базиликъ и церкви съ мозаическимъ поломъ, въ нынѣшнемъ году вблизи церковнаго фундамента открыто каменное подножіе, отъ бывшей на немъ нѣкогда мѣдной статуи, содержащее въ себѣ древнѣйшую эллинскую надпись въ двѣ колонны, каждая въ 56 строкъ. Надпись принадлежитъ второму вѣку до рождества христова, времени царствованія въ Боспорѣ знаменитаго Митридата VI-го (Діонсія) Евпатора, (который, по свидѣтельству монетъ, царствовалъ съ 122 по 163 годъ) и содержитъ подробности войнъ, веденныхъ херсонитами съ окружавшими ихъ кочевыми скифами. Подробности и переводъ великой находки своевременно будутъ изданы одесскимъ обществомъ древностей“.

Казакъ о происхожденіи Яицкой общины. Оренбургскій Листокъ приводитъ слѣдующій характеристичный разговоръ съ уральскимъ казакомъ, котораго спросили о происхожденіи его предковъ.

Вмѣсто прямого отвѣта, престарѣлый казакъ прибѣгъ къ слѣдующему:

— Скажу тебѣ притчу, отгадаешь ли? замѣтилъ онъ.

— Говори! Попробую, авось отгадаю,—отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку, что выходитъ?

— Медъ.

— Отгадалъ, отгадалъ! самодовольно отвѣтилъ старикъ и продолжалъ:— Подобно сему и наше дѣло: со всякаго значитъ сословія — по молодцу, и вышло славное и храброе войско яицкое, а по нынѣшнему уральское. Это не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ, казакомъ, не брезгай.

Въ словахъ старика, прибавляетъ названная газета, много правды: дѣйствительно, трудно указать какой-либо народъ или сословіе, которые не выдѣлили бы хотя крупицу для яицкой общины. Получивъ первоначальный зародышъ на Дону, яицкое войско восприняло въ свой организмъ людей различныхъ народностей и даже разныхъ вѣроисповѣданій. Въ то время, какъ въ другихъ казачьихъ общинахъ требовалось, что бы вступающій въ нихъ былъ христіаниНъ и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и отличались даже вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Яикъ и селились между казаками съ общаго войсковаго согласія. Обращая плѣнныхъ въ христіанъ, яицкое войско позволяло приходившимъ въ нимъ добровольно жить по ихъ вѣрѣ.

По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я. Аристовымъ.

(«Преданія объ историч. лицахъ и событіяхъ». Ист. Вѣстн. 1880 г. сентябрь, стр. 15).

Преданіе о томъ, какъ Иванъ Грозный ходилъ воровать, безусловно оправдываетъ предположенія проф. Веселовскаго о литературной связи разсказа, сообщаемаго Коллинсомъ, съ chanson de geste о Карлѣ и Базенѣ или элегастѣ нидерландской передѣлки (см. Древняя и Новая Россія 1876, т. I, стр. 318). „Трудно сказать, говоритъ проф. Веселовскій, представляетъ ли разсказъ, записанный Коллинсомъ, цѣлую сказку, либо являлся эпизодомъ болѣе развитой повѣсти, сходной по содержанію съ сказкой о Шибармѣ" (l. c. 319) Благодаря проф. Аристову, теперь дѣло ясно: неизвѣстными (для меня по крайней мѣрѣ) путями къ намъ на Русь забрела основа вышеуказанной chanson de geste и по воспоминанію объ антогонизмѣ Грознаго съ боярами пріурочилась къ популярному московскому царю. Забрела она, повидимому, въ редакціи, близкой къ нидерландской поэмѣ: какъ въ послѣдней, такъ и во всѣхъ до селѣ извѣстныхъ полныхъ редакціяхъ русскаго сказанія, царь не непосредственно (какъ во франц. chanson), а черезъ вора узнаетъ о заговорѣ.

Съ значительною вѣроятностью можно опредѣлить и степень близости русскихъ редакцій къ источнику. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить напечатанную въ Русск. Арх. (1866 г., 20—9) сказку о Шибаршѣ, хотя интересующее насъ сказаніе въ ней является только эпизодомъ, да и то плохо пересказаннымъ: въ ней, какъ и въ западной поэмѣ, воръ узнаетъ о заговорѣ изъ разговора заговорщика съ женою; въ ней, какъ и въ элегастѣ и Karlamagnus-Saga, царь принимаетъ псевдонимъ. Преданіе, сообщенное Н. Я. Аристовымъ, сохранило одну черту оригинала: предложеніе Грознаго довести о заговорѣ до свѣдѣнія царя; въ Шибаршѣ въ этомъ мѣстѣ пропускъ, замѣченный проф. Веселовскимъ. Въ сказкѣ Чулкова воръ только прикидывается не узнавшимъ царя; повидимому, это прибавка литературнаго редактора. Разсказъ Коллинса—попытка осмыслить сказаніе, придать ему нѣкоторую вѣроятность черезъ выпускъ 2-й (существенной) половины.

А. К.

стяномъ платьѣ, сшитомъ по модѣ того времени, съ длиннымъ шлейфомъ, короткой тальей, узкими рукавами и голубымъ шарфомъ.

— Вы спрашиваете: откуда я? сказалъ Цамбелли, послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій—и еще такимъ тономъ, какъ будто я никогда не занимаюсь дѣлами. Я теперь дѣйствительно былъ въ гостяхъ и притомъ у нашего общаго знакомаго, г. Геймвальда.

— Геймвальда! сказала она протяжно.

Цамбелли не могъ видѣть выраженія ея лица, потому что столъ, на которомъ былъ поставленъ канделабръ съ тремя восковыми свѣчами, стоялъ въ сторонѣ и вся фигура молодой дѣвушки была въ тѣни.

— Дядя мой вѣроятно уже соскучился о немъ, продолжала Антуанета, чтобы окончить начатую фразу, видя, что Цамбелли вопросительно смотритъ на нее.

— Мнѣ самому хотѣлось видѣть его: кто изъ насъ можетъ дать себѣ ясный отчетъ въ движеніяхъ своего сердца и въ причинахъ своей симпатіи и антипатіи. Оба эти молодые бюргера расположили всѣхъ насъ къ себѣ своею непринужденностью; они какъ будто вышли изъ другаго лучшаго міра.

— Лучшаго міра, повторила съ усмѣшкой Антуанета.

— Почему вамъ не нравится это выраженіе? Общество, въ которомъ вращается Геймвальдъ, поставлено въ несравненно лучшія условія, чѣмъ нашъ такъ называемый знатный кругъ, который постоянно гнѣздится на обнаженныхъ высотахъ подъ палящими лучами солнца. У нихъ и желанія скромнѣе нашихъ и болѣе спокойное расположеніе духа, въ особенности у тѣхъ, которымъ посчастливилось въ жизни какъ нашему пріятелю.

— Разумѣется, г-нъ Геймвальдъ вполнѣ счастливъ: у него свой домъ въ Вѣнѣ и порядочное помѣстье въ окрестностяхъ. Ему больше и желать нечего! Не правда ли?

Она принужденно засмѣялась при этихъ словахъ.

— Вы слишкомъ легко смотрите на это, графиня. Не скрою отъ васъ, что я лично придаю большое значеніе богатству. Въ какомъ бы положеніи не находился человѣкъ, только при хорошихъ средствахъ онъ можетъ устроить жизнь какъ слѣдуетъ и сохранить свободу убѣжденій.

— Развѣ богатый человѣкъ точно также не стремится вырваться изъ рамокъ, въ которыя поставила его судьба, какъ и бѣдный? Если онъ сброшенъ съ высоты, на которую онъ хотѣлъ подняться, то онъ точно также чувствуетъ свое паденіе какъ и всякій другой.

— Да, но богатство въ этомъ случаѣ—мягкая подстилка.

— Шевалье Цамбелли завидуетъ бюргеру, потому что у него собственный домъ...

— Это не зависть, графиня. Я сдѣлался такимъ, какъ теперь, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ рожденія и воспитанія, и для меня немыслимо скромное идиллическое существованіе. Мой удѣлъ—ни-

щета, неудовлетворенное честолюбіе, вѣчное безпокойство; но если бы я родился Эгбертомъ Геймвальдъ, то былъ бы мирнымъ собственникомъ и наслаждался бы безмятежною жизнью.

— Неужели всѣ эти размышленія навѣяны короткимъ визитомъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Я не засталъ дома г-на Геймвальдъ и уже собирался уходить какъ онъ вернулся изъ своей загородной поѣздки съ своимъ другомъ г-номъ Шрингъ, котораго онъ знакомилъ съ окрестностями Вѣны. Вотъ причина, почему онъ до сихъ поръ не былъ у графа.

— Я сообщу это дядѣ. Значитъ въ его отсутствіе...

— Я имѣлъ полную возможность видѣть его домашнюю обстановку и сдѣлать нѣкоторыя наблюденія, которыя быть можетъ помимо моей воли приняли сентиментальный оттѣнокъ. Не знаю, подѣйствовала ли на меня противоположность этой жизни съ моею, или же тутъ виновата моя прекрасная покровительница...

— Развѣ у г-на Геймвальда живетъ какая-нибудь родственница?

— Я не знаю, родня ли онъ Армгартамъ... Кстати, если не ошибаюсь, маркиза упоминала о нихъ въ разговорѣ.

— Вы видѣли фрейлейнъ Армгартъ? спросила Антуанета, оттолкнувъ съ нетерпѣніемъ вышитую скамейку, лежавшую у ея ногъ.

Это движеніе не ускользнуло отъ вниманія Цамбелли.

— Да, я видѣлъ ее, сказалъ онъ. — Это красивая, стройная дѣвушка, средняго роста съ бѣлокурыми волосами, большими сѣрыми глазами и строгимъ выраженіемъ лица.

— Однако вы внимательно разглядѣли ее, сказала Антуанета съ усмѣшкой.—Вѣроятно умъ ея соотвѣтствуетъ красотѣ...

— Съ моей стороны было бы слишкомъ смѣло, если бы я вздумалъ судить объ ея умѣ или образованіи при такомъ поверхностномъ знакомствѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами и при томъ разговоръ шелъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

Тутъ Цамбелли разсказалъ подробно какъ онъ вошелъ въ домъ Эгберта и встрѣтилъ Магдалену.

— Отвѣты фрейлейнъ Армгартъ, продолжалъ онъ,—показались мнѣ очень милыми и остроумными, такъ какъ при томъ настроеніи, въ которомъ я находился, она представлялась мнѣ сказочной пастушкой и я самъ воображалъ себя странствующимъ рыцаремъ.

Но молодая графиня не слушала его.

— Я желала бы видѣть ее, сказала она задумчиво.

— Къ чему? Въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, чтобы заслуживало вниманія графини Антуанеты. Она ничѣмъ не отличается отъ тысячи подобныхъ ей дѣвушекъ въ этомъ сословіи.

— Однако шевалье Цамбелли, который достаточно странствовалъ по свѣту и съ такимъ презрѣніемъ отзывается о людяхъ, говоритъ объ этой дѣвушкѣ съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Ужъ не ревность ли говоритъ въ ней? подумалъ Цамбелли. — Ей досадно, что графъ Вольфсеггъ...

— Я долженъ объяснить вамъ, графиня, продолжалъ онъ, что не одно появленіе этой дѣвушки настроило меня такимъ идиллическимъ образомъ. Въ этомъ домѣ положительно чувствуешь какую-то особенную прелесть, которая очаровываетъ васъ. Развѣ не достаточно доказываютъ это частыя посѣщенія вашего дяди, который гораздо опытнѣе меня и трезвѣе смотритъ на вещи.

— Моего дяди! повторила молодая графиня, дѣлая надъ собой усилія чтобы казаться спокойною. — Да, онъ дѣйствительно бываетъ иногда у г-на Геймвальда, а слѣдовательно и у Армгартовъ. Старикъ Армгартъ былъ нѣкоторое время секретаремъ у моего дяди. Но по какому поводу у васъ зашелъ объ этомъ разговоръ?

Въ сердцѣ влюбленнаго итальянца шевельнулось состраданіе.— Зачѣмъ ты пугаешь и мучишь это прелестное существо, подумалъ онъ. Но вслѣдъ затѣмъ себялюбіе взяло верхъ надъ добрымъ чувствомъ.

Я долженъ узнать, что тутъ дѣлается, сказалъ онъ себѣ,—чтобы извлечь какъ можно больше пользы изъ той трагедіи, которая разыгрывается за этими блистательными кулисами.

— Да, мы говорили о графѣ, хотя не по моей иниціативѣ. Г-нъ Армгартъ съ благодарностью вспоминалъ о благодѣяніяхъ графа. Дядя желая вознаградить его за вѣрую службу выхлопоталъ ему довольно выгодную должность.

Наступило молчаніе. Она вопросительно глядѣла на него, какъ будто хотѣла узнать: не скрылъ ли онъ чего нибудь отъ нея и не должна ли она прекратить непріятный для нея разговоръ. Но трудно было прочесть что либо на этомъ красивомъ смугломъ лицѣ, которое казалось серьезнѣе и мрачнѣе обыкновеннаго.

— Ваше описаніе до такой степени заинтересовало меня, сказала Антуанета—что я готова сдѣлать глупость и вы будете виноваты въ этомъ.

— Изъ за васъ графиня я готовъ взять на себя какую угодно вину.

— Фрейлейнъ Армгартъ...

— Вы меня смущаете, графиня; что мнѣ за дѣло до этой дѣвушки? Въ вашемъ присутствіи...

— Въ моемъ присутствіи!—прервала она съ неудовольствіемъ. Ужъ не сравниваете ли вы меня съ этой аркадской пастушкой?

Итальянецъ поднялся съ мѣста.

— Кажется я одинаково возбуждаю ваше неудовольствіе, какъ своимъ молчаніемъ, такъ и разговоромъ. Простите меня, но я не желалъ бы въ будущемъ испытывать такихъ тяжелыхъ минутъ, какъ теперь.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія ссориться съ вами. Мнѣ

досадно на себя. Я не понимаю, что привело насъ къ этому недоразумѣнію?

— Смутное предчувствіе событій, которыя должны совершиться въ будущемъ. У каждаго человѣка бываютъ моменты, когда душа его освобождается отъ плоти и чувствуетъ свою связь съ безконечнымъ невидимымъ міромъ. Ваше возбужденное состояніе...

— Вы пугаете меня, шевалье, своимъ торжественнымъ тономъ. Но если дѣйствительно бываютъ предчувствія, то мнѣ кажется, что я должна ожидать себѣ несчастія отъ этой дѣвушки или изъ того дома гдѣ она живетъ.

— Счастье или несчастіе это можетъ подсказать вамъ только внутренній голосъ. Я вполнѣ допускаю, что между вами и этими бюргерами существуетъ тайная, неизвѣстная вамъ связь, которая обнаружится рано или поздно.

— Я постараюсь убѣдиться въ этомъ и попрошу дядю когда нибудь привезти къ намъ фрейлейнъ Армгартъ. Если онъ самъ удостаиваетъ ее своимъ знакомствомъ, то мое желаніе не можетъ показаться ему страннымъ. Если дядя откажетъ мнѣ, то я постараюсь достигнуть моей цѣли другими путями черезъ васъ или г-на Геймвальда. Мнѣ хотѣлось бы скорѣе узнать свою судьбу.

— Вашу судьбу, графиня! Неужели вы можете серьезно говорить объ этомъ? Развѣ ваша участь можетъ быть въ зависимости отъ этихъ людей? Вспомните то, что вы мнѣ говорили въ замкѣ относительно вашей будущности.

— Это были однѣ мечты! отвѣтила Антуанета.

— Разумѣется, но когда мы остаемся въ бездѣйствіи, то намъ ничего не остается, какъ гоняться за мечтами. Онѣ наполняютъ жизнь тѣмъ, которые, вслѣдствіе предразсудковъ или безвыходнаго положенія, должны оставаться безучастными зрителями событій, совершающихся вокругъ нихъ. Вотъ я, напримѣръ, часто преставляю себѣ васъ владѣтельной княгиней или императрицей.

— Чтобы опять увидѣть меня въ дѣйствительности дочерью бѣднаго дворянина.

— Чѣмъ была императрица Жозефина десять лѣтъ тому назадъ? или сестры Наполеона?

— Ростъ деревьевъ зависитъ отъ почвы, вѣтра и солнечнаго свѣта, отвѣтила Антуанета. Развѣ вы сами не восхваляли нѣсколько минутъ передъ тѣмъ мирныя наслажденія идиллической жизни? Дядя съ своей стороны постоянно проповѣдуетъ мнѣ это. Наконецъ, что можетъ сдѣлать женщина? Она должна приноравливаться къ обстоятельствамъ и постепенно научается этому.

— Мнѣ всегда досадно слышать, когда богато одаренныя женщины говорятъ о себѣ такимъ образомъ. Мы видимъ не мало примѣровъ, гдѣ женщины оказываются способнѣе мужчинъ.

— Только не на полѣ битвы; а теперь военныя заслуги ставятся выше всего и стали главной задачей нашего времени.

— Неизвѣстно долго ли это продлится, замѣтилъ Цамбелли. Если Бонапартъ усмиритъ испанское возстаніе, то кто-же въ состояніи будетъ сопротивляться ему?

— Развѣ вы ничего не ожидаете отъ нашей родины? возразила Антуанета, и даже не считаете нужнымъ упомянуть о ней?

— Австрія всегда останется второстепенной державой. Я не понимаю почему она не хочетъ довольствоваться этой ролью. Графъ Вольфсеггъ, министръ Стадіонъ, нашъ дворъ — всѣ они ненавидятъ Наполеона и главнымъ образомъ за то, что онъ продуктъ революціи. Они хотятъ уничтожить то, что не разрушимо—равенство людей передъ закономъ, право каждаго стремиться къ высшему. Революція открыла широкое поле дѣятельности талантливымъ и способнымъ людямъ; въ этомъ ея главная заслуга и причина успѣха. На-дняхъ мнѣ случайно попался одинъ изъ октябрскихъ номеровъ Moniteur'а; и я узналъ фактъ, который доказываетъ это нагляднымъ образомъ. При отсутствіи предразсудковъ, которое теперь господствуетъ во Франціи, умному человѣку ничего не стоитъ добиться извѣстности и почестей.

— Какой фактъ?

— Если хотите, фактъ, о которомъ я говорю, самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго; подобныхъ примѣровъ можно насчитать тысячи, но меня онъ заинтересовалъ, потому что касается молодаго врача Веньямина Бурдона.

— Веньямина Бурдона! воскликнула съ любопытствомъ Антуанета— раскажите пожалуйста все, что вамъ извѣстно, вѣдь это единственный сынъ несчастнаго Жана Бурдона.

— Имя это тотчасъ-же бросилось мнѣ въ глаза. Исторія заключается въ нѣсколькихъ словахъ. Въ Moniteur'ѣ напечатано короткое извѣстіе, что Веньяминъ Бурдонъ изъ Лотарингіи, сынъ крестьянина— называется лейбъ-медикомъ императрицы Жозефины и кавалеромъ почетнаго легіона.

— Лейбъ-медикомъ императрицы! Странно, что Жанъ никогда не упоминалъ объ этомъ, хотя онъ очень любилъ своего сына и гордился имъ.

— Дѣло въ томъ, что назначеніе сына напечатано въ Moniteur'ѣ въ тотъ самый день, когда мы хоронили его отца. Молодой человѣкъ былъ полковымъ врачемъ и отличился при Эйлау во время зимняго похода въ Пруссію, чѣмъ и объясняется его неожиданное повышеніе. Но онъ не долго оставался при дворѣ и вскорѣ послѣ того подалъ въ отставку неизвѣстно по какимъ причинамъ — быть можетъ даже вслѣдствіи несочувствія къ Бонапарту... Онъ живетъ теперь тихо и уединенно въ Парижѣ, но его слава, какъ замѣчательнаго магнетизера...

Антуанета съ удивленіемъ взглянула на своего собесѣдника.

— Вы не вѣрите таинственной силѣ открытой Месмеромъ? Но если она будетъ примѣнена къ дѣлу опытными и авторитетными людьми и изслѣдована надлежащимъ образомъ, то магнетизмъ произведетъ переворотъ въ медицинѣ и въ области знаній вообще. Веньяминъ Бурдонъ совершилъ нѣсколько удачныхъ изцѣленій, которыя прославляются какъ чудеса. Между прочимъ ему удалось вылечить извѣстную пѣвицу Дешанъ, что всего больше способствовало его славѣ, такъ что вслѣдъ затѣмъ, когда заболѣла императрица Жозефина и нѣсколько дней мучилась сильнѣйшей головной болью, несмотря на всѣ средства предлагаемыя другими врачами, то по желанію ея величества пригласили къ ней Бурдона. Императоръ Наполеонъ не препятствовалъ этому, хотя вообще рѣзко отзывается о подобныхъ вещахъ и называетъ все это шарлатанствомъ и бабьими глупостями. Дня черезъ два императрица встала совершенно здоровая. Разумѣется, Бурдона вознаградили самымъ щедрымъ образомъ... Намъ все это кажется сказкой; и, дѣйствительно, невольно удивляешься, когда вспомнишь, что бывшій полковой врачъ пробуетъ неиспытанныя медицинскія средства надъ особой французской императрицы.

— Значитъ, сынъ Жана Бурдона сдѣлался важнымъ человѣкомъ при дворѣ Бонапарта, сказала задумчиво Антуанета. — Кто могъ ожидать этого отъ слабаго мальчика, котораго всѣ считали такимъ жалкимъ.

— Моя преданность Бонопарту возбуждаетъ здѣсь общее недоброжелательство, продолжалъ Цамбелли. Но развѣ можно относиться хладнокровно къ подобнымъ примѣрамъ и не признавать, что Парижъ представляетъ теперь центръ, который долженъ имѣть притягательную силу для людей, мечтающихъ о лучшей будущности, какъ напримѣръ для васъ графиня.

— Вы, по обыкновенію, причисляете меня къ подобнымъ людямъ; но что стану я дѣлать въ Парижѣ?

— Развѣ Гондревилли не принадлежатъ къ самымъ знатнымъ и стариннымъ дворянскимъ семьямъ Франціи? Я не говорю о мужчинахъ; — у нихъ могутъ быть свои причины оставаться вѣрными королю и ненавидѣть Наполеона; но что за дѣло женщинамъ до той вражды, которую чувствуютъ ихъ братья и отцы?..

— Ужъ не хотите ли вы завербовать меня въ штатъ императрицы Жозефины?

Цамбелли горько усмѣхнулся.

— Вамъ извѣстно, графиня, что я не играю никакой роли въ Сенъ-Клу—сказалъ онъ. Блескъ двора не прельщаетъ меня. У меня иные идеалы и мечты, но они еще менѣе осуществимы. Божество, которому я поклоняюсь, не обращаетъ никакого вниманія на своего почитателя...

Антуанета опустила глаза. Вся кровь бросилась ей въ голову. Она чувствовала странное утомленіе отъ этого разговора, который посто-

янно переходилъ отъ одного предмета къ другому. Что значитъ его намекъ? думала она съ замираніемъ сердца.

— Къ этому примѣшивается еще мучительное сознаніе, продолжалъ Цамбелли—что моему божеству не угодно понимать меня.

— Вы говорите загадками, шевалье. Если вы не хотите или не можете говорить иначе, то не лучше ли прекратить разговоръ.

— Позвольте мнѣ сказать еще одно слово, хотя бы мнѣ пришлось подвергнуться самому жестокому наказанію за мою смѣлость, сказалъ Цамбелли, увлеченный страстью и забывая свои благоразумныя намѣренія.—Я люблю васъ до безумія Антуанета, научите меня какимъ способомъ могу я добиться взаимности съ вашей стороны... Я готовъ ждать цѣлые годы, подвергнуться испытаніямъ безъ числа, слѣпо повиноваться вашему малѣйшему желанію. Вы были бы для меня путеводной звѣздой въ битвахъ жизни... Но если вы отвергнете меня, то лучше намъ разстаться теперь же и навсегда. Я предпочитаю смерть мучительному томленію изо-дня въ день... Моя жизнь въ вашихъ рукахъ; произнесите мой приговоръ Антуатета.

— Я не могу брать на себя такой отвѣтственности, шевалье, проговорила молодая дѣвушка, отодвигаясь отъ него.

Въ эту минуту въ передней послышались голоса. Мысль, что ее найдутъ наединѣ съ итальянцемъ послѣ такого разговора еще болѣе увеличила ея замѣшательство и она съ испугомъ отскочила къ окну, но ея собесѣдникъ не сдвинулся съ мѣста. Онъ стоялъ выпрямившись за спинкой кресла, не спуская съ нея глазъ.

— И мнѣ нечего надѣяться! спросилъ онъ беззвучно.

Антуанета ничего не отвѣтила, но выраженіе ея лица было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Дверь отворилась и на порогѣ появился графъ Вольфсеггъ. Антуанета съ видимою радостью бросилась къ нему на встрѣчу, и обняла его.

— Она любитъ своего дядю, пробормоталъ Цамбелли, и подойдя къ графу ловко раскланялся передъ нимъ.

— Добрый вечеръ, шевалье, сказалъ графъ протягивая ему руку. Благодарю тебя Антуанета, что ты задержала нашего милаго гостя.

ГЛАВА III.

День рожденія Магдалены былъ отпразднованъ въ сѣромъ домѣ также весело, какъ и въ былые годы. Собралось небольшое общество родныхъ и знакомыхъ и къ концу вечера устроились танцы. Эгбертъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе съ своимъ другомъ Гуго, ко-

торый очень понравился простодушнымъ бюргерамъ своей неистощимой веселостью и болтовней и показался имъ необыкновенно умнымъ и ученымъ.

Давно уже Магдалена не чувствовала себя такой счастливой и спокойной, какъ въ этотъ день. Она радовалась, видя съ какой беззаботной веселостью Эгбертъ предавался танцамъ и играмъ; онъ опять также ласково улыбался ей, когда встрѣчалъ ея взглядъ, какъ въ былое время. Можетъ быть старый Жозефъ былъ правъ; сердце его осталось тѣмъ же, что и прежде, и она напрасно обвиняла его. Но едва ли не веселѣе и счастливѣе дочери казалась сама г-жа Армгартъ. Она болтала безъ умолку, показывая гостямъ подарки, полученныя Магдаленой, и особенно хвасталась дорогими матеріями и жемчужнымъ ожерельемъ, которые графъ поднесъ своей любимицѣ. Не стѣсняясь присутствіемъ дочери, она завела длинную рѣчь о томъ, какъ всѣ эти наряды будутъ къ лицу ея Лени, которая по красотѣ не уступитъ любой княжнѣ. Гости и даже самъ секретарь улыбались, слушая ее, а Магдалена сконфузилась и убѣжала изъ комнаты. Но графъ Вольфсеггъ былъ возмущенъ этой сценой и замѣтилъ, что не слѣдуетъ кружить голову молодой дѣвушки такими вещами, потому что это можетъ отозваться гибельнымъ образомъ на ея будущности. Вслѣдъ затѣмъ графъ ловко перевелъ разговоръ на другіе предметы, такъ что гости и даже сама хозяйка дома тотчасъ же забыли этотъ маленькій эпизодъ, который грозилъ нарушить общее веселье.

Эгбертъ, воспользовавшись удобной минутой, хотѣлъ было разсказать графу о случаѣ съ Черной Кристель и неожиданномъ посѣщеніи Цамбелли; но графъ прервалъ его, говоря, что въ день рожденія Лени не хочетъ слышать никакихъ разговоровъ о политикѣ или какихъ бы то ни было дѣлахъ. Тотъ же отвѣтъ далъ онъ и Гуго, который все еще мечталъ о сценѣ придворнаго театра и вздумалъ обратиться къ нему съ просьбой объ его ходатайствѣ. Однако, прощаясь съ молодыми людьми, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ на большой званный вечеръ и сказалъ Шпрингу, что представитъ его князю Лобковичу и г. Пальфи, которые вѣроятно не откажутся дать ему мѣсто актера придворнаго театра, хотя быть можетъ и не такъ скоро, какъ бы онъ этого желалъ.

Послѣ ухода графа еше долго продолжались танцы, такъ что праздникъ кончился далеко за полночь, а затѣмъ наступило хлопотливое утро, когда нужно было привести все въ порядокъ и переставить мебель на прежнія мѣста. Наконецъ вспомнили и о Кристель, которая въ день праздника была оставлена на попеченіи старой служанки. Кристель, согласно предсказанію Цамбелли, послѣ долгаго спа проснулась совершенно здоровая и только по временамъ чувствовала небольшую боль въ головѣ на мѣстѣ ушиба. Эгбертъ рѣшилъ оставить у себя несчастную дѣвушку и просилъ г-жу Армгартъ и Магдалену заняться ея воспитаніемъ и по возможности пріучить ее къ домаш-

нимъ занятіямъ. Онъ подробно разсказалъ Магдаленѣ все, что зналъ о Кристель и свою встрѣчу съ ней у мельницы Рабенъ, но не рѣшился упомянуть объ ея странномъ подаркѣ. Ему казалось, что недорогой опалъ, нѣкогда служившій набалдашникомъ палки, долженъ имѣть какое нибудь отношеніе или къ таинственному убійству, или къ событіямъ, касавшимся самой Кристель. Чтобы не напугать дѣвушку формальнымъ допросомъ, онъ рѣшился поговорить съ нею наединѣ и употребить всѣ усилія чтобы заслужить ея довѣріе. Онъ ласково спросилъ ее: какъ она попала въ Вѣну и нѣтъ ли у ней родныхъ или покровителей въ большомъ городѣ?

Кристель поцѣловала его руку и противъ ожиданія дала вполнѣ опредѣленные отвѣты. Она объяснила, что не могла долѣе оставаться у своего отца, который становился все брюзгливѣе, между тѣмъ какъ нужда увеличивалась со дня на день. Приходскій священникъ бранилъ ее за бездѣлье, говорилъ, что она въ тягость старику и совѣтовалъ поступить въ услуженіе въ Вельсѣ или Линцѣ, но тайный голосъ постоянно нашептывалъ ей, чтобы она шла въ Вѣну. Наконецъ она отправилась въ путь и съ помощью добрыхъ людей благополучно добралась до мѣста. При этомъ Кристель показала Эгберту рекомендательное письмо управляющаго барона Пухгейма къ кастелляну дворца Harrach. У послѣдняго Кристель надѣялась найти пріютъ на первое время. Все это она разсказала просто и толково, но замѣтно смутилась, когда Эгбертъ спросилъ ее, какимъ образомъ она очутилась у его дома, между тѣмъ какъ дворецъ Harrach находился на противоположной сторонѣ. При этомъ отвѣты ея сдѣлались настолько сбивчивыми, что Эгбертъ рѣшилъ больше не мучить ее дальнѣйшими вопросами. Чего тутъ доискиваться, подумалъ онъ,—бѣдняжка не знаетъ Вѣны и могла легко заблудиться и очутившись въ пустынной улицѣ среди садовъ остановилась изъ любопытства, когда увидѣла передъ собою яркоосвященный домъ.

Такимъ образомъ допросъ былъ скоро оконченъ и Эгбертъ не считалъ нужнымъ возобновлять его, тѣмъ болѣе, что не былъ вполнѣ увѣренъ удастся ли ему удержать Кристель въ своемъ домѣ при ея робости и непостоянствѣ. Но это опасеніе оказалось неосновательнымъ. Сначала Кристель упорно отказывалась отъ платьевъ, которыя ей предлагала Магдалена; но врожденная склонность къ нарядамъ, желаніе казаться красивѣе, сдѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько дней Черная Кристаль стала податливѣе и изъ оборванной нищей превратилась въ опрятную и прилично одѣтую дѣвушку.

— Дикарка выведенная изъ первобытнаго состоянія. Вотъ какъ искажаетъ цивилизація художественныя произведенія природы! повторялъ со смѣхомъ Гуго, который съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Кристель.

Она отличалась проворствомъ и ловкостью и точно исполняла все, что ей приказывали; только по временамъ на нее нападала стран-

ная задумчивость и въ эти минуты все окружающее какъ будто не существовало для нея. Вообще говорила она мало и только съ Магдаленой и Эгбертомъ и всегда пугалась, если кто неожиданно обращался къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ. Гуго видѣлъ въ этомъ явный признакъ скрытности характера, но Эгбертъ горячо заступался за свою protegée и объяснялъ ея пугливость внезапной перемѣной образа жизни и наплывомъ новыхъ впечатлѣній.

Нѣсколько дней спустя послѣ водворенія Кристель, Цамбелли сдѣлалъ опять визитъ Эгберту и попросилъ позволенія взглянуть на больную.

Эгберту оставалось только поблагодарить его за любезность.

— Докторъ все равно, что духовникъ, сказалъ Эгбертъ,—онъ можетъ видѣть своихъ паціентовъ во всякое время.

Цамбелли нашелъ Кристель въ саду. Полуденное солнце ярко свѣтило между обнаженными деревьями.

Кристель вздрогнула, увидя итальянца, но лицо ея просіяло отъ радости.

— Ты одна Кристель? спросилъ онъ, оглядываясь во всѣ стороны.

Она кивнула ему головой въ знакъ согласія и указала пальцемъ на дальній конецъ сада, гдѣ была бесѣдка.

— Тамъ люди, сказала Кристель, они выносятъ оттуда столы и стулья, я помогала имъ.

— Нравится ли тебѣ у нихъ въ домѣ?

— Да.

— Ты останешься здѣсь и надѣюсь никуда не убѣжишь?

— Какъ вы прикажете.

— Мнѣ нечего приказывать. Я тебѣ не братъ. Дѣлай что хочешь. Но почему ты не осталась въ деревнѣ?

Она пристально взглянула на него своими темными, выразительнѣми глазами.

— Ты знаешь, что я не смѣла остаться тамъ.

— И пришла сюда за мной?

Яркая краска покрыла ея щеки. Она молча улыбнулась.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ, положивъ руку на ея голову. Мнѣ слѣдовало бы побранить тебя за непослушаніе.

— Не сердитесь на меня, но я не могу жить тамъ, гдѣ васъ нѣтъ.

— Пустяки! Мнѣ скоро прійдется уѣхать отсюда и такъ далеко, что ты не будешь видѣть меня и не можешь слѣдовать за мной.

— Тогда я умру.

— Нѣтъ, ты будешь жить. Я этого хочу.

Наступила минута молчанія. На глазахъ Кристель выступили слезы.

— Я опять вернусь сюда весною, продолжалъ итальянецъ, вмѣстѣ

съ солнцемъ, а до того времени ты будешь ждать меня здѣсь въ домѣ.

— Я должна слушаться васъ, отвѣтила она, печально опустивъ голову.

— Тебѣ будетъ хорошо у нихъ. Г-нъ Эгбертъ и фрейлейнъ...

— Да они добры ко мнѣ, какъ святые къ бѣднымъ грѣшникамъ.

— Но и передъ ними ты будешь молчать какъ могила.

— Я исполню это, только избавьте меня отъ новыхъ клятвъ, отвѣтила она боязливо.

— Что онъ тебя не спрашивалъ объ этомъ? сказалъ Цамбелли, дѣлая рукою какіе то знаки въ воздухѣ.

Кристель вся задрожала и едва не упала въ обморокъ.

— Нѣтъ, но и вы не напоминайте мнѣ этого.

Цамбелли поддержалъ бѣдную Кристель, и голова ея на одну минуту склонилась къ его груди. Онъ ласково гладилъ ее по волосамъ.

— До свиданія, сказалъ Цамбелли. На дняхъ я опять зайду къ тебѣ.

Она молча поцѣловала его руки и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

— Подожди, Кристель, я долженъ дать тебѣ одно порученіе. Ты знаешь графа Вольфсеггъ?

— Да, знаю.

— Ну, слушай же, продолжалъ Цамбелли, понизивъ голосъ. Онъ часто бываетъ здѣсь въ домѣ. Слѣди внимательно за нимъ и замѣть въ какихъ онъ отношеніяхъ съ фрейлейнъ Магдаленой. Ты мнѣ все разскажешь при слѣдующемъ свиданіи.

Цамбелли быстрыми шагами удалился изъ саду, а Кристель какъ будто приросла къ мѣсту и задумчиво глядѣла ему вслѣдъ, хотя его стройная фигура уже давно исчезла за деревьями.

Цамбелли прошелъ въ комнаты Эгберта и, заставъ его вдвоемъ съ Гуго, заговорилъ съ ними о самыхъ обыденныхъ вещахъ, какъ бы желая сгладить то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на нихъ при своемъ первомъ посѣщеніи. Зная, что Эгбертъ любитель музыки, онъ завелъ рѣчь о новой оперѣ Чимарозы „Matrimonio segreto“ и такъ расхвалилъ ее, что оба пріятеля рѣшили въ тотъ же вечеръ отправиться въ театъ Kärntnerthor чтобы послушать ее.

Опера произвела чарующее впечатлѣніе на молодыхъ людей и выйдя изъ театра они долго блуждали по городу. Была свѣтлая осенняя ночь безъ дождя и вѣтра. Звѣзды блестѣли на небѣ. Улицы были наполнены пѣшеходами и экипажами. У фонтановъ на Graben'ѣ стояли группы людей, смѣялись и разговаривали. Изъ шинковъ слышались гитары цыганъ и квартеты такъ называемыхъ „пражскихъ музыкантовъ“. Звуки музыки, смѣшиваясь съ пѣніемъ, смѣхомъ и говоромъ на разныхъ нарѣчіяхъ, далеко разносились въ тихомъ ночномъ

воздухѣ. Гуго невольно сравнивалъ окружавшее его веселіе и полноту жизни, богатство и разнообразіе національныхъ костюмовъ и солдатскихъ мундировъ, съ скучнымъ однообразіемъ и суровостью сѣверной столицы.

— Что за прелестный городъ! воскликнулъ Гуго, внѣ себя отъ восторга. Здѣсь не то, что въ Берлинѣ! по крайней мѣрѣ понимаешь для чего родился и живетъ человѣкъ!

Эгбертъ, погруженный въ свои мечты, ничего не отвѣчалъ на глубокомысленное замѣчаніе своего пріятеля и даже врядъ ли слышалъ его.

Мимо нихъ въ толпѣ проходили нарядно одѣтыя женщины и дѣвушки; однѣ въ сопровожденіи слугъ, другія съ наглыми и вызывающими лицами, большею частью красивыя и молодыя. Всѣ казалось слѣдовали за общимъ потокомъ, гонимыя тѣмъ же неудержимымъ стремленіемъ къ удовольствіямъ и наслажденію, которымъ было проникнуто все пестрое неселеніе блестящей австрійской столицы.

Пріятели шли молча нѣкоторое время; но на поворотѣ улицы Гуго неожиданно остановилъ Эгберта за руку и указалъ ему на человѣка, укутаннаго въ плащъ, съ надвинутой на глаза шляпой, который поспѣшно прокрадывался въ тѣни домовъ.

— Посмотри, Эгбертъ, не нашъ ли это секретарь!...

— Армгардтъ! Что дѣлать ему на улицѣ и въ такой поздній часъ!

— Вѣроятно ищетъ успокоенія. Я думаю онъ дорого далъ бы чтобы сдѣлаться невидимкой.

— Ты не ошибся, это дѣйствительно секретарь. Но я не понимаю на что ты намекаешь.

— Неужели ты не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны въ послѣднее время? Развѣ онъ бываетъ когда нибудь такъ тороплив и непослѣдователенъ въ разговорѣ, какъ теперь?

— Нѣтъ, но онъ заваленъ работой и по его словамъ ему никогда не приходилось такъ много писать, какъ при графѣ Стадіонѣ. Это должно было отразиться на немъ. Вѣдь онъ уже не молодъ....

— Какъ ты думаешь, Эгбертъ, не пойти ли намъ по его слѣдамъ?

— Изволь. Вотъ онъ стоитъ подъ фонаремъ и выжидаетъ удобной минуты, чтобы проскользнуть въ домъ.

— Что это за домъ?

— Гостинница „Kugel". Видишь надъ дверью виситъ золотой шаръ.

— Тѣмъ лучше. Вотъ онъ входитъ; послѣдуемъ его примѣру и разопьемъ бутылку.

Однако надежда молодыхъ людей не оправдалась. Армгардтъ не оказался ни въ нижнемъ этажѣ, гдѣ бражничалъ простой народъ, ни въ залахъ верхняго этажа, гдѣ засѣдала болѣе избранная публика

Эгбертъ плохо зналъ расположеніе гостинницы и въ тоже время стѣснялся спросить у слугъ, нѣтъ ли у ихъ хозяина отдѣльныхъ комнатъ, закрытыхъ для большинства публики.

— Вооружись терпѣніемъ, другъ мой, сказалъ Гуго.—Мышь спрячется въ нору, а потомъ сама изъ любопытства высунетъ голову.

Молодые люди сѣли у стола, на которомъ горѣла свѣча въ цинковомъ подсвѣчникѣ. Старый кельнеръ принесъ имъ вина и стаканы.

Сравнительно съ шумомъ, который происходилъ внизу, въ залахъ верхняго этажа было очень чинно и чопорно, такъ какъ большинство посѣтителей были бюргеры. Всѣ сидѣли у деревянныхъ крашеныхъ столовъ и только немногіе курили. Одни говорили громко, другіе въ полголоса и только по временамъ слышались отдѣльныя слова: Бонапартъ, Испанія, Германія, императоръ Францъ; но въ слѣдующій моментъ разговоръ опять переходилъ въ шопотъ.

Несмотря на вновь учрежденную милицію и на свободное движеніе умовъ, поощряемое графомъ Стадіономъ, вѣнскіе бюргеры по прежнему боялись вездѣсущихъ полицейскихъ шпіоновъ. Они охотно пожертвовали бы всѣмъ своимъ имуществомъ для дорогаго отечества если бы это можно было сдѣлать безъ огласки. Между ними было очень мало такихъ, которые имѣли достаточно мужества чтобы высказать то, что они чувствовали, хотя постоянная забота о будущемъ мѣшала имъ наслаждаться настоящимъ. Большинство присутствующихъ въ этотъ вечеръ въ гостинницѣ „Kugel" были ея постоянными посѣтителями и потому неожиданное явленіе двухъ молодыхъ людей въ ихъ святилище произвело между ними нѣкоторый переполохъ. Несмотря на приличное платье и вѣжливыя манеры новыхъ гостей, многіе искоса посматривали на нихъ и такимъ взглядомъ, который казалось почти съ упрекомъ говорилъ: Зачѣмъ вы пришли сюда; вамъ здѣсь дѣлать нечего! Но общее недовѣріе тотчасъ же разсѣялось, когда одинъ изъ бюргеровъ, приглядѣвшись къ Эгберту, назвалъ его фамилію, и въ залѣ послышался одобрительный шопотъ.

Между тѣмъ оба друга были такъ заняты своимъ разговоромъ, что не обратили никакого вниманія на то впечатлѣніе, которое произвело ихъ появленіе.

— Ну, можетъ быть вино развяжетъ тебѣ языкъ, сказалъ Эгбертъ—и ты опять будешь изображать изъ себя дельфійскаго оракула.

— Ты видно вспомнилъ сапогъ Бурдона и мое предсказаніе?

— Да, этотъ сапогъ доставилъ намъ приглашеніе къ графу.

— И случай познакомиться съ разными знатными людьми, князьями, дипломатами и главное съ твоей богиней. Поэтому ты не долженъ пренебрегать моимъ пророческимъ даромъ. Вотъ, напримѣръ, чѣмъ ты представляешь себѣ этотъ домъ, въ которомъ мы находимся

въ данный моментъ? Ты отвѣтишь мнѣ: обыкновенной гостиницей и зовутъ ее „Kugel“ и она только вывѣской и названіемъ отличается отъ другихъ подобныхъ ей гостиницъ. Но ты не изучалъ философіи, какъ мы, уроженцы сѣверной Германіи, и слишкомъ поверхностно смотришь на вещи.

Съ этими словами Гуго наклонился къ своему пріятелю, какъ будто для того, чтобы чокнуться съ нимъ и шепнулъ ему на ухо:

— Это картежный домъ и тутъ идетъ азартная игра въ фараонъ.

— Откуда ты могъ узнать это? спросилъ Эгбертъ съ видимымъ недовѣріемъ. Не изъ Шекспира ли?

— Нѣтъ, англичане никогда не предавались особенно карточной игрѣ, хотя вообще азартныя игры существовали еще въ древности въ видѣ бросанья костей и т. п. Что же касается настоящаго времени, то у насъ положительно водворился демонъ игры. Горе тому кого онъ заберетъ въ свои когти. Если даже этотъ человѣкъ только секретарь и....

— Неужели ты говоришь серіозно? спросилъ Эгбертъ, прерывая его.

— За этими комнатами, которыя отличаются такой почтенной бюргерской обстановкой, продолжалъ Гуго, понижая голосъ, находится красная или голубая зала, гдѣ царитъ фортуна и щедро награждаетъ своихъ любимцевъ. Надѣюсь, ты самъ убѣдился теперь, что господинъ, котораго мы преслѣдовали зашелъ сюда не для утоленія жажды.

— Можетъ быть у него свои дѣла?

— Разумѣется, и онъ желаетъ скрыть ихъ отъ непосвященныхъ Ты, бѣлокурая голова, вѣчно живешь въ заоблачномъ мірѣ, ухаживаешь за тяжело-ранеными на большой дорогѣ, даешь пріютъ нищимъ, мечтаешь о звѣздахъ и богиняхъ, владѣешь рапирой не хуже Лаэрта, но тебѣ недостаетъ критическаго взгляда на вещи. Ты никогда не вникаешь въ сущность дѣла. Въ этомъ отношеніи я поставленъ въ лучшія условія чѣмъ ты. Въ качествѣ будущаго актера, я на свободѣ изучаю характеры чтобы потомъ изобразить ихъ па сценѣ. Кстати я долженъ замѣтить, что съ перваго взгляда почувствовалъ особенную симпатію къ секретарю.

— Я уже говорилъ тебѣ, что это примѣрный чиновникъ, которымъ не нахвалятся его начальники, и даже графъ Вольфсеггъ удостаиваетъ его своимъ знакомствомъ.

— Все это я вижу собственными глазами и пока карета ѣхала по старымъ колеямъ колеса были цѣлы. Но къ несчастью этотъ человѣкъ на старости лѣтъ сбился съ дороги. Онъ началъ играть маленькими кушами и незамѣтно дошелъ до крупныхъ суммъ.—Скажи пожалуста нѣтъ ли у него на рукахъ какой нибудь кассы?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

— Ну, такъ онъ надѣлалъ долговъ, чтобы вырваться изъ пропасти, продолжалъ Гуго,—и не въ состояніи заплатить ихъ.

— Неужели онъ будетъ продолжать игру при этихъ условіяхъ! Что стоитъ ему сказать одно слово мнѣ или графу Вольфсеггу, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ты разумѣется готовъ каждому помочь своими деньгами. Но не всѣ такіе безсовѣстные люди, какъ я. У Армгарта есть чувство чести.

— Въ этомъ случаѣ оно совершенно неумѣстно. Развѣ онъ имѣетъ право подвергать бѣдности и позору свою семью?

— Ты забываешь, Эгбертъ, что имъ овладѣлъ демонъ игры. Занимая у тебя деньги, онъ долженъ будетъ обѣщать тебѣ исправиться, но онъ не можетъ исполнить этого.

Эгбертъ задумался. Воображеніе рисовало ему участь Магдалены въ самыхъ печальныхъ краскахъ.

— Завтра я поговорю съ Армгартомъ, сказалъ онъ.—Пока еще не случилось такого несчастія, котораго нельзя было исправить.

— Искренно желаю тебѣ успѣха, потому что было бы право жаль если бы красивые и умные глаза Магдалены испортились отъ слезъ и безсонныхъ ночей.

— Этого никогда не случится, сказалъ съ увѣренностью Эгбертъ— пока...

— Пока у тебя есть хотя одинъ гульденъ, не такъ ли? сказалъ Гуго прерывая его.—Но я боюсь совсѣмъ другаго... смотри чтобы эти глаза не стали проливать слезъ о бѣлокуромъ Эгбертѣ.

— Развѣ я чѣмъ нибудь огорчалъ Магдалену и у ней есть поводъ жаловаться на меня?

— Ты не имѣешь привычки думать о завтрашнемъ днѣ и вѣроятно никогда не задавалъ себѣ вопроса: возможно ли чтобы вы оба прожили спокойно нѣсколько лѣтъ другъ возлѣ друга безъ всякихъ желаній и заботъ. Ты краснѣешь, но вѣдь это только начало, кто же поручится каковъ будетъ конецъ? Положимъ, женское сердце не легко разгадать, потому что оно не подлежитъ никакимъ опредѣленнымъ правиламъ, но въ данномъ случаѣ здравый смыслъ прямо говоритъ, что молодая дѣвушка влюбилась въ молодого человѣка...

— Ты сердишь меня подобными шутками.

— Если это шутка, то тебѣ и сердиться нечего. А развѣ Магдалена не права? Если бы я былъ женщиной, то вполнѣ раздѣлялъ бы ея вкусъ. Сдѣлай одолженіе не краснѣй отъ скромности. Любая дѣвушка не задумываясь согласилась бы выйти за тебя замужъ, зная заранѣе что всегда будетъ имѣть надъ тобой перевѣсъ. Я не думаю возставать противъ любви, но въ каждомъ замужествѣ для жены настолько же важна привязанность мужа, какъ и власть, которую она будетъ имѣть въ домѣ, а ты въ этомъ отношеніи былъ бы примѣрный мужъ. Но къ несчастью для того, чтобы состоялся бракъ, необходимо

согласіе обоихъ заинтересованныхъ лицъ. А мы знаемъ, что у тебя на умѣ. Скажи, пожалуста, ты не замѣчалъ какъ часто изъ-за тебя хмурится хорошенькое личико Магдалены?

— Я не настолько тщеславенъ, чтобы приписывать это себѣ.

— Все оттого, что ты ничего не чувствуешь къ ней, такъ что тебѣ и дѣла нѣтъ до того: любитъ ли тебя Магдалена или нѣтъ.

— Магдалена! Съ чего ты это взялъ? Она любитъ меня какъ брата и преданнаго друга.

— Тебѣ конечно всего удобнѣе отрицать фактъ, тѣмъ болѣе, что въ твоемъ сердцѣ водворился другой образъ.

— Не говори мнѣ о графинѣ! Еще въ такомъ мѣстѣ!... воскликнулъ Эгбертъ, ударивъ стаканомъ по столу съ такой силой, что стекло разлетѣлось въ дребезги.

— Браво! Точно такимъ образомъ великій Бонапартъ разбилъ однажды фарфоровую чашку у графа Кобенцеля. Тогда у насъ была еще республика.

Слова эти были сказаны на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ полнымъ человѣкомъ съ французской кокардой на шляпѣ, который незамѣтно подошелъ къ молодымъ людямъ.

— Около васъ пустое мѣсто, позвольте присѣсть, продолжалъ толстякъ и, не дожидаясь отвѣта, тяжело опустился на стулъ.

Молодые люди съ удивленіемъ смотрѣли на незнакомца. У него было красное сіяющее лицо, сѣдые волосы торчали щетиной; ударъ сабли оставилъ глубокій шрамъ на его лбу; густые изогнутые брови нависли надъ впалыми сѣрыми глазами. Широкій подбородокъ и толстыя чувственныя губы показывали сильное развитіе животныхъ инстинктовъ и частое удовлетвореніе ихъ. Въ петлицѣ его длиннаго сѣраго сюртука виднѣлась красная ленточка ордена Почетнаго Легіона. Изъ кармана краснаго бархатнаго жилета висѣла цѣпочка съ печатью; шея его была повязана бѣлымъ галстукомъ съ распущенными концами à la Robespierre.

— Іоганъ, bon garçon, крикнулъ онъ кельнеру,—дай сюда лучшаго токайскаго.

— Кажется онъ и безъ того угостился какъ слѣдуетъ, шепнулъ Гуго своему пріятелю.

Возлѣ нихъ за столами имя француза повторялось съ разными комментаріями. Это былъ мосье Анахарсисъ Леникъ, главный секретарь французскаго посольства, проживавшій въ Вѣнѣ со времени Пресбургскаго мира, человѣкъ, извѣстный своими приключеніями и мошенническими продѣлками.

Эгбертъ, видя, что на нихъ обращено общее вниманіе, охотно удалился бы отъ навязчиваго гостя, но онъ не рѣшился встать изъ боязни ссоры съ французомъ, который могъ принять это за личное оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что былъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

Прислуга гостинницы обходилась съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ и поспѣшно исполняла его приказаніе.

— За ваше здоровье, господа, сказалъ Лепикъ, поднимая стаканъ. Молодые люди отвѣтили ему легкимъ поклономъ.

— Ваша Вѣна прекрасный городъ! Вы можете гордиться ею; здѣсь есть все, что хочешь: вино, музыка, красивыя женщины! Первый городъ Парижъ, второй—Вѣна! Анахарсисъ Лепикъ всегда говоритъ правду и вы можете вѣрить ему. Но было бы еще лучше если бы вы устроили революцію. Это очищаетъ кровь.

— А я до сихъ поръ думалъ, возразилъ Гуго, что революція кровопусканіе.

— Кровопусканіе! повторилъ съ хохотомъ Лепикъ.—Совершенно вѣрно! Случалось ли вамъ читать Марата? Императоръ не любитъ вспоминать о прошломъ. Революція убивала людей гильотиной, а Бонапартъ разстрѣливаетъ картечью. Оба эти способы довольно сильны и ихъ неудобно примѣнять одновременно. Но вы мнѣ все-таки не отвѣтили; почему у васъ до сихъ поръ нѣтъ революціи?

— Вѣроятно потому, что она не нужна, сказалъ Эгбертъ, раздраженный высокомѣріемъ и наглостью француза.

— Гдѣ существуютъ высшія сословія въ достаточномъ количествѣ, тамъ всегда нужна революція. Liberté, egalité—что можетъ быть выше этого! Извините господа, старыя воспоминанія...

Съ этими словами бывшій якобинецъ выпилъ большой глотокъ вина и добавилъ съ усмѣшкой:

— Дѣтямъ конечно не годится дѣлать то, что прилично для взрослыхъ. Вы маленькая нація, а мы la grande nation.

— Дѣти ростутъ, старики умираютъ. Это общій законъ природы; лѣсъ служитъ въ этомъ случаѣ нагляднымъ примѣромъ, отвѣтилъ Эгбертъ.

— Франція не умретъ, гордо замѣтилъ Анахарсисъ, выпрямляясь на своемъ стулѣ.—Она свѣтило міра.

— А Наполеонъ правитъ имъ! сказалъ Гуго.—Но вы кажется забыли трагическій конецъ Фаэтона? У насъ дѣти читаютъ эту исторію въ школахъ.

— Она только и годится для школъ. Неужели вы думаете, господа нѣмцы, что французскій императоръ слѣпъ и ничего не видитъ? Между тѣмъ намъ извѣстно, что вы опять приготовляетесь къ войнѣ. Но вы грустно ошибаетесь и вмѣсто предполагаемыхъ вакханалій изъ васъ будетъ un repas pour des corbeaux. Германія только и годится для этого...

— У насъ теперь мирное время, сказалъ Эгбертъ, дѣлая надъ собой усиліе чтобы казаться спокойнымъ,—и мы, нѣмцы, пока не подали ни малѣйшаго повода къ непріязни Наполеону или лучше сказать вашей великой націи, а слѣдовательно и ваши разсужденія совершенно лишнія. Вдобавокъ, позвольте вамъ замѣтить, что вы

поступаете въ разрѣзъ съ прославленной вѣжливостью французовъ, такъ какъ живя въ нашемъ городѣ, позволяете себѣ выраженія, которыя не прошли бы безнаказанно, если бы мы не соблюдали правилъ гостепріимства.

— Не прикажете ли вы считать это вызовомъ на дуэль? спросилъ Анахарсисъ съ громкимъ смѣхомъ.—Я совсѣмъ забылъ, что у васъ аристократовъ чувствительныя уши. Но вы мнѣ нравитесь молодой человѣкъ... люблю храбрыхъ людей. Недалеко время, когда мы всѣ будемъ братьями и составимъ одинъ народъ подъ властью Наполеона. Не сердитесь, но я слышу опять запахъ крови. Кто сражался въ Вандеѣ и на всю жизнь остался съ такимъ значкомъ на лбу—онъ указалъ на свой шрамъ,—у того вѣрное чутье на этотъ счетъ. Да, наконецъ, все это въ порядкѣ вещей. Что такое наша жизнь, какъ не постоянная битва! Le verre á la main, vive la guerre!... Однако васъ можно пожалѣть, между вами много измѣнниковъ...

Послѣдняя фраза настолько заинтересовала Эгберта, что онъ рѣшилъ остаться еще на нѣкоторое время съ пьянымъ французомъ, не смотря на свою антипатію къ нему. Въ головѣ его блеснула мысль, которая не смотря на свою дикость показалась ему логически возможною: Анахарсисъ явился въ общую залу совершенно неожиданно и въ возбужденномъ состояніи; не былъ ли онъ передъ этимъ въ игорной комнатѣ, гдѣ Армгартъ проигрываетъ свои послѣдніе гульдены и быть можетъ продаетъ государственныя тайны, чтобы продолжать игру?—Если мое предположеніе ничто иное какъ фантазія, то нужно убѣдиться въ этомъ, подумалъ Эгбертъ,—французъ настолько пьянъ, что пожалуй все выболтаетъ.

— Побѣжденные вѣчно ссылаются на измѣну, чтобы оправдать свою неудачу, сказалъ Эгбертъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ, что Бонапартъ еще наканунѣ сраженія при Аустерлицѣ получилъ подробный планъ расположенія русскихъ войскъ. Вы не назовете мнѣ ни одного великаго государственнаго человѣка, который бы до извѣстной степени не былъ мошенникомъ и нѣтъ ни одного главнокомандующаго, у котораго не было бы шпіоновъ. Вотъ посмотрѣли бы вы какъ они совѣщаются тамъ... Но почему вы не пьете?

— Мы только что допили наши стаканы. Сейчасъ налью опять, мосье Лепикъ, отвѣтилъ Эгбертъ, едва сдерживая свое волненіе.— Пью за дружбу и миръ между Франціей и Австріей!

— Охотно отвѣчаю на вашъ тостъ, сказалъ французъ, выпивая залпомъ стаканъ вина.—Мнѣ весело живется въ вашемъ городѣ, тѣмъ болѣе, что я наконецъ выучился трудному нѣмецкому языку и теперь хорошо знаю его. Здѣшнее вино мнѣ также по вкусу и если бы меня не ограбили сегодня...

— Кто васъ могъ ограбить? Развѣ эта гостинница притонъ разбойниковъ?

— Этому Цамбелли везло необыкновенное счастье и онъ не спускалъ съ меня своихъ фальшивыхъ глазъ... Никогда не играйте молодой человѣкъ! A la guerre comme à la guerre! Если бы вашъ графъ Стадіонъ зналъ то, что я знаю...

Послѣдняя фраза несомнѣнно относилась къ Армгарту. Эгбертъ вскочилъ съ мѣста. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало пробраться въ игорную комнату. Можетъ быть ему еще удастся спасти отца Магдалены отъ позора и гибели.

— Что васъ какъ будто тарантулъ укусилъ! воскликнулъ французъ.—Видно и на васъ имя Цамбелли производитъ свое дѣйствіе. Это ловкій плутъ и далеко пойдетъ, хотя ему настоящее мѣсто на гильотинѣ. Теперь онъ обработываетъ стараго дурака...

У Эгберта потемнѣло въ глазахъ. Онъ поднялъ руку, чтобы ударить француза прежде, чѣмъ онъ назоветъ Армгарта. Но ихъ тотчасъ окружили и Гуго успѣлъ во время удержать своего пріятеля за руку. Въ сосѣдней комнатѣ также всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Причиной этого не могла быть ссора Эгберта съ Лепикомъ, потому что ее видѣли только сидѣвшіе вблизи ихъ, и вѣроятно большинство присутствующихъ не обратили бы на нее никакого вниманія, если бы въ этотъ моментъ не раздался рѣзкій и протяжный свистъ на дворѣ.

— Полиція! — раздалось въ толпѣ.—Она вѣрно узнала, что тутъ дѣлается въ дальнихъ комнатахъ и разоритъ ихъ гнѣздо.

— Тутъ гдѣ нибудь спрятались заговорщики!

— Съ чего вы это взяли? Графъ Стадіонъ либеральный человѣкъ, ему не чудятся вездѣ заговоры и якобинцы, какъ нашему прежнему министру.

— Тише, насъ могутъ услышать...

Разговаривая такимъ образомъ и передавая другъ другу свои соображенія, почтенные бюргеры столпились въ первой залѣ. Одни стояли по срединѣ комнаты, другіе бросились къ окнамъ, въ надеждѣ увидѣть любопытное зрѣлище ареста игроковъ или заговорщиковъ.

Анахарсисъ поспѣшно надѣлъ свою шляпу. Онъ сразу протрезвился и хотя не могъ еще вполнѣ совладать со своими тѣлодвиженіями, но голова его была также свѣжа, какъ будто онъ не выпилъ ни одной рюмки.

— Ну какъ мнѣ не пожаловаться на судьбу,—сказалъ онъ со смѣхомъ Эгберту, медленно застегивая свой длинный сюртукъ. Мало того, что мнѣ пришлось потерять горсть имперіаловъ, меня еще вѣроятно запишутъ въ красную книгу вѣнской полиціи. Вотъ видите молодой человѣкъ, какъ вознаграждается на свѣтѣ добродѣтель и воздержаніе. Но во всякомъ случаѣ я считаю за честь и удовольствіе, что познакомился съ вами.

Эгбертъ не имѣлъ ни времени, ни желанія отвѣчать на любезность француза и, оставивъ его съ Гуго, отошелъ отъ нихъ въ надеждѣ узнать что нибудь объ Армгартѣ. Между тѣмъ толпа все увеличива-

лась, такъ какъ публика нижняго этажа устремилась на верхъ, при первомъ извѣстіи объ арестѣ игроковъ.

Эгбертъ остановился въ нерѣшимости, машинально прислушиваясь къ говору толпы; но тутъ неожиданно увидѣлъ Цамбелли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Лицо его было также спокойно какъ всегда и не выражало ни малѣйшаго смущенія или заботы.

— Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ, шевалье, сказалъ Эгбертъ подходя къ нему.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Не можете ли вы сказать мнѣ гдѣ Армгартъ? Остался ли онъ съ игроками или вышелъ вмѣстѣ съ вами?

— Мнѣ очень трудно отвѣтить на вашъ вопросъ, потому что я не былъ тамъ, гдѣ вы предполагаете.

— Ради Бога говорите правду, шевалье. Дѣло идетъ о счастьи и спокойствіи честнаго семейства.

— Я не думалъ нарушать ни того, ни другого.

— Къ чему эти увертки, шевалье? Вы отлично понимаете о чемъ я говорю. Я не выпущу васъ отсюда, пока вы не отвѣтите на мой вопросъ.

— И вы думаете, что это вамъ удастся? спросилъ презрительно Цамбелли.

— Не дальше какъ часъ тому назадъ вы обыграли вашего знакомаго Анахарсиса Лепикъ!..

— Значитъ и здѣсь у меня есть двойникъ какъ въ Гмунденѣ. Покойной ночи, я очень занятъ.

— Вы не желаете отвѣчать мнѣ?

— Напротивъ, очень желаю, возразилъ Цамбелли съ удареніемъ. Я къ вашимъ услугамъ завтра, послѣ завтра, когда вамъ угодно только не теперь. Я не актеръ и не люблю выступать на сцену при многочисленной публикѣ.

Эгбертъ не счелъ возможнымъ удерживать долѣе Цамбелли, тѣмъ болѣе, что его помощь явилась бы слишкомъ поздно даже въ томъ случаѣ, еслибы Армгарту удалось ускользнуть изъ рукъ полиціи.

Внѣ себя отъ досады и безпокойства, Эгбертъ направился вмѣстѣ съ Гуго къ двери, выходившей на парадную лѣстницу.

Здѣсь поджидалъ его невзрачный человѣкъ небольшаго роста, который повидимому уже давно стоялъ тутъ прислонившись къ стѣнѣ.

— Г-нъ Эгбертъ Геймвальдъ? спросилъ онъ вполголоса, слегка прикасаясь рукою къ его плечу, когда молодые люди поравнялись съ нимъ.

— Да меня зовутъ Геймвальдомъ; и я живу въ собственномъ домѣ на извѣстной вамъ улицѣ, отвѣтилъ онъ съ досадой, думая, что имѣетъ дѣло съ полицейскимъ, которому отданъ приказъ арестовать его.

Маленькій человѣкъ улыбнулся.

— Вы ошибаетесь относительно моихъ намѣреній, сказалъ онъ,—я надворный совѣтникъ Брауликъ. Не угодно ли вамъ слѣдовать за мной, но такъ чтобы не обратить общаго вниманія. Мой экипажъ ждетъ насъ внизу.

— Я готовъ, но мнѣ хотѣлось бы знать, куда мы поѣдемъ?

Надворный совѣтникъ поднялся на цыпочки и таинственно прошепталъ на ухо Эгберту.

— Я повезу васъ къ министру, графу Стадіону.

— Меня къ министру! воскликнулъ Эгбертъ, спускаясь съ лѣстницы съ своимъ провожатымъ.

— Его милость графъ Вольфсеггъ недавно говорилъ объ васъ съ министромъ. Если не ошибаюсь то по поводу этого замѣчательнаго происшествія, убійства французскаго путешественника...

— Ну старая исторія о сапогѣ Бурдона, подумалъ слѣдовавшій за ними Гуго—она положительно приноситъ намъ несчастіе.

— Но разумѣется министръ приглашаетъ васъ къ себѣ въ такой поздній часъ не по этому дѣлу, сказалъ надворный совѣтникъ. Онъ желаетъ узнать о чемъ вы бесѣдовали сегодня вечеромъ съ секретаремъ французскаго посольства.

— Значитъ мы на каждомъ шагу окружены шпіонами, подумалъ съ досадой Эгбертъ и обращаясь къ своему спутнику сказалъ:

— Г-нъ министръ вѣроятно извинитъ меня, если мои показанія далеко не будутъ имѣть того важнаго значенія, которое вы приписываете имъ; г-нъ Ленкъ не сообщалъ мнѣ никакихъ тайнъ.

— Мы съ вами не можемъ знать, что важно или не важно въ политикѣ, отвѣтилъ Брауликъ съ усмѣшкой—все зависитъ отъ окраски. Графъ рѣшитъ это лучше насъ.

Эгбертъ молча пожалъ руку своему пріятелю, садясь рядомъ съ надворнымъ совѣтникомъ въ экипажъ, стоявшій въ тѣни у церковной ограды.

Гуго, оставшись одинъ, былъ въ сильномъ недоумѣніи. Конечно онъ окажетъ услугу своему пріятелю, постаравшись узнать что нибудь о судьбѣ несчастнаго Армгарта; но какъ это сдѣлать, не навлекая на себя подозрѣнія въ соучастіи и не повредивъ дѣлу? Если секретарю удалось вырваться изъ рукъ полиціи, то онъ можетъ погубить его своими распросами...

Не зная на что рѣшиться, Гуго ходилъ взадъ и впередъ передъ гостинницей въ надеждѣ услышать что нибудь отъ выходившей толпы. Но ему не долго пришлось прогуливаться, потому что онъ вскорѣ увидѣлъ самого секретаря, который пробѣжалъ мимо него какъ помѣшанный со всѣми признаками испуга и отчаянія. Воображенію Гуго представился образъ несчастнаго игрока, который ищетъ исхода своему несчастію въ самоубійствѣ; но онъ утѣшалъ себя мыслью, что Армгартъ выберетъ для себя самый медленный, но любимый способъ бюргеровъ лишать себя жизни повѣшеніемъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ занимавшій его вопросъ, Гуго пустился бѣжать за шмыгающей впередъ тѣнью, не смотря на то, что его безпрестанно задерживали попадавшіеся на встрѣчу экипажи и пѣшеходы.

Несчастный секретарь летѣлъ опрометью, не смотря на свои годы, и нѣсколько разъ сворачивалъ съ дороги, какъ будто чувствуя, что его преслѣдуютъ, но Гуго все таки нагналъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Schottenthor и схватилъ за руку.

— Ну, гнался-же я за вами, почтеннѣйшій, какъ будто на охотѣ! сказалъ Гуго.—Если бы наша знать еще содержала скороходовъ, то это была бы отличная должность для насъ обоихъ.

Лицо секретаря исказилось отъ ужаса. Онъ хотѣлъ вырваться изъ рукъ Гуго, но тотъ удержалъ его.

— Хотя разумѣется вы лучше меня знаете городъ, продолжалъ Гуго, но мнѣ кажется мы идетъ дальней дорогой.

— Оставьте меня въ покоѣ, милостивый государь. Я съумѣю одинъ вернуться домой.

— Вы-можетъ быть, но не я. Вы или Эгбертъ должны сопровождать меня, и довести до дому. Но такъ такъ Эгбертъ отправился къ министру...

— Какой бѣсъ овладѣлъ вами?

— Я только что хотѣлъ сдѣлать вамъ тотъ-же вопросъ. Но успокойтесь, г-нъ секретарь, намъ все извѣстно, мы сами съ Эгбертомъ были сегодня вечеромъ въ гостинницѣ „Kugel“...

— Ради всѣхъ святыхъ, не говорите объ этомъ,—прервалъ секретарь, боязливо оглядываясь.

— И удивляемся только одному, продолжалъ Гуго невозмутимымъ голосомъ, что вы спасены и на свободѣ.

— На одну только ночь! отвѣтилъ Армгартъ, подавляя стонъ.— Прочь!... Все кончено! Сжальтесь, отпустите меня; Дунай не далеко!.. Моя бѣдная жена... Скажите Эгберту...

— Почему вы сами не хотите сказать ему, что проиграли нѣсколько сотъ гульденовъ?

— Я опозоренъ. Мое имя записано въ полицейскихъ книгахъ...

— Васъ вѣроятно накрыли во время игры и записали ваше имя?

— Полиція доискивалась не одной только игры въ фараонъ.

— Но вѣдь обыскъ произведенъ не въ вашемъ домѣ! Получите строгій выговоръ и только. Выговоръ спрячте въ карманъ; Эгбертъ заплатитъ ваши игорные долги, а у начальства похлопочетъ графъ Вольфсеггъ.

Послѣдняя фраза казалось еще больше увеличила отчаяніе секретаря.

— Ради Бога, не задерживайте меня! проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.— Только моя смерть можетъ все загладить. Неужели вы хотите быть моимъ палачемъ?

— Ну, видно дѣло серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ, сказалъ Гуго. Тутъ еще что-то кроется...

Армгартъ дико засмѣялся.

— Времени осталось немного, сказалъ онъ. Завтра меня арестуютъ и тогда—Ça ira! A la lanterne! Не лучше ли мнѣ самому покончить съ собой?

— Вы боитесь завтрашняго дня, отвѣтилъ Гуго, обдумывая что-то.—До утра еще цѣлыхъ восемь часовъ, а вы австрійцы медленный народъ.

Мимо нихъ проѣхалъ наемный экипажъ.

Гуго позвалъ извощика.

— Не угодно ли, г-нъ секретарь, мы съ вами достаточно путешествовали пѣшкомъ.

Армгартъ машинально послѣдовалъ приглашенію и сѣлъ въ экипажъ рядомъ съ Гуго.

— Ну, живѣе! крикнулъ Гуго извощику, получишь золотой, когда пріѣдемъ на мѣсто.

ГЛАВА IV.

— Кому это нужно видѣть меня въ такую пору! проговорила съ досадой маркиза Гондревилль.—Видно эта фрейлейнъ не получила никакого воспитанія или меня принимаетъ за горничную.

Маркиза только что сѣла за столъ съ своей дочерью и принялась за утренній шоколадъ, когда вошелъ слуга съ докладомъ, что какая-то фрейлейнъ желаетъ говорить съ нею. Маркиза всегда впадала въ раздражительное состояніе духа, когда мѣшали ея утреннему завтраку, а тутъ еще примѣшалось то соображеніе, что она не такъ одѣта чтобы принять дѣвушку бюргерскаго сословія. Объясняя французскую революцію ослабленіемъ этикета и приличій, Леопольдина не желала распространять въ Вѣнѣ дурной образъ мыслей своимъ появленіемъ въ домашнемъ туалетѣ передъ людьми, стоявшими ниже ея по своему общественному положенію. Вдобавокъ, ее мучили и другія заботы. Необходимо было все приготовить къ званному вечеру, который былъ назначенъ въ этотъ же день, тѣмъ болѣе, что въ числѣ другихъ гостей ожидали посѣщенія одного изъ эрцгерцоговъ.

— Я прикажу отказать этой дѣвушкѣ, сказала маркиза. Бѣда не велика, пусть прійдетъ въ другой разъ. Это вѣроятно дочь какого-нибудь отставного чиновника съ просьбой о вспомоществованіи.

— Развѣ она не сказала своей фамиліи? спросила Антуанета?

— Какъ же, ваше сіятельство—отвѣтилъ слуга. Она назвала себя Армгартъ.

Маркиза поставила свою чашку на столъ. Она была такъ удивлена, что у ней едва не вырвалось весьма нелестное восклицаніе для неожиданной посѣтительницы; но Антуанета успѣла во время остановить ее. Она бросила на мать многозначительный взглядъ и сказала слугѣ:

— Проводите фрейлейнъ Армгартъ въ мою комнату. Маркиза занята, а я готова принять ее.

Слуга удалился.

— Какъ—ты хочешь принять ее! воскликнула маркиза, багровѣя отъ гнѣва. Развѣ можешь ты имѣть дѣло съ подобною тварью! Какъ смѣетъ она войти въ нашъ домъ!

— Не забудьте что это домъ графа. Если она прямо обращается къ намъ, то это лучшее доказательство, что ваше подозрѣніе не имѣетъ никакого основанія.

— Можетъ быть она заранѣе сговорилась съ нимъ и наша роль будетъ самая незавидная.

— Мы узнаемъ это черезъ нѣсколько минутъ, сказала Антуанета, поднимаясь съ своего мѣста.

Для молодой графини было своего рода торжествомъ, что дѣвушка, къ которой дядя ея чувствовалъ такую очевидную привязанность, является къ ней въ видѣ просительницы. Она сама хотѣла сдѣлать первый шагъ къ знакомству, отчасти изъ любопытства и главнымъ образомъ изъ ревности, но теперь счастливая случайность избавляла ее отъ поступка, который былъ тяжелой жертвой для ея самолюбія.

Еслибы Магдалена была спокойнѣе духомъ и глаза ея не были отуманены отъ слезъ, то она вѣроятно была бы непріятно поражена тѣмъ взглядомъ, который бросила на нее молодая графиня входя въ комнату. Отзывъ Цамбелли о красотѣ дочери секретаря возбудилъ зависть Антуанеты, которая не выносила похвалъ чужой красотѣ, тѣмъ болѣе, что шевалье осмѣлился дѣлать между ними сравненіе.

— Я красивѣе ее, подумала графиня, вглядываясь въ миловидныя, но далеко не правильныя черты посѣтительницы; и лицо ея опять приняло то идеальное выраженіе спокойствія, которымъ такъ восхитился Эгбертъ при первой встрѣчѣ съ нею.

Она придвинула кресло своей гостьѣ и, замѣтивъ, что глаза ея полны слезъ, спросила о причинѣ ея горя. Простой и правдивый разсказъ молодой дѣвушки глубоко тронулъ Антуанету, такъ что незамѣтно для нея самой холодный и оффиціальный тонъ, съ которымъ она приняла ее, перешелъ въ ласковый и задушевный.

Магдалена пришла къ нимъ просить ихъ заступничества у графа. Отецъ ея не возвращался домой со вчерашняго вечера и до нихъ дошли самыя дурныя вѣсти. Одно изъ двухъ, или его заключили въ тюрьму за какое-то преступленіе, или онъ рѣшился на самоубійство. Часъ тому назадъ у нихъ въ домѣ сдѣланъ обыскъ; чиновники захватили всѣ его бумаги и запечатали кабинетъ.

— Матушка сама хотѣла обратиться къ графу, добавила Магда-

лена;—онъ всегда былъ милостивъ къ намъ, но отъ горя и безпокойства она слегла въ постель. Это придало мнѣ смѣлости обратиться къ вамъ и къ маркизѣ, въ надеждѣ, что вы не откажете передать нашу просьбу графу.

— Я сейчасъ пошлю за дядей, отвѣтила съ живостью Антуанета, которая чувствовала теперь искреннее расположеніе къ своей мнимой соперницѣ и отъ всего сердца готова была помочь ей.

Она взялась за звонокъ, чтобы позвать слугу, но въ этотъ моментъ графъ неожиданно вошелъ въ комнату.

Антуанета измѣнилась въ лицѣ. Въ ней опять заговорила ревность.—Онъ пришелъ къ ней, а не къ тебѣ—подумала она. Это подозрѣніе еще больше усилилось, когда Антуанета увидѣла нѣжный и озабоченный взглядъ, который графъ бросилъ на Магдалену.

— Что съ тобой, что съ вами фрейлейнъ Армгартъ? сказалъ онъ, подходя къ ней,—не случилось ли чего особеннаго?

Затѣмъ обратившись къ своей племянницѣ, онъ добавилъ:

— Я очень благодаренъ тебѣ Антуанета, что ты ласково приняла это бѣдное дитя. Ты сдѣлала мнѣ этимъ большое одолженіе...

Графъ говорилъ торопливо, взволнованнымъ голосомъ и слушая разсказъ Магдалены закрылъ на секунду лицо обѣими руками.

— Печальное извѣстіе, сказалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, причемъ лицо его опять приняло обычное выраженіе спокойствія и увѣренности. Но не пугайтесь и не унывайте моя дорогая фрейлейнъ. Я убѣжденъ, что Армгартъ не совершилъ никакого преступленія и что власти принимаютъ болѣе серьезныя и строгія мѣры, чѣмъ слѣдуетъ... Также нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы отецъ вашъ рѣшился на самоубійство, онъ слишкомъ благоразумный человѣкъ. Ну, а что дѣлаетъ Геймвальдъ, гдѣ онъ?

— Вы знаете его, графъ, отвѣтила краснѣя Магдалена. Онъ принялъ въ насъ самое живое участіе, все время присутствовалъ при обыскѣ вмѣсто матери и теперь пошелъ искать отца.

— Да, это странствующій рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова, сказалъ графъ. Ты не даромъ прозвала его такъ Антуанета.

Слова эти наполнили ужасомъ сердце Магдалены. Она съ невольнымъ испугомъ взглянула на молодую графиню.—Эгбертъ знакомъ съ этой блестящей красавицей и нравится ей, подумала съ отчаяніемъ молодая дѣвушка.—Развѣ ты можешь сравниться съ нею!..

— Что съ вами? спросилъ графъ, взявъ ея за руку. Отчего вы такъ поблѣднѣли? Вы не должны терять головы мое милое дитя. Рано или поздно каждаго изъ насъ постигаютъ бури. Я сейчасъ поѣду къ министру и узнаю въ чемъ обвиняютъ вашего отца. Скажите пожалуйста, вы не замѣчали въ немъ никакой перемѣны въ послѣднее время?

Магдалена не могла припомнить ни одного опредѣленнаго факта кромѣ того, что отецъ казался ей измученнымъ отъ усиленной работы.

При этомъ она вспомнила посѣщеніе Цамбелли и замѣтила, что разговоръ съ нимъ сильнѣе взволновалъ отца, нежели можно было ожидать.

Антуанета быстро отвернулась къ окну при этихъ словахъ, а графъ воскликнулъ съ досадой:

— Жаль, что я раньше не зналъ этого. Я не подозрѣвалъ, что онъ былъ у васъ. Гдѣ замѣшается этотъ проклятый итальянецъ тамъ не жди добра!

Сказавъ это, графъ тотчасъ же раскаялся въ своей горячности, замѣтивъ испугъ Магдалены.

— Идите домой, милое дитя мое, сказалъ онъ ей ласковымъ голосомъ.—Не плачьте. Можетъ быть Геймвальдъ принесетъ вамъ хорошія извѣстія. Передайте ему, что я надѣюсь увидѣть его сегодня вечеромъ у насъ. При этомъ графъ Вольфсеггъ съ смущеніемъ взглянулъ на свою племянницу, какъ будто хотѣлъ просить ее о чемъ-то и не рѣшался.

Антуанета невольно улыбнулась, угадавъ его желаніе.

— Оставьте насъ вдвоемъ дядя, сказала она. Вы только пугаете фрейлейнъ Армгартъ своими вопросами. Пусть она успокоится и я сама провожу ее домой въ нашей каретѣ.

— Ты, ангелъ, отвѣтилъ ей шутя графъ и, обратившись къ Магдаленѣ добавилъ:—вы видите ей невозможно сопротивляться. До свиданія. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее чтобы выручить Армгарта изъ бѣды.

Антуанета, взявъ на свое попеченіе молодую дѣвушку и задавшись мыслью утѣшить ее, помимо своей воли преслѣдовала другую затаенную цѣль. Она надѣялась изъ дружескаго разговора съ своей сверстницей узнать ея отношенія къ графу и Цамбелли и разрѣшить такимъ образомъ мучившіе ее вопросы. Она сознательно не стремилась къ этому, не прибѣгала къ искуственно льстивымъ рѣчамъ чтобы опутать незлобливую дѣвушку и заслужить ея довѣрія. Все сдѣлалось какъ-бы само собою. Магдалена въ простотѣ душевной откровенно разсказала молодой графинѣ свое недолгое прошлое и открыла ей всѣ помыслы своего сердца. Оно было также чисто и прозрачно какъ горный источникъ, въ которомъ отражается голубое небо и солнце. Проницательный взглядъ Антуанеты увидѣлъ на днѣ его только одно изображеніе—это образъ бѣлокураго Эгберта.

Проводивъ Магдалену и возвращаясь одна въ каретѣ, молодая графиня улыбалась припоминая свои недавнія сомнѣнія. Какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? спрашивала она себя. Магдалена должна была полюбить его живя съ нимъ въ одномъ домѣ и видясь ежевневно... Если она боится, что ея рыцарь влюбится въ меня, то я сегодня же вечеромъ скажу ему, что взяла Магдалену подъ мое покровительство и что онъ не долженъ подавать ей повода къ огорченію.

Относительно графа, Антуанета также окончательно успокоилась. Она была теперь увѣрена, что между имъ и Магдаленой не было и

тѣни нѣжныхъ отношенiй и скорѣе можно было предполагать, что онъ покровительствуетъ ея сближенiю съ Эгбертомъ. Но для Антуанеты оставалась загадкой причина дружбы графа съ Армгартами. Она даже задала себѣ вопросъ: не былъ ли когда-нибудь ея дядя въ связи съ женой Армгарта, но тотчасъ-же отказалась отъ этой мысли. Если бы это было въ дѣйствительности, то графъ вѣроятно не выказывалъ бы такъ явно своего расположенiя и супруги Армгартъ не жили бы такъ дружно! Отчего это мы такъ склонны, спрашивала себя Антуанета, отыскивать дурной поводъ въ дѣйствiяхъ, которыхъ мы не можемъ себѣ объяснить? Графъ вознаграждаетъ дочь за вѣрную службу отца; онъ заботился объ ея воспитанiи и привязавшись къ ней восхищается ея красотой и миловидностью. Онъ благородный и великодушный человѣкъ, а мы на столько злы и мелочны, что приписываемъ ему разныя слабости и судимъ объ его нравственной высотѣ по жалкимъ свойствамъ другихъ людей.

Антуанета была счастлива одной мыслью, что человѣкъ, котораго она уважала больше всего на свѣтѣ, стоитъ внѣ порицанiя. Въ порывѣ увлеченiя она готова была отказаться отъ честолюбивыхъ мечтанiй чтобы остаться около него и покорно служить ему. Въ томъ же настроенiи духа вышла она къ многочисленному обществу, которое собралось въ этотъ вечеръ въ ихъ домѣ. Она хотѣла сказать Цамбелли: Ты ошибся, я могу довольствоваться скромною участью, которая выпала мнѣ на долю и ничто не влечетъ меня въ тотъ блестящiй и обманчивый мiръ, который ты рисовалъ мнѣ такими яркими красками.

Но шевалье не былъ въ числѣ гостей. Въ другое время отсутствiе незначительнаго дворянина вѣроятно прошло бы незамѣченнымъ въ этомъ избранномъ обществѣ, гдѣ были представители столькихъ знатныхъ фамилiй австрiйскаго дворянства, военнаго и дипломатическаго мiра и такое множество красивыхъ женщинъ. Но теперь большинство присутствующихъ нетерпѣливо ожидало появленiя Цамбелли и взгляды пожилыхъ мужчинъ обращались на створчатыя двери всякiй разъ, когда они открывались для новаго гостя. Такимъ вниманiемъ Цамбелли былъ обязанъ тому обстоятельству, что внезапное исчезновенiе Армгарта и обыскъ въ гостинницѣ „Kugel“ одинаково интересовали всѣхъ и многимъ было извѣстно, что секретарь французскаго посольства Леникъ и Цамбелли были усердными посѣтителями гостинницы.

Графъ проходилъ между группами гостей, знакомя ихъ другъ съ другомъ, раскланивался съ одними, заговаривалъ съ другими.

— А что наше пари, Пухгеймъ? сказалъ онъ барону, — шевалье не является.

Баронъ хотѣлъ задержать его въ надеждѣ получить отъ него какiя нибудь новыя свѣдѣнiя, но Вольфсеггъ былъ уже на другомъ концѣ залы.

— Не сообщилъ ли вамъ графъ чего нибудь важнаго? спросилъ барона стоявшiй возлѣ него господинъ.

— Нѣтъ онъ только сказалъ, что нашему голубятнику грозитъ опасность.

— Какія у васъ странныя сравненія Пухгеймъ. Ужъ не Австрію ли вы величаете такимъ образомъ?

— Разумѣется, и теперь въ голубятникѣ большой переполохъ потому что надъ нимъ носится орелъ...

Появленіе эрцгерцога Максимиліана сразу прекратило всѣ разговоры, такъ что въ залахъ на нѣсколько минутъ водворилось мертвое молчаніе. Но вслѣдъ затѣмъ заиграла музыка и все общество радостно привѣтствовало почетнаго гостя, который въ это время пользовался большой популярностью въ Австріи. Это былъ братъ императрицы Маріи Луизы, дочери Моденскаго эрцгерцога Фердинанда, который не менѣе сестры своей ненавидѣлъ Францію и, открыто придерживаясь партіи войны, былъ воодушевленъ желаніемъ заслужить тѣ же лавры, какъ и его родственникъ, Карлъ побѣдитель при Моро.

То-же воинственное настроеніе охватило тогда всю Австрію и никогда еще партія войны не была такъ сильна какъ въ это время. Императоръ, все его семейство, дворъ и войско не могли забыть постыднаго пораженія при Маренго и Ульмѣ; дворянство ненавидѣло революціонную Францію и Бонапарта, порожденіе той-же революціи; народъ проклиналъ гнетъ и владычество французовъ. Всѣхъ болѣе или менѣе воодушевляло сознаніе своей нѣмецкой національности и мечта объ образованіи такого-же могущественнаго австрійскаго государства какъ въ былыя времена. Для правительственныхъ лицъ вопросъ заключался въ перевѣсѣ власти въ Германіи; для народа желательно было его объединеніе съ другими нѣмецкими племенами.

Напряженное состояніе умовъ сказывалось даже въ настроеніи праздничной толпы, наполнявшей великолѣпныя залы графа Вольфесгга и въ разговорахъ, которые преимущественно вращались около политики.

Эгбертъ былъ новичкомъ въ этомъ обществѣ и не раздѣлялъ его интересовъ; для него существовала только внѣшняя сторона этой жизни, которая производила на него чарующее впечатлѣніе. Роскошная обстановка аристократическаго вечера была для него такимъ непривычнымъ зрѣлищемъ, что онъ не могъ прійти въ себя отъ восторга. Огромная зала сіяла сотнями свѣчей, которыя казались еще многочисленнѣе отражаясь въ зеркалахъ и на хрусталѣ люстръ; ярко блестѣла богатая позолота на стѣнахъ и на пестромъ расписанномъ потолкѣ. Въ углахъ залы были устроены бесѣдки изъ дорогихъ растеній; тераса цвѣтовъ скрывала музыкантовъ, игравшихъ на эстрадѣ, придавая залѣ видъ какого то волшебнаго сада. Звуки музыки постепенно замирая перешли въ тихую, чуть слышную мелодію, которая не мѣшая разговорамъ, гармонически аккомпанировала имъ, какъ пѣніе Аріэля.

Много дурнаго приписывала молва австрійскому дворянству и

высшему вѣнскому обществу; не мало обвиненій противъ нихъ слышалъ Эгбертъ отъ своего покойнаго отца, который горячо возставалъ противъ празднаго существованія, гдѣ конечною цѣлью являлось одно наслажденіе. Но это предубѣжденіе тотчасъ же исчезло, когда Эгбертъ очутился въ высшей сферѣ,—какъ иронически называлъ Гуго большой свѣтъ—который и во снѣ не представлялся мечтательному юношѣ такимъ прекраснымъ какимъ онъ нашелъ его въ этотъ вечеръ. Онъ не въ состояніи былъ критически относиться къ этому привлекательному міру, гдѣ все отуманивало его и дѣйствовало на его воображеніе. Опьяненіе было слишкомъ сильно; какая то невидимая рука влекла его впередъ. Но куда? онъ не въ состояніи былъ дать себѣ въ этомъ отчетъ и въ этой неопредѣленности была своего рода поэзія. Съ другой стороны онъ испытывалъ нѣкоторое довольство, что и здѣсь избранное общество отнеслось къ нему, простому малоизвѣстному бюргеру съ тою же любезностью, которая поразила его при первомъ его появленіи въ замкѣ графа Вольфсегга. Онъ видѣлъ, что мужчины тѣснились около него, внимательно выслушивая каждое слово, что дамы дружелюбно улыбались ему; но ему и въ голову не приходило, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ хозяину дома, который счелъ нужнымъ сообщить своимъ гостямъ, что Эгберта Геймвальда вчера призывалъ министръ и бесѣдовалъ съ нимъ до полуночи. Такимъ образомъ неожиданно для него самого, Эгбертъ превратился въ важнаго политическаго дѣятеля; одни смотрѣли на него, какъ на лицо, пользующееся довѣріемъ министра, съ которымъ слѣдуетъ познакомиться на всякій случай; для другихъ онъ представлялъ интересъ какъ человѣкъ, имѣющій подробныя свѣдѣнія о таинственныхъ происшествіяхъ прошлой ночи, и отъ котораго можно будетъ узнать много любопытнаго.

Почетъ, которымъ пользовался Эгбертъ среди гостей графа Вольфсегга, отозвался до извѣстной степени и на его другѣ Гуго. Максъ Ауерспергъ не разставался съ нимъ и представилъ его своимъ молодымъ друзьямъ, какъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ артистовъ сѣверной Германіи, ученика и соперника великаго Иффланда. Все это было сказано такимъ увѣреннымъ тономъ, что Гуго не могъ дать себѣ отчета: долженъ ли онъ самъ считать за дурака своего покровителя или тотъ обходится съ нимъ какъ съ дуракомъ. Но послѣднее оказалось несправедливымъ, потому что Ауерспергъ видимо гордился имъ и прогуливаясь съ нимъ по залѣ имѣлъ такой довольный видъ, какъ будто-бы велъ подъ руку какую нибудь красавицу. Гуго пустился было съ нимъ въ философскія разсужденія, но скоро долженъ былъ перейти на болѣе легкую тему разговора, потому что молодой аристократъ не отличался, ни быстрымъ пониманіемъ, ни особеннымъ богатствомъ научныхъ свѣдѣній.

Между тѣмъ Эгбертъ, воспользовавшись удобной минутой, когда все общество устремилось на встрѣчу эрцгерцогу, прошелъ въ сосѣд-

нія комнаты. Здѣсь все было пусто. Игроки бросили свои карты, чтобы насладиться лицезрѣніемъ высокопоставленной особы. Молчаливо стояли по угламъ кресла и диваны при кроткомъ освѣщеніи лампъ, какъ будто нарочно приготовленныя для любителей уединенія или для нѣжныхъ объясненій. Чуть слышно доносились звуки музыки. Эгбертъ не могъ понять, что заставляло всѣхъ этихъ людей выказывать такое раболѣпное поклоненіе эрцгерцогу, который былъ такъ далекъ отъ того идеала, который онъ составилъ себѣ о государственномъ мужѣ и полководцѣ, забывая, что въ данномъ случаѣ окружающее его общество было поставлено въ совершенно исключительныя условія. Въ качествѣ бюргера онъ никогда не приближался ни къ одному изъ великихъ міра сего и не испыталъ того неизбѣжнаго обаянія, которое они оказываютъ на людей близко стоящихъ къ нимъ. Какъ вѣрноподанный, Эгбертъ чувствовалъ уваженіе къ одному императору и только одинъ Бонапартъ казался ему достойнымъ поклоненія.

Но всѣ эти размышленія не долго занимали Эгберта и болѣе пріятныя мысли смѣнили ихъ. Онъ сѣлъ на одно изъ креселъ и машинально слѣдилъ за женскими фигурами, которыя медленно двигались взадъ и впередъ по залѣ. На этомъ разстояніи онѣ казались особенно эффектными и воздушными въ своихъ легкихъ нарядахъ на яркомъ фонѣ бальнаго освѣщенія. Тихая музыка еще болѣе увеличивала очарованіе волшебной картины. Эгберту казалось что онъ видитъ сонъ.

— Вотъ куда вы удалились, г-нъ Геймвальдъ, сказала ему Антуанета, садясь возлѣ него. Посмотрѣли бы вы на своего пріятеля. Пока вы сидѣли тутъ, онъ уже успѣлъ сдружиться съ кузеномъ Максомъ и съ молодыми офицерами и вступить съ ними въ братство по оружію. Между Пруссіей и Австріей заключенъ союзъ.

— Онъ будетъ нарушенъ, когда представитель Пруссіи поступитъ на сцену, отвѣтилъ Эгбертъ, смущенный неожиданнымъ появленіемъ молодой графини.

— Желала бы я знать причину вашего бѣгства, сказала Антуанета. Неужели вы такъ соскучились въ нашемъ обществѣ?

— Я смотрѣлъ на него издали, и это доставило мнѣ своего рода наслажденіе.

— Позвольте вамъ замѣтить, г-нъ Геймвальдъ, что это весьма странный и эгоистическій способъ наслажденія. Общество имѣетъ на васъ извѣстныя права, а вы удаляетесь отъ него. Если люди будутъ служить другъ для друга только предметомъ для наблюденія или насмѣшекъ, то совмѣстная жизнь сдѣлается невозможною. Неужели вы не признаете, что каждый изъ насъ долженъ служить обществу своимъ умомъ и знаніями?

— Несомнѣнно, но я не думаю, что бы моя бесѣда могла принести какую бы то ни было пользу.

— Вы забываете что униженіе паче гордости, г-нъ Геймвальдъ. Я читала когда то объ одномъ греческомъ философѣ, который гово-

рилъ, что хотя и существуютъ боги, но они сидятъ сложа руки и только посмѣиваются глядя на міръ и людскія страданія. Вы своего рода олимпіецъ, если не совсѣмъ, то въ значительной степени.

— Изъ вашихъ словъ выходитъ, графиня, что я еще не вполнѣ достигъ олимпійскаго спокойствія, а передъ этимъ вы доказывали мнѣ, что я не гожусь для жизни въ обществѣ. Если я одинаково отсталъ отъ неба и земли, то слѣдовательно я обрѣтаюсь въ промежуточномъ пространствѣ. Можетъ быть вы и правы. Мною часто овладѣваетъ какое то странное чувство отчужденности и полнаго одиночества. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: сколько людей стремятся къ той же цѣли, что и ты, находятся съ тобой повидимому въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ какъ далекъ ты отъ нихъ и они отъ тебя.

— Да, тѣ люди, которые не представляютъ для насъ никакого интереса или равнодушно относятся къ намъ, но не друзья наши. Я настолько тщеславна, что рѣшаюсь причислять себя и моего дядю къ числу вашихъ друзей.

— Графъ Вольфсеггъ врядъ ли имѣетъ болѣе горячаго почитателя и преданнаго ученика, чѣмъ я, если только мнѣ дозволено будетъ выразиться такимъ образомъ. Но кто изъ насъ можетъ сказать, что вполнѣ знаетъ другаго человѣка и читаетъ въ его душѣ какъ въ своей собственной? Неужели я осмѣлюсь думать, что знаю вашего дядю и вполнѣ понялъ его? Не будетъ ли это такимъ же самообольщеніемъ какъ лепетъ ребенка, который воображаетъ, что онъ говоритъ, потому что чувствуетъ потребность сообщаться. А при такихъ условіяхъ возможна ли дружба въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее? Наконецъ, между мною и графомъ Вольфсеггъ, а также и вами, графиня, существуетъ цѣлая пропасть — разница нашего общественнаго положенія...

— Я назову вамъ другое лицо, гдѣ нѣтъ этой пропасти, какъ вы ее называете, и которое безгранично предано вамъ, какъ я имѣла случай убѣдиться въ этомъ... Неужели вы не считаете фрейлейнъ Армгартъ въ числѣ своихъ друзей!

— Вы были такъ добры графиня къ этой бѣдной дѣвушкѣ, отвѣтилъ Эгбертъ краснѣя и съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

Антуанета тотчасъ же замѣтила это и поспѣшила вывести изъ затрудненія своего собесѣдника.

— Да, я имѣла удовольствіе познакомиться съ нею сего дня утромъ, сказала она. Надѣюсь вы принесли ей хорошія извѣстія объ ея отцѣ?

Эгбертъ былъ въ нерѣшимости. Онъ не хотѣлъ лгать и въ то же время не считалъ себя въ правѣ выдать чужую тайну.

— Извините меня, сказала Антуанета, понявъ причину его молчанія. Я сдѣлала нелѣпый вопросъ.

— Я могу только сказать вамъ, что Армгартъ живъ, отвѣтилъ поспѣшно Эгбертъ, такъ какъ въ дверяхъ показалась величественная фигура графа Вольфсегга. Онъ искалъ Антуанету и увидя ее подозвалъ къ себѣ.

Эгбертъ послѣдовалъ за ними въ залъ, куда за минуту передъ тѣмъ вошелъ графъ Филиппъ Стадіонъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, аристократической наружности и съ самыми изящными манерами. Въ профиль онъ представлялъ поразительное сходство съ императоромъ Іосифомъ II; у него были тѣ же очертанія лица, тотъ-же блескъ голубыхъ глазъ и красивый, смѣло очерченный лобъ. Обойдя залу и поровнявшись съ Эгбертомъ графъ съ улыбкой подалъ ему руку и сказалъ:

— Позвольте еще разъ поблагодарить, васъ г-нъ Геймвальдъ; ваши догадки оказались совершенно справедливыми. Благодаря вамъ, намъ удалось во время принять мѣры и все уладить.

— Неужели? спросилъ съ сомнѣніемъ Вольфсеггъ, взявъ подъ руку графа Стадіона и отходя съ нимъ къ стѣнной нишѣ, гдѣ на порфировой подставкѣ стоялъ мраморный бюстъ Іосифа II, освѣщенный канделабрами.

— Все сдѣлано, насколько возможно было поправить ошибку, отвѣтилъ графъ Стадіонъ. По обыкновенію полиція явилась слишкомъ поздно. Эти господа говорятъ, что Цамбелли ускользнулъ какимъ то чудомъ, а я полагаю по ихъ небрежности. Мы вѣроятно ничего бы не узнали, если бы надворный совѣтникъ Брауликъ не обратилъ вниманія на продолжительный разговоръ вашего protegé съ секретаремъ французскаго посольства и не догадался привести ко мнѣ молодого человѣка.

— Какъ вы нашли Эгберта, ваше высокопревосходительство?

— Совершенно такъ, какъ вы мнѣ его описали. Это крайне увлекающійся и откровенный юноша. Только онъ показался мнѣ гораздо разсудительнѣе и проницательнѣе, нежели я ожидалъ. Лепикъ подъ вліяніемъ хмѣля немного проболтался принявъ Геймвальда за глуповатаго матушкинаго сынка. Геймвальдъ понялъ изъ его словъ, что проигрался не одинъ Лепикъ и что кто то изъ нашихъ оказался измѣнникомъ. Онъ подозрѣваетъ, что Цамбелли сообщена важная тайна.

— Пойманъ ли шевалье?

— Пока нѣтъ. Вѣроятно онъ выѣхалъ сегодня рано утромъ изъ Вѣны и ускакалъ въ Парижъ.

— Въ Парижъ?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ. Оттуда Цамбелли отправится въ Бургосъ или Мадритъ къ Наполеону. Бумага, которая въ его рукахъ, настолько важна, что онъ разумѣется употребитъ всѣ усилія чтобы передать ее въ руки самому императору.

— Слѣдовательно всѣ наши планы опять разрушены! сказалъ Вольфсеггъ.

Графъ Стадіонъ нахмурилъ брови.

— Я не придаю этому особеннаго значенія. Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ все равно узналъ бы объ этомъ. Вся Австрія и Германія наводнены его шпіонами. Я лично вѣрю въ фанатизмъ. Теперь дѣло идетъ о свободѣ Европы или всемірномъ владычествѣ единичной личности. Въ такой борьбѣ какой нибудь частный случай не имѣетъ никакого значенія. Кстати, я вамъ еще не сообщилъ какая именно бумага попала въ руки Цамбелли. Это шифрованное письмо къ Вессенбергу, нашему посланнику при прусскомъ дворѣ, въ которомъ я сообщалъ ему о нашихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, союзѣ съ Англіей и убѣждалъ его склонить Пруссію на нашу сторону, такъ какъ въ мартѣ будущаго года мы намѣрены выступить въ походъ.

— Это будутъ мартовскія Иды! На этотъ разъ мы увидимъ не паденіе цесаря, а смерть Брута.

— Трудно знать заранѣе будущее. Во всякомъ случаѣ Германія будетъ всегда тѣмъ же пугаломъ для Наполеона, какимъ былъ Прометей для Юпитера. Онъ могъ побѣдить насъ, пока мы дѣйствовали врозь, но теперь правительство, дворянство и народъ соединились воедино въ виду общей опасности. Но вы опечалены и въ дурномъ расположеніи духа; и потому придаете этому случаю больше значенія, чѣмъ бы слѣдовало.

— Не обращайте на это вниманіе, ваше высокопревосходительство. Къ несчастью я слишкомъ скоро поддаюсь первому впечатлѣнію! Это письмо вѣроятно было въ рукахъ Армгарта?

— Да, онъ долженъ былъ списать его, но вмѣсто одной онъ снялъ двѣ копіи. Одна изъ нихъ въ рукахъ Цамбелли и онъ отправился съ нею къ Наполеону въ надеждѣ, что наша полиція не успѣетъ его арестовать въ предѣлахъ Австріи. На всякій случай я отправилъ сегодня ночью курьера къ Меттерниху съ извѣстіемъ о случившемся. Ему прійдется заявить, что депеша подложная. Разумѣется этимъ дѣла не поправишь, но для насъ нѣтъ иного исхода. Все зависитъ отъ того положенія въ которомъ это извѣстіе застанетъ Наполеона. Если ему не удалось побить англичанъ и подавить возстаніе въ Испаніи, тогда...

— Не имѣете ли вы какихъ нибудь новыхъ извѣстій изъ Испаніи?

— Нѣтъ, до насъ дошли только слухи, что Бонапартъ перешелъ испанскую границу въ первыхъ числахъ этого мѣсяца и направился къ Бургосу. Но что намъ за дѣло до всего этого! Мы защищаемъ наше отечество, свободу и честь Германіи. Мы уже не можемъ отступить назадъ. Въ Австріи еще довольно людей и лошадей; достаточно одного мановенія мощной руки, чтобы изъ земли выросли вооруженные легіоны!

— Мощной руки! повторилъ многозначительно Вольфсеггъ.—Но развѣ можно ожидать чего либо подобнаго овъ императора Франца? Онъ всегда готовъ вести войну, но подъ условіемъ, что онъ останется

побѣдителемъ. Онъ не вынесетъ крупныхъ неудачъ; мы знаемъ это по Аустерлицу. Теперь онъ находится подъ вліяніемъ окружающихъ его лицъ—императрицы, васъ, ваше высокопревосходительство, эрцгерцога Максимиліана съ его жаждой воинской славы — вы всѣ влечете его за собой. Но долго ли это можетъ продолжаться? До перваго потеряннаго сраженія... Онъ скажетъ съ своей добродушной улыбкой свою обычную фразу: „ну, ну, мы все устроимъ" и помимо васъ заключитъ миръ во что бы то ни стало.

— Мы постараемся такъ обставить дѣло, чтобы онъ не могъ этого сдѣлать и чтобы его собственная честь удержала его отъ подобнаго мира.

— Честь! повторилъ Вольфсеггъ съ презрительной улыбкой.

— Вы несправедливы къ императору Францу и не можете простить ему, что онъ наполовину разрушилъ то, что сдѣлано его великимъ предшественникомъ, сказалъ графъ Стадіонъ, указывая на бюстъ Іосифа II. Ночныя птицы, какъ Тугутъ и Кобенцель изгнаны; для Австріи наступаетъ заря новаго дня. Наше государство чисто нѣмецкое; оно не будетъ принадлежать ни славянамъ, ни венгерцамъ. Если отдѣльныя провинціи во власти разныхъ племенъ, то все таки ими управляетъ рука нѣмца и нѣмецкій народъ нѣкогда покорилъ ихъ своей власти. Я ни минуты не отчаяваюсь въ будущности Австріи. Смотрите какъ измѣнилась Вѣна въ послѣднее время! Изъ празднаго города, утопающаго въ роскоши, она превратилась въ воинственный Иліонъ; всюду слышатся удары молотовъ, роботаютъ кузницы, всѣ вооружаются...

— Вотъ кажется вошелъ генералъ Андраши, сказалъ Вольфсеггъ.

— Да, это онъ. Маркиза разговариваетъ съ нимъ. Молодежь принялась за танцы. Пусть веселятся! Одно другому не мѣшаетъ! Я убѣжденъ, что стоитъ нашимъ войскамъ показаться въ Баваріи и Саксоніи и наступитъ конецъ этой постыдной комедіи или такъ называемому Рейнскому союзу. Исторія не представляетъ ничего подобнаго! Нѣмецкіе князья настолько унизились, что принимаютъ короны изъ рукъ Наполеона! Чѣмъ смоютъ они это пятно съ своихъ гербовъ? Теперь потерпимъ до весны. Когда разойдется ледъ на Дунаѣ, съ горъ потекутъ потоки въ долины, тогда мартовскій вѣтеръ охватитъ и сѣверную Германію. Въ Пруссіи также началось броженіе; ея лучшіе мужи: Шилль, Гнейзенау, Блюхеръ, Шарнгорстъ ожидаютъ нашего сигнала, а пока Меттернихъ будетъ упражняться въ дипломатическомъ искусствѣ и угощать французовъ всевозможными обѣщаніями.

— Но они скоро перестанутъ вѣрить имъ! отвѣтилъ Вольфсеггъ.

— Какъ хороша ваша племянница, замѣтилъ неожиданно Стадіонъ. — Какая грація и аристократическая легкость движеній! Она танцуетъ съ Геймвальдомъ. Вы не находите, графъ, что она слишкомъ дружелюбно обращается съ молодымъ бюргеромъ.

— Они познакомились у меня въ замкѣ...

— Я хочу послать письмо Меттерниху, въ которомъ думаю подробно описать наше положеніе и сообщить планъ дѣйствій. Разумѣется это письмо долженъ передать вѣрный человѣкъ, который не возбудилъ бы подозрѣній французской полиціи. Мнѣ пришелъ въ голову Геймвальдъ. Какъ вы думаете объ этомъ, графъ?

— Какое странное совпаденіе! Я самъ думалъ послать съ нимъ письмо въ Парижъ по дѣлу моей сестры. Эгбертъ богатъ и независимъ. Почему ему не съѣздить туда для своего удовольствія и образованія, и кстати передать наши два письма. Къ тому-же онъ такъ восхищается Наполеономъ.

— Наполеономъ!—повторилъ съ удивленіемъ графъ Стадіонъ.

— Да, онъ подобно многимъ нѣмцамъ представляетъ себѣ Бонапарта какимъ-то сказочнымъ богатыремъ. И не мудрено! Мы поклоняемся чужому величію, потому что большею частью насъ окружаютъ жалкія и ничтожныя личности. Во всякомъ случаѣ для насъ съ вами это обстоятельство представляетъ свои выгоды, потому что оно избавитъ Эгберта отъ всякихъ подозрѣній со стороны Фуше.

— Не возмете ли вы на себя переговорить объ этомъ съ молодымъ человѣкъ?

— Съ удовольствіемъ. Я завтра же поговорю съ нимъ.

— Благодарю васъ, мой милый графъ. Не смѣю задерживать васъ долѣе. Вернитесь къ своимъ гостямъ, а я долженъ отправиться домой чтобы покончить нѣкоторыя спѣшныя дѣла, сказалъ Стадіонъ дружески пожимая руку хозяину дома.

Графъ Вольфсеггъ проводивъ министра и возвратясь въ залу, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что его отсутствіе не помѣшало общему веселію. Онъ видѣлъ кругомъ себя сіяющія и оживленныя лица, слышалъ шумный говоръ и смѣхъ. Танцы почти не прекращались и даже Максъ Ауерспергъ, вѣчно занятый разговорами о политикѣ, обратился неожиданно въ неутомимаго танцора.

— Кузина, сказалъ онъ таинственно подмигивая Антуанетѣ,— танцовальное искусство и политика идутъ рука объ руку; я служу обоимъ.

— Берегись, Максъ, ты гонишься за двумя зайцами; ни одного не поймаешь, отвѣтила она ему съ улыбкой.

Одинъ Пухгеймъ не танцовалъ и ему не столько мѣшали годы, какъ его длинныя ноги и шлейфы дамъ.

— Полюбуйтесь на мою осторожность, сказалъ онъ, обращаясь къ Гуго, я бросилъ карты потому что играю слишкомъ счастливо и могу увлечься, не танцую, потому что разорвалъ бы цѣлую дюжину кружевныхъ оборокъ, не пускаюсь въ разговоры, чтобы не оскорбить ушей Андраши моимъ сквернымъ французскимъ языкомъ, такъ какъ черезъ это можетъ нарушиться Пресбургскій миръ. Говоря это баронъ невольно взглянулъ на Андраши и видѣлъ какъ тотъ отвелъ

въ сторону графа Вольфсегга и о чемъ то разговаривалъ съ нимъ. Графъ поблѣднѣлъ и пошатнувшись схватился за спинку кресла какъ будто боялся упасть въ обморокъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и лицо его опять приняло свое обычное спокойное выраженіе.

Остальные гости и даже обѣ хозяйки дома не замѣтили этого.

Нѣсколько минутъ спустя, графъ проходя мимо Антуанеты шепнулъ ей:

— Когда все кончится, приходи въ библіотеку; мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Наконецъ разъѣхались послѣдніе гости, слуги погасили свѣчи и въ домѣ наступила внезапно мертвая тишина. Антуанета сняла съ себя цвѣты и браслеты и накинувъ на голову бѣлый платокъ, пошла въ библіотеку. Здѣсь на столѣ горѣла одинокая лампа и только изрѣдка вспыхивали послѣдніе уголья въ каминѣ. Графъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что только тогда замѣтилъ Антуанету, когда она совсѣмъ близко подошла къ нему.

— Что съ вами дядя? Не случилось ли какого нибудь несчастья? спросила она блѣднѣя.

— Это ты Антуанета! Садись сюда, ты кажется озябла, сказалъ графъ, ласково усаживая ее въ кресло подлѣ камина и разводя огонь.— Что твой отецъ и мать легли или нѣтъ?

— Они теперь должно быть уже въ постели. Я простилась съ ними.

— Тѣмъ лучше. Значитъ они не помѣшаютъ намъ. Я знаю, что у тебя хватитъ мужества выслушать то, что я долженъ сказать тебѣ. Ты кажется не страдаешь нервами.

— Нѣтъ, отвѣтила она, не спуская съ него глазъ.

— Твой братъ пойманъ.

Антуанета вскрикнула и на минуту все помутилось въ ея глазахъ.

— Гдѣ? проговорила она съ усиліемъ.

— При стычкѣ въ замкѣ Леринъ двадцать седьмого октября. Андраши сообщилъ мнѣ сегодня эту новость, не знаю изъ состраданія или въ видѣ мщенія. Онъ передалъ мнѣ письмо твоего несчастнаго брата. Францъ навсегда прощается съ нами. Онъ пойманъ съ оружіемъ въ рукахъ! французъ на службѣ возставшей Испаніи...

— Вы мнѣ не все говорите, дядя... Онъ умеръ...

— Андраши увѣрялъ меня, что не имѣетъ дальнѣйшихъ извѣстій. Твой братъ посланъ въ главную квартиру короля Іосифа. Вліятельные испанцы заступились за него и черезъ посредство короля послано письмо къ Андраши. 5 ноября ждали Наполеона въ Виторію, а сегодня у насъ семнадцатое.

— Вы сами не вѣрите, дядя, что братъ живъ. Развѣ пощадитъ его убійца герцога Энгіенскаго? Жаль, что я женщина и могу только проливать о немъ безсильныя слезы.

— Онъ подвергнется военному суду какъ французъ, поднявшій

оружіе противъ императора Франціи. Приговоръ не трудно предвидѣть.

— Смерть! проговорила Антуанета чуть слышно.

Графъ опять началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—Бонапартъ не велитъ его разстрѣлять. Онъ не жаждетъ крови единичныхъ личностей и упивается ею только тогда, когда она течетъ потоками на полѣ битвы. Твоего брата вѣроятно сошлютъ на галеры.

— Гондревилля на галеры! воскликнула Антуанета.—Это хуже всякой смерти.

— У меня нѣтъ сына, я надѣялся, что онъ будетъ наслѣдникомъ моего имени и что я передамъ ему мой гербъ. Кто могъ ожидать такого исхода?

— Андраши не далъ вамъ никакого совѣта, относительно того, какъ облегчить участь моего несчастнаго брата?

— Онъ сказалъ, что просьба о помилованіи, поданная во время можетъ оказать свое дѣйствіе. Бонапартъ относится съ уваженіемъ къ представителямъ старинныхъ дворянскихъ родовъ Франціи.

— Что же вы отвѣтили Андраши?

— Я просилъ только его ходатайства за твоего несчастнаго брата у короля Іосифа. Что могъ я сказать ему кромѣ этого? Ты знаешь твой отецъ и мать скорѣе согласятся видѣть своего сына мертвымъ, чѣмъ склонить колѣно передъ узурпаторомъ, какъ они называютъ Бонапарта.

Антуанета поднялась съ мѣста. Платокъ упалъ съ ея головы; яркая краска выступила на ея щекахъ.

— Если они этого не хотятъ, то я пойду къ деспоту и потребую отъ него жизни и свободы брата.

— Моя дорогая, что это за фантазія! сказалъ графъ, не находя словъ къ дальнѣйшему противорѣчію, такъ какъ въ душѣ его мелькнула надежда на спасеніе несчастнаго юноши, котораго онъ любилъ какъ роднаго сына.

— На мнѣ не лежитъ никакого обязательства относительно Бурбоновъ, продолжала съ воодушевленіемъ Антуанета.—Мое имя не внесено въ число эмигрантовъ. Я могу безопасно вступить на французскую почву. Ничто не мѣшаетъ мнѣ найти доступъ къ императору. Я охотно преклоню передъ нимъ колѣна; онъ не прочтетъ на моемъ лицѣ ненависти къ нему. Что я скажу ему, я сама не знаю, но надежда спасти брата вдохновитъ меня... Если мнѣ не удастся умилосердить Бонапарта, то я чувствую въ себѣ достаточно мужества чтобы вынести его гнѣвъ...

Графъ молча обнялъ ее и прижалъ къ своему сердцу.

— Если кто можетъ еще спасти его, то это ты Антуанета, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Долго еще послѣ того сидѣлъ графъ съ своей племянницей у камина, обсуждая подробности путешествія и шансы успѣха.

Вольфсеггомъ руководило только одно стремленіе — надежда спасти своего любимца; но у Антуанеты къ этому мотиву примѣшивались и другія не менѣе сильныя побужденія. Вліяніе Цамбелли не прошло безслѣдно; въ ней опять заговорила жажда приключеній и болѣе широкой дѣятельности; также не послѣднюю роль играло честолюбивое желаніе заслужить похвалу и уваженіе дяди. Придуманный планъ могъ доставить ей возможность достигнуть всего этого.

Графъ Вольфсеггъ какъ бы для успокоенія своей совѣсти сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій, но настолько слабыхъ и неубѣдительныхъ, что Антуанета безъ труда опровергла всѣ его доводы.

Такимъ образомъ поѣздка въ Парижъ молодой графини была окончательно рѣшена.

ГЛАВА V.

Послѣ сильныхъ нравственныхъ потрясеній всегда наступаетъ пора тупого спокойствія и равнодушія. Магдалена и ея мать, опомнившись отъ перваго горя черезъ три дня настолько освоились съ своимъ несчастіемъ, что уже въ состояніи были приняться за свои обычныя занятія. Эгбертъ не сказалъ имъ, какъ ему удалось отыскать несчастнаго старика, но передалъ имъ отъ него небольшую записку, въ которой онъ умолялъ ихъ не наводить о немъ никакихъ справокъ и считать его умершимъ до болѣе счастливыхъ дней. Жена и дочь Армгарта безусловно подчинились этому желанію, зная, что слухи о немъ скорѣе затихнутъ и его убѣжище будетъ безопаснѣе, если онѣ будутъ вести себя такимъ образомъ, какъ будто онъ умеръ или пропалъ безъ вѣсти, потому что дѣлая попытки отыскать его, онѣ неизбѣжно наведутъ сыщиковъ на его слѣдъ.

Полиція больше не безпокоила ихъ ни обысками, ни допросами. Неизвѣстно были ли онѣ обязаны этимъ вліянію графа Вольфсегга или тому, что въ высшихъ сферахъ рѣшено было, что не стоитъ добиваться истины тамъ, гдѣ уже не было возможности что либо исправить или измѣнить. Могла тутъ дѣйствовать и боязнь со стороны полиціи, что если дѣло получитъ огласку, то могутъ открыться различныя злоупотребленія по управленію, какъ со стороны мелкихъ чиновниковъ, такъ и ихъ начальства. Такимъ образомъ по той или другой причинѣ общество осталось въ полномъ невѣдѣніи относительно подробностей происшествія въ гостинницѣ „Kugel“; говорили только, что Армгартъ проигралъ тамъ значительную сумму денегъ и пропалъ безъ вѣсти.

Нѣсколько дней спустя графъ Вольфсеггъ сдѣлалъ визитъ женѣ Армгарта и о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ ней втайнѣ отъ Магдалены, которая должна была удалиться въ это время изъ комнаты по его просьбѣ. Затѣмъ графъ прошелъ въ нижній этажъ къ Эгберту.

— Я только что былъ у г-жи Армгартъ и старался по возможности успокоить ее относительно послѣдствій поступка ея мужа, хотя несомнѣнно, что секретарь самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманулъ мое довѣріе. Еслибы ваша мать была жива, Эгбертъ, я не смѣлъ бы показаться ей на глаза. Привести въ ея домъ такого человѣка!...

— Не судите о немъ такъ строго, графъ. Не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ потерялъ голову, а тутъ подвернулся искуситель.

— Да, Цамбелли можетъ всякаго обольстить своимъ дьявольскимъ краснорѣчіемъ.

— Я не на шутку испугался, сказалъ Эгбертъ, когда узналъ, что въ мое отсутствіе шевалье былъ у секретаря и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Я сознаю, что не имѣю права относиться съ такою непріязнью къ человѣку, который не сдѣлалъ мнѣ никакого зла, но не въ силахъ преодолѣть себя. Я чувствую какое-то странное безпокойство когда встрѣчаюсь съ нимъ.

— А я такъ вполнѣ убѣжденъ, что человѣкъ не только въ правѣ, но и долженъ до извѣстной степени руководствоваться своими симпатіями и антипатіями въ сношеніяхъ съ людьми, такъ какъ онѣ рѣдко обманываютъ насъ.

— Но тогда разумъ уже не будетъ играть никакой роли въ нашей жизни. Въ подтвержденіе этого я приведу вамъ примѣръ, изъ котораго можно ясно видѣть, до какихъ абсурдовъ мы можемъ дойти подъ вліяніемъ антипатіи. Шевалье произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе съ самаго перваго момента нашей встрѣчи и я, не имѣя никакихъ данныхъ, кромѣ мелочныхъ фактовъ, которые я произвольно истолковалъ въ извѣстномъ смыслѣ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что этотъ человѣкъ тѣмъ или другимъ способомъ причастенъ къ убійству и ограбленію Жана Бурдона. Я теперь съ ужасомъ вспоминаю объ этомъ и далъ себѣ слово не поддаваться болѣе моимъ личнымъ ощущеніямъ, не провѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ.

Но графъ къ удивленію Эгберта спокойно выслушалъ его.

— У васъ слишкомъ мягкое сердце, мой милый другъ, сказалъ онъ. — Вы напрасно упрекаете себя; ваше подозрѣніе раздѣляютъ и другіе люди. Баронъ Пухгеймъ и я самъ почти убѣждены въ этомъ.

— Вы графъ! воскликнулъ Эгбертъ, а этотъ крестьянинъ?...

— Флоріанъ давно выпущенъ изъ тюрьмы. Онъ дѣйствительно нашелъ въ полѣ красный шелковый кошелекъ Бурдона. Убійцамъ вѣроятно не нужна была горсть золотыхъ; они удержали письма и бумаги, а кошелекъ бросили. Весьма вѣроятно, что это сдѣлалъ Цам-

белли, если онъ участвовалъ въ убійствѣ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе.

— Почему вы не заявили объ этомъ на судѣ?

— Потому, мой дорогой Эгбертъ, что предположенія въ такихъ дѣлахъ не имѣютъ никакого значенія. Жанъ Бурдонъ сдѣлался жертвой великой борьбы, которую Наполеонъ ведетъ противъ цѣлой Европы, не онъ первый и не онъ послѣдній. Цамбелли въ данномъ случаѣ хотѣлъ прислужиться французскому правительству. Счастье Бонапарта научило его не пренебрегать никакими средствами для достиженія цѣли.

— Не имѣете ли вы графъ, какихъ нибудь извѣстій о сынѣ несчастнаго Бурдона? спросилъ Эгбертъ, чтобы перемѣнить тему разговора, такъ какъ не хотѣлъ возобновлять старыхъ споровъ о политикѣ.

— Нѣтъ, онъ не отвѣтилъ мнѣ на письмо, въ которомъ я подробно сообщалъ ему о смерти его отца. Я даже не знаю получилъ ли онъ это письмо; французская почта вскрываетъ всѣ письма, адресованныя изъ Австріи въ Парижъ. Впрочемъ я скоро надѣюсь получить относительно этого самыя точныя свѣдѣнія, потому что на дняхъ моя племянница ѣдетъ въ Парижъ.

— Графиня Антуанета!

— Да, представился очень удобный случай; графъ и графиня Сандоръ думаютъ провести цѣлый мѣсяцъ во французской столицѣ. Они убѣдили Антуанету ѣхать съ ними. Это будетъ для нея очень пріятнымъ развлеченіемъ. Я охотно дамъ свое согласіе, тѣмъ болѣе что ея отецъ маркизъ давно желалъ чтобы она познакомилась съ его родными, которые остались во Франціи. Жаль, что я не могу сопутствовать ей... Вы какъ будто хотѣли что-то сказать, Эгбертъ. Говорите прямо не стѣсняйтесь.

— Нѣтъ, графъ. Я считаю неумѣстнымъ высказывать мое мнѣніе въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что вопросъ рѣшенъ вами въ извѣстномъ смыслѣ.

— Это уже излишняя скромность съ вашей стороны, Эгбертъ. Вы вѣроятно думаете, что я не выношу противорѣчій.

— Мнѣ пришло въ голову, что графиня предпринимаетъ поѣздку въ Парижъ въ такое время, когда судя по слухамъ готовится новая война между Австріей и Франціей.

— Не всѣ грозы кончаются громомъ, молніей и ливнями. Мы, австрійцы, недовольны послѣднимъ миромъ, но нашъ голосъ потерялъ значеніе въ Европѣ. Бонапартъ въ настоящій моментъ сражается въ Испаніи съ шайками инсургентовъ и англичанами. Онъ на время забылъ о нашемъ существованіи. Наконецъ времена варварства давно прошли; теперь правила гостепріимства соблюдаются даже въ непріятельской странѣ во время войны. Тутъ представляется опасность совершенно иного рода. Молодая дѣвушка очутится совсѣмъ

одна въ чужомъ городѣ, потому что графъ Сандоръ старикъ любящій спокойствіе больше всего на свѣтѣ. Его нельзя считать вѣрной опорой для Антуанеты; родственниковъ маркиза я также слишкомъ мало знаю... Вотъ, если бы вы собрались въ Парижъ? помните мы какъ-то разъ говорили съ вами объ этомъ, я былъ бы тогда совершенно спокоенъ...

Эгбертъ измѣнился въ лицѣ.

— Да, графъ, это была заманчивая, но неосуществимая мечта, отвѣтилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Почему вы называете это мечтой! Кстати, скажите пожалуйста не посылалъ ли за вами графъ Стадіонъ? Если нѣтъ, то будьте готовы къ этому. Вы произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе; ему особенно понравилось въ васъ отсутсвіе политическихъ тенденцій.

— Я напротивъ того думалъ, что это должно оттолкнуть его отъ меня. Государству нужны головы и руки, которыми оно могло бы распоряжаться по своему усмотрѣнію, а я слишкомъ своеволенъ и чуждъ всякаго честолюбія, чтобы сдѣлаться двигателемъ хотя бы самаго малаго колеса въ государственной машинѣ.

— Вы смотрите на государство съ крайне узкой точки зрѣнія и въ этомъ ваша главная ошибка, мой дорогой Эгбертъ. Государству нужны всякіе люди и бываютъ моменты, гдѣ идеалисты и мечтатели, эти безкорыстные рыцари правды и свободы могутъ принести больше пользы, чѣмъ слѣпые исполнители чужой воли. Вы нужны министру въ этомъ смыслѣ; онъ хочетъ воспользоваться вашимъ умомъ и способностями для общественнаго блага, не стѣсняя ни въ чемъ вашей свободы и не нарушая гармоніи вашего внутренняго міра.

— Что же я долженъ дѣлать? спросилъ Эгбертъ.

— Не пугайтесь, отвѣтилъ съ улыбкой графъ Вольфсеггъ; у васъ такое встревоженное лицо какъ будто отъ васъ требуютъ чтобы вы совершили какое нибудь ужасное преступленіе. Для вашего успокоенія я сообщу вамъ по секрету въ чемъ дѣло. Вы должны избавить министра отъ посылки курьера съ письмомъ къ Меттерниху. Если вы поѣдете въ Парижъ, то вамъ не будетъ стоить никакого труда передать письмо, тѣмъ болѣе, что оно не спѣшное. Графъ Стадіонъ хочетъ также предостеречь посланника отъ шевалье Цамбелли и думаетъ поручить это вамъ, человѣку, на вѣрность и честь котораго онъ можетъ вполнѣ разсчитывать.

— Но я не знаю, на сколько я буду въ состояніи выполнить это, отвѣтилъ нерѣшительно Эгбертъ.

— Не торопитесь возражать мнѣ, продолжалъ графъ. Если по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ вы прійдете къ заключенію, что принуждены отказаться отъ такого почетнаго предложенія то вы должны заранѣе сказать мнѣ это, чтобы я успѣлъ предупредить министра и избавить его отъ напрасной просьбы, а васъ отъ

необходимости отказать ему. Важные господа не любятъ когда имъ противорѣчатъ и вы черезъ это могли бы очутиться въ крайне неловкомъ положеніи.

— Я не знаю какъ благодарить васъ, графъ, за вашу дружбу ко мнѣ и считаю себя счастливымъ, что имѣю такого руководителя въ жизни. Но горе Телемаку если онъ разстанется съ Менторомъ и будетъ предоставленъ самому себѣ.

— Или другими словами, вы уѣдете въ Парижъ, Эгбертъ. Неужели вы не чувствуете въ себѣ на столько силы чтобы обойтись безъ чужихъ совѣтовъ и помощи? Спотыкаясь и падая, дитя наконецъ научается ходить. Вамъ предстоитъ сдѣлать поѣздку, которая была бы полезна для васъ во всѣхъ отношеніяхъ; и вы не можете отрицать это. Я воображаю себѣ радость Антуанеты, если бы я сказалъ ей: ты не будешь одинока и беззащитна въ огромномъ городѣ; ты встрѣтишь тамъ вѣрнаго и преданнаго друга.

— Я всегда готовъ служить вамъ, графъ; но дѣйствительно ли я могу быть полезенъ графинѣ Антуанетѣ въ Парижѣ?

— Болѣе, нежели вы предполагаете, отвѣтилъ графъ, видя что Эгбертъ начинаетъ колебаться. Пока Жанъ Бурдонъ былъ живъ, мой зять маркизъ, считалъ себя законнымъ владѣтелемъ своихъ помѣстій въ Лотарингіи, потому что Бурдонъ скупилъ ихъ на свое имя во время террора на деньги моего покойнаго отца. Мы не знаемъ оставилъ ли Бурдонъ какое нибудь завѣщаніе и какъ поступитъ въ настоящемъ случаѣ его сынъ и единственный наслѣдникъ. Необходимо привести въ ясность и устроить это дѣло. Я не считаю Антуанету особенно способной вести его. Въ ея жилахъ течетъ дворянская кровь, къ тому же она женщина и легко поддается минутному расположенію духа. Между тѣмъ, какъ ваше посредничество принесло бы несравненно больше пользы.

— Но молодой Бурдонъ не знаетъ меня и вѣроятно никогда не слыхалъ моего имени?

— Развѣ не достаточно, что вы были при послѣднихъ минутахъ его отца и передадите ему поклонъ умирающаго? Вы оказали ему самую большую услугу, какую только человѣкъ можетъ оказать другому. Если бы вы даже не сошлись характерами и образомъ мыслей, то судьба настолько сблизила васъ, что это должно повліять на ваши взаимныя отношенія. Веньяминъ Бурдонъ не можетъ забыть, что вы исполнили обязанность сына при его отцѣ.

— Вы разбили меня на всѣхъ пунктахъ, графъ. Я готовъ взять на себя хлопоты по дѣлу маркиза Гондревилля и постараюсь оправдать ваше довѣріе. Вамъ же вѣроятно обязанъ я и тѣмъ хорошимъ мнѣніемъ, которое составилъ себѣ обо мнѣ министръ... Поѣздка въ Парижъ представляется мнѣ крайне заманчивою; но я не знаю въ правѣ ли я отказаться отъ исполненія моихъ прямыхъ обязанностей!...

— Что вы называете своими прямыми обязанностями? Вѣроятно хлопоты по хозяйству, постройки въ Гицингѣ?...

— Нѣтъ, графъ. Въ случаѣ крайности я могу поручить это Гуго или моему управляющему. Но меня заботятъ Армгарты. Могу ли я покинуть ихъ въ горѣ и одиночествѣ? Не мало всякихъ огорченій ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Кто поручится, что злые языки, замолкнувъ на время, не примутся опять за несчастнаго Армгарта? Ваша доброта и дружба, графъ, для бѣдныхъ женщинъ все равно что рѣдкій солнечный лучъ въ позднюю осень. Нужно, чтобы кто-нибудь заботился о нихъ изо-дня въ день и ограждалъ ихъ отъ огорченій и непріятностей, а это возможно только при совмѣстной жизни. Эта обязанность лежитъ на мнѣ болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ.

— Но вы не должны преувеличивать этой обязанности, мой дорогой стоикъ. Врядъ ли вторично вы будете имѣть случай быть представленнымъ французскому императору.

— Я могу поклоняться великому человѣку на почтительномъ отдаленіи.

— Это вы говорите теперь, а потомъ будете обвинять себя за недостатокъ мужества. Въ умѣніи уравновѣсить долгъ съ наслажденіемъ заключается вся житейская мудрость. Предоставьте человѣку старѣе и опытнѣе васъ устроить все это. Вы знаете, что я принимаю самое живое участіе въ Магд... въ Армгартахъ. Лени моя крестница. Будьте покойны; я съумѣю оградить ихъ отъ непріятностей и не дамъ ихъ въ обиду. Кромѣ того въ вашемъ домѣ останется г-нъ Шпрингъ, человѣкъ знающій свѣтъ и людей... или быть можетъ онъ кажется вамъ слишкомъ опаснымъ? добавилъ графъ съ улыбкой.

— Опаснымъ! повторилъ Эгбертъ, который не понялъ намека.

— Мы вообще не охотно повѣряемъ нашимъ пріятелямъ своихъ пріятельницъ. Простите меня, что я осмѣлился заговорить объ этомъ. Не въ моихъ правахъ заглядывать въ чужую душу, но меня оправдываетъ то участіе, которое я принимаю въ вашей судьбѣ. Вы вѣдь не чувствуете ненависти къ Лени?

— За что мнѣ ненавидѣть ее? Я люблю ее не меньше родной сестры.

— Неужели вы никогда не задавали себѣ вопроса о томъ, что вы почувствуете, если ее отниметъ у васъ другой человѣкъ? Всѣ шансы вѣроятія за то, что Магдалена когда-нибудь выйдетъ замужъ за васъ или кого-нибудь другого... Вотъ вы уже покраснѣли, какъ робкая дѣвушка!..

У Эгберта захватило дыханіе.

— Вы ошибаетесь, хотѣлъ онъ сказать,—Магдалена для меня не болѣе какъ сестра, я никогда не буду въ состояніи любить ее инымъ способомъ... Я люблю другую женщину, но не смѣю произнести ея имя...

— Что же вы молчите? продолжалъ графъ.—Надѣюсь я не оскор-

билъ васъ вмѣшательствомъ въ ваши дѣла. Я хотѣлъ только сказать, что г-нъ Шрингъ...

— Прошу васъ графъ, Гуго мой пріятель и я вполнѣ довѣряю ему.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, сказалъ поспѣшно графъ, замѣтивъ, что слова его непріятно подѣйствовали на Эгберта. Все это одни предположенія. Лени не такая дѣвушка чтобы позволила ухаживать за собою. Г-нъ Шпрингъ можетъ повременить съ своимъ вступленіемъ на сцену до вашего возвращенія изъ Парижа, тѣмъ болѣе что Лобковичъ сказалъ мнѣ, что въ настоящее время нѣтъ вакантнаго мѣста на придворной сценѣ. Актеру не годится жить въ одномъ домѣ съ двумя одинокими женщинами. Это дастъ пищу злымъ языкамъ. Что же касается секретаря...

— Гуго все знаетъ, потому что онъ спасъ его.

— Тѣмъ лучше. Значитъ мнѣ остается только благословить васъ въ дорогу, сказалъ графъ шутливымъ тономъ, стараясь скрыть свое волненіе.

Онъ поднялся съ своего мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, опять подошелъ къ Эгберту и сказалъ ему:

— Когда вы будете въ Парижѣ, то несомнѣнно встрѣтите шевалье Цамбелли въ Сенъ-Клу.

— Я желалъ бы никогда больше не видѣть его.

— Но это не удастся вамъ. Онъ не отстанетъ отъ васъ и Антуанеты. Васъ онъ боится, а на ней думаетъ жениться, зная, что она богатая и единственная наслѣдница Гондревиллей и Вольфсеггъ.

— Вы говорите, единственная наслѣдница; а братъ графини?

— Мой племянникъ Францъ солдатъ. Въ нынѣшнія безпокойныя времена ему не миновать пули, сказалъ графъ взволнованнымъ голосомъ, но вслѣдъ затѣмъ какъ будто вспомнивъ что-то, онъ съ живостью спросилъ Эгберта:

— Какъ вы думаете, выдалъ ли Армгартъ однѣ только государственныя тайны или сообщилъ и нѣчто другое?

Эгбертъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на графа.

— Мнѣ кажется невѣроятнымъ, сказалъ онъ, чтобы Цамбелли могъ интересоваться семейными тайнами постороннихъ ему людей.

— Онъ видѣлъ Магдалену... Кто знаетъ... Но это опять одни только предположенія, о которыхъ не стоитъ распространяться... Я еще хотѣлъ сказать вамъ, что если случай сведетъ васъ съ знаменитой пѣвицей Дешанъ, постарайтесь сойтись съ ней; это знакомство можетъ пригодиться вамъ, да и мнѣ было бы интересно узнать нѣкоторыя подробности объ ея теперешней жизни... Однако, какъ я засидѣлся у васъ! Надѣюсь, что вы теперь не откажетесь отъ порученія миристра... До свиданія.

Графъ пожалъ руку Эгберту и направился къ двери, но на порогѣ опять остановился.

— Вы еще зайдете ко мнѣ передъ отъѣздомъ, сказалъ онъ. Знаете ли какая мысль пришла мнѣ въ голову? Вернетесь ли вы изъ города Люцифера неподкупнымъ и вѣрнымъ сыномъ Германіи или сдѣлаетесь рабомъ могущественнаго императора подъ обаяніемъ его обманчиваго блеска?

— Я никогда не измѣню ни моему отечеству, ни долгу, съ увѣренностью отвѣтилъ Эгбертъ.

— Давай Богъ! сказалъ графъ, обнимая его.

Эгбертъ, оставшись одинъ долго не могъ прійти въ себя отъ разнообразныхъ чувствъ и мыслей волновавшихъ его. Онъ поѣдетъ въ Парижъ съ порученіемъ отъ министра. Графъ просилъ его заботиться объ Антуанетѣ: онъ будетъ часто видѣть ее; слышать ея голосъ... У него захватывало дыханіе отъ полноты счастья. Но вскорѣ на него напало раздумье. Вольфсеггъ и министръ повидимому возлагали на него большія надежды. Но удастся ли ему выполнить хотя десятую долю того, что они ожидали отъ него? Онъ не имѣлъ никакого понятія о дипломатическихъ сношеніяхъ и обычаяхъ. Всего вѣроятнѣе что его постигнетъ полная неудача: въ одномъ случаѣ ему помѣшаетъ неопытность и излишняя застѣнчивость; въ другомъ—онъ можетъ все испортить, поддавшись увлеченію. Противовѣсомъ всему этому являлось только желаніе оправдать съ одной стороны довѣріе двухъ уважаемыхъ имъ людей, а съ другой заслужить похвалу графа Вольфсеггъ. Къ счастью еще Гуго не было дома. Какъ бы онъ сталъ издѣваться надъ своимъ пріятелемъ! Какой ты чудакъ Эгбертъ! сказалъ бы онъ ему. Можетъ ли быть что нибудь смѣшнѣе твоихъ опасеній. Въ былыя времена ты считалъ себя счастливымъ, если могъ издали взглянуть на Антуанету, а теперь представляется случай не только видѣть ее, но говорить съ нею и быть ея руководителемъ и защитникомъ, а ты еще колеблешься!

Тѣмъ не менѣе Эгбертъ чувствовалъ непреодолимую потребность переговорить съ подругой своей ранней юности, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на предполагаемую поѣздку. Хотя онъ зналъ, что его признаніе глубоко огорчитъ ее, но эгоистически расчитывалъ на ея самоотверженіе въ томъ убѣжденіи, что у ней достанетъ силы воли чтобы совладать съ собой и высказать свое мнѣніе руководствуясь только его пользой. Не разъ уже онъ имѣлъ случай испытать практичность ея совѣтовъ, потому что Магдалена при своемъ ясномъ и трезвомъ умѣ лучше его умѣла понять сущность дѣла, взвѣсить его дурныя и хорошія стороны.

Онъ засталъ Магдалену печальною и разстроенною. Г-жа Армгартъ, поздоровавшись съ нимъ тотчасъ-же ушла подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, чтобы не мѣшать разговору молодыхъ людей своимъ присутствіемъ.

— Кажется графъ также былъ у васъ, сказала Магдалена. Я не знаю, что онъ сказалъ матери, но онъ привелъ ее въ наилучшее

настроеніе духа. Дѣйствительно въ его обхожденіи столько привлекательнаго, что въ его присутствіи трудно чувствовать себя несчастнымъ.

— Да, я не встрѣчалъ человѣка лучше и добрѣе его, отвѣтилъ Эгбертъ. Я еще больше убѣдился въ этомъ послѣ сегодняшняго разговора.

— Но отчего-же у васъ такой видъ, какъ будто бы чѣмъ-то озабочены или недовольны?

— Потому что я въ нерѣшимости и не знаю принять ли то предложеніе, которое мнѣ дѣлаютъ или отказаться отъ него? Да, фрейлейнъ, я пришелъ къ вамъ за совѣтомъ. Мы пережили съ вами не мало тяжелыхъ дней, перешли не одну гору рука объ руку.

— А что намъ опять предстоитъ гора? спросила она съ улыбкой, хотя торжественный тонъ его рѣчи смутилъ ее; и сердце ея сжалось отъ боязливаго предчувствія чего-то недобраго.

— Да, и на этотъ разъ гора отвѣснѣе и недоступнѣе, чѣмъ когда либо, отвѣтилъ Эгбертъ и разсказалъ о предложеніи, которое ему сдѣлалъ графъ, надеждахъ и опасеніяхъ, связанныхъ съ его поѣздкой въ Парижъ.

Эгбертъ говорилъ гладко, безъ всякой запинки, самъ удивляясь своему краснорѣчію. Онъ не могъ дать себѣ отчета происходило-ли это оттого, что ему приходилось высказывать завѣтныя желанія своего сердца или на него имѣло вліяніе выраженіе неподдѣльной радости, съ которымъ слушала его Магдалена и, которое ясно выразилось на ея лицѣ.

Могла ли она въ первый моментъ отнестись иначе, къ тому, что онъ сообщилъ ей. Она видѣла, что достоинства любимаго ею человѣка оцѣнены людьми, которые пользовались общимъ уваженіемъ. Воображеніе рисовало ей блестящую будущность ея дорогаго Эгберта и она представляла себѣ тотъ моментъ, когда встрѣтитъ его, какъ героя и побѣдителя. Ея хорошенькое лицо такъ сіяло, какъ будто бы уже наступила пора увѣнчать его лаврами. Даже образъ молодой графини не безпокоилъ ее; онъ имѣлъ для нея значеніе какой-то богини покровительницы на его пути къ славѣ.

— Поѣзжайте Эгбертъ, сказала она въ порывѣ своего безкорыстнаго увлеченія. Ваши блестящія способности не должны оставаться безъ примѣненія. Я не знаю къ какому дѣлу призываетъ васъ графъ Стадіонъ, но убѣждена, что оно важное, потому что иначе графъ Вольфсеггъ не хлопоталъ бы такъ о вашей поѣздкѣ.

— Я долженъ только исполнить обязанность простого курьера, моя дорогая Магдалена.

— Не унижайте дѣла, которое возлагаетъ на васъ министръ для блага нашего отечества. Да, вы должны бѣжать, Эгбертъ, отъ этой мелочной жизни, которая постепенно затягиваетъ васъ, какъ болотная тина.

— И разстаться съ вами, Магдалена! Неужели мы должны искупить всякое счастье тяжелой жертвой?

— Стоитъ ли говорить объ этомъ, сказала она съ грустною улыбкой.—Можетъ ли болтовня глупой дѣвушки замѣнить тѣ впечатлѣнія которыя ждутъ васъ. Я заранѣе радуюсь вашимъ письмамъ. Вы будете иногда вспоминать обо мнѣ и быть можетъ будутъ минуты, когда вы пожалѣете, что Лени не можетъ видѣть съ вами грандіозное великолѣпіе знаменитаго города. Передъ вами раскроется новый міръ; вы увидите улицы и площади, которыя были свидѣтелями великихъ событій и ужасающихъ сценъ. Я помню, какъ вы поблѣднѣли и вскочили съ мѣста, когда мой бѣдный отецъ описывалъ намъ взятіе Бастильи и приступъ къ Версалю...

— Все это очень заманчиво, но меня безпокоитъ, какъ вы будете жить здѣсь однѣ съ матерью. Вы знаете, какъ я преданъ вамъ...

— Ужъ не хотите ли вы убѣждать меня въ искренности вашей дружбы къ намъ?...

— Да, моя милая Магдалена, у васъ нѣтъ болѣе вѣрнаго друга, какъ я.

Задушевный взглядъ ея добрыхъ глазъ вознаградилъ его за увѣренія; хотя въ нихъ звучала фальшивая нота, но она слишкомъ любила его чтобы замѣтить ее.

Ей не трудно было уговорить Эгберта, у котораго ни въ складѣ ума, ни въ характерѣ не было почвы для противодѣйствія, тѣмъ болѣе, что ея совѣты совпадали съ его желаніями. Высокое мнѣніе, которое она имѣла о немъ, льстило его самолюбію; онъ чувствовалъ какъ мало по малу исчезала въ немъ послѣдняя тѣнь сомнѣній и боязни тѣхъ препятствій, которыя были навѣяны его собственными мудрствованіями.

Вошла Кристель и обратилась къ Магдаленѣ съ какимъ то вопросомъ; разговоръ перешелъ на практическую почву. Эгбертъ долженъ былъ сдѣлать разныя распоряженія по хозяйству, такъ какъ не зналъ сколько времени можетъ продлиться его отсутствіе. И здѣсь Магдалена была для него неоцѣненной помощницей въ смыслѣ добраго совѣта. Когда зашла рѣчь о водвореніи Гуго въ домѣ въ качествѣ хозяина, Магдалена нѣсколько разъ разсмѣшила Эгберта своими шутками и замѣчаніями. Она предложила ему дать своему пріятелю формальную довѣренность на управленіе домомъ, а затѣмъ начала серьозно увѣрять его, что нужно отстранить Гуго отъ всякихъ хлопотъ, потому что бездѣлье его призваніе.

— Напрасно говорятъ, добавила она,—что праздность мать всѣхъ пороковъ: она напротивъ того начало всѣхъ искусствъ и поэзіи и я вполнѣ понимаю почему г. Шпрингъ такъ предается ей.

Бѣдная Магдалена шутками и смѣхомъ думала заглушить глубокую тоску, которая все болѣе и болѣе охватывало ея сердце.

— Однако мы упустили еще одно обстоятельство, сказалъ Эгбертъ,—г. Шпрингъ можетъ влюбиться въ фрелейнъ Армгартъ.

— Какъ Голо въ Женевьеву! Но я не позволю запереть себя въ

башню. Вдобавокъ у меня нѣтъ такого ревниваго супруга, какъ пфальцграфъ, который не справедливо приговорилъ бы меня къ смерти. Вы этого не сдѣлаете, Эгбертъ, вы слишкомъ добры.

— Ревность ослѣпила бѣднаго пфальцграфа; онъ повѣрилъ коварному другу, который изъ мести оклеветалъ Женевьеву.

— Ревность, повторила Магдалена. — Неужели женщины такъ легкомысленны, что къ нимъ нельзя имѣть никакого довѣрія?

— Въ большинствѣ случаевъ. Очень мало женщинъ остаются вѣрными своему долгу.

— Вѣроятно этого бы не было, еслибы мужчины показывали намъ хорошій примѣръ. Бѣдную Женевьеву отправили въ лѣсъ на вѣрную смерть, но исторія умалчиваетъ, соблюдалъ-ли пфальцграфъ супружескую вѣрность въ лагерѣ...

Магдалена остановилась. Старая исторія о несчастной супругѣ пфальцграфа представляла много общаго съ ея настоящимъ положеніемъ.

Эгбертъ уѣзжалъ на чужбину въ соблазнительный городъ сиренъ и оставлялъ ее на попеченіе своего друга. Она знала, что не измѣнитъ ему; но останется ли его любовь такой же сильной и неприкосновенной?... Но развѣ знала она, что Эгбертъ любитъ ее! Откуда могла явиться такая увѣренность? Можно ли назвать любовью его дружелюбное и спокойное отношеніе къ ней? Точно также сталъ бы онъ относиться къ своей родной сестрѣ. Съ замираніемъ сердца ожидала она его отвѣта, который могъ помочь ей рѣшенію загадки, ставшей для нея вопросомъ жизни.

— Графъ не приговорилъ бы свою жену къ смерти, еслибы не имѣлъ чистой совѣсти, сказалъ Эгбертъ.

— Вы заступаетесь за него...

— Потому что на его мѣстѣ я бы никогда не измѣнилъ Женевьевѣ.

— Правда ли это, Эгбертъ?

— Моя дорогая Магдалена!...

Она поднялась съ своего мѣста; слезы подступили къ ея глазамъ; она едва не зарыдала отъ мысли, что должна разстаться съ нимъ.

Молча подошла она къ фортепіано и открыла его. Сначала пальцы ея медленно перебирали клавиши, но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и задушевнѣе становилась ея игра. Она играла одну изъ сонатъ Гайдена, которыя она и Эгбертъ предпочитали модной и глубокомысленной музыкѣ Бетховена. Эгбертъ стоялъ за ея стуломъ и машинально смотрѣлъ на быстрыя движенія ея красивыхъ розовыхъ пальцевъ. Сколько разъ стоялъ онъ такимъ образомъ за ея стуломъ и переворачивалъ листы нотъ. Но сегодня онъ былъ избавленъ отъ этой обязанности, потому что она играла на память. Вся душа Магдалены выливалась въ мелодическихъ звукахъ сонаты; понимаетъ ли онъ этотъ языкъ и

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.